

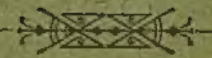
Собраніе статей

Владиміра Андреевича

Грингмута

Политическія статьи.

Выпускъ I.

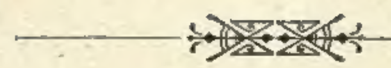
Москва.
1908.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

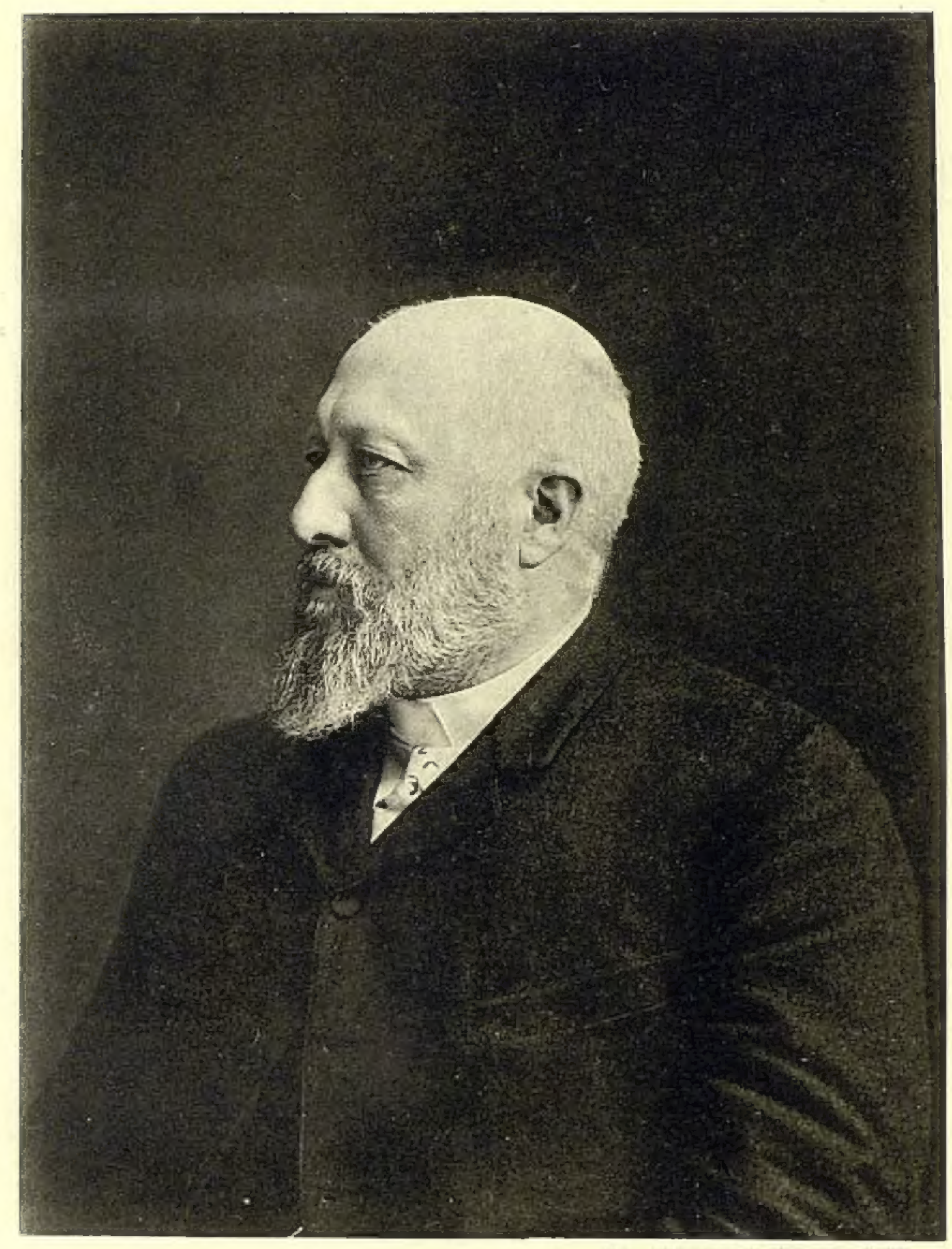
В. А. Грингмута.

1896—1907.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1908.

2007044872

Фот. Шереръ, Набгольцъ и Ко.,

В Грингмутъ

ОТДѢЛЪ I.

Политическія статьи.

ПЕРВАЯ ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ.

Отъ новаго редактора.

Приступая съ 1 января 1897 года къ завѣдыванію изданіемъ и редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, нижеподписавшійся уже нынѣ, съ декабря мѣсяца, принялъ на себя редакціонныя обязанности, дабы должнымъ образомъ подготовить себя къ тому многообразному и отвѣтственному труду, который ему предстоитъ съ будущаго года и дабы постепенно вводить въ содержаніе газеты дальнѣйшія усовершенствованія, соотвѣтствующія ея достоинству и значенію.

Измѣненія эти, само собой разумѣется, отнюдь не будутъ касаться той ясной, опредѣленной политической программы, которую завѣщалъ своимъ преемникамъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, прозрѣвшій уже съ начала шестидесятыхъ годовъ тотъ идеалъ Русскаго Самодержавія, который съ такимъ величіемъ воплотилъ въ Себѣ въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III. Держаться программы Каткова значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ хранить святые завѣты Царя-Самодержца, избавившаго Россію отъ пучины безславія, призвавшаго къ новой жизни всѣ ея духовныя и физическія силы и возвысившаго ее до подобающаго ей міроваго значенія. Нѣтъ высшей награды для Русскаго человѣка какъ всецѣло посвятить себя служенію этимъ идеаламъ и быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, Который и самъ провозгласилъ эти идеалы дорогимъ для Себя завѣтомъ.

Но служба эта возлагаетъ на несущаго ее серіозныя обязанности, такъ какъ ее приходится нести не только на томъ отвѣтственномъ посту, который впервые въ Россіи создалъ для государственнаго служенія М. Н. Катковъ, но и сообразно съ тою великою идеей этого служенія, которую онъ заповѣдалъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, къ числу которыхъ имѣлъ великую честь принадлежать и пишущій эти строки. Право пользоваться такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ печатное слово, мыслимо лишь въ неразрывной связи съ серіознымъ долгомъ никогда не злоупотреблять этимъ правомъ для какихъ-либо личныхъ цѣлей, всегда имѣть въ виду одни лишь высшіе интересы Отечества, быть далекимъ отъ всякаго самомнѣнія, но, ясно сознавая свои убѣжденія, отстаивать ихъ съ твердою рѣшимостью, по мѣрѣ своихъ силъ, служа своему Царю вѣрой и правдой.

Трудная задача, выпавшая на долю новаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, облегчается тѣмъ, что онъ находитъ въ личномъ составѣ редакціи старыхъ товарищей своихъ, которые большею частью выбраны были еще самимъ М. Н. Катковымъ и послѣ его смерти все время не отступали отъ намѣченнаго имъ прямаго, яснаго пути. Къ этому ядру испытанныхъ борцовъ присоединились и еще присоединятся новыя силы, столь же твердо убѣжден-

ныя въ томъ, что другаго пути служить Россіи на поприщѣ печатнаго слова нѣтъ и не будетъ. Всѣ они стремятся къ тому, чтобы тѣсно сплотиться со всѣми своими разсѣянными по Россіи единомышленниками, дабы въ сомкнутомъ строю бороться за высокіе идеалы Александра III.

Въ глубокомъ уповаціи на то, что Божья помощь ихъ не оставитъ въ этомъ дѣлѣ, они приступаютъ къ своему труду со свѣтлою надеждой на великую будущность Россіи, залогомъ которой является ея вѣра, ея мощь, ея единство и ея достоинство подъ охраной Самодержавной власти ея Царя.

Демонстративныя паннихиды.

Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ въ Москвѣ послужила, какъ извѣстно, несостоявшаяся паннихида на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ. Задуманная студентами «коллективная» паннихида не была допущена, отсюда протестъ и дальнѣйшіе безпорядки.

Нельзя не сознаться, что тайные руководители всей этой «исторіи» дѣйствовали очень увѣренно и остроумно. Они придумали поводъ не только для возбужденія безпорядковъ среди учащейся молодежи, но и для возбужденія общественнаго мнѣнія въ пользу этой молодежи, якобы притѣсняемой по такимъ «пустакамъ», какъ служеніе паннихиды. И дѣйствительно, въ первое время, до появленія *Правительственнаго Сообщенія*, когда предъ глазами общества былъ только *фактъ* безпорядковъ и всѣмъ извѣстный внѣшній *поводъ* ихъ, не разъ приходилось слышать осужденіе излишней строгости начальства къ молодежи.

«Помилуйте, говорилось при этомъ, изъ-за чего такая строгость? Молодые люди захотѣли паннихиду отслужить; неужели имъ теперь и помолиться нельзя?»

Правительственное Сообщеніе ясно раскрыло для всѣхъ настоящій смыслъ совершавшихся демонстрацій. Но еслибъ этого *Сообщенія* и не было, все-таки, намъ кажется, не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ.

Можно какъ угодно снисходительно относиться къ молодежи, можно прощать ей ребяческія выходки, но нельзя при этомъ переходить границъ разумности и легкомысленно снисходить къ такимъ ея дѣйствіямъ, которыя нельзя назвать иначе, какъ кощунствомъ. А въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ кощунствомъ.

Паннихида есть церковное молитвословіе, совершаемое за усопшихъ. Сущность ея, какъ и всякаго молитвословія, заключается въ призываніи имени Божія, въ данномъ случаѣ въ преклоненіи милости Божіей къ душамъ поминаемыхъ усопшихъ. Это есть молитвословіе *церковное*, то-есть общее. Стало-быть, совершаетъ паннихиду не только предстоятель церкви—священникъ, не только участвующій въ служеніи клиръ, но и *служащіе*, то-есть тѣ, по желанію которыхъ служится паннихида. Эта активность участія въ совершеніи *церковнаго* молитвословія налагаетъ на служащихъ обязанность относиться сознательно, серіозно, къ совершаемому акту. Всякое легкомысліе въ этомъ дѣлѣ, всякое притворство и обманъ—является здѣсь сознательнымъ кощун-

ствомъ и преступленіемъ подобно тому, какъ ложное призываніе имени Божія въ присягѣ есть клятвопреступленіе.

Все это совершенно ясно для каждаго не утратившаго еще религіознаго сознанія, не порвавшаго своихъ связей съ обще-церковною жизнью.

Что же мы видимъ въ дѣйствительности?

Въ своихъ стремленіяхъ внести какъ можно болѣе смуты въ общество, подпольные агитаторы не стѣсняются пользоваться и церковною молитвой, какъ средствомъ для своихъ преступныхъ цѣлей. Для нихъ не существуетъ святыни, не существуетъ уваженія къ религіознымъ вѣрованіямъ Русскаго народа. Зато подъ прикрытіемъ церковнаго обряда и молитвы какъ удобно устраивать свои дѣлишки! Панихида въ этомъ случаѣ представляетъ наилучшій поводъ къ демонстраціямъ, и политическіе агитаторы никогда не упускали случая воспользоваться этимъ средствомъ.

Такъ было особенно въ памятные 70-е годы, когда слабость правительственной власти и деморализація общества служили прекрасною почвой для устройства демонстрацій въ грандіозныхъ размѣрахъ. Тотъ же старый пріемъ былъ употребленъ и теперь для возбужденія студентовъ къ безпорядкамъ.

По словамъ *Правительственнаго Сообщенія*, «союзный совѣтъ» выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18 ноября на Ваганьковское кладбище для служенія панихиды по погибшимъ «и своимъ присутствіемъ выразить, съ одной стороны, сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой—протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ».

Такимъ образомъ «сочувствіе» и «протестъ» являются цѣлью служенія панихиды, и церковное молитвословіе, это драгоцѣннѣйшее дѣло православнаго христіанина, превращается въ ширмы для устройства политической демонстраціи. Что это, какъ не отвратительное кощунство?

Легкомысленное отношеніе къ церковнымъ установленіямъ и обрядамъ, а тѣмъ болѣе кощунственное злоупотребленіе церковною молитвой для постороннихъ цѣлей, указываетъ на отсутствіе самаго элементарнаго и религіознаго чувства. Но какъ мало надо имѣть этого чувства, какъ мало надо имѣть здраваго смысла, чтобъ одобрительно или только снисходительно смотрѣть на это кощунство!

Когда студенты 18 ноября толпой шли на Ваганьковское кладбище, вѣдь никто изъ видѣвшихъ это шествіе не могъ обманывать себя мыслью, что они шли туда *молиться*. Хотя не было извѣстно, *кто* толкнулъ молодежь на это дѣло, но кто жъ былъ настолько наивенъ, чтобы не знать, что это была *только* демонстрація, студенческая сходка на болѣе или менѣе «легальной» почвѣ. А если такъ, то откуда же это несеріозное отношеніе къ такому нетерпимому факту, какъ кощунство?

По словамъ И. С. Аксакова, «къ молодежи нужно относиться честно—честно любить ее». Честное же отношеніе къ молодежи обусловливаетъ прежде всего правдивое слово къ ней. Тотъ не любитъ ее, кто ей лжетъ или снисходительно умалчиваетъ о томъ, что требуетъ самаго строгаго осужденія. Каждая вещь, каждый поступокъ долженъ называться своимъ именемъ. Кощунство нужно назвать кощунствомъ, а не пустяками.

Вотъ еслибы молодежь вездѣ и всегда встрѣчала такое честное отношеніе къ себѣ, мы, быть-можетъ, и не были бы свидѣтелями послѣднихъ прискорбныхъ событій.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Мы искренно радуемся что *Русскія Вѣдомости* вняли нашему слову и наконецъ рѣшились высказать нѣсколько благоразумныхъ мыслей по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій.

Московская «профессорская» газета рѣшается теперь сама признать за несомнѣнную *истину*, что «учащейся молодежи нужно прежде всего учиться» и что «увлеченіе на путь незаконныхъ сообществъ есть путь гибельный».

Правда, *Русскія Вѣдомости* говорятъ, что все это—«истины банальныя», которыя не стóитъ повторять. Но, во-первыхъ, онѣ не столько банальны, какъ это кажется на первый взглядъ; волновавшіеся студенты, очевидно, и понятія не имѣли объ этихъ истинахъ; что же касается *Русскихъ Вѣдомостей*, то онѣ теперь *впервые* высказываютъ эти истины, а потому имъ нечего бояться ихъ повторенія.

Затѣмъ мы не можемъ не отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ категорическаго заявленія *Русскихъ Вѣдомостей*, что онѣ издаются только «въ интересахъ взрослыхъ членовъ образованнаго общества», къ каковымъ онѣ учащуюся молодежь не причисляютъ. Это очень хорошо, что газета ставитъ нашу учащуюся молодежь на подобающее ей мѣсто вдали отъ взрослыхъ людей. Давно бы такъ.

Въ своей статьѣ (№ 342) мы высказали ту мысль, что «въ университетѣ единственная цѣлесообразность та, которая даетъ профессорамъ и студентамъ возможность спокойно и серіозно заниматься исключительно научными работами».

Русскія Вѣдомости спѣшатъ заявить, что онѣ тоже въ этой истинѣ не сомнѣваются.

Мало того, онѣ даже не сомнѣваются и въ томъ, что «при желаніи серіозно заниматься наукой, наши университеты представляютъ къ тому достаточную возможность».

Итакъ, въ университетахъ у насъ все обстоитъ благополучно. А потому нельзя не посѣтовать вмѣстѣ съ *Русскими Вѣдомостями* на то, что есть совершенно чуждыя университетамъ явленія, которыя, вторгаясь въ мирную университетскую жизнь, нарушаютъ спокойные научные труды.

«Кто же не знаетъ, спрашиваетъ «профессорская» газета, что въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ у насъ прошелъ цѣлый рядъ студенческихъ «исторій», тормозившихъ учебныя занятія? Кто не пожелаетъ, чтобы мирное теченіе университетской жизни не нарушалось событіями, способными отражаться и на успѣшности занятій, и на судьбѣ многихъ молодыхъ людей?»

Все это совершенно вѣрно.

Если *Русскія Вѣдомости* теперь присоединяются къ нашему мнѣнію, что въ «университетахъ цѣлесообразно только то, что́ даетъ возможность серіозно и спокойно заниматься научными работами», то онѣ, конечно, не станутъ отрицать, что всякія «землячества» и «союзные совѣты» мѣшаютъ профессорамъ и студентамъ спокойно и серіозно заниматься наукой, а потому подобныя сообщества въ университетахъ являются учрежденіями нецѣлесообразными, а, слѣдовательно, вредными. Вѣдь тѣ студенческія «исторіи», кото-

рыя, по вѣрному заключенію *Русскихъ Вѣдомостей*, только «тормазятъ учебныя занятія», были вызваны именно «союзнымъ совѣтомъ объединенныхъ землячествъ». Во всякомъ случаѣ, намъ пріятно констатировать, что *Русскія Вѣдомости* этимъ своимъ заявленіемъ порываютъ всякую связь со студенческими союзами, нарушающими мирное теченіе университетской жизни.

Но всего отраднѣе видѣть, что *Русскія Вѣдомости* теперь открыто становятся на сторону студентовъ, *не* участвовавшихъ въ послѣднихъ волненіяхъ, и этимъ безусловно осуждаютъ студентовъ, собиравшихся на разныя «сходки» и «панихиды».

«Не подлежитъ сомнѣнію, говорятъ *Русскія Вѣдомости*, что большинство нашей молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, заинтересовано, главнымъ образомъ, своимъ собственнымъ дѣломъ, дѣломъ ученія. Это выразилось даже особенно въ ходѣ послѣднихъ волненій, когда умиряющее вліяніе большинства одерживало верхъ во многихъ случаяхъ. Существованіе этого большинства есть вѣрнѣйшій залогъ мирнаго хода университетской жизни».

Какъ же послѣ этихъ словъ еще сомнѣваться во внезапной метаморфозѣ *Русскихъ Вѣдомостей*, и какъ не радоваться этой метаморфозѣ? Правда, первые шаги ихъ на новомъ пути еще робки, неувѣренны, сужденія ихъ еще не вполнѣ ясны и даже кое-гдѣ противорѣчивы, но вѣдь сразу ничего не дѣлается; спасибо и на этомъ.

Мы серіозно думаемъ, что при томъ громадномъ вліяніи, которое *Русскія Вѣдомости* имѣютъ на студентовъ (напрасно онѣ изъ скромности отрицаютъ это вліяніе), онѣ могли бы сослужить добрую службу университетскому дѣлу и интересамъ самихъ студентовъ, если бы почаще толковали не о «преимуществахъ» учащейся молодежи, а объ ея обязанностяхъ.

Мы точно также надѣемся, что *Русскія Вѣдомости* впредь будутъ высказывать разумныя мнѣнія объ учащейся молодежи по собственному побужденію и не ждать для этого постороннихъ поученій.

Новый успѣхъ Россіи.

Давно уже ходившіе слухи о предполагаемомъ проведеніи русской желѣзной дороги черезъ Манджурію стали дѣйствительностью. Мы имѣемъ предъ собой реальный фактъ, свидѣтельствующій о блестящихъ успѣхахъ Русской политики на Дальнемъ Востокѣ.

Важное экономическое и стратегическое значеніе этой дороги, примыкающей непосредственно къ великому Сибирскому пути, для всѣхъ очевидно, и мы еще не разъ вернемся къ выясненію всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя Россія себѣ обезпечила этимъ геніальнымъ предпріятіемъ.

Но выше всѣхъ этихъ матеріальныхъ выгодъ стоитъ несомнѣнно та могущественная *духовная* побѣда, которую Россія одержала на своей восточной окраинѣ,—побѣда, открывающая новую эпоху въ исторіи древняго азіатскаго материка.

Но это торжество политики Императорскаго Правительства знаменуетъ собою и новую эпоху въ исторіи Россіи.

Кто изъ насъ не сѣтовалъ, по привычкѣ унаслѣдованной отъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, на косность нашей дипломатіи, на отсутствіе предпріимчивости нашихъ капиталистовъ? И сѣтованія наши, къ сожалѣнію, иногда не лишены были основательности.

Передъ нашими глазами иностранная дипломатія нарушала порой даже самые существенные наши интересы, а иноземная промышленная и торговая предпріимчивость широко раскидывала свои сѣти тамъ, гдѣ, казалось бы, не могло быть мѣста ни для какихъ иныхъ предпріятій кромѣ русскихъ. Въ виду этого нами зачастую овладѣвало пессимистическое настроеніе при видѣ того, «какъ насъ всюду бьютъ» мирнымъ оружіемъ, такъ что у многихъ изъ насъ утвердилась мысль, что намъ ничего и не стоитъ предпринимать въ иноземныхъ сферахъ: все равно побьютъ.

Противъ этого мрачнаго настроенія и недостойнаго самоуниженія Русскихъ людей постоянно ратовали великіе патріоты наши, бодрою, убѣжденною рѣчью будившіе насъ къ живой, дѣятельной вѣрѣ въ великую будущность Россіи,—въ ту будущность, когда во всю ширь развернется великій духъ Русскаго народа во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, когда всѣ сословія и слои общества соединятъ свои силы для общей работы на пользу и славу своей родины.

То, что этимъ славнымъ провозвѣстникамъ величія и мощи Россіи представлялось лишь отдаленнымъ будущимъ, для насъ уже стало настоящимъ.

Царствованіе Александра III открыло новую эру, о которой наши отцы только мечтали, какъ о чудномъ идеалѣ, и пробужденіе Россіи, возродившейся къ новой жизни по призыву Царя Самодержца, было столь изумительно по своей полнотѣ и силѣ, что даже преждевременная смерть Великаго Монарха не задержала Россію въ могущественномъ подъемѣ ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Она не остановилась на своемъ великомъ поприщѣ, а пріобрѣла при новомъ Царствованіи новыя силы для осуществленія завѣщанныхъ ей покойнымъ Государемъ идеаловъ.

Однимъ изъ такихъ его завѣтныхъ идеаловъ было могущество Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и однимъ изъ средствъ къ достиженію этого могущества намѣчена Имъ была великая Сибирская дорога.

Но Александру III не суждено было видѣть земными очами осуществленіе Своей великой мечты. Онъ завѣщалъ это осуществленіе Своему Преемнику, и вотъ, въ какіе-нибудь два года, Россія уже достигла того, о чемъ она еще такъ недавно и думать не могла.

Въ нашей иностранной политикѣ повѣяло совершенно новымъ, бодрымъ, животворнымъ духомъ; цѣлый рядъ быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ дипломатическихъ успѣховъ на Западѣ и на Востокѣ обнаружилъ такую энергію, предпріимчивость и цѣлесообразность, которыя привели въ изумленіе не только иностранныя державы, но и тѣхъ малодушныхъ Русскихъ людей, имъ же имя легіонъ, которые давно уже поставили было крестъ надъ нашею дипломатіей Всѣ почувствовали, что эта дипломатія призвана Верховною Волей къ новой, давно уже ей неизвѣстной, бодрой и рѣшительной дѣятельности, къ напряженію всѣхъ своихъ силъ, къ примѣненію всѣхъ своихъ знаній и всего своего искусства.

Результаты этой новой государственной жизни въ Россіи не заставили себя ждать.

Рядомъ съ ея внѣшними успѣхами явилось у нея внутреннее сознаніе

своей силы, глубокая вѣра въ свою мощь. Болѣзненное самоуниженіе ея исчезло и бодрая жизнь закипѣла во всѣхъ частяхъ ея государственнаго организма. Этимъ объясняется, что когда у Правительства явилась мысль, что интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ требуютъ проведенія русской желѣзной дороги черезъ Китайскую территорію, тотчасъ же нашлись не только государственные люди, которые сумѣли, путемъ искусныхъ переговоровъ, сдѣлать эту мысль осуществимою, но и частные предприниматели, готовые приложить свою энергію, свои знанія и свои капиталы къ реальному осуществленію этой мысли.

Такъ у насъ будетъ всюду и всегда: каждое рѣшительное и цѣлесообразное дѣйствіе Правительства будетъ плодотворнымъ не только само по себѣ, но и потому, что оно пробудитъ во всей Россіи не менѣе плодотворную частную энергію и цѣлесообразную предпріимчивость.

Великій Сибирскій путь открылъ предъ нами на Востокѣ широкіе горизонты: они становятся теперь необъятными, благодаря продолженію этого пути черезъ Китай до одного изъ удобныхъ портовъ Великаго Океана. Будущность Россіи начинаетъ выступать въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ на туманномъ фонѣ грядущихъ вѣковъ.

Но будущее въ рукахъ Божіихъ. Мы же обратимся къ бодрой дѣятельности на открывающемся предъ нами славномъ поприщѣ на пользу нашей родины.

Какъ мелки, какъ ничтожны всѣ наши внутренніе раздоры предъ этою высокою задачей. Намъ нужно возвыситься надъ ними, чтобъ имѣть возможность всецѣло посвятить себя служенію Верховному Вождю Россіи, ведущему ее къ славѣ, силѣ и величію.

Есть ли въ Россіи партіи?

Въ Россіи не должно быть политическихъ партій; на Западѣ политическія партіи вызваны конституціоннымъ строемъ государствъ и стремятся къ захвату правительственной власти; у насъ, при Самодержавіи Русскаго Царя, ничего подобнаго быть не должно: судьбой Россіи управляютъ не отдѣльные партійные министерства или кабинеты, чередующіеся у государственнаго кормила, а единая воля Самодержавнаго Государя, внемлющаго, при окончательныхъ Своихъ рѣшеніяхъ, лишь голосу Своей совѣсти и отвѣчающаго за эти рѣшенія лишь передъ Господомъ Богомъ.

Въ Россіи не должно быть партій, а между тѣмъ онѣ есть. Какъ себѣ объяснить это противорѣчіе?

Еслибы мы всѣ, безъ исключенія, были вѣрными подданными своего Государя; еслибы мы всѣ, безъ исключенія, совершенно искренно признавали Русское Самодержавіе единственною спасительною формой правленія для Россіи, соотвѣтствующею ея великимъ завѣтамъ прошлаго, жизненнымъ интересамъ настоящаго и свѣтлымъ надеждамъ будущаго; еслибы мы всѣ, безъ исключенія, думали только о томъ, чтобы вѣрой и правдой служить своему Государю, не присваивая себѣ ни малѣйшаго права вторгаться въ сферу Его дѣятельности и ограничивать Его волю,—словомъ, еслибы мы всѣ, безъ исключенія,

ужасались при одной мысли, что Самодержавіе Русскаго Царя можетъ быть замѣнено какою бы то ни было иною формой правленія, то, конечно, въ Россіи никакихъ партій не могло бы быть и, дѣйствительно, у насъ ихъ и не было бы.

Да въ сущности ихъ у насъ и нѣтъ, если мы подъ «нами» разумѣемъ весь многомилліонный Русскій народъ, который, дѣйствительно, весь, безъ исключенія, беззавѣтно преданъ Самодержавной власти своего Царя. Среди этой стихійной, необозримой массы безслѣдно исчезаетъ та кучка людей, которая отдѣлилась отъ чувствъ и вѣрованій своего народа и поклоняется совершенно инымъ, невѣдомымъ ему богамъ. Но кучка эта, ничтожная въ сравненіи съ народомъ, является въ совершенно иномъ видѣ, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ верхнимъ слоемъ нашего народа, который именуетъ себя «обществомъ» или «интеллигенціей» и который является въ нашемъ государствѣ активнымъ элементомъ, обладающимъ, поэтому, гораздо большею силой, чѣмъ спокойные, пассивные, болѣе глубокіе слои нашего народа.

Если эти глубокіе народные слои, дѣйствительно, представляютъ собою въ своемъ единодушіи нормальное для Россіи явленіе, такъ какъ въ нихъ никакихъ государственныхъ партій нѣтъ, то это, къ сожалѣнію, о нашемъ «обществѣ» сказать нельзя: здѣсь мы не только не видимъ того единодушія, при которомъ не можетъ быть никакихъ партій, а, наоборотъ, видимъ *двѣ* ясно обозначившіяся и непримиримыя между собой партіи. Чтобы не видѣть ихъ, нужно нарочно закрыть себѣ глаза и заткнуть уши; чтобы не видѣть ихъ, нужно отличаться крайнею наивностью, не достойною взрослаго человѣка, или же весьма сомнительною добросовѣстностью, не *желающею* видѣть самыхъ очевидныхъ явленій.

Лучшимъ доказательствомъ истины нашихъ словъ служитъ то, что, хотя мы не назвали этихъ двухъ партій, а между тѣмъ всѣ знаютъ, о комъ мы говоримъ; мы еще не успѣли обозначить ихъ программы, а между тѣмъ всякій уже знаетъ эти программы и знаетъ, что онѣ между собою непримиримы.

Одна изъ этихъ партій, въ сущности, никакой отдѣльной партіи и не представляетъ, такъ какъ она въ своихъ чувствахъ и помыслахъ сливается съ милліонами Русскаго народа въ своемъ безусловномъ преклоненіи предъ Самодержавною волей Царя; другая партія, наоборотъ, мечтаетъ о парламентаризмѣ, конституціонализмѣ и о другихъ западно-европейскихъ учрежденіяхъ, по самому существу своему враждебныхъ Самодержавію, а, слѣдовательно, и самой Россіи.

Существованія этой враждебной жизненнымъ интересамъ Россіи партіи никто отрицать не можетъ, точно также никто не можетъ отрицать и того, что эта партія численностью своею превосходитъ первую партію, хотя и совершенно исчезаетъ, какъ мы это видѣли, передъ необъятной массой Русскаго народа.

Да, мы еще разъ повторяемъ: въ Россіи не должно быть партій; но вотъ, вопреки преданіямъ русской старины, вопреки единодушному чувству Русскаго народа, вопреки жизненнымъ интересамъ Русскаго Государства, вопреки, наконецъ, здравому смыслу, въ Россіи появилась партія, отрицающая и завѣты старины, и чувства Русскаго народа, и интересы Россіи, и здравый смыслъ; и не только эта партія появилась, подъ вліяніемъ ложныхъ западныхъ доктринъ, но развилась, умножилась, усилилась и опутала сѣтью какъ современное русское общество, такъ и дѣтей нашихъ—эту будущность Россіи.

Какъ же поступать намъ въ виду этого прискорбнаго и опаснаго явленія?

Молчать и уступать натиску этой партіи, сознавая всѣ пагубныя послѣдствія ея торжества? Игнорировать и дѣлать видъ, будто ея нѣтъ, когда она на каждомъ шагу напоминаетъ о своемъ существованіи? Кокетничать и дружить съ нею, доказывая свою слабость и усиливая этимъ ея дерзость? Искренно вѣрить ея лжи и давать себя опутывать ея софизмамъ?

Нѣтъ, все это было бы недостойно, позорно. Такъ служить Русскому Царю нельзя. Съ Его врагами мы не можемъ ни мириться, ни дружить; мы можемъ съ ними только бороться.

Не *мы* создали свою партію въ Россіи: она создалась сама собою съ той минуты, какъ явилась непрошенная и враждебная ей конституціонная партія, и наша партія тотчасъ же исчезнетъ, какъ только среди насъ исчезнутъ враги Россіи.

Въ настоящее время они не только не исчезли, но даже своею численностью значительно насъ превосходятъ: въ ихъ рукахъ большинство нашей печати; въ ихъ рукахъ всѣ почти наши земства; въ ихъ рукахъ значительная, если не большая, часть нашего юношества. Зачѣмъ же станемъ мы игнорировать эти факты, когда они у всѣхъ на виду? Зачѣмъ же станемъ мы мириться съ ними, когда по искреннему нашему убѣжденію они ничего кромѣ вреда Россіи не предвѣщаютъ?

Пусть другіе предаются розовымъ иллюзіямъ и увѣряютъ самихъ себя и другихъ, что въ Россіи партій нѣтъ; пусть другіе слѣпо вѣрятъ во мнимое «перерожденіе» нашихъ враговъ: мы по долгу совѣсти раздѣлять подобную безпечность и подобное легковѣріе не можемъ.

Нами въ данномъ случаѣ не руководитъ какая-нибудь болѣзненная подозрительность, мрачная злоба или своенравное упрямство: мы только не желаемъ быть жертвой того окружающаго насъ обмана, у котораго и безъ того уже слишкомъ много жертвъ. Мы не усомнились бы съ открытою радостью, съ искреннимъ восторгомъ первые протянуть руку нашимъ теперешнимъ врагамъ, еслибъ они дѣйствительно, какъ насъ въ томъ хотятъ увѣрить, «переродились». А имъ вѣдь такъ легко было бы доказать свое «перерожденіе», открыто покаявшись въ своихъ парламентскихъ ересяхъ и открыто преклонившись предъ величіемъ Русскаго Самодержавія.

Мы снова повторяемъ то приглашеніе, которое мы уже разъ сдѣлали официальнымъ органамъ нашихъ враговъ, *Русскимъ Вѣдомостямъ* и *Вѣстнику Европы* *): пусть они категорически заявятъ себя вѣрноподданными Русскаго *Самодержавнаго* Царя, и мы тотчасъ повѣримъ имъ. Развѣ это такъ трудно для нихъ? Вѣдь это только было бы повтореніемъ принесенной ими присяги. Что же мѣшаетъ имъ открыто заявить о своей преданности Самодержавію, что же мѣшаетъ имъ столь же открыто отречься отъ своихъ конституціонныхъ вожделѣній, если они, дѣйствительно, «переродились» и такихъ вожделѣній у нихъ нѣтъ.

Но они молчатъ. Они вамъ наговорятъ все, что угодно, но *этого категорическаго* заявленія о своей преданности Самодержавію *они не сдѣлаютъ*; много лжи они могутъ сказать, но до такой лжи они никогда не дойдутъ.

Или, можетъ быть, мы ошибаемся, и на этихъ днахъ прочтемъ, напри-

*) Въ одной изъ нашихъ статей появившихся въ *Русскомъ Обозрѣніи* за подписью „Spectator“.

мѣръ, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* подобное категорическое заявленіе? О, какъ мы будемъ этому рады! Съ какою готовностью мы покаемся въ своихъ заблужденіяхъ, въ своей невольной клеветѣ!

Будемъ ждать этого яснаго, категорическаго заявленія.

Но если оно не послѣдуетъ, придется намъ, къ крайнему прискорбію нашему, убѣдиться въ правотѣ своихъ взглядовъ и снова приняться за нелегкую борьбу съ врагами Россіи, повинуясь не какому-либо страстному задору или увлеченію, а единственно своему долгу предъ Царемъ и Отечествомъ.

М. Н. Катковъ и современное общество.

Прекрасна статья князя Д. Н. Цертелева, появившаяся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 354) и направленная противъ попытки умалить великое значеніе М. Н. Каткова.

Такія попытки для насъ, къ сожалѣнію, не новость. И при жизни покойнаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, и послѣ кончины его, злоба враговъ и зависть «друзей» не щадили усилій, чтобы низвести этого гиганта Русской государственной мысли до степени зауряднаго писателя «не лишеннаго таланта», но утратившаго будто бы для настоящаго времени всякое значеніе!

Легко понять, чѣмъ вызывались и доселѣ вызываются подобныя попытки.

Онѣ прежде всего объясняются тѣмъ недовольствомъ, которое весьма естественно испытываютъ всѣ мелкія души въ присутствіи крупной величины, такъ какъ она ихъ своею геніальностью столь же естественно отодвигаетъ на задній планъ. Но есть и другія причины, тѣсно связанныя съ тою дѣятельностью, которая навсегда обезсмертила имя великаго патріота, пожертвовавшаго четверть вѣка своей жизни на борьбу съ врагами своего отечества.

Борьба эта, окончившаяся полнымъ торжествомъ тѣхъ русскихъ государственныхъ началъ, для защиты которыхъ М. Н. Катковъ не щадилъ своихъ силъ, велась имъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ иной даже сильный борецъ не устоялъ бы и преждевременно сложилъ бы свое оружіе.

Кто были тѣ враги Россіи, съ которыми боролся великій публицистъ? Каково было то современное общество, среди котораго ему пришлось вести эту борьбу?

Вотъ тѣ вопросы, которые прежде всего приходятъ на умъ каждому, кто по достоинству желаетъ оцѣнить заслуги М. Н. Каткова передъ Россіей.

Враги его хорошо и, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстны. Это та пресловутая антирусская партія, которая, прикрываясь столь симпатичнымъ съ перваго взгляда флагомъ «либерализма», вела Россію къ расчлененію, къ смутѣ, къ террору, къ 1 марта.

Начиная съ 1863 года, М. Н. Катковъ вступилъ въ открытую борьбу съ этими пагубными стремленіями и тотчасъ почувствовалъ себя почти одинокимъ въ этой борьбѣ. Онъ встрѣтилъ отчаянное и упорное сопротивленіе не только со стороны прямыхъ революціонеровъ, но и со стороны столь

многочисленныхъ «легальныхъ» ихъ единомышленниковъ и попустителей на всѣхъ ступеняхъ нашего общества, которые, открыто отрекаясь отъ сочувствія «насильственнымъ» дѣйствіямъ, на самомъ дѣлѣ радовались успѣху этихъ дѣйствій, слѣдуя принципу: «чѣмъ хуже для Россіи, тѣмъ лучше для насъ».

Остальное общество, видя непосильную борьбу одного богатыря противъ такого количества явныхъ и тайныхъ враговъ, держалось въ сторонѣ, не вѣрило въ окончательную побѣду праваго дѣла и даже находило всякую защиту его излишнею. Михаилъ Никифоровичъ очень скоро понялъ, что ему придется вынести всю борьбу на однихъ своихъ плечахъ, но онъ, въ сознаніи своего долга, не отступилъ передъ этимъ гигантскимъ трудомъ, принялъ его на себя и достигъ того, что дѣло его оказалось въ концѣ концовъ дѣломъ правымъ,—дѣломъ, къ которому тотчасъ же примкнули всѣ колебавшіеся, какъ скоро оно оказалось торжествующимъ.

Но это торжество наступило не скоро, и предшествовавшая ему борьба была безпримѣрною по той стойкой энергіи, которую М. Н. Катковъ противопоставлялъ упорству и коварству своихъ враговъ и нерѣшительной апатіи своихъ «друзей».

Онъ постоянно указывалъ на очевидные признаки возраставшаго зла, а ему съ одной стороны посылались шипѣвшіе злобой упреки за то, что онъ такъ мужественно и такъ открыто обнаруживалъ всѣ тайныя козни заклятыхъ враговъ Россіи, а съ другой стороны выражалось недоумѣніе близорукихъ людей, безпечность которыхъ нарушалась постоянными призывами къ сопротивленію тому злу, котораго они не хотѣли замѣчать.

Когда, наконецъ, предсказанія Михаила Никифоровича оправдались, когда уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что опасность, на которую онъ указывалъ, не есть «болѣзненный бредъ его воображенія», а является реальною, зловѣщею дѣйствительностью, тогда начался новый, трудный періодъ патріотической дѣятельности М. Н. Каткова, вызванный новымъ тактическимъ пріемомъ его противниковъ: въ опасности уже никто не сомнѣвался, но къ устраненію ея предлагали какъ разъ тѣ мѣры, которыя могли только усилить ее! Началась борьба московскаго публициста противъ той пресловутой «диктатуры сердца», которая грозила увлечь Россію на самые опасные пути и противъ которой М. Н. Катковъ возсталъ со всею силой своего убѣжденія. Сколько и здѣсь ему пришлось услыхать незаслуженныхъ упрековъ, недостойныхъ глумленій и запальчивыхъ обвиненій!

Враги умолкли лишь тогда, когда снова самые факты слишкомъ ясно подтвердили основательность высказанныхъ великимъ патріотомъ опасеній.

Царствованіе великаго Монарха-Самодержца водворило въ Россіи миръ и порядокъ, при которыхъ пробудились къ жизни всѣ могучія и плодотворныя силы нашего отечества. Михаилу Никифоровичу было дано видѣть торжество тѣхъ принциповъ, за которые онъ такъ долго и такъ одиноко боролся; ему дано было лицезрѣть воплощеніе того идеала Русскаго Царя, который во время борьбы постоянно предносился предъ его духовными взорами, ободряя его въ тяжкія минуты душевныхъ страданій. Онъ видѣлъ, что Россія спасена именно потому, что, по волѣ Верховнаго Вождя, государственная жизнь Россіи обновилась оживленіемъ тѣхъ вѣковыхъ началъ нашего отечества, противъ которыхъ такъ упорно боролась «либеральная» партія.

Великое дѣло возрожденія Россіи могло быть задумано и совершено лишь въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ, изумившимъ весь міръ тѣми

быстрыми и поразительными успѣхами, которые сдѣлала Россія въ теченіе столь недолгаго ряда лѣтъ на всѣхъ поприщахъ своей государственной жизни. Всѣ какъ будто не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, видя что Россія не «колоссъ на глиняныхъ ногахъ», какъ ее величали наши внѣшніе и внутренніе враги, а здоровый, сильный организмъ, которому слѣдовало лишь возвратить возможность самобытнаго развитія. А между тѣмъ, въ чемъ же заключалась вся дѣятельность М. Н. Каткова, какъ не въ провозглашеніи этой истины въ то время, когда никто ея не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть? Когда эта истина стала очевидною, всѣ нашли ее настолько естественною, что даже высказывалось удивленіе, какъ это можно было когда-нибудь сомнѣваться въ ней! И на этой почвѣ явилось не мало людей, ставшихъ очень умными *post factum* и удивлявшихся, почему это такъ высоко ставятъ заслуги Каткова, когда онъ «въ сущности говорилъ то же самое, что и они».

Скоро уже будетъ десять лѣтъ, какъ М. Н. Катковъ отошелъ въ вѣчность. На государственное и общественное поприще выступило за это время много новыхъ людей, изъ которыхъ иные не читали ни одной строчки изъ пламенныхъ передовыхъ статей московскаго патріота, иные читали его мысли лишь въ искаженномъ видѣ на столбцахъ дышавшей злобой «либеральной» печати, а иные, наконецъ, сохранили о заслугахъ М. Н. Каткова лишь смутное воспоминаніе, какъ о «дѣлѣ давно минувшихъ дней». Наше общество вообще твердою памятью не отличается, и наглядные уроки исторіи писаны не для него, хотя бы они и относились чуть не ко вчерашнему дню. Мы такъ довольны водворившимся въ Россіи миромъ и порядкомъ, что намъ не хочется даже вспомнить, давно ли мы этимъ миромъ и порядкомъ наслаждаемся, какими средствами онъ у насъ былъ возстановленъ и чего намъ слѣдуетъ избѣгать для того, чтобъ онъ снова не нарушился. Намъ лѣнь обернуться назадъ на пройденный нами путь и извлечь себѣ поученіе изъ тѣхъ опасностей, которыя намъ съ такимъ трудомъ удалось миновать; мы такъ охотно готовы снова предаться безпечному *dolce far niente*, слѣдуя правилу: «когда тихо, нужно спать».

Но враги Россіи не спятъ. Послѣ кончины М. Н. Каткова они пріободрились, сосчитали свои ряды и принялись за свою дѣятельность подъ покровомъ общаго мира и тишины. Къ нимъ на помощь, хотя и безсознательно, пришли и тѣ «непризнанные геніи», которые при жизни М. Н. Каткова скромно молчали, а послѣ его кончины стали давать волю своей затаенной зависти, стараясь такъ или иначе подкопаться подъ великія заслуги покойнаго. Являлись и такія лица, которыя пытались *замѣнить* Каткова на почвѣ публицистики и умаляли его великія достоинства, приравнивая ихъ къ своимъ собственнымъ силамъ.

Замѣнить Каткова! Кто можетъ отважиться на такое смѣлое притязаніе? Это все равно, какъ еслибы кто дерзнулъ выразить намѣреніе замѣнить собой Пушкина! Великіе геніи являются вѣками, и они, по существу своей природы, никѣмъ замѣнены быть не могутъ. Но еще непростительнѣе забывать о великихъ геніяхъ и, изъ какихъ бы то ни было побужденій, умалять ихъ заслуги.

Въ современномъ намъ обществѣ нѣтъ никого, кто могъ бы сравняться съ покойнымъ московскимъ публицистомъ. Но если его нѣтъ въ живыхъ, то живы его завѣты, его поученія, жива память объ его дѣятельности. Наша обязанность, обязанность всего нашего общества, заключается въ томъ, чтобы

хранить эти завѣты, слѣдовать этимъ поученіямъ и воодушевляться примѣромъ его великаго подвига. Конечно, обстоятельства за эти десять лѣтъ во многомъ измѣнились, но великая заслуга М. Н. Каткова заключается именно въ томъ, что онъ былъ человѣкомъ не только «своевременно мѣтко сказанныхъ словъ», какъ иные его желали бы представить, а провозгласителемъ вѣковѣчныхъ идей, которыя столь же вѣрны были двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ онѣ вѣрны теперь и какъ онѣ останутся вѣрными и впредь.

Не забывать мы должны Каткова, какъ это хотѣлось бы его врагамъ и завистникамъ, людямъ не знающимъ исторіи вчерашнихъ дней и не желающимъ ее знать, а постоянно помнить о немъ и руководствоваться его общими принципами при сужденіи о настоящихъ вопросахъ, которые, въ сущности, являются одними и тѣми же, какъ и тѣ вопросы, которые волновали наше общество въ первую половину публицистической дѣятельности покойнаго патріота.

Но на непосредственныхъ ученикахъ и сотрудникахъ М. Н. Каткова лежитъ еще и другая обязанность: свято оберегать его память отъ всякаго поползновенія на ея свѣтлую чистоту, съ чьей бы стороны это поползновеніе ни исходило. Благородный, рыцарскій образъ покойнаго ратоборца за русскую правду, высокія достоинства его безупречной духовной чистоты, столь хорошо знакомыя его близкимъ друзьямъ и ученикамъ, остались недостаточно извѣстными всему Русскому обществу, которое столь многимъ обязано М. Н. Каткову. Можемъ ли мы поэтому допустить, чтобы клевета, зависть и небрежность создавали нелѣпыя легенды о Катковѣ, совершенно не соотвѣтствующія истиннымъ основамъ его характера? Не должны ли мы, наоборотъ, поставить себѣ въ нравственный долгъ возсоздавать по мѣрѣ силъ своихъ его истинный образъ? Тогда, быть можетъ, умолкнутъ голоса современниковъ, утверждающіе, что Катковъ уже отжилъ свой вѣкъ и что учиться у него намъ больше нечему.

По нашему глубокому убѣжденію, для нашего именно общества великія наставленія Каткова являются какъ нельзя болѣе полезными и своевременными.

Наша программа.

Наступающій 1897 годъ является первымъ годомъ для новой редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы поэтому считаемъ умѣстнымъ изложить ту политическую програму, которой мы намѣрены неуклонно держаться.

Постояннымъ читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* програма эта давно уже извѣстна, и мы еще на дняхъ *) имѣли случай указать на то, что она въ сущности является служеніемъ великимъ идеаламъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

Иной программы и быть не можетъ для всѣхъ тѣхъ, кому дороги жизненные интересы нашего Отечества.

---

*) *Московскія Вѣдомости* 1896, № 340, 10 декабря: „Отъ новаго редактора“.

2

Государственные идеалы Александра III являются для Россіи путеводною звѣздой прежде всего потому, что они отличаются необыкновенною ясностью и простотой. Нѣтъ того вопроса внѣшней и внутренней политики, который не разрѣшался бы безъ остатка, коль скоро мы взглянемъ на него съ точки зрѣнія той государственной мудрости, которая неизмѣнно и послѣдовательно проявлялась во всѣхъ рѣшеніяхъ принятыхъ великимъ Царемъ Самодержцемъ. Если мы будемъ твердо держаться Его завѣтовъ, мы освободимся отъ тѣхъ колебаній и сомнѣній, которыя неизбѣжно насъ станутъ осаждать, коль скоро мы отклонимся отъ того прямаго и яснаго Царскаго пути, по которому Онъ велъ Россію къ небывалому доселѣ величію.

Путь этотъ былъ ясный и прямой не вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ или временныхъ условій, а потому именно, что онъ былъ исконнымъ, вѣковѣчнымъ *русскимъ* путемъ.

Въ этомъ заключается вторая причина, почему идеалы Александра III становятся для насъ, Русскихъ, столь близкими сердцу, столь доступными уму. Покойный Государь былъ Русскимъ Царемъ въ полномъ и самомъ возвышенномъ значеніи этого слова. Каждое Его дѣйствіе, каждое Его слово находили себѣ родной откликъ въ сердцахъ Русскихъ людей, взиравшихъ на Него, какъ на выразителя и исполнителя всѣхъ лучшихъ ихъ надеждъ и чаяній. Исторія Россіи приняла съ самаго начала Его царствованія то по преимуществу *русское* направленіе, которое, соотвѣтствуя прочнымъ, вѣковѣчнымъ началамъ Русскаго Государства, всегда содѣйствовало, и отнынѣ, мы увѣрены, всегда будетъ содѣйствовать, укрѣпленію и расширенію его мощи и упроченію его славы.

Направленіе, данное Александромъ III историческому развитію Россіи, вызвало эти благіе результаты не только потому, что оно соотвѣтствовало органическимъ особенностямъ Русскаго Государства, но и потому, что оно является единственно правильнымъ и спасительнымъ для всякаго вообще нормальнаго государства. Западныя государственныя доктрины противорѣчатъ не только интересамъ Русскаго Государства, но и простому здравому смыслу, такъ что даже на Западѣ недавняя ихъ слава уже меркнетъ, и трезвые умы европейскихъ политиковъ ясно видятъ всю обманчивость этихъ доктринъ и съ невольною завистью взираютъ на Россію, сохранившую свою свободу отъ этого обмана и отъ всѣхъ его послѣдствій.

Такова третья, чисто теоретическая, причина, придающая государственнымъ идеаламъ Александра III характеръ научной истины.

Еслибы кто еще сомнѣвался въ безусловной вѣрности этой русской государственной теоріи, то сомнѣнія его должны исчезнуть при видѣ блестящихъ результатовъ ея практическаго примѣненія.

Если Россія въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, такъ внезапно возродившись, столь мощно развилась, то это произошло именно потому, что она, по рѣшенію Самодержавной воли своихъ Монарховъ, вернула себѣ духовную и политическую самостоятельность и укрѣпилась на своихъ истинно-русскихъ религіозныхъ, государственныхъ и національныхъ основахъ. Этого не могутъ отрицать даже и тѣ враги Россіи, которые старались увлечь ее на иные ложные пути.

Можемъ ли мы, въ виду всѣхъ этихъ ясныхъ указаній государственной теоріи и практики, колебаться въ выборѣ той программы, которая для насъ является единственно разумною и соотвѣтствующею истиннымъ интересамъ Россіи.

Служить идеаламъ покойнаго Монарха значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и идеаламъ Его Вѣнценоснаго Преемника, ведущаго Россію къ новымъ мирнымъ и славнымъ побѣдамъ по тому же пути, по которому ее велъ Державный Его Родитель, а служить вѣрой и правдой своему Государю является высшимъ долгомъ и высшею отрадой для Русскаго человѣка.

На ряду съ прочими вѣрными слугами Государя и мы, по мѣрѣ силъ своихъ, будемъ исполнять этотъ долгъ на поприщѣ печатнаго слова, сознавая всю сопряженную съ нимъ серіозную отвѣтственность.

Мы далеки отъ всякаго ложнаго самомнѣнія: мы не пришли вѣщать новыя слова, провозглашать новыя теоріи; мы желаемъ лишь напоминать и разъяснять старыя непреложныя истины русской государственной мудрости, которыми жила и живетъ Россія и которыя, къ сожалѣнію, многими упускаются изъ виду, а иными искажаются.

Такова та задача, которую мы, уповая на помощь Божію, надѣемся исполнить.

Въ этой надеждѣ насъ утверждаютъ и тѣ радостныя, благопріятныя обстоятельства, среди которыхъ Россія встрѣчаетъ наступающее новолѣтіе.

Истекшій годъ былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ годовъ ея исторіи. Божія благодать явно осѣняла Россію въ великихъ духовныхъ ея торжествахъ, въ Священномъ Коронованіи Августѣйшей Царственной Четы, на которую вся Россія взираетъ съ радостнымъ упованіемъ, въ великомъ торжествѣ, ознаменовавшемъ чудо милости Божіей, явленное для нашего вразумленія и просвѣщенія въ древнемъ Черниговѣ, и въ освященіи новаго соборнаго храма Божьяго въ Матери городовъ русскихъ; свѣтлою страницей въ лѣтописяхъ Россіи останется и тотъ всероссійскій праздникъ, который проявилъ всему изумленному міру небывалую доселѣ силу русскаго научнаго, художественнаго и промышленнаго творчества и, наконецъ, тѣ блестящіе успѣхи Россіи на поприщѣ международномъ, на которомъ она, по личному почину своего Монарха, укрѣпила и возвеличила свое положеніе на Западѣ и открыла для себя необъятные горизонты для своей будущности на Востокѣ.

Нужны ли еще иныя лучшія предзнаменованія для дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи, спокойно и увѣренно идущей по тому русскому пути, на который она вступила по волѣ Александра III?

Да будетъ же и для насъ этотъ путь единственно вѣрнымъ и спасительнымъ!

«Польскій вопросъ».

Назначеніе новаго варшавскаго генералъ-губернатора выдвигаетъ на первый планъ вопросъ, который у насъ принято называть «вопросомъ польскимъ» или, иначе, «вопросомъ о русско-польскомъ примиреніи».

На первый взглядъ, здѣсь никакого вопроса и быть не можетъ. Привислинскій край составляетъ нераздѣльную часть Россійской Имперіи и управляется на точномъ основаніи какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ законовъ, изданныхъ для обезпеченія общегосударственныхъ интересовъ.

Но законы—одно дѣло, а примѣненіе ихъ—другое; примѣненіе же законовъ въ Привислинскомъ краѣ далеко не всегда отличалось тою однородностію и послѣдовательностью, которыя однѣ только способны упрочить уваженіе къ установленнымъ законамъ. Въ виду этого, та часть польскаго населенія, которая наиболѣе способна предаваться иллюзіямъ и несбыточнымъ мечтамъ, пріучилась смотрѣть на установленные Русскимъ Правительствомъ законы какъ на нѣчто временное, случайное, не обязательное, а это, конечно, должно было вызвать цѣлый рядъ недоразумѣній между мѣстнымъ населеніемъ и представителями правительственной власти. Устраненіе этихъ недоразумѣній несомнѣнно для всѣхъ желательно, и если именно это устраненіе подразумѣвается подъ «русско-польскимъ примиреніемъ», то ему можно только сочувствовать отъ всего сердца. Спокойное, твердое примѣненіе законовъ, чуждое всякихъ увлеченій, всегда и всюду дѣйствуетъ успокоительнымъ и примиряющимъ образомъ, а на нашихъ окраинахъ такая политика всегда приносила самые лучшіе плоды.

Но «польско-русское примиреніе» получаетъ совершенно иное значеніе, когда о немъ говорятъ польскіе политики и ихъ мѣстные и заграничные органы; они требуютъ не однообразнаго и послѣдовательнаго примѣненія существующихъ законовъ, а прямо отмѣны непріятныхъ имъ законоположеній и замѣны ихъ другими, болѣе для нихъ удобными. Тутъ вопросъ о примиреніи сводится уже не къ упорядоченію существующихъ отношеній, а къ измѣненію этихъ отношеній путемъ разныхъ уступокъ польскимъ требованіямъ.

Но уступки всегда предполагаютъ заключеніе какого-либо компромисса между двумя враждующими, болѣе или менѣе равными, сторонами.

Кто же въ данномъ случаѣ эти враждующія стороны? Русскій и Польскій народы? Но если даже и допустить, что между ними существуетъ какая-либо «вражда», — чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, — то мы, во всякомъ случаѣ не можемъ себѣ представить, какъ эти «народы», живущіе подъ скипетромъ Самодержавнаго Монарха, будутъ заключать между собою компромиссы и дѣлать другъ другу какія либо уступки.

Подъ «русско-польскимъ примиреніемъ» подразумѣвается, очевидно, нѣчто иное, а именно—заключеніе компромисса между польскимъ населеніемъ Привислинскаго края и Россійскою правительственною властью.

Но и тутъ заключеніе какого-нибудь компромисса фактически немыслимо, уже по одному тому, что польское населеніе края и Русское Правительство не являются сторонами равными. Къ тому же уступки съ одной стороны должны быть вызваны уступками съ другой, въ данномъ же случаѣ мы ясно видимъ, *кто* долженъ дѣлать уступки съ русской стороны, и *въ чемъ* должны заключаться эти уступки, но никакъ не можемъ себѣ представить, *кто* можетъ дѣлать какія-нибудь уступки, отъ имени всего польскаго населенія Привислинскаго края, *какія* это будутъ уступки, и могутъ ли онѣ вообще имѣть такую же реальную, обязательную силу, какая, несомнѣнно, будетъ присуща всякой законодательной реформѣ, произведенной Русскимъ Правительствомъ въ угоду польскимъ желаніямъ.

Но значитъ ли это, что всѣ существующіе нынѣ въ Привислинскомъ краѣ русскіе законы должны оставаться навсегда неизмѣнными?

Это было бы очевидною несообразностью. Если законы ежегодно преобразуются и совершенствуются въ остальныхъ частяхъ Имперіи, почему же имъ не измѣняться, въ смыслѣ улучшенія, на западной окраинѣ Россіи? Они

и здѣсь могутъ и должны совершенствоваться, по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ остальной Имперіи, не ради «вражды» или «примиренія» съ тою или другой частью населенія, а ради соблюденія общихъ государственныхъ интересовъ.

Таковъ, по нашему мнѣнію, единственно вѣрный взглядъ на данный вопросъ. Правительство имѣетъ полную возможность примѣнять къ Привислинскимъ губерніямъ различныя законодательныя мѣры, изъ которыхъ однѣ, можетъ быть, окажутся непріятными для Поляковъ, а другія вызовутъ ихъ восторги; но руководствоваться въ принятіи этихъ мѣръ должно не какими-либо злобными или сентиментальными соображеніями, а единственно общегосударственнымъ благомъ.

Поляки это очень хорошо знаютъ и потому требуютъ себѣ уступокъ не во имя общегосударственныхъ интересовъ, до которыхъ имъ нѣтъ никакого дѣла, а съ точки зрѣнія «гуманности» и «терпимости». Они просятъ, чтобы правительство «хоть разъ» произвело опытъ снисходительнаго отношенія ко всѣмъ проявленіямъ ихъ національнаго сепаратизма, обѣщая, что тогда они гораздо болѣе будутъ преданы Россіи, чѣмъ теперь, когда правительство относится къ нимъ съ недовѣріемъ и подозрительностью.

Русское Правительство не разъ, а по крайней мѣрѣ уже *два раза* относилось къ Полякамъ съ полнымъ довѣріемъ и снисхожденіемъ: отвѣтомъ съ ихъ стороны были 1830 и 1863 годы. Зачѣмъ же намъ производить тотъ же опытъ въ третій разъ?

Злопамятство и мстительность совершенно чужды Русскому народу, самому благодушному и искреннему народу во всей славянской народной семьѣ; но забывать тяжкіе уроки собственной исторіи было бы признакомъ не добродушія, а крайняго легкомыслія, которое въ государственномъ отношеніи, какъ это хорошо знаютъ сами Поляки, никогда къ добру не приводитъ.

Говорятъ, что Поляки теперь «измѣнились», что они теперь не мечтаютъ о какихъ-либо новыхъ возстаніяхъ, а желаютъ мирно жить подъ охраной русской державы. Говорятъ, что они теперь отрезвились и не предаются прежнимъ иллюзіямъ объ «одбудованіи ойчизны». Говорятъ, что они отказались отъ Ягеллоновой идеи, требующей возстановленія Польши «отъ моря до моря». Говорятъ... вообще много говорятъ въ этомъ смыслѣ, и мы могли бы только радоваться, еслибы эти разговоры имѣли серіозное, реальное основаніе. Но въ этихъ *разговорахъ* въ сущности и заключаются, повидимому, всѣ тѣ уступки, которыя предлагаютъ намъ польскіе политики въ замѣнъ весьма реальныхъ уступокъ, которыхъ они требуютъ отъ Русскаго правительства.

Поляки «измѣнились». Если это правда, то это была бы радостная вѣсть не только для всей Россіи, но и для всего славянства. Давно бы пора. Причинъ было болѣе, чѣмъ достаточно, для того, чтобъ они поняли, наконецъ, какъ безумны были ихъ прежнія иллюзіи, и какъ безусловно необходимо для нихъ *разъ навсегда* отказаться отъ этихъ иллюзій. Этимъ искреннимъ отказомъ былъ бы сдѣланъ первый серіозный шагъ къ рѣшенію всего «польскаго вопроса», и мы, дѣйствительно, имѣли бы тогда предъ собою хоть какое-нибудь реальное доказательство искренности Поляковъ въ ихъ «примирительныхъ» стремленіяхъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы этого всеобщаго искренняго отреченія Поляковъ отъ Ягеллоновой идеи нигдѣ констатировать не можемъ; до сихъ

поръ еще ни въ одномъ изъ органовъ польской печати не встрѣчалось ясныхъ указаній на это отреченіе. А если такъ, то можно ли серіозно думать, что Поляки «измѣнились» въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ это измѣненіе было бы всего желательнѣе какъ для общегосударственныхъ интересовъ всей Россіи, такъ и для спеціальныхъ интересовъ самихъ Поляковъ?

Впрочемъ, въ одномъ отношеніи мы можемъ повѣрить Полякамъ: они уже не станутъ устраивать новаго возстанія, такъ какъ это грубое средство не приведетъ ихъ къ намѣченной ими цѣли. Но откажутся ли они отъ болѣе утонченныхъ, мирныхъ средствъ для достиженія той же цѣли — этого мы не знаемъ.

За то мы совершенно ясно знаемъ, какова должна быть цѣль *русской* государственной политики въ Привислинскихъ губерніяхъ, и какими средствами эта цѣль можетъ быть достигнута.

Цѣль эта—полное сліяніе бывшаго Польскаго края съ Россійскою имперіей, а средства къ достиженію этой цѣли — тѣ, которыя дадутъ намъ возможность скорѣе ея достигнуть.

Но политика Русскаго Правительства на нашихъ окраинахъ не можетъ упускать изъ виду еще другой весьма важной цѣли.

Россійская имперія со всѣми ея центральными областями и окраинами создалась не сама собой, не случайно, — ее создалъ въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, цѣной величайшихъ усилій и безчисленныхъ жертвъ, православный Русскій народъ. Онъ воздвигъ тотъ прочный просторный домъ, въ которомъ мирно благоденствуютъ разные племена и народы, не находившіе себѣ счастья и покоя, пока они не были приняты, какъ родные братья, въ гостепріимный домъ Русскаго народа. Многіе изъ нихъ не содѣйствовали, но препятствовали созиданію этого дома, а потому, если они теперь въ немъ благоденствуютъ, они обязаны этимъ не самимъ себѣ, а все тому же Русскому народу.

А потому Русскій народъ долженъ быть полноправнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ; русскій человѣкъ долженъ во всѣхъ областяхъ Россіи чувствовать себя дома, а не на чужбинѣ, долженъ всюду имѣть возможность жить по-своему, пользоваться своимъ языкомъ и исповѣдывать свою православную вѣру. Вотъ почему во всѣхъ окраинахъ Россіи государственнымъ языкомъ долженъ быть русскій языкъ и господствующею вѣрой — вѣра православная, которая одна только придавала Русскому народу необходимую духовную силу въ его великой, вѣковой, созидательной работѣ.

Эти основные принципы русской государственной идеи должны всегда лежать въ основаніи русской политики на окраинахъ Россіи. Они нисколько не препятствуютъ той разумной терпимости къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ, которою Русскій народъ всегда отличался. Такъ и въ Привислинскомъ краѣ, Поляки въ частномъ и домашнемъ быту всегда могли свободно пользоваться своимъ языкомъ и всегда могли въ своихъ храмахъ свободно молиться и совершать обряды католической церкви. Въ этомъ отношеніи Поляки не испытываютъ и не должны испытывать никакихъ стѣсненій. Но, съ другой стороны, они не могутъ требовать, чтобы мы, въ угоду имъ, лишили русскій языкъ его государственнаго значенія или допустили какое либо умаленіе святости или достоинства Православной Церкви.

Сохраненіе должнаго равновѣсія между національными притязаніями Поляковъ и интересами Русскаго Государства всецѣло лежитъ на представителяхъ Русскаго Правительства въ Привислинскомъ краѣ. Въ виду этого,

отъ нихъ требуется ясное пониманіе дѣла, твердость убѣжденій, просвѣщенность ума и большой тактъ, дабы, съ одной стороны, не впадать въ равнодушное *laisser faire*, а съ другой—въ мелочную придирчивость, ибо въ первомъ случаѣ Поляки всегда готовы увлечься несбыточными мечтами, въ томъ предположеніи, что Русская правительственная власть слаба и позволитъ имъ дѣлать все, что угодно, а во второмъ случаѣ — они способны раздуть мелочныя придирки въ цѣлую систему какого-то «варварскаго деспотизма», подъ игомъ котораго они де изнемогаютъ.

Въ виду этого, намъ необходимо имѣть въ Привислинскомъ краѣ, какъ и вообще на нашихъ окраинахъ, безукоризненную администрацію во всѣхъ безъ исключеній вѣдомствахъ, — администрацію, не только высоко держащую знамя русской государственной идеи, но и внушающую своими дѣйствіями уваженіе къ этой идеѣ, какъ къ началу свѣтлому, высоко-культурному и благодѣтельному. Намъ постоянно нужно заботиться о томъ, чтобы Поляки *уважали* насъ. Будутъ ли они насъ любить—это дѣло времени, это идеалъ, къ которому мы должны стремиться, но несомнѣнно, что любовь является результатомъ уваженія, а не наоборотъ.

Уважать же насъ Поляки будутъ всегда, коль скоро мы съ неуклонною, спокойною стойкостью будемъ охранять общегосударственные интересы Россіи, и коль скоро охрана этихъ интересовъ въ Привислинскомъ краѣ будетъ поручена представителямъ Русской правительственной власти, способнымъ своими личными дарованіями, широкими взглядами и разумными дѣйствіями внушать лично къ себѣ уваженіе Польскаго населенія.

При этихъ условіяхъ положеніе дѣлъ въ Привислинскомъ краѣ всегда будетъ нормальнымъ, и толки о какой-то «русско-польской враждѣ» или о «примиреніи» сами собой исчезнутъ.

Турецкій кризисъ.

Полученныя нами телеграммы сосредоточиваютъ наше вниманіе на Константинополѣ...

Тамъ происходятъ чуть ли не ежедневныя засѣданія дипломатическаго корпуса: представители великихъ державъ обсуждаютъ проектъ реформъ, которыя должны спасти Турецкую Имперію отъ полнаго крушенія.

Нашъ константинопольскій корреспондентъ телеграфируетъ намъ, что проектъ этотъ будетъ готовъ недѣли черезъ три, и что онъ содержитъ въ себѣ весьма полезныя мѣропріятія, способныя обезпечить жизнь и имущества всѣхъ подданныхъ султана безъ различія вѣроисповѣданія и преобразовать турецкую администрацію и судебное вѣдомство въ смыслѣ большей справедливости и безпристрастія. Послѣ реформъ административныхъ должны послѣдовать не менѣе полезныя реформы финансовыя.

Къ сожалѣнію, весь вопросъ въ данномъ случаѣ сводится не къ тому, насколько полезны и цѣлесообразны предполагаемыя державами реформы, а къ тому, будутъ ли онѣ приняты султаномъ и приведены имъ въ исполненіе.

Мы только что получили изъ Берлина свѣдѣнія, почерпнутыя изъ самаго

достовѣрнаго источника, которыя какъ разъ касаются этого вопроса, и нельзя сказать, чтобъ эти свѣдѣнія были утѣшительнаго свойства.

Вотъ что пишетъ намъ нашъ берлинскій корреспондентъ:

«Турецкій вопросъ въ настоящее время невольно вызываетъ серіозныя опасенія, такъ какъ никто не можетъ предвидѣть, чѣмъ онъ разрѣшится. Здѣсь полагаютъ, что представители великихъ державъ въ Константинополѣ выработаютъ дѣйствительно превосходный проектъ административныхъ реформъ Турціи, но чѣмъ онъ будетъ лучше, чѣмъ сильнѣе будетъ онъ обуздывать религіозныя страсти мусульманъ и искоренять вопіющіе, но традиціонные недостатки Турецкой администраціи, тѣмъ труднѣе будетъ для султана принять такой радикальный проектъ. Если же выработанныя послами реформы будутъ лишь поверхностными, а потому и удобопріемлемыми для Порты, то онѣ, очевидно, ничего не измѣнятъ въ Турціи: все въ ней останется по старому, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посламъ опять придется собираться, чтобы придумать какую-нибудь искусственную мѣру для нѣкоторой отсрочки момента неизбѣжнаго крушенія Оттоманской Имперіи.

«Итакъ, державы не могутъ допустить, чтобы султанъ отвергнулъ предложенныя ему реформы: онъ *долженъ* будетъ принять ихъ. Но кто же заставитъ его это сдѣлать, и въ какой формѣ будетъ произведено на него необходимое давленіе?

«Этого никто еще до сихъ поръ не знаетъ. И это обстоятельство придаетъ извѣстную бодрость старой турецкой партіи, совѣтующей султану отвергнуть европейскій проектъ реформъ, въ томъ разсчетѣ, что Европа не рѣшится прибѣгнуть къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ противъ султана.

«Никто такъ не заинтересованъ въ сохраненіи Турецкой имперіи, какъ Франція, такъ какъ въ рукахъ французскаго населенія и въ парижскихъ банкахъ находится турецкихъ долговыхъ обязательствъ болѣе, чѣмъ на 2½ милліарда франковъ. Политическое или даже просто финансовое банкротство Турціи отозвалось бы самымъ тяжкимъ образомъ не только на Парижской биржѣ, но и на всемъ частномъ французскомъ капиталѣ. Интересы французскихъ капиталистовъ принялъ особенно близко къ сердцу французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото, а потому не удивительно, что при всемъ разногласіи французскихъ партій, всѣ онѣ видятъ въ г. Ганото и его товарищахъ по кабинету единственное спасеніе Франціи отъ турецкаго краха. Но одна Франція Турціи не спасетъ.

«Франція нуждается въ содѣйствіи не только Россіи, но и остальныхъ державъ, которыя доселѣ въ турецкомъ вопросѣ дѣйствуютъ въ полномъ единодушіи. Нужно надѣяться, что это единодушіе сохранится и въ томъ случаѣ, когда державы вынуждены будутъ дѣйствовать на султана не одними только словесными убѣжденіями».

Полученная нами телеграмма *Рейтера* указываетъ, что вопросъ о возможности прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, въ случаѣ упорства султана, составлялъ предметъ серіозной заботы державъ еще въ концѣ прошлаго октября.

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ маркизомъ Солсбери, и вся его переписка по этому поводу съ представителями остальныхъ державъ обнародована теперь въ только-что появившейся англійской *Синей Книгѣ*.

Ни одна изъ великихъ державъ, какъ оказывается, не отрицала того, что, дѣйствительно, въ виду традиціонной неискренности турецкой политики,

принудительныя мѣры противъ Порты могутъ стать необходимыми. Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе вопроса о томъ, каковы будутъ эти мѣры, было отсрочено до того момента, когда явится дѣйствительная въ нихъ необходимость; одинъ лишь представитель Франціи высказался относительно этихъ мѣръ нѣсколько яснѣе, хотя и въ отрицательной формѣ. Онъ, повидимому, согласенъ на всякія мѣры, лишь бы онѣ были приняты всѣми державами, не нарушали цѣлости Турціи и не учреждали въ ней какого либо европейскаго condominium.

Если турецкій вопросъ является для Франціи столь важнымъ въ матеріальномъ отношеніи, то для Россіи онъ еще важнѣе въ отношеніяхъ историческомъ и нравственномъ. Турція для Россіи не только одно изъ сосѣднихъ государствъ, какихъ у нея много, но государство, съ которымъ тѣсно связана ея исторія за послѣднее столѣтіе. Милліоны православныхъ христіанъ, подчиненныхъ владычеству султана, гораздо ближе сердцу Россіи, чѣмъ милліарды турецкаго долга—интересамъ Французовъ.

Какова будетъ судьба этихъ православныхъ христіанъ, если они выйдутъ изъ-подъ турецкой опеки?

На этотъ вопросъ Россія пока никакого опредѣленнаго отвѣта дать не можетъ. Исторія этихъ подчиненныхъ Турціи православныхъ народностей сложилась за послѣднія десятилѣтія такъ, что онѣ не захотѣли, или не сумѣли, оцѣнить всего великаго безкорыстія Россіи, принесшей столько самоотверженныхъ жертвъ ради ихъ религіозной и политической самостоятельности, ради ихъ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Исчезни теперь Турецкая имперія — и Балканскій полуостровъ превратится въ театръ безконечныхъ кровопролитныхъ междоусобій, на великій позоръ и во вредъ Православію и всему Славянству.

Россіи пришлось бы вмѣшаться въ эти междоусобія для того, чтобъ ихъ прекратить, а кто можетъ предвидѣть, къ какимъ замѣшательствамъ могъ бы привести подобный шагъ Россіи, — замѣшательствамъ, которыя не только потребовали бы отъ нея новыхъ тяжкихъ жертвъ, но и отвлекли бы ее на долгое время отъ ея внутреннихъ созидательныхъ работъ и отъ ея культурной миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ виду этого, чѣмъ дольше будетъ отсрочено окончательное рѣшеніе Турецкаго вопроса, тѣмъ больше мы можемъ надѣяться на его мирное и естественное рѣшеніе. Должно же, наконецъ, прійти время, когда Балканскіе народы поймутъ весь вредъ своихъ племенныхъ раздоровъ и всю неоснователыность своихъ опасеній передъ Россіей, которая ничего такъ сильно не желаетъ, какъ, чтобъ единоплеменные и единовѣрные ей народы наслаждались въ полномъ мирѣ и счастіи своею самостоятельностью. Наступитъ время, когда эта счастливая ихъ самостоятельность такъ окрѣпнетъ, что исчезновеніе внѣшнихъ признаковъ турецкой власти произойдетъ легко, естественно, безо всякихъ замѣшательствъ. А до тѣхъ поръ, въ интересахъ Россіи и Славянства, сохраненіе Турецкой имперіи является необходимостью, и если всѣ державы въ этомъ согласны, то онѣ несомнѣнно найдутъ цѣлесообразныя средства къ тому, чтобы, такъ или иначе, побудить султана къ принятію необходимыхъ мѣръ для сохраненія его имперіи, хотя бы эти мѣры и не пришлись по вкусу фанатикамъ старой турецкой партіи.

Правда, есть одна держава, Англія, которой хотѣлось бы всячески привести Турцію теперь же къ немедленному крушенію, дабы, съ одной стороны, вызвать тяжкія финансовыя замѣшательства во Франціи, а съ другой—создать

Россіи новыя тревоги на Балканскомъ полуостровѣ и этимъ отвлечь ея вниманіе отъ Дальняго Востока и отъ тѣхъ интригъ, которыя думаютъ завязать и осуществить Англичане какъ въ Персіи и Афганистанѣ, такъ и въ Японіи и Китаѣ, не говоря уже объ Индіи и Памирахъ. Но корыстныя цѣли Англіи такъ всѣмъ очевидны и такъ всѣмъ ненавистны, что Англія останется одинокою со своими хитроумными планами, и, въ случаѣ надобности, державы сумѣютъ обойтись и безъ Англіи,—еслибъ она вздумала не содѣйствовать, а препятствовать желаемому ими рѣшенію Турецкаго вопроса.

Что касается Россіи, то ея дипломатія стоитъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо на высотѣ своего призванія, такъ что мы можемъ быть вполнѣ увѣренными, что наступившій острый кризисъ турецкаго вопроса будетъ, благодаря Россіи, разрѣшенъ самымъ справедливымъ и мирнымъ образомъ, сообразно съ интересами какъ самой Россіи, такъ и остальныхъ континентальныхъ державъ и христіанскихъ подданныхъ султана.

Если же Англія останется недовольна такимъ мирнымъ рѣшеніемъ, тѣмъ хуже для нея. Мы, во всякомъ случаѣ, войны на Балканскомъ полуостровѣ, въ угоду ей, вести не станемъ.

Праздникъ русской науки.

Завтра, 12 января, Москва, празднуя день основанія своего Университета, посвятитъ свои помыслы русской наукѣ и будетъ привѣтствовать ея успѣхи и процвѣтаніе.

Со всѣхъ концовъ Россіи и изъ иноземныхъ странъ прилетятъ эти привѣтствія не только отъ бывшихъ учениковъ Московскаго Университета, но и вообще отъ ревнителей русскаго научнаго просвѣщенія, ибо Татіаниnъ день давно уже пріобрѣлъ значеніе не только московскаго, но и ежегоднаго всероссійскаго праздника науки.

И этому нельзя не порадоваться. Хорошо бы окончательно закрѣпить за 12 января этотъ характеръ ежегоднаго всероссійскаго научнаго торжества, дабы хотя одинъ день въ году мы могли, отрѣшившись отъ всякихъ матеріально утилитарныхъ и партійно-политическихъ интересовъ, отдать себя всецѣло идеальнымъ стремленіямъ серіозной, чистой науки.

Наука у насъ въ Россіи не имѣетъ еще своихъ вѣковыхъ традицій, окружающихъ ее въ Западной Европѣ особымъ ореоломъ, который возноситъ ее надъ повседневными интересами и дрязгами практической жизни. Мы все еще не отдаемъ себѣ яснаго отчета въ существенномъ отличіи чистой науки отъ науки прикладной и способны смѣшивать истинныхъ дѣятелей науки съ научными ремесленниками. И это весьма понятно. Западноевропейская наука явилась къ намъ 200 лѣтъ тому назадъ именно въ самомъ утилитарномъ своемъ видѣ, и прошло много времени, пока она у насъ отдѣлилась отъ способовъ практическаго своего примѣненія и вернула себѣ свое высокое идеальное значеніе *свободнаго логическаго исканія истины доступной человѣческому разуму.*

Въ этихъ словахъ заключается все великое призваніе и точное опредѣленіе науки. Она должна быть *свободна* въ стремленіи къ истинѣ, такъ

какъ законы строгой логики сами въ себѣ находятъ должное ограниченіе и никакихъ внѣшнихъ ограниченій не выносятъ безъ ущерба для правильности своихъ функцій. Наука должна руководствоваться исключительно этими строгими законами *логики*, не уклоняясь отъ нихъ ни на іоту, такъ какъ науки внѣ логики быть не можетъ. Наука должна, наконецъ, искать *истину доступную человѣческому разуму*, никогда не забывая, что область *этой* истины обширна, но что она есть лишь ничтожная часть міровой истины, той всеобщей, которой наука не только въ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ будущемъ, но вообще *никогда* не постигнетъ.

Ясно сознавая свои предѣлы, истинная наука никогда не станетъ кичиться добытыми ею результатами, какъ бы ни были они сравнительно велики и какое бы широкое практическое примѣненіе они ни получали. Серіозная наука никогда не станетъ придавать своей истинѣ, ограниченной предѣлами человѣческаго разума, значенія истины всемірной, неограниченной, уже потому что это было бы прежде всего *ненаучно*, ибо противорѣчило бы основному закону логики, запрещающему придавать *части*, а въ данномъ случаѣ *частицѣ*, значеніе необъятнаго цѣлаго. Въ виду этого, истинная наука никогда не станетъ въ противорѣчіе ни съ религіей, ни съ искусствомъ, такъ какъ она хорошо знаетъ, что у человѣка, кромѣ логическаго научнаго мышленія, есть еще и другіе пути къ вѣчной истинѣ—путь Откровенія свыше, и путь художественнаго вдохновенія, приближающаго человѣка къ истинѣ не путемъ логическихъ формулъ, а посредствомъ геніальнаго творчества боговдохновенныхъ людей.

Область чистой науки достаточно велика, и ей нѣтъ никакой надобности вторгаться въ такія чуждыя ей области, существованія которыхъ она отрицать не можетъ, но которыя человѣческому разуму не доступны вслѣдствіе несомнѣнной его ограниченности, не только не отрицаемой, но весьма точно констатируемой самою наукой.

Такимъ образомъ наука, оставаясь вѣрна собственнымъ своимъ принципамъ, никогда не сойдетъ со своего точно намѣченнаго широкаго пути, на которомъ она только и можетъ достигать блестящихъ результатовъ, по истинѣ составляющихъ ея славу. На этомъ пути она никакихъ преградъ и препятствій встрѣчать не должна ни со стороны Государства, ни со стороны Церкви. въ особенности же препятствія серіозной наукѣ не мыслимы со стороны Самодержавнаго Государства и со стороны Православной Церкви, которыя по существу своему не только не противорѣчатъ свободѣ духовной дѣятельности человѣка, но и охраняютъ ее отъ всякаго вторженія въ ея область враждебныхъ ей элементовъ.

Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ условій для правильнаго и плодотворнаго развитія научной дѣятельности является ничѣмъ не возмущаемый покой, среди котораго ученый можетъ всецѣло углубляться въ свои изслѣдованія и въ свое преподаваніе; утилитарные, партійные, политическіе и уличные интересы не должны переступать порога его кабинета, его лабораторіи или аудиторіи; онъ долженъ имѣть возможность свободно заниматься наукой и только наукой; эту свободу ему вполнѣ обезпечиваетъ только Государство Самодержавное, въ которомъ ученый къ тому же имѣетъ полное право оставаться только ученымъ, не тратя своего драгоцѣннаго времени на дѣятельность совершенно чуждую наукѣ.

Точно также и Православная Церковь никогда не относилась къ наукѣ

съ тѣмъ фанатическимъ отрицаніемъ, съ какимъ относилась къ ней церковь католическая. Она только требовала, чтобы наука, совершенно свободно развиваясь въ своей собственной области, не относилась съ фанатическимъ отрицаніемъ къ результатамъ познанія истины, достигнутымъ въ совершенно чуждой ей области, въ области Божественнаго Откровенія.

Таковы тѣ благотворныя условія, среди которыхъ серіозная наука можетъ съ полною свободой развиваться въ Россіи, и мы знаемъ, съ какою быстротой она дѣйствительно у насъ развилась за послѣднія десятилѣтія. Вмѣсто нѣсколькихъ отдѣльныхъ выдающихся ученыхъ, которые у насъ всегда были со временъ Ломоносова, у насъ уже есть своя русская научная школа, своя русская наука, достойныхъ представителей которой нельзя и перечесть. Тихо, скромно трудятся они въ различныхъ научныхъ центрахъ Россіи, подготовляя новыя поколѣнія русскихъ ученыхъ дѣятелей и съ истинною любовію дѣлая терпѣливыя изслѣдованія и блестящія открытія во всѣхъ областяхъ науки.

Какъ это всегда и вездѣ бываетъ, рядомъ съ этими истинными и достойными представителями науки находятся люди, для которыхъ наука является средствомъ не къ познанію истины, а къ достиженію эгоистическихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ научною истиной, но тѣсно соприкасающихся съ интересами политическихъ и иныхъ партій, съ тщеславіемъ, съ исканіемъ популярности, съ корыстолюбіемъ и другими низменными сторонами человѣческой природы. Такіе люди никакой пользы наукѣ принести не могутъ, вредъ же причиняемый ими весьма существенъ, такъ какъ они не только тормазятъ успѣхи истинной науки, но и извращаютъ самый смыслъ ея и подготовляютъ намъ молодое поколѣніе, совершенно чуждое чисто научныхъ интересовъ, что можетъ отразиться лишь пагубнымъ образомъ на будущности Россіи.

Какъ же должно Правительство относиться къ этимъ мнимымъ радѣтелямъ науки, которые на самомъ дѣлѣ являются ея злѣйшими врагами, отвлекая ее отъ ея прямой обязанности и обрекая ее на безплодность не только въ настоящее, но и на будущее время?

Если государство относится къ наукѣ съ полнымъ равнодушіемъ, если ему не дороги ея интересы, если ему совершенно все равно, въ чьихъ рукахъ окажется будущность государства, оно, конечно, не приметъ никакихъ мѣръ къ огражденію науки отъ вторженія въ ея область враждебныхъ ей элементовъ.

Но правительство сознающее свою отвѣтственность передъ Богомъ и отечествомъ употребитъ всѣ предоставленныя ему закономъ мѣры къ тому, чтобъ оградить какъ индивидуальную свободу гражданъ, занимающихся въ законныхъ предѣлахъ каждый своимъ спеціальнымъ дѣломъ, такъ и общую свободу науки, не имѣющей возможности плодотворно заниматься своимъ дѣломъ, коль скоро въ ея храмъ врываются антинаучные элементы со всѣми своими мелкими, партійными, интересами.

Подъ такою крѣпкою и цѣлесообразною охраной Правительства, русская наука можетъ свободно процвѣтать и развиваться на томъ пути, на который она вступила въ послѣднюю четверть нашего столѣтія, и на которомъ она, Богъ дастъ, и останется въ пользу общечеловѣческую и на благо Россіи.

Россія же отъ всего сердца желаетъ ей блестящихъ успѣховъ во всѣхъ нашихъ научныхъ центрахъ, въ особенности же въ старѣйшемъ и славнѣйшемъ ея храмѣ, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Уставъ 1863 года и студенты.

Бывшія въ декабрѣ прошлаго года волненія среди студентовъ Московскаго Университета и обнародованное по поводу ихъ *Правительственное Сообщеніе* имѣли, между прочимъ, одинъ совершенно неожиданный результатъ и въ печати, и въ обществѣ стали говорить о необходимости замѣнить нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ предшествовавшимъ ему уставомъ 1863 года.

Мы называемъ этотъ результатъ неожиданнымъ, потому что упомянутыя выше студенческія волненія ничего общаго ни съ уставомъ 1863, ни съ уставомъ 1884 года, не имѣли.

Правда, въ числѣ «требованій» такъ называемаго «союзнаго совѣта соединенныхъ землячествъ» упоминалось, если не ошибаемся, и «возстановленіе устава 1863 года», и отдѣльные студенты въ своихъ рѣчахъ и разговорахъ часто повторяли и доселѣ повторяютъ, въ видѣ готоваго лозунга, стереотипныя слова: «возстановленіе устава 1863 года».

Но это—простое недоразумѣніе. Спросите этихъ студентовъ, зачѣмъ нуженъ имъ уставъ 1863 года, и тотчасъ обнаружится, что они устава этого и въ глаза не видали.

Они вамъ будутъ говорить, что въ этомъ, блаженной памяти, уставѣ «студентамъ было предоставлено право сходокъ», что этотъ уставъ давалъ студентамъ право соединяться въ корпораціи», что при этомъ уставѣ «экзамены были гораздо легче»; слышатся и такія мнѣнія, будто при уставѣ 1863 года «экзаменовъ совсѣмъ не было», и будто выборы профессоровъ производились самими студентами».

Достаточно раскрыть предъ студентами подлинный текстъ устава 1863 года, чтобы тотчасъ доказать имъ, что всѣ эти мнимыя «права» и «свободы» нигдѣ въ уставѣ 1863 года не значатся. Студенты сперва глазамъ своимъ не вѣрятъ; имъ такъ часто говорили, что всѣ ихъ бѣдствія происходятъ вслѣдствіе отмѣны устава 1863 года, имъ такъ часто указывали на этотъ уставъ какъ на палладіумъ студенческой свободы, что имъ очень трудно сразу разстаться съ этой иллюзіей; но въ концѣ концовъ они все-таки разстаются съ ней и убѣждаются, что, если, можетъ-быть, для кого и нужно возстановленіе устава 1863 года, то во всякомъ случаѣ не для студентовъ, бѣдственное положеніе которыхъ отъ возстановленія этого устава не улучшилось бы ни на іоту.

Истинныя причины этого бѣдственнаго положенія: громадное число недостаточныхъ студентовъ, безпризорность и необезпеченность ихъ среди дорогой столичной жизни со всѣми ея умственными и нравственными соблазнами, а вслѣдствіе этого легкій доступъ въ среду студентовъ всевозможныхъ развращающихъ ихъ пропагандъ,—всѣ эти причины существовали и до устава 1863 года, и во время его процвѣтанія, и послѣ его паденія, и при нынѣ дѣйствующемъ уставѣ, а потому онѣ требуютъ спеціальнаго, серіознаго изученія и устраненія совершенно внѣ зависимости отъ того или иного университетскаго устава.

Мы не станемъ въ настоящей статьѣ разсматривать вопросъ о преиму-

ществахъ того или другого устава. Допустимъ даже, что уставъ 1884 года нуждается въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ для болѣе цѣлесообразной организаціи въ немъ строго научнаго преподаванія; мы хотимъ только сказать, что всѣ эти улучшенія, и хотя бы полное возстановленіе устава 1863 года, насъ отъ повторенія студенческихъ безпорядковъ гарантировать не могутъ, такъ какъ, — мы еще разъ это повторяемъ,—причина этихъ безпорядковъ ничего общаго съ тѣмъ или другимъ уставомъ университета не имѣетъ.

Профессорамъ университета этотъ неспоримый фактъ извѣстенъ болѣе чѣмъ кому-либо. Тѣмъ удивительнѣе, что нѣкоторые, правда, очень немногіе изъ нынѣшнихъ и бывшихъ профессоровъ выступили въ печати со статьями, предлагающими прекратить университетскіе безпорядки посредствомъ возстановленія устава 1863 года.

Что этотъ уставъ все еще дорогъ сердцу иныхъ профессоровъ, такъ какъ онъ отдавалъ въ руки университетскаго совѣта широкую власть самоуправленія, — это болѣе чѣмъ понятно, и мы нисколько не удивились бы, еслибы профессора требовали возстановленія устава 1863 года въ личныхъ своихъ интересахъ; но мы не понимаемъ, какъ они рѣшаются, ради этихъ интересовъ, эксплуатировать бѣдственное положеніе студентовъ, внушая имъ мысль требовать «возстановленія устава 1863 года», которое профессорамъ дало бы очень многое, а студентамъ—ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серіозно увѣрять публику и правительство, что бывшіе у насъ студенческіе безпорядки вызваны отмѣной устава 1863 года? Это было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать, что при уставѣ 1863 года студенческихъ безпорядковъ не было.

Попытку привести такое доказательство мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ одной изъ вышеупомянутыхъ статей, требующихъ возстановленія устава 1863 года на томъ де основаніи, что послѣ утвержденія устава 1863 года въ теченіе около 20 лѣтъ, то-есть съ 1863 по 1883 годъ, не было серіозныхъ студенческихъ безпорядковъ.

Такъ ли это? Обратимся къ фактическимъ даннымъ изъ прошлаго нашихъ университетовъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ, какъ извѣстно, въ мартѣ 1869 года произошли столь крупные безпорядки, что, по Высочайшему повелѣнію, для устраненія ихъ былъ составленъ особый комитетъ, выработавшій правила, которыя были затѣмъ Высочайше утверждены 8 іюля 1869 года

Правила эти клонились, между прочимъ, къ тому, чтобъ «усилить учебныя занятія учащихся, съ каковою цѣлью предписывалось совѣтамъ университета обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ, подъ руководствомъ преподавателей».

Осенью 1874 года возникли въ Петербургѣ еще болѣе крупные безпорядки, и снова пришлось прибѣгнуть къ Высочайшему повелѣнію для устраненія ихъ: учреждено было особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева, которое, внимательно обсудивъ дѣло въ пяти засѣданіяхъ, происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1874 года, пришло къ тому убѣжденію, что уставъ 1863 года ровно никакого благодѣтельнаго вліянія на устраненіе безпорядковъ не имѣетъ, а что, наоборотъ, предоставленная профессорскимъ коллегіямъ автономія съ правомъ замѣщенія всѣхъ должностей по выбору лишаетъ начальствующія лица прямого вліянія на общій ходъ дѣла въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ сами коллегіи эти пренебрегаютъ нравственными способами вліянія на учащихся и склонны признавать за ними гражданскую зрѣлость и гражданское значеніе, коихъ они имѣть не могутъ, и что, наконецъ, наиболѣе вліятельные члены этихъ коллегій, какъ только возникаютъ волненія и безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участія въ ихъ прекращеніи.

Въ 1878 году студенческіе безпорядки начались въ Кіевѣ 14 марта, распространились по всѣмъ университетскимъ городамъ и не прекращались въ продолженіе всего года, а 29 ноября 1878 года въ Петербургѣ дѣло дошло до того, что всѣ студенты университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній собрались толпой и двинулись по направленію къ Аничковскому дворцу для подачи коллективнаго прошенія Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Въ 1878—1879 учебномъ году въ Харьковѣ безпрерывно возобновлялись студенческіе безпорядки, и временный харьковскій генералъ-губернаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ, прибывъ изъ Харькова въ Петербургъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ безпорядковъ, настоятельно указывалъ, что, при коллегіальномъ порядкѣ управленія университетами, въ нихъ нѣтъ должностныхъ лицъ, которыя дѣйствительно несли бы на себѣ отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ порядка. Въ виду этого заявленія состоялось, по Высочайшему повелѣнію, новое особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ того же статсъ-секретаря Валуева, которое признало необходимымъ совершенно измѣнить порядокъ управленія и надзора за студентами и самое положеніе университетской инспекціи.

Осенью 1880 года статсъ-секретарь Сабуровъ, въ бытность свою въ Москвѣ, разрѣшилъ студентамъ устроить свою собственную читальню, послѣ чего начались безпрерывныя сходки. Особенно буйнымъ характеромъ отличалась сходка 5 декабря, такъ что университетскому самоуправленію пришлось сознаться въ своемъ безсиліи и *обратиться къ полиціи и военной силѣ*: масса студентовъ была арестована и отведена сначала въ Экзерциргаузъ, а затѣмъ въ Московскую пересыльную тюрьму.

12 января 1881 года на актѣ Московскаго Университета рѣчь ректора была встрѣчена свистками.

Въ Петербургскомъ университетѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ высшаго начальства, было приступлено къ организаціи постоянныхъ курсовыхъ сходокъ, къ выбору ихъ старшинъ, а 8 февраля 1881 года день торжественнаго годоваго акта ознаменовался неслыханными дотолѣ студенческими безпорядками и оскорбленіемъ дѣйствіемъ высокаго должностнаго лица.

Въ то же самое время не переставали волноваться студенты и въ провинціальныхъ университетахъ, собираясь то и дѣло на сходки, мѣшая чтенію лекцій и посылая отъ себя петиціи министру Народнаго Просвѣщенія.

Въ виду всѣхъ этихъ серіозныхъ и крупныхъ безпорядковъ, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе подвергнуть обсужденію вопросъ объ устройствѣ быта студентовъ.

Послѣ 1 марта 1881 года въ университетахъ начались новые безпорядки и смуты самаго прискорбнаго характера; такъ, напримѣръ, въ Московскомъ университетѣ подписка на вѣнокъ въ Бозѣ почившему Императору Александру II-му дала поводъ къ цѣлому ряду буйныхъ сходокъ самаго возмутительнаго характера; такія же бурныя сходки были по тому же поводу и въ Петербургскомъ университетѣ.

Въ октябрѣ 1882 года начались сильнѣйшіе студенческіе безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ и не замедлили найти себѣ отголосокъ и въ другихъ университетахъ, особенно въ Харьковѣ и Казани.

Такова скорбная и далеко не полная университетская лѣтопись за время дѣйствія устава 1863 года.

Мы еще разъ повторяемъ: всѣ эти университетскія волненія и безпорядки мы вовсе не приписываемъ уставу 1863 года; точно также, бывшіе недавно безпорядки нельзя приписывать уставу 1884 года. Припутывать къ безпорядкамъ университетскіе уставы—значитъ намѣренно затемнять дѣло, отводить глаза общества и правительства отъ самой сущности дѣла къ вопросамъ, которые, несомнѣнно, сами по себѣ чрезвычайно важны, но только къ данному дѣлу никакого отношенія не имѣютъ.

Правительство серіозно озабочено самою сущностью студенческихъ безпорядковъ. По личной инициативѣ Его Императорскаго Величества, оно принялось дѣятельно за практическое рѣшеніе студенческаго вопроса, за устройство въ Москвѣ обширнаго студенческаго общежитія, въ которомъ недостаточные студенты будутъ предохранены отъ всѣхъ тѣхъ невзгодъ и лишеній, которыя имъ приходится теперь претерпѣвать, и которыя иногда отдаютъ ихъ въ руки злонамѣренныхъ людей. Почему же господа профессора, такъ много трактующіе о несчастныхъ студентахъ, ни слова не говорятъ объ этой дѣйствительно практической и очевидно полезной мѣрѣ, а все только повторяютъ совершенно не идущія къ дѣлу требованія о возстановленіи устава 1863 года?

Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы спокойно и серіозно обсуждать въ печати недостатки и преимущества уставовъ 1863 и 1884 года; но теперь необходимо немедленно принять мѣры къ спасенію нѣсколькихъ сотенъ молодыхъ людей, а потому намъ нужны не академическія, къ дѣлу не идущія разсужденія, а практическія цѣлесообразныя мѣропріятія, къ которымъ, какъ мы сказали, правительство и университетскія власти уже приступили.

Къ вопросу о Херсонскомъ неурожаѣ.

Намъ неоднократно уже приходилось указывать на одинъ изъ довольно часто употребляемыхъ пріемовъ антиправительственной агитаціи, орудіями которой являются иныя наши земства и органы печати.

Всѣмъ еще памятны походы противъ правительственнаго «безсилія» и «нерадѣнія» во время недавнихъ нашихъ тяжкихъ бѣдствій, вызванныхъ холерой и неурожаемъ, которыя были предотвращены будто бы не правительственными мѣрами, а «общественною самопомощью»; на самомъ дѣлѣ вся тяжесть борьбы съ этими бѣдствіями, какъ извѣстно, всецѣло лежала на правительствѣ, которое и вышло побѣдителемъ изъ этого тяжкаго испытанія.

Образецъ такой же агитаціи мы видимъ въ настоящее время, хотя и въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, въ тѣхъ жалобахъ которыя высказываются нѣкоторыми столичными и провинціальными изданіями на мнимо-равнодушное отношеніе правительственной власти къ Херсонской губерніи, которую въ прошломъ году также посѣтилъ мѣстами неурожай, вызвавшій будто бы голодъ и эпидемическія тифозныя заболѣванія.

Въ описаніяхъ, посвященныхъ этому предмету, пускаются въ ходъ самыя мрачныя краски; такъ, напримѣръ, въ одной изъ мѣстныхъ газетъ говорится: «то, что происходитъ у насъ теперь въ деревняхъ, способно тронуть самое каменное сердце, и проходить молчаніемъ подобные факты было бы по меньшей мѣрѣ грѣшно... Землевладѣльцы требуютъ платы за землю, а тутъ не только о платѣ, но и прямо о насущномъ кускѣ хлѣба приходится думать,— будетъ ли онъ завтра или нѣтъ?.. Во многихъ мѣстахъ Ананьевскаго уѣзда открылся среди населенія тифъ, вслѣдствіе того, что жители питаются гнилымъ картофелемъ и другими испорченными продуктами, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго; нѣкоторые же живутъ впроголодь».

Въ другой газетѣ сообщается, что «заболѣванія брюшнымъ тифомъ быстро возрастаютъ», и что съѣздъ земскихъ врачей «призналъ эпидемію тифа чрезвычайною».

Что̀ же дѣлаетъ земство? Земство, какъ «сила общественная», конечно, всѣмъ сердцемъ готово помочь бѣдѣ, но ему мѣшаетъ жестокосердіе «правительства». Какимъ образомъ?

«Земство заблаговременно предвидѣло возможность нужды, читаемъ мы въ одной изъ упомянутыхъ газетъ, и сдѣлало приблизительный разсчетъ необходимыхъ средствъ для ея удовлетворенія. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не согласилось съ разсчетами земства, и хотя земство повторило свое ходатайство, подкрѣпивъ его новыми данными, тѣмъ не менѣе Министерствомъ было предложено значительно сократить какъ размѣры пайка, выдаваемаго нуждающимся, такъ и періодъ продовольственной помощи и исключить лицъ способныхъ къ труду изъ списковъ нуждающихся... Херсонское губернское земство справедливо высказалось противъ вышеупомянутыхъ сокращеній и изъятій и опять возобновило свое ходатайство о ссудѣ около 600 тысячъ рублей изъ имперскаго продовольственнаго капитала. Но затѣмъ послѣдовала еще дальнѣйшая проволочка этого дѣла, и разрѣшеніе этого жгучаго для губерніи вопроса вновь затормазилось».

Такимъ образомъ «правительство» кругомъ виновато.

Вопросъ этотъ настолько обострился, что мы сочли нужнымъ навести справки объ этомъ мнимомъ безсердечіи правительства, и вотъ что̀ оказалось въ дѣйствительности.

Неурожай хлѣбовъ въ Херсонской губерніи былъ въ минувшемъ году далеко не повсемѣстнымъ; даже въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, на ряду съ полями не возвратившими сѣмянъ, встрѣчались участки, давшіе хорошій урожай.

Продовольственныя ссуды населенію пострадавшихъ отъ неурожая сельскихъ обществъ до послѣдняго времени выдавались и нынѣ выдаются изъ продовольственныхъ средствъ означенныхъ обществъ.

Независимо отъ сего, у земства въ настоящее время, для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія, имѣется губернскаго продовольственнаго капитала налицо 177.000 руб.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не отказывало въ помощи населенію, но, вмѣсто денежной ссуды, предложило снабдить земство прямо хлѣбомъ изъ имѣющихся въ распоряженіи Министерства Финансовъ запасовъ, или пріобрѣтенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дабы доставленіемъ этого готоваго и дешеваго хлѣба понизить мѣстныя хлѣбныя цѣны, которыя возвысились бы, если бы земству была дана крупная правительственная сумма

денегъ, причемъ земскіе агенты стали бы на мѣстныхъ рынкахъ скупать запасы хлѣба, какъ это показалъ опытъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда правительство приходило на помощь земствамъ не хлѣбомъ, а деньгами. Мы уже не говоримъ о другихъ крупныхъ неудобствахъ вызванныхъ въ то время этими денежными ссудами.

Не дожидаясь отвѣта Херсонскаго земства, съ точнымъ обозначеніемъ нуждающихся мѣстностей и потребнаго для нихъ количества хлѣба, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ распорядилось немедленно доставить въ Херсонскую губернію 240 000 пудовъ хлѣба. И что же оказалось? Изъ этого количества хлѣба доселѣ было затребовано лишь 130.000 пудовъ, а надобность въ остальныхъ 110.000 пудахъ еще не наступила.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что при малѣйшей дѣйствительной надобности правительство можетъ своими готовыми хлѣбными запасами засыпать всю Херсонскую губернію, и что оно *въ этой наиболѣе практической и цѣлесообразной формѣ помощи* земству никогда не откажетъ.

Столь же тенденціозными и прямо вымышленными оказываются и сообщенія о *вызванныхъ* будто бы *неурожаемъ* голодѣ и тифѣ. Статистическія наблюденія показываютъ, что число тифозныхъ заболѣваній въ нынѣшнемъ году *еще менѣе, чѣмъ въ годы урожайные*, и что, слѣдовательно, эти заболѣванія никакой связи съ недородомъ 1895 года не имѣютъ. Вотъ эти статистическія данныя:

	Тифъ сыпной.			Тифъ брюшной.			Тифъ возвратный.			Тифъ неопредѣленн.		
	1894	1895	1896	1894	1895	1896	1894	1895	1896	1894	1895	1896
Херсонскій уѣздъ	91	48	5	1.127	1.556	1.084	Единичныя заболѣванія.	Единичныя заболѣванія.	Единичныя заболѣванія.	216	227	60
Александровскій уѣздъ	697	2.511	385	1.158	1.760	1.589				181	310	29
Ананьевскій уѣздъ	393	178	119	1.520	1.286	1.161				388	309	205
Елисаветградскій уѣздъ	4.490	2.185	1.152	1.552	1.207	960				1.279	1 142	610
Одесскій уѣздъ	136	134	10	584	276	590				126	47	7
Тираспольскій уѣздъ	174	99	172	593	499	665				148	131	70
ИТОГО...	5.986	5.155	1.843	6.534	6.584	6.049				2.338	2.166	981

Примѣчаніе. Цифры за 1896 годъ взяты за 11½ мѣсяцевъ (то есть по 16 декабря). По полицейскимъ свѣдѣніямъ, число заболѣваній тифомъ въ Одесскомъ уѣздѣ съ 1 по 8 января было 1.

Цифры эти показываютъ, что о какой-нибудь «чрезвычайной» тифозной эпидеміи въ Херсонской губерніи и рѣчи не можетъ быть. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь объ установленіи связи тифа съ недородомъ 1896 года, такъ какъ болѣзнь, и безъ того не имѣвшая по своимъ размѣрамъ какого-либо

тревожнаго развитія, вмѣсто того, чтобъ увеличиваться съ предполагаемымъ уменьшеніемъ пищевыхъ средствъ населенія, въ послѣднее время, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, значительно ослабѣваетъ.

Таково дѣйствительное положеніе дѣла.

Мы далеки отъ того, чтобы намѣренно уменьшать значеніе неурожая, постигшаго нѣкоторыя мѣстности Херсонской губерніи. Но мы не можемъ не протестовать противъ сообщеній тѣхъ газетъ которыя задались мыслью раздуть послѣдствія этого неурожая до размѣровъ какого-то народнаго бѣдствія, съ цѣлью взвалить вину въ этомъ бѣдствіи на правительство. Это намѣреніе тѣмъ болѣе предосудительно, что сопровождается намѣреннымъ искаженіемъ истины.

Дворянскій вопросъ.

Дворянскій вопросъ имѣетъ для современной Россіи весьма существенное значеніе, такъ какъ отъ рѣшенія его въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ вся будущность Россіи.

Сохраните дворянство—и Россія останется *сословнымъ* государствомъ, представляющимъ твердую опору для Самодержавной Царской Власти; уничтожьте дворянство—и Россія превратится въ безсословное *демократическое* государство, которое будетъ обречено на ту же участь, какъ и всѣ прочія западныя демократіи.

Третьяго исхода изъ даннаго положенія нѣтъ и быть не можетъ, а потому дворянскій вопросъ является для Россіи вопросомъ роковымъ, котораго нельзя ни замолчать, ни забыть, отъ котораго нельзя отдѣлаться, занимаясь другими вопросами, такъ какъ всюду, куда бы мы ни обратились, онъ возстаетъ предъ нами, не даетъ намъ свободнаго прохода и настоятельно требуетъ отъ насъ категорическаго отвѣта: быть или не быть русскому дворянству?

Что вопросъ этотъ дѣйствительно имѣетъ для насъ значеніе первостепенной важности, доказывается уже тѣмъ, что современное общество наше съ величайшею чуткостію отзывается на всякую попытку разрѣшить этотъ вопросъ въ ту или другую сторону. Какъ враги, такъ и защитники дворянской идеи пользуются всякимъ случаемъ, чтобы такъ или иначе отозваться на эти попытки, которыя, къ сожалѣнію, иногда болѣе запутываютъ, чѣмъ разъясняютъ данный вопросъ.

Такъ, напримѣръ, особенную сенсацію производитъ въ настоящее время статья Б. Н. Чичерина «О современномъ положеніи русскаго дворянства», появившаяся въ № 28 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Статья эта возбудила много противорѣчивыхъ толковъ, такъ какъ и сама она не свободна отъ весьма крупныхъ противорѣчій.

Уважаемый авторъ говоритъ намъ, что «35 лѣтъ тому назадъ многіе полагали, что, съ отмѣной крѣпостнаго права, дворянство, какъ сословіе, должно упраздниться», но что онъ «въ то время рѣшился печатно выступить противъ этого взгляда», такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что «дворянство, какъ высшій культурный слой русской земли, носящій въ себѣ лучшія ея

преданія, можетъ еще сослужить службу отечеству на новомъ открывающемся ему поприщѣ».

Такъ думалъ 35 лѣтъ тому назадъ Б. Н. Чичеринъ; такъ повидимому думаетъ онъ и теперь.

«Въ Россіи»,—говоритъ онъ,—«классъ независимыхъ, обезпеченныхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ составляетъ первую и самую насущную потребность. Этой потребности удовлетворяло русское дворянство настолько, насколько это было возможно при существующемъ матеріальномъ уровнѣ русскаго общества. Поэтому и разореніе русскаго дворянства нельзя считать бѣдствіемъ для страны. Когда по этому поводу изъ демократическаго лагеря слышится нѣкоторое злорадство, то нельзя не сказать, что такое чувство идетъ наперекоръ истинной любви къ отечеству».

Б. Н. Чичеринъ весьма вѣрно объясняетъ это демократическое злорадство «лишь теоретическимъ легкомысліемъ или сословною завистью», но почему-то считаетъ нужнымъ присоединить еще третье, довольно загадочное. объясненіе—«не всегда красивыми явленіями, поражающими особенно въ столицахъ, гдѣ нерѣдко въ высшихъ слояхъ (?) выставляются на показъ притязанія далеко несоотвѣтствующія умственному содержанію (?) и нравственному уровню» (?).

На кого и на что намекаютъ эти таинственныя слова, остается неизвѣстнымъ; за то мѣра, предлагаемая г. Чичеринымъ для устраненія отмѣченныхъ имъ «некрасивыхъ явленій», очень проста и ясна. Онъ совѣтуетъ дворянству «не хлопотать о разныхъ льготахъ», а «стараться собственными силами справиться съ труднымъ матеріальнымъ положеніемъ».

«Не сокрушаться о прошломъ, не жаловаться на настоящее, а смѣло глядѣть въ будущее: таково должно быть настроеніе сословія, которое не считаетъ свое историческое призваніе оконченнымъ».

Каково же это «будущее», въ которое дворянство можетъ «смѣло глядѣть», если оно воспользуется рецептомъ г. Чичерина?

Вотъ какими словами Б. Н. Чичеринъ описываетъ намъ это свѣтлое будущее дворянства:

«Безъ сомнѣнія, многіе падутъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни, *но останется здоровое ядро,—тѣ, которые въ состояніи устоять на своихъ ногахъ,—а это именно то, что требуется для государства и отечества*». (Курсивъ подлинника.)

Итакъ, свѣтлое будущее дворянства состоитъ въ томъ, что многія тысячи дворянъ «должны пасть въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни». Бывшій профессоръ благодушно утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что это паденіе будетъ послѣдствіемъ такого великаго блага, какъ «свобода».

«Въ свободномъ обществѣ каждый долженъ стоять на своихъ ногахъ и самъ устраивать свои дѣла, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Если онъ не можетъ или не умѣетъ съ ними справиться, онъ неизбѣжно нисходитъ на низшую ступень, или становится въ подчиненное положеніе. Свобода

имѣетъ свои невыгоды, съ которыми надобно мириться, ибо только при этомъ условіи возможно высшее развитіе. Свободный человѣкъ самъ за себя отвѣчаетъ и живетъ за свой собственный страхъ и рискъ».

Итакъ, «высшее развитіе» заключается въ томъ, что въ государствѣ должна водвориться безпощадная «борьба за существованіе» съ провозглашеніемъ принципа права сильнаго, то-есть, другими словами, съ возвращеніемъ къ варварству.

Но не станемъ спорить объ этомъ съ г. Чичеринымъ; вѣдь онъ обѣщаетъ намъ, что въ результатѣ этой борьбы «останется здоровое ядро,— тѣ, которые въ состояніи устоять на своихъ ногахъ,—а это именно то, что̀ требуется для государства и отечества».

Это очень мало, но спасибо и на томъ.

Вѣроятно, г. Чичеринъ надѣется, что это небольшое «здоровое ядро», по отсѣченіи гнилыхъ корней и негодныхъ ростковъ, усилится, окрѣпнетъ, пышно разовьется и положитъ начало новой богатой жизни русскаго дворянства, такъ какъ вѣдь «это именно то, что̀ требуется для государства и отечества». Въ этомъ, можетъ-быть, и заключается то свѣтлое будущее, которое г. Чичеринъ обѣщаетъ дворянству?

Увы, нѣтъ. Вотъ предсказанія г. Чичерина:

«Съ водвореніемъ общей гражданской свободы, разложеніе сословнаго строя составляетъ только вопросъ времени. Оно можетъ быть ускорено экономическими невзгодами, и въ этомъ отношеніи современный хозяйственный кризисъ составляетъ историческое событіе, существенно вліяющее на ходъ неотразимаго процесса».

И г. Чичеринъ не протестуетъ противъ этого «неотразимаго процесса»; онъ радуется ему, такъ какъ, благодаря ему, у насъ скорѣе водворится «общая гражданская свобода», а слѣдовательно скорѣе совершится «разложеніе сословнаго строя».

Мы очень благодарны г. Чичерину за его откровенность. Онъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе, что дворянскій вопросъ есть вопросъ роковой для Россіи, вопросъ, сводящійся къ тому, быть ли ей крѣпкимъ сословнымъ государствомъ, твердо покоящимся на своихъ историческихъ устояхъ, или разсыпаться ей въ демократическую кучу песка и отдать себя на произволъ бушующаго вѣтра партійныхъ страстей и той «общей гражданской свободы», которая узаконяетъ борьбу за существованіе, какъ высшій принципъ государственности.

Въ виду этого, мы еще разъ повторяемъ, что дворянскій вопросъ является въ настоящее время не просто вопросомъ о сохраненіи одного изъ сословій Россіи, а вопросомъ о сохраненіи самой Россіи, и потому мѣры, которыя должны быть приняты къ этому сохраненію, должны быть мѣрами не узко-сословными, о обще-государственными.

Съ другой стороны, русское дворянство должно быть сохранено не потому, чтобъ этого требовали интересы дворянства, а потому, что этого требуютъ интересы Россіи. А потому, еслибы нашлись дворяне, требующіе упраздненія сословнаго строя Россіи и посему радующіеся разложенію дворянства, то ихъ мнѣнія въ разсчетъ приниматься не могутъ: они именно и

являются тѣми гнилыми корнями и вредными отростками, которые должны быть отсѣчены отъ здороваго ядра русскаго дворянства.

Что дорого для Россіи въ каждомъ изъ ея сословій, это—безусловная его преданность Царю и Отечеству, а затѣмъ уже экономическое его благосостояніе. Какая была бы для Россіи польза отъ того, еслибы пережившіе борьбу за существованіе дворяне оказались демократами и стремились бы къ разложенію Россіи? Нѣтъ, не такихъ дворянъ нужно Россіи, хотя бы ихъ матеріальное положеніе было блестящимъ; ей необходимо дворянство, твердо сплоченное духовно и нравственно тѣми высокими идеалами беззавѣтной преданности Престолу, благодаря которой оно только и могло сослужить своему отечеству ту службу, которой Россія никогда не забудетъ.

Къ этому вопросу придется намъ не разъ еще вернуться.

Политика Россіи въ Восточномъ вопросѣ.

Восточный вопросъ имѣлъ въ своей исторіи много неожиданныхъ фазисовъ, но послѣдній, современный его фазисъ является, съ перваго взгляда, даже совершенно невѣроятнымъ: христіанская Европа соединила свои усилія не для того чтобъ освободить христіанское населеніе Крита изъ-подъ власти Турокъ, а для того, чтобъ удержать его подъ этою властью.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что усилія Европы увѣнчаются успѣхомъ, но не окажется ли этотъ успѣхъ противорѣчащимъ логическому ходу исторіи?

Таковъ вопросъ, передъ которымъ въ настоящее время несомнѣнно многіе останавливаются, такъ какъ онъ, дѣйствительно, можетъ поставить въ тупикъ даже людей, старающихся проникнуть въ сущность политическихъ вопросовъ.

Иные, пожалуй, готовы мириться съ тѣмъ фактомъ, что Западная Европа заступается за Турцію, такъ какъ она уже часто за нее заступалась и дипломатическимъ путемъ, и съ оружіемъ въ рукахъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ всѣ наши турецкія войны.

Страннымъ для нихъ является только участіе Россіи въ этомъ общеевропейскомъ концертѣ, такъ какъ Россія до сихъ поръ обыкновенно заступалась не за Турцію, а за христіанскихъ подданныхъ султана. Почему же Россія теперь измѣнила свою традиціонную политику?

Но прежде чѣмъ ставить этотъ вопросъ, необходимо доказать, что Россія въ самомъ дѣлѣ измѣнила свою политику въ Восточномъ вопросѣ. Доказать же это можно было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ оказалось, что конечная цѣль этой политики иная, чѣмъ она была прежде, напримѣръ, въ періоды, предшествовавшіе нашимъ двумъ послѣднимъ турецкимъ войнамъ.

Вопросъ этотъ заслуживаетъ внимательнаго изученія.

Какъ въ 1854, такъ и въ 1876 году Россія настаивала не на расчлененіи Турецкой имперіи, а на облегченіи участи той или другой части христіанскаго населенія Турціи. Если въ томъ и другомъ случаѣ Россіи пришлось взяться за оружіе, то она дѣлала это лишь потому, что справедливыя требо-

ванія ея отвергались Турціей, которую въ этомъ сопротивленіи всегда поддерживала Англія, а иногда и другія европейскія державы.

Въ настоящее время Россія дѣлаетъ какъ разъ то же самое, что она дѣлала наканунѣ Крымской и послѣдней Турецкой войны: она требуетъ отъ Турціи облегченія участи всего христіанскаго населенія Оттоманской имперіи введеніемъ разумныхъ административныхъ реформъ. Разница въ настоящемъ положеніи Россіи заключается лишь въ томъ, что теперь всѣ европейскія державы, не исключая даже Англіи, офиціально поддерживаютъ требованія Россіи, такъ что Турція лишена на этотъ разъ возможности отвергнуть предъявленныя ей требованія, и Россіи, такимъ образомъ, не придется обнажать своего меча противъ Турціи.

Такимъ образомъ, политика Россіи не только не измѣнилась, но, оставаясь вѣрною своимъ традиціямъ, привлекла къ себѣ сочувствіе Европы и можетъ разсчитывать на достиженіе желанной цѣли, не прибѣгая къ прежнимъ кровопролитнымъ войнамъ.

Этотъ успѣхъ русской политики въ Восточномъ вопросѣ, конечно, не можетъ быть по сердцу Англіи, которая каждый успѣхъ Россіи, гдѣ бы онъ ни былъ, привыкла считать тяжкимъ для себя уроиомъ; въ виду этого не удивительно, что мирное рѣшеніе возникшихъ въ Турціи затрудненій не можетъ нравится Англичанамъ, и что они стараются такъ или иначе вызвать военное столкновеніе, наперекоръ политикѣ Россіи, хотя Англійское правительство силою обстоятельствъ вынуждено офиціально одобрять эту политику.

Такимъ образомъ, происками Англіи искусственно вызвано было внезапное обостреніе Критскаго вопроса, какъ разъ въ то время, когда онъ, усиліями Россіи и прочихъ державъ, приближался къ мирному своему разрѣшенію.

Какъ же въ виду всего этого должна была поступить Россія?

Предъ нею открывались два пути: оставаясь вѣрною своей политикѣ, она должна была настаивать на требуемомъ ею мирномъ устраненіи неурядицъ какъ на островѣ Критѣ, такъ и вообще во всей Турецкой имперіи; или же она могла, измѣнивъ своей политикѣ, примкнуть къ тайнымъ интригамъ враждебной ей Англіи и положить начало безконечнымъ войнамъ и междоусобіямъ на Балканскомъ полуостровѣ: ей пришлось бы приступить теперь же къ началу раздѣла Турецкой имперіи, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ Англія и Австро-Венгрія, но который въ настоящее время вовсе не можетъ соотвѣтствовать ни интересамъ Россіи, ни интересамъ европейскаго мира, ни интересамъ христіанскаго населенія Турецкой имперіи, на которомъ всею своею тяжестью отозвались бы послѣдствія мусульманскаго фанатизма, вызваннаго грозящею опасностью полнаго крушенія Оттоманской имперіи.

Вотъ почему Россія, заботясь, какъ и всегда, о мирномъ благосостояніи своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ Турціи, должна была рѣшительно выступить противъ попытки нарушить этотъ миръ, хотя бы это нарушеніе и прикрывалось благовиднымъ предлогомъ освобожденія христіанъ изъ-подъ турецкаго ига. Освобожденіе это, конечно, рано или поздно состоится, но оно должно состояться лишь при тѣхъ условіяхъ, которыя обезпечили бы освобожденному христіанскому населенію мирное благоденствіе. Въ противномъ случаѣ, поспѣшное и необдуманное освобожденіе могло бы принести освобожденнымъ не пользу, а тяжкій вредъ, что уже никоимъ образомъ не могло бы соотвѣтствовать традиціонной политикѣ Россіи.

Вотъ почему Россія, стараясь, вмѣстѣ съ другими державами, потушить

внезапно вспыхнувшій Критскій пожаръ, ни въ чемъ своей политикѣ не измѣнила, и нарушенная, на первый взглядъ, логика историческаго развитія Восточнаго вопроса остается попрежнему строго-послѣдовательною.

Восточный вопросъ будетъ рѣшенъ не при тѣхъ хаотическихъ условіяхъ, которыя хотѣлось бы создать Англіи, а при нормальномъ ходѣ событій, который наиболѣе соотвѣтствуютъ какъ христіанскимъ народамъ Турецкой имперіи, такъ и предначертаніямъ мирной политики Россіи.

Отвѣтъ «Русскимъ Вѣдомостямъ».

Русскія Вѣдомости усмотрѣли какую-то непослѣдовательность въ нашихъ воззрѣніяхъ: онѣ удивляются, почему мы вчера приводили мнѣніе одной московской газеты, требовавшей установленія обязательной земской помощи церковно-приходскимъ школамъ, а сегодня высказываемся противъ всякаго участія земства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Никакого противорѣчія тутъ нѣтъ.

Пока существуютъ законоположенія, предоставляющія земству участіе въ расходахъ на народное образованіе—желательно, чтобъ эти расходы шли и на церковно-приходскія школы. А еще желательнѣе, чтобъ эти законоположенія были измѣнены, чтобы народная школа была передана всецѣло въ руки правительства; тогда устранился бы самый вопросъ о желаніи или нежеланіи земства давать деньги на тѣ или другія школы.

Точно также нѣтъ никакого противорѣчія, если мы высказываемся противъ централизаціи народныхъ школъ въ губернскихъ земствахъ и настаиваемъ на централизаціи ихъ въ рукахъ правительства.

Правительство завѣдуетъ всѣми своими учрежденіями въ общегосударственныхъ интересахъ. Земства же, какъ учрежденія *мѣстныя*, не должны завѣдывать такимъ общегосударственнымъ дѣломъ, какъ народное образованіе; къ тому же они, какъ учрежденія *выборныя*, всегда будутъ склонны руководствоваться не государственными, а *партійными* интересами.

Русскія Вѣдомости очевидно не даютъ себѣ яснаго отчета въ существенномъ различіи между земствомъ и государствомъ. Профессорская газета разсуждаетъ такъ, какъ будто наши губернскія земства составляютъ какіе-то самостоятельные штаты, соединенные лишь, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ одно федеративное государственное цѣлое и облеченные, поэтому, тою же властью, какъ государство. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Русское Государство имѣетъ много правъ, которыхъ земства, по своему существу, имѣть не могутъ; а потому мы съ полною послѣдовательностью отвергаемъ централизацію общегосударственныхъ функцій въ рукахъ земства и желаемъ видѣть ихъ централизацію въ рукахъ правительства.

Отвѣтъ Греціи.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Греція рѣшилась отвѣтить *отказомъ* на предъявленный ей ультиматумъ великихъ державъ, требующихъ отъ нея отозванія войскъ съ острова Крита.

Отказъ этотъ, съ перваго взгляда, кажется совершенно невѣроятнымъ и лишеннымъ здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли хоть на минуту допустить, что маленькая Греція пересилитъ твердую волю всей соединенной Европы?

Но если мы вникнемъ глубже въ положеніе Греціи, мы найдемъ тѣ мотивы, которые побуждаютъ ее на этотъ безразсудный шагъ.

Греція, благодаря царящему въ ней парламентаризму, доведена до края финансоваго банкротства. Платить по текущимъ купонамъ лежащихъ на ней тяжелыхъ займовъ она не въ состояніи. Для того, чтобъ имѣть «благовидный» предлогъ къ этому неисполненію своихъ финансовыхъ обязательствъ, Греція нуждается въ какой-нибудь *force majeure*. Таковою для нея является война: она и рѣшается на войну.

Съ другой стороны, народныя власти въ Аѳинахъ доведены мѣстными демагогами до высшей степени экзальтаціи: правительство уже не вольно въ своихъ рѣшеніяхъ, оно рискуетъ своимъ существованіемъ, если демагоги найдутъ какой либо поводъ упрекнуть его въ «трусости» или въ «измѣнѣ». Съ этой фанатической точки зрѣнія уступка Греціи передъ одними лишь угрозами Европы была бы «непростительнымъ малодушіемъ», ибо уступать можно только предъ дѣйствительнымъ военнымъ насиліемъ; тогда можно будетъ и отозвать войска съ Крита въ виду очевидной *force majeure*, какою опять-таки является война, а потому Греція рѣшается на войну.

Она заранѣе знаетъ, что будетъ побѣждена въ этой войнѣ, но ей это только и надо: отъ долговъ своихъ она такимъ образомъ надѣется избавиться, а за свой «героизмъ» и за нанесенную ей обиду она надѣется получить приличное удовлетвореніе въ видѣ возмѣщенія ей военныхъ издержекъ, если не наличными деньгами, то натурой, въ видѣ какой-нибудь турецкой территоріи, когда наступитъ уже близкій, какъ она думаетъ, дѣлежъ Турціи.

Наконецъ, Греція надѣется и на то, что единство великихъ державъ не будетъ вѣчно, что Англія втайнѣ находится на ея сторонѣ и что, можетъ быть, она и явно перейдетъ на ея сторону; она надѣется, что Сербія и Болгарія воспользуются удобнымъ случаемъ и нападутъ на Турцію съ сѣвера въ то время, какъ она будетъ нападать на нее съ юга; она надѣется, что насильственныя мѣры, къ которымъ, въ виду ея отказа, прибѣгнутъ великія державы, будутъ мѣрами платоническими; она надѣется... мало ли на что она еще надѣется въ томъ критическомъ положеніи, въ которое она сама себя поставила, и изъ котораго она не видитъ другого выхода кромѣ войны. Она играетъ va banque, какъ зарвавшійся игрокъ, разсчитывая на какой-нибудь одинъ совершенно невѣроятный шансъ изъ тысячи.

Но каковы бы ни были мотивы, побудившіе Греческое правительство сдѣлать такую азартную ставку, твердое и единогласное рѣшеніе великихъ державъ отъ этого измѣниться не можетъ.

Если Греціи нужны направленныя противъ нея насильственныя дѣйствія для ссылки на *force majeure*, она подвергнется этимъ дѣйствіямъ. Какъ намъ ни прискорбно видѣть Грецію въ этомъ болѣзненно-экзальтированномъ состояніи, мы должны не поддерживать его, а принимать мѣры къ скорѣйшему его прекращенію. Греческому правительству дано было шесть дней на размышленіе, оно имѣло полную возможность взвѣсить всѣ послѣдствія своего рискованнаго шага, и если она, въ концѣ концовъ, согласилась на эти послѣдствія, то мы ее отъ нихъ избавить не можемъ.

Сверхъ того, какимъ бы «героизмомъ» рѣшеніе Греціи ни отличалось, мы не можемъ не видѣть и обратной стороны медали. Если Греціи такъ дорога свобода Крита, почему же она не соглашается на его автономію? Почему она непремѣнно требуетъ подчиненія себѣ всего острова, тогда какъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, сами Критяне этого подчиненія не хотятъ, не желая участвовать въ финансовомъ банкротствѣ Греціи. О Македоніи, на которую Греція тоже зарится, и говорить нечего: тамъ предстоитъ разрѣшить одинъ изъ самыхъ сложныхъ этнографическихъ вопросовъ, и притязанія Греціи на эту часть Балканскаго полуострова далеко не могутъ считаться безспорными даже и съ національной точки зрѣнія. Слѣдовательно, и тутъ Греція къ себѣ европейскихъ симпатій возбудить не можетъ.

Что же остается ей дѣлать? Послушать, хотя бы въ послѣднюю минуту, благоразумнаго голоса ея истинныхъ друзей, или же убѣдиться *какъ можно скорѣе* въ непреодолимости возникшей противъ нея *force majeure* и немедленно предъ нею уступить, не вводя страны въ обременительныя издержки и азартныя приключенія.

Будемъ же надѣяться, что телеграфъ не замедлитъ извѣстить насъ о рѣшеніи Греціи подчиниться въ Критскомъ вопросѣ приговору Европы, какъ это уже сдѣлано Портой.

Какъ можно было предвидѣть, Греція отвѣтила отказомъ на ультиматумъ, поставленный ей великими державами.

Мы уже указывали на истинные мотивы этого отказа, среди которыхъ первую роль играетъ безвыходное финансовое положеніе несчастнаго королевства, надѣющагося въ войнѣ найти оправданіе для своего неминуемаго банкротства.

Но объ этомъ главномъ мотивѣ своего отказа Греческое правительство въ своей отвѣтной нотѣ, конечно, говорить не могло. Ему пришлось объяснить свой отказъ другими, болѣе благовидными, аргументами.

Такихъ аргументовъ у Греціи нашлось всего только два:

1) Автономія Крита не умиротворитъ острова.

2) Сами Критяне не желаютъ автономіи.

Такимъ образомъ оба аргумента сводятся, въ сущности, къ одному и тому же: Греція отвергаетъ предложенную автономію Крита.

Намъ кажется, что даже искренніе друзья Греціи едвали признаютъ такое заявленіе особенно убѣдительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Греція не имѣетъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы заранѣе предсказать неудачу той автономіи, которая будетъ дана Криту подъ

зоркимъ и строгимъ контролемъ великихъ державъ. Еще менѣе можетъ она поручиться за то, что Критяне не согласятся на предлагаемую имъ автономію.

Правда, понятіе автономіи очень растяжимо, и мы, поэтому, нашли бы болѣе естественнымъ, еслибы Греція въ своей отвѣтной нотѣ поинтересовалась узнать, какого именно рода автономія будетъ дарована Криту. Отвергать же даже *самую идею* автономіи, хотя бы и такой, которая фактически равнялась бы для Критянъ полной независимости, — этого Греціи не слѣдовало дѣлать, дабы не слишкомъ обнаруживать свои стремленія завладѣть островомъ во что бы то ни стало, хотя бы сами Критяне этого не желали.

Греческое правительство предлагаетъ, правда, устроить на Критѣ плебисцитъ, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы при этомъ голосованіи островъ былъ занятъ греческими войсками. Цѣль этого требованія слишкомъ ясна, чтобы можно было сомнѣваться въ истинномъ его значеніи.

Какъ бы то ни было, но Греція отвергаетъ автономію Крита, а потому и отказывается подчиниться требованію великихъ державъ объ отозваніи изъ Крита полковника Вассоса съ его отрядомъ.

Мало того, Греція обращается къ державамъ со встрѣчнымъ требованіемъ: она предлагаетъ имъ, чтобъ онѣ не только не изгоняли изъ Крита полковника Вассоса, но поручили бы ему умиротворить островъ, причемъ Греческое правительство великодушно соглашается на то, чтобы въ этомъ дѣлѣ умиротворенія содѣйствовали полковнику Вассосу и отряды иностранныхъ державъ!

Неужели греческіе дипломаты, даже въ настоящее критическое время ихъ отечества, находятъ достаточно досуга, чтобы на серіозныя требованія державъ отвѣчать неумѣстными шутками? Или они, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что Европа, требовавшая вчера удаленія полковника Вассоса, какъ нарушителя европейскаго мира, сегодня поручитъ ему возстановленіе этого мира?

Какъ поступятъ теперь державы въ виду такого отвѣта Греціи, недостойнаго серіозныхъ государственныхъ людей, дорожащихъ благомъ своей родины?

Тутъ и вопроса быть не можетъ. Шестидневный ультиматумъ былъ поставленъ Греціи не для того, чтобы съ ней шутки шутить, а для того, чтобы дать ей одуматься предъ окончательнымъ рѣшеніемъ ея участи. Если она не захотѣла послушаться доброжелательныхъ совѣтовъ, которые ей со всѣхъ сторонъ давали ея искренніе друзья, она должна будетъ пенять уже на самое себя, когда наступитъ часъ ея раскаянія въ теперешнемъ, столь неразумномъ, ея упорствѣ.

А между тѣмъ она легко могла предвидѣть всѣ тяжкія для нея послѣдствія этого упорства, тѣмъ болѣе, что ей уже не впервые приходится испытывать ихъ.

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ министромъ-президентомъ тоже былъ Деліани и онъ тоже довелъ свое отечество чуть не до открытой войны, которая отразилась бы самымъ гибельнымъ образомъ на бѣдномъ королевствѣ, еслибъ она не была своевременно предотвращена великими державами, принудившими Грецію, блокадой Пирея, умѣрить неумѣстный и несвоевременный воинственный пылъ.

Европейскія державы и теперь будутъ поддерживать свои требованія тѣми или другими мѣрами энергическихъ дѣйствій не изъ тщеславнаго желанія «поставить на своемъ», а изъ серіознаго желанія сохранить на Балканскомъ

полуостровѣ мирное положеніе, которое тотчасъ же уступитъ мѣсто кровопролитнымъ войнамъ, какъ только авторитетъ европейскаго концерта окажется пошатнувшимся предъ капризомъ какой-нибудь Греціи. Развѣ Сербія и Болгарія не потому только сохраняютъ мирное и дружелюбное настроеніе, что не сомнѣваются въ твердой рѣшимости Европы не допускать греко-турецкой войны? Не будь у нихъ этой увѣренности, онѣ устремились бы въ Македонію, чтобы тамъ сразиться между собой и съ Греціей изъ-за обладанія этою территоріей, являющеюся главнымъ яблокомъ раздора между единовѣрными братьями на Балканскомъ полуостровѣ. А кто могъ бы предвидѣть, какіе размѣры приметъ подобное столкновеніе, и чѣмъ оно кончится?

Турецкое владычество является для современной Европы тяжелымъ и роковымъ наслѣдіемъ прежнихъ вѣковъ. Малѣйшее неосторожное и легкомысленное съ нимъ обращеніе можетъ вызвать неисчислимыя опасныя послѣдствія; а потому Россія, какъ наиболѣе заинтересованная въ этомъ вопросѣ, не можетъ допустить, чтобъ онъ подпимался и рѣшался на авось безъ ея вѣдома и согласія. Какъ ни тяжко ей прибѣгать по отношенію къ Греціи къ крайнимъ мѣрамъ, она, въ виду упорства послѣдней, вынуждена будетъ прибѣгнуть къ нимъ, если всѣ остальныя средства мирнаго убѣжденія останутся, не по ея винѣ, тщетными...

А. Н. Майковъ.

Сегодня Россія сказала послѣднее прости одному изъ даровитѣйшихъ и доблестнѣйшихъ сыновъ своихъ, великому поэту, глубокому мыслителю и искреннему Русскому человѣку—Аполлону Николаевичу Майкову.

Поэта *Двухъ міровъ* знаетъ и любитъ вся мыслящая Россія. Но многіе ли знаютъ того человѣка съ чистою прозрачною душой, съ пламенною вѣрой и съ непоколебимою твердостью въ исполненіи своего долга, какимъ былъ покойный Аполлонъ Николаевичъ?

Онъ покинулъ насъ для лучшей доли, для вѣчной жизни, въ которой нѣтъ никакихъ мучительныхъ сомнѣній, въ которой все ясно, все возвышенно и чисто. Но Аполлонъ Николаевичъ и въ теченіе земной своей жизни прозрѣвалъ это «небесное отечество», этотъ міръ вѣчно сіяющей въ своей чистотѣ истины, среди котораго постоянно виталъ его духъ.

Обладая удивительнымъ даромъ просто и ясно видѣть истинную сущность самыхъ сложныхъ и запутанныхъ нравственныхъ вопросовъ, онъ никогда не колебался въ выборѣ того или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ, а рѣшалъ ихъ съ простотой и ясностью, всегда въ согласіи съ долгомъ православнаго христіанина и Русскаго человѣка.

Все, что дорого Россіи, было дорого и его сердцу. Радостные и горестные дни ея находили гармоническій отзвукъ въ его чуткой и нѣжной поэтической душѣ и въ его сердцѣ искренняго русскаго патріота.

Все величіе царствованія Царя-Самодержца Александра III представлялось духовнымъ взорамъ Аполлона Николаевича не только какъ явленіе высокаго поэтическаго значенія, не только какъ логическій выводъ глубокой

исторической философіи, но и какъ реальный фактъ блестящаго торжества той государственной идеи, которою только и жива Россія.

Нужно было слышать, съ какимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ высказывалъ онъ эту истину, чтобъ увѣровать въ ея абсолютную непреложность. Всякія неясности и сомнѣнія, застилавшія порой эту идею даже предъ глазами искреннихъ приверженцевъ, разсѣивались въ одинъ мигъ, какъ только къ нимъ прикасался тонкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ простой и ясный логическій анализъ А. Н. Майкова. Онъ никогда не шелъ на какіе бы то ни было «компромиссы», которые могли бы хоть легкою тѣнью омрачить или исказить государственную идею Православной и Самодержавной Россіи: она охранялась имъ въ ея лучезарной, кристальной чистотѣ, съ которою могла соперничать лишь лучезарная, кристальная чистота собственной души нашего поэта. Предъ этою чистотой умолкали ложь и лицемѣріе, исчезали зависть, ненависть и злоба, преклонялась даже упорная мысль честнаго противника, не дерзавшаго возмутить душу этого праведника какимъ-либо покушеніемъ на святыню его великихъ идеаловъ.

Та же самая чистота его духовнаго міра проявлялась и въ его служеніи искусству, литературѣ, поэзіи. Никто изъ нашихъ поэтовъ не хранилъ такъ свято санъ вѣщаго пророка божественныхъ глаголовъ, какъ А. Н. Майковъ. Межъ дѣтей ничтожныхъ міра онъ самъ никогда не былъ ничтожнымъ. Онъ стоялъ выше мелкихъ житейскихъ заботъ и низменныхъ страстей; онъ какъ бы царилъ надъ земною жизнію, не оскверняясь тѣмъ, что въ ней есть сквернаго и пошлаго. Онъ всецѣло жилъ для чистой поэзіи, для искусства ради искусства, въ храмѣ котораго онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, безкорыстнымъ жрецомъ.

Отрѣшившись отъ «мірскаго пристрастія» и пребывая духомъ своимъ въ мірѣ небесныхъ идеаловъ, Аполлонъ Николаевичъ черпалъ въ немъ тѣ несокрушимыя силы, съ которыми онъ отстаивалъ свои убѣжденія, проводилъ въ жизнь, для назиданія и поученія нашего, свои нравственные и государственные принципы, ободряя добрымъ словомъ своихъ единомышленниковъ, разъясняя своимъ тонкимъ и мѣткимъ анализомъ всѣ сомнѣнія колеблющихся и отражая твердыми ударами неумолимой логики всякія злоумышленія противниковъ Россіи.

Память его, какъ поэта, не умретъ и будетъ съ вѣками расти до величія безсмертной славы. Но намъ въ наше безхарактерное время необходимо сохранить и его память, какъ стойкаго и бодраго въ своей вѣрѣ православнаго Русскаго человѣка, являющагося для всѣхъ насъ высокимъ образцомъ нравственной, умственной и сердечной чистоты. На друзьяхъ его и лицахъ близко его знавшихъ лежитъ отнынѣ долгъ увѣковѣчить для потомства своими свидѣтельствами образъ этого рѣдкаго по своему идеальному облику Русскаго человѣка.

А пока мы можемъ только съ глубокою душевною скорбью склониться надъ свѣжею могилой его, со скорбью за самихъ себя, которыхъ онъ покинулъ, а не за него, который нынѣ всецѣло вступилъ въ ту вѣчную жизнь Истины, къ которой онъ стремился въ теченіе всего своего земнаго существованія...

Война.

Греческія войска перешли Турецкую границу. Правительство султана, отозвавъ своего представителя изъ Аѳинъ, отдало Эдхемъ-пашѣ приказаніе двинуть турецкія силы на Грецію.

Война объявлена. Война началась.

Усилія великихъ европейскихъ державъ оказались, такимъ образомъ, тщетными: ни добрые совѣты, ни предостереженія, ни угрозы и принудительныя дѣйствія не могли побудить Грецію отказаться отъ ея безумной, вызывающей политики, отвѣтственность за которую нынѣ всецѣло падаетъ на правительство несчастнаго Греческаго народа, къ которому мы иначе, какъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, относиться не можемъ.

Истинные мотивы министра Деліани, ввергнувшаго съ опрометчивымъ задоромъ свое отечество въ совершенно безпричинную и очевидно неравную борьбу, могутъ быть объяснены путемъ тѣхъ или другихъ предположеній, но патріотическими ихъ во всякомъ случаѣ назвать нельзя. Главная сила королевства Эллинскаго заключалась доселѣ въ той общей и искренней симпатіи, которою оно пользовалось со стороны всѣхъ великихъ державъ Европы. Правительство короля Георгія могло бы совершенно спокойно распустить всю свою армію, въ полной увѣренности, что Турки не посмѣли бы нарушить миръ Греціи, такъ какъ вся Европа, какъ одинъ человѣкъ, заступилась бы за цѣлость и ненарушимость греческой территоріи. Казалось бы что Эллинское правительство, движимое истиннымъ патріотизмомъ, должно было бы выше всего дорожить этими столь драгоцѣнными для Греціи симпатіями; а между тѣмъ министерство Деліани систематически употребляло всѣ свои усилія на то, чтобы не только утратить эти симпатіи, но и возстановить противъ Греціи всю Европу. Истинная политическая мудрость Греческаго правительства должна была заключаться въ томъ, чтобы, въ случаѣ вынужденнаго столкновенія съ Турціей, за Грецію немедленно и единодушно заступились бы всѣ европейскія державы. Теперь же Греческое правительство своимъ безумнымъ упорствомъ и вызывающею дерзостью ухитрилось повернуть дѣло такъ, что вступило въ войну съ Турціей при самыхъ невыгодныхъ для Греціи условіяхъ: отвѣтственность за начатую войну всѣмъ своимъ бременемъ ложится на Грецію; боевыя силы Греціи уступаютъ количественно и качественно турецкимъ силамъ, и, въ довершеніе всего, Греція лишилась сочувствія европейскихъ державъ и вынудила ихъ стать, по логикѣ событій, если не прямо на сторону Турціи, то во всякомъ случаѣ неизмѣримо далеко отъ нѣкогда столь дорогой для нихъ Греціи!

Въ виду начавшейся войны у насъ можетъ быть только одно желаніе: чтобъ она была по возможности непродолжительна, чтобъ она какъ можно скорѣе и безъ слишкомъ тяжкихъ жертвъ привела Грецію къ ясному сознанію всѣхъ непростительныхъ ошибокъ, допущенныхъ министерствомъ Деліани и прочими лицами, увлекшими Греческій народъ въ столь безумную и опасную политику. Быстрое отрезвленіе Грековъ послужило бы на пользу не только имъ, но и всѣмъ государствамъ Балканскаго полуострова, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами европейскаго мира.

Что касается Россіи, то она, конечно, сумѣетъ локализовать Греко-Турецкую войну, такъ какъ, при этомъ условіи, война эта скорѣе всего можетъ придти къ быстрому окончанію; активнаго участія въ этой войнѣ Россія, конечно, не приметъ, такъ какъ ея собственные мирные интересы слишкомъ для нея дороги, чтобы рисковать ими въ угоду Турціи или Греціи, или же той націи, которая всего охотнѣе желала бы видѣть Россію замѣшанною въ Балканскую войну, и которая, по всей вѣроятности, и является главною, хотя и тайною, виновницей этой войны.

Дворянскій вопросъ.

«— Какъ? Опять дворянскій вопросъ?»

Да, опять.

«— Когда же этому будетъ конецъ?»

Когда дворянскій вопросъ будетъ рѣшенъ, и притомъ рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно.

«— Да, но мало ли у насъ еще нерѣшенныхъ вопросовъ? Почему же говорить такъ много все о дворянскомъ вопросѣ?»

Потому что изо всѣхъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ нѣтъ болѣе важнаго, чѣмъ вопросъ дворянскій.

«— Нѣтъ, это ужь слишкомъ односторонній взглядъ! Неужели интересы одного сословія могутъ равняться съ интересами всей остальной Россіи?»

Да, коль скоро интересы этого сословія совпадаютъ съ интересами всей Россіи, и коль скоро интересы этого сословія менѣе обезпечены, чѣмъ какіе-либо другіе интересы остальной Россіи.

«— Но какимъ же образомъ интересы дворянства могутъ совпадать съ интересами всей Россіи?»

Въ этомъ совпаденіи вся суть. Еслибъ его не было, не стоило бы и поднимать дворянскаго вопроса, не стоило бы такъ усиленно настаивать на правильномъ его рѣшеніи. Но въ сущности, вмѣсто того, чтобъ озаглавливать наши статьи «дворянскій вопросъ», мы могли бы столь же справедливо озаглавливать ихъ «Русскій государственный вопросъ» или «Вопросъ о будущности Россіи».

«— Но гдѣ же доказательства?»

Намъ приходилось приводить ихъ столько уже разъ, что теперь въ сущности остается лишь повторять сказанное.

Однако, если это нужно—повторимъ.

Никто не станетъ отрицать, что вопросъ о томъ или иномъ государственномъ строѣ имѣетъ для Россіи первостепенную важность. Сами западники съ настойчивостью проповѣдуютъ, будто бы всѣ наши бѣды происходятъ отъ того, что Россія доселѣ сохранила свою древнюю форму правленія. Изъ одного этого уже можно видѣть, что вопросъ о формѣ правленія въ Россіи является и для нихъ вопросомъ кореннымъ. Такимъ же кореннымъ вопросомъ является онъ и для насъ, съ тою разницей, что мы, въ силу нашего долга и въ силу здраваго разума, опирающагося на историческомъ опытѣ, считаемъ

существующую у насъ форму правленія наисовершеннѣйшею и не желаемъ допустить даже мысли объ ея измѣненіи. Вотъ почему мы считаемъ государственные идеалы либераловъ для Россіи безусловно вредными.

Однимъ изъ такихъ либеральныхъ идеаловъ является, какъ извѣстно, *безсословность* государства, какъ необходимая переходная ступень къ демократической формѣ правленія

Тѣсная связь между безсословностью и демократіей, дѣйствительно, вполнѣ очевидна, и столь же очевидна наоборотъ связь монархіи съ сословностью.

Въ самомъ дѣлѣ, при сословной организаціи Россіи, Самодержавный Царь имѣетъ предъ собой своихъ подданныхъ, соединенныхъ, по главному роду ихъ занятій и по основаннымъ на этихъ занятіяхъ интересамъ, въ нѣсколько большихъ сословныхъ группъ. Эти сословія имѣютъ свою особую организацію, строго согласованную какъ съ ихъ спеціальными, такъ и съ общегосударственными интересами, въ томъ смыслѣ, чтобы каждый элементъ этой организаціи, дѣйствуя на пользу каждаго отдѣльнаго сословія, тѣмъ самымъ не дѣйствовалъ во вредъ остальнымъ сословіямъ и всему государству, но по возможности содѣйствовалъ ихъ развитію и преуспѣянію.

Только при этихъ условіяхъ для Верховной Власти являются всѣ необходимыя удобства для управленія государствомъ. Власть имѣетъ тогда предъ собой цѣлостную *націю*, а не стомилліонную массу *отдѣльныхъ единицъ*, изъ коихъ каждая преслѣдуетъ свои эгоистическія потребности и пожеланія, которыхъ не только нельзя угадать и удовлетворить, но которымъ иногда прямо приходится противодѣйствовать, ибо наиболѣе узкіе индивидуальные интересы всегда находятся въ наибольшемъ противорѣчіи съ интересами общегосударственными.

Именно по причинѣ такого противорѣчія въ безсословныхъ государствахъ Запада воцарилась, какъ неизбѣжная *ultima ratio*, первобытная, варварская «борьба за существованіе», *bellum omnium contra omnes*, а естественныя по своимъ занятіямъ и интересамъ сословія замѣнились случайными партіями и фракціями, имѣющими цѣлью захватить въ свои руки Верховную Власть и подчинить все государство партійнымъ или фракціоннымъ интересамъ.

Въ такое именно состояніе наши либералы желаютъ привести и Россію. Это состояніе для Россіи считаютъ идеальнымъ и такіе «консерваторы», какъ Б. Н. Чичеринъ. Между ними лишь та разница, что, по мнѣнію Б. Н. Чичерина, Россія должна дойти до этого варварскаго состоянія постепенно, сама собой, а либералы требуютъ, для водворенія этой дезорганизаціи, содѣйствія правительственныхъ мѣръ.

Мы же, въ отличіе отъ тѣхъ и другихъ, стоимъ за сохраненіе и укрѣпленіе сословнаго строя, потому что считаемъ дезорганизацію нашего государственнаго строя одинаково гибельною, по какому бы рецепту она ни была произведена.

Что̀ бы слѣдовало сказать о главнокомандующемъ, который, имѣя подъ своимъ начальствомъ многочисленные отряды пѣхоты, конницы и артиллеріи со спеціальною организаціей каждаго изъ этихъ родовъ оружія, объявилъ бы себя сторонникомъ всеобщаго «равенства» и приказалъ бы всей своей арміи смѣшаться въ одну общую «братскую» массу безо всякихъ «перегородокъ»? Не ясно ли, что его армія, дотолѣ непобѣдимая *благодаря своей строгой организаціи гармоническаго неравенства ради единой, общей цѣли*, превратилась

бы въ какую-то хаотическую, безформенную массу песка, отданную на произволъ перваго сильнаго порыва вѣтра?

На пескѣ и изъ песка ничего прочнаго создать нельзя. Колоссальное зданіе Россійскаго Государства должно держаться, какъ держалось, на непоколебимыхъ устояхъ обширныхъ организованныхъ и прочно сплоченныхъ между собою отдѣльныхъ сословій, съ неравными, но гармонически согласованными интересами, ради высшей, общей для всѣхъ, государственной цѣли.

Единство въ разнообразіи есть верховный, непреложный законъ не только въ искусствѣ, но и въ государствѣ; демократическій принципъ «единство въ однообразіи» не только ошибоченъ, но и прямо нелѣпъ. Вся цивилизація возникла изъ неравенства людей и можетъ существовать лишь при ихъ неравенствѣ.

Неравенство въ государствѣ вредно только тогда, когда оно нарушаетъ интересы самого государства или отдѣльныхъ частей его. Въ такомъ случаѣ обязанность Верховной Власти заключается не въ томъ, чтобы совершенно устранить всякое неравенство и превратить все государство въ хаотическую однообразную массу, а въ томъ, чтобъ устранить возникшую дисгармонію между отдѣльными неравными частями и снова согласовать ихъ для общаго государственнаго блага.

Такъ въ настоящее время оказалось, что первенствующее въ Россіи сословіе разстроилось съ нарушеніемъ общей гармоніи государственной жизни. Что же слѣдуетъ намъ дѣлать? Что сдѣлаетъ капельмейстеръ, если замѣтитъ, что въ его оркестрѣ первыя скрипки разстроены? Неужели онъ ихъ «за негодностью» выброситъ изъ оркестра и будетъ играть свою симфонію безъ первыхъ скрипокъ? Или онъ, можетъ-быть, «ради равенства» уничтожитъ всякое разнообразіе инструментовъ и отдастъ свой дирижерскій жезлъ «депутатамъ отъ оркестра?» Конечно, нѣтъ! Онъ посвятитъ, наоборотъ, все свое вниманіе, всю свою заботу тому, чтобы первая скрипка у него снова пришла въ полную исправность, такъ какъ лишь при этомъ условіи общее дѣло можетъ идти успѣшно, на основаніи все того же непреложнаго закона — *единство въ разнообразіи.* И вотъ, еслибъ онъ снова и снова возвращался къ вопросу о первыхъ скрипкахъ и не могъ бы успокоиться до полнаго его рѣшенія, неужели его кто-нибудь могъ бы обвинить въ «односторонности?»

Почему же—то, что является столь яснымъ и безспорнымъ въ данномъ примѣрѣ, становится для иныхъ неяснымъ и спорнымъ въ области государственныхъ вопросовъ? А потому, что въ искусство еще не проникли лжеученія о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ», а въ государственную жизнь они проникли сто лѣтъ тому назадъ на Западѣ, а нынѣ стараются проникнуть и у насъ. Тамъ, на Западѣ, подъ вліяніемъ этихъ теорій уже происходитъ на выборахъ, въ парламентѣ, на сходкахъ, и вообще во всемъ государствѣ, полная какофонія, а наши либералы восхваляютъ ее намъ, какъ «дивную гармонію небесныхъ сферъ» и находятъ людей съ искалѣченнымъ слухомъ, которые готовы вѣрить либеральнымъ восхваленіямъ и мечтать о томъ, какъ бы и намъ обзавестись такою же какофоніей!

Государственное единство, основанное на разнообразіи сословій—таковъ доселѣ былъ коренной принципъ нашего Самодержавнаго строя; таковымъ онъ останется и впредь. Въ 1861 году было приведено въ общее согласіе съ государственными интересами сословіе крестьянское; нынѣ надлежитъ сдѣлать то же самое въ отношеніи дворянскаго сословія, въ 1861 году слишкомъ

отодвинутаго на задній планъ, и котораго интересы, оставаясь столь долго безъ необходимаго упорядоченія, постепенно пришли въ полное разстройство.

Это разстройство такъ велико, что нынѣ не только мѣшаетъ правильному ходу общегосударственной жизни, но угрожаетъ и всей сословной организаціи Россіи, со всѣми неизбѣжными послѣдствіями этого.

Какъ же намъ не сосредоточивать на этой опасности всего своего вниманія, какъ же не возвращаться снова и снова къ тому «дворянскому вопросу» который лишь для совершенно близорукихъ людей можетъ казаться «одностороннимъ», имѣющимъ будто бы «нѣкоторое значеніе» лишь для «недоимщиковъ Дворянскаго Банка!»

Россія, Греція и Турція.

Переговоры о мирѣ между Греціей и Турціей подвигаются весьма медленно. Причиной тому служатъ не только непомѣрныя требованія, предъявленныя Турціей, но и та поддержка, которую ей почти открыто оказываетъ Германія.

Мы не станемъ доискиваться истинныхъ причинъ туркофильства, которое за послѣднее время возобладало въ Берлинѣ, не смотря на близкія родственныя связи, соединяющія императора Вильгельма съ наслѣднымъ принцемъ Греческимъ, но тѣ причины, которыя по этому поводу выставляются официозными берлинскими газетами, едвали могутъ быть признаны основательными.

«Грецію слѣдуетъ хорошенько проучить, чтобъ она впредь не самовольничала»,—таковъ лозунгъ этихъ официозовъ. Но Греція, безо всякаго сомнѣнія, болѣе чѣмъ достаточно проучена на Ѳессалійскихъ поляхъ сраженій: она безпрекословно подчинилась всѣмъ требованіямъ европейскихъ державъ, она отреклась отъ безумной политики своихъ шовинистовъ, она прошла всѣ стадіи не только физическаго, но и нравственнаго униженія. Неужели всѣ эти тяжелые удары судьбы не достаточны, чтобы образумить самыхъ легкомысленныхъ людей? Неужели можно предположить, что Греки во второй разъ рѣшатся дѣйствовать наперекоръ всей Европѣ?

Никто, кромѣ самихъ Грековъ, не сомнѣвался, что они вступаютъ въ неравную борьбу, которая для нихъ должна была кончиться неминуемымъ пораженіемъ; точно также легко можно было предвидѣть, что Турки захотятъ извлечь для себя изъ своей побѣды всѣ возможныя и невозможныя выгоды; но никому въ Европѣ и въ голову не приходило, чтобы, вопреки логическому ходу всемірной исторіи, турецкому султану снова были подчинены христіанскія области, такъ или иначе сбросившія съ себя мусульманское иго. А въ этомъ, какъ извѣстно, заключается одно изъ требованій Турціи, предъявляемыхъ ею, какъ условіе для заключенія мира съ Греціей. Это требованіе, очевидно, никакому удовлетворенію подлежать не можетъ.

Мы сейчасъ говорили о логикѣ исторіи. Есть, конечно, люди, которые никакой логики въ исторіи не признаютъ, но есть и такіе, которые, признавая эту логику, сокрушаются о томъ, будто Россія въ греко-турецкой распрѣ

дѣйствовала вопреки исторической логикѣ, становясь то на сторону Турціи, то на сторону Греціи.

Подобное воззрѣніе, по нашему мнѣнію, едвали вѣрно. Весь вопросъ въ томъ, что считать въ Восточномъ вопросѣ логическимъ ходомъ его развитія.

Съ того времени какъ православная Византійская Имперія пала подъ ударами мусульманскаго варварства, въ Европѣ, къ великому ея ущербу, воцарилось ненормальное явленіе, которое до конца XVII столѣтія постепенно усиливалось, а затѣмъ, дойдя до своего апогея, такъ же постепенно ослабѣвало и сокращалось на пути къ своему совершенному исчезновенію.

Какъ же должна относиться Россія къ этому логически развивающемуся историческому процессу? Она, очевидно, можетъ только ему содѣйствовать, а не препятствовать. Такъ именно она до сихъ поръ неизмѣнно и поступала, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія послѣднихъ двухъсотъ лѣтъ.

Но эта двухсотлѣтняя исторія имѣетъ также свою логику.

Въ цѣломъ рядѣ войнъ Россія содѣйствовала освобожденію различныхъ христіанскихъ народовъ изъ-подъ мусульманскаго ига, вступая при этомъ въ пререканія и столкновенія не только съ самою Турціей, но и съ другими европейскими державами, приходившими, вопреки исторической логикѣ, на помощь разшатывавшейся Турціи, лишь бы противодѣйствовать въ чемъ бы то ни было политикѣ Россіи.

Такъ было и въ послѣднюю турецкую войну, въ которой, правда, у Турціи явныхъ союзниковъ не было, но которая кончилась на Берлинскомъ конгрессѣ торжествомъ враждебной намъ Англіи, не говоря уже о «честномъ маклерствѣ» князя Бисмарка, со всѣми его послѣдствіями въ Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ...

Если мы могли вынести ясное и логическое нравоученіе изъ нашей послѣдней войны съ Турціей, то оно заключается въ слѣдующемъ:

Россія должна приступить къ разрѣшенію Восточнаго вопроса лишь тогда, когда она будетъ имѣть полную увѣренность въ предстоящемъ окончательномъ, благопріятномъ для Православія, его разрѣшеніи.

Въ самомъ дѣлѣ: лучше оставить Восточный вопросъ до нѣкотораго времени неразрѣшеннымъ, нежели снова рисковать собою для какого-нибудь неудачнаго его разрѣшенія, которое, можетъ-быть, впослѣдствіи никогда не удастся исправить, особенно если плодами нашихъ побѣдъ снова будутъ пользоваться враждебныя намъ и православію западно-европейскія державы. Вѣдь мы должны быть увѣрены, что не только освободимъ православныхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига, но затѣмъ убережемъ ихъ и отъ ига католическаго, которое для православія несомнѣнно опаснѣе ислама; а если у насъ этой увѣренности нѣтъ, то и для насъ, и для находящихся въ Турціи православныхъ христіанъ, предпочтительнѣе сохранить status quo до той поры, когда мы имъ своимъ заступничествомъ принесемъ дѣйствительную, а не временную только пользу.

Мы не должны забывать, что сохраненіе status quo въ Турціи имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ status quo въ какомъ-либо другомъ, нор-

мальномъ государствѣ. Status quo въ Турціи есть не что иное, какъ постепенное, роковое, приближеніе всей имперіи къ ожидающей ее неизбѣжной судьбѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Предохраните Турцію отъ тѣхъ хроническихъ гальванизацій, которымъ подвергаетъ ее то Англія, то Германія, и она сама мирнымъ и тихимъ путемъ покорится постепенному логическому ходу исторіи, отъ которой ея, въ концѣ-концовъ, не спасутъ, конечно, и вышеупомянутыя гальванизаціи; сохраните status quo въ Турціи, но только строгимъ и послѣдовательнымъ образомъ,—и Восточный вопросъ рѣшится самъ собой въ интересахъ Православія, а слѣдовательно и Россіи.

Но такое мирное и естественное рѣшеніе Восточнаго вопроса не желательно прежде всего Англіи, такъ какъ ей не желательно все, что̀ соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи; ей хотѣлось бы возбудить новую русско-турецкую войну, съ тѣмъ, чтобы снова воспользоваться плодами нашихъ побѣдъ, съ тѣмъ, чтобы снова умалить значеніе Россіи не только въ Европѣ, но въ особенности и въ Азіи, съ тѣмъ, чтобы снова православныхъ христіанъ отдать и закабалить либо католической Австріи, либо своей безжалостной меркантильной эксплуатаціи.

Съ этою именно цѣлью, какъ теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, Англія возбудила тѣ волненія на Востокѣ, которыя, по ея разсчетамъ, должны были вовлечь Россію въ войну съ Турціей, столь же побѣдоносную и столь же безплодную, какъ и предыдущая война. Таковы были армянскія избіенія, таково было Критское возстаніе, таковою, наконецъ, была и греко-турецкая война.

Разсчеты лорда Солсбери казались безошибочными: за Армянъ Россія должна была ринуться въ борьбу съ Турціей изъ чувства человѣколюбія и изъ желанія подчинить себѣ турецкую Арменію, а за Критянъ и Грековъ она должна была заступиться вооруженною силой по всѣмъ традиціямъ своей исторіи, какъ за христіанъ православныхъ, борющихся противъ ислама. И дѣйствительно, мы знаемъ очень многихъ искреннихъ русскихъ патріотовъ, которые, изъ самыхъ благородныхъ побужденій, готовы были съ закрытыми глазами броситься въ ловушку, поставленную Англіей; они не понимали, что мы теперь находились бы въ критическомъ, почти безвыходномъ положеніи, къ великому торжеству не только Англіи, но и другихъ добрыхъ сосѣдей нашихъ.

Россія не пошла въ эту ловушку: она осталась вполнѣ вѣрна себѣ, своимъ традиціямъ и своимъ симпатіямъ.

Симпатіи ея всегда были и будутъ на сторонѣ православныхъ христіанъ, но это не значитъ, что она должна одобрять и поддерживать всякій безумный шагъ, сдѣланный тѣмъ или другимъ православнымъ государствомъ, особенно если этотъ шагъ дѣлается по наущенію такого явнаго врага Россіи, а слѣдовательно и Православія, какъ Англія, или точнѣе, какъ англійскій джингоизмъ. Что̀ же она должна дѣлать въ такомъ случаѣ? Въ силу логики исторіи, она должна употребить по совѣсти *всѣ средства*, чтобъ отвратить православное государство отъ ошибочнаго шага; если же эти средства встрѣтятъ отпоръ, то предоставить ослѣпленныхъ коварными совѣтами людей естественной логикѣ событій, дабы затѣмъ, по отрезвленіи ихъ этою суровою логикой, снова взять ихъ подъ свою защиту.

Такъ именно и поступила Россія относительно Греціи, и въ этомъ от-

ношеніи совѣсть ея совершенно чиста: она сдѣлала все, что только могла, чтобъ удержать Грецію отъ войны съ Турціей, она скорбѣла объ ея безумномъ упорствѣ и роковыхъ его послѣдствіяхъ, и, какъ только Греція вполнѣ уразумѣла свою ошибку, Русскій Царь своимъ мощнымъ словомъ прекратилъ войну, ставшую съ этого момента безцѣльною, и нынѣ, само собою разумѣется, Россія не станетъ, вмѣстѣ съ Германіей, вопреки логическому ходу исторіи, гальванизировать Турцію на счетъ несчастной Греціи.

Многіе упрекаютъ Россію за то, что она все это время дѣйствовала не одна, а въ общемъ европейскомъ концертѣ. Этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, еслибъ она, находясь въ этомъ концертѣ, принуждена была дѣйствовать противъ своей воли, вопреки своимъ традиціямъ, въ ущербъ своимъ интересамъ. Но мы только-что видѣли, что ничего такого не было: еслибы Россія не находилась въ европейскомъ концертѣ, она несомнѣнно дѣйствовала бы именно такъ, какъ она дѣйствовала теперь, такъ какъ всякое иное дѣйствіе противорѣчило бы ея традиціямъ и ея интересамъ. Не Россія подчинялась все время европейскому концерту, а европейскій концертъ—Россіи, и если кто проигралъ отъ того, что находился въ этомъ концертѣ, то ужъ никакъ не Россія, а Англія.

Въ самомъ дѣлѣ, у Англіи все время руки были связаны, такъ что она не могла развернуть всю систему своихъ подстрекательствъ и интригъ противъ Россіи съ тѣмъ широкимъ, беззастѣнчивымъ цинизмомъ, съ которымъ она это дѣлала при лордѣ Биконсфильдѣ, и который сталъ невозможенъ для пойманнаго въ собственныя свои сѣти лорда Солсбери.

Но не ошибаемся ли мы? Не торжествуетъ ли, наоборотъ, лордъ Солсбери, устроивъ между Россіей и Греціей непримиримый разрывъ и подорвавъ этимъ обаяніе Россіи на православномъ Востокѣ?

Намъ приходилось слышать и такое толкованіе внутренняго смысла послѣднихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. Но если между Россіей и Греціей произошелъ «разрывъ», то онъ сталъ неизбѣженъ не по винѣ Россіи, а по винѣ самой Греціи, съ того момента, какъ она отвернулась отъ искреннихъ, дружескихъ совѣтовъ Россіи и стала прислушиваться ко злокозненнымъ подстрекательствамъ Англіи: если Греціи угодно было стать игрушкой въ рукахъ лорда Солсбери, то Россія ей въ этой жалкой роли товарищемъ быть не могла; къ тому же для всѣхъ ясно, что если кто потерпѣлъ отъ происшедшаго «разрыва», то никакъ не Россія, а сама Греція, которая, въ собственныхъ своихъ интересахъ, должна стараться о томъ, чтобъ уничтожить слѣды этого разрыва. Такимъ образомъ торжествовать здѣсь лорду Солсбери на счетъ Россіи не приходится.

Что же касается до обаянія Россіи на православномъ Востокѣ, то намъ достаточно констатировать тотъ фактъ, что давно уже отношенія Сербіи и Болгаріи къ Россіи не были столь удовлетворительны, какъ именно въ настоящее время. На православномъ Востокѣ поняли, что рѣшеніе Восточнаго вопроса находится въ рукахъ Россіи, которая никому не позволитъ приступать къ его разрѣшенію ранѣе того времени, которое она сама сочтетъ удобнымъ на истинную пользу Православія.

Служба и хозяйство.

Почти одновременно съ нашею статьей «Земское дворянство» (№ отъ 19 мая) въ *Новомъ Времени* появилась также статья о «земскомъ дворянствѣ *) (№ отъ 18 мая). Оказывается, что наше предположеніе о томъ, что нѣкоторые видятъ разрѣшеніе дворянскаго вопроса въ обращеніи дворянства изъ силы государственной въ силу земскую, было совершенно справедливо.

Главная мысль нововременской статьи заключается въ томъ, что если прежде, при существованіи крѣпостнаго права, еще и было возможно служилое помѣстное дворянство, то послѣ 19 февраля 1861 года такое сословіе стало невозможнымъ, такъ какъ условія хозяйства при вольнонаемномъ трудѣ таковы, что дѣлаютъ несовмѣстнымъ веденіе хозяйства и государственную службу.

«Въ силу чисто экономическихъ причинъ, земельные дворяне не могутъ служить. Хозяйство со службой несовмѣстимо при тѣхъ требованіяхъ, которыя оно предъявляетъ собственнику, не обезпеченному даровымъ трудомъ. Двѣ спеціальности—службу и хозяйство—отправлять не подъ силу одному лицу. Если земское дворянство и служитъ, то лишь по земской службѣ самоуправленія. Если дворянинъ является представителемъ государственной власти, администраторомъ деревни, какъ земскій начальникъ, то уже ему некогда заниматься хозяйствомъ. Это скажетъ всякій добросовѣстно выполняющій свою службу земскій начальникъ».

Вотъ еще новый доводъ, которымъ хотятъ доказать, что высшее служилое сословіе уже отжило свой историческій вѣкъ и невозможно въ условіяхъ современности. Но авторъ названной статьи самъ ослабляетъ свое доказательство цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ, относящихся ко времени наибольшаго процвѣтанія дароваго труда, то-есть къ XVIII и текущему столѣтіямъ. Онъ установляетъ, что соединеніе службы и хозяйства и въ прежнее время было весьма не легко. И при Петрѣ Великомъ, и при его преемникахъ вплоть до Екатерины, идутъ жалобы на трудность, въ виду обязательной службы, управлять помѣстьями, почему даже все «хозяйство страны находилось въ жалкомъ состояніи и не могло ее обогащать какъ бы слѣдовало». Въ этотъ періодъ мы видимъ постоянное стремленіе Правительства разрѣшить противорѣчіе хозяйственныхъ и служилыхъ интересовъ путемъ компромисса, а именно, ограничивая срокъ службы, чтобъ оставалось время и «экономіи свои исправлять».

Не измѣнился порядокъ сколько-нибудь существенно и при Екатеринѣ, отмѣнившей обязательную службу. Даже въ первой половинѣ истекающаго столѣтія положеніе дѣлъ оставалось будто бы то же.

«Деревня пустовала, помѣщики или служили, или проживали свои доходы за границей. Прочныхъ связей между землей и помѣщикомъ исторія Петербургской Россіи не установила, прочная связь дворянина была установлена только со службой».

*) Ст. „Служилое и земское дворянство" въ № 7622.

Конечно, эта картина помѣщичьяго быта дореформенной эпохи грѣшитъ большою односторонностью. Можно сказать, что въ дѣйствительности было совершенно иначе, и что бытовыя условія позволяли дворянству, по крайней мѣрѣ со времени Екатерины Великой, весьма успѣшно и удачно комбинировать свои обязанности какъ служилаго сословія съ занятіемъ сельскимъ хозяйствомъ, какъ главною опорой своего экономическаго состоянія. Подавляющее большинство нашего средняго помѣстнаго дворянства посвящало государственной службѣ лишь свою молодость и къ зрѣлому возрасту возвращалось уже въ свои помѣстья; оставались бóльшую часть жизни на службѣ или дворяне мелкопомѣстные, или дворяне очень богатые, большіе доходы которыхъ позволяли имъ не заниматься лично хозяйствомъ, проводя жизнь при дворѣ и въ столицахъ. Все это подтверждается не только личными воспоминаніями еще нынѣ живущихъ людей, но и мемуарами и литературными типами. Типъ молодаго графа Ростова изъ «Войны и Мира» графа Л. Н. Толстаго вовсе не былъ исключительнымъ, и про дореформеннаго помѣщика едвали справедливо сказать, что онъ умѣлъ только «гнѣваться» и «пройтись по хозяйству съ тросточкой».

Но оставимъ прошедшія времена. Гораздо бóльшій интересъ представляетъ намъ сужденіе газеты о несовмѣстимости будто бы двухъ основныхъ занятій помѣстнаго сословія—сельскаго хозяйства и государственной службы—въ настоящее время.

Прежде всего необходимо оговориться, что, по нашему мнѣнію, служилая роль помѣстнаго дворянства ограничивается главнымъ образомъ службой по мѣстному управленію, допускающею пребываніе въ своемъ помѣстьи, и въ этомъ и заключается главное назначеніе дворянства. Что же касается службы военной, по центральному управленію или даже службы въ средѣ областной бюрократіи, то она, строго говоря, составляетъ удѣлъ лишь той части помѣстнаго дворянства, которая, или, въ силу своего большаго достатка, можетъ не посвящать своихъ личныхъ силъ хозяйству, или, по своему семейному положенію—какъ, напримѣръ, сыновья многочисленныхъ семействъ,—не имѣетъ и возможности посвящать себя земледѣлію.

Но затѣмъ остается вопросъ: имѣетъ ли возможность дворянинъ, занимающійся своимъ хозяйствомъ, удѣлять свои силы хотя бы службѣ по мѣстному управленію? При рѣшеніи этого вопроса газета впадаетъ въ явное противорѣчіе, а именно признавая, что «земское дворянство» можетъ служить «по земской службѣ самоуправленія». *Новое Время* находитъ, что «если дворянинъ является представителемъ государственной власти, администраторомъ деревни, какъ земскій начальникъ, то уже ему некогда заниматься хозяйствомъ».

Но что же такое эта «служба самоуправленія»? Развѣ исправленіе ея не требуетъ времени? Развѣ въ земствѣ существуютъ однѣ синекуры? Мы невысокаго мнѣнія о земскихъ порядкахъ, но все же думаемъ, что такое мнѣніе было бы несправедливо. Во всякомъ случаѣ, еслибы земскіе дѣятели и получали свои немалыя содержанія ничего не дѣлая, то положеніе это едвали можно считать нормальнымъ, и едвали есть основаніе создавать и охранять новый классъ «земскаго дворянства» для того, чтобы представители его имѣли особыя привилегіи на земское *dolce far niente*.

Еще недавно были въ уѣздахъ многочисленные мировые судьи, непремѣнные члены присутствій по крестьянскимъ дѣламъ; были, существуютъ и понынѣ, предсѣдатели и члены управъ и разные земскіе агенты. Всѣ эти

должности замѣщались преимущественно помѣщиками. Но такъ какъ они служили *земству*, то, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, и пользовались особымъ покровительствомъ нашей печати. Земскіе дѣятели выставлялись образцомъ трудолюбія и энергіи, о мировыхъ судьяхъ и теперь еще вздыхають, и рѣшительно никому и въ голову не приходило заявлять, что всѣ эти должности несовмѣстимы съ заботами о сельскомъ хозяйствѣ. Объявить же ихъ синекурами было бы, конечно, настоящимъ преступленіемъ.

Но вотъ силы помѣстнаго дворянства оказываются нужными для той же службы по мѣстному управленію, но только для службы государству, а не земству.

И оказывается, что то же самое помѣстное дворянство до такой степени занято сельскимъ хозяйствомъ, что рѣшительно не можетъ принять на себя никакихъ обязанностей по мѣстному управленію...

И все это помѣщается въ томъ же *Новомъ Времени*, которое только-что на дняхъ предлагало совершенно упразднить правительственную областную администрацію и передать все областное управленіе въ вѣдѣніе земства. Самый проектъ этотъ имѣлъ цѣлью создать для помѣстнаго дворянства возможно больше должностей на мѣстахъ. Въ этомъ случаѣ газета не нашла нужнымъ затрогивать вопроса о несовмѣстности службы съ хозяйствомъ...

Чехи и Россія.

Въ польскихъ и чешскихъ газетахъ съ большою живостью обсуждается застольная рѣчь нѣкоего младочешскаго депутата Горжицы, которую онъ счелъ умѣстнымъ произнести въ веселой польской компаніи, собравшейся въ древнемъ русскомъ городѣ Львовѣ.

Въ этой рѣчи г. Горжица открещивался отъ Россіи, называлъ Русскихъ «злымъ геніемъ Чеховъ» и заявилъ, что руссофильство Чеховъ никогда не было искреннимъ, что они пугали имъ только Нѣмцевъ, а что на самомъ дѣлѣ они всегда любили Поляковъ и вмѣстѣ съ ними ненавидѣли Русскихъ; а ненавидятъ-де Чехи Русскихъ потому, во первыхъ, что «Россія ничего не сдѣлала для Чеховъ въ прошломъ и ничего не сдѣлаетъ въ будущемъ», а во вторыхъ потому, что въ 1871 году русскій посолъ Новиковъ помѣшалъ-де императору Францу Іосифу осчастливить Чеховъ автономіей, которую будто бы имъ хотѣли дать тогдашніе министры графъ Бейстъ и графъ Андраши.

Поляки, разумѣется, въ восторгѣ отъ подобныхъ словоизліяній, а Чехи ими возмущены и упрекаютъ депутата Горжицу въ безтактности, доказывая ему, что такихъ вещей во всеуслышаніе не говорятъ, такъ какъ онѣ могутъ де испортить отношенія Россіи къ Чехамъ.

Намъ кажется, что всему этому инциденту какъ Поляки, такъ и Чехи придаютъ слишкомъ много значенія. Отношенія Россіи къ Чехамъ останутся послѣ рѣчи г. Горжицы такими же, какими они были и до его рѣчи, не только потому, что она произнесена такимъ неавторитетнымъ лицомъ, какъ г. Горжица, но и потому, что отношенія Россіи къ Чехамъ не могутъ находиться въ зависимости отъ какихъ бы то ни было старо или младочешскихъ рѣчей.

Россія съ искреннимъ и глубокимъ сочувствіемъ относится къ единоплеменному Чешскому народу, радуясь его радостямъ и горюя его горемъ; съ такимъ же сочувствіемъ мы, Русскіе, относимся и къ другимъ единоплеменнымъ или единовѣрнымъ народамъ, ни на минуту не сомнѣваясь и въ ихъ сочувствіи къ намъ, такъ какъ мы никогда не смѣшиваемъ вѣрнаго историческаго чутья *народа* съ честолюбивыми интересами его «интеллигенціи», въ особенности если она заражена тѣми тлетворными элементами, которые носятся въ атмосферѣ парламентаризма.

Такъ и въ данномъ случаѣ, мы, Русскіе, не можемъ не желать отъ всего сердца, чтобы Чешскій народъ въ своей совокупности развивался и крѣпъ въ своемъ національномъ самосознаніи и дорожилъ своимъ славнымъ историческимъ прошлымъ, когда изъ его среды выходили такіе люди какъ Янъ Гусъ, которые не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ своего народа и готовы были смертью запечатлѣть свои національныя и религіозныя убѣжденія.

Что же касается до современныхъ «вождей» Чешскаго народа, среди которыхъ несомнѣнно есть и вполнѣ почтенные и уважаемые дѣятели, которые мечтаютъ не объ однихъ только гофратскихъ и баронскихъ титулахъ или о министерскихъ постахъ «съ портфелями» и безъ оныхъ, то мы можемъ желать лишь одного, а именно, чтобъ ихъ парламентскіе, клубные, избирательные и иные «маневры» какъ можно менѣе вредили истиннымъ интересамъ всего Чешскаго народа, а, по возможности, приносили ему дѣйствительную пользу.

Однимъ изъ такихъ «маневровъ» чешской интеллигенціи является въ настоящее время сердечная дружба съ Поляками, въ виду того, что Австрійское правительство теперь находится въ польскихъ рукахъ. Чешскіе политики очень хорошо чувствуютъ, что новое ихъ «полонофильство» несовмѣстимо съ прежнимъ ихъ «руссофильствомъ, а потому одни изъ нихъ стремятся увѣрить насъ, что они де подружились съ Поляками только потому что сами Поляки теперь измѣнились и тоже готовы стать руссофилами; а другіе, какъ, напримѣръ, г. Горжица, прямо заявляютъ, что Поляки имъ дороги, какъ враги Русскихъ, такъ какъ де и Чехи тоже одушевлены такими же враждебными чувствами къ Россіи, какъ и Поляки

Господа чешскіе депутаты могутъ успокоиться: намъ ихъ оправданія не нужны, такъ какъ мы ихъ прежде всего и не думаемъ въ чемъ либо обвинять. Если они, по конституціонно-парламентскимъ соображеніямъ, находятъ въ настоящее время нужнымъ идти рука объ руку съ Поляками, то это ихъ дѣло, которое насъ вовсе не касается; мы отъ души желаемъ только одного, чтобъ эта польско-чешская дружба принесла пользу не только чешскимъ депутатамъ, но, если это возможно, и Чешскому народу, и чтобы для него разочарованіе въ польской «дружбѣ», которое рано или поздно неминуемо наступитъ, не явилось слишкомъ тягостнымъ и горькимъ.

Мы не желали бы, чтобы наши слова были невѣрно поняты или превратно истолкованы, а потому еще разъ повторяемъ, что ровно ничего не имѣемъ противъ теперешняго чешско-польскаго союза, лишь бы только Чехи дѣйствительно сумѣли извлечь изъ этого союза все то, что онъ имъ сулитъ. Мы первые порадуемся такому результату и поздравимъ чешскихъ вождей съ ловкостью ихъ политическаго маневра.

Но если Чехи въ настоящее время находятъ цѣлесообразнымъ дружить съ Поляками, то имъ вовсе нѣтъ никакой надобности увѣрять насъ въ томъ,

будто и Поляки хотятъ дружить съ нами. Мы слишкомъ хорошо знаемъ истинную цѣну польской «дружбы» и вовсе не нуждаемся въ томъ, чтобы Чехи выдавали Полякамъ лестныя аттестаціи въ руссофильствѣ. У насъ есть прекрасное мѣрило для того, чтобы съ величайшею точностью опредѣлить искренность польскаго руссофильства: это—отношеніе Поляковъ къ нашимъ единокровнымъ братьямъ въ Галицкой Руси. Вотъ если наши галицкіе братья заявятъ намъ, что Поляки измѣнились и дружелюбно относятся къ Русскимъ въ Галиціи, давая имъ полную національную и религіозную свободу, тогда, *но только тогда*, мы повѣримъ въ искренность руссофильства Поляковъ. А *чешскіе* диѳирамбы Полякамъ, желающимъ будто бы примиренія съ Русскими и въ то же время безчеловѣчно угнетающимъ Русскихъ, для насъ никакой цѣны не имѣютъ.

Точно также мы не придаемъ никакого особаго значенія и «руссофобству» такихъ господъ, какъ г. Горжица, который самовольно присвоилъ себѣ право говорить отъ имени всего Чешскаго народа, въ которомъ никакой вражды къ Россіи нѣтъ. Такъ какъ Поляки во Львовѣ давали обѣдъ г. Горжицѣ, то онъ и счелъ долгомъ сказать имъ что-нибудь пріятное; а что́ можетъ быть пріятнѣе для Поляка, какъ не ругательства по адресу Россіи?

Но г. Горжица въ своей рѣчи коснулся той роли, которую будто бы игралъ въ 1871 году русскій посолъ г. Новиковъ въ вопросѣ о дарованіи Чехамъ автономіи. Графы Бейстъ и Андраши хотѣли-де дать Чехамъ эту автономію, а г. Новиковъ этому помѣшалъ.

Этотъ миѳъ, какъ намъ извѣстно, доселѣ держится въ австрійскихъ политическихъ кругахъ, и мы очень рады представившемуся случаю категорически его опровергнуть.

Чешская автономія въ 1871 году встрѣтила оппозицію именно со стороны графовъ Бейста и Андраши, дѣйствовавшихъ согласно указаніямъ князя Бисмарка, тогда какъ Россія въ это дѣло совершенно не вмѣшивалась *), какъ она вообще никогда не вмѣшивается во внутреннія дѣла европейскихъ

---

*) Рѣчь г. Горжицы получила уже должную отповѣдь въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 154), въ которыхъ точно также опровергается басня о г. Новиковѣ слѣдующимъ образомъ.

„Въ январѣ 1887 года, Паздирекъ, вѣнскій корреспондентъ московской газеты *Русскій Курьеръ*, помѣстилъ въ названной русской газетѣ слѣдующія, будто бы слышанныя имъ отъ доктора Ригера слова:

„Я могу положительно увѣрить, что именно Русское Правительство заявило офиціальный протестъ противъ предполагаемаго возстановленія Чешскаго государства изъ опасенія, что это повлечетъ за собой и возстановленіе Польскаго королевства. И, такимъ образомъ, мы, благодаря Русскому Правительству, остались опять ни при чемъ“.

Это извѣстіе, тогда же заподозрѣнное русскими газетами и вызвавшее ихъ негодованіе, оказалось, однако, мистификаціей, и самъ Ригеръ публично заявилъ, что все сообщеніе Паздирека не точно.

Но чтобы разъ навсегда выяснить, кто провалилъ основные параграфы („фундаменталки“) чешскаго права, Ад. Ив. Добрянскій, на основаніи докладовъ императору гр. Бейста, бывшаго въ 1871 году министромъ иностранныхъ дѣлъ, доказалъ въ мартовскомъ нумерѣ *Parlementär'a* за 1887 г., что „фундаменталки“ были провалены гр., Бейстомъ. Самъ Бейстъ ставилъ себѣ это въ особую заслугу, добавляя, впрочемъ, что ему отчасти помогалъ въ этомъ дѣлѣ венгерскій министръ-президентъ, графъ Андраши. Итакъ, на основаніи офиціальныхъ докладовъ гр. Бейста императору была тогда доказана вся непричастность Россіи въ этомъ дѣлѣ.

государствъ, если они не дошли до такого безпомощнаго состоянія, какъ, напримѣръ, Турція; а Австро-Венгрію даже и враги ея пока еще съ Турціей не сравниваютъ.

Вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужаго государства можно только съ твердымъ намѣреніемъ поддержать свое вмѣшательство съ оружіемъ въ рукахъ. Россія же, неизмѣнно преслѣдуя миролюбивую политику, пока не затронутъ ея чести и достоинства, всегда строго воздерживалась отъ подобныхъ вмѣшательствъ, какъ бы она ни сочувствовала славянскимъ народностямъ, борющимся въ Австро-Венгріи за свою національную и религіозную самостоятельность.

Вотъ почему Россія чрезъ своихъ представителей при Вѣнскомъ дворѣ никогда не противодѣйствовала законнымъ и естественнымъ стремленіямъ славянскихъ племенъ въ Габсбургской монархіи, но никогда и не требовала ихъ удовлетворенія, не желая вызывать политическихъ осложненій, которыя могли отразиться на этихъ племенахъ самымъ нежелательнымъ образомъ.

Вотъ почему Россія воздерживается отъ офиціальнаго заступничества не только въ пользу Чеховъ, но и въ пользу гораздо болѣе нуждающихся въ защитѣ и близкихъ ей по вѣрѣ и крови русскихъ Галичанъ.

Такой строго законной политики Россія будетъ несомнѣнно держаться и впредь, пока европейскій миръ будетъ совмѣстимъ съ ея единствомъ, съ ея цѣлостью и съ ея высшими духовными интересами.

Эта политика нисколько не противорѣчитъ миссіи Россіи, какъ православной, славянской державы, которая не должна разбрасывать свои силы на необдуманные порывы, а сосредоточивать ихъ для будущаго блага всего православнаго, славянскаго міра.

Отвѣтъ Польскаго публициста.

Въ № 170 *Биржевыхъ Вѣдомостей* нѣкто г. Багницкій заявилъ, что «польская печать въ Варшавѣ, Люблинѣ, Радомѣ, Калишѣ, Полоцкѣ etc. не оправдываетъ всѣхъ полицейскихъ и административныхъ мѣръ, стѣсняющихъ или тормазящихъ проявленіе и ростъ русской самобытности подъ скипетромъ Габсбурговъ».

На это мы въ № 174 *Московскихъ Вѣдомостей* замѣтили, что г. Багницкій, разсчитывая на наивность своихъ читателей, «не приводитъ ни одной цитаты изъ польской печати, которая порицала бы галицкихъ Поляковъ за угнетеніе тамошняго Русскаго народа, а не приводитъ онъ такихъ цитатъ по той простой причинѣ, что ихъ нигдѣ въ польской печати найти нельзя».

Теперь, въ № 177 *Биржевыхъ Вѣдомостей*, г. Багницкій сознается, что у него такихъ цитатъ дѣйствительно нѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ:

«Я могу обзавестись таковыми, только побывавъ въ Варшавѣ, Краковѣ и Львовѣ и просмотрѣвъ коллекціи мѣстныхъ повременныхъ изданій, или же поручивъ тремъ тамошнимъ жителямъ сдѣлать для меня эту работу. И на то, и на другое нужно время».

Это заявленіе г. Багницкаго слово разсчитано на ту же наивность читателей, которые должны вообразить, будто г. Багницкій и въ самомъ дѣлѣ поѣдетъ въ Варшаву, Краковъ и Львовъ, или поручитъ «тремъ тамошнимъ жителямъ просмотрѣть коллекціи мѣстныхъ повременныхъ изданій». На самомъ же дѣлѣ онъ очень хорошо знаетъ, что это было бы совершенно даромъ потраченное время, такъ какъ, сколько ни просматривай коллекціи польскихъ газетъ, въ нихъ никто не найдетъ ни одного слова порицанія тѣмъ «полицейскимъ и административнымъ мѣрамъ, которыя стѣсняютъ или тормазятъ проявленіе и ростъ русской самобытности подъ скипетромъ Габсбурговъ».

Гдѣ тѣ польскія газеты, которыя возмущались бы и протестовали бы противъ того неслыханнаго польскаго гнета, подъ которымъ изнемогаетъ Русскій народъ въ Галиціи, и который выразился въ такой грубой цинической формѣ и на послѣднихъ выборахъ, и въ недавнихъ процессахъ? Гдѣ тѣ польскія газеты, которыя отстаиваютъ неприкосновенность отцовской вѣры Русскаго народа отъ дерзкихъ поползновеній на него католицизма? Такихъ польскихъ газетъ нѣтъ, сколько бы насъ ни завѣрялъ въ противномъ голословно г. Багницкій.

Полякамъ, конечно, очень не хочется, чтобы мы провѣряли ихъ миролюбивыя *слова* тѣми исполненными вражды и ненависти *дѣйствіями*, съ которыми они всегда относятся къ Русскому народу тамъ, гдѣ они успѣваютъ добиться нѣкоторой власти. Но, какъ бы они ни старались съ этою цѣлью отклонить наше вниманіе отъ несчастной, истерзанной ими Червонной Руси, мы тѣмъ съ большимъ участіемъ и пристальнымъ вниманіемъ будемъ слѣдить за страданіями нашихъ зарубежныхъ братьевъ, въ поддержку имъ и въ назиданіе намъ.

А «цитатъ», обѣщанныхъ г. Багницкимъ, мы все-таки будемъ ждать, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть, какъ въ данномъ случаѣ поступитъ польскій публицистъ.

Невѣроятное событіе.

Кронштадтскій Вѣстникъ, по справедливости, считается газетой, хорошо освѣдомленною въ вопросахъ и дѣлахъ, касающихся морской силы Россіи, и не разъ являлся офиціознымъ выразителемъ правительственныхъ взглядовъ на эти вопросы и дѣла. Мы, поэтому, не имѣемъ никакого основанія не вѣрить сообщаемымъ имъ извѣстіямъ о судьбѣ нашихъ военныхъ судовъ, доблестно и самоотверженно отстаивающихъ, въ лицѣ своего экипажа, славу, честь и интересы Россіи за ея предѣлами.

И, тѣмъ не менѣе, сообщенное почтенною газетой (№ 79 отъ 9 іюля) извѣстіе о томъ, что̀ произошло 22 іюня съ моряками нашего броненосца *Николая I* въ Пиреѣ, такъ глубоко возмутительно, что становится для Русскаго человѣка почти невѣроятнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто у насъ въ Россіи можетъ равнодушно прочитать слѣдующее:

«50 матросовъ съ броненосца было спущено на берегъ и въ 7 часовъ вечера должны были вернуться.

«За нѣсколько минутъ до отхода шлюпокъ на броненосецъ, когда почти всѣ усѣлись въ шлюпки, на нашихъ моряковъ было произведено дикое нападеніе громадной толпы Грековъ, которые засыпали нашихъ камнями, бутылками, столами, стульями и всѣмъ, что̀ попадалось подъ руки».

Это ничѣмъ не вызванное дерзкое и дикое нападеніе не обошлось безъ жертвъ, въ числѣ которыхъ оказался сынъ нашего посла въ Константинополѣ, А. И. Нелидова:

«Стоявшіе на берегу у шлюпокъ лейтенантъ Нелидовъ и боцманъ съ броненосца были первыми жертвами греческаго фанатизма. Когда лейтенантъ Нелидовъ нѣсколькими ударами въ голову былъ сшибленъ съ ногъ и лишился чувствъ, удары не переставали на него сыпаться. Боцманъ также сильно пострадалъ. Мичманъ Черкасовъ, бывшій на паровомъ катерѣ, получилъ ударъ, повидимому, камнемъ, которымъ ему разсѣкло губы и вышибло нѣсколько зубовъ. Изъ команды многіе сильно пострадали. Раны преимущественно головныя».

Но, можетъ-быть, все это явилось результатомъ неожиданной, случайной вспышки необузданной черни? Нѣтъ, оказывается, что—

«этому событію предшествовалъ цѣлый рядъ выходокъ, которыя препятствовали спуску на берегъ нашихъ матросовъ, не бывавшихъ, поэтому, на берегу съ прихода броненосца на Святой недѣлѣ въ Грецію. Только за нѣсколько дней до этого былъ разрѣшенъ съѣздъ командъ на берегъ».

Оказывается, что въ Пиреѣ *Николай I* подвергался нападенію и ранѣе 22 іюня:

«Съ самаго прихода въ Грецію броненосца, судовыя шлюпки, приставашія къ берегу, часто подвергались не только бросанію камнями, но и выстрѣламъ, которые были направлены, однажды, и въ самый броненосецъ; но въ послѣднемъ случаѣ пули не долетали, такъ какъ система ружья, очевидно, не была новѣйшею. Все это вызвало пріѣздъ на броненосецъ, съ извиненіемъ, перваго министра Ралли. Но, какъ мы видѣли, это не могло мѣшать событію 22 іюня, которое не было случайнымъ; напротивъ, имѣются данныя, указывающія на заранѣе подготовленную организацію».

Но, очевидно, какія-нибудь новыя «извиненія» не могли уже считаться достаточными, чтобы служить достойнымъ возмездіемъ за неслыханную дерзость толпы, напавшей 22 іюня на русскихъ моряковъ, избившей ихъ и нанесшей имъ тяжкія раны. Мы легко можемъ себѣ вообразить, чего потребовали бы не только Англія или Германія, но даже Голландія или Швеція, за такое оскорбленіе національной чести, и, какъ бы велики эти требованія ни были, мы ихъ не нашли бы чрезмѣрными.

Какого же удовлетворенія потребовали мы?

Отвѣтъ, данный на этотъ вопросъ *Кронштадтскимъ Вѣстникомъ* представляется еще менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ разсказы о самомъ событіи 22 іюня, которое еще можетъ быть объяснимо фанатизмомъ толпы, отъ которой можно ожидать всего, что̀ угодно.

«Когда отъ Греческаго правительства было потребовано удовлетвореніе, оно, поторговавшись, согласилось. Къ сожалѣнію, въ предъявленіи требованій не было обнаружено необходимой въ этомъ случаѣ твердости, которою такъ отличается англійская дипломатія».

Въ чемъ же заключалось требованія Россіи? Въ томъ, чтобы Греки подняли 25 іюня на Пирейской крѣпости русскій національный флагъ и салютовали его 21 выстрѣломъ—и только.

Рука съ трудомъ поднимается, чтобы передать дальнѣйшій разсказъ *Кронштадтскаго Вѣстника:*

«Но, несмотря на мягкость условій удовлетворенія, они не были выполнены. 25 іюня Пирейская крѣпость въ 4 ч. дня должна была произвести салютъ русской націи въ 21 выстрѣлъ, не получая отвѣта. Ровно въ 4 часа дня въ Пирейской крѣпости, имѣющей 21 орудіе, подаренныя когда-то Русскими, былъ поднятъ греческою бабой нашъ флагъ. Затѣмъ, какой-то инвалидъ началъ салютъ; салютъ былъ въ 7 выстрѣловъ, остальные были простыми вспышками, звука которыхъ не слышалъ даже офицеръ, посланный съ русскаго броненосца быть свидѣтелемъ въ крѣпости при производствѣ салюта. Греческіе матросы, стоявшіе по близости зрителями, громко хохотали надъ такимъ салютомъ русскому флагу».

Ну, а дальше? Что̀ же, по разсказу *Кронштадтскаго Вѣстника*, послѣдовало за этимъ новымъ оскорбленіемъ Россіи?

Ничего.

Мы положительно отказываемся вѣрить этому. Неужели можно допустить, что русскій офицеръ, посланный съ русскаго броненосца быть свидѣтелемъ салюта и *не слышавшій* таковаго, а слышавшій вмѣсто него лишь громкій оскорбительный хохотъ греческихъ матросовъ, преспокойно донесъ о томъ своему начальству, которое затѣмъ преспокойно рѣшило, что честь Россіи удовлетворена?

Еслибы все это было такъ, то мы были бы въ правѣ сдѣлать самые прискорбные выводы и заключенія изъ всего этого ряда событій, которыя другъ друга превосходятъ своею возмутительностью. Но мы этихъ выводовъ и заключеній дѣлать не хотимъ и дѣлать не будемъ, такъ какъ твердо увѣрены, что факты, оглашенные въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, будутъ либо официально возстановлены въ ихъ истинномъ видѣ, вполнѣ удовлетворяющемъ Россію, или же официально будутъ дополнены тѣмъ эпилогомъ, котораго съ нетерпѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ ждутъ всѣ Русскіе, узнавшіе, благодаря кронштадтской газетѣ, о томъ, что̀ произошло въ Пиреѣ 22 и 25 іюня сего года.

М. Н. Катковъ и современное общество.

Неужели прошло уже цѣлое десятилѣтіе съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нимъ? Его духовный образъ такъ живо стоитъ предъ нами, какъ

будто еще вчера его пламенныя статьи указывали непререкаемый долгъ Россіи...

Увы, это иллюзія, вызванная могучимъ, неотразимымъ вліяніемъ его генія, который произвелъ на знавшихъ и почитавшихъ его современниковъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, живость котораго не изгладится еще многіе десятки лѣтъ: все будетъ казаться, что Катковъ еще такъ недавно своимъ авторитетнымъ словомъ будилъ въ русскихъ сердцахъ русскую силу. А между тѣмъ достаточно оглянуться вокругъ себя, достаточно вспомнить недавно пережитое и нынѣ переживаемое, чтобъ иллюзія исчезла и уступила мѣсто горькому, реальному убѣжденію, что Каткова давно уже нѣтъ.

О, конечно, еслибъ онъ эти десять лѣтъ прожилъ съ нами, исторія Россіи не измѣнила бы своего направленія, которое ей Державною Волей намѣтилъ Царь Самодержецъ и котораго она съ тѣхъ поръ неуклонно держится по мудрому рѣшенію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Еслибъ М. Н. Каткову дано было прожить эти десять лѣтъ, онъ, несомнѣнно, радовался бы блестящему осуществленію своихъ завѣтныхъ идеаловъ о Самодержавіи Русскаго Царя, о мощной самостоятельности Россіи, о великомъ подъемѣ и развитіи ея силъ. Въ этой области патріотическая дѣятельность его имѣла бы великое значеніе въ смыслѣ поясненія совершающагося на нашихъ глазахъ возрожденія Россіи, которому Катковъ, разумѣется, еще болѣе содѣйствовалъ бы своею убѣжденною проповѣдью.

Но отсутствіе Каткова даетъ себя чувствовать гораздо сильнѣе въ другой области.

При его жизни возрожденіе Россіи совершалось съ такою же величавою мощью, какъ и нынѣ, съ тою только разницей, что враги этого возрожденія бездѣйствовали и молчали; нынѣ же они, набравшись смѣлости, и говорятъ, и дѣйствуютъ.

Возрожденіе Россіи, какъ извѣстно, пришлось у насъ многимъ не по сердцу. Прежде всего нашимъ конституціоналистамъ, именующимъ себя «либералами», которые все время доказывали и доселѣ тщатся доказать, что спасеніе Россіи не въ Самодержавіи, а въ парламентаризмѣ, и которые поэтому никакъ не могутъ примириться съ тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что возрожденіемъ своимъ Россія именно обязана тому, что, порвавъ рѣшительно и окончательно съ совершенно нелѣпыми мечтаніями о какихъ бы то ни было иныхъ формахъ правленія, она обрѣла себѣ спасеніе, счастье и успѣхъ въ окрѣпшемъ навсегда Самодержавіи своихъ Царей.

Не по сердцу возрожденіе Россіи и нашимъ окраиннымъ сепаратистамъ, разсчитывавшимъ на слабость и внутреннее неустройство Россіи, чтобы привести въ исполненіе свои враждебные ей замыслы. Они должны были умолкнуть, когда поняли, что сильная Россія не потерпитъ своего расчлененія.

И вотъ въ послѣдніе два, три года мы присутствуемъ при внезапномъ подъемѣ щитовъ, какъ либеральныхъ, такъ и окраинныхъ враговъ Самодержавной Россіи, мечтающихъ снова занять утраченныя ими позиціи, дабы затѣмъ съ нихъ снова пойти на приступъ противъ русской твердыни.

«Либеральное» движеніе противъ дворянства и вообще противъ сословнаго строя Россіи, сепаратистское движеніе въ Финляндіи, на Кавказѣ, въ Балтійскихъ провинціяхъ и въ особенности въ Привислинскомъ краѣ—вотъ явные внѣшніе признаки этого общаго похода, который, мы убѣждены въ этомъ, едва ли былъ бы возможенъ при жизни Каткова.

Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ объяснить этотъ внезапный подъемъ духа у враговъ Самодержавія и единства Россіи, на что возлагаютъ они свои дерзкія надежды? Не на высшія же правительственныя сферы, гдѣ нѣтъ никакихъ признаковъ сомнѣнія и колебанія, гдѣ вотъ уже 16 лѣтъ царитъ одинъ и тотъ же духъ яснаго и здраваго пониманія жизненныхъ интересовъ Россіи, какъ о томъ постоянно свидѣтельствуютъ всѣ доходящіе до всеобщаго свѣдѣнія Высочайшіе акты Державной Воли. Оттуда, изъ этихъ свѣтлыхъ сферъ, современные агитаторы ничего не могутъ ожидать, кромѣ твердой рѣшимости продолжать столь обильную успѣхомъ истинно - русскую политику Царя-Самодержца.

Слишкомъ хорошо это знаютъ наши агитаторы, и если они возобновили свое однажды уже рушившееся дѣло, то только потому, что возлагаютъ свои надежды на то, что у насъ называютъ «обществомъ».

Общество у насъ осталось послѣ Каткова безъ руководителя, безъ того человѣка, который всегда и всюду, даже въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, умѣлъ сразу находить и указывать то, что соотвѣтствовало чести, славѣ и долгу Россіи. Въ нашемъ обществѣ доселѣ, къ сожалѣнію, не выработалось твердаго національнаго чувства, которое ему всегда подсказывало бы вѣрное патріотическое отношеніе къ тѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, которые ежедневно возникаютъ въ нашей многосложной государственной жизни. Наше общество къ тому же не искусилось въ самостоятельномъ логическомъ мышленіи и слишкомъ часто становится жертвой даже плохо прикрытыхъ софизмовъ. Вотъ на эти слабыя стороны общества и разсчитаны новыя попытки нашихъ агитаторовъ.

Затуманить прояснившееся было національное сознаніе Русскаго общества, разубѣдить его въ реальности совершившагося возрожденія Россіи, внушить ему сознаніе мнимой ея слабости и въ необходимости ей пойти на уступки внутреннимъ и окраиннымъ врагамъ ея Самодержавія и ея единства, словомъ, снова опутать и одурачить ее призракомъ небывалаго органическаго недуга и кошмаромъ собственнаго безсилія предъ мнимою силой враговъ—вотъ та цѣль, которую поставили себѣ современные агитаторы и которой они надѣются достигнуть, благо теперь нѣтъ въ живыхъ того человѣка, который нѣкогда въ силѣ былъ изобличить еще большій обманъ, освободить Россію отъ еще болѣе тяжкаго кошмара.

Развѣ можно допустить, что польскіе сепаратисты рѣшились бы повторять свои «примирительные» софизмы при жизни Каткова, который такъ побѣдоносно разоблачилъ эти софизмы? Если они теперь пріобрѣли такую увѣренность, то именно потому, что они твердо разсчитываютъ на добродушную довѣрчивость русскаго общества, которому никто не откроетъ глаза на истинную сущность польской интриги. Вотъ чѣмъ объясняются жалобы Русскихъ людей, живущихъ въ Привислинскомъ краѣ, жалобы на возрастающія вновь дерзкія надежды Поляковъ, жалобы съ постояннымъ грустнымъ припѣвомъ—«да, видно, что нѣтъ Каткова!»

Мы ни на минуту не желаемъ допустить, чтобъ эти воскресшія надежды Поляковъ имѣли какое-либо основаніе; мы твердо увѣрены, что правительственная власть сумѣетъ дать имъ должный отпоръ, когда онѣ осмѣлятся перейти предѣлъ, допустимый русскимъ долготерпѣніемъ; съ этой стороны, такъ же, какъ со стороны возобновившейся либеральной агитаціи, никакой серіозной опасности Россіи грозить не можетъ. Но мы хотѣли только отмѣтить

самый фактъ возобновленія этихъ агитацій, которое потому только и стало возможнымъ, что агитаторы надѣялись не встрѣтить никакого отпора въ самомъ обществѣ, лишенномъ патріотическаго руководительства Каткова.

Помня публицистическую дѣятельность Каткова, мы легко себѣ можемъ представить, какъ горячо онъ отозвался бы на текущіе вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи и съ какою безошибочною мѣткостью онъ поразилъ бы въ самое сердце всѣ новые ковы враговъ Россіи. Но если голосъ живого Каткова навсегда умолкъ, мы имѣемъ возможность слышать его прежній голосъ, читая тѣ чудныя статьи, которыми онъ увѣковѣчилъ свое имя на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей.* Отнынѣ чтеніе это становится доступнымъ русскому обществу: осуществилась давно завѣтная мечта вдовы покойнаго великаго патріота, совпадавшая съ мечтой всѣхъ истинно Русскихъ людей, и предъ нами уже лежатъ первые четыре тома начатаго С. Н. Катковой изданія передовыхъ статей Михаила Никифоровича. Не пройдетъ и года, какъ въ рукахъ Русскаго общества будетъ находиться все эго монументальное изданіе, состоящее не менѣе чѣмъ изъ 25 томовъ.

Передовыя статьи М. Н. Каткова за 1863—1887 года появятся такимъ образомъ въ свѣтъ, какъ нельзя болѣе кстати. Катковъ писалъ не для одного дня и не для одного года, какъ многіе ошибочно думаютъ: каждый, кто возьметъ въ руки хотя бы вышедшіе нынѣ первые 4 тома вышеназваннаго изданія, относящіеся къ 1863—66 годамъ, будетъ прежде всего пораженъ тѣмъ, что эти статьи по общегосударственнымъ русскимъ вопросамъ, написанныя болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, содержатъ въ себѣ сужденія, которыя сохранили всю свою оригинальную свѣжесть и мѣткость до настоящаго дня и несомнѣнно сохранятъ ее и на предбудущее время, какъ всѣ произведенія высокаго геніальнаго ума. Едвали можно найти въ современной жизни какой-нибудь важный вопросъ, о которомъ мы не нашли бы въ передовыхъ статьяхъ М. Н. Каткова вполнѣ яснаго и убѣдительнаго сужденія, способнаго яркимъ свѣтомъ озарить самую сущность этого вопроса и указать на безошибочное его рѣшеніе.

Въ виду этого мы сочли своимъ долгомъ почтить сегодня, въ десятилѣтнюю годовщину понесенной Россіей тяжкой утраты, память почившаго великаго патріота извлеченіемъ изъ его статей за 1863—66 года нѣсколькихъ мыслей о современныхъ намъ текущихъ вопросахъ, не только для того, чтобы доказать этимъ геніальную прозорливость великаго публициста, но и для того, чтобы подлинными словами Каткова разсѣять, по возможности, тотъ туманъ, которымъ враги наши снова стараются окутать наше общество.

Удовлетвореніе, данное Греціей Россіи.

Какъ помнятъ наши читатели, *Кронштадтскій Вѣстникъ* (№ 79) сообщилъ о нападеніи, произведенномъ въ Пиреѣ греческою чернью на русскихъ моряковъ съ броненосца *Николай I*, и о томъ, что, вмѣсто потребованнаго отъ Греческаго правительства удовлетворенія въ видѣ салюта русскому флоту, устроена была пародія на этотъ салютъ, причемъ «греческіе матросы, стоя-

шіе по близости зрителями, громко хохотали надъ такимъ салютомъ русскому флагу».

По этому поводу мы писали (въ № 189 *Моск. Вѣд.*), что отказываемся вѣрить этому разсказу:

«Неужели можно допустить, говорили мы, что русскій офицеръ, посланный съ русскаго броненосца быть свидѣтелемъ салюта и *не слышавшій* таковаго, а слышавшій вмѣсто него лишь громкій оскорбительный хохотъ греческихъ матросовъ, преспокойно донесъ о томъ своему начальству, которое затѣмъ преспокойно рѣшило, что честь Россіи удовлетворена? Мы твердо увѣрены, что факты, оглашенные въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, будутъ либо офиціально возстановлены въ ихъ истинномъ видѣ, вполнѣ удовлетворяющемъ Россію, или же офиціально будутъ дополнены тѣмъ эпилогомъ, котораго съ нетерпѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ ждутъ всѣ Русскіе, узнавшіе, благодаря кронштадтской газетѣ, о томъ, что̀ произошло въ Пиреѣ 22 и 25 іюня сего года».

Теперь въ *Новомъ Времени* (№ 7.684) напечатано слѣдующее:

«Въ нѣкоторыхъ газетахъ были помѣщены извѣстія о столкновеніи, происшедшемъ въ Пиреѣ между нѣкоторыми изъ тамошнихъ жителей и нашими матросами, а также и объ удовлетвореніи, данномъ Греціей русскому флагу салютомъ съ батареи, расположенной при входѣ въ Пирей, причемъ указывалось, что салютъ былъ произведенъ съ существенными отступленіями отъ обычно установленнаго порядка, то-есть не всѣ выстрѣлы были достаточно отчетливо слышны, а русскій флагъ былъ поднятъ женщиной.

«По поводу этого Главный Морской Штабъ сообщаетъ намъ, что изъ полученныхъ офиціальныхъ донесеній отъ командира эскадреннаго броненосца *Императоръ Николай I*, капитана 1-го ранга Фелькерзама, видно, что салютъ русскому флагу былъ произведенъ съ единственной мѣстной батареи, на половину уже расформированной, причемъ дѣйствительно салютъ этотъ былъ произведенъ *безъ соблюденія должнаго уваженія къ салютуемому флагу, а самый подъемъ послѣдняго сопровождался нарушеніемъ принятаго обычнаго порядка.*

«Вслѣдствіе этого капитанъ 1-го ранга Фелькерзамъ потребовалъ присылки на рейдъ для повторенія салюта спеціальнаго судна, и Греческое правительство, соглашаясь съ основательностью этого требованія, изъявило готовность прислать даже два судна, *но при этомъ выставило на видъ тѣ затрудненія, съ которыми былъ бы сопряженъ въ настоящее время вызовъ этихъ судовъ и отвлеченіе ихъ отъ исполняемыхъ ими спеціальныхъ обязанностей.*

«Получивъ офиціальное предложеніе о повтореніи салюта, капитанъ 1-го ранга Фелькерзамъ *нашелъ возможнымъ удовлетвориться и отказаться отъ исполненія его на дѣлѣ*».

Комментаріи излишни.

Вильгельмъ II.

Въ Россію прибудетъ высокій гость нашего Царя — Императоръ Германскій Вильгельмъ II.

Событіе это несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ исторіи русско-германскихъ сношеній и послужитъ, надо надѣяться, на пользу обще-европейскаго мира. Россія и Германія занимаютъ въ настоящее время слишкомъ выдающееся положеніе въ европейскомъ концертѣ, чтобы встрѣча ихъ вѣнценосныхъ Вождей могла пройти безъ осязательныхъ результатовъ для желаемаго успокоенія умовъ на Балканскомъ полуостровѣ, ибо мы увѣрены, что императоръ Германскій такъ же искренно желаетъ мира, какъ и нашъ Государь, и обладаетъ достаточною силой воли, чтобь осуществить свое желаніе.

Сила воли—таково выдающееся качество императора Вильгельма II, качество столь подобающее истинному монарху. Мы не станемъ разсматривать насколько спеціальная политика Германіи благопріятствуетъ или не благопріятствуетъ справедливымъ стремленіямъ Россіи, но что эта политика находится въ твердыхъ рукахъ и неуклонно направляется къ намѣченной цѣли—въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ. А потому мы, какъ Русскіе, можемъ сочувствовать или не сочувствовать этой политикѣ, но не можемъ не уважать того почти самодержавнаго характера, которымъ отличается ея руководитель.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы стали искать въ Западной Европѣ вѣнценоснаго государя, который всего болѣе приближался бы къ идеалу самодержавнаго монарха, то мы невольно остановились бы на императорѣ Вильгельмѣ II, который имѣлъ мужество, среди окружающаго его парламентскаго безумія, провозгласить своимъ девизомъ изреченіе, достойное Самодержца: *Regis voluntas suprema lex.*

Провозгласить *царскую волю высшимъ закономъ* въ такой соціалъ-демократической странѣ, какъ Германія, и въ такое время, когда въ Западной Европѣ только и твердятъ о той жалкой иллюзіи, которая называется «волей народной», выставить эту высшую истину наперекоръ бушующей противъ нея конституціонной лжи, —на этотъ подвигъ могъ отважиться не заурядный неопытный юноша, какимъ сперва выставляли императора Германскаго, а монархъ, ясно сознающій свое высокое призваніе и берущій на себя полную отвѣтственность за благо своего народа.

Въ нашъ вѣкъ туманныхъ и противорѣчивыхъ идеаловъ и болѣзненно-атрофированныхъ характеровъ цѣльная, яркая личность Вильгельма II пріобрѣтаетъ почти героическій оттѣнокъ и вызываетъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе. Вотъ человѣкъ, который знаетъ, чего хочетъ, который открыто стремится къ своей цѣли и открыто высказываетъ свои убѣжденія. Отъ него вѣетъ чѣмъ-то средневѣковымъ, рыцарскимъ, какою-то благородною энергіей. Религія и патріотизмъ для него не пустые звуки: онъ искренно считаетъ своимъ священнымъ долгомъ стоять на ихъ стражѣ противъ того страшнаго зла, которымъ такъ страдаетъ сосѣдняя намъ Германія, и которое, поэтому, не можетъ не угрожать и намъ. Мы говоримъ о той мрачной пропагандѣ варварскаго соціализма, которая быстро распространяется въ германскихъ государствахъ и заражаетъ своими доктринами не только Западную Европу,

но даже и наши западныя окраины. Тяжкій, но доблестный подвигъ побороть эту многоглавую гидру взялъ на себя Вильгельмъ II, и мы твердо увѣрены, что никто въ Западной Европѣ, кромѣ него, побороть ее не сможетъ. Онъ объявилъ безпощадную войну этимъ «отрекшимся отъ отечества молодцамъ» («vaterlandslose Gesellen»), какъ онъ называетъ соціалистовъ, и, конечно, не остановится предъ парламентскими кляузами и не поддастся лжегуманной чувствительности въ исполненіи своего долга.

Въ виду этого мы можемъ отъ всей души привѣтствовать на Русской землѣ монарха столь искренно и близко принимающаго къ сердцу свое призваніе и пожелать ему полнаго успѣха въ борьбѣ со внутренними врагами его державы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются врагами и всего человѣчества.

Но мы можемъ точно также пожелать ему успѣха и въ той борьбѣ, которую онъ предпринялъ противъ преобладанія въ міровыхъ вопросахъ английской узко-эгоистической политики. Мы всецѣло были на его сторонѣ, когда онъ рѣшительнымъ и благороднымъ шагомъ спасъ Трансваальское государство отъ хищническихъ вожделѣній Английскаго правительства, и мы точно также всегда будемъ на его сторонѣ, когда онъ будетъ, согласно выраженному имъ намѣренію, укрощать слишкомъ зазнавшагося британскаго льва.

Мы разсчитываемъ на мудрую энергію его политики, которую онъ такъ искренно проявилъ во время Китайско-Японской войны, присоединившись, вопреки традиціямъ князя Бисмарка, къ политикѣ Россіи, которая, рука объ руку съ Франціей, положила предѣлъ военнымъ дѣйствіямъ Японцевъ. Нынѣ даже самъ Фридрихсруский отшельникъ принужденъ признать правильность этого неожиданнаго шага императора Вильгельма II, и въ органахъ желѣзнаго канцлера уже высказываются столь странныя для него мечты о созданіи «Русско-Франко-Германскаго тройственнаго союза» на мѣсто готовой уже рухнуть пресловутой бисмарковской «тройственной лиги мира».

Императоръ Вильгельмъ, начавшій въ исторіи Германіи «новый курсъ», сумѣетъ, мы надѣемся, обезпечить ему полный успѣхъ, какъ борьбой со внутренними и внѣшними врагами Германіи, такъ и искреннимъ, довѣрчивымъ сближеніемъ съ Россіей, которая нынѣ такъ твердо стоитъ настражѣ европейскаго мира.

Россія и Европа.

Петергофскія торжества въ честь высокихъ гостей Русскаго Царя займутъ несомнѣнно выдающееся мѣсто въ исторіи текущаго года. Нынѣ они окончились, и мы можемъ вывести изъ нихъ окончательный итогъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, торжества эти имѣли прежде всего несомнѣнно мирный характеръ и могущественнымъ образомъ содѣйствовали успокоенію европейскаго общественнаго мнѣнія, столь сильно встревожившагося въ началѣ года греко-турецкимъ столкновеніемъ.

Но почему же именно петергофскія свиданія носили столь миролюбивый характеръ? Кто былъ главнымъ хранителемъ мира: Россія, Франція или Германія?

Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искреннемъ миролюбіи, какъ императора Германіи, такъ и г. Фора, и мы вполнѣ увѣрены, что еслибы въ Германіи и Франціи все совершалось по ихъ волѣ, такъ же какъ въ Россіи все совершается по волѣ ея Самодержавнаго Монарха, то Франція и Германія явились бы столь же вѣрными несокрушимыми миродержателями, какъ и Россія. Но въ томъ-то именно и дѣло, что въ государствахъ, основанныхъ на принципахъ демократіи, воля главы правительства лишена самостоятельности и подчинена такъ-называемой «волѣ народной».

Эта «народная воля», какъ извѣстно, не что иное, какъ пустая фикція, необходимая для прикрытія того очевиднаго абсурда, который называется конституціоннымъ парламентаризмомъ и сводится въ концѣ концовъ къ эгоистической волѣ отдѣльныхъ партійныхъ главарей и демагоговъ. Во Франціи правительство и всѣ министры находятся въ непосредственной зависимости отъ капризовъ парламентскаго большинства, а въ Германіи министры, правда, фактически зависятъ отъ императора, но самъ онъ съ ними не можетъ осуществить необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ реформъ безъ согласія того же парламентскаго большинства, которое, какъ напримѣръ въ настоящее время, всѣми силами, гдѣ только можно, противодѣйствуетъ благимъ намѣреніямъ императора Вильгельма.

Никакихъ подобныхъ противодѣйствій и предпріятій Русскій Царь не знаетъ. Онъ принимаетъ Свои рѣшенія не согласно съ перемѣнчивымъ и ослѣпленнымъ мнѣніемъ какой-нибудь парламентской толпы, а согласно со Своею совѣстью и отвѣтственностью передъ Богомъ. Если Онъ остановился на какомъ-нибудь рѣшеніи,—нѣтъ силы во всемъ мірѣ, которая могла бы помѣшать Ему осуществить это рѣшеніе; между Его волей и исполненіемъ ея нѣтъ никакой преграды, никакого замедленія.

Можно ли поэтому сомнѣваться въ томъ, что главная сила, охраняющая европейскій миръ, находится въ рукахъ Русскаго Царя, и что если остальныя державы, какъ мы видѣли, такъ дорожатъ крѣпкою съ Нимъ дружбой, то потому именно, что онѣ знаютъ за Нимъ эту силу, непреложность Его воли и неограниченность Его власти.

Такимъ образомъ Петергофскія торжества послужили новымъ доказательствомъ благихъ послѣдствій того безцѣннаго сокровища, которымъ Россія обладаетъ въ Самодержавіи своихъ Царей, и новымъ могущественнымъ побужденіемъ благодарить Всевышняго за это сокровище и дорожить имъ, какъ единственно вѣрнымъ залогомъ не только нашего счастья, но и благополучія всей Европы, всей вселенной.

Русско-Французскій союзъ.

Прощальныя рѣчи, которыми обмѣнялись 14 августа Государь Императоръ и Верховный представитель Франціи на французскомъ броненосцѣ *Pothuau*, окончательно установили тотъ фактъ, въ существованіи котораго никто не сомнѣвался, но который доселѣ еще не былъ признанъ въ оффиціальной формѣ.

Мы говоримъ о существованіи дружественнаго союза между Россіей и Франціей

Президентъ Французской республики въ своей рѣчи указалъ на то, что русскій и французскій флоты первые принимали участіе въ великихъ событіяхъ, послужившихъ началомъ тѣсной дружбы Франціи и Россіи:

«Они сблизили протягивающіяся руки и дали возможность двумъ *дружественнымъ* и *союзнымъ* народамъ, руководимымъ однимъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, законности и справедливости, соединиться, какъ братья, въ самомъ чистосердечномъ и искреннемъ объятіи».

Государю Императору благоугодно было подтвердить эти слова и въ Своей многознаменательной отвѣтной рѣчи. Обращаясь къ своему гостю, Русскій Царь изволилъ выразить одушевлявшія Его чувства, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ:

„Я счастливъ, что ваше пребываніе между нами создаетъ новыя узы между нашими двумя народами, *дружественными* и *союзными*, одинаково рѣшившими содѣйствовать всѣми своими силами сохраненію всеобщаго мира, основаннаго на законности и справедливости“.

Итакъ, нѣтъ больше мѣста тѣмъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, которыя такъ часто проявлялись въ теченіе послѣднихъ лѣтъ преимущественно во Франціи, гдѣ иные скептики, повидимому, придавали больше значенія слову, чѣмъ обозначаемому имъ понятію. Мы въ Россіи смотрѣли на этотъ вопросъ гораздо спокойнѣе: мы твердо знали, что франко-русское единеніе глубоко записано въ сердцахъ Русскаго и Французскаго народа, и что эта идеальная запись имѣетъ больше значенія, чѣмъ всякій реальный письменный договоръ, имѣющій лишь формальное значеніе. Но правда и то, что всякое внутреннее отвлеченное содержаніе всегда стремится выразиться и во внѣшней осязательной формѣ. Эту форму нынѣ нашла себѣ и франко-русская *дружба* въ видѣ русско-французскаго *союза*.

Торжественное провозглашеніе этого союза одновременно изъ устъ Императора Всероссійскаго и Верховнаго представителя Франціи произведетъ несомнѣнно сильное впечатлѣніе на весь политическій міръ, и многіе, можетъ-быть, склонны будутъ видѣть въ этомъ провозглашеніи начало какой-нибудь новой политической международной комбинаціи; найдутся, пожалуй, и такіе пессимисты, которые отнесутся къ провозглашенному нынѣ русско-французскому союзу съ какимъ-нибудь чувствомъ недовѣрія или даже опасенія.

Стóитъ ли доказывать очевидную несостоятельность подобныхъ чувствъ? Солидарность Россіи и Франціи въ международныхъ вопросахъ существуетъ уже многіе годы, и никто ни разу не могъ усмотрѣть въ этой солидарности ничего иного, кромѣ самаго благопріятнаго и прочнаго элемента для огражденія всеобщаго мира.

Русско-французскій союзъ можетъ быть, впрочемъ, и грознымъ, и опаснымъ: Государь Императоръ прямо указалъ въ Своей рѣчи, кому этотъ союзъ можетъ грозить опасностью. Говоря о томъ, что созданы новыя узы между двумя народами дружественными и союзными, Верховный Вождь Россіи ясно

высказалъ, что эти два народа «одинаково рѣшились содѣйствовать всѣми своими силами сохраненію всеобщаго мира, основаннаго на *законности и справедливости*». Ту же самую мысль выразилъ и верховный представитель Франціи, сказавъ, что оба «дружественные и союзные народа руководимы однимъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, *законности и справедливости*».

Изъ этихъ словъ ясно видно, что русско-французскій союзъ можетъ быть опасенъ лишь тѣмъ, кто желалъ бы нарушить ту законность и справедливость, на которыхъ основанъ всеобщій миръ. Такому положенію дѣлъ могутъ только искренно радоваться всѣ благонамѣренные люди, которые едвали могутъ сожалѣть о томъ недавнемъ еще времени, когда въ Европѣ грубая сила цинически хвасталась своимъ превосходствомъ надъ законнымъ правомъ.

Этому превосходству дѣйствительно наступилъ конецъ, но не со вчерашняго только дня, не съ провозглашенія руско французскаго союза, а съ того момента, когда Царь Самодержецъ установилъ самостоятельность и независимость Россіи и одновременно положилъ начало дружественнымъ ея отношеніямъ къ Франціи, доказавъ этимъ, что дружба съ Франціей нисколько не лишаетъ Россію столь драгоцѣнной для нея самостоятельности.

Этой самостоятельности не лишитъ Россію и дружественный *союзъ* съ Франціей, хотя, можетъ быть, иные склонны будутъ видѣть въ этомъ нѣчто въ родѣ парадокса. Союзъ союзу рознь. Есть союзы, связывающіе союзниковъ по рукамъ и налагающіе на нихъ тяжкое бремя взаимныхъ жертвъ ради какой либо общей имъ, утилитарно-выгодной лишь для нихъ обоихъ, цѣли. Не таковъ союзъ, заключенный Россіей съ Франціей. Никакихъ жертвъ онъ ни на ту, ни на другую сторону не возлагаетъ, никакими тяжкими обязательствами онъ ихъ не связываетъ, никакой эгоистической—выгодной для нихъ цѣли онъ не преслѣдуетъ: цѣль русско-французскаго союза—всеобщій миръ, столь же необходимый для нихъ, какъ и для всей вселенной, и мирное развитіе человѣческой культуры, для которой Россія и Франція не обязаны приносить никакихъ особенныхъ жертвъ, кромѣ тѣхъ, которыя онѣ приносили бы, какъ высоко-культурныя государства, и безо всякихъ союзовъ. Ни Россія не вовлечетъ Францію въ какую-нибудь рискованную авантюру, ни тѣмъ менѣе Франція—Россію, такъ какъ имъ одинаково чужды всякія поползновенія къ нарушенію мира, законности и справедливости.

Да и кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что Россія сама по себѣ слишкомъ могущественна, чтобы дѣлать что-либо противъ своей воли, находясь къ тому же подъ верховнымъ руководительствомъ своего Самодержавнаго Монарха, неограниченная власть котораго, по самому существу своему, не терпитъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ стѣсненій.

Русскій царь въ Варшавѣ.

Государь Императоръ, отправляясь на большіе маневры подъ Бѣлостокомъ, изволитъ прибыть вмѣстѣ съ Государыней Императрицей въ Варшаву. Какъ и въ другихъ городахъ Россійской имперіи, которые удостоиваются всемилостивѣйшаго посѣщенія Августѣйшей Четы, Варшава готовится

встрѣтить Русскаго Царя и Царицу съ подобающимъ торжествомъ и почетомъ. Все варшавское населеніе, какъ намъ сообщаютъ, одушевлено радостнымъ ожиданіемъ лицезрѣть своего Государя и свою Государыню, готовя Имъ всеподданнѣйшія привѣтственныя рѣчи и подношенія, воздвигая тріумфальныя арки и заботясь объ украшеніи своего города.

Иначе и быть не можетъ. Нѣтъ такой мѣстности во всей Имперіи, населеніе которой не постаралось бы выразить свою радость при видѣ искренно любимыхъ Царя и Царицу.

Но Поляки придаютъ подготовляемой ими встрѣчѣ еще другой знаменательный смыслъ: они желаютъ выразить въ ней свое окончательное примиреніе съ Россіей, послѣ многовѣковой вражды, и полное съ нею единеніе въ совмѣстной государственной жизни подъ общею нераздѣльною властью Императора Всероссійскаго.

Если это ихъ желаніе искренно, если это ихъ рѣшеніе безповоротно, если они дѣйствительно отказались отъ полонизаціи русскаго населенія и поставили крестъ надъ своимъ мятежнымъ прошлымъ, дабы слиться воедино съ Россіей, и видятъ въ этомъ сліяніи единственный залогъ своего будущаго счастья,—то никто этому такъ искренно не порадуется, какъ мы, Русскіе, въ особенности мы, Москвичи. И мы съ такою же готовностью вычеркнемъ изъ своей памяти все, что̀ въ прежнія времена раздѣляло насъ съ Польшей, какъ мы давно забыли все, что̀ намъ пришлось терпѣть отъ Казани, Новгорода, Пскова и другихъ владѣній, нѣкогда враждовавшихъ противъ Москвы, а нынѣ живущихъ съ нею одною общею русскою жизнью.

Насъ особенно будетъ радовать всякій знакъ вѣрноподданности, который будетъ оказанъ въ Варшавѣ Поляками нашему общему съ ними возлюбленному Монарху. Намъ не хотѣлось бы допускать мысли, что они въ этомъ отношеніи поступятъ подобно Финляндцамъ, которые тоже хвалятся своею лойяльностью предъ своимъ Великимъ Княземъ, какъ они называютъ Русскаго Царя, но къ самой Россіи относятся съ нескрываемою ненавистью и стараются возможно болѣе обособиться отъ общаго отечества. Между тѣмъ Русскій Царь и Русскій народъ составляютъ одно недѣлимое цѣлое, такъ что невозможно въ одно и то же время искренно любить Царя и ненавидѣть Русскій народъ.

Мы, поэтому, надѣемся, что Поляки воспользуются пребываніемъ среди нихъ Государя, чтобы доказать Ему не только свою лойяльность, но и свою преданность тому народу, который весь воплощается въ священной особѣ Русскаго Царя. Если Поляки дѣйствительно рѣшили покончить со своимъ польскимъ прошлымъ и искренно, безо всякой задней мысли, готовятся вступить въ новое русское будущее, мы встрѣтимъ ихъ съ распростертыми братскими объятіями, въ полной увѣренности, что они впредь уже будутъ думать не о томъ, какъ бы чѣмъ-нибудь обособиться отъ насъ, а лишь о томъ, какъ бы полнѣе слиться съ нами, научиться *мыслить по-русски* и дорожить тѣми же самыми русскими интересами, которыми дорожитъ вся остальная Россія.

Поляки и сами много говорятъ объ этомъ единеніи и на этомъ основаніи желаютъ пользоваться тѣми же правами, какими пользуются всѣ остальные вѣрноподданные Русскаго Царя.

Намъ вполнѣ понятно это желаніе; Русскіе люди, имѣющіе счастье быть вѣрноподданными Императора Всероссійскаго, дѣйствительно пользуются такими правами, какимъ могутъ позавидовать граждане всѣхъ другихъ государствъ.

Это не какія-нибудь фиктивныя конституціонныя права, ведущія лишь къ разложенію и разоренію государствъ; это права внутренняго, духовнаго, непосредственнаго единенія съ Русскимъ Царемъ, который не отдѣленъ отъ Своихъ подданныхъ никакою бумажною хартией и никакими «представительными» сборищами. Но это высокое счастье пользоваться всѣми правами русскаго вѣрноподданнаго не можетъ быть удѣломъ всякаго: оно должно быть заслужено именно *вѣрнымъ* подданствомъ; оно дается какъ награда за долговременную беззавѣтную преданность всей совокупности русскихъ интересовъ, верховнымъ представителемъ которыхъ является Русскій Царь, такою долголѣтнею преданностью, которая уже болѣе никакихъ сомнѣній въ своей искренности и прочности не вызываетъ. Недостаточно сказать: «вчера я былъ мятежникъ, сегодня я раскаялся, давайте мнѣ немедленно всѣ права, иначе .. я раскаюсь въ своемъ раскаяніи». Подобный торгъ былъ бы недостоинъ Польскаго народа, и мы не допускаемъ, чтобъ онъ могъ проглядывать въ современныхъ толкахъ Поляковъ о примиреніи. Да онъ былъ бы и несообразенъ съ цѣлью. Мы увѣрены, что сами Поляки понимаютъ, что ни одинъ Русскій не откажетъ имъ въ пріобщеніи къ правамъ русскихъ вѣрноподданныхъ, когда они не словами только, а многими долголѣтними дѣлами дѣйствительно докажутъ, что они въ пониманіи своихъ *обязанностей* предъ Россией ничѣмъ отъ истинныхъ русскихъ людей не отличаются, а потому, послѣ такого серіознаго искуса, имѣютъ полное основаніе надѣяться на уравненіе въ *правахъ* со своими русскими соотечественниками.

Есть между нами скептики, которые не вѣрятъ Полякамъ. Но и они, вѣроятно, молятъ Бога, чтобъ ихъ невольныя подозрѣнія, являющіяся результатомъ горькаго историческаго опыта, оказались на этотъ разъ ошибочными. Что можетъ быть слаще, какъ взаимное полное довѣріе? Будемъ же надѣяться, что ошибаемся не мы, а скептики, и что во дни пребыванія Русскаго Царя въ Варшавѣ Поляки докажутъ, что они дѣйствительно окончательно преобразились и мечтаютъ только о томъ, чтобы быть истинными сынами Россіи.

Новая рѣчь императора Вильгельма.

Во вторникъ 19 (31) августа императоръ Вильгельмъ произнесъ въ Кобленцѣ рѣчь по случаю открытія памятника императору Вильгельму I и высказалъ въ ней нѣсколько мыслей, произведшихъ во всей Германіи глубокое впечатлѣніе.

Вотъ эти дѣйствительно знаменательныя слова:

«Для всѣхъ насъ, и въ особенности для насъ, государей, великій императоръ (Вильгельмъ I) снова высоко вознесъ драгоцѣнное сокровище и возвратилъ ему его свѣтлую лучезарность, дабы мы имъ дорожили, какъ святыней: сокровище это — королевская власть по милости Божіей, королевская власть со всѣми ея тяжелыми обязанностями, со всѣми ея никогда непрекращающимися, вѣчно напряженными трудами и работами и со всею ея страшною отвѣтственностью предъ однимъ лишь Создателемъ, отъ которой государя

не можетъ освободить ни одинъ человѣкъ, ни одинъ министръ, никакой парламентъ, никакой народъ».

Давно Западная Европа не слыхала такихъ словъ; давно она отвыкла отъ подобныхъ мыслей, а потому весьма естественно, что вся Германія съ изумленіемъ встрепенулась при этихъ словахъ и глубоко задумалась надъ этими мыслями.

Европа была увѣрена, что въ 1848 году власть государей, дарованная имъ милостью Божіей, была окончательно похоронена и замѣнена властію «по милости народа»; а что касается отвѣтственности царей предъ Богомъ, то о ней въ Европѣ давно всѣ забыли, такъ какъ по конституціи король или императоръ должны быть простыми манекенами, механически подписывающими законы и, какъ таковые, отрѣшенными отъ всякой отвѣтственности и не имѣющими надобности сообразоваться въ политическихъ дѣлахъ съ долгомъ совѣсти. По той же конституціи «отвѣтственными» являются лишь министры, и то не предъ Богомъ, передъ Которымъ въ парламентарныхъ странахъ никто не отвѣчаетъ, а передъ «народомъ», являющимся уже совершенно безотвѣтственною фикціей. Эта грубая комедія, въ которой лишь самые наивные поклонники парламентаризма видятъ торжество человѣческаго прогресса, вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней позорнѣйшее и нелѣпѣйшее паденіе человѣческаго достоинства,—эта комедія до такой степени успѣла за послѣднее пятидесятилѣтіе войти въ плоть и кровь Западной Европы, что даже тѣ люди, которые ясно видятъ ея безобразія, не видятъ выхода изъ нихъ и мирятся съ ними. Они мирятся съ тѣмъ, что интересы народа безцеремонно приносятся въ жертву эгоистическимъ аппетитамъ партійныхъ вожаковъ; они мирятся съ тѣмъ систематическимъ взяточничествомъ и подкупомъ, которыми сопровождаются парламентскіе выборы въ наиболѣе конституціонныхъ странахъ; они, наконецъ, мирятся и съ тѣмъ, что государственныя дѣла ведутся безъ послѣдовательности и порядка, въ зависимости отъ парламентскихъ капризовъ и въ прямой ущербъ всему народу; они мирятся со всѣмъ этимъ только потому, что искренно увѣрены, что внѣ парламентаризма для государства спасенья нѣтъ, и потому что очень хорошо знаютъ, что парламентаризмъ не мыслимъ безъ всѣхъ вышеуказанныхъ мрачныхъ его сторонъ. Безнадежно поникнувъ головой, они предались мрачному пессимизму, не видя средства, которое могло бы вывести ихъ изъ горькаго ихъ унынія.

И вотъ внезапно съ высоты германскаго престола снова раздались старыя, давно - забытыя, но вѣчныя, безсмертныя слова о царской власти, призванной милостію Божіей заботиться о благѣ и спасеніи народа, о царской власти, неограниченной людьми, министрами, парламентами и народомъ, о царской власти, ни предъ кѣмъ на землѣ не отвѣтственной, а отвѣтственной лишь передъ Богомъ.

Императоръ Вильгельмъ назвалъ такую царскую власть драгоцѣннымъ, лучезарнымъ сокровищемъ. Въ Германіи сокровище это въ теченіе пятидесяти лѣтъ находилось подъ спудомъ; лишь теперь оно снова начинаетъ возноситься на подобающую ему высоту.

Въ Россіи, у насъ, по неизреченной милости Божіей, сокровище это ярко сіяетъ съ самаго начала нашего историческаго бытія, служа отрадой Русскому народу въ свѣтлые дни его жизни и путеводною звѣздой въ смутныя времена; оно сохранилось и до нашихъ дней во всемъ своемъ блескѣ и

лишь возсіяло еще ярче. когда, на нашей памяти, Царская Самодержавная Власть совершила съ Божіею помощью то быстрое возрожденіе Россіи. благими послѣдствіями котораго мы нынѣ пользуемся.

Императоръ Вильгельмъ имѣлъ возможность еще на дняхъ, при посѣщеніи своемъ Россіи, воочію убѣдиться въ чудотворной силѣ Самодержавной Царской Власти; онъ видѣлъ, какъ у насъ всѣ мысли и намѣренія Царя, просвѣтленнаго благодатною милостью Божіей. всецѣло направлены на благо Его народа и не отвлечены никакими посторонними заботами о личныхъ мнѣніяхъ того или другого партійнаго вожака или министра, тѣмъ менѣе математическимъ подсчетомъ будущаго парламентскаго большинства или меньшинства, ни погоней за дешевою популярностью. Онъ могъ лично видѣть тотъ широкій Царскій путь, по которому шествуетъ Верховный Вождь Россіи во главѣ Своего народа, не встрѣчая предъ Собой никакихъ преградъ, препонъ или препятствій, и отвѣтствуя за всѣ Свои дѣянія предъ Однимъ Всевѣдущимъ Господомъ, предъ Всемогущимъ Царемъ Царей.

И нынѣ, полный тѣхъ величественныхъ видѣній, окружавшихъ его на Русской землѣ, императоръ Вильгельмъ, вернувшись въ свое отечество, провозглашаетъ въ первой же рѣчи своей святость власти, дарованной милостію Божіей царямъ, и отвѣтственность царей не предъ какимъ-либо парламентомъ или народомъ, а предъ однимъ только Богомъ

Мы знаемъ, что императоръ Вильгельмъ не скупится на слова, но мы знаемъ и то, что у него слово не расходится съ дѣломъ. Это знаютъ и въ Германіи, а потому тамъ всѣ увѣрены, что приведенныя выше слова императора Вильгельма сказаны не даромъ, но имѣютъ въ настоящее именно время значеніе высокознаменательное.

Германскій парламентъ сознательно объявилъ императору Вильгельму войну: онъ отвергъ именно тѣ законопроекты, которыми императоръ Вильгельмъ всего болѣе дорожилъ; парламентъ, такимъ образомъ, сознательно бросилъ перчатку своему монарху.

Вильгельмъ II поднялъ эту перчатку.

Въ Германіи всѣ убѣждены, что императоръ готовится къ важному акту государственной политики, руководясь истиннымъ благомъ ввѣреннаго ему Богомъ государства.

Россія не вмѣшивается во внутреннія дѣла своихъ сосѣдей; но Русскіе люди не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ западныхъ политическихъ лжеученій, которыя грозятъ укрѣпиться и въ нашемъ отечествѣ. Въ виду этого мы можемъ только желать отъ всего сердца полнаго успѣха императору Вильгельму, если онъ дѣйствительно рѣшится предпринять трудную борьбу съ тѣмъ величайшимъ абсурдомъ нашего вѣка, который именуется парламентаризмомъ, и за которымъ таится, какъ естественное его послѣдствіе, кровожадная гидра безумнаго соціализма. Та побѣда, которую онъ, будемъ надѣяться, одержитъ въ своемъ государствѣ, легко можетъ послужить началомъ великой борьбы противъ зловреднѣйшихъ измышленій человѣческаго ума на всемъ Западѣ. Борьба эта несомнѣнно будетъ упорная и продолжительная, и успѣхъ, вѣроятно, часто будетъ переходить съ одной стороны на другую, но она несомнѣнно будетъ полезна и для насъ въ Россіи, такъ какъ подорветъ въ самомъ основаніи тотъ либеральный догматъ о мнимомъ окончательномъ торжествѣ парламентаризма въ исторіи человѣчества, который проповѣдуется у насъ политическими шарлатанами, и которому вѣрятъ у насъ политическіе слѣпцы.

Всемилостивѣйшее довѣріе польскому народу.

20-е августа 1897 года займетъ, безъ сомнѣнія, выдающееся мѣсто въ исторіи русско-польскихъ отношеній.

Въ этотъ день, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, въ Лазенковскомъ дворцѣ, близъ Варшавы, Государю Императору благоугодно было удостоить пріемомъ членовъ Варшавскаго комитета по сбору пожертвованій на устройство благотворительнаго заведенія въ память пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Варшавѣ, въ 1897 году и осчастливить ихъ Всемилостивѣйшею рѣчью.

Установимъ подробности этого событія со всею точностью, такъ какъ намъ несомнѣнно придется часто возвращаться къ нему при оцѣнкѣ дальнѣйшаго развитія русско-польскихъ отношеній.

Во главѣ вышеназваннаго комитета стоялъ сынъ знаменитаго маркиза Александра Велёпольскаго, шталмейстеръ двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сигизмундъ графъ Велёпольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій, а вокругъ него группировались выдающіеся представители родовитаго польскаго дворянства: князья Любомірскій, Радзивиллъ, Четвертинскій, Воронецкій, графы Потоцкіе, Замойскіе, Браницкій, Чацкій, Лубенскій, Плятеръ и другіе.

Вотъ текстъ рѣчи, съ которою графъ Велёпольскій обратился, отъ имени всего польскаго населенія Привислинскаго края къ Государю Императору Всероссійскому:

«Государь!

«Отъ глубины души благодаримъ Тебя, Всемилостивѣйшій Государь, за радость видѣть Тебя посреди насъ вмѣстѣ съ нашею Августѣйшею Императрицею.

«Благодаримъ Тебя, что Ты не отвергнулъ скромнаго поднесенія здѣшняго края; радостная и посильная лепта всѣхъ жителей Царства Польскаго, безъ различія сословій и происхожденій, да будетъ залогомъ взаимнаго довѣрія Твоихъ подданныхъ, соединенныхъ любовью къ Царю и Отечеству.

«Прими въ даръ тоже, Всемилостивѣйшій Государь, милліоны нашихъ сердецъ, безгранично уповающихъ на Тебя.

«Въ Твоемъ великодушномъ Самодержавіи, во внутреннемъ мирѣ государства, въ славѣ и могуществѣ Имперіи, весь Польскій народъ видитъ лучезарную будущность и готовъ, въ счастіи и среди испытаній, вѣрно, непоколебимо служить Тебѣ, Государь, Своему возлюбленному Монарху».

На эти слова Его Императорское Величество соизволилъ дать слѣдующій Всемилостивѣйшій отвѣтъ:

„Отъ Имени Императрицы и Моего выражаю вамъ, господа, Нашу искреннюю благодарность за тотъ щедрый даръ, участіе въ которомъ приняли всѣ слои польскаго населенія, и за чувства преданности, о которыхъ вы Намъ заявили. Я вѣрю

вполнѣ искренности ихъ. Вчера Мы Оба были глубоко тронуты горячимъ пріемомъ, оказаннымъ Намъ здѣсь. Встрѣча Варшавы оставитъ въ Насъ самое отрадное воспоминаніе о Нашемъ первомъ посѣщеніи ея. Еще разъ сердечно благодарю васъ, господа“.

Эти державныя слова, выражающія Всемилостивѣйшее довѣріе къ чувствамъ вѣрноподданной преданности всѣхъ слоевъ польскаго населенія, должны несомнѣнно преисполнить радостью всѣ сердца этого населенія.

Слова эти, если бы были обращены къ истинно-вѣрному *Русскому* народу, были бы, конечно, приняты тоже съ величайшею радостью, какъ новое подтвержденіе факта всѣмъ извѣстнаго, никакихъ сомнѣній не возбуждающаго. Искренняя беззавѣтная преданность Русскаго народа къ своему Царю и полное довѣріе Русскаго Царя къ Русскому народу составляютъ, подъ охраной Православной Церкви, тотъ краеугольный камень, на которомъ создалась вся Имперія Всероссійская. Русскій народъ говоритъ о своей преданности Русскаго Царя, и Русскій Государь выражаетъ Свое довѣріе Русскому народу не для того, чтобы разсѣять какія либо сомнѣнія или недоразумѣнія, а для того, чтобы снова и снова радостно подтвердить то полное, безусловное сліяніе Царя съ народомъ, которое нигдѣ и никогда не осуществлялось въ такомъ полномъ духовномъ согласіи, какъ у насъ въ Россіи.

Всемилостивѣйшія слова довѣрія, обращенныя Русскимъ Царемъ къ своимъ подданнымъ польскаго происхожденія, имѣютъ совершенно иное, знаменательное значеніе.

Царское довѣріе это, правда, выражается Полякамъ не впервые: и Александръ I, и Николай I, и Александръ II удостоивали польское населеніе Привислинскаго края Своимъ всемилостивѣйшимъ довѣріемъ, но Имъ всякій разъ приходилось дѣлать это не въ виду указаній прошедшаго, а лишь въ виду надеждъ на будущее. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знаемъ, какъ Поляки всякій разъ оправдывали то довѣріе, которое имъ оказывалось. Но мы не желаемъ нынѣ вспоминать всѣ эти мрачныя страницы польской исторіи, такъ какъ нынѣ снова раздались великодушныя Царскія слова о довѣріи Русскаго Государя польскому населенію, а слѣдовательно и о забвеніи прежнихъ тяжкихъ прегрѣшеній Поляковъ противъ этого довѣрія. Русскій народъ, въ глубокомъ духовномъ единеніи со Своимъ Царемъ, не можетъ расходиться съ Нимъ и въ своихъ чувствахъ.

Итакъ, Всемилостивѣйшее Царское довѣріе возвращено Полякамъ при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и въ прежнія времена: не на основаніи какихъ-либо бывшихъ заслугъ, а въ надеждѣ на заслуги будущія.

Въ этомъ заключается вся неизреченная доброта и все неизмѣримое великодушіе этого знаменательнаго акта Царской Воли.

Поляки, такимъ образомъ, вступаютъ въ совершенно новое, для нихъ небывалое и непривычное положеніе. Царское довѣріе возложило на нихъ обязанность быть вѣрными подданными не какого-нибудь иноземнаго короля польскаго, а Императора Всероссійскаго; оно возложило на нихъ обязанность не выдѣлять свое «польское царство» въ какое-то автономное государство, находящееся лишь въ «единеніи» съ Россіей (по рецепту финляндскихъ сепаратистовъ), а содѣйствовать *полному, безслѣдному сліянію* бывшаго поль-

скаго царства съ великою, могущественною Россійскою Имперіей. Въ предѣлахъ этой Имперіи Поляки могутъ оставаться, если они хотятъ, Поляками по своему языку, католиками по своей вѣрѣ, такъ же какъ и остальныя племена, входящія въ составъ Россійской Имперіи, совершенно свободно могутъ говорить на своемъ родномъ языкѣ и молиться по обрядамъ своей вѣры; но всѣ они въ политическомъ отношеніи должны быть Русскими и только Русскими. Русскіе интересы должны быть для нихъ неизмѣримо выше интересовъ мѣстныхъ, Россія—неизмѣримо дороже всякаго провинціальнаго края, Русскій народъ—*своимъ*, а не чужимъ народомъ.

Итакъ, Полякамъ отнынѣ предстоитъ быть въ политическомъ отношеніи Русскими. Конечно, имъ не совсѣмъ легко будетъ освоиться и сродниться съ такимъ столь новымъ для нихъ положеніемъ. Быть Русскими, мыслить по-русски, быть преданными Россіи—всему этому Полякамъ придется еще учиться, во всемъ этомъ имъ придется искать себѣ вѣрнаго и надежнаго руководителя. Руководитель этотъ у нихъ налицо, руководитель дѣйствительно безошибочный, который съ радостью подѣлится съ Русскими неофитами всею многовѣковою мудростью своего вѣрноподданническаго опыта. Руководитель этотъ—коренной Русскій народъ, который съ радостною любовью будетъ слѣдить за первыми *русскими* шагами польскаго населенія, призваннаго Царскимъ довѣріемъ къ совершенно новой для него, *русской* жизни.

Но тотъ же Русскій народъ будетъ и строго слѣдить за тѣми шагами, которые Поляки предпримутъ послѣ знаменательнаго для нихъ 20 августа. Забыть прошлое всегда можно человѣку свободному отъ злопамятства, а на свѣтѣ нѣтъ менѣе злопамятнаго, болѣе благодушнаго и довѣрчиваго народа, чѣмъ народъ Русскій. Но забыть прошлое въ своемъ сердцѣ—не значитъ вычеркнуть его изъ исторіи. Русскій народъ готовъ забыть мрачныя страницы польской исторіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Поляки ему отнынѣ ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ этихъ страницъ не напоминали.

До сихъ поръ Русскій народъ отъ Поляковъ ничего особеннаго и не ожидалъ; нынѣ онъ ожидаетъ отъ нихъ очень многаго, если они желаютъ равняться съ нимъ въ вѣрноподданствѣ Русскому Царю.

Это вѣрноподданство не ограничивается красивыми рѣчами и радостными кликами: оно является серіознымъ дѣломъ, добровольнымъ подвигомъ всей жизни, не требующимъ себѣ никакой награды.

Если Поляки возвысятся до этого подвига, если они дѣйствительно сумѣютъ оправдать выраженное имъ Всемилостивѣйшее Царское довѣріе, Русскій народъ проститъ имъ все прошлое; если же они, Боже сохрани, обманутъ это довѣріе, Русскій народъ имъ этого никогда не проститъ.

Уже ближайшее будущее покажетъ намъ, насколько Поляки проникнись тѣмъ великимъ значеніемъ, которое имѣетъ для нихъ 20-е августа 1897 года.

Праздникъ женскаго сердца и ума.

Завтра, 1 сентября, закончится первое двадцатипятилѣтіе учрежденія не только глубоко-симпатичнаго по своему существу, но и имѣющаго высокое принципіальное значеніе, какъ по своей основной идеѣ, такъ и по тѣмъ цѣлямъ, которыя оно себѣ съ самаго начала поставило, которымъ оно въ те-

ченіе четверти вѣка ни разу не измѣнило, и которыхъ оно нынѣ, по общему признанію, вполнѣ достигло.

Учрежденіе это — Женская Классическая гимназія Софьи Николаевны Фишеръ.

Постояннымъ читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* хорошо извѣстно это учрежденіе съ тѣхъ поръ, какъ незабвенный М. Н. Катковъ напутствовалъ его вѣщими словами, при первомъ его возникновеніи, ободряя его затѣмъ своимъ сочувствіемъ при дальнѣйшемъ его развитіи. Онъ радовался успѣхамъ Женской Классической гимназіи не менѣе, чѣмъ успѣхамъ своего Лицея и не разъ ставилъ послѣднему въ примѣръ то высокое совершенство классическаго образованія, котораго воспитанницы С. Н. Фишеръ достигали подъ ея глубокоубѣжденнымъ, сердечнымъ руководствомъ, и примѣръ этотъ былъ поистинѣ высокопоучителенъ не для одного только Лицея.

Всѣмъ еще памятно то время начала 70-хъ годовъ, когда вопросъ о нашемъ среднемъ образованіи былъ предметомъ страстнаго обсужденія въ обществѣ, въ печати и въ государственныхъ учрежденіяхъ. Серьозное европейское образованіе, которое должно было возвысить и нынѣ дѣйствительно возвысило Россію до уровня западнаго научнаго образованія, встрѣтило при введеніи своемъ въ Россію самое ожесточенное сопротивленіе мрачныхъ обскурантовъ, старавшихся во что бы то ни стало удержать наши гимназіи, а слѣдовательно и университеты, въ томъ положеніи безплоднаго, полуобразованнаго варварства, въ которомъ онѣ влачили свое жалкое существованіе послѣ крушенія классической системы 30-хъ и 40-хъ годовъ. Не было въ то время такого нелѣпаго аргумента, который бы не выставлялся противъ общеевропейскаго образованія, не было того невѣжды, который не считалъ бы себя призваннымъ подавать свой авторитетный голосъ въ такомъ серіозномъ и спеціальномъ вопросѣ, какимъ является всякій вопросъ воспитанія и образованія юношества.

Однимъ изъ самыхъ «убѣдительныхъ» аргументовъ, которыми русское невѣжество старалось побороть европейское просвѣщеніе, заключался въ томъ, что русскія дѣти не въ силахъ будто бы одолѣть классическую премудрость. Русскія дѣти оказывались такимъ образомъ, по увѣреніямъ Русскихъ же людей, какими-то жалкими, обиженными природой, слабоумными существами, которымъ навѣки долженъ быть запрещенъ доступъ въ храмъ европейской науки.

Противъ этой возмутительной клеветы на геній Русскаго народа возстали въ концѣ 60-хъ годовъ два великіе борца за русское просвѣщеніе, которымъ Россія обязана своими признанными нынѣ всею Европой научными успѣхами. Эти доблестные, глубокоубѣжденные борцы за благо Россія были М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, подъявшіе на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* тяжелый, неблагодарный трудъ пріобщенія Россіи къ научному просвѣщенію Европы. Съ этой минуты они стали мишенью всей той яростной злобы, съ которою нашъ общественный обскурантизмъ набрасывался на всякое поползновеніе пробить брешь въ китайской стѣнѣ невѣжества, отдѣлявшей Россію отъ Европы. Отъ нихъ отшатнулись даже иные изъ тѣхъ людей, которые имъ сочувствовали въ другихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики Россіи: такъ сильна была утвердившаяся у насъ традиція, враждебная серіозному европейскому просвѣщенію.

И вотъ въ это время величайшаго шатанія умовъ, въ самый разгаръ борьбы противъ европейской школы, явилась женщина, глубоко увѣровавшая

въ истину этой школы и рѣшившаяся, наперекоръ ослѣпленному общественному мнѣнію, послѣдовать примѣру двухъ великихъ борцовъ за классическое образованіе и содѣйствовать введенію его въ Россію не только словомъ, но и живымъ дѣломъ: это была Софья Николаевна Фишеръ, ставшая, такимъ образомъ, достойною сподвижницей М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. Она, правда, не обладала ни ихъ извѣстностью и авторитетомъ, ни способами ихъ вліянія на общественныя и правительственныя сферы, но она не уступала имъ ни въ пламенной вѣрѣ въ правоту своихъ убѣжденій, ни въ твердой, непоколебимой волѣ, ни въ искренней, дѣятельной любви къ Россіи, ни, наконецъ, въ безкорыстномъ, ревностномъ самопожертвованіи на пользу высшихъ, духовныхъ интересовъ. С. Н. Фишеръ задумала и осуществила мысль, которая въ то время не приходила на умъ даже М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву: издатели *Московскихъ Вѣдомостей* посвятили всю свою энергію на то, чтобы ввести у насъ обще-европейское классическое образованіе въ *мужскія* гимназіи; Софья же Николаевна Фишеръ создала *женскую* классическую гимназію, окончательно опровергвувъ этимъ вышеупомянутый аргументъ нашихъ обскурантовъ о мнимой непосильности серіознаго обще-европейскаго образованія для русскихъ дѣтей. Она не на словахъ, а на дѣлѣ доказала, что это образованіе, при всей своей серіозности и плодотворности, вполнѣ по силамъ даже молодымъ дѣвушкамъ, такъ что послѣ этого доказательства совѣстно говорить о какомъ-нибудь чрезмѣрномъ обремененіи правильно-поставленнымъ классическимъ образованіемъ воспитанниковъ мужскихъ гимназій.

Такимъ образомъ въ исторіи классицизма въ Россіи гимназія С. Н. Фишеръ сыграла несомнѣнно выдающуюся роль, за которую ей должны быть глубоко благодарны всѣ радѣтели объ истинномъ научномъ просвѣщеніи Россіи.

Но Женская Классическая гимназія заняла выдающееся мѣсто и въ исторіи женскаго образованія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не вызывало такого усиленнаго общественнаго интереса, какъ у насъ въ Россіи.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины этого интереса; достаточно констатировать тотъ фактъ, что нигдѣ въ Европѣ женщины не стремятся съ такимъ рвеніемъ къ научному образованію, стоящему выше образованія, даваемаго обыкновенными женскими школами, какъ именно въ нашемъ отечествѣ. Стремленіе это ищетъ и находитъ себѣ различные пути, но на всѣхъ этихъ путяхъ наблюдается, къ сожалѣнію, одно общее явленіе: пріобрѣтая высшее образованіе, женщина какъ бы утрачиваетъ то, что̀ наиболѣе въ ней драгоцѣннаго — свою женственность и то неуловимое обаяніе нѣжной граціи, благодаря которой женщина своими духовными качествами превосходитъ мужчину. Высшее образованіе, не имѣя подъ собой правильной основы, дѣйствительно можетъ лишить женщину этихъ качествъ и сдѣлать ее существомъ мало симпатичнымъ и уступающимъ почти во всѣхъ отношеніяхъ мужчинѣ; подобное искаженіе женственности до того стало общимъ явленіемъ, что даже среди людей благомыслящихъ укоренилось ошибочное мнѣніе, будто всякое высшее образованіе для женщинъ не желательно, не нужно и даже вредно. Путаница понятій у насъ воцарилась въ этомъ вопросѣ невообразимая, и лишь немногіе догадываются объ единственно правильномъ его рѣшеніи.

Первая иниціатива въ этомъ рѣшеніи не только въ Россіи, но и во всей Европѣ принадлежитъ русской женщинѣ, и эта женщина — та же Софья Николаевна Фишеръ. Она совершенно правильно разсудила, что истинно *серіозное*

образованіе никому никакого вреда приносить не можетъ, что истинно серіозное образованіе не надмеваетъ человѣка, а дѣлаетъ его болѣе скромнымъ, и что, слѣдовательно, то образованіе, которое лишаетъ женщину скромной женственности истиннымъ образованіемъ быть не можетъ. Она поняла, что ложное, надмѣвающее полуобразованіе одинаково вредно какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и что, наоборотъ, серіозное образованіе, по существу своему, не можетъ быть полезнымъ для однихъ мужчинъ и вреднымъ для однѣхъ женщинъ, а что оно въ одинаковой степени облагораживаетъ и возвышаетъ умъ какъ мужской, такъ и женскій, открывая имъ столь широкіе горизонты, что предъ ними умъ человѣческій не только не возносится въ кичливомъ самомнѣніи, а безконечно смиряется въ сознаніи своей сравнительной ограниченности.

Глубоко убѣдившись въ безспорности этихъ истинъ, С. Н. Фишеръ не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не достигла возможности доказать ихъ на дѣлѣ всему русскому обществу. Не останавливаясь ни предъ возникавшими на ея пути препятствіями, ни предъ враждебно настроеннымъ противъ классицизма «общественнымъ мнѣніемъ», ни, наконецъ, предъ глумленіемъ скептиковъ, не вѣрившихъ въ возможность серіознаго женскаго образованія, она, съ ничтожными матеріальными средствами, основала въ 1872 году свою Женскую Классическую Гимназію и съ тѣхъ поръ, вложивъ въ нее всю свою душу, неутомимо трудилась надъ ея развитіемъ, усовершенствованіемъ и процвѣтаніемъ.

Нынѣ, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, Софья Николаевна со спокойною совѣстью можетъ оглянуться на сдѣланное ею дѣло. Она не только неопровержимо доказала безошибочность своихъ убѣжденій, но и пріобрѣла себѣ и своему учрежденію всеобщее довѣріе и сочувствіе.

Классическое образованіе, въ тѣхъ самыхъ формахъ, какъ оно существуетъ въ мужскихъ гимназіяхъ, оказалось, безъ всякихъ исключеній или послабленій, вполнѣ по силамъ молодымъ дѣвушкамъ, нисколько не утомляя ихъ нѣжной нервной системы и нисколько не искажая и не уменьшая всѣхъ женственныхъ качествъ ихъ сердца и ума, а придавая имъ еще бóльшую чуткость и силу. Превосходя другихъ «ученыхъ» молодыхъ дѣвушекъ своимъ знаніемъ и своимъ умственнымъ развитіемъ, бывшія ученицы Женской Классической Гимназіи превосходятъ ихъ и своею женственною скромностью, и благовоспитанностью. На нихъ ясно можно видѣть подтвержденіе той истины, что правильно-поставленное классическое *образованіе* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и правильно поставленное *воспитаніе* молодыхъ людей, какъ юношей, такъ и дѣвицъ. Гимназія С. Н. Фишеръ быстро пріобрѣла репутацію одного изъ лучшихъ заведеній въ Москвѣ, и многіе родители отдавали и отдаютъ своихъ дочерей въ Женскую Классическую Гимназію не потому, что она основана на классической системѣ, а просто потому, что въ ней молодыя дѣвушки получаютъ воспитаніе наиболѣе имъ приличествующее. Сколько разъ Софьѣ Николаевнѣ приходилось выслушивать наивныя просьбы иныхъ родителей, сбитыхъ съ толку ходячими вздорными аргументами противъ классицизма и отдававшихъ своихъ дочерей въ Женскую Классическую Гимназію со словами: «мы высоко цѣнимъ то прекрасное воспитаніе, которое вы даете дѣтямъ, но нельзя ли избавить ихъ отъ классической системы»? Эти родители не подозрѣвали, что въ этихъ ихъ словахъ заключалась величайшая похвала классической системѣ, которая одна обладаетъ, будучи правильно-поставленною, могу-

щественною *воспитательною* силой и даетъ, въ соединеніи и въ строгомъ согласованіи съ воспитаніемъ религіознымъ, наилучшіе плоды какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи.

Такъ именно и поставлено все дѣло въ Женской Классической Гимназіи, видящей въ Православной Церкви и въ серіозномъ ученіи единственно прочныя основы воспитанія. На этихъ основахъ легко достигать тѣхъ успѣховъ, которыхъ достигаетъ С. Н. Фишеръ, вся заслуга которой заключается въ томъ, что она прочно заложила эти основы и съ тѣхъ поръ строго наблюдаетъ за ихъ гармоническою согласованностью и безусловною нерушимостью.

Такимъ образомъ двадцатипятилѣтнее торжество Женской Классической Гимназіи является поистинѣ праздникомъ женскаго сердца и ума. Да послужитъ этотъ праздникъ Софьѣ Николаевнѣ могущественнымъ побужденіемъ къ новой бодрости въ ея служеніи избранному ею дѣлу, такъ какъ это служеніе является вмѣстѣ съ тѣмъ и служеніемъ Россіи. Да благословитъ Господь дальнѣйшіе успѣхи созданнаго ею учрежденія на благо нашего отечественнаго просвѣщенія, въ которомъ *правильно поставленному* женскому образованію несомнѣнно должно принадлежать выдающееся, почетное мѣсто.

Путь къ государственному единенію Польши съ Россіей.

Вчера мы указывали на знаменательныя слова Высочайшаго Рескрипта, даннаго на имя свѣтлѣйшаго князя А. К. Имеретинскаго, въ которыхъ Государю Императору угодно было высказать, что всѣ Его заботы направлены «ко благу польскаго населенія, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными Державы Русской, *по пути неразрывнаго единенія государственнаго,* Всевышнимъ Промысломъ указанному».

Этотъ путь, говорили мы, не тотъ, о которомъ мечтали польскіе политиканы, ибо онъ не ведетъ ни къ политическому, ни къ національному обособленію Польши отъ Россіи. Это путь, о которомъ всегда мечтали и мечтаютъ всѣ искренніе друзья польскаго населенія Привислинскаго и Западнаго края,—путь, ведущій къ полному, «неразрывному единенію государственному» бывшаго Царства Польскаго съ Россіей.

Вчера же мы опубликовали въ офиціальной части газеты Высочайшее повелѣніе, ясно указывающее, въ чемъ, между прочимъ, должно заключаться это «государственное единеніе».

Это Высочайшее повелѣніе вводитъ, начиная съ 1 іюля 1900 года, *русскій языкъ* въ дѣлопроизводство, счетоводство и отчетность городскихъ кредитныхъ обществъ, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Привислинскаго края, причемъ, со дня распубликованія настоящаго Высочайшаго повелѣнія, «на службу въ сказанныхъ городскихъ кредитныхъ обществахъ могутъ быть избираемы, а равно и опредѣляемы только лица, основательно знающія русскій языкъ и могущія свободно вести на немъ переписку».

Однимъ изъ главныхъ признаковъ полнаго государственнаго единства различныхъ частей Имперіи является несомнѣнно одинъ общій для нихъ *государственный языкъ*, обязательный во всѣхъ правительственныхъ и обще-

ственныхъ учрежденіяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ общаго государственнаго языка, нѣтъ и государственнаго единства.

Господство государственнаго языка вовсе не означаетъ уничтоженія мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій. Вчера мы ссылались на примѣръ Франціи, уже давно сплотившейся въ «государственное единство». На югѣ Франціи процвѣтаетъ мѣстное провансальское нарѣчіе, на сѣверѣ — мѣстное бретонское нарѣчіе, одинаково непонятныя для Французовъ, знающихъ только литературный французскій языкъ. Существуютъ цѣлыя общества, какъ, напримѣръ, въ Провансѣ, *фелибры*, которые съ любовью культивируютъ свой родной языкъ, но ни одному изъ нихъ и въ голову не придетъ требовать, чтобы въ Марселѣ или Арлѣ въ школахъ, судахъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ дѣла велись на мѣстномъ языкѣ, а не на языкѣ государственномъ. Каждый уроженецъ Прованса, Бретани или Нормандіи чувствуетъ себя прежде всего Французомъ, а затѣмъ уже Провансальцемъ, Бретонцемъ, Нормандцемъ и т. д.

Вотъ тотъ идеалъ государственнаго единства, на пути котораго находится Россія. Во всѣхъ проявленіяхъ государственной и общественной жизни долженъ быть въ употребленіи лишь одинъ государственный русскій языкъ; въ частной жизни могутъ свободно развиваться какіе угодно языки, говоры или нарѣчія. Поляки, такъ же какъ и уроженцы остальныхъ провинцій Россіи, должны прежде всего чувствовать себя Русскими, а затѣмъ уже Поляками, Латышами, Грузинами или Финнами.

Польскіе политиканы, конечно, мечтали о совершенно иныхъ, фантастическихъ «единеніяхъ» съ Россіей. Они видѣли уже себя ораторствующими на языкѣ Мицкевича въ польскихъ городскихъ и земскихъ сеймикахъ и подготовляющими въ нихъ дальнѣйшія мѣры постепеннаго польскаго обособленія...

Этого не будетъ.

«Всероссійство и панполонизмъ».

Подъ такимъ заглавіемъ г. Багницкій удостоилъ отвѣтомъ *) статью, напечатанную въ № 242 нашей газеты.

Въ этомъ своемъ отвѣтѣ онъ относится къ Россіи съ отмѣннымъ великодушіемъ и даетъ ей позволеніе заботиться о «всероссійствѣ». Позволеніе это выдано Россіи Поляками на томъ де основаніи, что Европа въ настоящее время переживаетъ «эпоху пангерманизма, панитальянизма, пансербизма, панболгаризма, панполонизма etc.»; въ такую эпоху «*и естественно, и позволительно Русскому человѣку быть унитаристомъ* (по отношенію къ западнорусскимъ губерніямъ) и *ирредентистомъ* (по отношенію къ восточной Галичинѣ)».

Не правда ли какъ великодушно?

Но чего же требуетъ г. Багницкій за это великодушіе? Вѣдь Полякъ,

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости* № 244.

какъ извѣстно, никогда безкорыстно великодушнымъ не бываетъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и ультиматумъ, предъявленный *Краемъ* отъ имени Польскаго народа Русскому правительству съ требованіемъ должнаго вознагражденія за проявленную польскую «лойяльность».

Итакъ, чего же требуетъ отъ насъ г. Багницкій за то, что онъ такъ великодушно позволяетъ намъ удержать за *Всероссійскою* Имперіей «чуть ли не половину Малороссовъ и всѣхъ Бѣлоруссовъ» и разрѣшаетъ присоединить къ ней даже «восточную Галичину»?

Онъ требуетъ, чтобъ и мы въ свою очередь признали совершенно такое же право Поляковъ на «панполонизмъ», какое онъ намъ разрѣшаетъ на «всероссійство»; мало того, онъ требуетъ, чтобы мы не только признали справедливыми всѣ мечты «панполонизма», но чтобы мы и осуществили ихъ!

Вотъ слова г. Багницкаго:

«Находя вполнѣ естественными и справедливыми желанія современнаго Русскаго человѣка объединить и искупить то русское, что еще не объединено и не искуплено, я, будучи человѣкомъ польскимъ, дерзаю желать объединенія и искупленія польской народности и лично убѣжденъ, что и то, и другое можетъ быть сдѣлано только Россіей».

Итакъ, Поляки требуютъ, въ награду за свою «лойяльность», чтобы Россія «искупила» изъ подъ австрійскаго, прусскаго и русскаго владычества бывшія части бывшаго польскаго королевства, «объединила» всѣ эти части въ одно цѣлое и, такимъ образомъ, возсоздала бы *отдѣльное отъ Всероссійской Имперіи* «Всепольское» государство, которое находилось бы не въ полномъ единеніи съ Россіей, а лишь внѣшнимъ образомъ было бы приставлено къ ней, какъ какое то постороннее тѣло, совершенно чуждое Всероссійской Имперіи.

Намъ предлагается, такимъ образомъ, не *соединиться* съ Поляками, а *размежеваться* съ ними, *отдѣлиться* отъ нихъ, и въ этомъ размежеваніи и отдѣленіи, по мнѣнію Поляковъ, и должно состоять ихъ «примиреніе» съ нами!!

Нужно ли говорить, что мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ противъ *такого* примиренія и не допускаемъ даже возможности обсужденія такой исторической нелѣпости.

Имперія Всероссійская *включаетъ* въ себѣ всѣ вошедшія въ ея составъ губерніи, какое бы населеніе въ нихъ ни проживало, а слѣдовательно и всѣ Привислинскія губерніи; *исключить* эти губерніи изъ Имперіи Всероссійской значило бы дробить эту Имперію, расчленять ее, уничтожать ея единство и цѣлость, а на это ни одинъ Русскій человѣкъ никогда не согласится.

Г. Багницкій иного мнѣнія. Онъ полагаетъ, что за цѣлость и единство Россійской Имперіи стоятъ однѣ *Московскія Вѣдомости*, а что остальные Русскіе люди желаютъ разрушить это единство и создать рядомъ со *Всероссійскою* Имперіей цѣлый рядъ другихъ государствъ съ «не-русскою» національностью, между прочимъ и «панпольское» государство, въ которомъ, разумѣется, государственнымъ языкомъ былъ бы языкъ польскій.

«Мало того», говоритъ г. Багницкій, «вчитываясь внимательно въ Высочайшій Указъ 27 марта и въ Высочайшій Рескриптъ на имя свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, я вижу, что *Московскія Вѣдомости* sont beaucoup plus royalistes que Sa Majesté».

Въ Высочайшемъ Указѣ отъ 27 марта, отмѣнившемъ процентный сборъ съ недвижимыхъ имѣній лицъ польскаго происхожденія, высказывается, какъ извѣстно, упованіе, что «сей новый знакъ Монаршаго снисхожденія вящше побудитъ польскихъ землевладѣльцевъ къ мирному развитію своего благосостоянія подъ сѣнію Россійской державы». Съ ясностью, не допускающею обычныхъ польскихъ лжетолкованій, и съ твердостью, внушающею полную увѣренность въ торжество русскаго дѣла на Западной окраинѣ, Высочайшій Указъ напоминаетъ, что выразившаяся въ немъ политика великодушія и милости преслѣдуетъ все тѣ же неизмѣнныя цѣли русской государственности, а именно «незыблемую охрану общихъ началъ, направленныхъ *къ с л і я н і ю западныхъ губерній съ прочими мѣстностями Имперіи*».

Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ на имя свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, Его Величеству Императору Всероссійскому благоугодно было указать на Свои «заботы, направленныя ко благу польскаго населенія, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными державы Русской, *по пути н е р а з р ы в н а г о е д и н е н і я г о с у д а р с т в е н н а г о, Всевышнимъ Промысломъ указанному*».

Гдѣ же въ этихъ словахъ Поляки видятъ указаніе на то, что Россія идетъ къ какому бы то ни было обособленію польскихъ губерній отъ государства Всероссійскаго, о чемъ мечтаетъ г. Багницкій, а не къ тому *государственному единенію и слiянію* этихъ губерній съ имперіей Всероссійскою, на которомъ настаиваютъ всѣ Русскіе люди, а среди нихъ и лица, составляющія редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*?

Русскіе люди требуютъ для Привислинскихъ губерній *русскаго* государственнаго языка, Поляки — *польскаго*. На чьей сторонѣ стоитъ Русское правительство? Г. Багницкій это очень хорошо знаетъ; поэтому онъ такъ тщательно умалчиваетъ о Высочайшемъ Повелѣніи отъ 27 іюня, наполнившемъ радостью всѣ русскія сердца новымъ подтвержденіемъ, что въ губерніяхъ Царства Польскаго государственнымъ языкомъ долженъ быть языкъ *русскій*.

Мы были бы очень обязаны г. Багницкому, еслибъ онъ разъяснилъ намъ какъ онъ, въ качествѣ лойяльнаго вѣрноподданнаго, относится къ этому акту Высочайшей Воли? Неужели онъ, «внимательно вчитываясь» въ указанное Высочайшее Повелѣніе, найдетъ и въ немъ доказательства, что «*Московскія Вѣдомости* sont beaucoup plus royalistes que Sa Majesté»?

Кстати, мы должны напомнить г. Багницкому, что за нимъ есть маленькій должокъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ №№ 174 и 177 *Биржевыхъ Вѣдомостей*, г. Багницкій обѣщалъ намъ представить цитаты польскихъ газетъ, въ которыхъ Поляки будто бы возмущаются и протестуютъ противъ того неслыханнаго польскаго гнета, подъ которымъ изнемогаетъ Русскій народъ въ Галиціи. Мы тогда усомнились въ существованіи такихъ цитатъ и просили г. Багницкаго представить, въ доказательство правдивости его словъ, хоть одну подобную цитату. Г. Багницкій не представилъ ни одной, заявивъ:

«Я могу обзавестись таковыми (цитатами) только побывавъ въ Варшавѣ, Краковѣ и Львовѣ и просмотрѣвъ коллекціи мѣстныхъ повременныхъ изданій, или же поручивъ тремъ тамошнимъ жителямъ сдѣлать для меня эту работу. И на то, и на другое нужно время».

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Не укажетъ ли намъ г. Багницкій, сколько еще потребуется времени, чтобы доказать правдивость его увѣреній?

Чѣмъ Россія обязана Муравьеву?

Въ Вильнѣ воздвигается памятникъ человѣку, которому со временемъ воздвигнетъ въ своихъ стѣнахъ памятникъ и первопрестольная Москва, какъ выразительница Всероссійской Государственной идеи.

Муравьевъ не какой-нибудь мѣстный дѣятель, память котораго въ своемъ сердцѣ хранитъ лишь населеніе того или другого края Русской Имперіи; въ Муравьевѣ вся Россія свято чтитъ величавый образъ русскаго государственнаго дѣятеля въ полномъ смыслѣ этого слова; и если нынѣ Сѣверо-Западный край съ благодарностью вспоминаетъ Муравьева-Виленскаго за то, что онъ не далъ порваться связи края съ Россіей, то Россія еще болѣе обязана ему тѣмъ, что онъ сохранилъ ея цѣлость и единство, возстановилъ ея мощное значеніе въ глазахъ ея друзей и враговъ и предотвратилъ казавшуюся неизбѣжною для нея опасность позорной утраты національнаго достоинства и самосознанія.

Эту великую историческую заслугу графа М. Н. Муравьева можетъ оцѣнить въ полной мѣрѣ лишь наше русское національное чувство, имѣющее свое идеальное средоточіе въ Москвѣ, создавшей и собравшей вокругъ себя все необозримое государство Россійское и не утратившей своей *государственной мощи* даже послѣ того, какъ она уступила *правительственную власть* новой сѣверной столицѣ.

Всякая опасность, угрожающая единству созданнаго Москвой государства, нигдѣ такъ живо не ощущается какъ именно въ Москвѣ. Москва всего болѣе дорожитъ впервые провозглашеннымъ ею всероссійскимъ государственнымъ началомъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы начало это всюду торжествовало, пролагая путь русской культурѣ даже на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Русской Имперіи; а потому, при всякомъ колебаніи русской государственной идеи на окраинахъ, тотчасъ сжимается чуткое сердце Россіи—древняя столица ея, Москва. Окраины, еще не вполнѣ проникнутыя русскою государственною идеей, иной разъ удивляются, почему именно Москва такъ заботится о нихъ, такъ горячо принимаетъ къ сердцу ихъ интересы, такъ пристально слѣдитъ за развитіемъ общественной и государственной ихъ жизни и такъ тревожится, такъ скорбитъ, если въ этой жизни проявляются признаки враждебные всероссійскому началу. Но для Москвича эта забота, эта тревога, эта скорбь являются чувствами, совершенно естественными и непреоборимыми. Съ ними онъ родится, живетъ и умираетъ; изъ нихъ онъ черпаетъ бодрую во всякое время готовность словомъ и дѣломъ вступить въ борьбу за свою Православную Церковь, за Самодержавіе своихъ Царей, за славу Россіи и за несокрушимую ея цѣлость.

Такимъ именно Москвичемъ по воспитанію и по духу былъ незабвенный Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Когда петербургская правительственная

мысль уже готова была помириться съ началомъ расчлененія Россіи, московское государственное чутье, въ лицѣ М. Н. Каткова и М. Н. Муравьева, всею силой своей патріотической энергіи возстало противъ этого недостойнаго малодушія. Первый—словомъ, а второй—дѣломъ доказали всю великую силу русской государственной мощи, все жалкое безсиліе устрашившихъ насъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Вдохновенныя статьи Каткова и рѣшительныя, мудрыя мѣропріятія Муравьева сразу разсѣяли отуманившій насъ миражъ «польскаго вопроса» и дали, наконецъ, князю Горчакову возможность отвѣтить должнымъ образомъ на дерзкія угрозы европейской коалиціи.

Никто, конечно, осязательнымъ образомъ не можетъ въ точности доказать, какова была бы дальнѣйшая судьба Россіи, еслибъ эта судьба не была вручена въ 1863 году Муравьеву. Но все говоритъ за то, что, не явись во время Муравьевъ въ Вильнѣ, не только достоинство, но и самая территорія Россіи потерпѣли бы тяжкій уронъ. М. Н. Муравьевъ посылался изъ Петербурга не для того, чтобы сохранить за Россіей всю западную ея окраину, а лишь, еслибы то оказалось возможнымъ, удержать за Россіей литовскія и бѣлорусскія ея губерніи: польскія же губерніи, весь Привислинскій край считался въ Петербургѣ уже утраченнымъ!

Такимъ порученіемъ московское сердце Муравьева удовлетвориться не могло: онъ поставилъ себѣ задачей не уступать врагамъ ни одной пяди Русской земли, и дѣйствительно сокрушилъ ихъ не только въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края, но и въ смежныхъ съ нимъ очагахъ польскаго мятежа, въ Кіевскомъ и Варшавскомъ генералъ-губернаторствахъ.

Быстрыя и рѣшительныя мѣры, принятыя Муравьевымъ, сразу потушили разгоравшійся пожаръ и спасли отъ его губительнаго дѣйствія много тысячъ человѣческихъ жизней и милліоны рублей государственнаго и частнаго достоянія. М. Н. Муравьевъ понималъ тотъ великій гуманный принципъ, который велитъ жертвовать немногими для спасенія многихъ и предотвращать безконечные потоки крови примѣрнымъ примѣненіемъ нѣсколькихъ строгихъ, заслуженныхъ каръ.

Страшно подумать, во чтó обратился бы на долгіе годы Сѣверо-Западный и Привислинскій край, еслибы вмѣсто М. Н. Муравьева появился въ Вильнѣ человѣкъ мягкій, уступчивый, заботящійся не объ интересахъ Россіи, а о своей популярности, дорожащій польскою лестью и вѣрящій польской лжи. Варшавскій открытый мятежъ питался бы неистощимымъ запасомъ силъ изъ Виленскаго края, въ которомъ «все обстояло бы благополучно». Заслуга Муравьева заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ вскрылъ Виленскую подпольную интригу и заставилъ шляхетскія деньги идти на подавленіе, а не на поддержаніе открытаго мятежа.

Страшно подумать и о томъ, чтó случилось бы, еслибъ угрозы Франціи и Англіи увѣнчались хоть какимъ бы то ни было успѣхомъ и послужили бы прецедентомъ для дальнѣйшаго иноземнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Россія понесла бы одновременно тягчайшія матеріальныя и нравственныя пораженія, которыя послужили бы преддверіемъ для новыхъ дерзкихъ и самоувѣренныхъ нападеній со стороны ея враговъ.

Конечно, Россія вышла бы въ концѣ концовъ побѣдительницей изъ того тяжелаго кризиса, въ который ввергло бы ее побѣдоносное польское возстаніе. Но кто исчислитъ тѣ жертвы, которыя ей пришлось бы принести, пока на ея спасеніе явились бы такіе люди, какъ М. Н. Муравьевъ?

Графъ Михаилъ Николаевичъ предохранилъ Россію отъ этого кризиса, а всѣ западныя наши окраины — отъ дальнѣйшихъ ужасовъ фанатическаго мятежа. Мало того, умиротвореніе ввѣренныхъ ему губерній было совершено имъ такъ быстро, что онъ немедленно могъ приступить къ той просвѣтительной, мирной дѣятельности, которая еще болѣе проявила все богатство его государственнаго ума. То, что онъ въ какіе-нибудь два три года успѣлъ сдѣлать въ Сѣверо-Западномъ краѣ для пробужденія и укрѣпленія въ немъ стародавней русской національной и государственной идеи, отличалось такою разумною и дальновидною прочностью, что плоды его дѣятельности не только не исчезли изъ края послѣ его ухода, но продолжали и доселѣ продолжаютъ, широко развиваться въ указанномъ имъ направленіи. Этою дѣятельностью онъ давно уже воздвигъ себѣ памятникъ въ сердцахъ всего мѣстнаго населенія, помнящаго, чѣмъ былъ Сѣверо-Западный край до 1863 года и чѣмъ онъ сталъ затѣмъ, благодаря трудамъ и заботамъ графа Муравьева.

Говорятъ, что примѣръ графа Муравьева можетъ быть поучительнымъ для нашихъ окраинныхъ государственныхъ дѣятелей лишь въ томъ случаѣ, еслибы снова вспыхнулъ на окраинѣ вооруженный мятежъ.

Это неправда.

Примѣръ графа М. Н. Муравьева равно поучителенъ какъ для правителей, призванныхъ *усмирять* мятежный край, такъ и для государственныхъ дѣятелей, призванныхъ *управлять* усмиреннымъ краемъ, ибо М. Н. Муравьеву дано было явиться образомъ русскаго государственнаго дѣятеля на окраинахъ какъ въ бурное, такъ и въ мирное время. И мирная его дѣятельность, несомнѣнно, еще болѣе заслуживаетъ подражанія, чѣмъ предшествовавшее ей, вызванное необходимостью, проявленіе суровой строгости.

Михаилъ Николаевичъ при этомъ, въ оба періода своей дѣятельности, никогда не тяготился тѣмъ, что за нею слѣдила Москва, такъ какъ онъ зналъ, что онъ дѣйствуетъ вполнѣ согласно со всероссійскимъ духомъ первопрестольной столицы. Ниже мы приводимъ свидѣтельства того, какъ Муравьевъ дорожилъ Москвой, и какъ Москва дорожила Муравьевымъ, не только въ лицѣ своего великаго патріота, М. Н. Каткова, но и своего первосвятителя митрополита Филарета.

Филаретъ, Муравьевъ, Катковъ.. Сколько мыслей вызываютъ имена этихъ трехъ истинныхъ Москвичей, а слѣдовательно, и истинныхъ сыновъ Россіи. Россія могла бы смѣло смотрѣть впередъ, еслибы всѣ Русскіе чтили память и воодушевлялись примѣромъ этихъ трехъ бойцовъ за святость Православной Церкви, за Самодержавіе Царскаго престола, за славу и единство Россіи.

Къ сожалѣнію, современная Россія слишкомъ способна забывать уроки прошлаго, заслуги отошедшихъ въ вѣчность великихъ людей и оставленные ими завѣты. Она не думаетъ о томъ, что, утративъ эти завѣты, она впадетъ въ прежнія ошибки и накличетъ на себя прежнюю бѣду, для отвращенія которой у нея, быть можетъ, не будетъ ни Филаретовъ, ни Катковыхъ, ни Муравьевыхъ...

Великій учитель Россіи.

Среди водоворота текущей жизни съ ея жгучими вопросами и лихорадочнымъ волненіемъ, мрачное число 20 октября заставляетъ всю Россію остановиться, опомниться, оглянуться.

«Куда мы стремимся? Строго ли держимся намѣченнаго пути? Вѣрно ли рѣшаемъ осаждающіе и волнующіе насъ вопросы?»

Такъ спрашиваютъ себя Русскіе люди, мысленно обращаясь къ Тому, Кто нынѣ изъ лучшаго міра все такъ же любовно взираетъ на дорогую Свою Россію, но—увы!—уже не можетъ давать ей совѣтовъ и наставленій тѣмъ простымъ и живымъ словомъ, которымъ Онъ нѣкогда рѣшалъ труднѣйшіе вопросы государственной жизни.

Слово Его умолкло на вѣки, и, тѣмъ не менѣе, всѣ Русскіе люди обращаютъ свои взоры къ Нему, ждутъ отъ Него указаній и вразумленій и провѣряютъ свои взгляды и дѣйствія безошибочнымъ мѣриломъ Его взглядовъ и Его дѣйствій. Для всѣхъ насъ все болѣе становится яснымъ, что, по мѣрѣ того, какъ величавый образъ Царя Правителя исчезаетъ по неумолимымъ законамъ времени, тѣмъ опредѣленнѣе, тѣмъ ярче выступаетъ предъ нами лучезарный образъ великаго Царя-Учителя.

Да, Онъ былъ для Россіи великимъ Учителемъ при жизни Своей и остался таковымъ и послѣ Своей безвременной кончины.

Чему же училъ Онъ и *какъ* училъ Онъ Россію?

Онъ прежде всего училъ ее дорожить превыше всего Православною вѣрой, которой Россія обязана своимъ бытіемъ, своимъ развитіемъ, своимъ просвѣщеніемъ. Онъ училъ насъ ограждать нашу Православную Церковь отъ какого бы то ни было нарушенія ея святыни, не допускать умаленія ея достоинства, какъ Церкви государственной, сохраняя за Нею принадлежащее ей во всѣхъ предѣлахъ Имперіи Всероссійской первое мѣсто, какъ Церкви, освящающей своею благодатью великій подвигъ Русскаго Царя и беззавѣтное служеніе Ему Русскаго народа.

Онъ училъ насъ видѣть въ этомъ Царскомъ подвигѣ и въ этомъ беззавѣтномъ служеніи драгоцѣннѣйшую сущность всего государственнаго строя Россіи и всей нашей государственной жизни, сохраняющей въ Самодержавіи Русскихъ Царей великіе завѣты прошлаго и обезпечивающей Русскому народу великое будущее.

Онъ училъ насъ любить Русскій народъ и дорожить его незамѣнимыми государственными качествами: его смиренною вѣрой въ Бога, его безусловною преданностью Царю, его трезвымъ государственнымъ чутьемъ, благодаря которому создалась вся идеальная и реальная мощь Имперіи Всероссійской, собравшей подъ державой Русскаго Царя многія племена, проникающіяся основною зиждительною идеей Русскаго народа.

Онъ училъ насъ ясно намѣчать государственныя цѣли Россіи и идти къ нимъ твердыми шагами по открытому прямому пути чистой правды и высшей справедливости. Онъ училъ насъ не забывать великихъ уроковъ прошлаго, со спокойною прозорливостью оцѣнять явленія настоящаго и никогда не терять изъ виду всѣхъ возможныхъ послѣдствій ихъ въ будущемъ.

Таково было Его ученіе, имѣвшее то великое преимущество, что оно для всѣхъ было ясно и наглядно и никакихъ сомнѣній не вызывало, никакихъ лжетолкованій не допускало. Враги Россіи негодовали на это ученіе, возродившее богатырскія силы Самодержавной Россіи, друзья ея восторгались этимъ ученіемъ, но враги и друзья ни на минуту не расходились въ своихъ сужденіяхъ о сущности этого ученія: всѣ безъ исключенія ясно знали, чего желаетъ Царь-Самодержецъ, куда Онъ ведетъ Россію, что̀ Онъ считаетъ для нея вреднымъ и что̀ полезнымъ.

Эта ясность ученія Александра III является драгоцѣннѣйшимъ его качествомъ и для всѣхъ будущихъ временъ Россіи; вотъ почему 20-е октября, день поминовенія Великаго Царя Самодержца, является для Русскихъ людей днемъ самоиспытанія, днемъ провѣрки своей государственной совѣсти, днемъ сравненія своихъ дѣйствій и помышленій съ непреложными наставленіями великаго Учителя.

Эти наставленія даютъ на каждый тревожащій насъ вопросъ такой простой, категорическій отвѣтъ, что предъ нимъ сразу исчезаютъ всѣ колебанія и сомнѣнія. Нельзя себѣ даже представить случая, чтобы по какому-нибудь изъ современныхъ намъ вопросовъ мы могли спорить о томъ, въ какомъ основномъ смыслѣ рѣшилъ бы его Александръ III. Точно такъ же и при жизни Его никто ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что Онъ всѣ вопросы, касающіеся государственныхъ основъ Россіи, рѣшитъ не иначе какъ *истинно-русскимъ* образомъ.

Александръ III не оставилъ намъ теоретическаго изложенія Своего государственнаго ученія. Но мы въ этомъ теоретическомъ изложеніи и не нуждаемся; вся Его жизнь, всѣ слова Его и дѣйствія являются для насъ практическимъ, нагляднымъ наставленіемъ, *какъ* намъ жить, *какъ* намъ говорить и дѣйствовать. Его ученіе не было отвлеченною гипотезой, которая осталась бы непримѣненною къ дѣйствительной жизни и въ основательности которой можно было бы, поэтому, сомнѣваться. Нѣтъ, мы всѣ знаемъ, что Его ученіе постоянно и непосредственно примѣнялось къ самымъ жизненнымъ вопросамъ Русскаго государства и постоянно давало самые блестящіе плоды, вызвавшіе въ короткое время небывалое доселѣ мощное развитіе національнаго возрожденія Россіи.

Въ этомъ именно и заключается неопровержимость и непреложность ученія Александра III, которое такъ радуетъ друзей Россіи и такъ огорчаетъ ея враговъ: успѣхъ Его политики у всѣхъ на глазахъ, отрицать его нѣтъ возможности, и никто не въ силахъ умалить его значеніе. Если вы хотите благоденствія, могущества, единства и славы Россіи, — поступайте именно такъ, какъ поступалъ Александръ III; если вы хотите противоположныхъ результатовъ,—поступайте иначе.

Тутъ не можетъ быть мѣста какимъ-либо отговоркамъ, уклоненіямъ или сомнѣніямъ со ссылками на то, что мы де не знаемъ, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ бы покойный Императоръ. Исторія всей Его жизни, ясная, прозрачная, какъ хрусталь, лежитъ и вѣчно будетъ лежать предъ нашими взорами открытою для всѣхъ книгой, въ которой лишь вольные или невольные слѣпцы читать не могутъ.

Эта открытая книга будетъ для Россіи вѣчно служить мудрымъ наставленіемъ въ мирные дни и спасительнымъ маякомъ въ бурныя времена ея исторической жизни, отъ которыхъ да предохранитъ ее всеблагая милость Божія.

Покойный Императоръ оставилъ намъ не только Свои завѣты, но и вѣрнаго Исполнителя ихъ въ лицѣ возлюбленнаго Сына Своего, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Вся Россія знаетъ, какъ Державный Сынъ свято чтитъ завѣты Отца Своего, а потому и вся Россія твердо уповаетъ, что Верховный ея Вождь ведетъ ее все тою же дорогой могущества, единства и славы, которыя такъ же дороги Его Царскому сердцу, какъ и сердцу беззавѣтно преданнаго Ему вѣрноподданнаго Русскаго народа.

Первое трехлѣтіе новаго царствованія.

Прошло три года съ того рокового дня, когда Россія, повергнутая въ глубокую скорбь о преждевременной кончинѣ Александра III, вознесла свои взоры, полные надежды и упованія, къ Николаю II. Она знала, она вѣрила, что въ Немъ она найдетъ себѣ утѣшеніе въ своемъ горѣ, успокоеніе своихъ тревогъ, защиту отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и строгое храненіе великихъ завѣтовъ въ Бозѣ почившаго Монарха.

Русскій народъ, по врожденному ему глубокому вѣрноподданническому чувству, не дѣлаетъ различія въ своихъ отношеніяхъ къ Вѣнценоснымъ Вождямъ своимъ, чередующимся, по волѣ Всевышняго, на престолѣ Всероссійскомъ; онъ не на словахъ только, по всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ твердо вѣритъ, что Царь есть Помазанникъ Божій и что сердце Царево покоится въ рукѣ Божіей; онъ, поэтому, знаетъ, что на высотѣ Престола Царскаго сіяетъ одна чистая правда, одна высшая справедливость, одна искренняя, отцовская любовь ко всѣмъ вѣрноподданнымъ дѣтямъ и безконечное благожеланіе ко всей Россіи; онъ знаетъ, что любвеобильныя заботы Русскаго Царя о благѣ государства являются тяжкимъ для Него подвигомъ, въ исполненіи котораго Онъ ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственъ, такъ какъ никто, кромѣ Бога, и не знаетъ всего того, что̀ проходитъ въ мысляхъ Царя. Народъ можетъ лишь видѣть окончательные результаты этихъ благихъ мыслей, когда онѣ, перейдя черезъ руки исполнителей Царской воли, облекаются въ реальную, земную форму.

Эти конечные результаты выражаются въ государственной жизни народа преимущественно въ двухъ главныхъ направленіяхъ: во внѣшней безопасности, во внутреннемъ порядкѣ.

Мы знаемъ, какъ много въ томъ и другомъ направленіи сдѣлалъ покойный Государь. Принявъ бразды правленія въ самый критическій для Россіи моментъ, Онъ обезпечилъ ей могущественное, мирное развитіе, заставивъ смолкнуть ея внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Господу Богу угодно было, по неисповѣдимымъ Его путямъ, отозвать великаго воскресителя Россіи въ срединѣ Его заботъ и трудовъ. Многое успѣлъ Онъ только-что завершить, иное довести лишь до половины, иное лишь начать; не удивительно, поэтому, что враги Россіи, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, изъ кратковременности царствованія Александра III, почерпнули надежду и на кратковременную прочность Его успѣховъ.

Прошли три года съ тѣхъ поръ, какъ у кормила Русскаго государства

сталъ новый Кормчій, и враги Россіи убѣдились, что самоувѣреннымъ надеждамъ ихъ не суждено было сбыться.

Россія не только не утратила своего первенствующаго міроваго положенія, которое ей даровалъ покойный Государь, она, слѣдуя новому Вождю своему, за эти три года еще болѣе укрѣпила за собою это положеніе: ея верховный голосъ прекращалъ кровавыя брани какъ въ дальнихъ, такъ и въ близкихъ къ ней краяхъ; предъ ея мудрою политикой преклоняются великія державы Европы и наперерывъ ищутъ съ нею сближенія, дружбы и союза.

Внутреннее упорядоченіе Россіи представляетъ собою несравненно болѣе трудное поприще для Царскихъ заботъ.

Покойный Государь успѣлъ лишь намѣтить въ общихъ твердыхъ и ясныхъ чертахъ ту обширную программу реорганизаціи Россіи въ духѣ ея самобытныхъ историческихъ преданій. Онъ сразу понялъ, гдѣ находится больное мѣсто Россіи, и сосредоточилъ прежде всего главное Свое вниманіе на сельскомъ ея бытѣ, истекавшемъ кровью отъ насильственнаго разрыва двухъ коренныхъ устоевъ внутренней жизни нашего отечества—дворянскаго и крестьянскаго сословій Исцѣлить эту роковую рану, отъ которой страдалъ весь организмъ Россіи, было постоянною, неотступною заботой покойнаго Государя, и эту тяжкую заботу завѣщалъ Онъ и Сыну Своему.

Внутренніе враги Россіи напрягли всѣ свои усилія и пустили въ ходъ самыя благозвучныя слова и фразы, самые обольстительные софизмы, чтобы помѣшать этой заботѣ, чтобы доказать ея излишество и даже вредъ, чтобы провозгласить дворянское сословіе отжившимъ и правительственныя заботы объ упорядоченіи сельской жизни — ненужными; вмѣстѣ съ тѣмъ они старались расширить произволъ земства и ограничить Царское Самодержавіе.

Прошло три года, и мы знаемъ, какой твердый, окончательный отпоръ нашли себѣ всѣ эти стремленія и подходы: Самодержавіе провозглашено на вѣки нерушимымъ, земства поставлены на свое мѣсто, дворянство въ Свѣтлый день Пасхи обрадовано благою вѣстью съ высоты Престола о предстоящемъ его возрожденіи.

Но есть еще много другихъ больныхъ сторонъ въ Россіи, до которыхъ не успѣла коснуться цѣлительная рука покойнаго Государя, которыя, поэтому, представляются врагамъ Россіи наиболѣе удобными для ихъ интригъ и махинацій; они воображаютъ, что если какой-нибудь вопросъ не былъ поставленъ или окончательно рѣшенъ покойнымъ Государемъ, то этотъ вопросъ можетъ теперь быть рѣшенъ въ противномъ Ему духѣ!

Жалкіе люди! Они не научились изъ протекшихъ послѣднихъ трехъ лѣтъ той истинѣ, что какъ бы превратно ни ставился вопросъ въ низшихъ или высшихъ правительственныхъ сферахъ и какіе бы онъ ни возбуждалъ, вслѣдствіе этого, тревожные толки, онъ неизмѣнно получалъ истинное, правильное рѣшеніе, коль скоро достигалъ высоты Царскаго Престола, на которомъ, какъ всегда, сіяетъ осѣненная Божьею благодатью одна лучезарная истина, одна высшая справедливость, одна безграничная любовь къ Россіи.

Наше техническое образованіе.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, какъ извѣстно, поднятъ въ настоящее время вопросъ о расширеніи доступа въ наши высшія техническія учебныя заведенія. Всестороннее сочувствіе, которымъ былъ встрѣченъ этотъ благой починъ Министерства, ясно показываетъ, что данный вопросъ уже давно назрѣлъ и соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ нашей государственной и общественной жизни.

Внѣшнею побудительною причиной, заставившею Министерство поставить на очередь вышеупомянутый вопросъ, было всѣмъ знакомое ежегодно повторяющееся явленіе. Значительное число молодыхъ людей, выдержавшихъ осенью конкурсный экзаменъ въ высшія техническія учебныя заведенія, лишены возможности воспользоваться своимъ правомъ учиться въ этихъ заведеніяхъ, вслѣдствіе ограниченнаго числа свободныхъ въ нихъ вакансій. Естественно возникло предположеніе открыть новыя высшія техническія школы, или увеличить число учащихся въ школахъ уже существующихъ. Въ виду этого, какъ извѣстно, въ Петербургѣ происходятъ въ настоящее время, по иниціативѣ графа И. Д. Делянова, совѣщанія для всесторонняго обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя могли бы устранить вышеуказанное нежелательное явленіе.

Эти совѣщанія несомнѣнно увѣнчаются благими результатами, такъ какъ весьма важная въ данномъ вопросѣ финансовая его сторона, какъ можно надѣяться, не представитъ особыхъ затрудненій, въ виду горячаго сочувствія, выраженнаго Министерствомъ Финансовъ тѣмъ задачамъ, которыя поставили себѣ вышеозначенныя совѣщанія.

Но Министерство Народнаго Просвѣщенія, очевидно, озабочено не только внѣшнею стороной даннаго вопроса, то-есть предоставленіемъ возможности всѣмъ выдержавшимъ конкурсное испытаніе поступить въ избранныя ими высшія техническія учебныя заведенія. Этотъ вопросъ составляетъ лишь одну часть весьма обширнаго общаго вопроса о правильной постановкѣ всего техническаго образованія въ Россіи, какъ высшаго, такъ и средняго. Этотъ весьма серіозный и сложный вопросъ, давно уже тщательно разрабатываемый при Министерствѣ, составляетъ въ настоящее время предметъ его главныхъ, усиленныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится въ тѣсной связи съ высшимъ научнымъ образованіемъ нашихъ университетовъ, и со среднимъ образованіемъ, даваемымъ въ нашей подготовляющей къ университетскимъ занятіямъ гимназической школѣ.

Чрезмѣрное переполненіе нашихъ гимназій и университетовъ является кореннымъ ихъ недостаткомъ, порождающимъ почти всѣ нежелательныя явленія нашей гимназической и университетской жизни. Устранить этотъ недостатокъ можно только однимъ способомъ — отвлеченіемъ значительнаго числа гимназистовъ и студентовъ въ техническія среднія и высшія учебныя заведенія; ни тѣхъ, ни другихъ у насъ въ достаточномъ количествѣ нѣтъ, и пока ихъ у насъ не будетъ въ этомъ количествѣ, у насъ не будетъ ни правильно-поставленнаго техническаго, ни правильно поставленнаго научнаго образованія.

Въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ существуетъ совершенно неправильное воззрѣніе на гимназическое и университетское образованіе, какъ на об-

разованіе не спеціальное, а общее, тогда какъ на самомъ дѣлѣ гимназія спеціально подготовляетъ своихъ воспитанниковъ къ высшему университетскому образованію, а университетъ, въ свою очередь, обязанъ придавать этому образованію спеціальный, строго-научный характеръ.

Что же мы видимъ въ настоящее время въ нашихъ университетахъ? Ежегодно поступаютъ въ университеты изъ гимназій сотни молодыхъ людей, для которыхъ интересы строгаго, методическаго изслѣдованія научной истины являются чѣмъ-то очень отдаленнымъ, чтобы не сказать—чуждымъ, такъ какъ у нихъ на первомъ планѣ забота о хлѣбѣ насущномъ и о будущей практической карьерѣ, для вступленія на которую имъ только и нуженъ университетскій дипломъ. Истинные серіозные подвижники науки тонутъ въ волнахъ своихъ равнодушныхъ къ наукѣ товарищей, а потому и сами не могутъ извлечь изъ университетскаго преподаванія всей той пользы, на которую они имѣли бы право разсчитывать.

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ эти равнодушные къ наукѣ студенты были неспособны къ умственному труду вообще: они только неспособны къ тому отвлеченному научному мышленію, которое является удѣломъ далеко не всѣхъ учащихся молодыхъ людей, но безъ котораго не можетъ обойтись ни одна отрасль университетскаго преподаванія.

За то многіе изъ этихъ молодыхъ людей обладаютъ выдающимся практическимъ, «техническимъ» складомъ ума, который далъ бы имъ возможность съ пользой завершить свое образованіе, еслибъ они находились въ соотвѣтствующихъ ихъ способностямъ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ.

Почему же они находятся въ университетѣ? Потому что они учились въ гимназіяхъ, которыя спеціально готовятъ въ университетъ. А почему они учились въ гимназіяхъ? Потому что родители ихъ были твердо убѣждены, что, помимо гимназіи и университета, дѣтямъ ихъ для обезпеченія своей будущности учиться больше негдѣ. «Не отдавать же ихъ въ реальныя училища, изъ которыхъ», по общему мнѣнію, «никакого выхода нѣтъ».

Необходимо сдѣлать такъ, чтобъ этотъ «выходъ» былъ, и притомъ въ высшія техническія училища, которыя одни, въ смыслѣ обезпеченія карьеры, могутъ въ глазахъ нашего общества конкуррировать съ университетами.

Самою правильною постановкой дѣла была бы та, при которой изъ среднихъ техническихъ (практическихъ, реальныхъ) училищъ переходъ въ высшія техническія училища былъ бы такъ же простъ и естественъ, какъ изъ гимназій—въ университеты, изъ духовныхъ семинарій—въ духовныя академіи, изъ среднихъ военныхъ—въ высшія военныя училища. Лишь при этомъ условіи были бы правильно разрѣшены всѣ вопросы нашего средняго и высшаго образованія.

Намъ могутъ возразить, что если мы отвлечемъ изъ гимназій и университетовъ всѣхъ учащихся, способныхъ болѣе къ техническому, чѣмъ къ научному образованію, и если всѣ ученики, окончившіе курсъ среднихъ практическихъ училищъ, будутъ имѣть право поступать въ высшія техническія училища, то мы этимъ перемѣстимъ только то зло (переполненіе), отъ котораго страдаютъ наши университеты, въ высшіе техническіе институты, которые отъ него, можетъ быть, будутъ еще болѣе страдать, чѣмъ высшія научныя школы.

Возраженіе это будетъ вполнѣ основательно, если въ нашихъ среднихъ и высшихъ техническихъ училищахъ преподаваніе будетъ отличаться не основательною серіозностью, а легкою поверхностностью.

Если же въ нашихъ среднихъ техническихъ училищахъ техническое образованіе будетъ поставлено настолько серіозно, что его не будутъ въ состояніи одолѣть тупицы и лѣнтяи, а оканчивающіе курсъ этихъ училищъ будутъ по своему образованію имѣть возможность не только поступить въ высшія, еще болѣе серіозныя училища, но и прямо на хорошо обезпеченную дорогу практическаго труда, то намъ нечего будетъ опасаться переполненія высшихъ техническихъ училищъ безполезнымъ баластомъ. Техническое образованіе тѣмъ и отличается отъ научнаго, что оно, при правильной своей постановкѣ, уже со среднихъ своихъ ступеней можетъ выпускать въ высшей степени полезныхъ и безусловно-необходимыхъ для нашей казенной и частной промышленности тружениковъ, тогда какъ научное образованіе имѣетъ свою цѣну лишь по полномъ завершеніи университетскаго курса

Вотъ почему вопросъ, обсуждаемый нынѣ въ Петербургѣ, составляетъ лишь одну часть обширнаго вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго трудится Министерство Народнаго Просвѣщенія. Центръ тяжести этого вопроса заключается, какъ мы видимъ, въ правильной постановкѣ серіознаго и дѣльнаго средняго техническаго образованія и въ организаціи правильнаго его отношенія къ высшему. Пожелаемъ же успѣха Министерству Народнаго Просвѣщенія въ его заботахъ, направленныхъ въ данномъ случаѣ, какъ мы это видимъ, на благо не только одного техническаго, но и научнаго образованія въ Россіи.

Памяти М. Н. Каткова.

День 8-го ноября Православная Церковь посвящаетъ празднованію Собора Архистратига Михаила. Для редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* день этотъ имѣетъ особое священное значеніе, вызывая въ ея памяти безсмертный образъ покойнаго Михаила Никифоровича Каткова, для котораго Архангелъ Михаилъ былъ Ангеломъ-хранителемъ.

Память покойнаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей* дорога не только тѣмъ, кто имѣлъ счастіе лично знать его, но и всѣмъ тѣмъ безчисленнымъ Русскимъ людямъ, для которыхъ онъ служилъ и нынѣ служитъ наисовершеннѣйшимъ выразителемъ ихъ завѣтныхъ патріотическихъ мыслей и заботъ.

Нынѣ въ десятый уже разъ друзья и единомышленники незабвеннаго Михаила Никифоровича вспомнять о немъ не для того, чтобы, какъ бывало прежде, принести ему искреннее привѣтствіе ко дню его Ангела, но для того, чтобы вознести мольбу ко Всевышнему объ упокоеніи его души. Но нынѣ же, впервые послѣ его безвременной кончины, онъ снова какъ бы духовно приблизился къ намъ и снова среди насъ говоритъ и снова поучаетъ. Мы уже имѣемъ въ своихъ рукахъ собраніе всѣхъ его чудныхъ передовыхъ статей за первыя десять лѣтъ его служенія Царю на поприщѣ отвѣтственнаго управленія старѣйшею Московскою газетой, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предъ нами будутъ всѣ двадцать пять томовъ того монументальнаго изданія его статей, которое навсегда займетъ почетное мѣсто среди твореній отечественной словесности.

Мы уже дважды приводили сіявшія глубокимъ умомъ и отличающіяся удивительною мѣткостью отдѣльныя мѣста изъ вышедшихъ нынѣ въ свѣтъ передовыхъ статей М. Н. Каткова. Сегодня мы дѣлаемъ подобныя же выдержки изъ его статей, содержащихся въ послѣднихъ вышедшихъ четырехъ томахъ полнаго собранія ихъ за 1869, 1870, 1871 и 1872 годы.

Изъ этого неисчерпаемаго источника мы могли, конечно, взять, почти наудачу, лишь нѣсколько мѣстъ, относящихся къ *современнымъ* вопросамъ Россіи. Но и въ нихъ читатель найдетъ на каждомъ шагу сужденія, которыя какъ будто высказаны не четверть вѣка тому назадъ, а прямо-таки вчера или сегодня.

Знаменитыя въ свое время передовыя статьи Михаила Никифоровича Каткова пріобрѣтаютъ для насъ, такимъ образомъ, особую прелесть, которою не могли наслаждаться люди, читавшіе ихъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Прелесть эта состоитъ въ томъ, что патріотическія мысли Каткова нынѣ получили уже особо глубокое значеніе, такъ какъ вѣрность ихъ освящена не только логикой ума, но и логикой совершившихся фактовъ. Современники Михаила Никифоровича Каткова могли еще сомнѣваться въ томъ, оправдаетъ ли будущее Россіи его теоріи и предсказанія. Мы отъ этихъ сомнѣній избавлены. Мы *знаемъ*, что послѣдующія событія оправдали Каткова, а не враговъ его. Мы теперь *знаемъ*, что враги его дѣйствительно были врагами Россіи, а слѣдовательно мы *знаемъ* также и то, кого мы въ настоящее время должны считать друзьями, и кого врагами нашего отечества.

Многому мы можемъ учиться у М. Н. Каткова; но въ особенности примѣромъ для насъ должна служить беззавѣтная вѣрноподданническая преданность его Верховному Вождю Россіи. Служить вѣрой и правдой Царю и словомъ, и дѣломъ, посвящать этой службѣ всѣ силы ума и тѣла, всю жизнь до послѣдняго издыханія—таковъ былъ высшій идеалъ М. Н. Каткова, которому онъ ни въ чемъ ни разу не измѣнилъ.

Да будетъ же это идеаломъ и для всѣхъ насъ Русскихъ людей, вѣрноподданныхъ Русскаго Монарха.

Призракъ «польскаго вопроса».

«Польскій вопросъ», давно уже рѣшенный и сданный въ архивъ, въ настоящее время снова возродился и самозванно выдвинулся впередъ, приковывая къ себѣ общее вниманіе.

Это внезапное и назойливое появленіе «польскаго вопроса» не было вызвано никакими государственными интересами Россіи, у которой въ настоящее время столько серіозныхъ задачъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Осложненіе этихъ задачъ еще какимъ-то «польскимъ вопросомъ», конечно, для Россіи не могло быть желательнымъ. Онъ не былъ вызванъ и русскими общественными интересами, ибо нѣтъ ни одного русскаго человѣка, который радовался бы тому, что намъ снова приходится переживать давно пережитыя времена и перерѣшать давно рѣшенныя задачи.

И, однако, вопреки намѣреніямъ правительства, вопреки желаніямъ русскаго общества, намъ въ настоящее время ни о чемъ почти иномъ не при-

ходится говорить и думать, какъ только о «польскомъ вопросѣ». Тридцать слишкомъ лѣтъ польская окраина Россіи процвѣтала и развивалась подъ благотворною сѣнью Русской державы, тридцать лѣтъ естественное сліяніе ея съ коренною Россіей совершалось мирными и вѣрными путями, — а теперь вдругъ все стало вопросомъ, все заколебалось, все всколыхнулось, дѣйствительность перепуталась съ фантазіей, и то, что̀ вчера еще казалось невозможнымъ, сегодня считается уже вѣроятнымъ.

Чѣмъ же объяснить это внезапное появленіе давно уже исчезнувшаго призрака «польскаго вопроса»? Вѣдь, казалось бы, мы имѣли право разсчитывать на совершенно иные результаты того русско-польскаго «примиренія», которое такъ усердно провозглашалось и такъ восторженно привѣтствовалось на берегахъ Вислы и Невы русско-польскою печатью, какъ какая-то «новая эра», долженствовавшая положить конецъ «польскому вопросу». Къ сожалѣнію, эти праздные толки о «новой польской эрѣ» послужили поводомъ не къ упраздненію, а, напротивъ, къ возбужденію «польскаго вопроса».

Въ самомъ дѣлѣ, кто пустилъ въ ходъ эту фразу о «новой польской эрѣ»? Гдѣ были основанія для ея провозглашенія?

Всѣ важныя начинанія и перемѣны въ нашемъ государствѣ исходятъ исключительно отъ верховной воли Самодержавнаго Вождя Россіи, и никто не въ правѣ быть выразителемъ или истолкователемъ этой воли, помимо открытыхъ, всенародныхъ ея проявленій. Что̀ же выражала Высочайшая воля въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она за послѣднее время проявлялась въ дѣлѣ управленія Привислинскимъ краемъ? Она всегда указывала на необходимость строго держаться прежнихъ, оправданныхъ историческимъ опытомъ, путей; никакой «новой эры» она не провозглашала и не давала никакихъ новыхъ обѣщаній.

Да и могло ли быть иначе?

Исторія учитъ насъ, что есть двѣ системы управленія Поляками, изъ которыхъ первая сообразуется съ ихъ характеромъ, а вторая его игнорируетъ.

Первая система, олицетворяющаяся въ законной твердости, умиротворяетъ Поляковъ, другая, система поблажекъ, волнуетъ ихъ; первая приводитъ ихъ къ спокойному счастію, вторая—къ страстной борьбѣ.

Съ какой же стати стало бы правительство придерживаться этой второй системы, вредъ которой совершенно очевиденъ? Кто же не знаетъ, что эта система поблажекъ, уступокъ, заигрыванія и заискиванія можетъ лишь вызвать въ Полякахъ ненасытные аппетиты и неосуществимыя надежды? Можетъ ли быть рѣчь о сохраненіи достоинства правительственной власти, когда поблажки и уступки всегда являются въ глазахъ Поляковъ признаками слабости власти? Къ тому же никакія уступки никогда не удовлетворяли Поляковъ, такъ какъ они никогда не удовольствуются тѣмъ, что̀ получаютъ, а всегда требуютъ себѣ еще новыхъ, болѣе широкихъ правъ и преимуществъ. При этой системѣ воображеніе ихъ разыгрывается до крайнихъ предѣловъ, страсти ихъ воспаляются, и они становятся способными совершить многое, въ чемъ имъ самимъ въ послѣдствіи приходится горько раскаиваться. Доводить ихъ до такого состоянія значитъ прямо не любить и не жалѣть ихъ.

Совершенно иной характеръ носитъ та политика, которой, со времени императора Александра II, наше правительство держится по отношенію къ Полякамъ. Принимая во вниманіе ихъ характеръ, способный увлекаться несбыточными надеждами, политика эта предохраняетъ ихъ отъ такой опасности,

не давая имъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ прочности Русской власти, въ твердой послѣдовательности ея мѣропріятій и въ цѣлесообразности ихъ по отношенію къ государственнымъ интересамъ Россіи. При этой системѣ Поляки проникаются сознаніемъ, что они, какъ вчера были, такъ сегодня и завтра будутъ и навсегда останутся гражданами *Русской* Имперіи и подданными *Русскаго* Царя, и что ихъ край не только «соединенъ», но *нераздѣльно слитъ воедино* съ государствомъ *Всероссійскимъ*, въ которомъ единственнымъ государственнымъ языкомъ и единственною государственною школой могутъ быть только *русскій* языкъ и *русская* школа.

Предъ такою твердою, спокойною и непоколебимою русскою властью Поляки сами успокоиваются и отвыкаютъ отъ тѣхъ легкомысленныхъ колебаній, отъ которыхъ имъ приходилось такъ сильно страдать въ ихъ исторической жизни. Такая система управленія Поляками является поэтому и наиболѣе гуманною, не давая имъ никакихъ поводовъ къ тѣмъ несбыточнымъ надеждамъ и увлеченіямъ, которыя такъ часто для нихъ же самихъ оказывались столь пагубными. Къ тому же эта система имѣетъ всего болѣе возможности предотвращать и устранять всякій произволъ, всякое беззаконіе и насиліе, ибо основнымъ принципомъ ея служитъ строгая законность и безусловная справедливость; эта система не допускаетъ ни лицепріятія, ни пристрастія, ни мирволенія злой волѣ, а потому лишь она способна охранять достоинство и авторитетъ правительственной власти.

Правительственная власть, само собою разумѣется, всегда стремится противодѣйствовать злой волѣ, насилію и беззаконію, гдѣ бы они ни проявились, и въ этомъ отношеніи ея заботы вовсе не направлены исключительно на Польскій край, а осуществляются на всемъ пространствѣ Имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, строгая законность и безпристрастная справедливость должны господствовать во всемъ государствѣ, а не въ отдѣльныхъ лишь его частяхъ; въ этомъ требованіи заключается самая сущность государственной идеи.

Можно ли, слѣдовательно, заботу правительства о законности и справедливости въ Привислинскомъ краѣ обособить въ какую-то спеціальную политику и провозгласить ее какою-то «новой эрой»? А между тѣмъ такъ именно поступили люди, которымъ по той или другой причинѣ желательно было воскресить призракъ «польскаго вопроса».

Нельзя отрицать, что этотъ маневръ до извѣстной степени удался, такъ какъ, судя по извѣстіямъ, приходящимъ съ западной окраины, въ «новую эру» повѣрили не только Поляки, но и Русскіе, вслѣдствіе чего первые становятся все заносчивѣе, а вторые падаютъ духомъ и доходятъ въ своемъ отчаяніи даже до того, что сомнѣваются въ прочности вѣковыхъ устоевъ Россіи!

Пора прекратить всю эту вредную фантасмагорію. Россія все та же Россія, и историческіе завѣты ея остаются все тѣми же священными ея сокровищами, на которыя никому посягать не дозволено. Заносчивыми себя Поляки показываютъ не въ первый и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ. Но Русскимъ людямъ эта національная черта ихъ западныхъ соплеменниковъ слишкомъ знакома, чтобъ отъ нея приходить въ уныніе. Пусть они твердо стоятъ на своемъ посту и уповаютъ на Бога и Царя, и призракъ «польскаго вопроса», не имѣя реальной основы, такъ же скоро разлетится, какъ онъ скоро налетѣлъ.

Чѣмъ меньше мы будемъ обращать вниманія на требованія Поляковъ, тѣмъ скорѣе они успокоятся; чѣмъ тверже и спокойнѣе мы будемъ относиться

къ ихъ болѣзненной раздражительности, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ ихъ отрезвленіе, столь же необходимое для нихъ, какъ и для насъ. Они должны знать, что никто ихъ обижать не желаетъ, но что есть извѣстныя, твердыя грани Русской государственности, которыя имъ нельзя ни переступить, ни нарушить. Грани эти—Самодержавная Власть Императора Всероссійскаго, первенствующее въ государствѣ положеніе Православной Церкви и историческія права Русскаго народа, вѣковыми трудами своими создавшаго то обширное государство, въ которомъ могутъ мирно и счастливо жить, но не самовольно хозяйничать, всѣ многочисленныя племена, имѣющія несказанное счастье находиться подъ единою Державой Русскаго Царя.

Мы недавно указывали на причину самозваннаго появленія у насъ призрака давно рѣшеннаго «польскаго вопроса» и выразили надежду, что призракъ этотъ разсѣется, какъ только польскіе смутьяны убѣдятся въ твердомъ намѣреніи правительства не уступать предъ ихъ заносчивыми притязаніями и строго держаться вѣковыхъ принциповъ Русской государственности.

Что таково именно намѣреніе правительства, русско-польскіе политиканы могли уже убѣдиться изъ тѣхъ результатовъ, которыми разрѣшились недавно устроенныя ими антирусскія демонстраціи.

Наши читатели знакомы со всѣми перипетіями такъ-называемой Шавельской исторіи. Они помнятъ, что мѣстный ксендзъ Рымейко подговорилъ учениковъ мѣстной гимназіи къ дерзкой выходкѣ противъ ихъ прямого начальства и затѣмъ осмѣлился предписывать свою волю директору гимназіи, выражая при этомъ явное презрѣніе къ Православной Церкви.

Дѣйствія ксендза Рымейко должны были, по разсчетамъ польскихъ интригановъ, послужить сигналомъ къ началу всеобщаго движенія ксендзовъ противъ Православія въ Привислинскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Поэтому не только въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, но и въ полонофильскихъ кругахъ Петербурга съ нетерпѣніемъ ожидался результатъ того пробнаго шара, который былъ пущенъ въ Шавляхъ. Враги Россіи были увѣрены, что правительство спасуетъ предъ дерзостью шавельскаго ксендза и такимъ образомъ, доказавъ свою слабость, принуждено будетъ дѣлать и дальнѣйшія уступки воинствующимъ ксендзамъ, являющимся въ настоящее время застрѣльщиками польскихъ сепаратистовъ.

Къ крайнему удивленію этихъ наивныхъ и легкомысленныхъ людей, правительство передъ ксендзомъ Рымейко не спасовало, а безъ дальнѣйшихъ церемоній заключило его въ монастырь, запретивъ ему на будущее время заниматься своею своеобразною «воспитательною» дѣятельностью среди мѣстнаго населенія.

Конечно, надо думать, что монастырская братія съумѣетъ утѣшить злополучнаго ксендза въ постигшемъ его вполнѣ заслуженномъ несчастіи, но до этого намъ дѣла нѣтъ. Важно то, что этотъ смутьянъ изгнанъ изъ русской школы, въ которой онъ присвоилъ себѣ совершенно неподобающую ему роль. Его единомышленники должны понять, что Русская правительственная власть твердо стоитъ на стражѣ Православія и не позволитъ имъ избирать ареной для своей фанатической пропаганды русскую школу. Дальнѣйшія ихъ попытки въ этомъ направленіи встрѣтятъ несомнѣнно и болѣе строгія кары, нежели та, которая, для перваго раза, выпала на долю ксендза Рымейко.

Несравненно болѣе важное значеніе имѣла демонстрація устроенная польскими заправилами въ Варшавѣ. И здѣсь они признали наиболѣе для себя пригодною почвой учебное заведеніе, разсчитывая, не безъ основанія, что въ ихъ сѣти всего легче могутъ быть уловлены юные, незрѣлые умы. Они распространили подпольную прокламацію, направленную противъ нѣсколькихъ уважаемыхъ профессоровъ Варшавскаго университета, выразившихъ, вмѣстѣ со всѣми Русскими людьми, сочувствіе покойному графу М. Н. Муравьеву по поводу закладки его памятника въ Вильнѣ. Это возмутительное подметное письмо произвело свое дѣйствіе среди польской молодежи, учащейся въ Варшавскомъ университетѣ, повѣрившей, что профессора, пославшіе сочувственную телеграмму на Виленское всероссійское торжество, будутъ удалены изъ Варшавскаго университета, если студенты выразятъ имъ свое «негодованіе». И дѣйствительно, это нелѣпое убѣжденіе побудило студентовъ-Поляковъ ко враждебнымъ демонстраціямъ сперва противъ одного изъ вышеназванныхъ профессоровъ, г. Филевича, а затѣмъ и противъ другого его товарища, профессора Зилова.

Такія же демонстраціи несомнѣнно готовились и противъ остальныхъ профессоровъ, подписавшихъ вышеозначенную телеграмму, но, къ величайшему разочарованію подстрекателей, демонстраціи эти не осуществились, такъ какъ и въ данномъ случаѣ всѣ разсчеты на мнимыя близорукость и безсиліе Русской власти оказались тщетными. Университетская администрація энергическими мѣрами положила предѣлъ начинавшейся смутѣ, и строгій приговоръ университетскаго суда напомнилъ сбитымъ съ толку юношамъ объ ихъ обязанностяхъ.

Правда, истинные виновники этихъ прискорбныхъ явленій находятся внѣ стѣнъ университета и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, обманутая ими неопытная молодежь должна нести кару за безсердечныхъ людей, воспользовавшихся ею какъ средствомъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Но можно надѣяться, что и они не ускользнутъ отъ бдительности правительственной власти, которая, само собою разумѣется, не можетъ допустить, чтобъ учащаяся молодежь вовлекалась въ политическія интриги и чтобы правильный ходъ университетскихъ занятій нарушался въ угоду лицъ, старающихся во что̀ бы то ни стало воскресить давно уже похороненный «польскій вопросъ».

Конечный результатъ, какъ Шавельской, такъ и Варшавскихъ демонстрацій, несомнѣнно, долженъ отрезвить увлекшихся польскихъ шовинистовъ, слишкомъ поспѣшно повѣрившихъ совершенно неосновательнымъ слухамъ, будто теперь для нихъ наступила какая-то «новая эра», вслѣдствіе которой имъ теперь будетъ позволено всякое своеволіе, направленное къ возмущенію умовъ мирнаго и вѣрноподданнаго населенія нашихъ западныхъ губерній.

Населеніе это несомнѣнно съ радостью приметъ доходящія нынѣ до него благія вѣсти, доказывающія, что ему нечего тревожиться за свое будущее, что правительственная власть все такъ же заботится объ его безмятежномъ счастіи и мирномъ процвѣтаніи, какъ она о томъ заботилась доселѣ, и что она никому не дозволитъ нарушить этотъ покой какими бы то ни было несбыточными фантазіями. Въ особенности же всѣ Русскіе люди встрѣтятъ эти вѣсти съ великимъ сердечнымъ облегченіемъ и сами упрекнутъ себя въ малодушіи, побудившемъ ихъ повѣрить польскимъ розсказнямъ и усомниться въ непоколебимости Русскихъ государственныхъ принциповъ, регулировавшихъ

доселѣ великое и необходимое дѣло полнаго слiянiя бывшаго Царства Польскаго съ коренным, живоносным, вседерживающим ядром Россiи.

Легко может быть, что польскiя головы не скоро образумятся, и что нам еще не раз придется убѣждаться въ их легкомысленной наивности. Но Русскiе люди всегда были способны гораздо трезвѣе смотрѣть на истинное положенiе дѣлъ. Въ виду этого они и въ данномъ случаѣ скорѣе поймутъ неизмѣнность взглядовъ правительства на сущность русско-польскихъ отношенiй и своею спокойною твердостью повлiяютъ на успокоенiе взбудораженныхъ польскихъ умовъ.

Этого для всѣхъ столь желательнаго результата тѣмъ легче можно будетъ достигнуть, что есть полное основанiе надѣяться, что этому успокоенiю уже не будетъ препятствовать какое-либо внѣшнее возбужденiе несбыточныхъ польскихъ мечтанiй.

Мы получили изъ Варшавы письмо отъ одного изъ живущихъ тамъ истинно-Русскихъ людей, который пишетъ намъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Съ глубоко-благодарнымъ чувствомъ читали мы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и первую, и вторую статью подъ заглавiемъ *Призракъ «польскаго вопроса»*. Главная заслуга этихъ статей та, что онѣ подняли духъ у многихъ Русскихъ людей, смутившихся предъ усилившимся задоромъ польскихъ политикановъ. Отъ всей души хочется вѣрить, что этому задору вскорѣ будетъ положенъ конецъ. Необходимо, однако, чтобъ это сдѣлано было открыто и рѣшительно, въ предупрежденiе многихъ бѣдствiй и нашихъ, и польскихъ».

Въ другомъ письмѣ, также вызванномъ нашими статьями и полученномъ нами изъ Ковно, мы находимъ слѣды болѣе тревожнаго настроенiя мѣстнаго русскаго общества:

«Вы говорите о *призракѣ* «польскаго вопроса», пишетъ намъ нашъ корреспондентъ. «Но этотъ призракъ выступаетъ все рельефнѣе и настойчивѣе. Порою кажется, что это уже не только одинъ призракъ, а что вопросъ сталъ дѣйствительно живымъ, насущнымъ *вопросомъ*. Въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края раздалось мятежное слово. Народился «народовый ржондъ», сказавшiй это слово, призывая ксендзовъ оказывать ему всѣми мѣрами и средствами всевозможное содѣйствiе къ достиженiю цѣлей «ржонда». Боже храни, если эта безумная затѣя коснется школы, если она поведетъ ксендзовъ-законо-учителей въ ряды польскаго юношества съ безумною проповѣдью въ желаемомъ «ржондомъ» смыслѣ и направленiи».

О томъ, что снова возродился какой-то «польскiй народовый ржондъ», намъ приходится слышать и изъ другихъ мѣстъ Сѣверо-Западнаго края, и вездѣ это возрожденiе встрѣчается съ полною увѣренностью въ реальности «польскаго вопроса».

Третiй корреспондентъ пишетъ намъ изъ Харькова:

«Вашими бы устами да медъ пить. Вы говорите, что польскаго вопроса нѣтъ и быть не можетъ, и что есть только *призракъ* польскаго вопроса. Дай

Богъ, чтобы вы были правы. Но, судя по тому, какъ здѣсь у насъ, даже въ Харьковѣ, Поляки подняли голову, легко можно судить о томъ, что́ дѣлается въ Вильнѣ и Варшавѣ. Становится жутко. А ну какъ это не пустой призракъ? У насъ говорятъ, что тамъ уже образовался ржондъ народовый».

Мы не приводили бы этихъ выдержекъ изъ полученныхъ нами писемъ, еслибъ онѣ не характеризовали той неимовѣрной тревоги, которая овладѣла русскимъ населеніемъ нашихъ западныхъ окраинъ, и еслибы мы не были увѣрены въ томъ, что тревога эта въ значительной степени неосновательна.

Мы съ прежнею увѣренностью будемъ повторять, что польскаго вопроса нѣтъ и быть не можетъ, пока мы не увидимъ болѣе серіозныхъ признаковъ его реальнаго возрожденія, чѣмъ усилившійся задоръ Поляковъ и упадокъ духа мѣстнаго Русскаго населенія.

Насъ не поколеблютъ въ этой увѣренности и слухи о возрожденіи пресловутаго «народоваго ржонда», и о призывѣ его, обращенномъ ко ксендзамъ. Если это не простая мистификація, въ родѣ тѣхъ, которыя всегда появляются среди взволнованнаго чѣмъ-нибудь общества, то это легко можетъ быть дѣломъ двухъ, трехъ лицъ, присвоившихъ себѣ эффектное наименованіе «ржонда», чтобъ однимъ этимъ словомъ придать себѣ значеніе, котораго на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Къ тому же мы имѣемъ еще и другія основанія сомнѣваться въ реальности этого миѳическаго «ржонда».

Какъ бы легкомысленны ни были Поляки, они не могутъ же дойти въ своемъ легкомысліи до того, чтобы сознательно испортить затѣянное ими дѣло.

Въ чемъ заключается это дѣло?

Дважды убѣдившись въ невозможности возстановить автономію Польши силой мятежнаго оружія, польскіе политиканы задумали добиться этой автономіи инымъ путемъ, который они называютъ «легальнымъ». Для того, чтобы дѣйствовать на этомъ пути, имъ необходимо прежде всего убѣдить насъ въ своемъ «миролюбіи», дабы вызвать въ насъ нѣжныя къ нимъ чувства и затѣмъ выманить у насъ цѣлый рядъ уступокъ, которыя въ послѣдствіи, въ своемъ цѣломъ, дадутъ имъ возможность уже открыто дѣйствовать въ духѣ сепаратизма.

Таковъ ихъ планъ, всецѣло основанный, какъ мы видѣли, на попыткѣ убѣдить насъ въ польскомъ «миролюбіи».

Этому плану, очевидно, совершенно противорѣчитъ образованіе открыто-враждебнаго Россіи польскаго «народоваго ржонда». Нельзя же въ одно и то же время говорить намъ о «примиреніи» и натравлять на насъ фанатическихъ ксендзовъ.

Если Поляки славятся своимъ легкомысліемъ, то они не менѣе славятся и тонкостью своей политики, или, говоря проще, своею хитростью. Созданный ими планъ на «примирительной» основѣ дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствуетъ этой характерной польской чертѣ; неужели же они сами разрушатъ весь свой тонкій планъ такимъ грубымъ пріемомъ, какъ запугиваніе насъ «народовымъ ржондомъ»?

Или, можетъ-быть, польскіе политиканы раздѣлились на два враждебные другъ другу лагеря, изъ коихъ одинъ хочетъ обойти насъ лаской, а другой запугать насъ угрозами? Но въ такомъ случаѣ взаимно уничтожающія другъ друга дѣйствія нашихъ враговъ могутъ быть намъ только на-руку, такъ

какъ мы при такихъ обстоятельствахъ не повѣримъ ни ихъ ласкамъ, ни ихъ угрозамъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы польскіе заправилы ни дѣйствовали, согласно или несогласно, ласкою или угрозой, имъ не удастся возродить польскій вопросъ.

Польскій вопросъ могъ бы возродиться лишь въ томъ случаѣ, еслибы *Русское правительство* поставило его на очередь, слѣпо повѣривъ льстивымъ рѣчамъ польскихъ политикановъ, или устрашившись ихъ картонныхъ мечей.

Но подобное оскорбительное для Русскаго правительства предположеніе въ теоріи совершенно недопустимо и въ дѣйствительности не подтверждается никакими фактами, которые свидѣтельствовали бы о намѣреніи правительства прекратить естественный процессъ постепеннаго полнаго слiянiя западныхъ окраинъ съ Русскимъ ядромъ Имперіи, столь мирно и успѣшно совершавшійся въ теченіе послѣднихъ тридцати трехъ лѣтъ.

Поляки могутъ питать какія имъ угодно иллюзіи, говорить пустыя фразы о «примиреніи», составлять «народовые ржонды», пускать въ ходъ пылкихъ ксендзовъ или лукавыхъ постепеновцевъ,—и все-таки ихъ дружнымъ или недружнымъ усиліямъ не удастся ни обойти, ни смутить Русское правительство, такъ какъ оно насквозь видитъ всѣ ихъ карты.

Русскому же населенію нашихъ западныхъ губерній слѣдуетъ, конечно, зорко слѣдить за мѣстною агитаціей, но отнюдь не падать духомъ предъ польскими фанфаронадами, которыя тотчасъ же прекратятся, какъ только исчезнетъ производимый ими эффектъ.

Нужно постоянно помнить, что сила Поляковъ въ нашей слабости. Будемте же сильными, спокойными и стойкими, и призракъ «польскаго вопроса» исчезнетъ передъ русскою правдой, какъ утренній туманъ предъ яркими лучами солнца.

Минувшій годъ.

Снова отошелъ въ вѣчность одинъ изъ послѣднихъ годовъ нашего столѣтія, и мы уже стоимъ почти на порогѣ загадочнаго XX вѣка, который, какъ подсказываетъ невольное чутье, будетъ носить печать своего особаго характера, подобно тому, какъ каждое изъ протекшихъ столѣтій имѣло свое индивидуальное, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, значеніе въ исторіи человѣчества. Конечно, дѣленіе времени на столѣтія—дѣло условное, человѣческое, но, тѣмъ не менѣе, никто не станетъ отрицать, что чередованіе главныхъ историческихъ фазисовъ совпадаетъ болѣе или менѣе съ чередованіемъ столѣтій, вслѣдствіе того, что черезъ каждыя три-четыре поколѣнія существеннымъ образомъ мѣняются идеалы и интересы, вкусы и увлеченія культурнаго человѣчества.

Измѣненія эти свидѣтельствуютъ то о возвышеніи, то о паденіи духовной цѣнности человѣческихъ идеаловъ, такъ какъ жизнь человѣчества, подобно жизни отдѣльнаго человѣка, идетъ не по прямому торному пути, а переходитъ отъ ошибокъ къ поправкамъ, а отъ поправокъ къ новымъ ошибкамъ, считая

за счастье уже то, если новыя ошибки не тождественны со старыми, и если какъ тѣ, такъ и другія, настолько назидательны и поправимы, что даютъ возможность надѣяться на лучшее будущее.

Переживаемое нами нынѣ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка служитъ естественною переходною ступенью отъ одного столѣтія къ другому. Мы знаемъ, все что мы оставляемъ за собою, мы ясно сознаемъ всѣ содѣянныя нами ошибки и все чему насъ горькимъ опытомъ научило отживающее столѣтіе, и если мы не знаемъ, что намъ сулитъ грядущее дѣлать, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ дѣлать предположенія, на основаніи логики событій, относительно того, какимъ характеромъ должно будетъ отличаться будущее столѣтіе, если не пропалъ даромъ весь нашъ накопившійся доселѣ историческій опытъ.

Съ этой лишь общей и широкой точки зрѣнія можно произвести болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку и истекшему 1897 году, который, по своей знаменательности, займетъ далеко не послѣднее мѣсто среди послѣднихъ переходныхъ годовъ нашего вѣка.

Основными характерными чертами XIX столѣтія слѣдуетъ несомнѣнно признать три его особенности: пагубное своими послѣдствіями паденіе духовныхъ идеаловъ, вслѣдствіе чрезмѣрно-быстраго развитія интересовъ матеріальныхъ; неудержимая и безпредѣльная демократизація правительства и общества, переходящая уже мѣстами въ соціалистическую анархію; наконецъ, обостреніе національныхъ вопросовъ, ведущее уже къ разложенію разноплеменныхъ государствъ.

Эти три основныя теченія, характеризующія исторію XIX вѣка, зарождались и развивались въ Западной Европѣ, но захватывали въ свои волны и Россію, вызывая, однако, въ ней довольно своеобразныя явленія.

Паденіе духовныхъ идеаловъ Западной Европы отразилось, къ сожалѣнію, на Россіи гораздо сильнѣе, чѣмъ остальныя два вышеупомянутыя теченія. Православная Вѣра, которою такъ сильна была Россія, сохранила всю свою силу лишь въ здоровомъ ядрѣ Русскаго простого народа, тогда какъ въ высшихъ слояхъ нашего общества она уступила мѣсто суемудрію, шатанью умовъ, пошлому скептицизму и, въ лучшемъ (или, скорѣе, худшемъ) случаѣ, холодному индифферентизму, мертвящему равнодушію. Это равнодушіе имѣло самое пагубное вліяніе не только на образованные слои нашего общества, уничтожая въ нихъ почву самыхъ возвышенныхъ благородныхъ идеаловъ, но и на простой вѣрующій народъ, отданный равнодушнымъ обществомъ и безсердечною бюрократіей на жертву всевозможнымъ антиправославнымъ пропагандамъ, начиная съ раскольничьяго изувѣрства и кончая соціалистическимъ штундизмомъ. Еще крѣпко стоитъ ядро народнаго Русскаго Православія, но уже со всѣхъ сторонъ ополчились противъ него открытые и тайные враги, и если мы не примемъ серіозныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ къ его спасенію—отъ Православія черезъ сто лѣтъ въ Россіи ничего не останется; а что же тогда останется отъ Россіи?

Демократизація Европы, приведшая ее къ самому унизительному для человѣческаго достоинства и здраваго ума положенію, къ абсурду парламентаризма, старалась съ самаго начала нашего вѣка пробить себѣ путь и въ Россію и, по всей вѣроятности, она достигла бы своей цѣли, еслибы предъ ней не воздвиглась по волѣ Царя-Самодержца Александра III непреодолимая твердыня, спасшая Россію отъ позорной участи Западной Европы.

Но если демократическая язва не успѣла заразить и на вѣки исказить

верховную власть въ Россіи, она широкою волной разлилась по всему нашему общественному организму, вызвавъ на каждомъ шагу уродливыя парламентарныя учрежденія, въ видѣ всевозможныхъ земствъ и думъ, съ возмутительными и неизбѣжными ихъ порожденіями, своекорыстною партійною борьбой и не брезгающею никакими средствами выборною агитаціей. Съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе та удивительная несообразность, въ силу которой мы нелѣпую парламентарную систему считаемъ абсолютно-вредною для правительственнаго управленія, допуская въ то же самое время ея развращающее вліяніе въ управленіи общественномъ.

Національныя стремленія, развившіяся въ Западной Европѣ до такой необычайной силы въ теченіе всего XIX вѣка, отразились на Россіи къ концу этого вѣка самымъ неожиданнымъ, самымъ нелогическимъ образомъ. Вмѣсто того чтобы и всему Русскому обществу окрѣпнуть въ своемъ собственномъ національномъ самосознаніи, значительная и наиболѣе вліятельная часть его отнеслась сочувственнымъ образомъ къ укрѣпленію враждебнаго Россіи національнаго чувства входящихъ въ составъ ея инноплеменныхъ элементовъ. Мы сами потворствовали возникновенію у насъ разныхъ «окраинныхъ вопросовъ», возникавшихъ подъ вліяніемъ европейскихъ національныхъ стремленій. Мы отрекались отъ законныхъ историческихъ правъ Русскаго народа, чтобы поддерживать незаконныя, фиктивныя права ненавидящихъ Россію Поляковъ, Балтовъ, Финновъ, Армянъ, Татаръ и т. д. Идя по такому пути, мы въ очень скорое время превратимъ Россію въ какую-нибудь жалкую Турцію или Австрію, которыя уже теперь находятся наканунѣ полнаго государственнаго разложенія.

Какое же значеніе имѣетъ минувшій 1897 годъ въ вышеуказанномъ отношеніи для Европы и для Россіи?.

Не нужно быть завзятымъ оптимистомъ, чтобы видѣть, между прочимъ, и въ этомъ году нѣкоторые благопріятные предвѣстники того поворота къ лучшимъ временамъ, котораго хотѣлось бы ждать отъ будущаго столѣтія.

Духовные идеалы снова воскресли въ Западной Европѣ и стараются снова отвоевать себѣ потерянное поле сраженія какъ въ области религіи, такъ и въ области искусства и науки. Правда, первые шаги возродившагося западнаго идеализма еще шатки, невѣрны, иногда даже ошибочны, какъ этого и слѣдуетъ ожидать отъ переживаемаго нами переходнаго времени, но тутъ важно самое возрожденіе этого идеализма, смѣлый протестъ котораго противъ матеріализма имѣлъ столь благотворное вліяніе не только въ Европѣ, но и у насъ въ Россіи.

И у насъ проснулись, въ значительной мѣрѣ даже независимо отъ Запада, духовныя потребности, и минувшій годъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣлались у насъ во всѣхъ областяхъ и государственной и общественной жизни къ укрѣпленію религіознаго воспитанія народа, къ духовному просвѣщенію нашего свѣтскаго общества и къ отстаиванію Православной Вѣры на нашихъ иновѣрныхъ окраинахъ. Все это, правда, были пока еще разрозненныя, неувѣренныя попытки, но и онѣ являются многообѣщающимъ знаменіемъ времени, дающимъ намъ возможность твердо уповать на то, что Россія не потерпитъ умаленія столь безцѣнной и столь спасительной для нея Православной Вѣры.

Несравненно болѣе тяжкій уронъ потерпѣла на Западѣ въ минувшемъ году демократическая парламентарная идея, нелѣпость которой выразилась съ небывалою доселѣ яркостью, какъ въ Австро-Венгріи, такъ и въ Германіи:

въ обоихъ государствахъ всѣ благоразумные люди теперь ясно видятъ, какое громадное преимущество имѣетъ Россія въ Самодержавной Власти ея Царя, ставшаго, въ силу этой неограниченной власти, почти неограниченнымъ властителемъ судебъ не только Европы, но и всей вселенной. Дружба со всемогущимъ Самодержавнымъ Русскимъ Монархомъ стала высшимъ завѣтнымъ идеаломъ для всѣхъ царей и народовъ, видящихъ въ Немъ единственную твердую земную опору. Блестящіе успѣхи внѣшней политики Русскаго Императора могутъ, конечно, только укрѣплять идею Самодержавія и внутри Россіи и этимъ противодѣйствовать закравшейся въ нее демократической и соціалистической пропагандѣ. Пропаганда эта привела и насъ уже въ истекшемъ году къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, послѣ которыхъ мы долѣе равнодушно къ ней относиться не можемъ, тѣмъ болѣе что она облекается въ такія формы, которыя не могутъ не возмущать Русскихъ людей не только своимъ цинизмомъ но и своимъ лицемѣріемъ.

По тѣмъ же, приблизительно, причинамъ мы надѣемся, что минувшій годъ будетъ имѣть значеніе рѣшительнаго укрѣпленія и нашей національной политики. Нѣкоторыя неосторожныя дѣйствія польской интриги разоблачили, къ великому нашему счастью, хитро-задуманные ею широкіе планы, которые она думала осуществить подъ «личиной примиренія.» Мы во-время опомнились и, конечно, далѣе себя въ обманъ не дадимъ. Да и возродившіеся у насъ православные и самодержавные идеалы до такой степени тѣсно связаны съ русскими государственными идеалами, что возрожденіе ихъ не можетъ не оказать самаго благотворнаго вліянія на наше національное самосознаніе и не предохранить насъ отъ того государственнаго разложенія, ужасные примѣры котораго мы видимъ на Западѣ.

Вотъ причины, дающія намъ право смотрѣть на 1897 годъ, какъ на одну изъ переходныхъ ступеней въ великомъ движеніи нашемъ къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ будущему Россіи.

Но эти причины лишь теоретическія, гадательныя. Мы не придавали бы особенно важнаго значенія этимъ причинамъ, еслибы мы не имѣли вполнѣ реальнаго основанія для нашихъ свѣтлыхъ надеждъ, еслибы судьба Россіи не находилась въ рукахъ столь горячо любящаго ее Государя, столь ясно понимающаго ея нужды, столь искренно всѣмъ сердцемъ желающаго удовлетворить эти нужды и столь преданнаго святымъ завѣтамъ Своего Великаго Родителя.

Вступая въ Новый Годъ подъ Его могущественною охраной, Россія *знаетъ*, Россія *вѣритъ*, что она идетъ къ лучшему будущему, не къ повторенію своихъ прежнихъ ошибокъ, а къ окончательному исцѣленію ихъ послѣдствій, къ дальнѣйшему развитію своего національнаго возрожденія, полный разцвѣтъ котораго наступитъ, если Богу угодно будетъ, въ грядущемъ столѣтіи.

Внѣшняя политика Россіи.

Ни въ одной области своей государственной жизни Россія не достигла въ первые три года новаго царствованія столько блестящихъ и несомнѣнныхъ

успѣховъ, какъ въ области внѣшней политики, и въ этомъ отношеніи минувшій годъ особенно знаменателенъ.

Россія не только удержала свое первое мѣсто въ европейскомъ концертѣ, но и упрочила его до такой неоспоримой авторитетности, что политика остальныхъ европейскихъ великихъ державъ сосредоточивалась почти исключительно на стремленіи сблизиться съ Россіей.

Это стремленіе высказалось внѣшнимъ образомъ въ томъ «паломничествѣ», какъ иронически выражались недруги Россіи, которое предприняли въ Петербургъ, въ теченіе весны и лѣта, императоръ Австрійскій, императоръ Германскій, президентъ Французской Республики и король Сіамскій. Всѣ они встрѣтили радушный пріемъ какъ со стороны Русскаго Царя, такъ и со стороны Его народа, и получили полную возможность лично убѣдиться въ томъ, что главное могущество Россіи заключается не въ ея исполинской военной силѣ, а въ силѣ той взаимной беззавѣтной любви, которая соединяетъ неразрывными узами Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ на почвѣ не только государственной, но и религіозной. Они убѣдились, что одна лишь Россія можетъ въ настоящее время вести опредѣленную, цѣлесообразную и послѣдовательную политику, зависящую отъ единой Верховной Воли Самодержавнаго Царя, а не отъ партійныхъ интригъ, парламентскихъ запросовъ и лотерейныхъ голосованій. Они болѣе чѣмъ когда-либо убѣдились, что во всемъ мірѣ есть только одинъ Государь, Который можетъ давать Свое Царское слово съ полною увѣренностью, что Онъ его и сдержитъ.

Самодержавная Власть Русскаго Царя, являющаяся необходимымъ условіемъ для внутренняго управленія Россіей, служитъ такимъ образомъ могущественнѣйшимъ орудіемъ и для успѣховъ внѣшней ея политики. Этимъ объясняется то обаяніе, которое получила Россія въ Европѣ, когда на престолъ Всероссійскій вступилъ Александръ III, который потому только стяжалъ себѣ имя Царя-Миротворца, что прежде всего былъ Царемъ-Самодержцемъ. Весьма понятно, что и при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ, такъ опредѣленно провозгласившемъ Самодержавіе Своимъ государственнымъ идеаломъ, внѣшняя политика Россіи не могли встрѣтить препятствій на своемъ славномъ поприщѣ. тѣмъ болѣе, что она руководима яснымъ государственнымъ умомъ и искуснымъ политическимъ тактомъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ вполнѣ искреннихъ русскихъ патріотовъ, Россія могла бы занять въ Европѣ еще болѣе выдающееся положеніе, еслибъ она не входила въ составъ европейскаго концерта, а держалась внѣ его, сохраняя такимъ образомъ всю свою самостоятельность.

Но не основанъ ли такой взглядъ на нѣкоторомъ недоразумѣніи?

Мы такъ много потерпѣли отъ европейскаго концерта въ тѣ времена, когда Россія страдала мнимымъ внутреннимъ, а слѣдовательно и внѣшнимъ безсиліемъ, что слово «европейскій концертъ», сдѣлалось для насъ какимъ-то пугаломъ. Передъ нами тотчасъ воскресаетъ призракъ Берлинскаго конгресса, на которомъ «европейскій концертъ», въ лицѣ князя Бисмарка и лорда Беконсфильда, лишилъ насъ плодовъ столь дорого купленныхъ нами побѣдъ. Но мы при этомъ забываемъ, что европейскій концертъ могъ съ нами такъ жестоко расправиться на Берлинскомъ конгрессѣ не потому, что мы входили въ его составъ, а потому, что занимали въ немъ неподобающее Россіи положеніе. Вѣдь и Германія, и Англія входили тогда въ составъ европейскаго концерта, но отъ этого никакого урона не потерпѣли. Все дѣло заключается

въ томъ, чтобы, находясь въ европейскомъ концертѣ, занимать въ немъ *руководящую роль*; эта роль въ семидесятыхъ годахъ принадлежала Германіи, а нынѣ—Россіи.

Еслибы въ настоящее время Россія находилась внѣ европейскаго концерта, она не только не руководила бы имъ, но даже и не знала бы его замысловъ, которые, по всей вѣроятности, направлены были бы противъ Россіи и сплачивали бы между собою всѣ остальныя великія державы Европы. Теперь такое положеніе дѣлъ немыслимо. Ни Англія, ни Германія, ни Австрія не могутъ предпринять въ Европѣ ничего такого, что противорѣчило бы намѣреніямъ европейскаго концерта, а эти намѣренія находятся подъ верховнымъ и непререкаемымъ контролемъ Россіи. Другими словами, европейскій концертъ является въ настоящее время стѣснительнымъ и опаснымъ не для Россіи, а для ея враговъ.

А Греко-Турецкая война? Развѣ могла она входить въ намѣренія Россіи? Развѣ Россія не предотвратила бы ея, еслибъ она находилась *внѣ* европейскаго концерта?

Это возраженіе приходилось часто слышать въ минувшемъ году, и оно, вѣроятно, еще будетъ часто раздаваться, не пріобрѣтая, однако, отъ этой большей основательности.

Предотвратить Греко-Турецкую войну было невозможно. Ее можно было лишь *ограничить* въ пространствѣ и во времени, что̀ и удалось вполнѣ европейскому концерту, руководимому Россіей.

Въ самомъ дѣлѣ, *чѣмъ* могла бы Россія *предотвратить* эту войну? Очевидно, не миролюбивыми словами, которыхъ не хотѣли слышать ни Турки, ни Греки, а вооруженною силой. Россія должна была бы объявить войну либо Турціи, либо Греціи. То и другое было бы абсурдомъ и соотвѣтствовало бы желаніямъ злѣйшихъ враговъ Россіи, въ особенности Англіи. Вся задача Россіи заключалась въ томъ, чтобы разгадать и парализовать интриги этой державы, подстрекавшей Грековъ на безумную войну, и умѣрять туркофильскія стремленія Германіи. Все это Россія могла сдѣлать и дѣйствительно сдѣлала, занимая первенствующее мѣсто въ европейскомъ концертѣ, опираясь на союзную Францію, благотворно вліяя на дружественную Германію и пользуясь улучшившимися отношеніями съ Австріей для того, чтобъ и ее привлекать къ общему дѣлу европейскаго мира. А затѣмъ, когда Греція и Турція, предоставленныя собственнымъ желаніямъ и силамъ, ринулись другъ на друга, вопреки совѣтамъ Европы, слово Русскаго Царя положило конецъ кровопролитію и спасло побѣжденную Грецію отъ всѣхъ ужасовъ дальнѣйшаго разоренія и порабощенія.

Иные упрекаютъ Россію въ томъ, что она «измѣнила своей традиціонной политикѣ», не ставъ горой на защиту единовѣрной Греціи и принявъ даже, вмѣстѣ съ прочими державами, военныя мѣры для умиротворенія Критянъ, возставшихъ противъ разумныхъ совѣтовъ Россіи. Нѣтъ ничего легче, какъ высказывать подобные упреки, не принимая въ разсчетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ.

Какъ бы ни были намъ дороги единовѣрныя намъ племена Балканскаго полуострова, мы можемъ приносить имъ пользу лишь въ той мѣрѣ, въ какой они сами это допускаютъ, подчиняясь нашимъ благожелательнымъ совѣтамъ, какъ младшіе братья подчиняются старшему. Но если они дѣйствуютъ прямо наперекоръ нашимъ совѣтамъ, просьбамъ и увѣщаніямъ, то могутъ ли они ожидать

что и мы будемъ помогать имъ въ томъ, что мы, по совѣсти нашей, считаемъ для нихъ вреднымъ? Это было бы признакомъ не любви нашей къ нимъ, а нашего собственнаго безумія. Если завтра Сербамъ или Болгарамъ вздумается зажечь пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ легкомысленнымъ и своевременнымъ поднятіемъ Македонскаго вопроса, и если они, вопреки нашимъ совѣтамъ, сдѣлаютъ это, то неужели мы должны будемъ объявить, въ угоду имъ, войну Турціи, къ великому торжеству Англіи, которая только о томъ и думаетъ, чтобъ отвлечь наше вниманіе и наши силы отъ Азіи и приковать ихъ къ Европѣ?

Народы Балканскаго полуострова должны *вѣрить* Россіи и проникнуться убѣжденіемъ, что вопросъ ближайшаго Востока можетъ быть окончательно рѣшенъ лишь, когда будетъ рѣшенъ вопросъ Дальняго Востока. Въ настоящее же время всякая попытка къ окончательному національному и государственному урегулированію Балканскаго полуострова можетъ привести насъ къ самымъ нежелательнымъ результатамъ.

Вопросъ о Царьградѣ и еще болѣе важный для православной Россіи вопросъ объ Іерусалимѣ будетъ рѣшенъ, насколько можетъ предвидѣть умъ человѣческій, не на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, а въ степяхъ и на горахъ дальней Азіи. На Азію мы должны, слѣдовательно, устремлять наши взоры и наши помышленія, ибо тамъ кроется тотъ талисманъ, который дастъ намъ въ грядущемъ столѣтіи необходимую для нашей культурной миссіи несокрушимую мощь.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы мы совершенно забыли о существованіи Западной Европы. Мы вѣдь и въ Азіи сталкиваемся лицомъ къ лицу съ тѣми же великими державами, которыя намъ такъ близко знакомы въ Европѣ. Наши отношенія къ нимъ отъ этого только усложняются, и задача русской политики заключается именно въ томъ, чтобы регулировать эти отношенія *одновременно* какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, прежде всего на пользу Россіи, дабы затѣмъ принести тѣмъ большую пользу народамъ, особенно дорогимъ Россіи.

Мы можемъ вполнѣ быть увѣрены, что эту задачу Россія исполнитъ тѣмъ легче, что западноевропейскія великія державы, для своей азіатской колоніальной политики, принуждены разбрасывать свои силы на далекія пространства черезъ чуждыя имъ моря, Россія же, имѣя всѣ свои европейскія и азіатскія владѣнія въ одной межѣ, связанныя рельсовыми путями, всюду находится у себя дома и можетъ, поэтому, всегда легко занимать то первенствующее положеніе какъ въ Европѣ, такъ и Азіи, которое она занимаетъ уже нынѣ.

Внутреннія дѣла Россіи.

Вчера мы констатировали блестящіе успѣхи, достигнутые Россіей въ ея внѣшней политикѣ.

Переходя къ обозрѣнію нашихъ внутреннихъ дѣлъ, мы, конечно, такого же внѣшняго блеска въ нихъ ожидать не можемъ, и по весьма естественнымъ причинамъ.

Какою бы сложностью ни отличались международные вопросы, роль Россіи въ нихъ вполнѣ ясна и опредѣленна. Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, что̀ соотвѣтствуетъ достоинству Россіи, и что̀ съ этимъ достоинствомъ не согласно; не можетъ быть спора и о томъ, кто является истиннымъ другомъ Россіи, и кто за личиной дружбы таитъ противъ нея враждебныя чувства. Къ тому же, во внѣшнихъ вопросахъ Россія является единымъ, однороднымъ, недѣлимымъ цѣлымъ, руководимымъ единою волей Самодержавнаго Русскаго Царя. Воля Царя есть воля Россіи въ глазахъ всего міра, не допускающаго даже и въ мысли, что въ Россіи существуетъ еще какое-то «общественное мнѣніе», которое, какъ извѣстно, въ иныхъ государствахъ, несмотря на свою фиктивность, играетъ выдающуюся роль, противодѣйствуя органамъ верховной власти.

Въ этомъ отождествленіи Россіи съ ея Царемъ заключается вся ея государственная мощь, которую она такъ успѣшно проявляетъ въ своихъ внѣшнихъ дѣлахъ, и которую она всегда можетъ проявить и во внутреннихъ вопросахъ своей жизни, хотя эти вопросы отличаются еще большею сложностью накопившихся и наслоившихся историческихъ наслѣдій, чѣмъ вопросы международные. Сто̀итъ только правительству относиться къ этимъ внутреннимъ вопросамъ съ такою же ясностью и опредѣленностью, съ какою оно относится къ вопросамъ внѣшнимъ, чтобы достигнуть у себя дома если не такихъ же быстрыхъ и блестящихъ, то во всякомъ случаѣ такихъ же прочныхъ и благотворныхъ успѣховъ, какихъ оно нынѣ достигаетъ въ области международныхъ вопросовъ.

Россія должна себя чувствовать во всемъ своемъ внутреннемъ организмѣ такимъ же единымъ и недѣлимымъ цѣлымъ, какимъ она является въ сонмѣ міровыхъ державъ. И какъ въ глазахъ иноземныхъ царей и народовъ въ Россіи нѣтъ другой воли помимо воли Царя, такъ же точно и внутри Россіи не должно быть другой воли, кромѣ воли Царской.

Таково требованіе государственной мудрости, таково и указаніе историческаго опыта.

Можно ли, поэтому, допустить, чтобы Россіей, помимо правительства, еще управляло «общество», чтобъ это «общество» дѣйствовало наперекоръ правительству, опираясь не на реальную волю Царя, а на какую-то фиктивную «волю народа», или на какое-то фантастическое «общественное мнѣніе»? Можно ли равнодушно смотрѣть, какъ наши, такъ-называемыя, «общественныя учрежденія» разыгрываютъ роль какихъ-то парламентовъ, вступая въ оппозицію, въ пререканія и даже въ борьбу съ правительственною властью? Можемъ ли мы, наконецъ, не тревожиться за будущность Россіи, если мы видимъ, что внутренняя ея сплоченность и недѣлимость подвергаются опасности разложенія вслѣдствіе центробѣжныхъ стремленій нашихъ окраинъ?

Минувшій годъ былъ, къ сожалѣнію, свидѣтелемъ такихъ прискорбныхъ явленій. Съ одной стороны, наши земства съ обновленною энергіей стали усиленно добиваться доступа въ сферу правительственной власти, пренебрегая своими прямыми хозяйственными обязанностями; а съ другой стороны, на нашей западной окраинѣ снова возникъ, помимо воли правительства, призракъ Польскаго вопроса, вслѣдствіе стараній польскихъ политикановъ придать бывшему Царству Польскому ту обособленность, которая положила бы начало дальнѣйшему отторженію окраинъ Россіи отъ русскаго центральнаго ядра. Возникла даже мысль соединить оба вредящіе Россіи элемента, земство

и польщизму, въ одно неразрывное цѣлое, съ которымъ Россіи пришлось бы бороться долгіе годы.

Правительство, очевидно, не могло допустить проявленія подобныхъ притязаній и цѣлымъ рядомъ мѣръ поставило на мѣсто зазнавшихся земскихъ и польскихъ агитаторовъ.

До какой степени необходимо зорко слѣдить за польскою агитаціей, доказываетъ примѣръ совершившейся, въ началѣ истекшаго года, народной переписи. Эта небывалая доселѣ по своимъ размѣрамъ, поистинѣ колоссальная, операція, тщательно подготовленная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, была произведена въ одинъ день съ блестящею удачей и въ полнѣйшемъ порядкѣ, превзошедшемъ всѣ ожиданія. Но и это мирное дѣло Поляки съумѣли обратить въ орудіе своей преступной пропаганды, чтобы вызвать смуту въ несчастномъ русскомъ Холмскомъ краѣ.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ проявленій польской агитаціи въ истекшемъ году, такъ какъ они сохранились еще въ свѣжей памяти нашихъ читателей; мы не станемъ вспоминать о нихъ и потому, что агитація эта, благодаря принятымъ правительственнымъ мѣрамъ, къ концу минувшаго года замѣтно утихла въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Мы первые будемъ рады забыть о ней, если она сама впредь ничѣмъ о себѣ напоминать не будетъ.

Что касается земской агитаціи, то она, къ сожалѣнію, къ концу года не только не утихла, но даже усилилась. Мы еще вернемся къ общей характеристикѣ какъ земскаго, такъ и тѣсно связаннаго съ нимъ дворянскаго вопроса и къ вызваннымъ этими вопросами мѣропріятіямъ, но теперь же можемъ отмѣтить, съ чувствомъ удовлетворенія, что правительство уже приступило къ законодательной реформѣ, долженствующей нѣсколько упорядочить наши земскія дѣла. Дѣла эти, однако, тогда лишь вступятъ на путь нормальнаго и плодотворнаго развитія, когда они окончательно избавятся отъ выборной системы, являющейся, по существу своему, величайшимъ политическимъ абсурдомъ.

Мы никогда не должны забывать, что выборная система была введена въ наши «общественныя учрежденія» въ то время, когда они разсматривались какъ подготовительныя школы для того всероссійскаго выборнаго «собора», или парламента, который долженъ былъ, какъ о томъ мечтали реформаторы шестидесятыхъ годовъ, «увѣнчать зданіе» Русскаго государства, переустроеннаго на демократическій ладъ. Пока существовала эта перспектива, могли существовать и «пропедевтическіе курсы парламентаризма» въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Но разъ эта перспектива исчезла, разъ Самодержавіе Русскихъ Царей объявлено на вѣки нерушимымъ, и всѣ подготовленія къ демократическому переустройству Россіи лишились всякаго смысла и основанія,—удержаніе демократической выборной системы въ нашихъ «общественныхъ учрежденіяхъ» можетъ быть объяснено лишь простымъ недоразумѣніемъ. Эти учрежденія необходимы для дѣловаго веденія мѣстнаго земскаго *хозяйства*, но не для выработки будущихъ Дантоновъ и Робеспьеровъ, а между тѣмъ мы видимъ, что въ нашихъ земствахъ хозяйственныя дѣла находятся въ забросѣ, а приготовленіе ораторовъ и демагоговъ ведется съ такою интенсивностью, какъ будто они дѣйствительно кому-нибудь и на что-нибудь нужны.

Само собою разумѣется, что нашу земскую жизнь необходимо вернуть не къ тѣмъ «дореформеннымъ порядкамъ», тоску по которымъ «либералы» приписываютъ всѣмъ Русскимъ людямъ, не могущимъ мириться съ совре-

меннымъ земскимъ безобразіемъ; о «дореформенныхъ порядкахъ» ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не мечтаетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ восхищался «пореформенными порядками», если и они оказались ошибочными, вредными и нетерпимыми.

Порицать настоящее не значитъ хвалить прошедшее, а значитъ желать *лучшаго будущаго.*

А лучшее будущее наступитъ для Россіи тогда, когда она въ дѣйствительности станетъ единымъ, недѣлимымъ цѣлымъ, и когда въ самодержавномъ ея строѣ исчезнутъ до послѣдняго слѣда всѣ ошибочно внесенные въ нее демократическіе элементы.

Дворянскій вопросъ въ 1897 году.

Если намъ суждено съ Божьею помощью окончательно возвратиться на единственно спасительный путь нашего національно-историческаго развитія, если усилія нашихъ западниковъ увлечь насъ на скользкую дорогу европейскаго демократическаго «прогресса» окажутся тщетными, — то минувшій 1897 годъ не забудется въ нашей исторической жизни, какъ годъ, въ который Верховною Волею Русской земли было признано, что государство наше, такъ же, какъ и встарь, должно существовать впредь *на основахъ сословнаго строя*, и что во главѣ нашихъ сословій, ближайшею опорой престолу и государственному укладу, должно быть высшее изъ нихъ — служилое дворянство.

Сознаніе ненормальности нашей внутренней политики, направленной къ нивеллировкѣ сословій, никогда не умирало въ лучшей и дѣйствительно образованной части нашего общества. Предвидѣніе неизбѣжности возвратить дворянству всю полноту его былаго государственнаго значенія всегда оживляло надеждой благомыслящихъ людей даже въ смутные годы позапрошлаго царствованія.

Но не таково, далеко не таково было господствующее общественное мнѣніе. Демократическія доктрины получили въ нашемъ обществѣ столь широкое распространеніе, что въ глазахъ подавляющаго большинства людей, претендующаго на образованность, судьба нашего сословнаго строя вообще и дворянства въ частности была предрѣшена безповоротно самою формой освобожденія крестьянъ и всѣмъ ходомъ нашей внутренней политики съ начала шестидесятыхъ годовъ.

Такому настроенію большинства общества вполнѣ соотвѣтствовала и дѣйствительность: дворянство фактически, путемъ потери своей земельной собственности, все болѣе и болѣе теряло подъ собой почву, утрачивало свою былую государственную и соціальную силу и въ бытовой жизни смѣшивалось съ другими сословіями...

Какого же еще болѣе нужно было торжества для демократической идеи, что̀ нужно еще для того, чтобы внушить самыя широкія надежды поборникамъ эгалитарнаго прогресса? Притомъ же насъ такъ убѣдительно утѣшали тѣмъ, что этотъ быстрый упадокъ высшаго служилаго сословія, совершившійся на протяженіи какой-нибудь четверти вѣка, является результатомъ неизбѣжной

будто бы соціальной «эволюціи», что «исторія» непремѣнно требуетъ, чтобы дворянство сошло съ ея сцены и очистило мѣсто другимъ «соціальнымъ силамъ»...

И вотъ въ такое то время, когда въ защиту сословнаго строя, въ защиту дворянства, какъ опоры Престола и Государства, раздавались лишь одинокіе голоса, въ это время нашъ высшій служилый классъ услышалъ съ высоты самого Престола призывъ къ жизни и къ обновленію. 13 апрѣля, въ самый день Свѣтлаго Праздника, Высочайшимъ повелѣніемъ было образовано Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Н. Дурново,—

«для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ дворянскаго сословія и соображенія мѣръ, которыя могли бы обезпечить помѣстному дворянству способы нести и впредь его исконно вѣрную службу Престолу и Отечеству».

Въ особомъ Высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ въ тотъ же день на имя предсѣдателя Совѣщанія, выражена была слѣдующая, вполнѣ опредѣленная и недопускающая сомнѣній и недоумѣній, верховная Монаршая воля:

«Въ непреложной увѣренности, что дворянскому сословію для блага Россіи необходимо сохранить занимаемое имъ доселѣ въ ея судьбахъ мѣсто, Я желаю, чтобы были изысканы средства облегчить современное положеніе дворянства, всегда самоотверженно служившаго родинѣ».

Мысль о необходимости рѣшительными государственными мѣрами остановить тотъ болѣзненный процессъ соціальнаго разложенія, который начался у насъ въ пореформенную эпоху, мысль эта назрѣвала во все незабвенное прошлое царствованіе и въ прошломъ году перешла, наконецъ, въ дѣло, по верховной волѣ Вождя Русскаго народа. То, во что̀ вѣрили лишь отдѣльные благомыслящіе оптимисты, то, что̀ казалось труднымъ, почти невозможнымъ и изъ-за упущеннаго времени, и изъ-за господствующихъ въ обществѣ духовныхъ настроеній, то, чего устали ожидать и на что̀ перестали надѣяться сами дворяне, — это событіе великой исторической важности совершилось такъ же спокойно и просто, какъ и многіе главнѣйшіе политическіе акты нашей исторіи.

Но эта простота и внѣшняя скромность событія не помѣшаетъ всякому, кто только способенъ заглянуть въ доступное человѣческому разуму будущее, признать за этимъ событіемъ великое значеніе въ судьбахъ Русскаго народа. Высочайшее повелѣніе 13 апрѣля не есть государственный актъ, обязанный своимъ происхожденіемъ временнымъ обстоятельствамъ, внезапно возникшимъ нуждамъ и теченіямъ государственнаго управленія,—актъ, подобныхъ которому представляетъ множество исторія каждаго народа, и которые почти безслѣдно исчезаютъ въ потокѣ временъ; нѣтъ, если мы вспомнимъ тотъ долгій путь, который прошла государственная мысль прежде чѣмъ назрѣла важная мѣра, о которой мы говоримъ, то мы убѣдимся, что значеніе ея не можетъ быть преходяще, и что ей заранѣе обезпечено великое историческое значеніе. Необходимость сохранить дворянство во что̀ бы то ни стало—это выводъ горькаго опыта шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, и Высочайшій актъ 13 апрѣля есть лишь открытое признаніе этого вывода. Мы пришли къ этой

мѣрѣ потому, что намъ нельзя ее обойти иначе, какъ свернувъ на путь государственнаго разложенія и гибели.

Чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе выражена воля Государя, тѣмъ съ большею точностью должна она быть исполнена. Задача, возложенная на Особое Совѣщаніе, должна быть непремѣнно рѣшена имъ въ томъ именно смыслѣ, какъ это указано Государемъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что Особое Совѣщаніе явится достойнымъ оказаннаго ему Монаршаго довѣрія, если оно въ своихъ занятіяхъ, которымъ будетъ посвященъ 1898 годъ, постоянно будетъ имѣть въ виду конечную цѣль, намѣченную ему Высочайшею волей, не запутываясь во второстепенныхъ мелочахъ и не задерживаясь на вопросахъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ главному, коренному, *жизненному* вопросу дворянства, къ вопросу о томъ, какъ теперь же спасти его отъ переживаемаго имъ тяжелаго, непосильнаго кризиса.

Враги дворянства принимаютъ всѣ мѣры, чтобы свести начавшееся его возрожденіе на *нѣтъ* и предсказываютъ ему скорую, неминуемую гибель. Друзья дворянства смущаются этими предсказаніями и съ тревогой взираютъ на Особое совѣщаніе, начиная уже сомнѣваться въ реальности и плодотворности будущихъ его результатовъ.

Мы твердо надѣемся, что эти тревоги и сомнѣнія окажутся неосновательными. Если, для исполненія своей задачи, Особому Совѣщанію придется указать на крупныя, коренныя преобразованія въ существующемъ у насъ нынѣ полудемократическомъ общественномъ и государственномъ строѣ, оно несомнѣнно предъ этимъ не остановится: ему вѣдь предстоитъ не доктринерская работа обсужденія и примиренія разныхъ кабинетныхъ теорій, а практическое исполненіе непреложной, ясно выраженной, Монаршей воли.

Да будетъ же новый 1898 годъ такимъ же радостнымъ для первенствующаго сословія Россійскаго, какимъ для него былъ минувшій годъ по неизреченной Царской милости.

Наше народное просвѣщеніе.

Истекшій годъ занялъ бы въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія скромное мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ ему годовъ не шумной, но полезной работы, еслибъ онъ не закончился незамѣнимою утратой человѣка, который въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ съ такимъ сердечнымъ благоволеніемъ руководилъ образованіемъ и воспитаніемъ нашего молодого поколѣнія.

Всѣ, кому дорога судьба нашихъ дѣтей, а слѣдовательно и будущая судьба Россіи, глубоко почувствовали значеніе кончины графа И. Д. Делянова и молятъ Бога, чтобъ этотъ тяжелый для Россіи ударъ не отразился неблагопріятнымъ образомъ на томъ дѣлѣ, о которомъ такъ отечески заботился покойный. Многіе начинаютъ уже тревожиться за будущность нашихъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, опасаясь, какъ бы не началась теперь всеобщая ихъ ломка.

Мы твердо увѣрены, что опасенія эти лишены всякаго основанія.

Къ главнымъ, основнымъ условіямъ успѣха въ школьномъ дѣлѣ принад-

лежать полное спокойствіе и твердо-установленный порядокъ учебныхъ занятій. Учащіе и учащіеся не должны отвлекаться отъ своихъ прямыхъ обязанностей посторонними обстоятельствами, мѣшающими той сосредоточенности вниманія, безъ котораго никакое ученіе въ прокъ идти не можетъ. Въ виду этого учебное начальство принимаетъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы правильный ходъ учебныхъ занятій ничѣмъ не нарушался. Можно ли поэтому допустить, чтобы правительство само рѣшилось вызвать смущеніе въ нашихъ школахъ, выразивъ намѣреніе произвести въ нихъ «всеобщую ломку?»

Мы всѣ еще помнимъ какъ въ 1880 году, при одномъ слухѣ о подобной «ломкѣ», всѣ наши учебныя заведенія пришли въ хаотическое состояніе: учителя не знали, въ чемъ состоитъ ихъ обязанность, ученики отказывались учиться тѣмъ предметамъ, которые завтра, по слухамъ, должны были быть выброшены изъ школы, родители требовали отъ директоровъ признанія этихъ предметовъ необязательными, а директора не знали, что̀ отвѣчать учителямъ, ученикамъ, родителямъ и своему начальству, которое само не знало, чего требовать отъ своихъ подчиненныхъ.

Это было тяжелое время, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаешь, какъ о тяжкомъ кошмарѣ. Не дай Богъ, чтобы Россія снова пережила нѣчто подобное.

Можно совершенствовать школу до безконечности, но одного изъ необходимыхъ для успѣха ея элементовъ сразу создать нельзя, ибо его можетъ создать лишь продолжительное время: это—прочная, твердая *традиція*, которая нужна во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, но нигдѣ, можетъ - быть, не является такою насущною необходимостью какъ въ дѣлѣ школьнаго воспитанія. Возьмите Германію, Англію и даже столь перемѣнчивую Францію: за послѣднія сто лѣтъ все въ нихъ измѣнилось, но основные типы школъ остались все одни и тѣ же: дѣти тамъ воспитываются такъ же, какъ воспитывались ихъ отцы и дѣды, а потому всѣ они, и дѣды, и отцы, и дѣти относятся къ *своей* школѣ съ любовью и уваженіемъ, при которыхъ дѣло воспитанія и образованія становится вдвое легче, чѣмъ у насъ въ Россіи. У насъ въ настоящее время въ низшихъ классахъ нашихъ гимназій *впервые* лишь начинаютъ появляться дѣти родителей, получившихъ *то же* образованіе, которое въ нихъ теперь получаютъ ихъ дѣти. А до сихъ поръ, съ самаго начала средняго образованія въ Россіи, родители постоянно отдавали своихъ дѣтей въ школы, которыя имъ самимъ были совершенно чужды, и которымъ они, поэтому, сами сочувствовать не могли. Этимъ въ значительной степени объясняется та вредная по своимъ послѣдствіямъ неустойчивость нашей средней школы, которой нынѣ, слава Богу, положенъ конецъ.

Значитъ ли это, что мы должны отказаться отъ всякаго улучшенія нашей школы и держать ее въ вѣчномъ застоѣ?

Конечно нѣтъ. Мы сейчасъ только сказали, что школу можно совершенствовать до безконечности, но при этомъ необходимы три условія: усовершенствованіе это должно быть постепеннымъ улучшеніемъ существующей системы, а не замѣной ея какою-либо новой системой; каждое малѣйшее усовершенствованіе должно быть строго и зрѣло обдумано людьми спеціально-посвятившими себя данному типу воспитанія и являющимися единственными компетентными судьями въ серіозныхъ и сложныхъ вопросахъ воспитательнаго образованія; усовершенствованіе школы, наконецъ, никогда не должно носить характера экспериментовъ, а должно основываться на долговременномъ опытѣ какъ нашихъ школъ, такъ и школъ другихъ наиболѣе культурныхъ странъ.

При соблюденіи этихъ трехъ условій, намъ нечего опасаться какихъ-либо усовершенствованій нашихъ школьныхъ системъ, ибо при этихъ условіяхъ никакой «ломки» быть не можетъ.

Эти истины настолько элементарны, что мы не допускаемъ и мысли объ основательности вышеупомянутыхъ опасеній за судьбу нашей средней школы.

За то есть другія опасности, на которыя слѣдуетъ обратить серіозное вниманіе.

Вчера, въ отдѣлѣ «Университетской жизни», мы познакомили нашихъ читателей съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ Казанскихъ профессоровъ, желающихъ открыть двери университетовъ ученикамъ реальныхъ училищъ, не получившимъ подготовки для серіознаго научнаго образованія. Та же самая мысль высказывалась и въ засѣдавшихъ въ Петербургѣ прошлою осенью комиссіяхъ по техническому образованію.

Искренно сочувствуя какъ успѣхамъ теоретическаго научнаго, такъ и прикладнаго техническаго образованія, можно лишь желать, чтобы каждое изъ нихъ достигло у насъ наивысшаго своего спеціальнаго развитія, а для этого необходимо, чтобъ они съ начала до конца спеціализировались, а не смѣшивались между собой. Дайте нашимъ реалистамъ широкій доступъ въ спеціальныя техническія заведенія, и вы получите массу хорошихъ техниковъ, въ которыхъ такъ нуждается наша промышленность; переполните ими уже безъ того переполненные университеты, и вы однимъ ударомъ понизите спеціальную техническую подготовку реалистовъ и серіозное научное образованіе студентовъ. Вотъ опасность, противъ которой слѣдуетъ сильно бороться.

Говорятъ, что для открытія новыхъ техническихъ училищъ у насъ нѣтъ денегъ. Кто же можетъ серіозно помириться съ такимъ доводомъ? Почему же у насъ на все есть деньги, а на народное просвѣщеніе ихъ нѣтъ? Допустимъ даже, что ихъ до сихъ поръ на этотъ предметъ *первостепенной важности* не было; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ихъ такъ-таки никогда и не будетъ? Во всякомъ случаѣ вопросъ о техническомъ образованіи намъ нужно рѣшить широко, твердо и на-чисто, создавая, по мѣрѣ надобности, новыя спеціальныя хорошо обставленныя заведенія, а не прицѣпляя ихъ въ видѣ паразитовъ къ нашимъ безъ того уже худосочнымъ университетамъ.

Другая опасность, съ которою приходится бороться правительству на поприщѣ народнаго просвѣщенія—это соціализмъ, проникающій въ наши рабочія сферы.

У насъ въ настоящее время принято искать «спасенія Россіи» въ широкомъ народномъ образованіи, а для распространенія таковаго «спасители Россіи» стараются покрыть ее неимовѣрнымъ количествомъ народныхъ школъ, мало заботясь объ ихъ качествѣ; между тѣмъ, истинное благо для каждой страны заключается не въ *количествѣ*, а въ *качествѣ* ея школъ. Въ виду этого, правительству приходится зорко слѣдить за вновь открывающимися школами, въ особенности когда таковыя учреждаются частными лицами или обществомъ въ рабочихъ центрахъ. Власть правительственнаго надзора должна быть въ данномъ случаѣ неограниченная, ибо здѣсь дѣло идетъ о нравственности и матеріальномъ благосостояніи сотенъ тысячъ народа.

Нѣтъ ничего легче, какъ сбить съ толку простого человѣка, перешедшаго изъ патріархальной сельской обстановки въ искусственную городскую или фабричную жизнь. Для того, чтобы научить его какому-нибудь дѣйствительно

полезному знанію, нужны годы, а для того, чтобы «просвѣтить» его на счетъ «правъ» рабочаго по отношенію къ «эксплуатирующему» его государству и обществу, для этого достаточно нѣсколькихъ искусно брошенныхъ въ школѣ фразъ и нѣсколькихъ затѣмъ бесѣдъ на дому. Въ этомъ дѣлѣ наши «просвѣтители» до тонкости искусились, а потому наше учебное вѣдомство не можетъ допускать къ школьному общенію съ народомъ кого бы то ни было безъ полной увѣренности, что оно въ данномъ случаѣ не пускаетъ «козла въ огородъ».

Соціалистическая опасность является для насъ опасностью сравнительно новою, которою насъ надѣлилъ европейскій Западъ; а потому намъ необходимы и новыя средства для борьбы съ нею какъ на почвѣ общегосударственной, такъ и на почвѣ школьной.

Въ послѣднемъ случаѣ, мы увѣрены въ томъ, что наше учебное вѣдомство сумѣетъ справиться со своею задачей, кто бы ни былъ призванъ Монаршею волей на постъ министра Народнаго Просвѣщенія, коль скоро на первомъ планѣ всѣхъ вообще нашихъ школъ будетъ поставлено *воспитаніе*, а затѣмъ уже образованіе.

Къ этому вопросу мы не замедлимъ еще вернуться.

Воспитательное образованіе.

Возвращаемся къ вопросу о нашемъ народномъ просвѣщеніи, важность котораго въ настоящее именно время никто отрицать не станетъ.

На первомъ планѣ въ нашемъ народномъ просвѣщеніи, говорили мы на дняхъ *), должно стоять прежде всего *воспитаніе*, а затѣмъ уже *образованіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, наши школы, какъ низшія, такъ и среднія и высшія, должны прежде всего воспитывать *людей* и притомъ *Русскихъ* людей, а затѣмъ уже ремесленниковъ, врачей, священниковъ, юристовъ, военныхъ, инженеровъ и дѣятелей науки и искусства. Какъ бы хорошо ни было поставлено спеціальное образованіе, оно тогда лишь имѣетъ свою истинную цѣну, тогда лишь приноситъ дѣйствительную пользу, если оно основано на твердомъ фундаментѣ серіознаго постепеннаго *воспитанія*, раскрывающаго и развивающаго всѣ духовныя стороны человѣка.

Эта истина до такой степени очевидна, что ее едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать въ теоріи. А между тѣмъ, когда ее приходится примѣнять на практикѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній.

Въ самомъ дѣлѣ въ области *образованія* для насъ все ясно: мы въ точности знаемъ, въ какихъ школахъ какіе преподаются учебные предметы и по какимъ часамъ и программамъ. А когда мы спросимъ, какъ въ тѣхъ же школахъ ведется дѣло *воспитанія*, мы едвали получимъ какой-либо иной отвѣтъ, кромѣ классическаго, но совершенно неопредѣленнаго, «все обстоитъ благополучно».

---

*) См. *Моск. Вѣд.* № 7.

Существуютъ даже люди, горячо принимающіе къ сердцу дѣло народнаго просвѣщенія и совершенно искренно убѣжденные, что о воспитаніи рѣчь можетъ идти развѣ только въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыя же школы должны де только заботиться объ образованіи, предоставляя воспитаніе—семьѣ.

Само собою разумѣется, что семья и закрытое учебное заведеніе имѣютъ несравненно болѣе воспитательныхъ средствъ чѣмъ открытая школа, но было бы поистинѣ ужасно, еслибы послѣдняя совершенно отказалась отъ воспитанія своихъ воспитанниковъ.

Но какъ же воспитывать ихъ, когда они все время сидятъ въ классахъ? Вотъ именно тутъ, въ классахъ, и слѣдуетъ ихъ воспитывать.

Каждое обученіе, каждое преподаваніе должно имѣть характеръ воспитательный, такъ какъ оно лишь при этомъ условіи можетъ быть успѣшно и плодотворно. Вся сила дидактики и педагогики заключается именно въ этомъ *воспитательномъ образованіи.*

Каждый преподаватель, въ какой бы школѣ и какой бы предметъ онъ ни преподавалъ, долженъ прежде всего быть воспитателемъ, педагогомъ, а для этого онъ долженъ обладать многими какъ природными, такъ и спеціально-выработанными качествами, а прежде всего — искреннею, теплою любовью къ молодому поколѣнію вообще и къ своимъ воспитанникамъ въ особенности. Безъ этой любви никакой истинной пользы отъ его преподаванія не будетъ.

Конечно, многое зависитъ въ школьномъ дѣлѣ отъ правильной постановки учебныхъ программъ, о которыхъ мы такъ много заботимся; но и самыя лучшія программы никакой пользы не принесутъ, если исполненіе ихъ будетъ поручено людямъ, не рожденнымъ для того, чтобы быть воспитателями юношества, и не получившими для сего спеціальной подготовки.

Спеціальная подготовка истинныхъ воспитателей имѣетъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія первостепенное значеніе. Грубое обращеніе неопытнаго педагога съ дѣтскою душой столь же ужасно, какъ и прикосновеніе къ тѣлу грубыхъ рукъ неопытнаго врача, а по своимъ послѣдствіямъ оно можетъ быть даже гораздо опаснѣе.

Образовательное значеніе каждаго учебнаго предмета имѣетъ свои особенности, съ которыми необходимо близко и подробно ознакомиться, прежде чѣмъ приступить къ преподаванію даннаго предмета, не говоря уже объ общей педагогической подготовкѣ, которою долженъ обладать каждый преподаватель.

Изъ этого ясно, что къ соприкосновенію съ дѣтьми и юношами можно допускать лишь преподавателей, прошедшихъ предварительную спеціально-педагогическую школу, которая прежде всего опредѣлила бы въ нихъ наличность природныхъ педагогическихъ способностей, а затѣмъ дала бы имъ правильное развитіе.

Если иной разъ раздаются жалобы на наши школы, то люди, не знающіе въ чемъ дѣло, принимаются бранить существующія школьныя системы, учебныя программы, отдѣльные учебные предметы; но люди, близко знающіе наши школы, знаютъ и то, что если разобрать каждую основательную жалобу, то виновными окажутся не программа или система, и не тотъ или другой учебный предметъ, а тотъ или другой преподаватель, погрѣшившій либо своею неопытностью, либо отсутствіемъ природныхъ педагогическихъ способностей.

А потому мы повторимъ то, что мы уже говорили въ своей предыдущей статьѣ: школьныя программы и системы мы можемъ и должны постепенно улучшать до безконечности, но въ этомъ улучшеніи не будетъ никакого толку, если мы при этомъ не будемъ заботиться объ улучшеніи нашего педагогическаго персонала путемъ предварительной подготовки въ спеціальныхъ педагогическихъ семинаріяхъ.

Такія семинаріи у насъ уже существуютъ въ разныхъ вѣдомствахъ, имѣющихъ свои школы, но ихъ еще слишкомъ мало, такъ что до сихъ поръ большое число преподавателей допускается до воспитанія дѣтей безъ предварительной педагогической подготовки.

Нельзя поэтому не порадоваться, что, насколько извѣстно, наше учебное вѣдомство озабочено дѣломъ, которому покойный графъ И. Д. Деляновъ придавалъ особенно важное значеніе, а именно организаціей педагогическихъ семинарій для подготовленія гимназическихъ преподавателей, которые доселѣ часто назначались на столь отвѣтственныя мѣста прямо съ университетскихъ скамеекъ.

Но въ русскихъ школахъ должны воспитываться, какъ мы сказали выше, не только люди, но именно *Русскіе* люди. Родители, отдавая своихъ дѣтей въ школы, должны быть увѣрены, что дѣти ихъ возвратятся оттуда не какими-нибудь жалкими космополитами и извѣрившимися скептиками, а бодрыми юношами, полными высшихъ патріотическихъ идеаловъ, готовыхъ служить вѣрой и правдой Царю и Отечеству. Ту же самую увѣренность должно имѣть и государство, которое обладаетъ тѣмъ, чѣмъ родители не обладаютъ, а именно всѣми средствами для осуществленія этого идеальнаго *русскаго* воспитанія.

И тутъ опять-таки дѣло не въ программахъ и системахъ, не въ томъ, будутъ ли ученики изучать, напримѣръ, русскую исторію или русскую словесность въ теченіе большаго или меньшаго числа часовъ, а въ томъ, *кто* будетъ имъ преподавать русскую исторію и русскую словесность.

Мы, слѣдовательно, снова приходимъ все къ тому же требованію *men, no measures,* которое нигдѣ не имѣетъ такого почти абсолютнаго значенія какъ именно въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, ибо истинное народное просвѣщеніе всецѣло зависитъ не отъ *количества*, а отъ *качества* школъ. Качество же школъ зависитъ отъ природныхъ способностей и отъ соотвѣтствующей подготовки нашихъ педагоговъ.

Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Компетентность въ дѣлѣ воспитанія.

Мы уже имѣли случай указать *) на одно чрезвычайно важное условіе для успѣшнаго развитія русскаго народнаго просвѣщенія: это—полная компетентность тѣхъ лицъ, коимъ это просвѣщеніе ввѣрено, начиная отъ низ-

*) См. *Моск. Вѣд.* №№ 7 и 9.

шихъ и кончая высшими представителями учебнаго вѣдомства, ибо въ нихъ, въ этихъ *живыхъ людяхъ*, а не въ однихъ только системахъ и программахъ, заключаются вся сила и весь смыслъ народнаго просвѣщенія.

Дѣло воспитанія юношества есть дѣло серіозное, спеціальное, столь же спеціальное, какъ дѣло врачебное, ибо умѣніе должнымъ образомъ обращаться съ душой человѣка требуетъ не менѣе тщательной подготовки, чѣмъ умѣніе обращаться съ его тѣломъ; а насколько душевныя качества человѣка тоньше и сложнѣе физическихъ, настолько и воспитаніе и врачеваніе души человѣка тоньше и сложнѣе аналогичныхъ дѣйствій по отношенію къ его тѣлу.

Эта истина не требуетъ доказательствъ для тѣхъ лицъ, которыя долго и серіозно занимались воспитаніемъ юношества; ея не признаютъ лишь дилетанты и невѣжды, которые съ развязностью разсуждаютъ о вопросахъ воспитанія, сами въ нихъ ничего не понимая и сбивая съ толку другихъ легковѣрныхъ людей. Во всѣхъ другихъ областяхъ мнѣнія спеціалистовъ имѣютъ въ глазахъ публики не только преобладающее, но прямо рѣшающее значеніе, въ области же народнаго просвѣщенія первый попавшійся фельетонистъ можетъ своею болтовней произвести болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе, чѣмъ человѣкъ, всю жизнь и всю душу отдавшій дѣлу воспитанія.

Въ чемъ же должна заключаться компетентность лицъ, прикосновенныхъ къ педагогическому дѣлу?

Въ несомнѣнной, искренней любви къ дѣтямъ, въ природныхъ способностяхъ къ воспитательной дѣятельности, въ основательномъ, практическомъ знакомствѣ съ этою дѣятельностью и, наконецъ, въ личныхъ, твердыхъ нравственныхъ и патріотическихъ убѣжденіяхъ.

Лица, обладающія этими качествами, могутъ дѣйствительно приносить пользу какъ въ обсужденіи вопросовъ воспитанія, такъ и въ ихъ разрѣшеніи и, наконецъ, въ практической педагогической дѣятельности. Лица, чуждыя этихъ качествъ, могутъ быть хорошими спеціалистами въ какихъ угодно другихъ областяхъ, но только не въ области народнаго просвѣщенія.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что у какого-нибудь педагога не будетъ какого-либо одного изъ вышеперечисленныхъ качествъ, и вы тотчасъ же поймете, что онъ хорошимъ педагогомъ быть не можетъ. Легко, напримѣръ, представить себѣ людей и любящихъ дѣтей, и одаренныхъ природными педагогическими способностями, и пріобрѣтшихъ основательную опытность въ воспитаніи, но отличающихся отсутствіемъ вѣры, нравственности и патріотизма. Не ясно ли, что они своимъ воспитаніемъ могутъ приносить не пользу, а только вредъ, и притомъ тѣмъ бо́льшій вредъ, чѣмъ они искуснѣе въ дѣлѣ педагогическомъ и дидактическомъ, такъ какъ они, несомнѣнно, будутъ основательнѣе развращать своихъ воспитанниковъ, чѣмъ педагоги неискусные и неопытные.

Итакъ, все дѣло воспитанія, какъ мы уже неоднократно повторяли, лежитъ въ личныхъ качествахъ воспитателей.

Изъ этого ясно видно, въ чемъ должна заключаться главная забота высшаго учебнаго начальства. Она должна заключаться въ тщательномъ выборѣ тѣхъ лицъ, которымъ поручается воспитаніе дѣтей и юношей, какъ въ народныхъ и ремесленныхъ училищахъ, такъ и въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ, наконецъ, и въ высшихъ школахъ. Чѣмъ строже будетъ этотъ выборъ, тѣмъ выше будутъ результаты народнаго просвѣщенія не только въ смыслѣ образованія, но и въ смыслѣ *воспитанія*, т.-е. въ томъ именно смыслѣ, который наиболѣе важенъ въ дѣлѣ просвѣщенія.

Но изъ этого точно также ясно слѣдуетъ, какими качествами должны обладать тѣ лица, которымъ поручается этотъ столь важный выборъ. Они должны обладать не только вышеприведенными общепедагогическими качествами, но и знаніемъ людей, особенною, государственною ясностью ума, непоколебимою твердостью характера и обширнымъ, основательнымъ знаніемъ всего учебнаго дѣла, дающимъ возможность вести его къ постепенному улучшенію безо всякой ломки, безъ нарушенія основныхъ его принциповъ, безо всякихъ внезапныхъ порывовъ, но и безъ вѣчнаго стоянія на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Двигаясь впередъ, мы должны, однако, идти исключительно къ той идеальной цѣли, чтобъ изъ всѣхъ безъ исключенія школъ нашихъ выходили люди съ твердыми религіозно-нравственными убѣжденіями, съ беззавѣтною преданностью Царю и съ полною готовностью служить пріобрѣтенными ими знаніями на пользу Отечества.

Достигнуть этого идеала сразу нельзя, но правительство имѣетъ всѣ средства къ его достиженію, и оно его несомнѣнно достигнетъ, если эти средства будутъ находиться въ рукахъ лицъ дѣйствительно компетентныхъ въ дѣлѣ не только образованія, но и *воспитанія* русскаго юношества.

Праздникъ русской науки.

По установившимся преданіямъ день 12 января получилъ у насъ глубокое символическое значеніе: въ этотъ день мы чествуемъ *русскую науку* въ лицѣ древнѣйшаго ея разсадника—Московскаго Университета. Въ этотъ день мы отрѣшаемся отъ матеріальныхъ заботъ и мелкихъ хлопотъ текущаго времени, чтобы сосредоточить свои мысли на высокихъ идеалахъ чистой науки.

Чистая наука! Что знаменуетъ собой этотъ эпитетъ? Почему наука должна хранить свою чистоту, и отчего она должна быть чиста.

Наука есть результатъ стремленія дарованнаго намъ Богомъ разума къ постиженію истины. Чѣмъ безкорыстнѣе, чѣмъ чище это стремленіе, тѣмъ плодотворнѣе и результаты его, такъ какъ истина открываетъ свои завѣсы только тѣмъ, кто ищетъ ее ради ея самой, а не ради какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Исторія науки учитъ насъ, что всѣ дѣйствительно великія научныя мысли и открытія принадлежатъ тѣмъ геніальнымъ мыслителямъ и творцамъ въ научной области, которые жили всецѣло для науки и видѣли въ научной истинѣ самостоятельную цѣнность, независимо отъ ея практическихъ примѣненій.

Въ виду этого наука прежде всего должна быть чиста отъ всякаго низменнаго утилитаризма, приковывающаго ее къ матеріальнымъ потребностямъ человѣческой природы. Великіе піонеры науки, открывающіе новыя области человѣческому знанію, предоставляютъ прикладную разработку этого знанія ученымъ техникамъ и ученымъ ремесленникамъ, берущимъ изъ новооткрытой научной области лишь то, что въ данное время нужно человѣку; истинные же ученые дорожатъ *всею* областью научнаго знанія, видя въ ней не источникъ для удовлетворенія человѣческихъ матеріальныхъ потребностей, а источникъ

для новыхъ научныхъ открытій. Въ виду этого университетъ долженъ научать своихъ питомцевъ дорожить всякою крупинкой научной истины, совершенно независимо отъ ея практической эксплуатаціи, такъ какъ, можетъ-быть, въ этой крупинкѣ содержится исходная точка для непредвидимыхъ пока научныхъ завоеваній.

Наука должна быть чиста и отъ всякихъ внѣнаучныхъ тенденцій. Обращать науку въ орудіе для политической или общественной борьбы, значитъ профанировать ее, значитъ рабски подчинять ее человѣческимъ страстямъ и обращать научную истину въ научную ложь. Истинный ученый подчиняетъ себя наукѣ, тенденціозный ученый подчиняетъ науку своему личному произволу; истинный ученый отказывается отъ своихъ теорій, если наука ихъ не подтверждаетъ, лже-ученый ставитъ свои теоріи выше научной истины и фальсифицируетъ послѣднюю для подтвержденія первыхъ. Въ виду этого, гдѣ къ научному преподаванію примѣшивается политическая или соціальная пропаганда, тамъ о чистой научной истинѣ и рѣчи быть не можетъ: храмъ науки превращается въ арену партійной борьбы и политической агитаціи, не допустимой въ стѣнахъ университета, такъ какъ однимъ изъ существеннѣйшихъ условій успѣшности научныхъ занятій является полное спокойствіе и объективное безпристрастіе.

Но наука должна быть также чиста отъ всякихъ личныхъ соображеній ея жрецовъ и служителей. Мы съ трудомъ миримся съ проявленіями личныхъ происковъ въ области искусства, но когда эти происки прокрадываются въ область науки, мы прямо возмущаемся и негодуемъ. Зависть, злоба, интрига, всѣ эти позорныя стороны человѣческой природы, имѣютъ самое пагубное вліяніе на науку вообще. въ стѣнахъ же университета онѣ, сверхъ того, имѣютъ глубокое деморализующее вліяніе на учащуюся молодежь. А подобная деморализація есть преступленіе противъ Отечества.

Молодые люди, вступающіе изъ гимназій въ университетъ, взираютъ на него съ великимъ благоговѣніемъ, ибо тамъ, въ гимназіяхъ, имъ постоянно указывали на университетъ, какъ на святилище науки, въ которомъ чуть не царитъ сама Истина. Блаженъ тотъ университетъ, который умѣетъ сохранить и поддержать это благоговѣйное настроеніе своихъ питомцевъ и пользуется имъ для того, чтобы зажечь въ ихъ сердцахъ неугасимое стремленіе къ высшимъ идеаламъ, которое послужитъ имъ драгоцѣннымъ талисманомъ на всемъ ихъ жизненномъ пути. Зато печальна участь молодыхъ людей тамъ, гдѣ иллюзіи ихъ разбиваются и уступаютъ мѣсто горькому разочарованію, гдѣ студенты въ своихъ руководителяхъ замѣчаютъ не безкорыстное служеніе наукѣ, а эгоистическое служеніе личнымъ интересамъ.

Да хранитъ Господь нашу молодежь отъ подобныхъ соблазновъ! Всѣ добрые, благородные порывы, которыми такъ богато русское учащееся юношество, должны находить въ нашихъ университетахъ самую благодатную почву для своего укрѣпленія и развитія; почвой этою является серіозная научная дѣятельность профессоровъ и ихъ полная готовность руководить своихъ слушателей въ еще чуждой имъ области чистой науки, предохраняя ихъ отъ всякихъ, всегда возможныхъ на первыхъ порахъ, ошибокъ.

Нельзя не пожелать, чтобы въ этомъ отношеніи Московскій Университетъ всегда стоялъ во главѣ всѣхъ русскихъ университетовъ, подавая имъ примѣръ сердечно-заботливаго отношенія къ дѣйствительнымъ нуждамъ студентовъ. Устройство студенческихъ общежитій въ широкихъ размѣрахъ, къ

которому нынѣ приступилъ Московскій Университетъ, представляетъ яркое доказательство, что онъ не довольствуется внѣшнимъ, формальнымъ отношеніемъ къ студентамъ, а относится къ нимъ съ теплымъ участіемъ, предоставляя имъ всѣ удобства, при которыхъ они дѣйствительно могутъ сосредоточить все свое вниманіе на своихъ чисто-научныхъ занятіяхъ.

Но общежитія являются лишь одною частью всего того, что Московскій Университетъ готовится сдѣлать на истинное благо своихъ слушателей. Щедрая поддержка, которую онъ нашелъ въ своихъ начинаніяхъ со стороны Правительства и въ особенности со стороны Министерства Финансовъ, является благимъ предзнаменованіемъ новой эры для нашихъ научныхъ разсадниковъ; въ этой новой эрѣ насущныя нужды и остальныхъ русскихъ университетовъ несомнѣнно найдутъ себѣ удовлетвореніе со стороны высшихъ сферъ правительственной власти, которая не можетъ не дорожить процвѣтаніемъ серіозной, чистой науки въ Россіи.

Поздравимъ же отъ всего сердца древнѣйшій русскій Университетъ съ его праздникомъ, поблагодаримъ его за бодрую иниціативу, проявленную имъ въ сознательномъ и разумномъ отстаиваніи своихъ научныхъ интересовъ, и пожелаемъ ему всегда идти во главѣ прочихъ университетовъ, высоко неся предъ ними побѣдоносное знамя русской науки.

Тридцатилѣтіе Московскаго Лицея.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 13 января 1868 г., было положено скромное начало, исключительно частными силами и средствами, совершенно своеобразному учебному заведенію, занимающему нынѣ выдающееся, почетное мѣсто среди отечественныхъ разсадниковъ просвѣщенія. Мы говоримъ объ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая.

Лицей былъ основанъ бывшими редакторами-издателями *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ во время самой ожесточенной борьбы нашихъ обскурантовъ противъ истиннаго свѣта европейскаго просвѣщенія; онъ былъ основанъ съ тою именно цѣлью, чтобы содѣйствовать, не словомъ только, но и дѣломъ, торжеству этой истины.

По идеѣ своихъ основателей, Лицей долженъ былъ явиться не только образцовымъ русскимъ воспитательнымъ заведеніемъ, но и носителемъ принципа общеевропейской гуманитарной школы, на которой основана не только научная, но и культурная гегемонія Германіи, Англіи и Франціи. Служа примѣромъ для русскихъ учебныхъ заведеній, Лицей долженъ былъ самъ постоянно имѣть предъ своими глазами лучшія гуманистическія заведенія всего міра: Итонскую и Рогбійскую школу въ Англіи, Шульпфорту въ Германіи и Нормальную Школу во Франціи; онъ долженъ былъ постоянно стремиться къ тому, чтобы заимствовать изъ этихъ образцовыхъ учебно-воспитательныхъ учрежденій все самое лучшее для нравственнаго, умственнаго и физическаго воспитанія и постепенно создавать нормальную русскую школу, которая, не уступая по силѣ просвѣщенія западнымъ образцамъ, укрѣпляла и развивала бы лучшія стороны русскаго національнаго характера, соотвѣтственно съ высшими духовными потребностями Русскаго Государства.

Лицей такимъ образомъ становился піонеромъ русскаго національнаго образованія; въ виду этого, ему необходимо было предоставить достаточно автономной свободы для безпрестаннаго развитія и усовершенствованія всей своей внутренней учебно-воспитательной организаціи, дабы имѣть полную возможность немедленнаго, безпрепятственнаго примѣненія на практикѣ всѣхъ пріемовъ, указанныхъ какъ своимъ, такъ и чужимъ опытомъ. Лишь при этихъ условіяхъ Лицей могъ исполнять свою задачу, поставленную ему его основателями и затѣмъ подтвержденную Высочайшею волей Русскаго Царя.

Тридцать лѣтъ Лицей трудился надъ исполненіемъ своей высокой миссіи, и нынѣ, взирая на пройденное имъ поприще, онъ можетъ со спокойною совѣстью и съ чувствомъ исполненнаго долга отдать отчетъ о своей дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія. Изъ его гимназическаго отдѣленія вышло двадцать пять выпусковъ молодыхъ людей, изъ коихъ многіе уже занимаютъ выдающіеся посты на государственной и общественной чредѣ, оправдывая надежды, возлагавшіяся на нихъ Лицеемъ, своею вѣрною службой Царю и Отечеству. Съ другой стороны, учебно-воспитательные пріемы, впервые принятые и выработанные Лицеемъ, затѣмъ нерѣдко переходили, въ видѣ обязательныхъ мѣръ, въ другія аналогичныя учебныя заведенія, тогда какъ самъ Лицей продолжалъ дальнѣйшее ихъ усовершенствованіе.

Но не являлось ли тутъ другой опасности? Не становился ли Лицей простымъ опытнымъ полемъ для всевозможныхъ педагогическихъ экспериментовъ, предпринимаемыхъ на авось, безъ системы и порядка? Нѣтъ, этого никогда не было.

Въ Лицеѣ есть твердая, неизмѣнная основная почва, ставящая извѣстные предѣлы всякимъ неподходящимъ къ ней нововведеніямъ, не говоря уже о какой-нибудь необдуманной ломкѣ.

Въ основу лицейской педагогики положено его основателями краеугольнымъ камнемъ *религіозно нравственное* воспитаніе въ духѣ Православной Церкви, а слѣдовательно и непосредственно съ нимъ связанное воспитаніе *національно патріотическое.* Далѣе, традиціоннымъ, свято хранимымъ принципомъ лицейскаго воспитанія является обладающее столь разнообразными и плодотворными воспитательными элементами *гуманитарное* образованіе, основанное на изученіи лучшихъ классическихъ произведеній человѣческаго творчества во всей несравненной, подлинной ихъ красотѣ. Наконецъ, всѣ учебно-воспитательные пріемы въ Лицеѣ строго руководятся принципомъ *индивидуальнаго* воспитанія, изучающаго всѣ особенности каждаго воспитанника въ отдѣльности и постоянно сообразующаго все воспитаніе его съ этими его особенностями.

Вотъ тѣ твердыя, незыблемыя границы, въ предѣлахъ которыхъ свободно развивается живой организмъ Московскаго Лицея. Но есть еще внутренняя сила въ Лицеѣ, направляющая это развитіе по надлежащему пути и предохраняющая его отъ новыхъ и старыхъ ошибокъ: это — организація его Правленія, въ которомъ, по уставу Лицея, засѣдаютъ лица долгое время поработавшія въ Лицеѣ, помнящія его исторію и свято хранящія лучшія его традиціи. Тутъ нѣтъ мѣста сухому формализму съ узкими бюрократическими пріемами: здѣсь всѣ дѣла рѣшаются по существу, хотя и въ предѣлахъ установленныхъ закономъ; здѣсь одобряются и принимаются лишь тѣ мѣры, которыя дѣйствительно соотвѣтствуютъ своеобразнымъ жизненнымъ потребностямъ Лицея и подсказываются его собственнымъ опытомъ, а не какими-либо кабинетными соображеніями.

Но Лицей оказалъ несомнѣнную услугу русскому просвѣщенію еще тѣмъ, что онъ наглядно доказалъ нелѣпость предубѣжденія противъ классическаго образованія, которое, будто бы, мѣшаетъ развитію національнаго характера Русскаго человѣка. Онъ показалъ на примѣрѣ своихъ питомцевъ, что Русскіе люди, пройдя строго классическую школу, становятся еще болѣе сознательно истинно-Русскими людьми, точно такъ же какъ та же строго классическая школа выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ не обезличенныхъ, а *истинныхъ* Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, такъ какъ нѣтъ лучшей школы для развитія благороднѣйшихъ сторонъ индивидуальнаго національнаго характера, какъ *правильно-поставленная* школа классическая.

Бури обскурантизма, неоднократно проносившіяся надъ остальными русскими классическими школами, не коснулись Лицея, благодаря его автономной организаціи, и не исказили правильной въ немъ постановки классическаго воспитанія. Свѣточъ истинно-гуманитарнаго и истинно-національнаго воспитанія, зажженный тридцать лѣтъ тому назадъ въ Лицеѣ незабвенными его основателями, все попрежнему ярко въ немъ сіяетъ и будетъ такъ же ярко сіять и впредь, если Лицей свято будетъ охранять свою автономію и свои традиціи.

Пожелаемъ же ему отъ всей души и отъ всего сердца дальнѣйшаго процвѣтанія, такъ какъ съ его процвѣтаніемъ связаны лучшіе принципы нашего просвѣщенія.

Петръ Оленинъ и правительство.

Недавно (*Моск. Вѣд.* 1897 года, № 352) намъ пришлось коснуться предложенія рязанскаго земца, г. Петра Оленина, который призывалъ нѣкорыя земства ходатайствовать объ освобожденіи *всѣхъ земскихъ изданій отъ предварительной цензуры.*

Особенно характерна была мотивировка, которою г. Оленинъ сопроводилъ свое предложеніе. Она начиналась историческою справкой о томъ, что «красныя чернила причинили не мало вреда во всѣ времена и у всѣхъ народовъ», и кончалась предложеніемъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы *всѣ* земскія изданія освобождены были отъ предварительной цензуры, ибо «никакая честная дѣятельность не можетъ развиваться въ потемкахъ, безъ свободной критики, безъ контроля общественнаго мнѣнія».

Нынѣ г. Петръ Оленинъ, продолжая начатую имъ агитацію, напечаталъ статью въ одной изъ петербургскихъ газетъ *), стараясь доказать всю важность требуемой имъ привилегіи для всѣхъ земскихъ изданій. Онъ, правда, теперь уже не настаиваетъ на достовѣрности сдѣланнаго имъ историческаго открытія о томъ, что «красныя чернила» существовали «во всѣ времена и у всѣхъ народовъ»,—онъ соглашается съ тѣмъ, что «красныя чернила явились въ нашъ гуманный вѣкъ; прежде ихъ замѣняли орудія пытки и костры, на

---

*) *С.-Петерб. Вѣд.*, № 14.

которыхъ нерѣдко сгорали не только книги, но и ихъ авторы». Скорбя о томъ, что будто бы цензура преслѣдуетъ земскія изданія, г. Петръ Оленинъ, обращаясь снова къ исторіи, вспоминаетъ, что «Евангеліе преслѣдовалось во время оно», и что «Галилей подъ пыткой отрекся отъ своего сочиненія», и заканчиваетъ свою патетическую тираду восклицаніемъ: «А Вольтеръ? А Беранже? А Бомарше и Гейне?!»

Наше замѣчаніе, что земскія изданія не встрѣчаютъ никакихъ цензурныхъ препятствій, если они строго держатся своихъ, предписанныхъ закономъ, чисто хозяйственныхъ предѣловъ, г. Петръ Оленинъ побѣдоносно опровергаетъ *фактомъ*... «На этихъ дняхъ духовное лицо предавало анаѳемѣ творенія Фаррара—вотъ и фактъ налицо».

Г. Петръ Оленинъ, какъ видно, защищаетъ свои тезисы avec beaucoup d'à propos. Когда ему говорятъ объ Иванѣ, онъ отвѣчаетъ о Петрѣ, и на этой почвѣ онъ дѣйствительно побѣдоносенъ и неуязвимъ. Но было бы несравненно лучше, еслибъ онъ былъ такъ же неуязвимъ и на почвѣ фактической *правды*, рыцаремъ которой онъ себя выставляетъ, требуя безцензурности всѣмъ земскимъ изданіямъ на томъ основаніи, что «далеко не вся правда, которую могла бы повѣдать печать, является на свѣтъ, а между тѣмъ *правды* и только *правды* *) хотятъ и ждутъ всѣ, начиная съ Самодержца и кончая простымъ гражданиномъ русскимъ; ея боятся только тѣ, кто знаетъ за собой нечистыя дѣла, кому нужны потемки и страшенъ свѣтъ».

Посмотримъ теперь, какъ г. Петръ Оленинъ самъ обращается съ правдой.

Въ концѣ своей статьи онъ сообщаетъ сенсаціонное извѣстіе, которое, несомнѣнно, еще болѣе окрылитъ земства надеждами на полное осуществленіе требованій, подсказанныхъ имъ г. Оленинымъ. Съ другой стороны, это извѣстіе разсчитано на то, чтобъ «озадачить» насъ. «Какъ-то», спрашиваетъ г. Оленинъ, «выпутаются теперь *консервативныя Московскія Вѣдомости*, когда узнаютъ, что эту кашу, которую заварилъ я, по выраженію газеты, заварило также *правительство, разрѣшившее недавно Таврическому земству печатать свои изданія безъ предварительной цензуры, за отвѣтственностію самого земства?*» **).

Извѣстіе, сообщенное г. Оленинымъ о Таврическомъ земствѣ, несомнѣнно произведетъ сильное впечатлѣніе на остальныя земскія собранія. Они вообразятъ себѣ, что само правительство уже стало на сторону г. Оленина и, проникшись его доводами и историческими цитатами, уже ознаменовало свою дѣятельность «новымъ 19 февраля» по отношенію къ Таврическому земству, освободивъ всѣ его изданія отъ предварительной цензуры; а потому, въ виду имѣющагося прецендента, всѣмъ земствамъ представится необходимымъ требовать такой же привилегіи и для всѣхъ ихъ изданій.

Посмотримъ, однако, къ чему сводится извѣстіе, провозглашенное *urbi et orbi* правдолюбимымъ г. Оленинымъ.

По имѣющимся у насъ безусловно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, земскимъ управамъ Таврической губерніи разрѣшено печатать, подъ отвѣтственностью предсѣдателей, безъ предварительной цензуры губернатора, имѣющіе главнымъ

---

*) Курсивъ подлинника.

**) Курсивъ вездѣ подлинника.

образомъ *специально-хозяйственный* характеръ *доклады* для разсылки членамъ собранія *(по числу гласныхъ)*, но, съ тѣмъ, чтобы, немедленно по отпечатаніи, по экземпляру каждаго доклада доставлялось губернатору. Подобное печатаніе *докладовъ, не составляющее обнародованія ихъ для всеобщаго свѣдѣнія*, разрѣшено упомянутымъ земскимъ управамъ впредь до тѣхъ поръ, пока опытъ не потребуетъ возвращенія къ существующему подцензурному порядку печатанія этихъ докладовъ.

Итакъ, еслибы г. Петръ Оленинъ дѣйствительно заботился о *правдѣ*, онъ сообщилъ бы, что правительство разрѣшило Таврическому земству печатать безъ предварительной цензуры лишь *доклады*, главнымъ образомъ *спеціально-хозяйственнаго* характера, и то только *по числу гласныхъ* и *для разсылки однимъ лишь этимъ гласнымъ*, но онъ не сообщилъ бы этого извѣстія въ такой формѣ, которая заставляетъ предположить будто правительство разрѣшило земству печатать безъ предварительной цензуры всякаго рода, какія вздумается, земскія изданія въ любомъ количествѣ экземпляровъ для разсылки кому угодно, а также для продажи и вообще для широкаго ихъ распространенія, о которомъ именно и мечтаетъ г. Петръ Оленинъ, какъ въ своемъ предложеніи, такъ и въ своей статьѣ.

Въ этой статьѣ есть еще одна характерная для нашихъ либераловъ черта: это—призывъ къ «правительству» для подкрѣпленія своихъ аргументовъ, къ тому самому «правительству», которое, по понятіямъ либераловъ, является необходимымъ зломъ, подлежащимъ болѣе или менѣе постепенному упраздненію. Представивъ дѣло такъ, какъ будто въ данномъ вопросѣ правительство и г. Оленинъ вполнѣ солидарны, рязанскій правдолюбецъ восклицаетъ:

«*Московскія Вѣдомости* почтили мое предложеніе разными ругательными эпитетами, назвали его «грубо-тенденціознымъ», «развязнымъ», «наивно-нелѣпымъ»... Какъ-то выпутаются теперь *консервативныя Московскія Вѣдомости*, когда узнаютъ, что эти эпитеты должно раздѣлить со мной... *правительство?*»

Итакъ, г. Петръ Оленинъ прячется за спину правительства и хочетъ увѣрить публику, что за его наивно-нелѣпыя и развязныя предложенія отвѣчаетъ не только онъ, но и правительство, что если кто тронетъ г. Петра Оленина, тотъ тронетъ и правительство, и что поэтому для консервативнаго органа г. Петръ Оленинъ является какою-то неприкосновенною особой, предъ которою нужно благоговѣть, какія бы либеральныя пошлости онъ ни изрекалъ!

Неужели г. Оленинъ не понимаетъ даже того, что консервативная газета стоитъ, прежде всего, за консервативные *принципы*.

Плохо же онъ понимаетъ, въ такомъ случаѣ, что́ такое принципъ.

Что же касается до солидарности правительства съ г. Оленинымъ, читатели изъ приведенной выше справки видѣли, что правительство такъ же мало можетъ отвѣчать за точность знаменитыхъ отнынѣ историческихъ цитатъ г. Оленина, какъ за его земскія фантазіи, ради которыхъ онъ тревожитъ прахъ Вольтера, Гейне, Бомарше, Беранже и Галилея.

Программа по вопросу о помѣстномъ дворянствѣ.

Мы печатаемъ (№ 32) письмо «Бывшаго предводителя дворянства» и его записку, въ которой изложены мѣры, необходимыя, по его мнѣнію, для упроченія нашего помѣстнаго дворянства. Записка эта заслуживаетъ особаго вниманія.

Мы имѣемъ въ ней впервые цѣльную программу мѣръ, касающихся какъ улучшенія экономическаго благосостоянія нашихъ дворянскихъ имѣній, такъ и направленныхъ къ надлежащему возстановленію значенія дворянскаго сословія въ нашей помѣстной жизни.

Въ ряду мѣръ, имѣющихъ въ виду упроченіе матеріальнаго благосостоянія помѣстнаго дворянства «Бывшій предводитель дворянства» указываетъ на необходимость: установленія неотчуждаемости и недробимости—ниже извѣстной нормы—дворянскихъ имѣній, пониженія банковыхъ платежей, существеннаго измѣненія устава Дворянскаго Банка, уменьшенія и упорядоченія земскаго обложенія и развитія меліоративнаго кредита для поддержки вспомогательныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ производствъ.

Съ цѣлью привлеченія дворянства къ жизни въ своихъ имѣніяхъ и къ службѣ на мѣстахъ, «Бывшій предводитель дворянства» предлагаетъ дальнѣйшее развитіе института земскихъ начальниковъ въ духѣ тѣхъ началъ, на которыхъ была основана вся эта реформа, усиленіе дворянскаго элемента въ земскихъ дѣлахъ, учрежденіе на мѣстахъ лицеевъ, институтовъ и военныхъ корпусовъ для воспитанія дворянскихъ дѣтей и нѣкоторыя другія весьма цѣлесообразныя мѣры.

Изъ этого краткаго перечня можно уже заключить, что программа, изложенная въ запискѣ «Бывшаго предводителя», довольно полно охватываетъ всѣ наиболѣе настоятельныя нужды нашего помѣстнаго дворянства.

Предлагаемыя имъ мѣры и по нашему убѣжденію являются настоятельно-необходимыми для немедленнаго упроченія матеріальнаго благосостоянія и для поднятія нравственнаго авторитета дворянства на мѣстахъ.

Но отдавая должное запискѣ «Бывшаго предводителя», являющейся—какъ мы уже сказали—первою систематическою формулировкой настоятельнѣйшихъ нуждъ нашего помѣстнаго дворянства,—мы не можемъ не замѣтить, что ею затронута только одна сторона дворянскаго вопроса.

«Бывшій предводитель» имѣетъ въ виду только дворянство земельное и не касается въ предлагаемыхъ имъ мѣрахъ дворянства служилаго, безземельнаго.

Между тѣмъ самъ же онъ въ началѣ своей записки совершенно основательно говоритъ, что «участіе дворянскаго сословія необходимо во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія: дворяне нужны государству на мѣстахъ—какъ просвѣщенные руководители сельскаго населенія; они нужны государству и въ рядахъ арміи, и на чредѣ административнаго и судебнаго служенія—повсемѣстно внося съ собою тотъ духъ самоотверженной преданности Престолу и Отечеству и неизмѣнной вѣрности вѣковымъ, историческимъ устоямъ нашей государственности, который искони отличалъ россійское дворянство и который и понынѣ непоколебимо твердъ во всѣхъ истинныхъ представителяхъ этого сословія».

Разъ мы признаемъ правильность этого основного положенія,—а не признать его нельзя, такъ какъ объ истинности его свидѣтельствуетъ вся исторія Россіи,—мы, конечно, должны согласиться съ тѣмъ, что, при всемъ значеніи помѣстнаго дворянства, вопросъ объ его судьбахъ въ будущемъ является только частью великаго, общаго государственнаго вопроса объ упроченіи *всего дворянскаго сословія* въ Россіи, какъ на мѣстахъ, такъ и въ арміи, и на чредѣ административнаго и судебнаго служенія.

Мы считаемъ необходимымъ теперь же указать на эту особенность программы «Бывшаго предводителя», такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ мы предполагаемъ подробно остановиться на указанныхъ выше, не затронутыхъ въ его запискѣ, сторонахъ дворянскаго вопроса.

Во всякомъ случаѣ, однако, записка «Бывшаго предводителя дворянства» является, какъ мы уже сказали, весьма полною, глубоко-обдуманною и цѣлесообразною программой для надлежащаго разрѣшенія вопроса объ упроченіи матеріальнаго благосостоянія и общегосударственнаго значенія помѣстнаго дворянства, и въ этомъ смыслѣ мы и обращаемъ на нее особое вниманіе нашихъ читателей.

Откровенность англійскаго министра.

Г. Кэрзонъ произнесъ на дняхъ въ Англійскомъ парламентѣ рѣчь по поводу индійскихъ дѣлъ, въ которой старался доказать разумность, даже неизбѣжность агрессивной политики въ Индіи. Въ этомъ своемъ стараніи онъ дошелъ до вывода, который не понравился даже его друзьямъ: онъ доказалъ, что британская власть къ Индіи находится наканунѣ своего крушенія.

Замѣтимъ, что г. Кэрзонъ — знатокъ восточныхъ дѣлъ. Онъ жилъ въ Индіи, былъ въ Афганистанѣ, гдѣ не разъ бесѣдовалъ съ эмиромъ Абдуррахманомъ. Такимъ образовъ онъ изучилъ индійскія дѣла на мѣстѣ и проникся духомъ англичанъ, живущихъ и господствующихъ въ Индіи.

Вооруженный такимъ знаніемъ, г. Кэрзонъ говоритъ, что въ Индіи «оставаться на мѣстѣ опасно, а отступать—просто гибельно». Агрессивная политика, то-есть политика захватовъ, нужна не столько для огражденія отъ внѣшнихъ опасностей, сколько для огражденія отъ внутреннихъ. Англичане господствуютъ въ Индіи только престижемъ своей непобѣдимости, и этотъ престижъ необходимо поддерживать все новыми агрессивными дѣйствіями. Если прекратить агрессивныя дѣйствія и стать въ оборонительное положеніе, то, по словамъ Кэрзона, англійское дѣло въ Индіи погибнетъ изнутри гораздо прежде, чѣмъ кто-либо успѣетъ вторгнуться въ Индію. Самъ Индійскій народъ сброситъ власть Англичанъ, какъ только потеряетъ вѣру въ ихъ непобѣдимость.

Такъ говоритъ г. Кэрзонъ, такъ же думаютъ и очень многіе дальновидные Англичане. Одно крупное пораженіе на границахъ Индіи будетъ стоить Англичанамъ всей Индіи, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что въ Индіи на тысячу туземцевъ приходится одинъ Англичанинъ, и что туземцы не только не любятъ, но ненавидятъ своихъ надменныхъ господъ,

Англичанъ, или, говоря словами англійскаго консервативнаго органа, они даже «не лойяльны, а лишь пассивно покорны».

Но долго ли еще можно будетъ поддерживать фикцію непобѣдимости Англичанъ? Конечно, не долго, такъ какъ, благодаря успѣхамъ агрессивной политики, мелкія туземныя государства, побѣды надъ которыми столь легки, постепенно исчезаютъ, и Англичане въ Индіи становятся сосѣдями съ Франціей и Россіей, по отношенію къ которымъ, конечно, уже немыслима успѣшная агрессивная политика.

Англійская радикальная печать сильно упрекала лорда Солсбери за то, что онъ уступилъ Франціи по всѣмъ пунктамъ въ спорномъ дѣлѣ о Сіамѣ и Меконгѣ. Но едвали какой либо государственный мужъ Англіи могъ поступить иначе, такъ какъ нельзя же изъ-за узкой полосы земли гдѣ-то на границахъ Сіама рисковать всею Индіей.

Судя по всѣмъ получаемымъ изъ Англіи извѣстіямъ, большинство Англичанъ во всѣхъ неудачахъ послѣдняго времени обвиняетъ одного лишь лорда Солсбери и желаетъ замѣщенія его кѣмъ бы то ни было, хотя бы герцогомъ Девонширскимъ, или хоть лордомъ Кромеромъ—словомъ, кѣмъ нибудь инымъ, только, конечно, не либераломъ. Мы увѣрены, что такое обвиненіе и желаніе неосновательны. Болѣе свѣдущій и болѣе опытный въ политическихъ дѣлахъ человѣкъ, чѣмъ лордъ Солсбери, въ Англіи едвали найдется, и ужъ навѣрное нѣтъ дѣятеля болѣе разумно-энергичнаго, болѣе способнаго вести осмотрительно агрессивную политику. Нынѣшній премьеръ — бывшій товарищъ, ученикъ и преемникъ препрославленнаго *джинго* лорда Биконсфильда и ужъ, конечно, не хуже послѣдняго успѣлъ бы и даже успѣвалъ пользоваться обстоятельствами для выгоды Англіи. Припомнимъ хотя бы, какъ смѣло онъ ограбилъ Португалію. Но времена измѣнились, и проницательный англійскій премьеръ видитъ теперь, что въ настоящее время никакая смѣлость не поможетъ, а всякая неосторожность можетъ быть гибельна. Конечно, сами Англичане не пожелаютъ замѣнить лорда Солсбери какимъ-нибудь Родсомъ или даже Кэрзономъ. Они, конечно, повели бы дѣло смѣлѣе и энергичнѣе, но за то почти навѣрное и погубили бы его очень скоро.

Поэтому Англичанамъ можно желать перемѣны не лица, стоящаго во главѣ кабинета, а всей политики. Либеральная партія, сознавая ненадежность агрессивной политики, не разъ пробовала политику соглашеній съ Россіей. Г. Кэрзонъ жалуется на то, что Россія не вполнѣ лойяльно сдержала соглашеніе 1873 года о разграниченіи сферъ вліянія въ Средней Азіи. Но лойяльность должна быть обоюдная и общая, а не прикованная къ одному мѣсту. Если Англія пытается вредить Россіи въ Европѣ, то Россія въ правѣ обратить вниманіе на Ахиллесову пяту Англіи въ Азіи. И нынѣшнее правительство Англіи не желаетъ оставлять «бреши» на границахъ Индіи, потому что не желаетъ отказаться отъ противодѣйствія Россіи въ Европѣ. Эта-то политика противодѣйствія, другими словами, консервативная политика Англіи, и потерпѣла въ послѣднее время крушеніе, и никакое лицо не въ состояніи вести ее успѣшно.

Чему учитъ насъ чудо 8 марта.

Великое чудо, совершившееся 8 марта въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ, является новымъ знаменіемъ милости Божіей; оно укрѣпляетъ вѣрующихъ, вразумляетъ колеблющихся и призываетъ невѣрующихъ отказаться отъ своего суемудрія и, пока не поздно, преклониться предъ всемогущею силой Господа.

Чудеса, совершившіяся на нашихъ глазахъ въ Боркахъ, Черниговѣ, Курскѣ—для всѣхъ очевидны и неоспоримы. Человѣческому разуму нѣтъ возможности ни отвергнуть ихъ, ни объяснить ихъ естественнымъ путемъ: остается только либо признать въ нихъ проявленіе Высшей, цѣлесообразной, но недоступной человѣческому уму Божественной Силы, либо—молчать о нихъ.

Это мы, дѣйствительно, и видимъ вокругъ себя.

Вся масса православнаго Русскаго народа, отъ низшихъ до высшихъ его сферъ, потрясена и взволнована тѣмъ, что произошло въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Открыто признавая чудеснымъ явленіемъ невредимость иконы Божіей Матери среди окружившаго ее адскаго розгрома, Русскій народъ обращается со слезами и молитвою къ Заступницѣ рада человѣческаго, съ искреннимъ покаяніемъ въ своихъ грѣхахъ, съ твердою рѣшимостью упорно трудиться надъ своимъ духовно-нравственнымъ исправленіемъ. Нѣтъ той русской хижины, нѣтъ того русскаго дворца, въ которомъ бы Русскіе люди не перекрестились, узнавъ о чудесномъ явленіи 8 марта, и это крестное знаменіе послужило видимымъ знакомъ, объединяющимъ десятки милліоновъ Русскихъ людей одною общею вѣрой въ истинную и несокрушимую силу Православной Церкви Христовой.

И вотъ, среди этой массы искренно-вѣрующихъ людей стоятъ отщепенцы Русскаго народа и—молчатъ. Они не могутъ, не хотятъ раздѣлять нашихъ чувствъ, порожденныхъ чудомъ 8 марта, но не смѣютъ и отрицать его въ виду полной его неоспоримости.

Мы всѣ знаемъ этихъ жалкихъ людей съ ихъ грошовыми фразами, съ ихъ газетной и журнальной «наукой», съ ихъ дутымъ самомнѣніемъ; они всегда чужды Русскому народу, но никогда это отчужденіе не бросается такъ рѣзко въ глаза, какъ въ тѣ знаменательные дни, когда вся Русь движется единымъ глубокимъ чувствомъ, возвышается единымъ великимъ помышленіемъ. Въ эти критическія минуты они всегда молчатъ, какъ молчатъ и теперь; они стараются переждать, когда поднявшіяся волны народныхъ чувствъ и вѣрованій улягутся, чтобы затѣмъ снова приняться за циническую проповѣдь своихъ пошлыхъ и развращающихъ ученій.

Такіе дни, какъ тѣ, которые мы переживаемъ нынѣ, являются наилучшимъ критеріемъ для распознаванія истинныхъ друзей Русскаго народа отъ враговъ его. Тѣ лица, тѣ органы печати, которые нынѣ стараются отдѣлаться молчаніемъ предъ очевидною ясностью ниспосланной намъ чудесной милости Божіей, налагаютъ на себя тѣмъ самымъ печать отверженности, которая не сойдетъ съ ихъ чела и впослѣдствіи, когда они снова примутся разглагольствовать о своей «гуманности» и о своей «любви» къ Русскому народу.

Не ненависть возбуждаютъ въ насъ эти люди, оторванные отъ своего

народа, а глубокую жалость. Еще 20 лѣтъ тому назадъ они не стояли бы такими одинокими, какими стоятъ теперь среди всей массы Русскихъ людей, открыто признающихъ и исповѣдающихъ имя Господне. 20 лѣтъ тому назадъ времена были иныя: отщепенцы Русскаго народа задавали тогда тонъ не только въ нормальные, но и въ критическіе дни русской жизни, и явись *тогда* чудесное знаменіе въ Курскѣ, едва ли нашлось бы много русскихъ органовъ печати, которые осмѣлились бы открыто признать въ немъ всемогущую Силу Бога. Это было ужасное время. Вѣрующіе стыдились своей вѣры и молчали, а невѣрующіе открыто хвастались своимъ невѣріем.

Прошло 20 лѣтъ, и роли измѣнились, терроръ атеизма прекратился, и вѣра въ Бога всюду вокругъ насъ открыто исповѣдуется, а кощунственное хвастовство умолкло.

Кому обязаны мы этою благою метаморфозой, которой не могутъ отрицать самые закоренѣлые пессимисты? Кому, какъ не Тому же Обновителю и Воскресителю Россіи, Которому мы обязаны и всѣми остальными неисчислимыми благами возрожденной Россіи? Кому, какъ не Александру III, положившему твердою рукой предѣлъ всякой пропагандѣ развращающихъ народъ ученій, въ особенности же—пропагандѣ невѣрія, самой опасной для нашего народа, у котораго всѣ общественные и государственные идеалы всецѣло зиждутся на религіозной основѣ.

Пропаганда эта нынѣ снова подняла свою голову. Она старается захватить весь народъ въ свои сѣти не только путемъ школъ для малолѣтнихъ ребятъ, но, подходя гораздо ближе къ цѣли, путемъ «просвѣтительныхъ» подкоповъ подъ духовно-нравственную основу Русскаго народа, путемъ цѣлой организованной сѣти чтеній, бесѣдъ, «самообразовательныхъ программъ», тенденціозныхъ брошюръ и картинъ, «народныхъ университетовъ, народныхъ «развлеченій», путемъ различныхъ обществъ съ благовидными цѣлями и злонамѣренными дѣйствіями.

Одновременно зашевелилась и заграничная пропаганда, съ ея возмутительною литературой, какъ о томъ свидѣтельствуетъ разбиравшійся недавно въ Лондонѣ процессъ русскаго анархиста Владиміра Бурцева, котораго даже англійскій судъ приговорилъ къ каторжной работѣ за подстрекательство къ политическимъ преступленіямъ въ Россіи. И вотъ уже Курскій динамитный взрывъ невольно переноситъ насъ воспоминаніями въ ужасную эпоху конца 70-хъ годовъ. Насъ хотятъ снова лишить того, что̀ мы такою дорогою цѣной вернули себѣ въ теченіе послѣднихъ семнадцати лѣтъ, насъ хотятъ снова запугать и сбить съ того прямого пути, на который направилъ насъ геній Александра III.

Но, слава Богу, время еще не упущено. Злонамѣренная пропаганда находится еще въ самомъ своемъ началѣ. Осѣнившее насъ чудо милости Божіей дало намъ возможность сосчитать свои силы и убѣдиться въ томъ, что невольные «молчальники» находятся еще въ жалкомъ меньшинствѣ и одиночествѣ, что они еще далеко не успѣли вернуть себѣ позицію, которую занимали 20 лѣтъ тому назадъ, и что, поэтому, намъ легче будетъ съ ними справиться, чѣмъ въ то время, когда они нагоняли страхъ даже на петербургскія канцеляріи.

Настоящій моментъ засталъ ихъ врасплохъ; они только еще начали разставлять свои сѣти, въ ожиданіи будущаго богатаго улова въ той водѣ, которую имъ хотѣлось бы снова замутить.

Вотъ этого теперь они и добиваются; вотъ этого они и не должны до-

стигнуть. «Просвѣщеніе» народа не ихъ дѣло, а дѣло Церкви и правительства. Прочь руки, господа, отъ чистаго источника русскаго религіознаго сознанія! Не отравляйте его своею «интеллигентною» мутью!

Богъ посылаетъ намъ Свои чудеса не всуе, а дабы во время насъ остановить въ нашихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, дабы избавить насъ отъ новыхъ тяжкихъ грѣховъ. Господь насъ предупредилъ. Мы знаемъ грозящую намъ опасность, мы знаемъ нашихъ враговъ. Неужели мы будемъ медлить въ дѣлѣ нашей самозащиты, въ дѣлѣ защиты нашего народа, въ дѣлѣ защиты, наконецъ, нашихъ святыхъ православныхъ храмовъ? Не станемъ же мы ждать новыхъ кощунственныхъ динамитныхъ взрывовъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, въ чемъ мы давно уже всѣ убѣждены?

Мы не знаемъ, кто виновникъ возмутительнаго Курскаго покушенія: разъяренный ли анархистъ, или мрачный фанатикъ изъ тѣхъ сектантовъ, которыхъ извѣстныя брошюры съ такимъ упорствомъ подстрекаютъ противъ церковныхъ обрядовъ и почитанія святыхъ иконъ; но несомнѣнно одно, что это адское кощунство можетъ быть только прямымъ плодомъ грубѣйшаго атеизма. Итакъ *невѣріе* является, очевидно, тѣмъ основнымъ зломъ, отъ котораго намъ Господь Своимъ чудомъ велитъ всѣми мѣрами охранять, какъ нашихъ дѣтей, такъ и весь народъ Русскій.

Мы сами возьмемъ на себя тяжкій грѣхъ, если останемся глухи къ голосу Божію и всѣхъ этихъ мѣръ не примемъ.

Измѣнилась ли внѣшняя политика Россіи?

За послѣднее время неоднократно приходилось слышать толки о томъ, будто внѣшняя политика Россіи измѣнилась и приняла новое направленіе, противоположное прежнему «традиціонному» направленію. Какъ на признаки такой метаморфозы русской политики, обыкновенно указываютъ на наши отношенія къ Критянамъ и къ Греціи во время послѣдней войны и на занятіе нашею эскадрой Портъ-Артура.

Намъ уже неоднократно приходилось высказываться по поводу упомянутыхъ двухъ вопросовъ, и мы всегда доказывали, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, политика Россіи была вполнѣ правильною. Посмотримъ же, насколько она является «новою», и дѣйствительно ли она, какъ нѣкоторые увѣряютъ, противорѣчитъ прежней политикѣ Россіи.

Но для этого сперва необходимо условиться, что̀ считать «прежнею» русскою политикой. Если подъ этимъ терминомъ подразумѣвать ту политику, при которой Россія сочла возможнымъ продать Аляску, при которой она, послѣ своихъ славныхъ побѣдъ, согласилась предстать, почти какъ обвиняемая, предъ Берлинскимъ судилищемъ, и при которой она всѣ свои дѣйствія и даже намѣренія сопровождала тревожною мыслью: qu'en dira l'Europe?— если, говоримъ мы, подъ «прежнею» политикой Россіи подразумѣвать *эту* политику, тогда мы, дѣйствительно, должны признать, что внѣшняя политика Россіи перемѣнилась и перемѣнилась довольно рѣзко.

Но когда же совершилась эта перемѣна? Вчера? Третьяго дня? Нѣтъ,—

она совершилась двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, по Державной волѣ Императора Александра III, Россія сбросила съ себя путы тройственнаго союза и возвратила себѣ полную самостоятельность всѣхъ своихъ дѣйствій.

Съ этого великаго критическаго момента внѣшняя политика Россіи развивалась прямо, логически, послѣдовательно до настоящаго дня и никакимъ измѣненіямъ не подвергалась.

Девизомъ этой политики сталъ нашъ великій *національный* идеалъ, который, дѣйствительно, осуществился на глазахъ всего міра—*твердая и достойная охрана русскихъ интересовъ для мирнаго развитія и укрѣпленія могущества Россіи.*

Для достиженія этой цѣли Россія Александра III вошла въ тѣсное единеніе съ Франціей, дабы, парализовавъ тройную лигу, обезпечить себѣ спокойствіе на своей восточной границѣ.

Съ этою же цѣлью Россія положила конецъ своей черезчуръ сентиментальной политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ, которая всегда цинически эксплуатировалась нашими врагами, втягивавшими насъ въ войны и подстрекавшими противъ насъ тѣ самыя народности, за освобожденіе которыхъ мы такъ безкорыстно проливали нашу кровь. Россія разъ навсегда рѣшила не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Балканскихъ государствъ, но и не давать въ нихъ вспыхивать революціоннымъ страстямъ, которыя могли бы угрожать европейскому миру, а слѣдовательно и спокойствію Россіи.

Съ этою же, наконецъ, цѣлью Россія Александра III, обезпечивъ себѣ миръ въ Европѣ, устремила свое вниманіе на Дальній Востокъ, предвидя, что тамъ ей предстоитъ въ недалекомъ будущемъ занять первостепенное положеніе благодаря близкому уже окончанію нашей великой Сибирской дороги.

Такова была въ общихъ чертахъ внѣшняя политика Россіи, установленная покойнымъ Царемъ-Самодержцемъ: таковою она осталась и до настоящаго времени.

Союзъ съ Франціей укрѣпился, миръ въ Европѣ утвердился, и врагамъ Россіи не удалось нарушить его, несмотря на то, что они неоднократно устраивали на Балканскомъ полуостровѣ кровавыя замѣшательства, которыя должны были сбить Россію съ ея твердо-намѣченнаго мирнаго пути. Наконецъ, и на Дальнемъ Востокѣ предначертанія покойнаго Императора исполнились въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и Россія заняла твердую позицію на той міровой сценѣ, которая въ XX столѣтіи несомнѣнно будетъ свидѣтельницей великихъ историческихъ событій.

Въ чемъ же Россія измѣнила свою политику? Что̀ же она за послѣднее время сдѣлала такого, что̀ противорѣчило бы прежней политикѣ Александра III?

«А какъ же,—отвѣчаютъ намъ,—она стала на сторону Турокъ противъ Грековъ! Она, слѣдуя примѣру какой-нибудь Англіи или Германіи, чуть не силой захватила китайскій портъ!»

Сто̀итъ ли отвѣчать на эти дѣтскія возраженія?

Россія никогда не становилась на сторону Турокъ противъ Грековъ; но она не стала, и не должна была стать, на сторону революціи, кто бы эту революцію ни затѣвалъ—Армяне, Македонцы, или Критяне, такъ какъ всѣ они дѣйствовали по подстрекательству Англіи, желавшей отвлечь Россію отъ Азіи посредствомъ новой Балканской войны.

Россія никогда не становилась на сторону Турокъ противъ Грековъ: она

употребляла всѣ усилія, чтобъ удержать единовѣрный ей Греческій народъ отъ неминуемо-гибельной для него войны съ Турціей, а когда Греція, не послушавшись истинно дружескихъ совѣтовъ, дѣйствительно навлекла на себя эту гибель, слово Русскаго Императора спасло ее отъ разоренія, утѣшило ее въ ея несчастіи, облегчило ея тяжкое положеніе и даровало ей надежду на лучшую будущность и на исполненіе какъ ея лучшихъ надеждъ, такъ и самыхъ завѣтныхъ упованій жителей Крита. Греція теперь вполнѣ поняла, что политика Россіи относительно ея не измѣнилась, и что она въ Россіи всегда найдетъ самаго искренняго друга въ ея дальнѣйшемъ мирномъ развитіи. То благодарное чувство, съ которымъ Греція нынѣ относится къ Россіи, является лучшимъ свидѣтельствомъ того, что политика Россіи была не только правильною, но и оставалась вѣрною лучшимъ завѣтамъ прошлаго.

Что касается тѣхъ переговоровъ, которые мы нынѣ ведемъ съ Китаемъ относительно пріобрѣтенія незамерзающаго порта, который могъ бы служить конечнымъ пунктомъ Сибирской дороги, то мы не понимаемъ, за что можно было бы въ данномъ случаѣ упрекать политику Россіи въ какомъ то вредномъ новшествѣ.

Разъ мы начали строить Сибирскую желѣзную дорогу, разъ мы приступили къ этому великому міровому дѣлу, мы легко могли предвидѣть, что Англія, Германія, Японія или Соединенные Штаты захотятъ лишить насъ естественныхъ и законныхъ плодовъ нашего мирнаго предпріятія, захвативъ въ свои руки то морское побережье, которое прилегало бы къ конечному пункту нашего великаго рельсоваго пути. Дальній Востокъ—не Средняя Азія, въ которой мы могли укрѣпляться и подвигаться впередъ, не заботясь о какихъ бы то ни было европейскихъ соперникахъ (хотя даже и тутъ мы встрѣтили въ Афганистанѣ страну, уже предвосхищенную Англичанами); берега же Японскаго и Китайскаго моря открыты для соперничества всѣхъ мореходныхъ націй, въ особенности послѣ Японско-Китайской войны, впервые привлекшей къ Дальнему Востоку то сосредоточенное вниманіе Европы, которое отнынѣ, въ теченіе грядущаго XX столѣтія, все будетъ усиливаться и никогда уже не прекратится. Слабость Китайской имперіи легко могла возбудить мысль объ ея раздѣлѣ, что совершенно противорѣчило бы интересамъ Россіи. Помѣшать же этому раздѣлу мы бы не могли, глядя на событія изъ нашего Сибирскаго далека. Для этого намъ нужно было, въ интересахъ самого же Китая, стать твердою ногой на наиболѣе выгодномъ намъ пунктѣ восточнаго побережья, дабы обезпечить себѣ твердый базисъ для предстоящей намъ на Дальнемъ Востокѣ той же роли строгаго и сильнаго хранителя мира, которой мы неуклонно и успѣшно держимся въ Европѣ.

А разъ мы все это имѣли въ виду, мы должны были дѣйствовать рѣшительно и быстро, такъ же рѣшительно и быстро, какъ дѣйствовали наши соперники. Еслибы мы захотѣли сидѣть сложа руки и ждать, что Портъ-Артуръ намъ самъ свалится съ неба, мы жестоко бы ошиблись, такъ какъ Англичане или Японцы не стали бы ждать и заняли бы его гораздо раньше, чѣмъ дошла бы до него Маньчжурская дорога.

Да, конечно, еслибы мы имѣли дѣло съ однимъ только Китаемъ, мы могли бы не торопиться и мирно вести безконечные переговоры съ Цзунгъ-ли яменомъ въ спокойной увѣренности, что въ концѣ концовъ наши интересы не потерпѣли бы никакого ущерба. Но на Китайскомъ побережьѣ мы теперь имѣемъ дѣло уже не съ благодушными сынами Небесной Имперіи, а съ на-

шими старыми европейскими знакомыми, да съ Японцами, которые всѣ соперничаютъ между собою въ ненасытной алчности и стремительной рѣшительности. Здѣсь здравая русская политика должна, какъ говорится, смотрѣть въ оба, дорожить каждою минутой и съ напряженною бдительностью охранять честь, достоинство и жизненные интересы Россіи, преслѣдуя при этомъ все тѣ же мирныя цѣли, которыми никто такъ не дорожитъ, какъ Россія.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя политика Россіи въ Западной Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ и на Дальнемъ Востокѣ. Эта политика вполнѣ достойна Россіи, соотвѣтствуетъ ея міровому положенію, возвышаетъ ея авторитетъ въ міровомъ концертѣ и вполнѣ согласуется съ завѣтами Монарха, положившаго ей прочное основаніе на благо Россіи и всего человѣчества.

Новое Русско-Китайское соглашеніе.

Совершилось событіе первостепенной важности: императорскія русскія войска заняли китайскіе приморскіе города Портъ-Артуръ и Таліенванъ, и подняли надъ ними русскій флагъ рядомъ съ китайскимъ.

Послѣднее обстоятельство вполнѣ опредѣляетъ мирный характеръ этого событія, совершившагося по обоюдному, дружелюбному соглашенію обѣихъ державъ, къ несомнѣнной общей ихъ пользѣ.

Въ переданныхъ намъ сегодня по телеграфу Правительственномъ сообщеніи и циркулярной телеграммѣ нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ изложены основныя условія этого соглашенія, которыя свидѣтельствуютъ о той серіозной обдуманности, съ которою, очевидно, велись переговоры, закончившіеся столь успѣшнымъ результатомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подписанное 15 марта въ Пекинѣ особое русско-китайское соглашеніе составлено такъ, что оно удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ Россіи и вмѣстѣ не только не нарушаетъ, но даже обезпечиваетъ неприкосновенность верховныхъ правъ Китая; обѣ имперіи этимъ знаменательнымъ актомъ подтвердили передъ цѣлымъ міромъ установившіяся между ними дружественныя отношенія и открыто выразили свое твердое намѣреніе «направить всѣ усилія къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ пограничныхъ владѣній, на обоюдную пользу подвластныхъ имъ народовъ».

Но главное міровое значеніе Пекинскаго договора 15 марта заключается въ томъ, что русско-китайскія дружественныя отношенія дали возможность открыть новые широкіе горизонты для успѣховъ мирной человѣческой культуры.

Отнынѣ въ Тихомъ Океанѣ созданъ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій всѣхъ культурныхъ государствъ при посредничествѣ великой Сибирской магистрали, «призванной отнынѣ», какъ сказано въ Правительственномъ сообщеніи, «соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта».

Мало того, великая Сибирская дорога не только соединитъ крайніе пре-

дѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта, она впервые соединитъ весь Старый Свѣтъ въ одно неразрывное цѣлое, въ *одинъ колоссальный материкъ.* Объ этой мiровой идеѣ мечтали восточные и западные завоеватели древнихъ и новыхъ временъ, но осуществить ее не могли, такъ такъ имъ доступны были одни пути грубаго насилiя. Осуществленiе ея выпало на долю Россiи, которая для распространенiя своего мирнаго могущества обладаетъ такими сокровенными и неотразимыми силами, предъ которыми даже невозможное становится возможнымъ.

Но и Россiя, включивъ въ предѣлы своей державы всю сѣверную половину Азiи, тѣмъ не менѣе доселѣ сама рѣзко дѣлилась на двѣ части, на Россiю Европейскую и Россiю Азiатскую; это ненормальное положенiе прекратилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ русскiй паровозъ прорѣзалъ себѣ путь чрезъ Уральскiй хребетъ и двинулся въ глубь Азiи, постепенно соединяя ее тѣсною, непосредственною и непрерывною связью съ Европой.

Мiровая задача была рѣшена, и весь вопросъ заключался только въ томъ, гдѣ остановится этотъ русскiй паровозъ, этотъ символъ европейско-азiатскаго единенiя: на такомъ ли портѣ Восточнаго Океана, который, по климатическимъ условiямъ, первостепеннаго значенiя для мiровыхъ культурныхъ сообщенiй имѣть не можетъ, каковы всѣ сибирскiя гавани,—или на такомъ портѣ, который по своему положенiю явился бы вполнѣ достойнымъ конечнымъ пунктомъ столь колоссальнаго сооруженiя, какимъ является нашъ Сибирскiй магистральный путь.

Нынѣ и этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно и въ самомъ благопрiятномъ смыслѣ: Пекинскимъ договоромъ 15 марта «Императорскому Русскому правительству уступлены въ пользованiе на 25-лѣтнiй срокъ, который, по обоюдному согласiю, можетъ быть затѣмъ продолженъ, порты Артуръ и Талiенванъ съ соотвѣтствующими территорiями и воднымъ пространствомъ, а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединенiе этихъ портовъ съ великою Сибирскою магистралью», которая такимъ образомъ дѣйствительно теперь станетъ безусловно *первымъ по важности мiровымъ путемъ человѣческой культуры, торговли и промышленности.*

Правительственное сообщенiе совершенно основательно говоритъ, что «подписанное въ Пекинѣ соглашенiе имѣетъ для Россiи глубокое историческое значенiе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и успѣхи на почвѣ взаимнаго общенiя народовъ».

Этими словами вполнѣ вѣрно характеризуется не только данный блестящiй успѣхъ русской политики, но и вообще всѣ удачныя или полезныя для Россiи мѣры. Все, что содѣйствуетъ успѣхамъ Россiи, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхамъ столь желаннаго для всѣхъ мира. Не о завоеванiяхъ мечтаетъ Россiя и не о расширенiи своихъ и безъ того обширныхъ владѣнiй: если ей приходится, какъ въ данномъ случаѣ, поднимать свой флагъ надъ какою-либо новою мѣстностью, то она дѣлаетъ это лишь съ тою цѣлью, чтобы сильнѣе и лучше содѣйствовать «благамъ мира и успѣхамъ на почвѣ взаимнаго общенiя народовъ».

Въ самомъ дѣлѣ, одновременно съ занятiемъ Талiенвана, Россiя открываетъ этотъ портъ для иностранной торговли и заявляетъ, что «суда всѣхъ дружественныхъ нацiй встрѣтятъ тамъ самое широкое гостепрiимство». Такимъ образомъ, Пекинское соглашенiе не только не нарушаетъ интересовъ какого-либо иностраннаго государства,—напротивъ того, «оно даетъ всѣмъ на-

ціямъ міра возможность въ недалекомъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьѣ Желтаго Моря».

Если новое Русско-Китайское соглашеніе, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ событій нашего вѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ въ такой высокой степени не только интересамъ Россіи и Китая, но и всѣхъ остальныхъ культурныхъ націй, то оно несомнѣнно свидѣтельствуетъ о государственной мудрости его составителей и служитъ новымъ блестящимъ доказательствомъ твердости и зоркой предусмотрительности внѣшней политики Россіи.

Мы стоимъ еще слишкомъ близко передъ настоящимъ результатомъ этой политики, чтобы вполнѣ охватить всю колоссальность его историческаго значенія, которое вполнѣ оцѣнятъ лишь наши потомки: они несомнѣнно причислятъ Пекинское соглашеніе 15 марта къ самымъ славнымъ страницамъ нашей исторіи.

Портъ-Артуръ и Вей-Хай-Вей.

Вѣсть о томъ, что Китай уступилъ Англіи свой портъ Вей-Хай-Вей въ долгосрочную аренду, вызвала въ нашемъ обществѣ и въ нашей печати самые разнообразные толки, основанные большею частію на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и отличающіеся иногда, вслѣдствіе этого, совершенно безпричиннымъ пессимизмомъ.

Чаще всего приходится слышать слѣдующіе три довода, которые выдвигаются для подкрѣпленія этого совершенно невѣрнаго взгляда на дѣла Дальняго Востока: *во первыхъ,* насъ хотятъ увѣрить, что передача Вей-Хай-Вея Англичанамъ была совершенно *неожиданнымъ* ударомъ, нанесеннымъ Англичанами Россіи; *во вторыхъ,* передача эта выставляется какимъ то геніальнымъ шагомъ англійской дипломатіи, который будто бы совершенно парализовалъ пріобрѣтеніе Портъ-Артура и Таліенвана Россіей; *въ третьихъ,* наконецъ, высказывается опасеніе, что поднятіе англійскаго флага въ Вей-Хай-Вeѣ послужитъ сигналомъ къ цѣлому ряду самыхъ серіозныхъ осложненій на берегахъ Желтаго Моря.

Всѣ эти соображенія и предсказанія, къ счастію, не имѣютъ подъ собой никакой реальной почвы.

Прежде всего необходимо установить тотъ фактъ, что утрата Китаемъ Вей-Хай-Вея никоимъ образомъ не могла быть неожиданностью для Россіи. Японія нисколько не скрывала своего намѣренія удержать за собой этотъ портъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, даже по уплатѣ Китаемъ военной контрибуціи. Что тотъ же портъ давно уже былъ облюбованъ Англіей, было хорошо извѣстно Россіи, и еще въ ноябрѣ прошлаго года принималась въ соображеніе возможность перехода Вей-Хай-Вея въ англійскія руки. Очевидно, поэтому, что въ мартѣ текущаго года переходъ порта къ Англіи ни въ какомъ случаѣ не могъ быть какимъ то «неожиданнымъ сюрпризомъ» для Русскаго правительства. Наконецъ, съ тѣхъ поръ какъ въ прошломъ году Нѣмцы рѣшили занять Кіао-Чау, являлась и третья возможность—переходъ Вей-

Хай Вея въ руки нынѣ уже сосѣдней съ нимъ Германіи. Какая бы изъ этихъ трехъ возможностей ни осуществилась, одно было ясно, что Вей-Хай-Вей для Китая безвозвратно потерянъ, и что въ немъ засядутъ либо Японцы, либо Нѣмцы, либо Англичане.

Невыгоднѣе всего было бы для насъ, конечно, постоянное занятіе этого порта Японцами, вслѣдствіе близости Вей-Хай-Вея отъ самой Японіи. Опираясь на такія двѣ точки какъ Хирошима и Вей-Хай-Вей, Японцы *de facto* являлись бы хозяевами въ Желтомъ Морѣ и имѣли бы возможность противодѣйствовать намъ на каждомъ шагу. Занятіе Вей-Хай-Вея Нѣмцами представляло бы для насъ менѣе неудобствъ, нежели занятіе Японцами, потому что главная база Германіи оставалась бы въ Европѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ, а это ослабляло бы положеніе Нѣмцевъ въ Азіи. Но Нѣмцы, опираясь на Кіао-Чау и Вей-Хай Вей, имѣли бы въ своемъ распоряженіи довольно значительный *Hinterland*, а именно весь Шентонгскій полуостровъ, который, при развитіи своихъ естественныхъ силъ, придавалъ бы положенію Нѣмцевъ твердую и крѣпкую почву.

Въ виду этого, еслибы приходилось выбирать кого-либо изъ трехъ претендентовъ, то самымъ удобнымъ сосѣдомъ являлась для Россіи Англія, которая въ концѣ концовъ и заняла этотъ портъ. Удобнымъ сосѣдомъ она является по той причинѣ, что въ рукахъ Англіи Вей-Хай-Вей всегда будетъ только военнымъ портомъ, не имѣющимъ будущности, потому что онъ лишенъ *Hinterland'а*. Шентонгскій полуостровъ подчиненъ сферѣ вліянія Германіи, и послѣдняя по необходимости вынуждена будетъ отстаивать свои интересы, если не желаетъ, чтобы Кіао-Чау потерялъ для нея всякій смыслъ существованія.

Отвѣтивъ на первый доводъ нашихъ пессимистовъ, мы въ сущности отвѣтили уже и на второй ихъ аргументъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серіозно говорить о томъ, что послѣдній дипломатическій шагъ Англіи «парализовалъ все значеніе пріобрѣтенныхъ Россіей Портъ-Артура и Таліенвана»? Достаточно одного взгляда на карту, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Положеніе Англіи на берегахъ Желтаго Моря опирается на давно уже принадлежащемъ ей Гонгъ-Конгѣ. Отсюда она можетъ грозить своимъ противникамъ гораздо сильнѣе, чѣмъ изъ какого-нибудь Вей-Хай-Вея. Правда, Вей-Хай-Вей на одинъ день морского пути ближе къ Пекину, чѣмъ Гонгъ Конгъ, но еще ближе къ столицѣ Небесной Имперіи портъ Чифу, открытый для всѣхъ европейскихъ судовъ, а также, слѣдовательно, и для англійской эскадры, которая захотѣла бы угрожать Портъ-Артуру и Таліенвану.

Но еслибы даже Вей-Хай-Вей имѣлъ какое-нибудь самостоятельное значеніе въ рукахъ Англичанъ, то онъ не можетъ «парализовать» значенія Портъ-Артура въ рукахъ Россіи уже потому, что онъ, какъ мы видѣли, является лишь приморскимъ пунктомъ, не опирающимся на какія-либо англійскія территоріи, идущія въ глубь страны, тогда какъ Hinterland Портъ-Артура, благодаря Сибирско-Манчжурской дорогѣ, будетъ простираться до самаго Петербурга.

Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли разочаровывать Англичанъ въ одержанной ими дипломатической побѣдѣ. Они говорятъ, что передача имъ Вей-Хай-Вея является для нихъ вполнѣ достойною компенсаціей за пріобрѣтеніе Россіей Портъ-Артура и Таліенвана. Мы очень рады, что національное чувство Англичанъ нашло себѣ полное удовлетвореніе и теперь, наконецъ, мо-

жетъ совершенно успокоиться на столь кстати подоспѣвшихъ египетскихъ лаврахъ. Англійскіе джингоисты перестанутъ, наконецъ, упрекать Великобританское правительство въ бездѣйствіи, и побѣды, одержанныя нынѣ Англичанами въ Африкѣ и Азіи, заставятъ умолкнуть и англійскую печать, требовавшую отъ лорда Солсбери блестящихъ успѣховъ въ отвѣтъ на успѣхи Россіи. Теперь Англичане, по собственному ихъ признанію, «поквитались» съ нами, и мы этого вовсе оспаривать не желаемъ. Напротивъ того, мы надѣемся, что теперь на Дальнемъ Востокѣ начнется новая эра не какихъ-либо непріятныхъ осложненій, а мирной, дружной культурной работы, въ которой такъ же заинтересована Россія, какъ и Англія, Японія, Германія и Франція.

Занятіе Вей-Хай-Вея является послѣднимъ, заключительнымъ звеномъ дипломатическихъ соглашеній, заключаемыхъ между Китаемъ и Европейскими державами и вызванныхъ измѣненіемъ политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ послѣ Китайско-Японской войны. Цѣль этихъ соглашеній заключается въ сущности въ томъ, чтобы предотвратить возможность повторенія такой войны, которая доставила Японіи столь легкую сравнительно побѣду и возбудила въ ней весьма естественныя надежды на новые военные подвиги. Обнаружилась съ полною очевидностью необходимость оградить существованіе Китайской Имперіи и обезопасить миръ на берегахъ Желтаго Моря усиліями европейскихъ державъ, которыя съ этою цѣлью должны были получить территоріальную опору въ самомъ Китаѣ. Наступила та серія событій, которая, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ дѣломъ, была окрещена именемъ «начала дѣлежа Китая», но которая на самомъ дѣлѣ была лишь обезпеченіемъ безопасности Китайской Имперіи отъ какихъ бы то ни было новыхъ военныхъ опасностей.

Такимъ образомъ и третій доводъ нашихъ пессимистовъ оказывается столь же неосновательнымъ, какъ и первые два. Ни по своему фактическому, ни по своему дипломатическому значенію занятіе Вей-Хай-Вея Англичанами не только не является угрозой миру, но, напротивъ того, знаменуетъ собой окончаніе натянутыхъ отношеній между Россіей и Англіей на Дальнемъ Востокѣ, продолжавшихся со времени Шимоносекскаго договора и неоднократно отражавшихся и на европейской политикѣ Англіи, въ видѣ чрезмѣрной нервности ея государственныхъ дѣятелей. Въ виду этого мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что, съ удовлетвореніемъ національнаго самолюбія Англичанъ на берегахъ Печилійскаго залива, они будутъ проявлять болѣе спокойное благоразуміе при окончательномъ регулированіи тѣхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ мы съ ними принимаемъ участіе въ Константинополѣ, на благо всеобщему миру.

Война.

Испанія и Соединенные Штаты ужъ обмѣнялись первыми выстрѣлами, и война началась...

Роль Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ всецѣло вызванномъ ими столкновеніи рисуется далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ, и ея рыцарственный противникъ возбуждаетъ наше полное сочувствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы очень наивно думать, что Штаты напали на Испанію съ безкорыстною цѣлью вступиться за Кубанцевъ, какъ это сдѣлала, напримѣръ, Россія по отношенію къ Балканскимъ Славянамъ въ 1877 году. Стремленіе Штатовъ къ объединенію всего Новаго Свѣта подъ звѣзднымъ флагомъ хорошо извѣстно. Къ тому же Куба представляетъ по своему богатству, своему географическому и стратегическому положенію слишкомъ лакомый кусокъ, который къ тому же «плохо лежитъ». Какъ не воспользоваться имъ именно теперь, пока во главѣ Испаніи стоитъ слабая женщина и двѣнадцатилѣтній ребенокъ? Какъ не проявить силу своего кулака предъ несомнѣнно слабымъ противникомъ? Какъ не идти на вѣрную удачу, когда этому не препятствуетъ ни посторонняя сила, ни собственная совѣсть?

Уже давно добивались Штаты этого присоединенія болѣе простымъ путемъ, предлагая Испаніи за Кубу огромныя деньги. Эти предложенія, однако, постоянно встрѣчали отказъ со стороны Испанцевъ, находившихъ такую торговлю своею территоріей несовмѣстимою съ ихъ національнымъ и государственнымъ достоинствомъ. Эти американскія предложенія совершенно опровергаютъ мысль, чтобы Штаты стали тратить деньги и кровь своихъ гражданъ только на то, чтобы сдѣлать изъ Кубы «самостоятельную» республику!.. Къ тому же во время послѣдняго возстанія на Кубѣ поведеніе Сѣверо-Американской республики по отношенію къ Испаніи далеко не можетъ быть названо корректнымъ. Постоянная помощь инсургентамъ деньгами, людьми, оружіемъ, боевыми припасами, открыто формирующіяся въ американскихъ гаваняхъ флибустьерскія экспедиціи и т. д.,—все это совершенно противорѣчитъ основнымъ принципамъ международнаго права. И теперешнее нападеніе Штатовъ на Испанію далеко не можетъ быть ни оправдано, ни даже замаскировано какими-нибудь идеальными соображеніями. Дѣло стоитъ на чисто практической почвѣ. Куба, по всѣмъ правамъ, составляетъ неотъемлемую собственность Испаніи, а Соединенные Штаты хотятъ во что бы то ни стало лишить Испанію ея законнаго достоянія и присвоить его себѣ. Если имъ удастся эта циническая политика, то Куба наводнится всякаго рода американскими крупными и мелкими хищниками: американскіе милліонеры наложатъ свои тяжелыя руки на благосостояніе острова; экономическое рабство и полное разореніе аборигеновъ страны будутъ результатомъ господства и хозяйничанія сѣверсамериканской плутократіи.

Конечно, Испаніи трудно будетъ выдержать неравную борьбу съ богатыми и сильными Штатами. И думается, что сами Испанцы это сознаютъ... Если они борются, то потому, что не желаютъ уронить національную честь. Надежды на побѣду нѣтъ, но пусть врагъ, по крайней мѣрѣ, дорого за нее заплатитъ. И вотъ въ числѣ другихъ причинъ—эта рыцарственность, это сознаніе собственнаго достоинства, эта преданность національной идеѣ и готовность къ смерти безъ надежды на побѣду—ярко выдѣляются на современномъ фонѣ всеобщаго узкаго и пошлаго утилитаризма и еще болѣе увеличиваютъ наши симпатіи къ благородному Испанскому народу.

Но нѣтъ ли какой нибудь вины за Испаніей въ этомъ столь роковомъ для нея вопросѣ?

Несомнѣнно есть, и вина тяжкая, хотя, по правдѣ сказать, отвѣтственность за нее падаетъ не на Испанскій народъ, а на тѣхъ правителей, которые стали у кормила его государства.

Возстаніе на Кубѣ вспыхнуло, какъ извѣстно, въ февралѣ 1895 года.

Пока во главѣ государственнаго управленія стоялъ испытанный и убѣжденный патріотъ Кановасъ-дель-Кастильо, глава консервативной партіи, Соединенные Штаты не рѣшались вмѣшиваться во внутреннія испанскія дѣла, зная, что Испанія при малѣйшемъ намекѣ на подобное вмѣшательство немедленно отвѣтила бы войной всякому, кто осмѣлился бы коснуться ея національной чести и ея верховныхъ правъ на принадлежащую ей территорію.

Къ сожалѣнію, язва парламентаризма, отравившая всѣ государственные организмы Западной Европы, не пощадила и Испаніи, изнемогающей отъ ожесточенной борьбы всевозможныхъ партій, стремящихся захватить правительственную власть въ свои руки. Одна изъ такихъ партій вооружила руку гнуснаго убійцы, который 27 іюля (8 августа) 1897 года поразилъ смертельнымъ ударомъ Кановаса-дель-Кастильо и лишилъ Испанію единственнаго человѣка, который въ состояніи былъ сохранить цѣлость и невредимость Испаніи до совершеннолѣтія юнаго короля.

День убійства Кановаса былъ роковымъ днемъ для Испаніи. Руководство государственными дѣлами тотчасъ захватили въ свои руки либералы со своимъ вожакомъ Сагастой, и тотчасъ же для Испаніи начался тотъ рядъ униженій, который неминуемо долженъ былъ привести ее къ настоящему тяжелому положенію. Сагаста вообразилъ себѣ въ своей либеральной мудрости, что съ мятежниками можно справиться уступками! Точь-въ-точь какъ наши либералы, которые въ 1863 году совѣтовали усмирить взбунтовавшихся Поляковъ разными поблажками! Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти Кановаса, какъ Сагаста успѣлъ испортить все дѣло отозваніемъ изъ Кубы генерала Вейлера, потому что онъ очень не нравился кубанскимъ мятежникамъ, замѣной его миролюбивымъ генераломъ Бланко, котораго инсургенты встрѣтили насмѣшками и оскорбленіями, и наконецъ провозглашеніемъ автономной кубанской конституціи, которую кубанскіе бунтари отвергли съ полнѣйшимъ презрѣніемъ.

И вотъ Соединенные Штаты, молчавшіе при Кановасѣ, не дѣлавшемъ никакихъ уступокъ мятежу, тотчасъ же заговорили о своихъ «гуманныхъ симпатіяхъ» къ несчастнымъ мятежникамъ, какъ только Сагаста предъ этими мятежниками спасовалъ, исполнилъ ихъ дерзкія требованія, которыя, конечно, вслѣдствіе этого не прекратились, а лишь усилились, въ виду обнаружившейся «либеральной» уступчивости Испанскаго правительства.

Теперь, конечно, Сагаста понялъ свои ошибки, но теперь уже поздно. Если Испаніи суждено утратить свои колоніи—ибо одной Кубой утрата для нея не ограничится—то отвѣтственность всецѣло падаетъ на испанскихъ либераловъ, точно такъ же какъ отвѣтственность пала бы и на нашихъ либераловъ, еслибы правительство въ 1863 году вняло ихъ совѣтамъ и, вступивъ на путь уступокъ мятежнымъ Полякамъ, неминуемо навлекло бы на Россію вооруженную европейскую коалицію.

Тяжкія испытанія, предстоящія, по всей вѣроятности, несчастной Испаніи, послужатъ ей, мы надѣемся, серіознымъ вразумленіемъ для будущей ея государственной жизни. Охватившій ее нынѣ всеобщій взрывъ пламеннаго патріотизма уничтожилъ уже всѣ мелкія и пошлыя «либеральныя» доктрины: всѣ Испанцы слились воедино для защиты своей родины въ сознаніи правоты своего дѣла.

Эта правота служитъ для нихъ лучшимъ залогомъ благополучнаго исхода изъ настоящаго тяжелаго кризиса, и этого исхода мы имъ отъ всей души желаемъ.

Закрытіе Финляндскаго Сейма.

Съ чувствомъ глубокаго душевнаго облегченія встрѣтила Россія вѣсть о томъ, что прекратилось, наконецъ, длившееся почти пять мѣсяцевъ въ Гельсингфорсѣ возмутительное зрѣлище, именовавшееся Финляндскимъ Чрезвычайнымъ Сеймомъ.

Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Русская земля, Русскіе люди не слыхали такихъ дерзкихъ рѣчей, открыто призывавшихъ къ неповиновенію Высочайшей Волѣ, какія раздавались въ послѣднемъ Гельсингфорскомъ Сеймѣ.

Сеймовая Коммиссія законовъ осмѣлилась прямо заявить, что Высочайшій Манифестъ 3 февраля «не можетъ имѣть въ Финляндіи святости закона» и объявить незаконнымъ законъ, утвержденный Монархомъ. Ораторы на Сеймѣ наперерывъ подвергали рѣзкимъ осужденіямъ мѣры, утвержденныя Государемъ Императоромъ, и доказывали Финскому народу, что Воля его Монарха для него необязательна.

И все это дѣлалось не на какой-нибудь тайной сходкѣ заговорщиковъ, а среди бѣлаго дня, на Сеймѣ, торжественно созванномъ Государемъ Императоромъ.!

Сеймъ былъ открытъ, какъ извѣстно, 12 января прочтеніемъ Всемилостивѣйшей рѣчи Его Императорскаго Величества, въ которой, между прочимъ, находились слѣдующія знаменательныя слова, долженствовавшія служить вѣрноподданнымъ депутатамъ Сейма не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству:

«Финляндія, нераздѣльно соединенная съ Имперіей, состоя подъ кровомъ и защитой всего Россійскаго государства, не имѣетъ нужды въ обособленномъ отъ Русской арміи войскѣ. Уставъ о воинской въ ней повинности долженъ поэтому быть согласованъ съ дѣйствующимъ въ Имперіи уставомъ. Желая, однако, чтобы вновь введенный уставъ былъ по возможности согласованъ и съ мѣстными особенностями края, Мы признали соотвѣтственнымъ проектъ сего устава, вмѣстѣ съ основными началами «Положенія объ устройствѣ и управленіи финскихъ войскъ», передать на предварительное обсужденіе Сейма, въ твердой увѣренности, что земскіе чины въ точности исполнятъ возлагаемое на нихъ порученіе и тѣмъ оправдаютъ Наше Монаршее къ нимъ довѣріе».

Земскіе чины не только не исполнили въ точности возложеннаго на нихъ порученія, но приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы сдѣлать все ему наперекоръ.

Земскимъ чинамъ было предложено дать свои отзывы относительно предложеній объ уравненіи личной и финансовой тяготы по отбыванію воинской повинности населеніемъ Финляндіи сравнительно съ населеніемъ коренной Россіи.

Ничего другого кромѣ этихъ отзывовъ отъ земскихъ чиновъ не требовалось, такъ какъ оба эти предложенія Высочайше признаны были имѣющими обще-государственное значеніе и подлежащими разсмотрѣнію въ порядкѣ, указанномъ закономъ 3 (15) февраля 1899 года.

Что же сдѣлали земскіе чины? Они объявили, что лишаютъ этотъ законъ законной его силы и потому постановляютъ: «не входить въ разсмотрѣніе Всемилостивѣйшихъ предложеній»!

Мало того, они взялись самовольно сочинять свои собственные законы о воинской повинности, на что они ни малѣйшаго законнаго права не имѣли.

Какимъ же духомъ проникнуты эти ихъ законодательныя измышленія?

Духомъ непримиримой вражды къ Россіи и безусловнаго отрицанія Высочайшей Воли.

Они не только оспариваютъ слова Государя, указавшаго имъ на тотъ неоспоримый фактъ, что «Финляндія не имѣетъ нужды въ обособленномъ отъ Русской арміи войскѣ», но создаютъ въ своемъ законопроектѣ еще болѣе сильную, сравнительно съ теперешнею, *чисто-финскую* армію, съ полнѣйшимъ ея обособленіемъ отъ обще-русской арміи, и превращаютъ ее, такимъ образомъ, въ орудіе не слiянія, а раздора съ Россiей.

Они въ своемъ фанатизмѣ идутъ такъ далеко, что заходятъ даже за предѣлы венгерскаго сепаратизма. Мадьяры, обладающіе дѣйствительно самостоятельнымъ конституціоннымъ государствомъ, тѣмъ не менѣе не осмѣливаются предписывать своему королю законы о томъ, какъ и гдѣ ему, въ случаѣ войны, пользоваться своими находящимися на военной службѣ венгерскими подданными. А финляндскіе сепаратисты, не имѣющіе ни особаго государства, ни какой-либо законной конституціи, имѣютъ неслыханную дерзость ограничивать Русскаго Самодержавнаго Царя въ Его распоряженіяхъ относительно присягнувшихъ Ему на вѣрность военной службы финскихъ Его подданныхъ!

При видѣ всей этой шведо-финской оргіи, русское сердце сжималось отъ мучительной боли. Не разъ Русскіе люди, возмущенные до глубины души столь непонятнымъ для нихъ отношеніемъ подданныхъ къ Царю, съ недоумѣніемъ спрашивали себя: «Къ чему этотъ неслыханный соблазнъ? Къ чему Высочайшая Воля подвергается не только обсужденію, но даже осужденію финскихъ кривотолковъ и демагоговъ? Зачѣмъ намъ терпѣть то, что̀ для Русскаго человѣка прямо нестерпимо и немыслимо какъ съ религіозной, такъ и съ государственной точки зрѣнія?»

Вполнѣ сочувствуя этому естественному негодованію Русскихъ людей, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что намъ необходимо было испить до конца эту горькую чашу.

Вся сила финляндской лжи заключается доселѣ исключительно въ томъ, что она, не скрывая своей ненависти къ Россіи, хвалилась своею преданностью Русскому Царю, своею «лойяльностью» въ безпрекословномъ исполненіи Его Верховной Воли.

И вотъ намъ необходимо было терпѣть, скрѣпя сердце, безчинства Гельсингфорскаго Сейма для того, чтобы съ этой лжи спала и послѣдняя, скрывавшая ее, личина мнимой преданности Русскому Государю.

Русскій Государь не желалъ лишать Финляндцевъ ни ихъ религіи, ни ихъ національности, ни своеобразныхъ особенностей ихъ мирнаго, трудового быта, поскольку онѣ не противорѣчатъ обще-государственнымъ интересамъ Россіи. Русскій Государь пожелалъ лишь, ради обще-государственнаго блага, выслушать мнѣніе земскихъ чиновъ о «законопроектахъ, направленныхъ къ охраненію границъ и безопасности всего государства», о законопроектахъ, «наиболѣе согласныхъ со справедливостью», какъ сказано во Всемилостивѣйшей рѣчи 12 января.

Мы теперь знаемъ, *какъ* земскіе чины отозвались на это законное и справедливое желаніе своего Монарха. Они, по собственному побужденію, обнаружили такую чудовищную «лойяльность», которую даже мы никогда не рѣшались предполагать въ нихъ.

Въ этомъ отношеніи Финляндскій Чрезвычайный Сеймъ 1899 года останется для насъ навсегда памятнымъ, и рѣчи его ораторовъ и статьи поддерживавшихъ его газетъ останутся отнынѣ неистощимымъ арсеналомъ для вѣскихъ, краснорѣчивыхъ и неоспоримыхъ аргументовъ противъ финляндской сепаратистской лжи.

Не намъ придется раскаиваться въ томъ, что мы терпѣливо выносили возмутительный для русскаго чувства Гельсингфорскій Сеймъ, а раскаиваться придется Финляндцамъ, что они на этомъ Сеймѣ такъ безповоротно ясно раскрыли всѣ свои послѣднія карты.

Многознаменательный высочайшій рескриптъ.

Государю Императору благоугодно было ознаменовать третью годовщину Священнаго Своего Коронованія яснымъ проявленіемъ Своей Монаршей Воли по отношенію къ просвѣтительнымъ задачамъ Русскаго дворянства на почвѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія Русскаго крестьянскаго населенія.

Изъявивъ въ Высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ 14 мая 1899 года, Свою «искреннюю признательность» извѣстному дѣятелю на пользу народнаго просвѣщенія С. А. Рачинскому за его многолѣтніе «труды по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей»,—Государь Императоръ выражаетъ Свое Монаршее одобреніе не *количеству* школъ, созданныхъ неутомимою дѣятельностью С. А. Рачинскаго, а тому истинно-воспитательному ихъ *качеству*, благодаря которому онѣ, состоя—

«въ неразрывной связи съ Церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа».

Не ограничиваясь этимъ столь вѣрнымъ опредѣленіемъ «истиннаго просвѣщенія», Высочайшій Рескриптъ еще точнѣе разъясняетъ задачу народныхъ школъ, ставя имъ въ примѣръ тѣ именно школы, которыя были созданы С. А. Рачинскимъ. Вотъ тѣ знаменательныя слова Рескрипта, обращенныя къ извѣстному всей Россіи Татевскому народному педагогу:

«Школы вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ, и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій».

Да, воистину это такъ! Школы Рачинскаго являются идеаломъ народной русской школы и должны быть дѣйствительно «живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій». Такова Воля Русскаго Царя, и этою Волей сразу разрѣшается весь волнующій столь многихъ вопросъ о русской народной школѣ.

Задача русскаго народнаго просвѣщенія состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы просто открывать «какъ можно больше школъ», о чемъ такъ хлопочутъ

наши земства, а въ томъ, чтобы каждая открываемая школа была устроена по «живому образцу» народныхъ школъ Рачинскаго, то-есть чтобы каждая изъ нихъ находилась въ «нераздѣльной связи съ Церковью и приходомъ», дабы служить образованію крестьянскаго населенія «въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа». Не всякія народныя школы, а лишь такія школы, на которыя намъ съ высоты престола указываетъ Государь, могутъ приносить «истинное просвѣщеніе», а слѣдовательно и дѣйствительную пользу Русскому народу. Вотъ если бы земства могли похвалиться, что всѣ открытыя ими школы вполнѣ соотвѣтствуютъ идеальному образцу школъ Рачинскаго, мы могли бы признать за земствами дѣйствительныя заслуги по народному просвѣщенію. Но если земства хвастаются лишь *количествомъ* своихъ школъ, вовсе не находящихся «въ нераздѣльной связи съ Церковью и приходомъ», то вся дѣятельность ихъ по народному образованію можетъ имѣть лишь значеніе отрицательное.

Но Высочайшій Рескриптъ 14 мая содержитъ въ себѣ и еще другія драгоцѣнныя для Русскаго народа слова

Заслуги С. А. Рачинскаго отмѣчаются въ Рескриптѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Обширное образованіе ваше и опытность, пріобрѣтенную на государственной службѣ въ Московскомъ Университетѣ, посвятили вы, съ раннихъ лѣтъ, дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родовомъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей государственному и народному его призванію».

Итакъ, постоянное пребываніе въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ и неутомимые труды на пользу истиннаго просвѣщенія сосѣдняго крестьянства—вотъ, по указанію Государя, «дѣятельность, соотвѣтствующая государственному и народному призванію благороднаго сословія»—Русскаго дворянства.

Въ виду этого, государство не можетъ относиться безразлично къ тому, находится ли крестьянское населеніе безо всякаго призора со стороны помѣстнаго дворянства, или объ истинномъ его просвѣщеніи пекутся живущіе въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ дворяне въ томъ именно смыслѣ, какъ о своихъ сосѣднихъ крестьянахъ неутомимо заботился и понынѣ заботится С. А. Рачинскій.

Конечно, подобныя заботы являются не легкою тяготою для помѣстнаго дворянства: это не то, что засѣдать въ земскихъ собраніяхъ и облагать населеніе непосильными поборами, чтобъ имѣть возможность похвалиться открытіемъ «сразу нѣсколькихъ сотенъ школъ». Личный, постоянный, любвеобильный трудъ надъ созданіемъ живой, «нераздѣльной связи» хотя бы небольшаго числа крестьянскихъ школъ «съ Церковью и приходомъ» требуетъ отъ помѣщика дворянина много физическихъ и духовныхъ жертвъ, которыя соединясь съ прочими его жертвами на матеріальное и нравственное благо окружающаго его населенія, ложатся тяжкимъ бременемъ на его общественную жизнь. Но въ этомъ вѣдь именно и состоитъ его государственная служба Царю и Отечеству, и только ради этой своей службы дворянское сословіе пользуется тѣми заботами, которыя ему посвящаетъ Русскій Царь, желающій видѣть въ немъ вѣрнаго исполнителя Его предначертаній по отношенію дорогого Его

сердцу народа. Не потому вѣдь поднятъ вопросъ о предоставленіи возможности дворянамъ жить въ своихъ имѣніяхъ, что это нужно самимъ дворянамъ, а потому, что это необходимо *государству*, ясно сознающему ту истину, что крестьяне въ своихъ селахъ обречены на экономическую и нравственную гибель, если рядомъ съ ними въ своихъ помѣстьяхъ не будутъ жить дворяне, имѣющіе не только право, но и *обязанность* заботиться о благосостояніи сосѣднихъ крестьянъ и имѣющіе возможность по своему образованію, по своимъ убѣжденіямъ и по своимъ средствамъ добросовѣстно *исполнять* эту свою обязанность, соотвѣтствующую государственному и народному ихъ призванію.

Само собою разумѣется, что такое право и такая обязанность могутъ быть возлагаемы лишь на такихъ дворянъ, которые отличаются тѣми же воззрѣніями на «истинное просвѣщеніе» Русскаго народа, какъ Сергѣй Александровичъ Рачинскій, истинно-дворянская дѣятельность котораго нынѣ отмѣчена предъ всею Россіей Высочайшею признательностью Русскаго Царя.

Такіе именно дворяне *съ истинно-русскими взглядами и убѣжденіями* только и нужны Россіи, ради нихъ только она и готова на всѣ необходимыя жертвы для возрожденія и обезпеченія Русскаго помѣстнаго дворянства.

Правительство и народное просвѣщеніе.

Правительственное Сообщеніе отъ 24 мая (1899 г.) выдвинуло на первое мѣсто вопросъ о коренной реорганизаціи нашего народнаго просвѣщенія,—вопросъ, важнѣе котораго для Россіи нѣтъ никакихъ другихъ вопросовъ, ибо отъ разрѣшенія его зависитъ вся будущность нашего отечества.

Но что̀ разумѣть подъ реорганизаціей нашего народнаго просвѣщенія?

Боже насъ упаси производить эту реорганизацію посредствомъ какой-нибудь ломки учебныхъ системъ и перекройки учебныхъ программъ! *Такая* реформа можетъ только ухудшить положеніе нашего народнаго просвѣщенія, внеся въ него элементъ тревожной неувѣренности, безконечныхъ споровъ и несбыточныхъ ожиданій и создавая вмѣстѣ съ тѣмъ почву для всевозможныхъ агитацій со стороны тѣхъ людей, которые любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

А реорганизація нашего народнаго просвѣщенія должна состоять именно въ водвореніи ясной *опредѣленности*, непоколебимой *твердости* и строгой *законности* во всѣхъ нашихъ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, съ безусловнымъ огражденіемъ ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ агитацій.

Этого настоятельно-необходимаго результата можно достигнуть не измѣненіемъ учебныхъ системъ и программъ, а совершенно иными средствами.

Сочините самыя совершенныя научныя программы, изобрѣтите самыя идеальныя образовательныя системы, но если вы поручите осуществленіе и примѣненіе этихъ системъ и программъ людямъ противоположныхъ съ вами тенденцій и убѣжденій, вы достигнете своею реформой и результатовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыхъ вы отъ нея ожидали. Необходимы «*люди*, а не *законы*»,—это мудрое политическое правило ни въ какой госу-

дарственной области не имѣетъ такого непреложнаго значенія какъ въ области народнаго воспитанія на всѣхъ его ступеняхъ, какъ въ элементарной и средней школѣ, такъ и въ университетахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ наша земская школа хуже церковно-приходской по своей *программѣ*? Она хуже потому, что въ нее проникаютъ для исполненія установленной правительствомъ программы такіе элементы, которыхъ правительство, еслибъ имѣло земскія школы въ *непосредственномъ* своемъ завѣдываніи, никогда бы въ эти школы не допустило.

Развѣ недостатки нашихъ *среднихъ* школъ зависятъ отъ ихъ учебныхъ программъ? Это могутъ утверждать только люди, говорящіе съ вѣтру, не имѣющіе яснаго понятія ни о существѣ школьнаго воспитанія вообще, ни о нашихъ школахъ въ особенности. Недостатки нашихъ среднихъ школъ зависятъ, прежде всего, отъ страшнаго ихъ переполненія, ибо правильное *воспитательное* обученіе мыслимо только въ классахъ, въ которыхъ находится не болѣе 20—30 учениковъ. У насъ же есть среднія школы, въ классахъ которыхъ сидятъ по 40, по 50, даже по 60 учениковъ, вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ разумной педагогики и дидактики! По какой бы совершенной программѣ эти несчастныя, приведенныя въ какое-то стадное состояніе, дѣти ни обучались, они никогда не будутъ имѣть ни физической, ни нравственной возможности пользоваться правильнымъ образованіемъ и добрымъ воспитаніемъ.

Второй же главный недостатокъ нашихъ среднихъ школъ лежитъ въ совершенной неподготовленности большинства учителей, которымъ ввѣряется такое страшно-отвѣтственное дѣло какъ воспитательное образованіе нашихъ дѣтей. И тутъ, слѣдовательно, намъ нужны «не законы, а *люди*».

То же самое требованіе мы въ правѣ примѣнить и къ реорганизаціи нашихъ *университетовъ*. И тутъ намъ необходимы новые люди, а не новые уставы.

Очень часто высказывается мнѣніе, встрѣчающееся и въ устахъ профессоровъ извѣстнаго пошиба, и въ подпольныхъ студенческихъ прокламаціяхъ, будто для «спасенія» университета необходимо отмѣнить уставъ 1884 года и «возвратиться къ уставу 1863 года».

Это—сугубая тенденціозная *ложь*.

Ложь эта разсчитана на тѣхъ людей, которые забыли или просто не знаютъ, что при уставѣ 1863 года университеты наши положительно гибли отъ постоянныхъ студенческихъ безпорядковъ, и что уставъ 1884 года былъ введенъ, между прочимъ, именно для того, чтобъ избавить наши университеты отъ царившей въ нихъ вопіющей анархіи.

Но вышеприведенная ложь разсчитана, кромѣ того, и на легковѣріе тѣхъ людей, которые не знаютъ, что уставъ 1884 года въ полности своей *никогда не дѣйствовалъ*, а на первыхъ же порахъ сталъ до неузнаваемости искажаться вслѣдствіе измѣненія, дополненія, уничтоженія и просто умышленнаго неисполненія самыхъ существенныхъ своихъ статей. Всякій близко стоящій къ университету человѣкъ отлично знаетъ, что *уставъ 1884 года давно уже у насъ фактически отмѣненъ*, и что наши университеты управляются на основаніи какого-то хаотическаго винегрета случайныхъ, противорѣчащихъ другъ другу и взаимно себя уничтожающихъ правилъ.

Исторія введенія и немедленнаго же затѣмъ искаженія нашего университетскаго устава 1884 года составляетъ позорнѣйшую страницу въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія.

При введеніи этого устава, зрѣло обдуманнаго во всѣхъ своихъ частяхъ и мыслимаго лишь при строгомъ, добросовѣстномъ исполненіи *всѣхъ своихъ тѣсно связанныхъ между собою статей*, была допущена та именно ошибка, на которую мы выше указали: исполненіе устава было поручено тѣмъ именно лицамъ, которыя были изъ эгоистическихъ и партійныхъ цѣлей злѣйшими его противниками,—тѣмъ самымъ «либеральнымъ» профессорамъ, которые новымъ уставомъ лишены были дорогой имъ «автономіи», употребленной ими для цѣлей самаго безсовѣстнаго партійнаго кумовства, для противоправительственной агитаціи, для превращенія университетской науки въ жалкій шаблонъ литографированныхъ лекцій и для полной распущенности университетской дисциплины.

Сегодня начинаемъ мы печатать въ высшей степени интересную и поучительную статью тайнаго совѣтника Ѳ. П. Еленева, написанную имъ наканунѣ введенія устава 1884 года, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ университетскихъ безобразій, творившихся при уставѣ 1863 года.

«Правившее университетами недальновидное профессорское большинство», говоритъ г. Еленевъ, «либерально распускало вожжи и потакало студенческимъ домогательствамъ... Уставъ 1863 года только узаконилъ или, такъ-сказать, консолидировалъ то, что уже существовало на самомъ дѣлѣ, именно: отсутствіе въ университетахъ всякой власти, преобладаніе въ профессорскомъ самоуправленіи количества надъ качествомъ, толпы надъ разумомъ, и предоставленіе студенческой массы ея собственному произволенію... Еще до введенія этого устава, въ университетахъ стали овладѣвать вліяніемъ на студентовъ и на университетскіе безпорядки профессора скороспѣлыхъ знаній и легкаго направленія, которые, въ свою очередь, были нерѣдко водимы за носъ своими коллегами, сознательно подстрекавшими молодежь къ безпорядкамъ».

И вотъ этому-то «либеральному» большинству «профессоровъ легкаго направленія» правительство поручило введеніе и примѣненіе направленнаго противъ нихъ же, а слѣдовательно и ненавистнаго имъ, устава 1884 года! Легко можно было предвидѣть, что должно было произойти. Вся либеральная клика профессоровъ дружно сплотилась, чтобъ уничтожить уставъ 1884 года и, не встрѣчая серіознаго отпора со стороны растерявшагося правительства, побѣдоносно уничтожила его.

При введеніи какой бы то ни было реформы встрѣчаются,—это всякій знаетъ,—неизбѣжныя затрудненія и препятствія; если люди, вводящіе реформу, сочувствуютъ ей, они прилагаютъ всѣ свои старанія, чтобы постепенно улаживать всѣ возникающія затрудненія и устранять всѣ встрѣчающіяся препятствія—*въ духѣ самой реформы*. Но чего можно было ожидать отъ тѣхъ заклятыхъ враговъ реформы 1884 года, которымъ правительство съ великодушною близорукостью ввѣрило ея примѣненіе? Они, само собою разумѣется, съ особеннымъ злорадствомъ набросились на всѣ встрѣчавшіяся затрудненія и препятствія не для того, чтобъ ихъ устранять, а для того, чтобъ ихъ усилить, довести до степени полной неразрѣшимости, дабы затѣмъ требовать искаженія то той, то другой части устава. И правительство постоянно уступало этимъ требованіямъ, все болѣе и болѣе коверкало свой уставъ, доводя его до полнаго абсурда, и дало, наконецъ, ненавистникамъ его возможность торжествовать побѣду анархіи надъ жалкими развалинами реформы 1884 года. Теперешнее безобразное состояніе нашихъ университетовъ является результа-

томъ именно того, что уставъ 1884 года фактически отмѣненъ, и что въ нашихъ университетахъ снова возстановленъ въ профессорской и университетской средѣ анархическій духъ 1863 года.

Возстановленъ? Нѣтъ, это не вѣрно. Анархическій духъ 1863 года никогда въ нашихъ университетахъ не переводился, ибо уставъ 1884 года никогда въ полнотѣ всѣхъ своихъ частей не дѣйствовалъ, а господство въ нашихъ университетахъ принадлежало все тѣмъ же «либеральнымъ профессорамъ легкаго направленія». Этимъ объясняется, что картина нашихъ университетовъ, нарисованная г. Еленевымъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, осталась такъ поразительно вѣрною и для настоящаго времени.

И вотъ мы дожили до того печальнаго положенія нашихъ университетовъ, которое, къ позору нашему, вызвало «крайнее прискорбіе и неудовольствіе» Его Императорскаго Величества, всенародно выраженное въ *Правительственномъ Сообщеніи* отъ 24 мая.

Въ виду этого, нашему учебному вѣдомству предстоитъ нелегкая обязанность реорганизовать внутренній строй высшихъ учебныхъ заведеній, устранивъ, согласно Высочайшему повелѣнію, «*общія причины, содѣйствовавшія возниковенію и распространенію безпорядковъ, давая для нихъ готовую почву*», и, «*принявъ надлежащія мѣры внушенія, а если нужно и строгости, для обращенія подвѣдомственныхъ лицъ къ исполненію нравственнаго, служебнаго ихъ долга*».

Неужели и на этотъ разъ правительство повторитъ свою прежнюю ошибку и поручитъ реорганизацію нашего университетскаго быта все тѣмъ же «либеральнымъ» разрушителямъ устава 1884 года? Будемъ надѣяться, что этого не будетъ.

Но къ какой же мѣрѣ слѣдуетъ прибѣгнуть правительству для разрѣшенія возложенной на него задачи? Неужели къ поголовному увольненію всѣхъ «либеральныхъ» профессоровъ? Конечно, нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ какъ же быть?

Подробный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ мы постараемся дать въ слѣдующей статьѣ.

Правительственное Сообщеніе отъ 24 мая возлагаетъ на министра Народнаго Просвѣщенія, равно и на прочихъ министровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, обязанность водворить въ нихъ прочный порядокъ, исключающій возможность повторенія тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя «нарушили спокойное теченіе внутренней жизни и научныхъ занятій массы учащейся молодежи».

Да, дѣйствительно, правительство *обязано* принять разъ навсегда серіозныя и энергическія мѣры для прекращенія тѣхъ совершенно ненормальныхъ условій, которыя извращаютъ основной смыслъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности нашихъ университетовъ. Правительство обязано это сдѣлать не только потому, что это ему указано Высочайшимъ повелѣніемъ, но и въ силу своей *нравственной* обязанности предъ тѣми тысячами родителей, которые ввѣряютъ ему то, что̀ у нихъ есть самое дорогое—своихъ дѣтей.

«Отцы и матери имѣютъ право грозно потребовать отвѣта за своихъ

погибшихъ дѣтей отъ тѣхъ безсовѣстныхъ либераловъ разныхъ званій и степеней, которые, пользуясь всѣми выгодами своего положенія, употребляли его только на то, чтобы поощрять распущенность и своеволіе молодежи или, по крайней мѣрѣ, благодушно распускали вожжи и прикидывались ничего не замѣчающими».

Такъ писалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ г. Елепевъ (№ 149), и слова его не только не потеряли своей силы въ настоящее время, но выражаютъ съ полною яркостью тяжелыя, мучительныя чувства современныхъ намъ родителей, имѣвшихъ несчастіе повѣрить, что наши университеты, какъ *правительственныя* учрежденія, сумѣютъ охранить ихъ дѣтей отъ всякихъ антиправительственныхъ вліяній и отъ вызванныхъ этими вліяніями ужасныхъ послѣдствій.

Г. Елепевъ говоритъ, что отцы и матери имѣютъ право потребовать отвѣта за своихъ погибшихъ дѣтей отъ тѣхъ безсовѣстныхъ «либеральныхъ профессоровъ легкаго направленія», которые 15 лѣтъ тому назадъ господствовали въ нашихъ университетахъ и которые и нынѣ сохранили въ нихъ преобладающее, неотразимое вліяніе на громадное большинство слѣпо-вѣрящихъ имъ студентовъ.

Но вѣдь эти развратители молодежи находятся въ университетахъ не съ собственнаго произволенія, а съ соизволенія правительства; они носятъ правительственный мундиръ, они пользуются различными, дарованными имъ правительствомъ, привилегіями, они получаютъ правительственныя награды и правительственное содержаніе—для чего? Неужели для того, чтобы, «пользуясь всѣми выгодами своего положенія, употреблять его только на то, чтобы поощрять распущенность и своеволіе молодежи?»

Конечно нѣтъ. Правительство для того только держитъ университеты въ своихъ рукахъ, для того только и даровало профессорамъ всѣ преимущества правительственной службы, чтобъ они давали ввѣренному имъ юношеству правильное воспитаніе, согласное съ видами правительства, а не такое, которое приводитъ студентовъ къ оппозиціи противъ правительства.

Правительство имѣетъ, слѣдовательно, не только государственную и нравственную *обязанность*, но и законное и нравственное *право* допускать на университетскія каѳедры лишь такихъ воспитателей юношества, которые вполнѣ и безусловно сочувствуютъ видамъ, желаніямъ и мѣропріятіямъ правительства въ его попеченіи о государственномъ и нравственномъ воспитаніи учащейся молодежи.

Если бы въ какомъ-нибудь правительственномъ средне-учебномъ заведеніи завелся такой воспитатель, который сталъ бы проповѣдывать антиправительственныя и соціалистическія, напримѣръ, марксистскія теоріи, правительство немедленно лишило бы его возможности вести эту пропаганду среди нашихъ дѣтей.

Но вотъ если «профессора легкаго направленія» проповѣдуютъ эти же теоріи съ университетской каѳедры, подкрѣпляя ихъ газетными и журнальными статьями, развращая одновременно и юношество, и все общество,—правительство, зная и видя все это, молчитъ и продолжаетъ аккуратно выплачивать этимъ профессорамъ ихъ жалованье и столь же аккуратно поощрять ихъ наградами за ихъ «полезную» дѣятельность, которою оно само же возмущается!

Чѣмъ же объяснить это, по меньшей мѣрѣ странное явленіе?

Тѣмъ, что «либеральные» профессора занимаютъ почти всѣ главныя

университетскія каѳедры, вслѣдствіе чего возникаетъ предположеніе, будто поголовное увольненіе ихъ поставило бы правительство въ невозможность замѣстить эти каѳедры.

Такимъ образомъ оказывается, будто правительство, имѣя *право* и *обязанность* устранить изъ университетовъ развращающіе юношество элементы, не имѣетъ *возможности* сдѣлать это безусловно необходимое дѣло!

Намъ кажется, что этотъ выводъ совершенно не основателенъ.

Необходимо пока лишь одно: чтобы правительство выразило не на словахъ только, *но и на дѣлѣ*, свое непреклонное намѣреніе исполнить возложенную на него обязанность; оно должно принять «надлежащія мѣры внушенія, а если нужно—строгости», для обращенія подвѣдомственныхъ ему лицъ къ исполненію нравственнаго служебнаго ихъ долга, какъ это ясно выражено въ *Правительственномъ Сообщеніи* отъ 24 мая.

Мы увѣрены, что правительство вполнѣ достигнетъ своихъ цѣлей, если приметъ «мѣры строгости» пока лишь по отношенію нѣкоторыхъ главныхъ корифеевъ нашего либеральнаго профессорскаго хора, такъ какъ вся сила его основывалась досель на бездѣятельной снисходительности къ нему правительства. Этого было бы на первый разъ совершенно достаточно, чтобы призвать всѣхъ остальныхъ профессоровъ къ строгому исполненію ихъ нравственнаго служебнаго долга. Ибо, если эти господа и дорожатъ своими «убѣжденіями», то они не менѣе дорожатъ своимъ привилегированнымъ профессорскимъ положеніемъ mit Allem was drum und dran hängt Еслибъ у насъ существовалъ законъ, гласящій, что во время студенческихъ безпорядковъ университеты закрываются и во все время ихъ закрытія профессора считаются уволенными отъ государственной службы, у насъ, конечно, никогда никакихъ университетскихъ безпорядковъ и не было бы.

Съ удаленіемъ главной, коренной причины университетскихъ волненій, въ нашихъ университетахъ воспрянетъ духомъ тотъ многочисленный составъ *добросовѣстныхъ* профессоровъ, который терроризуется своими «либеральными» товарищами и «либеральною» прессой, точно такъ же, какъ во время безпорядковъ благоразумная часть студентовъ терроризуется дерзкимъ меньшинствомъ агитаторовъ и подпольными прокламаціями. Преобладающее вліяніе на студентовъ получатъ профессора не «легкаго», а серіознаго, научнаго направленія, которые теперь либо держатся въ сторонѣ, либо мужественно, но тщетно борются съ ненормальными явленіями университетской жизни. Мы уже не говоримъ о тѣхъ нерѣшительныхъ, колеблющихся профессорахъ, которые, присматриваясь къ тому, на чьей сторонѣ въ данную минуту сила, перебѣгаютъ изъ одного лагеря въ другой, не зная, гдѣ имъ окончательно остановиться. Если они ясно поймутъ, что отнынѣ вся сила навсегда будетъ сосредоточена въ рукахъ правительства, они будутъ самыми преданными его слугами.

Итакъ, намъ прежде всего нужно, чтобы въ нашихъ дезорганизованныхъ, распущенныхъ университетахъ проявилась *сильная*, *грозная*, *разумная правительственная власть*, не терпящая себѣ ни малѣйшаго противодѣйствія въ профессорской средѣ.

Тогда, но *только тогда*, можно будетъ съ полной увѣренностью за успѣхъ приступить ко введенію другихъ мѣръ, необходимыхъ къ упорядоченію нашихъ университетовъ.

Разсмотрѣнію этихъ мѣръ мы посвятимъ слѣдующія свои статьи.

Графъ Агеноръ Голуховскій.

Графъ Агеноръ Голуховскій считается и, во всякомъ случаѣ, считаетъ себя великимъ и тонкимъ дипломатомъ, способнымъ не только изобрѣтать геніальныя идеи для разрѣшенія запутанныхъ международныхъ вопросовъ, но и осуществлять хитроумныя комбинаціи, дающія ему возможность безопасно сидѣть одновременно на двухъ стульяхъ.

Не знаемъ, насколько основательно принесенное телеграфомъ извѣстіе о томъ, будто графъ Голуховскій намѣренъ, по приглашенію папы, примѣнить первый изъ выше означенныхъ своихъ дипломатическихъ талантовъ къ мирному рѣшенію англо-трансваальской распри,—но что второй талантъ онъ старается проявить въ Сербскомъ вопросѣ—это въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Правда, графъ Голуховскій заставилъ даже такую «независимую» газету какъ *Neue Freie Presse* отречься отъ напечатанной ею недавно статьи, въ которой она констатировала тонкую двойную игру ясновельможнаго графа въ сербскихъ дѣлахъ, однако поклонники графа не сомнѣваются въ томъ, что произведенное имъ давленіе на вѣнскую газету является лишь новымъ доказательствомъ изумительной тонкости его игры.

Но, съ другой стороны, графу Голуховскому, вѣроятно, не безызвѣстна русская пословица «гдѣ тонко, тамъ и рвется», такъ какъ она, если мы не ошибаемся, имѣетъ свою аналогію и въ польской народной литературѣ. Въ виду этого, можно думать, что теперь графъ даже искренно старается замѣнить простымъ, открытымъ и потому безопаснымъ образомъ дѣйствій ту черезчуръ искусную комбинацію, посредствомъ которой онъ надѣялся одновременно угодить экс-королю Милану и соблюсти корректность по отношенію къ Россіи.

Россія и Австрія, какъ извѣстно, согласились между собой, ради поддержанія мира на Балканскомъ полуостровѣ, не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи и Болгаріи. Всѣ знаютъ, какъ открыто и лойяльно соглашеніе это соблюдается Россіей. Она молчала даже въ то время, когда въ Сербіи разыгрывалась, по требованію Милана, возмутительная оргія судбища надъ невинными жертвами его фанатической мести. Одного слова Россіи было бы въ то время достаточно, чтобы прекратить это неслыханное издѣвательство надъ правосудіемъ, которое приводило въ ужасъ все цивилизованное человѣчество, не исключая даже Австрійцевъ. Но Россія этого слова не сказала, считая себя связанною вышеупомянутымъ соглашеніемъ съ Австріей.

Не такъ смотритъ, очевидно, на это соглашеніе графъ Голуховскій. Онъ не видитъ ничего предосудительнаго въ томъ, если Австрія высказываетъ особую нѣжность къ главнымъ виновникамъ сербскихъ ужасовъ и этимъ ихъ подстрекаетъ къ продолженію и усиленію введеннаго ими столь пагубнаго для несчастной Сербіи режима.

Король Александръ удостоился при своемъ теперешнемъ проѣздѣ черезъ Вѣну, благодаря «искусной» политикѣ графа Голуховскаго, такого радушнаго пріема, что онъ вернется теперь въ Бѣлградъ тріумфаторомъ, а отецъ и руководитель его будетъ имѣть полную возможность хвастаться пріемомъ, оказаннымъ его сыну, и видѣть въ этомъ пріемѣ какъ бы нарочитое одобреніе его возмутительнаго режима со стороны Австріи.

Neue Freie Presse, стараясь защитить графа Голуховскаго, хочетъ насъ увѣрить, будто «восточная политика Австро-Венгріи движется по ясно намѣченному пути, который не можетъ потерпѣть измѣненій изъ-за одного акта вѣжливости». Но кто же не видитъ, что подобною защитой вѣнская газета въ сущности оказываетъ медвѣжью услугу графу Голуховскому, набрасывая тѣнь на его дипломатическую прозорливость.

Да будетъ намъ позволено въ этомъ случаѣ заступиться за графа Агенора Голуховскаго: онъ слишкомъ искусный и дальновидный дипломатъ, чтобъ онъ не могъ предусмотрѣть столь естественныхъ послѣдствій предуготовленнаго имъ пріема короля Александра въ Вѣнѣ.

Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, онъ допустилъ этотъ пріемъ? Неужели онъ желалъ такимъ явнымъ нарушеніемъ австро-русскаго соглашенія развязать Россіи руки?

Едва ли. Онъ просто надѣялся, что въ Россіи не замѣтятъ его игры и что ему удастся d'entrer dans les bonnes grâces «короля» Милана, чѣмъ графъ, повидимому, очень дорожитъ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свои сердечныя отношенія къ русской дипломатіи, которыми онъ также дорожитъ.

Но, судя по всѣмъ признакамъ, графъ Голуховскій уже убѣдился, что соединить несоединимое невозможно, и что ему впредь придется разсчитывать на все что угодно, но только не на близорукую довѣрчивость русской политики.

Существуетъ ли «безвредный» соціализмъ?

Мы получили слѣдующее письмо съ тремя вопросами, на которые постараемся отвѣтить съ возможною обстоятельностью:

«М. Г.—Въ передовыхъ статьяхъ *Существуетъ ли безвредный соціализмъ?* ваша газета (№№ 349 и 352) съ полною логическою ясностью показала 1) что ученіе, отрицающее частную собственность и вызывающее классовую борьбу въ видахъ соціально-экономическаго уравненія всѣхъ гражданъ, не можетъ носить, иначе какъ въ видѣ сбивающаго съ толку псевдонима, наименованіе *государственнаго*; и что 2) соціализмъ, какъ ложная соціально-экономическая теорія, оправдывающая радикальныя стремленія одного лишь четвертаго сословія, не долженъ называться *научнымъ*.

«Выводъ изъ этого ясенъ: оба вида соціализма, какъ бы ни увѣряли ихъ адепты, что они не имѣютъ ничего общаго съ революціоннымъ или кровавымъ соціализмомъ,—принадлежатъ къ *разрушительнымъ* ученіямъ, стремящимся къ ниспроверженію, въ менѣе или болѣе отдаленномъ будущемъ, существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя, а поэтому сами адепты этого мнимо-государственнаго и лже-научнаго соціализма далеко не ъѣ невинные агнцы «постепеновцы», за которыхъ они себя выдаютъ.

«Принесши вашими статьями большую пользу, особенно тѣмъ лицамъ, которыя у насъ, къ сожалѣнію, мыслятъ не понятіями, а словами, вы довершили

бы ее, еслибы разогнали туманъ, мѣшающій разглядѣть сущность и другихъ однородныхъ доктринъ.

«Вотъ нѣсколько вопросовъ, имѣющихъ жизненное значеніе.

I.

«Въ какомъ отношеніи къ соціализму находится наше *народничество*, отдѣляющее себя отъ «государственнаго» соціализма и «научнаго» катэдеръ-соціализма?

«При преданности «народничества» формамъ народнаго быта, крестьянской общинѣ, кустарнымъ промысламъ и пр., оно многимъ лицамъ представляется лишь особымъ видомъ русскаго націонализма или даже славянофильства, враждебнымъ интернаціонализму, столь сильно присущему соціалистическимъ ученіямъ. «Народничество» кажется инымъ лицамъ чѣмъ-то даже архаическимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми теоріями, которыя сильно подталкиваютъ общественную эволюцію къ созданію *новаго* общественнаго строя.

«Желателенъ также отвѣтъ,—не составляютъ ли наши народники такую же фракцію соціализма, какъ націоналъ-соціалисты въ Германіи?

II.

«Весьма существенно также знать, въ какой степени обезвреживается соціализмъ своею мнимою связью не только съ государствомъ и наукой, но и съ религіей и, въ особенности, съ христіанствомъ. При этой связи больше всего эксплуатируются въ пользу соціализма христіанская любовь и общеніе имуществъ у первыхъ христіанъ. Соціалисты этого вида присвоиваютъ себѣ наименованіе религіозныхъ, евангелическихъ или *христіанскихъ соціалистовъ* и очень любятъ ссылаться на то, что папа Левъ XIII и папское духовенство сильно занимаются соціально-экономическимъ вопросомъ о четвертомъ сословіи. Но выходя изъ царства не отъ міра сего, не вредятъ ли они сразу и Церкви, и государству?

«Между тѣмъ все это подаетъ поводъ радикаламъ говорить, что само христіанство считаетъ индивидуализмъ грѣховнымъ эгоизмомъ, и что не слѣдуетъ бороться съ тѣми, кто вноситъ въ четвертое сословіе не философію экономическаго матеріализма Маркса, а ««идеальныя начала альтруизма»».

«Такъ ли это?

III.

«Наконецъ, необходимо еще разъясненіе и новѣйшей фазы соціализма, которую—какъ это ни странно и ни самопротиворѣчиво—можно назвать *индивидуалистическимъ соціализмомъ*. Такой соціализмъ говоритъ:

««Откажитесь отъ государственнаго и научнаго преобразованія обществъ и народовъ при помощи законодательства, права, разныхъ учрежденій, даже научныхъ, но за то направьте всѣ силы на трансформацію личности, личной жизни, личнаго труда, личной этики, личныхъ отношеній къ людямъ, и вы, при ничего-недѣланіи въ пользу индивидуалистическаго строя, даже при непротивленіи ему, осуществите свои альтруистическіе трудовые идеалы опрощенной жизни.»»

«Всѣ фракціи соціализма, за исключеніемъ революціонной или боевой, считаются уживчивыми въ государствахъ всякаго типа, до абсолютныхъ мо-

нархій включительно. Особенно же этотъ ««индивидуалистически этическій»» соціализмъ съ его ««непротивленіемъ»», почитается многими очень кроткимъ и потому безвреднымъ.

«Такъ ли это?

«Простодушнымъ защитникамъ нынѣшняго государственно-общественнаго и экономическаго строя жизни всѣ эти отличія, а особенно нѣкоторыя разногласія между фракціями соціализма представляются столь полезными, что они нерѣдко принимаютъ то одну, то другую фракцію въ свой гарнизонъ для защиты своей индивидуалистической крѣпости. Вся ихъ стратегія заключается въ томъ, чтобы не пустить въ крѣпость однихъ *боевыхъ* соціалистовъ и соціалъ-демократовъ-*марксистовъ*.

«Но не заблуждаются ли такіе недальновидные защитники существующаго строя жизни? Пока они браво стоятъ на зубцахъ своихъ стѣнъ, почти весь гарнизонъ крѣпости будетъ обращенъ въ соціалистовъ. «государственныхъ», «научныхъ», «національныхъ», «христіанскихъ», «этическихъ» и проч. Останется только штабъ индивидуалистовъ, но ни крѣпости ихъ, ни гарнизона ея уже не будетъ.

«Такъ ли это? Скажите.

„Скептикъ".

Насколько можно судить по содержанію этого письма и по формулировкѣ поставленныхъ въ немъ вопросовъ, г. Скептикъ, повидимому, самъ предрѣшаетъ ожидаемые имъ отвѣты; да, впрочемъ, на *такіе* вопросы не можетъ быть двухъ отвѣтовъ для всякаго серіознаго мыслителя, взирающаго на государственныя и соціальныя явленія не съ точки зрѣнія какихъ-либо доктринальныхъ утопій, а съ точки зрѣнія здраваго смысла и многовѣковаго историческаго опыта.

Подъ какою бы личиной соціализмъ ни старался проникнуть въ правительственный и соціальный организмъ государства, какими бы разнообразными средствами онъ ни старался дѣйствовать для достиженія своей цѣли,—цѣль эта у него всегда одна и та же: переустройство современнаго государства и общества на основахъ соціально экономическаго *уравненія* всѣхъ гражданъ.

Только тотъ соціализмъ былъ бы дѣйствительно безвреденъ, который сознательно или безсознательно *не* стремился бы къ этому конечному уравнительному идеалу; но такого соціализма *нѣтъ*, ибо всѣ безъ исключенія виды соціализма проникнуты *эгалитарными* теоріями.

Нелѣпость, а, слѣдовательно, и вредъ этихъ теорій совершенно очевидны для всякаго здравомыслящаго человѣка. Достаточно прочесть хотя бы прекрасную книгу В. Х. Мэллока *Соціальное равенство* *), чтобы вполнѣ убѣдиться, что самымъ существеннымъ элементомъ для человѣческаго прогресса является соціально-экономическое *неравенство*, безъ котораго человѣчество и до сихъ поръ пребывало бы на степени дикой некультурности, и съ уничтоженіемъ котораго мы снова обратились бы въ то же первобытное состояніе, изъ котораго человѣчество вышло лишь путемъ энергическаго, свободнаго соревнованія и соперничества, немыслимаго при обязательномъ, деспотически-установленномъ соціально экономическомъ эгалитаризмѣ.

---

*) *Соціально политическая библіотека.* В. Х. Мэллокъ. *Соціальное равенство.* Перев. съ англійскаго А. А. Велицына. Москва. Университетская типографія. 1899.

Изъ этого основнаго положенія само собою вытекаютъ единственно возможные отвѣты на поставленные г. Скептикомъ вопросы.

Наше *народничество* съ его «преданностью формамъ народнаго быта, кустарнымъ промысламъ и проч.» ничего не заключало бы въ себѣ вреднаго, еслибъ оно оставалось чуждымъ соціализму, то есть, еслибъ оно не стремилось къ какому бы то ни было *уравненію* общественныхъ классовъ, еслибъ оно настаивало на необходимости сохраненія и полнаго развитія также и всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ и сословій государства наравнѣ съ классами народными и рабочими, и еслибъ оно не возбуждало въ этихъ послѣднихъ классахъ ненависти и зависти къ высшимъ классамъ общества. Къ сожалѣнію, такого чистаго, *не* соціалистическаго народничества у насъ нѣтъ: народническій же соціализмъ такъ же вреденъ, какъ и всякій иной соціализмъ, будетъ ли онъ стоять подъ флагомъ интернаціонализма, или подъ флагомъ *націонализма*, которымъ стараются прикрыться германскіе націоналъ-соціалисты и родственные имъ, по средствамъ и цѣлямъ, русскіе соціалъ-демократы, именующіе себя «народниками».

То же самое слѣдуетъ сказать и о такъ называемомъ *христіанскомъ* соціализмѣ, кощунственно злоупотребляющемъ именемъ Христа Спасителя для своихъ чисто матеріалистическихъ земныхъ цѣлей.

Ученіе Іисуса Христа имѣетъ, какъ извѣстно, строго индивидуалистическій характеръ: оно обращается къ каждому отдѣльному христіанину, побуждая его слѣдовать примѣру Божественнаго Учителя не для того, чтобъ установить на землѣ какое-нибудь новое общественное или государственное устройство, а для того, чтобы спасти свою душу для жизни загробной, для Царства Небеснаго. Единственное равенство, о которомъ говоритъ Спаситель, есть равенство всѣхъ людей, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, предъ Богомъ. Это равенство, съ тѣхъ поръ какъ его провозгласилъ Христосъ, осуществляется въ лонѣ Христіанской Церкви, которая всѣхъ сыновъ своихъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, ведетъ къ одной, равной для всѣхъ цѣли—къ блаженной загробной жизни. Внѣ Бога, внѣ Церкви, внѣ Царства Небеснаго Христосъ никакого равенства не проповѣдывалъ и противъ существующаго на землѣ человѣческаго государственнаго и соціальнаго неравенства не боролся, ибо *земное* совершенствованіе человѣка, пока онъ находится въ міру, обусловлено именно неравенствомъ. Лишь въ загробной жизни всѣ будутъ равны не только предъ Богомъ, но и между собою.

Въ виду этого легко отвѣтить и на третій поставленный намъ вопросъ.

Такъ-называемый «индивидуалистическій» или «этическій» соціализмъ столь же вреденъ, какъ и соціализмъ лжехристіанскій. И тотъ и другой имѣютъ въ виду все одну и ту же чисто *соціалистическую*, эгалитарную, а, слѣдовательно, нелѣпую и безусловно вредную цѣль, съ тою только разницей, что завѣтный идеалъ соціалистовъ—эгалитарное переустройство общества должно совершится, по ученію «этическихъ» соціалистовъ, не путемъ государственной или общественной соціализаціи, а путемъ соціализаціи индивидуальной.

Въ самомъ дѣлѣ, общественная соціализація можетъ натолкнуться на неподготовленныхъ къ ней, то-есть еще не развращенныхъ представителей общества: а потому «этическіе» соціалисты стремятся предварительно развратить *индивидуально* своими доктринами наибольшее, по возможности, число членовъ даннаго государства и общества, дабы затѣмъ имѣть громадные готовые кадры для своей и подготовляемой ими соціальной эволюціи или революціи.

Нравственное индивидуальное совершенствованіе человѣка возможно только на почвѣ христіанской религіи, которая, какъ мы видѣли, совершенствуетъ человѣка не ради какихъ-либо соціальныхъ переворотовъ, а ради спасенія его души въ будущей вѣчной жизни: безъ вѣры въ эту будущую жизнь, безъ вѣры въ личнаго Бога, ниспославшаго, для спасенія нашего, Сына Своего—никакого индивидуальнаго совершенствованія человѣка быть не можетъ.

Вотъ почему всякая этика, чуждая христіанской вѣры, не только безполезна, но и прямо вредна, увлекая людей своими мудрствованіями все дальше отъ Бога, а слѣдовательно и все дальше отъ истиннаго совершенствованія человѣка. Безбожная этика, сколько бы она ни проповѣдывала «альтруистическія» начала, можетъ породить лишь самомнѣніе, самодовольство и гордость, которыя прямо противорѣчатъ истиннымъ христіанскимъ началамъ любви къ ближнему. Эта любовь проявляется у человѣка не по предписаніямъ законодателей и ученыхъ, а по тайнымъ велѣніямъ его собственной души, просвѣтленной Божіею благодатію, каково бы ни было соціальное положеніе даннаго человѣка.

Истинно-христіанскимъ государствомъ можетъ быть государство съ самыми разнообразными и сложными сословными учрежденіями, коль скоро представители и члены этихъ учрежденій будутъ, по собственному сердечному влеченію, проявлять, и словомъ и дѣломъ, свою искреннюю вѣру въ Бога и свою искреннюю христіанскую любовь къ ближнему. Зато самое эгалитарное государство, основанное на соціалистической этикѣ, а не на началахъ Христіанской Церкви, будетъ совершенно чуждо христіанской нравственности, которая одна имѣетъ дѣйствительную этическую цѣнность.

Намъ приходится, слѣдовательно, повторить еще разъ тотъ же самый выводъ, къ которому мы неоднократно приходили и раньше:

«Безвреднаго» соціализма *нѣтъ*.

Подъ какою бы личиной соціализмъ ни являлся—подъ откровенною ли революціонной, или подъ іезуитскою «непротивляющейся», онъ остается все тѣмъ же вреднымъ лжеученіемъ, стремящимся переустроить общество и государство на нелѣпыхъ, разрушительныхъ началахъ соціально-экономическаго эгалитаризма.

1899 годъ.

Идя на встрѣчу новому столѣтію, Россія продолжаетъ неустанно трудиться надъ постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ своего многосложнаго государственнаго организма.

Не легка эта работа, такъ какъ намъ во всѣхъ почти областяхъ нашей государственной и общественной жизни приходится одновременно не только приспособляться къ новымъ, вѣчно мѣняющимся условіямъ нашего историческаго поприща, но и исправлять допущенныя въ прежнее время ошибки, тормозящія, до извѣстной степени, полный ходъ государственнаго развитія великой Россійской Имперіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея богатырскія силы рано или поздно справятся съ этими задачами, и что великая мощь Россіи

развернется тогда во всю свою ширь. Но пока намъ приходится, не унывая, прилагать не мало энергіи къ рѣшенію какъ той, такъ и другой задачи.

Истекшій 1899 годъ былъ тоже свидѣтелемъ этой двойной работы, начавшейся съ тѣхъ поръ, какъ въ Бозѣ почившему Императору Александру III пришлось стать у кормила правленія и твердою рукой направить государственный корабль на прямой и вѣрный путь, съ котораго онъ временно сбился среди поспѣшнаго и недостаточно-осмысленнаго осуществленія великихъ и прекрасно-задуманныхъ реформъ предшествовавшаго царствованія. Легкомысліе въ государственныхъ дѣлахъ всегда карается тяжкими послѣдствіями, устранить которыя иногда не въ силахъ цѣлый рядъ поколѣній, при самомъ искреннемъ желаніи, при самой серіозной энергіи.

Нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ нашъ злополучный дворянскій вопросъ, который возникъ у насъ съ тѣхъ именно поръ, какъ, вопреки ясно-выраженной Волѣ Царя Освободителя, судьба русскаго дворянства, оказалась въ рукахъ людей,—въ томъ числѣ, къ сожалѣнію, и нѣкоторыхъ представителей самого дворянства,—которые заранѣе въ умѣ своемъ поставили крестъ надъ существованіемъ доблестнаго служилаго сословія Россіи и затѣмъ четверть вѣка, не безъ успѣха, упорно трудились надъ разореніемъ и гибелью дворянства.

И вотъ теперь, когда печальныя послѣдствія этой ошибочной политики стали для всѣхъ очевидными приходится съ неимовѣрнымъ трудомъ, среди всевозможныхъ препятствій, созидать новое русское дворянство на развалинахъ старыхъ дворянскихъ традицій.

Въ истекшемъ 1899 году были положены первые камни новаго зданія, въ силу твердо-выраженной Воли Государя Императора, проявившейся, между прочимъ, и въ назначеніи, для упорядоченія внутреннихъ дѣлъ Россіи, государственнаго человѣка, открыто, на дѣлѣ, заявившаго свое глубокое пониманіе того великаго значенія, которое имѣетъ для Россіи дворянство.

Упорядоченіе внутреннихъ дѣлъ Россіи! Гдѣ оно начинается, гдѣ оно кончается? Вольныя и невольныя прегрѣшенія исполнителей великодушной Воли Александра II подорвали не одно наше дворянство. Они одновременно въ корень разорили и другое великое сельское сословіе Россіи—наше несчастное крестьянство, погубивъ этимъ и наше сельское хозяйство, бывшее искони основой дѣйствительнаго богатства Россіи. Кто исчислитъ всѣ послѣдствія этой разрушительной политики? Сколько приходится принимать разнообразныхъ мѣръ для того, чтобы возстановить расшатанный порядокъ въ нашей сельской жизни и чтобы воскресить на мѣстахъ необходимое согласіе и взаимныя трудовыя отношенія между помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянами!

Всѣ эти задачи съ особенною наглядностью выступили разомъ, какъ въ одномъ фокусѣ, въ истекшемъ году, настоятельно требуя немедленнаго разрѣшенія. А немедленно разрѣшить ихъ невозможно, тѣмъ болѣе, что къ прежнимъ ошибкамъ присоединилось у насъ не мало новыхъ увлеченій, еще болѣе нарушившихъ наше внутреннее экономическое равновѣсіе. Но увлеченія эти несомнѣнно скоро отойдутъ въ область прошлаго, такъ какъ теперь уже ясно сознана необходимость одновременнаго гармоническаго развитія всѣхъ экономическихъ сторонъ Россіи.

А потому, ясно понявъ, гдѣ находится истинный путь нашего внутренняго государственнаго и экономическаго возрожденія, мы должны съ удвоенною энергіей направиться по этому пути и впредь уже стойко его держаться.

Тогда мы будемъ имѣть полное основаніе разсчитывать на здоровое, нормальное развитіе всей нашей внутренней и внѣшней жизни.

Эта вѣра въ предстоящій намъ успѣхъ должна придать намъ еще большую энергію въ нашемъ неустанномъ трудѣ надъ разумнымъ исправленіемъ какъ прежнихъ, такъ и *новыхъ* нашихъ ошибокъ, которыя мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемъ не въ одной лишь экономической, но и въ другихъ областяхъ нашей государственной и общественной жизни.

Истекшій 1899 годъ былъ грустнымъ свидѣтелемъ тяжкихъ послѣдствій одной изъ подобныхъ новыхъ ошибокъ. Намъ уже неоднократно приходилось указывать на тѣ искаженія нашего Университетскаго Устава, только-что введеннаго въ 1884 году съ цѣлью упорядоченія нашей университетской жизни. Искаженія эти до такой степени извратили и разстроили всѣ отдѣльныя, тѣсно между собой связанныя, части новаго Устава, что, вмѣсто упорядоченія, получилась полнѣйшая дезорганизація нашихъ университетовъ, вызвавшая тѣ, доселѣ небывалыя у насъ, грустныя явленія, которыя омрачили всероссійское національное торжество, къ которому такъ радостно готовилась Россія, стремясь загладить свои прежнія заблужденія и возстановить во всей чистотѣ лучезарное имя своего величайшаго поэта. Пришлось и здѣсь, въ университетской жизни, приступить къ сложной работѣ постепеннаго устраненія допущенныхъ ошибокъ, которыя ни въ одной области не ведутъ къ такимъ пагубнымъ послѣдствіямъ, какъ въ области воспитанія юношества. Здѣсь каждая необдуманная, легкомысленная мѣра можетъ имѣть роковое значеніе на долгіе годы и для всего государства. А мы, къ сожалѣнію, всегда такъ склонны рѣшать вопросы воспитанія и образованія съ легкою фантазіей, не смущаемой серіознымъ знаніемъ дѣла!

Исправлять прежнія ошибки—вотъ одна изъ главныхъ задачъ нашего времени, безъ исполненія которой мы впередъ двинуться не можемъ. Достаточно вспомнить, сколько ошибокъ надѣлали мы въ нашей окраинной политикѣ, хотя бы въ одномъ Финляндскомъ вопросѣ, чтобы понять всю необходимость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю неимовѣрную трудность ихъ исправленія.

Истекшій годъ ясно показалъ, къ чему привели наши прежнія поблажки Финляндскимъ политиканамъ: онѣ не привлекли ихъ къ Россіи, а оттолкнули отъ нея, и теперь, когда насущные интересы Имперіи требуютъ принятія важныхъ общегосударственныхъ мѣръ для блага Россіи, Финляндцы не хотятъ знать Россіи, не хотятъ даже подчиняться ясно-выраженной Царской Волѣ! Конечно, имъ придется, въ концѣ концовъ, смириться предъ этою Волей; но сколько еще потребуется, для достиженія этого конечнаго результата, искупительныхъ трудовъ и жертвъ Россіи за допущенныя ею прежнія необдуманныя увлеченія!

Мы, однако, обязаны не только постоянно исправлять наши старые грѣхи, но и тщательно остерегаться новыхъ.

Девятнадцатый вѣкъ,—вѣкъ *парламентаризма*,—приходитъ къ концу; наступаетъ новый вѣкъ—вѣкъ *соціализма*.

Парламентаризмъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія, грозилъ охватить Россію и подорвать всѣ ея жизненныя силы. Благое Провидѣніе дало намъ возможность устоять противъ этой опасности и отдалить ее навсегда отъ предѣловъ нашего отечества. Даже самые отсталые, закоренѣлые защитники парламентаризма, мечтавшіе о водвореніи его въ Россіи, постепенно умолкаютъ, по мѣрѣ того, какъ въ парламентарныхъ странахъ все

яснѣе обнаруживаются ужасныя язвы этого нелѣпѣйшаго изо всѣхъ политическихъ учрежденій. Русскіе парламентаристы, слава Богу, отодвинулись теперь на задній планъ; за то на первый выступили новые и болѣе опасные въ настоящее время враги русскаго государственнаго и соціально-экономическаго строя—проповѣдники соціализма во всѣхъ его разнообразны хъ видахъ. Искусственное, лихорадочное развитіе русской промышленности окрылило ихъ великими надеждами на быстрое развитіе у насъ громадныхъ массъ рабочаго пролетаріата, ибо въ этомъ развитіи они видятъ первое условіе для «борьбы съ капиталомъ», о которой они мечтаютъ съ цѣлью переустройства или, вѣрнѣе сказать, разстройства всего нашего государственнаго и общественнаго быта.

Вотъ та опасность, съ которою намъ придется считаться самымъ серіознымъ образомъ, какъ въ настоящее время, такъ и въ теченіе, по крайней мѣрѣ, первой половины будущаго столѣтія, въ виду того, что соціализмъ, по всей вѣроятности, будетъ быстро и успѣшно развиваться въ конституціонныхъ государствахъ, обезсиленныхъ парламентаризмомъ.

Въ виду этой увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности, упорядоченіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ становится особенно сложнымъ и труднымъ. Соціализмъ подъ различными наименованіями имѣетъ уже и у насъ твердыя позиціи въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ нашего государственнаго организма, а потому Правительству приходится напрягать всю свою бдительность и энергію, чтобы распознавать его подъ тою или другою невинною, повидимому, личиной, ставить преграды его распространенію и искоренять его всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся.

Могущество Россіи зависитъ прежде всего отъ ея внутренней здоровой мощи. Міровое значеніе ея обусловливается не только необъятною обширностію ея владѣній, не только неистощимостью ея неизмѣримыхъ боевыхъ силъ, но прежде всего несокрушимостью ея внутренней государственной организаціи, покоящейся на безпредѣльной преданности ея стотридцатимилліоннаго населенія единой Волѣ Самодержавнаго Царя.

Вотъ почему намъ необходимо пуще всего беречь незыблемость этого устоя и тщательно устранять все, чтò можетъ такъ или иначе подточить или поколебать его Обширныя владѣнія и безчисленное населеніе тогда лишь имѣютъ первостепенное міровое значеніе, если они связаны воедино однимъ общимъ великимъ и живымъ идеаломъ прочнаго государственнаго и культурнаго Самодержавнаго строя, которымъ въ настоящее время во всей вселенной обладаетъ одна только Россія.

Если Всевышній сохранитъ и въ грядущія времена этотъ единственный драгоцѣнный залогъ величія и славы Россіи, то и Верховный Вождь ея—Русскій Православный Царь сохранитъ на вѣки то неоспоримо-преобладающее международное положеніе, которое дастъ Ему возможность довершить, до окончательнаго осуществленія, великую идею всеобщаго мира, впервые провозглашенную, въ истекшемъ году, на международномъ совѣтѣ всѣхъ государствъ, нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ Россіи.

Осуществленіе этой идеи, конечно, потребуетъ упорнаго и терпѣливаго преодолѣнія многихъ препятствій, пока, такъ или иначе, не будутъ укрощены дикія страсти алчности и своеволія, присущія, къ сожалѣнію, даже инымъ, казалось бы, высококультурнымъ государствамъ. Особенно разителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Англіи, омрачившей истекшій годъ, ознаменованный только что упомянутымъ торжествомъ мира, одною изъ самыхъ возмутительныхъ, по

своей несправедливости и безчеловѣчности, войнъ, которыя когда либо были занесены на скрижали исторіи человѣчества.

Пока въ Европѣ существуютъ государства, способныя возбуждать такія войны, высокогуманная мысль Россіи останется лишь въ области великихъ и свѣтлыхъ идеаловъ. Она приблизится къ своему дѣйствительному осуществленію, лишь когда всѣ государства укротятъ свои воинственныя страсти, въ сознаніи непреоборимаго могущества Россіи и непреложности ея твердой воли.

Это могущество и эта воля будутъ тѣмъ непобѣдимѣе, чѣмъ съ большею самостоятельностью и независимостью будетъ развиваться, по своимъ вѣковымъ историческимъ путямъ, государственная и соціально-экономическая жизнь Россіи, опираясь на гармоническое, строго-національное развитіе всѣхъ своихъ природныхъ, сельско-хозяйственныхъ, торгово промышленныхъ, воспитательныхъ и просвѣтительныхъ силъ, подъ сѣнію Святой Православной Церкви и неограниченнаго Царскаго Самодержавія.

Улучшеніе нашего средняго образованія.

Тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ легкомысленные люди, которые смущаютъ и волнуютъ общественное мнѣніе, вызывая въ немъ увѣренность, будто у насъ, въ ближайшемъ даже времени, предстоитъ какая-то коренная ломка всего средняго образованія. Вмѣсто того, чтобы тщательно оберегать нашихъ дѣтей отъ вторженія въ ихъ мирную школьную жизнь всевозможныхъ нелѣпыхъ и несбыточныхъ фантазій, нарушающихъ правильность учебныхъ занятій, новоявленные реформаторы нашихъ среднихъ школъ напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы сбить съ толку и родителей, и дѣтей, и наставниковъ, и начальниковъ учебныхъ заведеній, самыми невѣроятными слухами о какихъ-то новыхъ учебныхъ программахъ, которыя чуть не завтра будутъ введены въ наши школы, и по которымъ необходимые въ настоящее время учебные предметы окажутся излишними, а излишніе—необходимыми. Эти реформаторы не тревожатся мыслью, что всѣ подобные слухи могутъ породить въ нашихъ школахъ прискорбныя недоразумѣнія и даже столкновенія, особенно въ нервно-напряженную пору экзаменовъ: они рады, что могутъ своими легковѣсными рѣчами разыграть видную и шумную роль компетентныхъ знатоковъ въ такомъ вопросѣ, который на самомъ дѣлѣ, по своей строгой спеціальности, имъ совершенно недоступенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже шестой мѣсяцъ, какъ у насъ не прекращаются эти неразумные и неосновательные толки, слухи и предсказанія о грозящемъ будто бы намъ крушеніи нашей гимназической системы и о предстоящемъ нарожденіи у насъ какой-то невиданной и неслыханной новоизмышленной школы, въ которой будутъ де производиться фантастическіе эксперименты надъ нашими дѣтьми, а слѣдовательно и надъ всею будущностью Россіи.

Дѣло дошло до того, что въ нашей печати открыто проповѣдуется полный разрывъ со всѣми традиціями нашей школы, какъ необходимое условіе для ея улучшенія! Министру Народнаго Просвѣщенія не только даются со всѣхъ сторонъ самые разнообразные и противорѣчивые совѣты, но ему приписыва-

ются и навязываются намѣренія, которыя едва ли ему когда-либо могли приходить на умъ.

Каковы подробности предпринятаго правительствомъ улучшенія нашего средняго образованія—никому пока неизвѣстно, и мы, какъ въ настоящее время, такъ и въ предстоящемъ обсужденіи этого вопроса, будемъ выражать лишь наше личное мнѣніе, основанное на твердомъ убѣжденіи и многолѣтнемъ опытѣ. Но мы уже теперь, какъ намъ кажется, имѣемъ полное основаніе полагать, что предпринятая нынѣ реформа нашего средняго образованія въ главныхъ, основныхъ своихъ чертахъ уже опредѣлена тѣмъ циркуляромъ, который г. министръ Народнаго Просвѣщенія разослалъ 8 іюня 1899 года попечителямъ учебныхъ округовъ.

Въ этомъ циркулярѣ непремѣннымъ условіемъ устраненія недостатковъ въ существующемъ строѣ нашей средней школы ставится «сохраненіе основъ классической гимназіи и реальнаго училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи», и вмѣстѣ съ тѣмъ признается, что къ устраненію вышеозначенныхъ недостатковъ «нужно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки».

Однихъ уже этихъ категорическихъ заявленій достаточно, чтобы понять всю неосновательность тѣхъ слуховъ и толковъ, которые приписываютъ Правительству какія-то сокрушительныя стремленія по отношенію къ нашей гимназической системѣ.

Никто не станетъ отрицать, что эта система, какъ всякое созданіе человѣческихъ рукъ, нуждается въ постоянномъ усовершенствованіи. Къ этому усовершенствованію и должна стремиться всякая реформа нашего гимназическаго дѣла. Только *такую* реформу и можетъ имѣть въ виду Правительство, коль скоро оно имѣетъ твердое намѣреніе «сохранить основы классической системы». Сохранить эти основы можно только *укрѣпленіемъ* и *улучшеніемъ* ихъ, а не какою либо ихъ *ломкой* или *порчей*. Это ясно, какъ Божій день. Но и подобная благонамѣренная и зрѣлообдуманная реформа будетъ введена, какъ сказано въ вышеупомянутомъ циркулярѣ, лишь «постепенно и осторожно», такъ что учителямъ, ученикамъ и родителямъ совершенно нечего смущаться какими бы то ни было толками и слухами, или широковѣщательными газетными статьями: школьная жизнь въ ближайшіе годы будетъ идти своимъ спокойнымъ, обычнымъ путемъ, съ постепеннымъ, разумнымъ устраненіемъ всѣхъ замѣченныхъ въ ней недостатковъ и съ осторожнымъ введеніемъ новыхъ дѣйствительно полезныхъ и цѣлесообразныхъ усовершенствованій, указанныхъ не досужею фантазіей дилеттантовъ, а серіознымъ опытомъ лицъ, спеціально посвятившихъ себя многосложному и многотрудному дѣлу образовательнаго воспитанія русскаго юношества.

Въ чемъ же заключаются эти дѣйствительно полезныя и цѣлесообразныя усовершенствованія нашего средняго образованія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы постараемся дать въ ближайшихъ статьяхъ, съ возможною обстоятельностью.

Облегченіе учащихся.

Когда заходитъ рѣчь объ улучшеніи нашего средняго образованія, чаще всего приходится слышать требованіе: «нужно облегчить учащихся».

Требованіе это вполнѣ основательно, если только правильно опредѣлить, *въ чемъ* именно должно состоять это облегченіе.

Школа, какъ извѣстно, должна готовить своихъ питомцевъ къ жизни, и притомъ къ жизни не праздной, а *трудовой*. Изъ этого слѣдуетъ, что школа должна готовить учениковъ къ будущему жизненному труду. Эту необходимую подготовку она можетъ дать имъ, очевидно, лишь посредствомъ того же *труда*. Если, поэтому, для облегченія учащихся, мы удалимъ изъ школы всякій трудъ и замѣнимъ его одпѣми играми, болтовней и развлеченіями, то мы принесемъ имъ не пользу, а вредъ, такъ какъ, выйдя изъ школы въ трудовую жизнь, они не будутъ даже знать, какъ имъ приняться за трудъ, какъ его вести съ необходимою энергіей, послѣдовательностью и терпѣніемъ, и какъ его окончить съ полнымъ успѣхомъ. Всему этому должна ихъ научить школа, а потому мы имѣли бы право назвать ту школу *дурною*, въ которой ученики вели бы праздную, а не трудовую жизнь.

Но если это такъ, то въ чемъ же должны заключаться облегченія учащихся? Въ томъ, чтобы сдѣлать всякій школьный ихъ трудъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ и устранить изъ него всѣ чуждыя ему, неразумныя и даже вредныя, затрудненія.

Пояснимъ это примѣромъ.

Предъ нами два ученика ровесника одинаковыхъ, приблизительно, способностей, но учащихся въ двухъ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ обоимъ задана на домъ одна и та же математическая, довольно сложная, задача. Они принимаются за ея рѣшеніе, и весь трудъ, который они приложатъ къ этому рѣшенію, какъ бы великъ онъ ни былъ, будетъ, безъ сомнѣнія, разуменъ и цѣлесообразенъ, а потому и полезенъ. Но вотъ оказывается, что одинъ изъ данныхъ учениковъ справляется съ этимъ серіознымъ трудомъ легко, а другой изнемогаетъ подъ его бременемъ

Чѣмъ же объяснить, что, при одинаковомъ ихъ возрастѣ и одинаковыхъ способностяхъ, первому изъ нихъ легко то, что́ другому трудно?

По изслѣдованіи всѣхъ причинъ этого явленія, мы находимъ, что первый изъ нихъ учится въ хорошей школѣ, а другой—въ дурной.

Въ самомъ дѣлѣ, первый ученикъ учится у опытнаго, даровитаго учителя, основательно объяснившаго ему всѣ соотвѣтствующія правила прежде, чѣмъ давать ему на домъ рѣшеніе какой-либо задачи; учитель этотъ, достаточно обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, не переутомленъ многочисленными уроками, а сохранилъ всю свою бодрость, а потому и относится къ своему педагогическому дѣлу съ живою любовью, вселяя своимъ ученикамъ ту же любовь къ ихъ дѣлу; онъ учитъ въ классѣ, въ которомъ находится не болѣе 25 учениковъ, а потому онъ имѣетъ полную возможность знать каждаго изъ нихъ индивидуально и вести ихъ образованіе и воспитаніе сообразно съ особенностями ихъ ума, дарованія и характера; наконецъ, въ данной школѣ гигіеническія условія таковы, что они содѣйствуютъ постоянной умственной и физи-

ческой бодрости учениковъ, которые, вслѣдствіе этого, живѣе воспринимаютъ преподаваемые имъ предметы, а потому и легче справляются со своимъ трудомъ.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ находится другой ученикъ. Онъ сидитъ въ большомъ, по душномъ до тошноты классѣ вмѣстѣ съ 60 товарищами, которыхъ учитель еле знаетъ по фамиліямъ, такъ что о какомъ-либо индивидуальномъ воспитаніи онъ и думать не можетъ; но онъ, сверхъ того, не думаетъ о немъ и потому, что никогда о немъ не слыхалъ, да если бъ и слышалъ, то не могъ бы примѣнять это единственно разумное воспитаніе, потому что оно немыслимо при томъ ремесленномъ трудѣ, на который обрекъ себя этотъ учитель, вынужденный давать до 36 уроковъ въ недѣлю, чтобы хоть скуднымъ образомъ прокормить себя и свою семью! При такихъ условіяхъ онъ не можетъ внушать своимъ ученикамъ любовь къ своему предмету, такъ какъ самъ онъ этой любви не испытываетъ, а потому и объясненія его неинтересны и непонятны; ученики въ переполненномъ душномъ классѣ не въ состояніи слѣдить за этими объясненіями и возвращаются домой съ головною болью, еще сильнѣе мѣшающею имъ понимать и рѣшать непонятныя для нихъ задачи, такъ какъ полезная часть ихъ умственнаго труда осложняется и искажается другими, совершенно чуждыми ей, затрудненіями.

Что же слѣдуетъ сдѣлать, чтобы разумнымъ образомъ облегчить этихъ поистинѣ несчастныхъ учениковъ? Легкомысленные дилеттанты скажутъ: «Отмѣните рѣшеніе математическихъ задачъ». Нелѣпость такого совѣта очевидна сама по себѣ. Для облегченія данныхъ учениковъ можно сдѣлать лишь слѣдующее: либо перевести ихъ въ вышеописанную *хорошую* школу, либо превратить ихъ дурную школу въ *такую же* хорошую. Это послѣднее средство несомнѣнно будетъ реформой школы, но реформой разумною, полезною и цѣлесообразною, такъ какъ она дѣйствительно *облегчитъ* учениковъ, освободивъ ихъ отъ *совершенно неразумной траты умственныхъ силъ*, вытекающей изъ окружающихъ ихъ дурныхъ педагогическихъ и гигіеническихъ условій, и сосредоточивъ эти силы на одномъ лишь разумномъ и цѣлесообразномъ трудѣ, готовящемъ ихъ къ такому же, и разумному, и цѣлесообразному, труду въ предстоящей имъ жизни.

Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, должно заключаться облегченіе учащихся: *въ улучшеніи условій школьнаго преподаванія.*

Ультра-наивные люди разсуждаютъ, однако, объ этомъ вопросѣ совершенно иначе: по ихъ мнѣнію, можно облегчить каждый учебный предметъ— сокративъ число часовъ, положенное на его преподаваніе! Такіе реформаторы, очевидно, забываютъ то простое ариѳметическое правило, по которому данную работу можно исполнить въ уменьшенное число часовъ лишь съ пропорціонально *увеличенною* силой труда, и что, слѣдовательно, чѣмъ меньше часовъ положено на изученіе какого-либо предмета, тѣмъ *труднѣе* изучить этотъ предметъ.

Но объ этомъ мы поговоримъ еще подробнѣе.

Мы уже видѣли, что разумное и цѣлесообразное облегченіе дѣтей учащихся въ нашихъ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ должно заключаться въ

улучшенія педагогическихъ и гигіеническихъ условій нашихъ школъ, а не въ сокращеніи часовъ, требующихся на изученіе того или другого предмета.

Но есть еще другая весьма существенная мѣра, которую мы должны примѣнять одновременно съ первою, для того, чтобы достигнуть этого несомнѣнно желательнаго облегченія.

Мы уже имѣли случай коснуться *индивидуальнаго* воспитанія и образованія, какъ единственно-правильнаго пріема для постепеннаго развитія тѣхъ именно нравственныхъ и умственныхъ способностей, которыя спеціально присущи каждому ребенку въ отдѣльности. Задача школы заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ тщательномъ распознаваніи находящихся въ зародышѣ природныхъ дарованій каждаго изъ ввѣренныхъ ей учениковъ и въ бережномъ, любовномъ уходѣ за этими юными еще ростками, дабы обезпечить имъ полное развитіе и защитить ихъ отъ разрушительнаго вліянія тѣхъ или другихъ прирожденныхъ данному ученику дурныхъ инстинктовъ.

Индивидуальному воспитанію противоположно воспитаніе *эгалитарное*, *массовое*, по необходимости практикуемое въ нашихъ до безобразія переполненныхъ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ *стадномъ* воспитаніи нѣтъ физической возможности распознавать всѣ тончайшія психическія и физическія особенности каждаго отдѣльнаго ученика, а потому въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ ко всѣмъ безъ разбора ученикамъ прилагается одна общая мѣрка, не сообразующаяся ни съ особеннымъ *свойствомъ*, ни съ *размѣромъ* присущихъ каждому изъ нихъ способностей и дарованій. А между тѣмъ, эти свойства и размѣры разнообразны до безконечности, и чѣмъ раньше они опредѣляются, тѣмъ лучше и цѣлесообразнѣе можетъ стать то индивидуальное воспитаніе, которое должно быть къ нимъ примѣняемо.

Изъ этого уже ясно, до какой степени заблуждаются тѣ изъ нашихъ школьныхъ реформаторовъ, которые хотятъ установить у насъ какую-то *единую* средне-образовательную школу, вмѣсто того чтобы, наоборотъ, еще болѣе увеличить разнообразіе нашихъ школъ. Неужели не слѣдуетъ желать, чтобы каждый ребенокъ, каковы бы ни были свойство и размѣръ его дарованій, могъ найти соотвѣтствующую именно этимъ дарованіямъ школу, въ которой онъ могъ бы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ на той или другой ступени государственной, общественной или частной жизни?

Въ самомъ дѣлѣ, разнообразнымъ дарованіямъ учениковъ соотвѣтствуютъ разнообразныя поприща ихъ будущей жизненной дѣятельности. А потому нужно устроить наше среднее образованіе такъ, чтобы въ результатѣ его явилась не однообразная сѣрая масса безразличныхъ людей, «способныхъ ко всему и ни къ чему не годныхъ», а людей съ широкимъ развитіемъ присущихъ каждому изъ нихъ способностей, которые сами ясно знали бы, къ чему они пригодны, и которыхъ можно было бы тотчасъ же пристраивать къ соотвѣтствующему каждому изъ нихъ спеціальному дѣлу.

The right man on the right place—вотъ къ какому идеалу мы должны стремиться въ нашей жизни, и къ достиженію этого идеала наши школы должны подготовлять своихъ питомцевъ; а для этого наши школы должны быть не какими-то «обще-образовательными», а, напротивъ того, *разнообразно-спеціальными учебными заведеніями*, съ придачей, конечно, къ ихъ основной спеціальности, тѣхъ общеобразовательныхъ и практическихъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя необходимы для современнаго культурнаго человѣка.

Возвращаясь къ главной нашей мысли, мы полагаемъ, что никто не станетъ оспаривать той истины, что если бы нашимъ дѣтямъ возможно было избѣжать Прокрустова ложа общеобразовательной школы, въ которой атрофируются богатыя дарованія и калѣчатся дарованія скромныя, и если бъ они, вмѣсто того, воспитывались въ такихъ школахъ, которыя соотвѣтствовали бы ихъ *индивидуальнымъ* дарованіямъ, то мы достигли бы громаднаго *облегченія* ихъ школьнаго труда.

Какъ достигнуть этого несомнѣннаго блага, мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Высшая научная школа.

Для разнообразныхъ спеціальныхъ поприщъ современной жизни, говорили мы, необходимы спеціально подготовляющія къ этимъ поприщамъ разнообразныя среднія школы.

Но не на всякое жизненное поприще можно вступить прямо изъ средней школы. Тотъ кто, по своимъ способностямъ, можетъ и желаетъ занять одну изъ высшихъ ступеней государственной, общественно или частной дѣятельности, долженъ подготовиться къ ней въ одной изъ спеціальныхъ высшихъ школъ, къ которымъ должны быть приноровлены спеціальныя среднія учебныя заведенія. Такимъ образомъ, курсъ этихъ среднеучебныхъ заведеній опредѣляется не самъ собою, а требованіями соотвѣтствующихъ имъ высшихъ школъ, курсъ которыхъ, въ свою очередь, регулируется всемірною культурною конкурренціей, заставляющею, напримѣръ, насъ, Русскихъ, держать свои университеты, техническіе институты и другія высшія спеціальныя заведенія на одномъ уровнѣ съ соотвѣтствующими имъ высшими школами другихъ наиболѣе культурныхъ государствъ.

Начнемъ сегодня съ нашихъ университетовъ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ 12 января, дня всероссійскаго университетскаго торжества, всего болѣе подобаетъ говорить о великомъ значеніи и призваніи русской высшей научной школы.

Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, Русскіе Университеты призваны охранять самостоятельную чистоту высшей науки, которую въ нашъ матеріалистическій вѣкъ такъ охотно ставятъ на одну доску съ промышленностью и торговлей, признавая этимъ какъ бы единственную пользу не въ творческомъ геніи науки, а лишь въ практической прикладной ея сторонѣ.

Никто, конечно, не отрицаетъ громаднаго значенія въ нашей жизни практическаго примѣненія научныхъ выводовъ. Но если они пріобрѣли это выдающееся значеніе въ нашемъ современномъ государствѣ, то они этимъ обязаны могущественному развитію научныхъ *теорій*, которому такъ способствовали первоклассные университеты Западной Европы.

Наука развивается по собственнымъ своимъ законамъ, стремясь прежде всего не къ удовлетворенію тѣхъ или другихъ утилитарныхъ потребносте,й а къ изслѣдованію и познанію *истины*, необходимой человѣческому духу, какъ хлѣбъ насущный—человѣческому тѣлу. Духъ человѣческій является, такимъ образомъ, двигателемъ высшей науки, но для этого онъ долженъ самъ

пройти строгую научную дисциплину и научиться точному научному мышленію. Эта логическая дисциплина дается человѣческому уму въ высшей научной школѣ—въ университетѣ, который, такимъ образомъ, призванъ давать наиболѣе даровитымъ и способнымъ къ наукѣ молодымъ людямъ по возможности полное и совершенное строго-научное развитіе. Университетъ не можетъ *понижать* тѣхъ требованій, которыя онъ предъявляетъ молодымъ людямъ вступающимъ въ храмъ науки, такъ какъ онъ этимъ понизилъ бы всю научную дѣятельность государства, поставилъ бы ее въ рабскую зависимость отъ Западной Европы и подорвалъ бы этимъ также и прикладную науку со столь дорогими нашему времени промышленностью и торговлей.

Вотъ почему мы обращаемся къ Московскому Университету въ торжественный день, въ который мысль невольно переносится къ грядущему его полуторастолѣтію, не только съ искреннимъ пожеланіемъ, но и съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобъ онъ высоко держалъ въ твердой рукѣ священное знамя чистой науки и не давалъ себя увлечь ни утилитарными соблазнами прикладной техники или ложными государственно-общественными доктринами, ни малодушными просьбами равнодушнаго къ наукѣ общества, старающагося, въ угоду массѣ неспособныхъ къ высшимъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей, понизить уровень требованій, которыя Университетъ ставитъ своимъ будущимъ питомцамъ.

Пусть въ этомъ отношеніи старѣйшій Московскій Университетъ всегда будетъ образцомъ всѣмъ остальнымъ высшимъ научнымъ школамъ Россіи; пусть въ немъ научная истина не колеблется ни по заказу вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей, ни по своенравному желанію легкомысленной толпы.

Русскій профессоръ долженъ стоять на стражѣ русской науки, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобъ она ни въ чемъ не отставала отъ науки Запада, а старалась, по мѣрѣ возможности, во всемъ ее превзойти. Какъ достигнуть этой высокой цѣли—объ этомъ лучше всего могутъ знать преподаватели русскихъ высшихъ научныхъ школъ, лично изучившіе условія научнаго развитія въ университетахъ Западной Европы. Они являются лучшими судьями для рѣшенія вопроса объ усовершенствованіи нашего университетскаго образованія, такъ же какъ преподавателямъ нашихъ гимназій принадлежитъ безусловная компетенція въ вопросѣ объ улучшеніи нашего гимназическаго образованія.

Гимназическое преподаваніе имѣетъ совершенно особые техническіе пріемы, не имѣющіе ничего общаго съ пріемами университетскаго преподаванія. Въ виду этого, представителямъ высшей научной школы принадлежитъ безспорное право ставить свои требованія поступающимъ изъ гимназій въ Университетъ; вопросъ же о томъ, какими пріемами гимназія можетъ удовлетворять этимъ требованіямъ—этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь педагогами, спеціально посвятившими себя многосложной практикѣ и серіозной теоріи гимназическаго преподаванія.

Эту практику и теорію мы подвергнемъ болѣе подробному обсужденію въ одной изъ ближайшихъ нашихъ статей.

Средняя научная школа.

Къ требованіямъ *высшей* научной школы, университета, приноровлена, какъ мы видѣли *средняя* научная школа, гимназія, которая, слѣдовательно, является отнюдь не общеобразовательнымъ заведеніемъ, какъ у насъ обыкновенно думаютъ, а заведеніемъ *спеціальнымъ*, имѣющимъ, подобно другимъ спеціальнымъ школамъ, въ своемъ курсѣ, между прочимъ, и общеобразовательные (энциклопедическіе) учебные предметы.

Весь пресловутый нашъ «гимназическій вопросъ» возникъ именно изъ вышеуказаннаго ошибочнаго взгляда на наши гимназіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если гимназію признавать заведеніемъ «общеобразовательнымъ», то нѣтъ никакой возможности найти точный критерій для выбора учебныхъ предметовъ гимназическаго курса, такъ какъ прежде всего невозможно опредѣлить точное значеніе такого расплывчатаго понятія какъ «общее образованіе». Вы не найдете двухъ человѣкъ, которые сошлись бы въ опредѣленіи этого понятія, а тѣмъ болѣе въ опредѣленіи качества, количества и размѣра общеобразовательныхъ учебныхъ предметовъ. Тутъ дается индивидуальной фантазіи каждаго отдѣльнаго реформатора такое широкое поприще, что реформа гимназіи, при такомъ безбрежномъ просторѣ, можетъ породить лишь цѣлый хаосъ фантастическихъ проектовъ, между которыми выборъ станетъ совершенно невозможнымъ.

Совершенно иное дѣло, если гимназія разсматривается, какъ средняя *научная* школа, *спеціально* готовящая молодыхъ людей для высшей научной школы, то есть для университета. Требованія университета являются тѣмъ именно критеріемъ, который необходимъ для точнаго опредѣленія, какъ свойства, такъ и размѣровъ гимназическаго преподаванія.

Но этимъ не ограничиваются затрудненія, возникающія изъ ошибочнаго взгляда на гимназію, какъ на какое то «общеобразовательное» заведеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы гимназія была призвана давать намъ «общее образованіе», то необходимо было бы покрыть всю Россію цѣлыми тысячами гимназій, дабы никто изъ Русскихъ гражданъ не лишенъ былъ блага этого «общаго образованія». Вслѣдствіе этого пришлось бы поневолѣ и спустить уровень этого общаго образованія до такой низкой степени, что связь между гимназіями и высшими спеціальными школами была бы порвана, ибо высшія школы, какъ мы видѣли, не имѣютъ права понижать своихъ требованій, предъявляемыхъ поступающимъ въ ихъ стѣны молодымъ людямъ. Изъ нашихъ гимназій ежегодно выходили бы стотысячныя сѣрыя безформенныя массы тѣхъ именно «общеобразованныхъ», «способныхъ ко всему и ни къ чему негодныхъ» людей, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить.

Мы уже теперь находимся на этомъ опасномъ пути: у насъ ежегодно оказывается слишкомъ много окончившихъ курсъ гимназистовъ, сравнительно съ числомъ свободныхъ мѣстъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и чѣмъ болѣе увеличивается количество этихъ будущихъ студентовъ, тѣмъ хуже становится ихъ качество. И это весьма понятно. Коль скоро гимназія является въ глазахъ нашего общества не спеціальною школой, готовящею своихъ питомцевъ для высшихъ научныхъ занятій и требующею отъ нихъ не какихъ-ни-

будь посредственныхъ, а выдающихся умственныхъ способностей, коль скоро, говоримъ мы, наше общество считаетъ гимназіи «общеобразовательными» заведеніями, обязанными давать поверхностный энциклопедическій лоскъ всѣмъ безъ разбора ученикамъ,—то весьма понятно, что наши гимназіи ежегодно переполняются массой молодыхъ людей, очень способныхъ, можетъ быть, ко всему чему угодно, но только не къ будущимъ высшимъ научнымъ занятіямъ. Они уже однимъ своимъ массовымъ присутствіемъ понижаютъ уровень гимназическаго образованія, извращаютъ его высокую серіозную цѣль и не даютъ развиться должнымъ образомъ природнымъ дарованіямъ тѣхъ своихъ товарищей, которые дѣйствительно способны къ научнымъ занятіямъ. Но этого мало: они затѣмъ переполняютъ аудиторію нашихъ университетовъ, которые вслѣдствіе этого лишаются возможности вести должнымъ образомъ и держать на подобающей высотѣ свое научное образованіе и вынуждены размножать въ безконечно-широкихъ размѣрахъ въ нашемъ обществѣ тотъ убогій, скудоумный «умственный пролетаріатъ», который становится столь грознымъ явленіемъ въ нашемъ государственно-общественномъ строѣ.

Если ошибочный взглядъ на наши гимназіи даетъ уже теперь столь прискорбные результаты, то чего же слѣдуетъ ожидать, если бы Правительство само стало раздѣлять этотъ взглядъ и дѣйствительно лишило, въ угоду инымъ фантастическимъ реформаторамъ, наши гимназіи послѣдняго признака ихъ спеціальнаго назначенія, превративъ ихъ изъ серіозныхъ среднихъ научныхъ школъ въ разсадники людей, у которыхъ въ головѣ были бы не солидныя спеціальныя знанія, а легковѣсный сборный «общеобразовательный» ералашъ!

Для Россіи давно уже прошло то время, когда она, съ трудомъ поспѣвая за далеко ушедшею отъ нея впередъ европейскою теоретическою и прикладною наукой, нуждалась въ людяхъ лишь «вообще» образованныхъ. Теперь мы догнали Европу и нуждаемся, такъ же какъ и она, на всѣхъ поприщахъ государственнаго, общественнаго и частнаго труда въ хорошихъ, дѣльныхъ *спеціалистахъ*, тщательно подготовленныхъ въ соотвѣтственныхъ ихъ спеціальностямъ школахъ. Думать въ настоящее время о созданіи у насъ какихъ-то «единыхъ», «однообразныхъ», «объединенныхъ», «общеобразовательныхъ» училищахъ значитъ совершенно игнорировать насущныя потребности настоящаго времени и витать въ области безпочвенныхъ и безполезныхъ анахронизмовъ.

Намъ необходимо громадное количество самыхъ разнообразныхъ *спеціальныхъ* среднихъ школъ, техническихъ, профессіональныхъ, коммерческихъ, промышленныхъ, военныхъ, духовныхъ, художественныхъ и, между прочимъ, *научныхъ*. Однѣ изъ этихъ среднихъ школъ должны выпускать своихъ питомцевъ прямо въ жизнь вполнѣ готовыми для той или другой практической спеціальности, другія должны готовить своихъ учениковъ для высшихъ учебныхъ заведеній, какъ, напримѣръ, среднія *техническія* или реальныя школы—для высшихъ *техническихъ* школъ, а среднія *научныя* школы, то-есть гимназіи,—для высшихъ *научныхъ* школъ, именуемыхъ университетами.

Такъ смотрѣли на это важное государственное дѣло великіе реформаторы нашего средняго образованія М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ и внимательно прислушивавшійся къ ихъ совѣтамъ графъ Д. А. Толстой. Великую, упорную борьбу пришлось имъ вести съ окружавшимъ ихъ невѣжествомъ и личною злобой, надъ которыми имъ удалось одержать, къ сожалѣнію, далеко не полную побѣду. Уставъ гимназій 1871 года вышелъ въ концѣ концовъ результа-

томъ многихъ компромиссовъ и уступокъ враждебныхъ ему лицъ и партій и воспринялъ, поэтому, въ себѣ зачатокъ тяжелаго недуга, отъ котораго онъ и доселѣ не успѣлъ освободиться. Мало того, этотъ недугъ съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не уменьшился, а разросся, ибо предполагавшееся постепенное усовершенствованіе нашей гимназіи было пріостановлено съ конца семидесятыхъ годовъ и окончательно прекращено въ началѣ восьмидесятыхъ.

Нужно правду сказать, люди, судящіе о классицизмѣ *только* по нашимъ русскимъ гимназіямъ (а такихъ судей у насъ громадное, подавляющее большинство), не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ *истинномъ* классицизмѣ, а потому тѣ упреки, которые раздаются у насъ противъ классицизма, относятся вовсе не къ серіозному, глубокому, плодотворному общеевропейскому классицизму, а лишь къ нашему жалкому, незаконченному, а затѣмъ подорванному лжеклассицизму.

Никто такъ ясно не сознавалъ недостатка нашего мнимаго классицизма, какъ М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ: вотъ почему они, рядомъ съ нашими гимназіями 1871 года, которыя имъ не удалось создать вмѣстѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ, согласно съ предносившимся имъ идеаломъ *истинной* классической школы, одновременно создали свой Лицей, который они могли организовать по типу лучшихъ классическихъ школъ Запада безъ тѣхъ вредныхъ недомолвокъ и урѣзокъ, на почвѣ которыхъ создались наши гимназіи 1871 года. Эти гимназіи являлись въ мысли названныхъ реформаторовъ лишь первымъ зародышемъ тѣхъ будущихъ, *истинно* классическихъ, гимназій, прототипъ которыхъ долженъ былъ выработать, путемъ живой практической опытной педагогики, Лицей Цесаревича Николая.

И дѣйствительно, созданіе Каткова и Леонтьева, нынѣшній Императорскій Лицей въ память Цесаревича Николая, свободно и широко развиваясь по пути, намѣченному геніальными его основателями, послужилъ и до сихъ поръ еще служитъ во многихъ отношеніяхъ тѣмъ образцомъ, съ котораго наши гимназіи брали примѣръ для усовершенствованія той или другой части своей организаціи. Но въ иныхъ отношеніяхъ гимназіи наши, какъ мы уже сказали, прекратили свое дальнѣйшее развитіе, а въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ педагогика, стоять на одномъ мѣстѣ нельзя: приходится, по необходимости, идти либо впередъ, либо назадъ.

Мы, однако, должны оговориться. Въ живомъ дѣлѣ педагогіи необходимы прежде всего живые, даровитые, любящіе свое дѣло люди. Тамъ, гдѣ они оказываются, они могутъ сдѣлать много полезнаго даже среди самыхъ неблагопріятныхъ условій. Достаточно было стать во главѣ нѣкоторыхъ нашихъ гимназій истиннымъ педагогамъ, знатокамъ своего дѣла и одушевленнымъ горячею любовью къ своему высокому призванію, чтобы приблизить эти счастливыя гимназіи къ идеалу истинно-классическихъ школъ. Вотъ почему мы такъ настойчиво требуемъ усовершенствованія нашихъ гимназій посредствомъ *улучшенія ихъ педагогическаго персонала*. Уже одна эта мѣра будетъ для нихъ великимъ, несказаннымъ благомъ. Всякая иная реформа, предпринятая даже съ самыми лучшими намѣреніями, можетъ кончиться, въ наше время всеобщей умственной расшатанности и разрушительныхъ стремленій, полною гибелью послѣднихъ признаковъ серіознаго гимназическаго образованія.

Среди этого прискорбнаго, охватившаго наше общество умственнаго шатанія, такъ сильно напоминающаго намъ столь недавнее печальное прошлое,

призваніе Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая становится особенно важнымъ.

Привѣтствуя его отъ всей души и всего сердца съ наступающею 13 января *тридцать второю* годовщиной его славнаго, плодотворнаго существованія, мы ожидаемъ отъ него, чтобъ онъ болѣе чѣмъ когда либо свято и зорко хранилъ великіе завѣты своихъ безсмертныхъ основателей и высоко держалъ, среди бушующихъ вокругъ него волнъ слѣпого разъяреннаго невѣжества и слабодушнаго индифферентнаго попустительства,—свѣтлое знамя истиннаго гуманитарнаго образованія средней научной школы, дорожа выше всего правильнымъ развитіемъ въ своихъ питомцахъ искреннихъ чувствъ, присущихъ вѣрнымъ слугамъ Бога и Царя, и подготовленіемъ ихъ къ тѣмъ серіознымъ занятіямъ, которыя ихъ ожидаютъ въ существующей въ самомъ Лицеѣ высшей научной школѣ.

Будущность намъ неизвѣстна. Общественное невѣжество такъ сильно всколыхнулось, найдя себѣ поддержку въ краснобайствѣ мнимо-авторитетныхъ реформаторовъ, что гимназіи наши, даже помимо воли Правительства, могутъ сильно пострадать въ своихъ основахъ при предстоящемъ имъ «улучшеніи».

Да хранитъ ихъ Господь отъ подобнаго «совершенствованія», равняющагося крушенію! Но если это крушеніе необходимо, то пусть оно послужитъ намъ на пользу. Да исчезнетъ у насъ *ложный* классицизмъ! Пусть превратятся наши гимназіи въ спеціальныя, техническія и профессіональныя школы, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ извѣстное число ихъ, необходимое для постояннаго, *нормальнаго* пополненія нашихъ университетовъ, превратилось въ истинно-классическія гимназіи, по образцу Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, который да сохранитъ и среди нихъ на вѣчныя времена свое *образцовое* значеніе. Для этого необходимо, чтобъ онъ, подъ благотворною сѣнью Августѣйшаго покровительства Русскаго Царя, строго оберегалъ особенности своего устава, спасающаго его отъ сухого, мертвящаго бюрократизма, и постоянно, неустанно совершенствовался, благодаря любвеобильнымъ трудамъ отборнаго кружка истинныхъ педагоговъ, бывшихъ его питомцами и ставшихъ затѣмъ его руководителями на пути русскаго національнаго просвѣщенія.

Въ самомъ дѣлѣ, являясь у насъ образцовою классическою школой, Лицей представляетъ собой и образецъ Русской *національной* школы, о которой такъ хлопочутъ иные изъ современныхъ школьныхъ реформаторовъ, видящихъ, вслѣдствіе ограниченности своего кругозора, въ классическомъ образованіи какую-то помѣху къ образованію національному!

Къ разъясненію этого прискорбнаго недоразумѣнія намъ придется еще вернуться въ особой статьѣ.

Истинный и ложный классицизмъ.

Мы назвали наши гимназіи ложно-классическими. (стр. 171). На насъ лежитъ обязанность доказать основательность этого упрека.

Гуманистическая школа называется классическою не потому, что въ ней отводится нѣкоторое, большее или меньшее, число часовъ на изученіе классическихъ языковъ, а потому что въ ней на это изученіе отводится такое ко-

личество времени, которое вполнѣ обезпечиваетъ достиженіе цѣли классическаго образованія.

Цѣль эта, серіозное подготовленіе къ университетскимъ занятіямъ, достигается, какъ извѣстно, въ должномъ размѣрѣ въ германскихъ гимназіяхъ, благодаря которымъ германскіе университеты имѣютъ безспорно самый лучшій во всемъ свѣтѣ научно-подготовленный контингентъ студентовъ. Этотъ фактъ никѣмъ не оспаривается. А потому мы, если желаемъ возвысить свои университеты до уровня университетовъ германскихъ, должны давать и нашимъ гимназистамъ классическое образованіе въ томъ именно размѣрѣ, въ какомъ получаютъ его въ своихъ гимназіяхъ студенты германскихъ университетовъ.

Дѣйствительно, мы ставимъ абитуріентамъ нашихъ гимназій такія же требованія, какія ставятся по древнимъ языкамъ на испытаніяхъ зрѣлости въ германскихъ гимназіяхъ. А между тѣмъ прусскому и русскому гимназисту дается далеко не одинаковое время для того, чтобы подготовиться къ этому испытанію.

На изученіе обоихъ древнихъ языковъ отводится въ недѣлю общая сумма классныхъ уроковъ:

въ Пруссіи		98
Въ Россіи	въ Лицеѣ Цесаревича Николая	92½
	въ Гимназіяхъ	75

Но этого мало. Въ Пруссіи гимназическій курсъ ученія продолжается *девять* лѣтъ, а у насъ только *восемь*. Въ Пруссіи учебное время въ году обнимаетъ собою 41 недѣлю, а у насъ только 36 недѣль; вслѣдствіе этого на изученіе обоихъ древнихъ языковъ въ теченіе всего гимназическаго курса отдается въ распоряженіе—

Прусскому гимназисту	4.018 час.
Русскому гимназисту	2.700 »

Какого бы высокаго мнѣнія ни были мы о природныхъ способностяхъ русскихъ гимназистовъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ, по справедливости, требовать отъ нихъ, чтобъ они исполняли ту же работу, какъ и германскіе гимназисты не въ одинаковое съ ними время, а въ такое время, которое почти *вдвое короче*, чѣмъ то, которымъ располагаютъ ихъ товарищи въ Германіи. Они и не исполняютъ этой работы, или, лучше сказать, они исполняютъ ее *вдвое хуже*, чѣмъ германскіе гимназисты. А мы затѣмъ удивляемся, что наши студенты подготовлены къ университетскимъ занятіямъ хуже, чѣмъ гимназисты германскіе, и хотимъ помочь этому горю еще большимъ *сокращеніемъ* (!!) времени необходимаго для должной подготовки къ университетскимъ занятіямъ. И всѣ у насъ благосклонно слушаютъ этотъ логическій абсурдъ и имъ не возмущаются!

Что̀ сказали бы вы о преподавателѣ, который обратился бы къ своимъ ученикамъ съ такими словами: «Чтобы выучить этотъ урокъ требуется *часъ*; вы его не выучили, потому что я вамъ назначилъ на это только *полчаса*: впредь вы должны будете выучивать тотъ же урокъ въ *четверть часа*; это я дѣлаю для вашего облегченія». Не будемъ ли мы имѣть основаніе сомнѣваться въ нормальности умственныхъ способностей подобнаго педагога? А между тѣмъ такъ именно, какъ этотъ педагогъ, поступаютъ въ настоящее время иные ре-

форматоры нашихъ классическихъ гимназій, требуя въ нихъ *сокращенія* числа уроковъ древнихъ языковъ, такъ какъ де тогда нашимъ гимназистамъ *легче* будетъ справиться съ предстоящею имъ задачей!! Они никакъ не могутъ, или не хотятъ, понять, что чѣмъ *меньше* времени дается для исполненія какой-либо работы, тѣмъ *труднѣе* ее исполнить.

Въ прусскихъ гимназіяхъ, какъ мы видѣли, древнимъ языкамъ посвящается 98 часовъ въ недѣлю, а до 1891 года посвящалось ихъ 117. Это сокращеніе на 19 часовъ привело уже въ Германіи къ результатамъ о которыхъ, напримѣръ, гэттингенскій профессоръ Dr Кайбель говоритъ слѣдующее:

«То классическое образованіе, которымъ мы пробавляемся въ настоящее время, послѣ реформы 1891 года, является пустою *комедіей*, безполезность которой приведетъ къ полному уничтоженію этого образованія, но вмѣстѣ съ нимъ падутъ не только древніе языки, но и вся гуманистическая сторона нашей культуры». *)

Что бы сказалъ почтенный профессоръ о нашихъ русскихъ гимназіяхъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, на древніе языки посвящается почти *вдвое меньше* часовъ, чѣмъ въ Пруссіи, еслибъ онъ узналъ, что и это число часовъ наши реформаторы хотятъ еще болѣе сократить, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за нашими гимназіями названіе «классическихъ?!» Онъ назвалъ бы это не «комедіей», а безсмысленною *пародіей* на классическое образованіе.

Мы понимаемъ тѣхъ реформаторовъ, которые требуютъ *уничтоженія* классическихъ гимназій: подчиняясь матеріалистическому духу нашего времени, они честно и открыто предпочитаютъ технику наукѣ, торговлю и промышленность—философіи. Но мы отказываемся понимать тѣхъ «авторитетныхъ мыслителей», которые, подъ видомъ «сохраненія» и «улучшенія» классическаго образованія, хотятъ еще болѣе его *испортить*, *искалѣчить* и довести до какой-то безобразной каррикатуры.

Въ 1871 году древніе языки были введены въ наши гимназіи въ количествѣ 85 недѣльныхъ часовъ въ восьми классахъ. Это, конечно, еще не былъ настоящій классицизмъ, но, какъ мы уже говорили въ предыдущей статьѣ, это былъ первый шагъ ко введенію у насъ *настоящаго* классицизма, такъ какъ имѣлось въ виду постепенно увеличить число этихъ часовъ, дабы наши гимназисты могли справляться со своею задачей *съ тою же легкостью*, какъ и ихъ товарищи въ Германіи. Но мы не только не исполнили этого намѣренія, а даже поступили совершенно наоборотъ: въ 1890 году мы сократили это число до 75 часовъ, въ наивномъ предположеніи, что мы этимъ *облегчили* нашихъ гимназистовъ! Мы этимъ самымъ отказались отъ *настоящаго* классицизма и закрѣпили въ нашихъ гимназіяхъ классицизмъ *ложный*.

Приведенныя нами цифры неопровержимо доказываютъ основательность нашихъ словъ и даютъ намъ право протестовать противъ всякаго дальнѣйшаго сокращенія и искаженія нашей классической системы. Мы протестуемъ противъ этого покушенія на нашу научную школу не только ради лучшей подготовки нашихъ гимназистовъ къ будущимъ университетскимъ ихъ занятіямъ, но и, сверхъ того, какъ мы уже неоднократно говорили, ради дѣйствительнаго, разумнаго, *облегченія* ихъ гимназическаго труда.

---

*) G. Kaibel. „Die neue Bildung“. *Deutsche Revue*. 1900. Januar.

Улучшеніе нашихъ гимназій.

Остановимся пока на тѣхъ выводахъ, къ которымъ мы пришли въ предыдущихъ статьяхъ.

Мы видѣли, что современныя условія жизни требуютъ широкаго развитія у насъ *спеціальнаго*, какъ высшаго, такъ и средняго образованія.

Къ высшимъ спеціальнымъ школамъ должны быть строго приноровлены и по своему количеству, и по своему качеству, среднія спеціальныя школы.

Среди самыхъ разнообразныхъ школъ—техническихъ, профессіональныхъ, коммерческихъ, духовныхъ, военныхъ, художественныхъ — особое положеніе должна занимать спеціальная школа *научная*, которая дѣлится на тѣсно между собою связанные *гимназію* и *университетъ.*

Въ научномъ отношеніи Россія должна стоять на одномъ уровнѣ съ Германіей, Англіей и Франціей, въ особенности же съ Германіей, въ университетахъ которой, по общему признанію всего міра, сосредоточены лучшія научныя силы въ лицѣ профессоровъ и студентовъ. Этимъ міровымъ своимъ превосходствомъ германскіе профессора и студенты обязаны своей тщательной подготовкѣ въ германскихъ *классическихъ* гимназіяхъ. Въ такихъ же классическихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ подготовляются французскіе и англійскіе профессора и студенты. Все это неопровержимые факты.

А потому, если мы хотимъ, чтобы русскіе университеты стояли на одномъ уровнѣ съ французскими, англійскими и въ особенности съ германскими университетами, мы должны давать нашимъ студентамъ такую же гимназическую подготовку, какую получаютъ французскіе, англійскіе и германскіе студенты. Иного выбора для насъ нѣтъ. Какъ мы въ нашихъ *техническихъ* высшихъ и среднихъ школахъ беремъ примѣръ съ Германіи, точно также должны мы брать съ нея примѣръ и въ организаціи нашихъ среднихъ и высшихъ *научныхъ* школъ.

Понизить уровень нашихъ университетовъ сравнительно съ университетами германскими мы не можемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы нанесемъ тяжелый уронъ русской наукѣ: но высокій уровень германскихъ университетовъ зависитъ не столько отъ нихъ самихъ, сколько отъ той превосходной подготовительной къ нимъ школы, которая называется классическою гимназіей. Слѣдовательно, если мы понизимъ уровень нашего классическаго образованія, мы этимъ самымъ понизимъ уровень нашихъ университетовъ, лишивъ ихъ возможности когда бы то ни было сравняться съ лучшими университетами Западной Европы, и нашимъ студентамъ придется по-прежнему заканчивать свое научное образованіе не въ родныхъ университетахъ, а ѣздить на поклонъ къ западной наукѣ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, турецкіе, японскіе и другіе студенты полукультурныхъ государствъ. Кто хочетъ вывести русскую науку изъ теперешняго ея полурабскаго положенія, тотъ долженъ дать ей *тѣ же* средства и *тѣ же* школы, которыя доставили наукѣ выдающееся положеніе ея въ Западной Европѣ. Тотъ, кто думаетъ иначе, является сознательнымъ или безсознательнымъ врагомъ русской науки.

Далѣе, мы видѣли, что, коль скоро гимназія есть спеціальное научное, а отнюдь не общеобразовательное заведеніе, она должна быть открыта лишь

для той части выдающагося своими умственными способностями цвѣта Русской націи, которая предназначаетъ себя для спеціально научныхъ занятій въ университетахъ. По естественнымъ и соціальнымъ условіямъ и государственнымъ потребностямъ Россіи, эта часть русскаго юношества можетъ составлять только его *меньшинство*. Все остальное громадное большинство Русскихъ молодыхъ людей должно находить себѣ образованіе и полное обезпеченіе своей будущей практической дѣятельности, сообразно со своими дарованіями и наклонностями, въ цѣлой массѣ другихъ спеціальныхъ же среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, но не въ гимназіяхъ и не въ университетахъ.

Количество русскихъ гимназій можетъ быть сокращено, но *качество* ихъ должно быть значительно улучшено.

Улучшеніе это должно коснуться прежде всего преподавателей и методовъ преподаванія, количества и качества учениковъ, серіознаго укрѣпленія ихъ физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія, которое вырабатывало бы изъ нихъ не только серіозныхъ дѣятелей науки, но и здоровыхъ тѣломъ и умомъ истинно-Русскихъ людей.

По достиженіи этихъ безусловно необходимыхъ *коренныхъ* улучшеній нашихъ гимназій, можно будетъ приступить къ улучшенію и самихъ гимназическихъ программъ, въ смыслѣ большаго приноровленія ихъ къ законнымъ требованіямъ университета.

Начать же измѣнять программы въ какомъ бы то ни было смыслѣ, *не* достигнувъ вышеуказанныхъ *коренныхъ* улучшеній нашихъ гимназій,—есть дѣло безусловно вредное и опасное, такъ какъ оно грозитъ расшатать въ ея основаніяхъ нашу юную школу, а вмѣстѣ съ нею и науку, и общество, и государство.

Воззваніе Польской Національной Лиги.

Подъ заглавіемъ «Къ Польскому вопросу» *Hamburger Nachrichten* (№ 41 отъ 17 февраля) напечатана слѣдующая передовая статья:

«Ниже мы помѣщаемъ польско-революціонное *Воззваніе*, изъ котораго видно что Поляки, несмотря на лойяльныя завѣренія ихъ парламентскихъ вождей, попрежнему видятъ цѣль своихъ стремленій въ томъ, чтобы, вырвавшись изъ того положенія, въ которомъ они находятся въ различныхъ государствахъ, возстановить польское національное государство. Если кто не убѣдится изъ этого документа въ реальномъ существованіи польской опасности, тотъ, вѣроятно, будетъ озадаченъ совпаденіемъ этой манифестаціи съ арестомъ въ Островѣ и Дортмундѣ польскихъ агитаторовъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. Что касается насъ, то мы никогда не давали себя обманывать Полякамъ и думаемъ, что, точно такъ же какъ и въ судебномъ дѣлѣ при извѣстныхъ предварительныхъ слѣдствіяхъ, необходимо всегда держаться правила *cherchez la femme*, чтобы напасть на вѣрные слѣды виновника, точно такъ же, необходимо всегда искать Поляка во всѣхъ политическихъ интригахъ, направленныхъ противъ Пруссіи и Германской Имперіи. Мы, кромѣ того, убѣждены, что Поляки, совершенно такъ же какъ и соціалъ-демократы, выжидаютъ лишь

удобнаго момента, чтобы показать свое настоящее лицо и сбросить ту лицемѣрную маску, которою они теперь прикрываются, повинуясь не собственному влеченію, а нуждѣ и благоразумію.

«Самымъ классическимъ свидѣтелемъ той опасности, которую Поляки представляютъ для государства, являлся князь Бисмаркъ. Если когда либо былъ государственный человѣкъ *знавшій* Поляковъ, то это былъ желѣзный канцлеръ. А потому мы считаемъ теперь именно своевременнымъ резюмировать здѣсь тѣ взгляды, которыхъ онъ держался въ польскомъ вопросѣ, и которые мы часто высказывали въ своихъ статьяхъ.

«Князь Бисмаркъ, основываясь на многолѣтнемъ наблюденіи и опытѣ, видѣлъ въ Полякахъ, въ особенности же въ польской шляхтѣ и въ польскомъ духовенствѣ, такіе элементы, которые не только чувствуютъ жизненную потребность въ политическихъ заговорахъ и интригахъ, но и обладаютъ большими къ нимъ способностями и практическою сноровкой; эти качества, обращенныя къ осуществленію ихъ національной идеи, никогда не даютъ имъ покоя и постоянно подстрекаютъ ихъ къ новымъ проискамъ. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что Римская церковь всею своею мощью поддерживаетъ антигерманскія стремленія Поляковъ, считая католическій полонизмъ не только врагомъ прусскаго протестантизма, но и однимъ изъ полезнѣйшихъ элементовъ для усиленнаго вліянія своего духовенства.

«Въ виду *такого* полонизма, необходимо съ германской стороны дѣйствовать съ постоянной осмотрительностью и своевременною энергіей, отражая каждую попытку къ нарушенію германскихъ интересовъ. Уступчивостью и кротостью можно лишь подготовить явленія, которыя часто повторялись въ прежнія времена и приводили къ кровавому подавленію мятежей. Къ тому же, обращеніе Прусскаго правительства съ Поляками и польскою пропагандой постоянно служитъ для русской политики симптомомъ той степени вниманія, съ которою въ Берлинѣ относятся къ Россіи. Ошибочныя дѣйствія Пруссіи въ польскомъ вопросѣ легко могутъ поэтому вредно отразиться на нашихъ отношеніяхъ съ Россіей и вызвать при извѣстныхъ обстоятельствахъ тяжелыя послѣдствія. Съ другой стороны, Поляки считаютъ въ своихъ интересахъ полезнымъ по возможности портить отношенія между Германіей и Россіей, а потому необходимо зорко слѣдить за ихъ интригами на дипломатическомъ и придворномъ поприщѣ.

«Въ теченіе всей своей дипломатической и министерской дѣятельности князь Бисмаркъ старался побороть польскія интриги всюду, гдѣ онъ ихъ находилъ или предполагалъ.

«Чрезъ всѣ его посвященныя польскому вопросу парламентскія рѣчи, такъ же какъ и чрезъ его Варцинскія рѣчи 1894 года, проходитъ красною нитью одна и та же мысль: передъ польщизной необходимо постоянно быть настороже, никогда ей не довѣрять, а противодѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ ея распространенію на счетъ германскаго элемента въ восточныхъ окраинахъ Пруссіи. Колонизаціонная комиссія и остальныя мѣры къ укрощенію польщизны были его собственнымъ, чуть не личнымъ дѣломъ. Лишь эра Каприви могла дойти до мысли примиренія и привлеченія въ качествѣ опоры прусскаго королевскаго престола, а слѣдовательно и прусскогерманской политики, того элемента, въ которомъ основатель Германской имперіи, великій государственный человѣкъ и ни съ кѣмъ несравнимый дипломатъ видѣлъ опасность для Германской имперіи, для ея внутренняго и внѣшняго мира;

къ тому же, это-тотъ самый элементъ, ошибочныя отношенія къ которому уже раньше приводили къ самымъ прискорбнымъ результатамъ! Если бы необходимо было привести особенно разительное доказательство того, что у графа Каприви совершенно отсутствовало всякое болѣе высокое политическое разумѣніе, что онъ былъ совершенно неграмотенъ въ подобныхъ вопросахъ,—то его политика въ польскомъ вопросѣ является именно этимъ доказательствомъ. Тогдашняя правительственная политика доставила князю Бисмарку не одну безсонную ночь, такъ какъ онъ зналъ вызываемыя такой политикой опасности, о которыхъ Каприви, при своей неопытности, и не догадывался. Мы должны, по крайней мѣрѣ, допустить послѣднюю гипотезу, если не желаемъ дать мѣсто худшимъ предположеніямъ.

«Мы думаемъ, что Прусское правительство должно было бы воспользоваться настоящими событіями, чтобы положить конецъ польскимъ проискамъ, насколько это лежитъ въ предѣлахъ возможности. Поляки принадлежатъ къ тѣмъ элементамъ, съ которыми можно ужиться безъ опасности и вреда для себя лишь въ томъ случаѣ, если ихъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ (denen man den Daumen aufs Auge drücken muss)».

Въ томъ же нумерѣ *Hamburger Nachrichten* говорятъ слѣдующее:

«Что надежды всѣхъ Поляковъ сосредоточиваются на возстановленіи свободнаго и независимаго польскаго государства, въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ польщизны и за особенностями польской національной агитаціи. Теперь предъ нами лежитъ документъ, который безо всякихъ дальнѣйшихъ фразъ открываетъ тайныя желанія всего Польскаго народа, а именно *Воззваніе*, которое издано Центральнымъ Комитетомъ Польской національной Лиги въ Варшавѣ и массами распространяется во всѣхъ германскихъ, австрійскихъ и русскихъ округахъ, въ которыхъ живутъ Поляки. О существованіи этого *Воззванія* узнала газета *Ostmark*, изложенію которой мы здѣсь слѣдуемъ, изъ самаго откровеннаго въ національныхъ дѣлахъ польскаго повременнаго изданія *Przeglond'а Wszechpolsk'аго*, издающагося во Львовѣ, то-есть изъ того самаго изданія, которое приблизительно годъ тому назадъ напечатало двѣ обратившія на себя вниманіе статьи, въ которыхъ объявлялась «война на жизнь и смерть» Пруссіи-Германіи и Германскому народу.

«Въ этомъ довольно пространномъ документѣ изображается прежде всего положеніе польскаго населенія въ Россіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно установилось вслѣдъ за послѣднимъ польскимъ возстаніемъ въ 1863 году; затѣмъ сообщается о послѣдовавшемъ въ 1886 году основаніи польской «Національной Лиги», имѣющей цѣлью направить все польское населеніе на путь активной политики и цѣлесообразной національной дѣятельности. Въ согласіи съ этою Лигой выступили затѣмъ въ Пруссіи, Австріи и другихъ государствахъ «въ духѣ національнаго единства и соціально-политической самостоятельности народа», отдѣльныя лица, тайныя и явныя организаціи или партіи, дабы этимъ путемъ ясно выразить полную внутреннюю солидарность между всѣми Поляками. Характеръ этой Лиги *Воззваніе* изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Польская Лига тѣмъ отличается отъ прежнихъ политическихъ организацій, что она ставитъ себѣ цѣлью не непосредственное подготовленіе къ вооруженному движенію, а дѣятельность, распредѣленную на цѣлый рядъ лѣтъ съ цѣлью созданія изъ пассивной массы народа, въ особенности изъ его низшихъ слоевъ, активныхъ политическихъ силъ, дабы двинуть ихъ на непрестанную, систематическую борьбу за права націи, *на борьбу имѣющую конечною цѣлью возсозданіе независимаго государственнаго существованія*“.

«Конецъ *Воззванія* гласитъ такъ:

„Усиліямъ враговъ, стремящихся къ уничтоженію нашей націи, мы хотимъ противопоставить стремленіе къ національному единству, систематическое и неутомимое противодѣйствіе и единую организованную политическую силу Польскаго народа. Послѣ 13-лѣтней тайной дѣятельности, въ которой мы выработали свою силу, Національная Лига сегодня выступаетъ на свѣтъ и призываетъ всѣхъ, кто желаетъ вмѣстѣ съ нами стать подъ единое знамя для общей работы и борьбы. Мы дѣлаемъ это по зрѣломъ размышленіи, достаточно взвѣсивъ всѣ сколько-нибудь возможныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что мы чувствуемъ себя достаточно сильными, чтобы не отступать отъ намѣченнаго нами пути. Мы хотимъ не только твердо стоять на этомъ пути, но идти впередъ и съ каждымъ шагомъ приближаться къ цѣли нашей работы, нашихъ сознательныхъ стремленій, нашей непоколебимой вѣры и святой надежды всѣхъ нашихъ сердецъ—*къ единому, свободному и независимому государству Польскому*".

«Экономическое укрѣпленіе польскаго средняго сословія, политическое, хозяйственное и общественное обособленіе Поляковъ, отъ окружающей ихъ непольской среды, далеко распространенная организація въ видѣ безчисленныхъ польскихъ обществъ всякаго рода, стремленіе создать государство въ государствѣ,—всѣ эти явленія служатъ лишь этапами на пути, въ концѣ котораго стоитъ возстановленіе великопольскаго царства въ предѣлахъ, существовавшихъ до перваго раздѣла Польши.

«Этотъ манифестъ, бросающій свѣтъ на планы Поляковъ, подѣйствовалъ на большинство издающихся въ Пруссіи польскихъ газетъ, какъ палка, воткнутая въ муравейникъ. Досада на то, что самые тайные планы польщизны обнародованы съ такою полною справедливостью, лишила прежде всего польскую печать способности отнестись къ этому факту со спокойнымъ размышленіемъ. Въ первомъ смятеніи была изобрѣтена отговорка, что *Воззваніе* является де результатомъ «провокаціи», устроенной русскою полиціей, а одна польская газета, *Kuryer Poznanski*, хвастающаяся своими близкими отношеніями къ архіепископскому дворцу на Познанскомъ соборномъ островѣ, — дошла даже до нелѣпаго предположенія, будто *Воззваніе* инсценировано колонизаціоннымъ обществомъ Остмарки! Это классическій примѣръ политическаго лицемѣрія Поляковъ, доказывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ нечистую совѣсть.

«Но всѣ эти попытки польскихъ газетъ не могутъ стереть съ лица земли этотъ революціонный манифестъ. *Przeglond Wszechpolski*, издатели котораго находятся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ руководящими польскими кругами въ русской Польшѣ, высказалъ къ тому же категорическое заявленіе, что *Воззваніе* абсолютно подлинно, а вовсе не произведеніе какихъ бы то ни было полицейскихъ агентовъ. Мало того, *Orendownik*, органъ демократической народной партіи, пріобрѣтающей все большее вліяніе и распространеніе,—категорически заявляетъ, что означенное революціонное *Воззваніе* дѣйствительно является выраженіемъ чувствъ, мыслей и дѣятельности извѣстныхъ круговъ Польскаго народа. Газета сопровождаетъ *Воззваніе* комментаріями, ясно показывающими опасность, угрожающую Пруссіи со стороны Поляковъ, и вполнѣ обнаруживающими самую суть вопроса.

„То, что̀ наши земляки въ Царствѣ Польскомъ дѣлаютъ скрытно и тайно, то мы дѣлаемъ открыто подъ прусскимъ скипетромъ, пользуясь прусскою конституціей, законами страны и государственными учрежденіями. Всюду мы стремимся и стараемся поддерживать нашу національную обособленность и привести въ согласованіе эту нашу характерную черту съ обязанностями предъ государствомъ, къ которому мы принадлежимъ. Здѣсь, подъ прусскимъ скипетромъ, мы открыто провозглашаемъ этотъ лозунгъ, свободно выступаемъ и

собираемся подъ національнымъ стягомъ. Правда, мы иногда приходимъ въ столкновеніе то съ полиціей, то съ прокуроромъ, мы боремся съ административными властями, но при всѣхъ этихъ затрудненіяхъ мы не колеблясь громко и смѣло провозглашаемъ: „здѣсь, въ Пруссіи, мы имѣемъ право на національное обособленіе". Подъ прусскимъ скипетромъ мы не нуждаемся ни въ Національной Лигѣ, ни въ тайныхъ воззваніяхъ. Здѣсь у насъ, слава Богу, весь нашъ народъ составляетъ національную лигу, которая въ своемъ боевомъ строю производитъ не дурное впечатлѣніе. Такія воззванія, какъ Варшавское, мы открыто провозглашаемъ въ газетахъ, въ народныхъ и избирательныхъ собраніяхъ и въ подобныхъ имъ организаціяхъ. Для этого мы имѣемъ почву подъ ногами, которую намъ даетъ прусская конституція. Подъ прусскимъ скипетромъ мы совершаемъ внутреннюю работу надъ укрѣпленіемъ и развитіемъ нашей національности открыто, публично и легально, благодаря лишь тому, что намъ для этой внутренней національной работы прусская конституція даетъ правовое основаніе".

«Такимъ образомъ и прусскіе Поляки, вожаки которыхъ въ парламентѣ и печати такъ часто утверждали, что они «лойяльные» подданные и борются лишь за свой языкъ и свою вѣру,—теперь уже болѣе не скрываютъ, что они стремятся возстановить свободную и независимую Польшу и хотятъ добиться этой цѣли, достиженіе которой было бы равносильнымъ разрушенію Пруссіи-Германіи, съ помощью конституціи того самаго государства, которое они стараются уничтожить.

«Приходится поставить вопросъ, можно ли долѣе терпѣть то злоупотребленіе прусскою конституціей, которое позволяютъ себѣ Поляки?»

Издающійся во Львовѣ органъ наиболѣе откровенныхъ Поляковъ *Przeglond Wszechpolski* обнародовалъ «Воззваніе» Польской Національной Лиги, съ содержаніемъ котораго мы уже мы познакомили нашихъ читателей (стр. 178—179).

«Послѣ 13-лѣтней тайной дѣятельности,—говорится въ этомъ *Воззваніи*,—въ которой мы выработали свою силу, Національная Лига сегодня выступаетъ на свѣтъ и призываетъ всѣхъ, кто желаетъ, вмѣстѣ съ нами стать подъ единое знамя для общей работы и борьбы. Мы дѣлаемъ это по зрѣломъ размышленіи, достаточно взвѣсивъ всѣ сколько нибудь возможныя послѣдствія. Мы чувствуемъ себя достаточно сильными, чтобы не отступать отъ намѣченнаго нами пути».

Къ чему же ведетъ этотъ намѣченный Поляками путь? Къ «примиренію съ Россіей»? Конечно, нѣтъ. Польская Національная Лига сбросила теперь маску польскаго «примирительнаго» лицемѣрія и открыто, во всеуслышаніе, характеризуетъ намѣченный Поляками путь слѣдующими словами:

«Мы хотимъ не только твердо стоять на этомъ пути,—говорится въ *Воззваніи*,—но идти впередъ и съ каждымъ шагомъ приближаться къ цѣли нашей работы, нашихъ сознательныхъ стремленій, нашей непоколебимой вѣры и святой надежды всѣхъ нашихъ сердецъ—*къ единому, свободному и независимому государству Польскому*».

Если Поляки нынѣ говорятъ съ такою откровенностью, то они, конечно, оказываютъ этимъ большую услугу какъ Русскому народу, такъ и своимъ землякамъ. Ясность цѣлей и отношеній всегда предпочтительнѣе всякихъ таинственныхъ двусмысленностей. И у насъ теперь будутъ ясно знать истинную цѣль намѣченнаго Поляками пути и истинную цѣль ихъ недавнихъ «примирительныхъ» завѣреній. Да и польское населеніе нашего Привислинья теперь уже ясно пойметъ, куда ведутъ его тѣ «народные просвѣтители», которые

проявляютъ за послѣднее время такую энергичную дѣятельность на этой окраинѣ Россіи. Цѣль этой дѣятельности характеризуется въ *Воззваніи* слѣдующими словами:

«Польская Лига тѣмъ отличается отъ прежнихъ политическихъ организацій, что она ставитъ себѣ цѣлью не непосредственное подготовленіе къ вооруженному движенію, а дѣятельность, распредѣленную на цѣлый рядъ лѣтъ, съ цѣлью создать изъ пассивной массы народа, въ особенности изъ его низшихъ слоевъ, активныя политическія силы, дабы двинуть ихъ на непрестанную, систематическую борьбу за права націи, *на борьбу, имѣющую конечною цѣлью возсозданіе независимаго государственнаго существованія*».

Фактъ существованія тайной, а нынѣ явной, Польской Національной Лиги и содержаніе изданнаго ею *Воззванія*, конечно, не удивятъ ни одного серіознаго Русскаго человѣка, знакомаго съ польскимъ характеромъ и исторіей русско-польскихъ отношеній. Серіозные Русскіе люди никогда и не вѣрили польскимъ «примирительнымъ» рѣчамъ, которыя могли приводить въ заблужденіе лишь людей «совершенно неграмотныхъ въ Польскомъ вопросѣ», какъ мѣтко выразился органъ покойнаго князя Бисмарка, *Hamburger Nachrichten*, про графа Каприви, который, будучи германскимъ имперскимъ канцлеромъ, одно время слѣпо вѣрилъ «лойяльности» и «примирительному» настроенію польскихъ политикановъ. Онъ въ то время «пошелъ ему навстрѣчу» и сдѣлалъ имъ нѣсколько немаловажныхъ уступокъ, наивно думая этимъ тѣснѣе прикрѣпить ихъ къ Пруссіи. Разочарованіе не заставило себя ждать: въ Пруссіи очень скоро поняли, что всякая уступка, дѣлаемая Полякамъ, является въ ихъ глазахъ лишь признакомъ слабости и желаннымъ поводомъ не къ какой-нибудь благодарности, а къ еще новымъ и новымъ льстиво-назойливымъ требованіямъ.

Поляки слишкомъ хорошо знаютъ свое ремесло политическихъ интригановъ, чтобы *сразу* требовать *всего*; желая въ концѣ концовъ получить всю руку, они сперва умоляютъ лишь объ одномъ пальцѣ, клянясь всѣми святыми, что имъ ничего кромѣ этого одного пальца не нужно. И всегда находятся добродушные люди съ короткою памятью и близорукими глазами, которые вѣрятъ этимъ польскимъ клятвамъ и серіозно думаютъ, что Полякамъ дѣйствительно ничего другого не нужно, кромѣ той «бездѣлицы», о которой они въ данную минуту просятъ. А получивъ эту «бездѣлицу», Поляки предъявляютъ уже новыя «законныя» претензіи, согласно заранѣе выработанной ими программѣ, ведущей ихъ къ той конечной цѣли, о которой оповѣстила насъ въ своемъ *Воззваніи* Польская Національная Лига.

Откровенность этого *Воззванія*, конечно, должна была смутить иныхъ польскихъ «постепеновцевъ», такъ какъ она кладетъ конецъ ихъ тонкимъ, хитроумнымъ комбинаціямъ. Но, конечно, передъ властною командой главныхъ вожаковъ должны умолкнуть индивидуальные голоса польской рати. Да и какое значеніе могли бы имѣть эти отдѣльные голоса? Они могутъ протестовать развѣ только противъ *несвоевременности* манифеста, изданнаго Польскою Національною Лигой, а никакъ не противъ его *содержанія*.

Во всякомъ случаѣ отнынѣ необходимо имѣть въ виду, что *Воззваніе* Польской Національной Лиги своими категорическими и ясными заявленіями положило рѣзкую грань между прежнею лжепримирительною и нынѣшнею открыто-враждебною намъ тактикой польскихъ политикановъ.

П. М. Леонтьевъ и наша классическая школа.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ неумолимая смерть заставила Павла Михайловича Леонтьева разстаться со своимъ великимъ другомъ и соратникомъ, Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ, съ развившимся подъ его тщательнымъ наблюденіемъ изданіемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, съ созданнымъ имъ и столь дорогимъ его сердцу Лицеемъ и со всѣмъ великимъ дѣломъ гуманитарнаго просвѣщенія Россіи, которому онъ, вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ, отдалъ всѣ свои геніальныя силы.

Чѣмъ былъ Павелъ Михайловичъ для своего друга,—объ этомъ М. Н. Катковъ самъ повѣдалъ въ свое время на страницахъ своей газеты въ такихъ вылившихся изъ наболѣвшаго сердца трогательныхъ словахъ, что ихъ и нынѣ нельзя читать безъ глубокаго умиленія.

Чѣмъ былъ Павелъ Михайловичъ для Лицея Цесаревича Николая, это и доселѣ живо чувствуется въ стѣнахъ Лицея, который въ сущности и теперь еще живетъ и, надѣемся, всегда будетъ жить тою жизненною энергіей, которую, при его созданіи, вложилъ въ него его незабвенный основатель. Свято хранится въ Лицеѣ не только память о П. М. Леонтьевѣ, но свято соблюдаются и утвержденные имъ образцовые порядки, которымъ Лицей главнымъ образомъ и обязанъ своимъ процвѣтаніемъ.

На нашу долю выпадаетъ задача очертить сегодня хоть нѣсколькими словами великія заслуги Павла Михайловича относительно просвѣщенія Россіи.

Конечно, во всей многосложной и многополезной дѣятельности П. М. Леонтьева трудно отдѣлить его личныя заслуги отъ заслугъ М. Н. Каткова, до такой степени они тѣсно сливались въ своихъ мысляхъ, трудахъ и надеждахъ. Но едва ли мы ошибемся, если въ великой школьной реформѣ 70-хъ годовъ, проведенной, по повелѣнію Императора Александра II, тогдашнимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Д. А. Толстовымъ, всю *подготовительную* работу поставимъ въ заслугу П. М. Леонтьеву, а всю побѣду свѣта надъ мракомъ путемъ убѣжденнаго и убѣдительнаго слова припишемъ по справедливости М. Н. Каткову.

Подготовительная работа къ школьной, какъ и ко всякой иной государственной, реформѣ можетъ быть двоякая. Признавъ настоящее положеніе школы неудовлетворительнымъ, можно либо пускаться въ разныя фантазіи относительно ея улучшенія, либо найти типъ дѣйствительной, уже существующей, хорошей школы, изучить его и найти способъ къ его осуществленію при данныхъ условіяхъ реформируемой школы. Первый способъ легкій, общедоступный, но и не серіозный. Второй способъ, по своей трудности и сложности, подъ силу лишь уму глубокому и широкообразованному, но онъ одинъ и можетъ приносить полные плоды.

Таковъ именно и былъ умъ Павла Михайловича Леонтьева, и онъ, естественно, не могъ остановиться на первомъ фантастическомъ способѣ подготовленія школьной реформы. Въ тиши своего рабочаго кабинета онъ не «сочинялъ» какой-либо «своей» гимназіи; онъ искалъ способы поставить русскую гимназію на тотъ же высокій научный уровень, на которомъ стоятъ гимназіи западноевропейскія; онъ трудился надъ тою задачей, надъ которою только и можетъ трудиться серіозный человѣкъ, радѣющій объ истинномъ научномъ просвѣщеніи Россіи.

Мы понимаемъ, что могутъ находиться люди, которые, поверхностно изучивъ дѣло, скажутъ, что П. М. Леонтьевъ рѣшилъ эту задачу неудовлетворительно; но мы не понимаемъ, какъ могутъ находиться люди, претендующіе на серіозность, которые прямо отрицаютъ необходимость постановки этой задачи!

Одно изъ двухъ: либо русская наука должна стоять во вѣки вѣчные *ниже* европейской науки, или она должна возвыситься до ея уровня. Въ этомъ случаѣ и русскіе университеты должны непремѣнно стоять на томъ же уровнѣ, на которомъ стоятъ лучшіе европейскіе университеты, а именно университеты Германіи, Франціи и Англіи. Эти университеты стоятъ высоко въ научномъ отношеніи не только потому, что въ нихъ учатъ хорошо подготовленные профессора, но *главнымъ образомъ* потому, что въ нихъ учатся *специально подготовленные къ научнымъ занятіямъ студенты.* Въ этой специальной гимназической подготовкѣ будущихъ студентовъ заключается вся сила европейскихъ университетовъ, вся сила европейской науки. Въ виду этого намъ безусловно необходимо, чтобы и наши университеты обладали этой силой, чтобъ и наши студенты приступали къ своимъ занятіямъ *съ такою же*, испытанною вѣками, научною подготовкой, какъ и западноевропейскіе студенты.

Тутъ нѣтъ мѣста *фантазіямъ*, тутъ очевидные, убѣдительные, неоспоримые *факты*. Западноевропейская средняя школа даетъ прекрасные научные результаты; необходимо, чтобъ и наша средняя школа давала такіе же результаты. Чему обязана западная школа этими результатами? Своей классической системѣ, которая безусловно преобладаетъ въ среднихъ научныхъ школахъ Германіи, Франціи и Англіи, при всемъ различіи ихъ въ остальной своей организаціи. Очевидно, что и наша средняя научная школа достигнетъ тѣхъ же блестящихъ результатовъ, какъ и западная школа, если она пойдетъ по общему съ ними классическому пути, и чѣмъ ближе она будетъ придерживаться этого неоспоримо столь плодотворнаго на западѣ пути, тѣмъ ближе она будетъ подходить къ западнымъ научнымъ школамъ по своимъ результатамъ.

Такова была простая логика, которой неуклонно придерживался М. П. Леонтьевъ въ своихъ работахъ, подготовившихъ нашу школьную реформу 1872 года. Разъ намѣтивъ себѣ ясный, опредѣленный путь, онъ тщательно изучилъ организацію германскихъ, французскихъ и англійскихъ средне-научныхъ школъ, сравнилъ эти организаціи между собой, вывелъ изъ этого сравненія все существенно важное и необходимое, подлежащее примѣненію къ нашей средне-научной школѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ее заставала школьная реформа графа Толстого, и указалъ графу тѣ способы, посредствомъ которыхъ это примѣненіе могло быть осуществлено.

Сразу догнать намъ европейскую школу было немыслимо: у насъ не было ни готовыхъ учебниковъ, ни готовыхъ дидактическихъ методовъ. Все нужно было создавать, и притомъ создавать постепенно, систематически, распредѣливъ осуществленіе полной реформы на десятки лѣтъ, по истеченіи которыхъ наша гимназія стояла бы во всѣхъ отношеніяхъ на томъ же высокомъ уровнѣ, на которомъ стоятъ западноевропейскія средне-научныя школы.

Въ виду этого, осуществивъ болѣе полный идеалъ европейской гуманитарной школы въ своемъ Лицеѣ, который долженъ былъ самостоятельно вырабатывать и дѣйствительно выработалъ превосходные дидактическіе пріемы, П. М. Леонтьевъ предложилъ графу Толстому планъ гимназической реформы,

которая должна была съ 1872 года постепенно вводиться, постепенно совершенствоваться и расширяться, постоянно стремясь достигнуть европейскаго идеала, отъ котораго въ силу непреодолимыхъ обстоятельствъ она въ 1872 году была еще очень далека.

Къ сожалѣнію, надеждамъ П. М. Леонтьева не дано было осуществиться. Гимназическая реформа, введенная въ 1872 году, стала дѣйствительно выходить изъ своего зачаточнаго состоянія и съ каждымъ годомъ понемногу совершенствоваться, благодаря личному за ней наблюденію П. М. Леонтьева. Но внезапная смерть его, послѣдовавшая уже въ 1875 году, положила конецъ этому развитію нашихъ гимназій, и онѣ за 35 лѣтъ замерли въ своемъ недоразвившемся состояніи, и не только не пошли впередъ по пути къ своимъ высокимъ идеаламъ, но пошли даже отъ нихъ въ обратную сторону!..

Причинъ этому прискорбному явленію было много, главная же заключалась въ томъ, что графъ Д. А. Толстой былъ послѣ 1875 года парализованъ въ своей реформаторской дѣятельности усилившимся противъ него натискомъ политическихъ противниковъ, которые сломили временно его силу въ 1880 году. Съ этого времени, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ нашихъ гимназіяхъ свирѣпствовала буря легкомысленнѣйшей безпринципности, погубившая не мало свѣжихъ ростковъ, только-что успѣвшихъ пустить корни на нашей педагогической нивѣ; а когда, при графѣ И. Д. Деляновѣ, наступила эра покоя и порядка, то пришлось болѣе думать о лѣченіи ранъ только-что нанесенныхъ нашей гимназической системѣ, чѣмъ о дальнѣйшемъ ея развитіи. А въ учебномъ дѣлѣ не идти впередъ—значитъ идти назадъ.

Вотъ почему наши гимназіи остались со времени смерти П. М. Леонтьева недоразвившимися организмами, ждущими новаго могучаго толчка къ тому, чтобы бодро шествовать впередъ по пути все къ тому же вѣчному общечеловѣческому идеалу средне-научной школы, который для насъ все попрежнему является въ образѣ западноевропейской гуманитарной школы.

Дождутся ли наши гимназіи этого животворнаго призыва къ настоящему ихъ великому назначенію—быть *такими же* серіозными и плодотворными разсадниками будущихъ студентовъ, спеціально-подготовленныхъ къ научнымъ занятіямъ, какими являются средне-научныя школы Западной Европы? Это покажетъ будущее. Пока же мы слышимъ лишь хаосъ всевозможныхъ голосовъ, предлагающихъ перекроить наши гимназіи на тысячу разныхъ фантастическихъ образцовъ. И что же? Почти невѣроятно, но среди этого хаоса не раздалось *ни одного голоса*, который указалъ бы на единственно вѣрный путь къ усовершенствованію нашихъ гимназій, къ продолженію глубоко и зрѣло обдуманной реформы П. М. Леонтьева, къ приближенію нашихъ гимназій къ ихъ западноевропейскому идеалу. Всѣ упорно молчатъ объ этомъ идеалѣ, онъ какъ будто не существуетъ для нихъ, одни—потому что они просто его не знаютъ, а другіе—потому что они его не хотятъ знать!

До чего доходитъ некомпетентность нашихъ критиковъ, видно уже изъ того, что всѣ они говорятъ о нашихъ гимназіяхъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, но всѣ съ какимъ-то слѣпымъ единодушіемъ отождествляютъ наши жалкія гимназіи съ самимъ классицизмомъ и, забраковывая наши гимназіи, забраковываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и классицизмъ! Эти изумительные реформаторы не подозрѣваютъ даже, какое громадное пространство отдѣляетъ нашъ псевдоклассицизмъ отъ *истиннаго* европейскаго классицизма. Они даже и не сравниваютъ нашихъ гимназій со средне-научными школами Германіи, Фран-

ціи и Англіи, а прямо сознательно отстраняютъ самую мысль о такомъ сравненіи и похваляются своимъ невѣжествомъ въ дѣлѣ западно-европейской педагогики, прикрываясь флагомъ «національной» школы! «Мы хотимъ», говорятъ они, «чтобъ изъ русскихъ школъ выходили Русскіе люди, а не какіе-то тамъ Нѣмцы, Греки или Римляне».

Эти сужденія далеко не новы: они раздавались и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда у насъ шла великая борьба за классическую школу, которая окончилась столь блестящею побѣдой ея великаго поборника, М. Н. Каткова. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и высшимъ поборникомъ нашей *русской національной идеи*, и его всегда до нельзя возмущалъ упрекъ его враговъ, будто онъ ратуетъ за какую-то «антинаціональную» школу.

«Этотъ упрекъ»,—неоднократно говорилъ онъ близкимъ ему сотрудникамъ,—«свидѣтельствуетъ о величайшемъ невѣжествѣ тѣхъ, кто его произноситъ. Нѣтъ на свѣтѣ болѣе національныхъ школъ, чѣмъ школы Германіи, Франціи и Англіи, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ и литературъ. Изъ этихъ школъ не выходятъ какіе-нибудь лже-Римляне, или псевдо-Эллины и не жалкіе космополиты, а *настоящіе Нѣмцы, Французы и Англичане*. Почему же изъ нашихъ классическихъ школъ не будутъ выходить точно также *настоящіе Русскіе*? Напротивъ того, всѣ наши отрицатели національзма вышли изъ неклассическихъ школъ. Классическая литература не разрушаетъ, а укрѣпляетъ въ душахъ юношей общую *идею* національности, истинный же духъ мѣстной національности передается имъ не преподаваемыми *предметами*, а преподающими живыми *людьми*. Увеличьте число истинно-русскихъ, истинно-православныхъ преподавателей, и вы гораздо болѣе сдѣлаете для національзаціи нашихъ гимназій, чѣмъ если вы увеличите число уроковъ русской исторіи или русской словесности, поручивъ преподаваніе этихъ предметовъ какому-нибудь нигилисту, который, благодаря именно этому обилію уроковъ, сумѣетъ вытравить изъ русскихъ дѣтей послѣдніе слѣды ихъ природнаго національнаго чувства».

Тѣ же взгляды постоянно высказывалъ и П. М. Леонтьевъ, доказывая, что *классическая* школа является *національною школой по преимуществу*, подходя исторически своею древне-греческою частью столь же близко къ нашей русской культурѣ, насколько близко она подходитъ своею древне-римскою частью къ культурѣ западныхъ народовъ, но служа вмѣстѣ съ тѣмъ для всего образованнаго человѣчества хранилищемъ драгоцѣннѣйшихъ первоисточниковъ обще-европейской культуры.

Да хранитъ же Господь нашу многострадальную среднюю школу отъ новыхъ разрушительныхъ бурь легкомысленнаго прожекторства, отъ всякой не только внезапной *ломки*, но и медленной *порчи*, которая еще болѣе оторветъ ее отъ общечеловѣческихъ культуръ и научныхъ идеаловъ. Наша школа нуждается въ *усовершенствованіи* и въ дальнѣйшемъ *развитіи* по тому единственно правильному пути, который подготовилъ ей П. М. Леонтьевъ, къ которому ее призвалъ М. Н. Катковъ, и на который ее поставилъ, но, къ сожалѣнію, не повелъ, графъ Д. А. Толстой.

Рано или поздно русская гимназія *должна будетъ* вернуться на этотъ путь, если только Россіи не суждено вѣчно находиться въ положеніи недоучившагося ученика Европы.

По чѣмъ позднѣе наступитъ этотъ моментъ, тѣмъ труднѣе будетъ нашимъ школамъ сравняться съ западноевропейскими научными школами, которыя

насъ не ждутъ, а постоянно идутъ впередъ по своему вѣками испытанному пути.

Въ теченіе всего истекшаго столѣтія наша средне-научная школа шла *впередъ* лишь въ 30-хъ и 40-хъ, да въ 70-хъ годахъ, остальные же семь десятилѣтій она находилась либо въ регрессѣ, либо въ застоѣ. При такихъ условіяхъ ей трудно догонять научныя школы Франціи, Англіи и въ особенности Германіи. Если предстоящая реформа нашей гимназіи не подвинетъ ее впередъ по направленію къ западно-европейской средне-научной школѣ, она подвинетъ ее *назадъ*, и намъ еще долго придется ждать, пока осуществится мечта М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева о возвышеніи нашихъ научныхъ школъ до уровня школъ европейскихъ.

Вотъ почему всѣ Русскіе люди, которымъ дороги интересы истинно-научнаго просвѣщенія Россіи, всегда будутъ свято хранить память этихъ двухъ великихъ реформаторовъ русской научной школы и будутъ дружно отстаивать дальнѣйшее развитіе подготовленной и начатой ими реформы, столь внезапно прерванной двадцать пять лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ прервавшеюся жизнью незабвеннаго Павла Михайловича Леонтьева.

Москва въ ожиданіи Царя.

Радостная вѣсть о томъ, что Русскій Царь со Своею Августѣйшею Семьей намѣренъ провести въ Москвѣ Страстную Седьмицу и встрѣтить въ Кремлѣ Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія, пронеслась по всей Первопрестольной столицѣ, возбудивъ всюду чувство глубокаго, благоговѣйнаго умиленія.

Да, именно умиленія. Восторженныя ликованія, съ которыми Москва всегда встрѣчаетъ Русскихъ Царей, соединяются на этотъ разъ съ чувствомъ благоговѣйности, при мысли о томъ, что у Царя съ Царицею явилась душевная потребность провести вмѣстѣ съ населеніемъ Москвы тѣ святые дни, которые для православнаго человѣка сіяютъ особымъ лучезарнымъ свѣтомъ среди всѣхъ прочихъ великихъ праздниковъ церковнаго года.

Со временъ глубокой христіанской древности, первое мѣсто среди церковныхъ праздниковъ удѣлено католическимъ Западомъ Рождеству Христову, а Православнымъ Востокомъ—Христову Воскресенію. Это не случайное явленіе. Помимо историческихъ причинъ, оно объясняется общимъ духовнымъ строемъ Восточной Православной Церкви, видящей высшее торжество христіанской идеи въ послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя, въ Его страданіяхъ и Крестной смерти, запечатлѣвшей искупленіе рода человѣческаго, и въ Его чудесномъ Воскресеніи, во всѣхъ этихъ глубоко-мистическихъ событіяхъ, постигаемыхъ лишь искренно-вѣрующею православною душой, стремящейся изъ міра сего къ предвѣчной Истинѣ небесной. Одна лишь душа православнаго человѣка можетъ ежегодно такъ искренно переживать тѣ чувства скорби и страданія, которыя навѣваетъ на нее наша чудная церковная служба Страстной Седьмицы; одна лишь православная душа можетъ такъ искренно переходить отъ этой глубокой скорби къ ликующей радости при первыхъ звукахъ столь дорогого нашему сердцу пасхальнаго пѣснопѣнія.

Быть на церковныхъ службахъ Страстной Недѣли, быть у заутрени подъ Свѣтлый праздникъ—это завѣтная мечта каждаго православнаго, и нигдѣ, можетъ-быть, она не доходитъ до такой силы, какъ у насъ на Руси, для которой, съ тѣхъ поръ какъ она себя помнитъ, Святое Христово Воскресеніе всегда являлось праздникомъ праздниковъ и торжествомъ изъ торжествъ. Русскій человѣкъ отстраняетъ отъ себя всѣ заботы, преодолѣваетъ всѣ препятствія, дабы встрѣтить первый, чарующій своею таинственностью, моментъ этого торжества въ храмѣ Божіемъ, дабы тутъ же обмѣняться съ ближними своими тѣми братскими лобзаніями, глубокій смыслъ которыхъ такъ дорогъ и такъ понятенъ лишь православному сердцу. А на другой день, послѣ перваго пасхальнаго привѣтствія, первый вопросъ, съ которымъ мы другъ къ другу обращаемся, касается все той же торжественной церковной службы: мы спрашиваемъ близкихъ намъ, *гдѣ* и *какъ* встрѣтили они Свѣтлый праздникъ, зная, что мѣсто этой встрѣчи имѣетъ для каждаго Русскаго человѣка особое, глубокое значеніе, вслѣдствіе чего онъ старается провести со всею семьей Святую ночь въ томъ храмѣ, гдѣ онъ всего живѣе можетъ почувствовать священный восторгъ своей души, и среди тѣхъ людей, съ которыми ему всего отраднѣе раздѣлить высокое, чистое чувство духовнаго ликованія.

И вотъ Русскій Государь, движимый тѣмъ же истинно-православнымъ желаніемъ, стремится со Своею, столь дорогой Ему Семьей, къ намъ въ Москву, чтобы вмѣстѣ съ нами провести это таинственно-чудное время, чтобы вмѣстѣ съ нами раздѣлить скорбныя молитвы Страстной Седьмицы, чтобы вмѣстѣ съ нами встрѣтить Свѣтлый праздникъ и вмѣстѣ съ нами пережить неописуемое торжество нашей Кремлевской заутрени, не имѣющее себѣ равныхъ во всемъ православномъ мірѣ. Духовное сліяніе Царя и народа, всегда столь ярко выражающееся именно въ Москвѣ, произойдетъ на сей разъ подъ сѣнію Православной Церкви въ тотъ апогей ея всемогущей, благодатной силы, когда, среди торжественныхъ звуковъ полночнаго благовѣста и радостно сверкающихъ огней, сердца православныхъ возгараются пламеннымъ, всеобъемлющимъ любвеобиліемъ, дѣлающимъ ихъ особенно доступными взаимному сліянію.

Какъ же намъ не умилиться душой, когда мы видимъ, что Государь идетъ къ намъ, желаетъ пережить съ нами эти священныя минуты Кремлевской ночи, что Онъ избралъ именно Москву для встрѣчи Свѣтлаго праздника, что Онъ будетъ среди насъ въ то священное время, выше котораго нѣтъ другого времени ни для Него, ни для насъ, какъ сыновъ Православной Церкви.

Съ чувствомъ глубокой, вѣрноподданнической благодарности склоняемся мы предъ этою новою Высочайшею милостью, которою Государь осчастливливаетъ Свою Первопрестольную столицу. Москва смиренно ждетъ Его для общей съ Нимъ молитвы, для общаго совершенія священнаго долга предъ Православною Церковью.

А потому, идя навстрѣчу возлюбленнымъ Царю и Царицѣ, Москва сливается въ одной молитвѣ предъ Творцомъ—о дарованіи Государю и Его Августѣйшей Семьѣ, въ теченіе наступающихъ святыхъ дней, того душевнаго мира и покоя, среди которыхъ каждый православный человѣкъ старается проводить эти дни, дабы сосредоточиться на своемъ внутреннемъ мірѣ и углубиться въ тайники своей совѣсти.

Мы молимъ Бога и о томъ, чтобы пребываніе Царя въ Москвѣ, въ это столь священное для православнаго человѣка время, запечатлѣлось въ Его Царственной душѣ такимъ свѣтлымъ обликомъ, такимъ теплымъ душевнымъ

чувствомъ, что Онъ дѣйствительно почувствовалъ бы Себя въ Москвѣ какъ «дома» и сохранилъ бы о ней воспоминаніе какъ о столицѣ, въ которой Русскому Царю отрадно *жить*.

Таковы наши молитвы, наши мечты и надежды, съ которыми мы нынѣ встрѣчаемъ нашего Государя, привѣтствуя въ Немъ то, что на землѣ для Русскаго человѣка всего дороже—Верховнаго Выразителя Боговдохновляемой Самодержавной Власти, единственной во всей вселенной по присущей ей нравственной чистотѣ, всеобъемлющей силѣ, безпредѣльной благости и высшей справедливости.

Царь въ Москвѣ.

Мысль о томъ, что «Царь въ Москвѣ», наполняетъ радостнымъ восторгомъ не только все населеніе Первопрестольной столицы, но и населеніе всей необъятной Россійской Имперіи.

Всѣ соединяютъ съ этою мыслью понятіе о чемъ-то чрезвычайномъ, исключительномъ, всѣ стараются усмотрѣть въ прибытіи Государя въ Москву особый сокровенный смыслъ.

Да, дѣйствительно, настоящее пребываніе Государя въ Его древней столицѣ имѣетъ чрезвычайно важное историческое значеніе, но значеніе это для всѣхъ открыто и никакой тайны ни для кого не представляетъ.

Русскій Царь со Своею Царицей и Августѣйшими Дѣтьми прибылъ въ Москву и остановился въ ней не потому, чтобы находился на пути въ другія части Своей Имперіи, не потому, чтобъ ему предстояло вершеніе какого-либо чрезвычайнаго государственнаго дѣла, тѣсно связаннаго съ великимъ значеніемъ Первопрестольной столицы,—а потому, что Онъ рѣшилъ воскресить на короткое, но высокознаменательное время ту незабвенную для Москвы эпоху, когда Русскіе Цари считали пребываніе въ Бѣлокаменной Своей столицѣ дѣломъ не чрезвычайнымъ, а обычнымъ.

Настоящее пребываніе Царя въ Москвѣ тѣмъ именно и важно, что оно не вызвано какими-либо важными чрезвычайными причинами. Благодаря отсутствію этихъ причинъ, Москва нынѣ стала, на все время пребыванія Царя въ ея стѣнахъ, какъ бы обычною Его резиденціей, естественнымъ мѣстопребываніемъ Августѣйшей Императорской Семьи.

Мечта о подобномъ блаженствѣ никогда не покидала Москвы, но Москва такъ уже давно примирилась съ мнимою несбыточностью своихъ надеждъ, что теперь ей даже какъ будто не вѣрится, что то завѣтное счастье, о которомъ она такъ долго мечтала, нынѣ уже начинаетъ сбываться.

Лишь постепенно мысль освоивается съ реальностью этого счастья и съ радостнымъ трепетомъ проникаетъ все глубже въ истинное значеніе этой отнынѣ принципіально уже осуществившейся Московской мечты.

И прежде всего необходимо установить, что эта мечта лелѣялась не одною только Москвой, но и всею Россіей, и эту мечту понимаетъ, если не умомъ, такъ своимъ русскимъ сердцемъ, даже юная соперница Москвы.

Истинное значеніе Москвы, какъ историческаго и органическаго сердца Россіи, слишкомъ для всѣхъ очевидно, чтобъ его кто-либо могъ оспаривать

а потому даже временное возвращеніе Москвѣ ея прежняго государственнаго значенія можетъ встрѣтить лишь всеобщее сочувствіе, какъ событіе, вытекающее изъ естественной логики историческихъ фактовъ.

Вотъ почему настоящее прибытіе Государя въ Москву отзовется радостью и умиленіемъ во всѣхъ даже самыхъ отдаленныхъ частяхъ Россіи, стремящихся мыслью къ Москвѣ, какъ къ своему естественному средоточію, дѣлящихъ съ Москвой свои радости и скорби, и видящихъ въ ней вѣрное хранилище не только прошлыхъ и настоящихъ, но и будущихъ идеаловъ Россіи.

А потому счастье, выпавшее на долю Москвы, становится обще-русскимъ счастьемъ, и Царская милость, осѣнившая своею благодатію Первопрестольную столицу, осѣняетъ тѣмъ самымъ и весь Русскій народъ, который несомнѣнно почуетъ въ глубинѣ своего сердца всю важность настоящаго историческаго момента.

Будущее отъ насъ сокрыто, но мы вѣримъ, что Святая Пасха 1900 года составитъ эпоху въ лѣтописяхъ Москвы и Россіи, какъ начало государственнаго возрожденія Москвы, какъ предзнаменованіе ея новой исторической миссіи, или, точнѣе, новаго проявленія ея древняго, неизмѣннаго призванія.

Но это благое предзнаменованіе налагаетъ на Москву нелегкую отвѣтственность. Ей придется доказать не словомъ только, но и дѣломъ, что она способна оцѣнить всю неизреченную благость оказанной ей Царской милости, что она готова на всѣ жертвы для того, чтобы дѣйствительно стать въ уровень съ возлагаемыми на нее высокими задачами.

Но можно ли сомнѣваться въ этой ея готовности?

Достаточно находиться въ настоящее время въ Москвѣ, чтобы понять всю силу того чувства, которымъ одушевлена древняя столица при одной мысли, что Царь пріѣхалъ со Своею Семьей, чтобы *пожить* и *помолиться* въ Москвѣ. Все населеніе столицы слилось въ одномъ желаніи:—угодить Царю и Царицѣ, дабы Они еще болѣе полюбили Свою древнюю столицу, подольше въ ней остались, почаще къ ней возвращались и сроднились бы съ ней, какъ съ самымъ дорогимъ для сердца мѣстомъ.

Да исполнитъ Господь это желаніе! Да даруетъ Онъ Москвѣ полноту того счастья, которое нынѣ впервые, послѣ долгаго времени, озарило ее свѣтлою радостью. А за эту радость да воздастъ Онъ сторицею нашему возлюбленному Монарху!

Воистину воскресе!

Ежегодно въ таинственную пасхальную ночь Кремлевскіе колокола возвѣщаютъ Москвѣ благую вѣсть о Воскресеніи Христовомъ. Ежегодно съ замираніемъ сердца ждутъ Москвичи этого Кремлевскаго благовѣста, дабы всѣмъ въ одномъ общемъ порывѣ радостно воспрянуть духомъ, возликовать, возвеселиться, привѣтствовать другъ друга христіанскимъ лобзаніемъ и обмѣняться завѣтными Русскому сердцу словами: «Христосъ Воскресе»!—«Воистину Воскресе»!

Такъ бываетъ ежегодно на Москвѣ по изстари установившемуся обычаю, свято хранимому и въ наши дни: съ Кремля должна раздаться благая вѣсть; колоколъ Ивана Великаго долженъ первый провозгласить ее.

Такъ было и въ этотъ годъ.

Но въ этотъ годъ было еще иное, давно на Москвѣ небывалое. Среди торжественнаго, радостнаго благовѣста Кремлевскихъ колоколовъ, неслись Москвѣ, а за нею и всей Россіи, Царскія слова пасхальнаго привѣта: это Царь христосовался со всѣмъ Своимъ народомъ, посылая ему изъ священнаго Московскаго Кремля, изъ «Колыбели Самодержавія»— благую христіанскую вѣсть: «*Христосъ воскресе*»!

Воистину воскресе! отвѣчаетъ ему полною грудью, благоговѣйно осѣнясь широкимъ русскимъ крестомъ, вся многомилліонная Русь Православная, до глубины сердца умиленная этимъ, давно неслыханнымъ съ Царскаго Престола, христіанскимъ благовѣствованіемъ.

Воистину воскресе! восклицаетъ Русскій народъ, обмѣниваясь со своимъ Царемъ духовнымъ лобзаніемъ, въ сладостномъ чувствѣ братскаго во Христѣ единенія могущественнѣйшаго Царя со скромнѣйшими даже изъ Его подданныхъ.

Воистину воскресе! Да услышитъ Царь въ этомъ отвѣтномъ привѣтѣ Своего народа всѣ тѣ, недоступныя смертному языку, глубокія, таинственныя чувства, которыми преисполнились Русскія сердца подъ впечатлѣніемъ дивныхъ дней послѣдней недѣли, завершившихся знаменательными словами Царскаго привѣта!

Государь говоритъ Своему народу что Онъ «въ молитвенномъ съ нимъ единеніи почерпаетъ новыя силы на служеніе Россіи для ея блага и славы».

Вотъ она—православная государственная идея.

Русскій царь со Своимъ народомъ—оба служатъ Россіи, и оба почерпаютъ силы на это служеніе въ молитвенномъ единеніи, въ беззавѣтной преданности «истинѣ Православія, свято хранящаго вселенскую правду любви и мира». На этой «незыблемой истинѣ прочно покоится Россійская Держава».

Этимъ все сказано, все выяснено.

Этимъ разсѣяны всѣ сомнѣнія, смущавшія, подъ вліяніемъ злыхъ навѣтовъ, Православныхъ Русскихъ людей. Теперь всѣ вѣрующіе воспрянутъ духомъ, колеблющіеся укрѣпятся въ своей вѣрѣ, и отторгнувшіеся возсоединятся, съ Божіею помощью, съ остальнымъ Русскимъ народомъ,—который никогда и не колебался въ своей искренней простой вѣрѣ, такъ какъ до него еще не дошли и, Богъ дастъ, никогда не дойдутъ злые навѣты человѣческаго суемудрія.

Всѣ мысли и чувства этого незыблемо-вѣрующаго и непоколебимо-вѣрнаго Русскаго народа сливаются нынѣ въ одной сладостной мысли: Батюшка-Царь съ Царицей-Матушкой и дорогими Своими Дѣтками пріобщились Святыхъ Таинъ и встрѣтили Свѣтлый Праздникъ среди Кремлевскихъ святынь златоглавой Москвы. Значитъ: Царю всего дороже то, что всего дороже и всему Русскому народу. Значитъ, Царь и народъ *едины* въ своей Православной Вѣрѣ, въ своей любви къ Родинѣ.

Царь и народъ вняли въ эту святую ночь призыву священной пѣсни и «обняли другъ друга» въ знакъ неразрывнаго своего церковно-государственнаго единенія,—и на радостный привѣтъ Царя: «Христосъ Воскресе»!—весь Русскій народъ столь же радостно воскликнулъ:

«ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ»!

Рескриптъ-молитва.

«Сей Богонареченный и святый день»,—какъ прославляется Церковью день Воскресенія Христова,—воистину оказался для Русскихъ сердецъ Праздникомъ Праздниковъ и Торжествомъ изъ Торжествъ.

Воистину, въ минувшую Святую Ночь «земная съ небесными совокупишася», и сердца Русскихъ людей, вѣрныхъ сыновъ Святой Церкви Православной, радостно встрепенулись, внимая пасхальному привѣту Русскаго Царя.

Христосъ Воскресе! провозгласилъ Государь въ Своемъ знаменательномъ Рескриптѣ, обращенномъ къ Августѣйшему Московскому Генералъ-Губернатору, а черезъ него къ Москвѣ и ко всей Россіи.

Потрясется, отъ края до края, Святая Православная Русь могучимъ, благодарнымъ, столь же глубоко вѣрующимъ кликомъ:

«Да, Государь! Воистину Христосъ Воскресе»!

Какимъ то благодатнымъ сномъ, благоуханіемъ ароматовъ тихой, ясной весны, какою-то священною пѣснью повѣяло отъ незабвенныхъ словъ Царскаго Рескрипта, полнаго какимъ-то новымъ, но близкимъ Русскому сердцу молитвеннымъ настроеніемъ, въ которомъ слышится родная святая старина.

Да, это поистинѣ *Рескриптъ-Молитва*.

Съ высоты Царскаго Престола проносится по всему лицу земли Русской, во всеуслышаніе, давняя молитва Русскаго Царя за Свой, горячо любимый Имъ, народъ.

Молитва—въ первый день Святой Пасхи.

Отецъ Русскаго Народа вслухъ исповѣдуетъ сердце Свое, мысли Свои, мечты Свои, предъ Престоломъ Царя Царствующихъ, и высказываетъ то, что было предметомъ Его «горячаго желанія».

Это было желаніе свято исполнить Свой долгъ Православнаго Христіанина — «среди величайшихъ народныхъ Святынь, подъ сѣнію многовѣковаго Кремля".

И, милостію Божіею, это желаніе исполнилось.

Съ благоговѣніемъ слышимъ мы, что Душу Царя «наполняетъ тихая радость въ общеніи съ притекающими въ храмы вѣрными чадами нашей возлюбленной Церкви».

Уже одни эти слова способны вызвать глубокое умиленіе въ вѣрующихъ душахъ Русскихъ людей.

Какъ будто вѣщаетъ это самъ Благочестивый Тишайшій Царь Алексѣй Михайловичъ.

И вотъ начинается истинная молитва нашего Благочестиваго Царя, Который проситъ Господа, «да услышитъ Онъ молящихся, да подкрѣпитъ вѣрующихъ, да удержитъ колеблющихся, да возсоединитъ отторгнувшихся и да благословитъ Россійскую Державу, прочно покоящуюся на незыблемой истинѣ Православія, свято хранящаго вселенскую правду любви и мира».

Трепетно бьется Русское сердце при этихъ молитвенныхъ словахъ: хочется молиться, вмѣстѣ съ Царемъ, этою, отнынѣ незабвенною, Царскою молитвой.

Да будетъ же эта молитва на вѣки *нашею общею Русскою молитвой.*

Но Государь нашъ еще полнѣе открываетъ народу Свою душу:

«Въ молитвенномъ единеніи съ Моимъ народомъ, Я почерпаю новыя силы на служеніе Россіи для ея блага и славы, и Мнѣ отрадно именно сегодня выразить Вашему Императорскому Высочеству и черезъ Васъ дорогой Мнѣ Москвѣ одушевляющія Меня чувства».

Эти благословенныя, историческія отнынѣ слова, открывающія собою новую эру нашего дальнѣйшаго историческаго развитія,—новую эру, въ которой, однако, вѣетъ глубокою стариной,—эти слова звучатъ вѣщимъ пророчествомъ, и въ нихъ многовѣковый Кремль древней Москвы слышитъ голосъ *своего* древне-Московскаго Царя.

Святители и Чудотворцы Московскіе, и съ ними вѣнценосные Собиратели и Строители земли Русской, неслышно вѣщаютъ изъ гробницъ своихъ:

«Да, Государь! воистину Христосъ воскресъ! Воистину и мы воскресли въ Тебѣ».

Веселись и радуйся вся земля Русская, видя это преемственное единеніе вѣковыхъ Носителей русскаго духа.

И ты, Москва, веселись и радуйся, ибо кончилось сиротство твое. Словомъ Царскимъ утверждена ты въ значеніи Колыбели Самодержавія; Его вѣщимъ словомъ получила ты отнынѣ неотъемлемое духовное значеніе, какъ мѣсто, гдѣ Царь горячо желаетъ быть въ духовномъ, молитвенномъ единеніи съ народомъ Своимъ, и гдѣ Онъ чувствуетъ это единеніе, гдѣ Онъ почерпаетъ новыя силы на служеніе Россіи.

Передъ Москвой открываются новые, широкіе горизонты, на ея долю выпадаетъ новая, не легкая задача. Да почерпнетъ же и она необходимыя силы въ молитвенномъ единеніи со своимъ Царемъ, на служеніе Ему и Россіи.

Печальная вѣсть.

Москва сложила свой праздничный уборъ и сомкнулась вокругъ Царской Семьи, дабы вмѣстѣ съ Нею вознести Господу Богу молитвы объ упокоеніи души, скончавшейся въ Кіевѣ, на 62 году своей жизни, инокини Анастасіи, бывшей въ міру Великой Княгини Александры Петровны.

Печальная вѣсть объ этой тяжелой утратѣ, постигшей Семью нашего Царя, а слѣдовательно и всю Россію, быстро разнеслась сегодня по городу и повергла жителей Первопрестольной Столицы въ глубокую скорбь. Москва всегда принимаетъ къ сердцу тѣ грустныя событія, которыя, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, встрѣчаются на пути Державныхъ Вождей Русскаго народа. Нынѣ же, когда Русскій Царь пребываетъ въ стѣнахъ самой Москвы, только что «раздѣливъ съ нею высокую христіанскую радость вызванную воспоминаніемъ о Воскресеніи Христа,—Москва съ еще болѣе глубокимъ сочувствіемъ раздѣляетъ ниспосланное Небомъ Царское горе.

Дѣлить радость и горе, тѣснѣе сближаться въ ясные и мрачные дни жизни, сливать воедино наиболѣе глубокія чувства своего сердца, — вотъ къ чему стремятся люди связанные между собою тѣсными узами любви и дружбы; каждое событіе жизни, волнующее однимъ общимъ подъемомъ ихъ души, содѣйствуетъ болѣе тѣсному ихъ сближенію, болѣе глубокому ихъ взаимному пониманію. Особенно въ горѣ постигается истинное родство духовное и душевное.

То же самое духовное взаимодѣйствіе совершается, въ великія минуты глубокаго чувства, между Царемъ и Его народомъ.

Русскій народъ живетъ со своимъ Царемъ въ полномъ духовномъ единеніи; онъ старается уловить или угадать каждое душевное движеніе своего возлюбленнаго Государя, дабы порадоваться Его радости и раздѣлить Его скорбь, возсылая молитвы объ облегченіи Его горя. Нужно видѣть и слышать, какъ Московское населеніе горячо заботится о томъ, что̀ можетъ думать и чувствовать Государь въ настоящее Его пребываніе въ стѣнахъ Своей древней Столицы Всѣ стараются постичь тѣ чувства, которыя могутъ быть вызваны въ Государѣ тѣмъ или другимъ изъ встрѣчающихся Ему явленій. Всѣ знаютъ то тяжкое бремя государственныхъ заботъ, которое возложено на Него Промысломъ Божіимъ, и всѣ стараются, по силамъ своимъ, облегчить Ему несеніе этого бремени своимъ сочувствіемъ и заботливымъ устраненіемъ всего, что̀ могло бы явиться Ему новымъ обремененіемъ на высокотрудномъ Царскомъ пути.

У народовъ Запада та же самая мысль о тяжкомъ бремени ихъ правителей привела къ совершенно инымъ, чѣмъ у насъ на Руси, результатамъ, уничтожившимъ въ корнѣ Верховную власть Монарха. Западные народы тоже пожелали облегчить тяжкое бремя своихъ государей, но сдѣлали это чисто-механическимъ путемъ, лишивъ государей почти всякихъ заботъ о государствѣ, и захвативъ эти заботы, со всѣми ихъ правами и обязанностями, въ свои собственныя властолюбивыя, корыстныя руки. Это явленіе тамъ, на Западѣ, вполнѣ понятно: тамъ, гдѣ утрачено священное понятіе о Божественномъ происхожденіи Царской власти, тамъ, гдѣ правитель государства является простымъ смертнымъ, ничѣмъ качественно не отличающимся отъ остальныхъ простыхъ смертныхъ,—тамъ, конечно, тяжесть государственныхъ заботъ представляется несоизмѣримою съ силой одного человѣка. При такомъ, совершенно ложномъ, матеріалистическомъ взглядѣ на монархическую власть, она должна была исчезнуть, уступивъ мѣсто демократіи и демагогіи, со всѣми ихъ разрушительными для государства и общества послѣдствіями, и мы нынѣ видимъ, какъ западная Европа, понявъ, наконецъ, истинное значеніе этихъ послѣдствій, тщетно борется съ ними, не находя выхода изъ опутавшей ее лжи народовластія.

Совершенно иное воззрѣніе на Единодержавную Власть сохранилось съ незапамятныхъ временъ въ Русскомъ народѣ и сохранится въ немъ, съ Божіею помощью, на вѣки вѣчные. Да, Русскій народъ знаетъ, какъ тяжелъ и тернистъ Царскій путь; онъ живо представляетъ себѣ всю ту тяжесть заботъ, которую беретъ на себя Помазанникъ Божій, вступая на Царскій Престолъ, какъ Представитель Своего народа предъ Престоломъ Всевышняго. Но это сознаніе не служитъ Русскому народу предлогомъ, чтобы, слѣдуя примѣру своихъ западныхъ сосѣдей, присвоить себѣ хотя бы малѣйшую частицу Царской Власти. Преклоняясь предъ неограниченною полнотой Самодержавной Власти своихъ

Царей, Русскій народъ *вѣруетъ*, что Богоизбранный Царь найдетъ Себѣ ту силу, которая Ему необходима для несенія государственнаго бремени, — въ Божіей благодати и въ преданности народной. Русскій народъ знаетъ, что онъ своею преданностью дѣйствительно можетъ облегчить заботы Царя и утѣшить Его скорбныя думы: онъ знаетъ, что для этого достаточно въ точности исполнять Государеву Волю, ревностно осуществлять Его предначертанія, вѣрой и правдой служить Ему на всѣхъ поприщахъ жизни, а паче всего искренно молиться за Него, за всѣхъ Близкихъ Его сердцу и за дорогую Ему Россію.

Эту вѣру глубоко хранитъ въ своемъ сердцѣ вся Россія, а болѣе всего древняя Москва, столь тѣсно связанная съ Царствующимъ Домомъ; эту вѣру она и нынѣ проявляетъ, стараясь своимъ душевнымъ сочувствіемъ и своими молитвами облегчить семейное горе своего Царя.

Первая задача.

Для успѣшнаго движенія Россіи по пути, указываемому ей ея исторической природой, ея народною психологіей и Верховною Волей ея Царей,—со стороны образованныхъ Русскихъ людей требуется, прежде всего, проникновеніе всею полнотой русской идеи.

Чтобы дѣйствовать по-русски, — надо по-русски думать и чувствовать. Въ этомъ-то отношеніи доселѣ нельзя не сдѣлать самыхъ серіозныхъ упрековъ даже той части нашего образованнаго общества, которая *хочетъ* вѣрно служить предначертаніямъ Верховной Воли.

Знаменитый герой Двѣнадцатаго года, Ермоловъ, когда-то очень ядовито просилъ, чтобы Государь «пожаловалъ его въ Нѣмцы». Это относилось къ духу собственно административныхъ сферъ тѣхъ временъ, когда русское національное сознаніе впервые пробивало себѣ путь въ образованномъ классѣ. Въ настоящее время Русскій человѣкъ нерѣдко готовъ произнести тѣ же слова по адресу окружающаго его общества. Возьмемъ ли мы дѣятельность чисто-научную, или дѣятельность печатнаго слова, или дѣятельность педагогическую, или дѣятельность въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, наконецъ, даже личную жизнь каждаго въ своемъ домашнемъ частномъ быту,— повсюду лучшія усилія человѣка, желающаго жить и дѣйствовать *по русски*, окружены тяжелыми помѣхами и препятствіями со стороны, казалось бы, *своихъ же* людей. Во всякой другой странѣ,—вѣрность духу и быту своей націи составляетъ вѣрнѣйшій способъ найти дѣятельность успѣшную и покойную. Только у насъ стремленіе быть Русскимъ нерѣдко составляетъ нѣкотораго рода подвижничество. Это печальное явленіе обусловливается тѣмъ, что въ образованномъ русскомъ обществѣ доселѣ замѣчается какое то лѣнивое отношеніе къ ясному пониманію *всей полноты* Русской идеи.

Всякая національная идея, и особенно русская,—освѣщаетъ одновременно *всѣ* стороны жизни и дѣятельности. У насъ же, по косности и лѣности нашей образованной мысли, даже тѣ люди, которые желаютъ быть Русскими—сплошь и рядомъ не доростаютъ до этой полноты пониманія, а потому — каждый въ

своей односторонности—тяжко давять другъ на друга, взаимно мѣшая своей общей работѣ. Эта односторонность понимания большинства особенно стѣсняетъ усилия тѣхъ, кто умѣлъ отъ нея освободиться и дѣйствуетъ *всецѣло*, какъ Русский человѣкъ.

Мы видимъ дѣйствительно, что у насъ даже люди, заявляющие себя несомнѣнною преданностью *Самодержавію*, обнаруживаютъ полную холодность или даже отрицательное отношение къ *Православію*. Они являются иногда горячими папистами, или совершенно холодными, антицерковными протестантами, или вполнѣ «свободомыслящими» атеистами. Но очевидно, что всѣ такія лица ясно не понимаютъ и того Самодержавія, которому они полагаютъ служить. Самодержавіе, въ дѣйствительности, немыслимо иначе, какъ на почвѣ искренняго и сознательнаго Православія, а потому всѣ такія лица, желая укрѣплять Самодержавіе, противъ воли вредятъ ему, во всей той мѣрѣ, въ какой подрываютъ Православіе.

Рѣже, но очень часто замѣчается обратное явленіе. Люди, истинно преданные Православію и Церкви, являются какими-то либералами въ отношеніи Верховной Власти, и особенно легко—въ отношеніи соціальныхъ и административныхъ условій дѣйствія Самодержавной Власти. Всѣ таковыя лица — точно такъ же постоянно рискуютъ только *вредить* вѣрѣ и церкви, на пользу которымъ они искренно желаютъ служить.

Не рѣдко видѣть также, что люди, объявляющіе себя вѣрными слугами Самодержавнаго Царя и вѣрными сынами Православной Церкви, оказываются покровителями всѣхъ инородцевъ, въ постоянный ущербъ Русской народности, поддерживаютъ всѣ «патріотизмы», стараясь осмѣять и обуздать только одинъ *русскій* патріотизмъ. Но ясно, что такіе неосмысленные слуги Самодержавія и сыны Церкви могутъ фактически только подрывать и вѣру, и Самодержавную власть... Вѣдь церковь не въ однихъ пышныхъ храмахъ, не въ одной даже іерархіи; она—въ душѣ *народа* Русскаго. Не Полякъ, не Финляндецъ, не Армянинъ или язычникъ инородецъ несутъ хоругвь Православной Церкви, а Русская народность. Точно также и Самодержавная Царская власть держится и процвѣтаетъ не только тѣмъ, что въ Сводѣ напечатаны подлежащіе параграфы основныхъ законовъ, и не только тѣмъ что существуетъ извѣстный правительственный механизмъ, а прежде всего тѣмъ, что она живетъ въ душѣ и сердцѣ *Православной и Русской народности*. Пока живо Самодержавіе въ душѣ народной, — нетрудно возсоздать правительственный механизмъ и написать законы. Но если бъ исчезла душа народная, носительница этого великаго принципа, то неизбѣжно измѣнятся и законы, и правительственный механизмъ.

Итакъ, нельзя быть за Русскую Церковь и за Царя, не становясь и за Русскую народность. Это три совершенно нераздѣльные принципа; а между тѣмъ—въ довершеніе абсурдовъ, замѣчаемыхъ въ мысли нашего образованнаго общества,—у насъ имѣются даже и такіе люди, которые горячо стоятъ за Русскую народность, считаютъ себя націоналистами, но не принимаютъ ни Православія, ни Самодержавія. Ясно, что такіе «націоналисты» не понимаютъ въ Русской народности ничего, кромѣ самыхъ второстепенныхъ и малозначащихъ ея проявленій. Однако, и такое состояніе ума, при которомъ пренебрегается все *духовное* содержаніе народа и высоко цѣнятся только блины, хороводы да поддевка съ сарафаномъ,—встрѣчается у насъ очень нерѣдко.

Это отсутствіе *полноты* сознанія русской идеи, эта раздробленность симпатій лишь на отдѣльныхъ проявленіяхъ ея,—составляетъ, конечно, печальное наслѣдіе двухсотлѣтней эпохи европейскаго ученичества нашего. Внутренняя нелогичность такого психологическаго состоянія прекрасно выяснена въ статьѣ уважаемаго профессора А. И. Введенскаго (*Моск. Вѣд.* 1900 г., № 104).

Но въ настоящее время періодъ ученичества кончился, и первая обязанность русскаго образованнаго общества состоитъ въ томъ, чтобы стать дѣйствительно *Русскимъ*, усвоить русскую идею во *всей ея полнотѣ*.

Русскимъ людямъ, не желающимъ оставаться въ расколѣ отъ Россіи и ея Верховныхъ Вождей, необходимо серіозно и глубоко проникнуться сознаніемъ неразрывной связи Православія, Самодержавія и Народности. Въ логической формулѣ все можетъ быть расчленяемо, и историческая дѣйствительность можетъ въ различныхъ мѣстахъ развивать *отдѣльно* эти принципы. Но тотъ великій историческій фактъ, который называется Русскою Землей — по существу состоитъ изъ неразрывнаго соединенія этихъ трехъ принциповъ. Вмѣстѣ росли они у насъ, помогая одинъ другому, вмѣстѣ существуютъ, вмѣстѣ поддерживаются. Въ этомъ—все величіе и сложность русской національной идеи, и ея великая міровая будущность. Только по неразрывной связи Православія, Самодержавія и Народности въ русской идеѣ, — Россія заключаетъ въ себѣ возможность и способность *по-своему* отнестись ко всякому событію, историческому столкновенію и національной потребности.

Отрывая хотя одинъ изъ составныхъ элементовъ цѣлостной русской идеи, мы обезпложиваемъ ее *всю*. Она перестаетъ уже тогда быть сама собою, цѣльною, законченною, способною къ дѣйствію какъ въ цѣлой націи, такъ и въ отдѣльныхъ ея членахъ.

Источникомъ творческой культурной дѣятельности является всегда свободная работа ума, чувствъ и желаній общества и народа. Эта работа подготовляетъ тѣ средства, которыя можетъ объединять, комбинировать и цѣлесообразно направлять къ общему благу Верховная Власть. Но эта работа возможна только на почвѣ *цѣлостной* національной идеи.

Въ эпоху, когда Верховная Власть окончательно указываетъ Россіи путь движенія, люди русскаго общества должны особенно вспомнить и глубоко понять, что ихъ способность къ творческой культурной работѣ *всецѣло* зависитъ отъ ихъ проникновенія всею *полнотой* содержанія русской идеи. Не *только* за Царя нужно быть, не *только* за Церковь, не *только* за Народность, но одновременно за Православіе, Самодержавіе и Народность. Въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественномъ настроеніи, въ быту экономическомъ и домашнемъ,—во всемъ, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ дѣйствуемъ, во всемъ, что творитъ нашъ умъ, чувство и сила,—наша работа будетъ лишь тогда велика и плодотворна, если мы при этомъ будемъ твердо стоять на почвѣ *нерушимаго* единства *Православія, Самодержавія и Народности.*

Твердо стать на эту почву каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, поддерживая на ней другъ друга,—вотъ *перваязадача*, осуществленіе которой предлежитъ русскому образованному обществу въ новую открывающуюся предъ Россіей культурную эпоху.

Соціализмъ въ Россіи.

Всѣ Русскіе люди должны и словомъ, и дѣломъ служить Русской идеѣ въ томъ именно видѣ, какъ она провозглашается съ вершины Царскаго Престола.

Такъ говорили мы (*Моск. Вѣд.* 1900 г., № 108), указывая на необходимость систематически привлекать на государственную службу только лицъ, по убѣжденію преданныхъ основамъ Русскаго Самодержавнаго строя. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ указывали и на причины накопленія у насъ на государственной службѣ лицъ, не сочувствующихъ или прямо враждебныхъ этимъ основамъ, мечтающихъ о западныхъ конституціонныхъ формахъ и желающихъ, чтобы наши государственныя дѣла шли какъ можно хуже, для скорѣйшаго упраздненія настоящаго государственнаго строя.

Мы нисколько не преувеличиваемъ опасности, грозящей Россіи отъ такого ненормальнаго положенія вещей, когда исполнителями Самодержавной Воли могутъ являться люди, по своимъ убѣжденіямъ, не сочувствующіе Самодержавному принципу.

Правда, наши конституціоналисты или, какъ они себя величаютъ, наши «либералы» опасны, главнымъ образомъ, не тѣмъ, что они предаются мечтамъ, которымъ, конечно, никогда не суждено осуществиться, потому, что конституціонализмъ съ парламентаризмомъ не только не мыслимы въ Россіи, но оказались никуда не годными и въ западной Европѣ.

Нѣтъ, главная опасность, создаваемая нашими «либералами», заключается не въ ихъ наивныхъ, безсмысленныхъ бредняхъ, а въ ихъ вольномъ или невольномъ сочувствіи самому грозному врагу западной Европы и Россіи—рабочему соціализму.

Русскій человѣкъ, искренно и непоколебимо преданный Самодержавію, смотритъ на всякую попытку ввести въ Россію какую-либо иную государственную форму, какъ на преступленіе предъ Царемъ и на грѣхъ предъ Богомъ.

«Либералъ», для котораго понятія о Богѣ и Царѣ, никакого абсолютнаго значенія не имѣютъ, смотритъ на подобныя попытки безо всякаго ужаса, а напротивъ—даже сочувственно; онъ никакого преступленія не видитъ въ ограниченіи Самодержавной Власти, и даже не понимаетъ, какой въ этомъ можетъ быть грѣхъ. Въ соціалистѣ и анархистѣ онъ прежде всего чтитъ «свободу мнѣнія», въ революціонной брошюрѣ—«свободу печати», въ соціалистической пропагандѣ среди фабричныхъ рабочихъ—«свободу слова», а въ марксистской лекціи съ университетской каѳедры—«свободу науки». О! конечно, самъ онъ не раздѣляетъ мнѣній соціалистовъ, онъ даже споритъ съ ними и въ печати, и въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ, но онъ никогда не рѣшится ни на какую серіозную мѣру для огражденія народа отъ заразы соціалистической пропаганды. Какое ему дѣло до того, что наши фабрики могутъ стать очагами соціалистическихъ броженій? Напротивъ того, онъ радуется каждой стачкѣ, каждой соціалистической демонстраціи, такъ какъ онъ вообще придерживается девиза: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», надѣясь, что эти стачки и де-

монстраціи скорѣе расшатають устои русскаго государства и дадутъ возможность замѣнить ихъ западными конституціонными химерами. На самомъ дѣлѣ, «либералы» этихъ химеръ къ намъ никогда не введутъ, а легко могутъ ввести, даже помимо своей воли, благодаря одному своему «гуманному либерализму»— всѣ ужасы и преступленія, являющіеся послѣдствіями соціалистической пропаганды.

Передъ этою опасностью, всѣмъ Русскимъ людямъ нужно сплотиться воедино, не допуская никакого вида этой пропаганды туда, куда она еще не успѣла проникнуть, и безпощадно ее вырывая съ корнемъ тамъ, гдѣ она, благодаря нашимъ «либераламъ», уже успѣла укорениться.

Соціализмъ опасенъ Россіи не только по тѣмъ причинамъ, по которымъ онъ опасенъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, въ которыхъ онъ пропагандируется, но и потому, что имъ пользуются, какъ весьма удобнымъ орудіемъ, наши окраинные смутьяны.

Достаточно указать на нашъ Привислинскій край, въ которомъ такъ многочисленно рабочее, преимущественно фабричное, населеніе; всякая стачка, всякая рабочая демонстрація является тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только преступною демонстраціей противъ «капитализма», но и мятежною демонстраціей противъ Россіи. Въ виду этого, управленіе этимъ краемъ требуетъ особой бдительности и государственной мощной прямоты для предотвращенія всякой возможности польско-соціалистической пропаганды.

Но и вообще во всѣхъ рабочихъ и фабричныхъ центрахъ Россіи намъ необходимо принимать самыя рѣшительныя мѣры противъ этой пропаганды, старающейся превратить русскаго крестьянина въ убѣжденнаго бунтаря. Все наше фабричное законодательство должно имѣть одною изъ главнѣйшихъ своихъ цѣлей—установленіе на нашихъ фабрикахъ и заводахъ такихъ порядковъ, при которыхъ стачки стали бы совершенно немыслимы, а соціалистическая пропаганда, кѣмъ бы она ни велась, встрѣчала бы немедленно такой отпоръ, что вторично ей появиться было бы уже неповадно.

Но можно ли поручить исполненіе этихъ необходимыхъ мѣръ такимъ дѣятелямъ, которые въ силу своихъ «либеральныхъ» убѣжденій ни на какія строгія мѣры не способны, а наоборотъ видятъ въ фабричныхъ безпорядкахъ даже «естественную» форму «борьбы труда съ капиталомъ»? Вѣдь для «либеральнаго» міросозерцанія нѣтъ ничего прочнаго, стойкаго, во всемъ оно видитъ лишь эволюцію, и въ самомъ Самодержавіи ему представляется лишь эволюціонная переходная форма отъ «азіатскаго» государственнаго типа, къ типу «европейскому». «Либералы» лишь «мирятся» съ самодержавнымъ строемъ Россіи, какъ съ неизбѣжнымъ «временнымъ» явленіемъ, которое,—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше,—должно будетъ уступить мѣсто другому, «болѣе совершенному» государственному и общественному строю. А потому они не видятъ никакой надобности противодѣйствовать новымъ враждебнымъ Россіи явленіямъ и стремленіямъ, направленнымъ противъ ея государственнаго или общественнаго строя.

Ставить и оставлять такихъ людей на отвѣтственныхъ постахъ, охраняющихъ государственную цѣлость и безопасность,—значитъ открывать государство вторженію самыхъ вредныхъ и пагубныхъ ему элементовъ. Если мы должны бороться съ соціализмомъ, мы должны выставлять противъ него людей не сомнѣвающихся, а *глубоко убѣжденныхъ* въ той безусловной истинѣ,

что для Россіи единственно мыслимою и единственно спасительною формою правленія является осѣненное Православной Церковью Самодержавіе Русскихъ Царей.

Три лучезарныя недѣли.

Царь простился съ Москвой, всенародно проводившею Его съ чувствомъ благоговѣйнаго, переполнявшаго всѣ сердца, умиленія.

Этимъ послѣднимъ днемъ духовнаго сліянія Царя съ Москвой завершилось то великое событіе, которое займетъ въ лѣтописяхъ Россіи совершенно особое, выдающееся мѣсто, истинное значеніе котораго опредѣлится лишь въ будущемъ, по сравненію съ грядущими событіями, для которыхъ оно служитъ преддверіемъ. Но уже теперь можно съ увѣренностью сказать, что это значеніе будетъ въ высшей степени благое, отрадное, лучезарное.

Да, это были поистинѣ три лучезарныя недѣли, которыя мы только что пережили, три недѣли, которыя въ памяти Москвы сохранятся—какъ «недѣли Царскія», а въ памяти Царя—какъ «недѣли Московскія».

Москва еще долго не опомнится отъ посѣтившаго ее высшаго счастья, котораго она только могла желать: Царь посѣтилъ ее не случайно и не ради какого-нибудь изъ ряда выходящаго событія, а для того, чтобы воскресить Московскую старину, чтобы поклониться Московскимъ святынямъ, чтобы *пожить Московскою жизнью.* Это исполнившееся нынѣ желаніе Царя, столь простое, столь естественное для Православнаго Русскаго человѣка, тѣмъ именно и дорого Москвѣ, что оно такъ естественно и просто, такъ глубоко понятно каждому изъ тѣхъ милліоновъ Православныхъ Русскихъ людей, для которыхъ Москва имѣетъ особое обаяніе, какъ хранилище національной Святыни.

Русскій народъ никогда не сомнѣвается въ томъ, что одно и то же чувство неудержимо влечетъ къ Кремлевскимъ соборомъ какъ скромнаго паломника, покидающаго свою глухую деревню, чтобы поклониться Московскимъ Святителямъ, такъ и Царя Всероссійскаго, стремящагося изъ Своей пышной Невской столицы, чтобы такъ же смиренно склонить колѣна предъ тѣми же священными для всей Россіи гробницами.

Это отрадное сознаніе Русскій народъ всегда лелѣетъ въ глубинѣ своего сердца, какъ свою высшую религіозно - государственную идею: нынѣ же эта идея *осуществилась* передъ глазами всего народа. Народъ самъ присутствовалъ при высоко - умилительномъ паломничествѣ Царя и Царицы по всѣмъ Кремлевскимъ соборамъ, по древнѣйшимъ Московскимъ святымъ обителямъ и ко Всероссійской Святынѣ Троице-Сергіевой Лавры. Никогда Москва не забудетъ этого, давно на Руси небывалаго, ежедневнаго посѣщенія Царемъ монастырей и храмовъ, являющагося поистинѣ великимъ примѣромъ для каждаго православнаго христіанина.

Но и помимо неизгладимой памяти объ этомъ высоко-поучительномъ подвигѣ Благочестивѣйшаго Царя, Москва будетъ свято хранить въ своемъ воспоминаніи всѣ отдѣльныя событія, ознаменовавшія Его пребываніе въ Первопрестольной Столицѣ: Его возвышающіе душу Пасхальные Рескрипты; совершившееся по Его Всемилостивѣйшему соизволенію торжество Русскаго Дво-

рянства, и блестящую картину Московскихъ войскъ, развернувшуюся предъ очами Верховнаго Вождя Россіи.

А сколько Государь оставилъ въ Москвѣ счастливцевъ, которыхъ Онъ порадовалъ либо посѣщеніемъ, либо наградой, либо словомъ одобренія, либо милостивымъ разговоромъ, либо ласковымъ взглядомъ! Нѣтъ во всей Москвѣ такой семьи, въ которой бы въ настоящее время не шелъ одинъ и тотъ же разговоръ о Царѣ и Царицѣ: кто и гдѣ ихъ видѣлъ, какія слова Государю или Государынѣ угодно было произнести при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, какія учрежденія и лица удостоились Монаршаго посѣщенія. И то, что теперь составляетъ предметъ оживленныхъ радостныхъ толковъ, перейдетъ постепенно въ область самыхъ дорогихъ для Русскаго человѣка преданій и сохранится на вѣки въ народной молвѣ и въ личныхъ воспоминаніяхъ Москвичей объ этихъ свѣтлыхъ трехъ Царскихъ недѣляхъ.

Мы молимъ Бога, чтобъ и у Царя и Царицы сохранилось столь же свѣтлое воспоминаніе о пережитыхъ ими трехъ Московскихъ недѣляхъ.

Да иначе не можетъ и быть. То чуткое сердце Государя, которое привело Его въ Москву, несомнѣнно постигло и глубоко почувствовало въ эти три недѣли все то, *чѣмъ жива* Москва, а съ нею — и вся Россія: Воспринять въ себя это чувство значитъ навсегда запечатлѣть его въ душѣ своей.

Царь не могъ не почувствовать и не оцѣнить искренной, пламенной любви народа, который во всѣ эти дни съ утра и до вечера стоялъ сплошною стѣной по всѣмъ площадямъ и улицамъ, гдѣ можно было ожидать проѣзда Государя, для того, чтобы хоть на одинъ мигъ получить несказанное счастье увидѣть Батюшку-Царя! Эта любовь и беззавѣтная преданность Русскаго народа своему Государю проявлялась въ эти дни въ Москвѣ въ такихъ убѣдительно-осязательныхъ формахъ, что Царь дѣйствительно могъ почерпнуть отрадное убѣжденіе въ крѣпости этого столь важнаго устоя Русской государственности.

Но что сказать о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое Государь, какъ Русскій человѣкъ, безъ сомнѣнія, воспринялъ отъ созерцанія и изученія тѣхъ памятниковъ церковной и исторической старины, которые представлялись Его вниманію въ Московскихъ древнихъ Кремлевскихъ и монастырскихъ храмахъ? Вся исторія Московской Руси воскресала предъ Нимъ въ этихъ памятникахъ, исторія Его Предшественниковъ на Царскомъ Престолѣ, исторія Его Предковъ, великихъ Строителей Русскаго Государства.

Едвали въ Москвѣ найдется много Москвичей, которые такъ близко знали бы всѣ церковно-историческія сокровища ея, какъ ихъ за эти три недѣли не только позналъ, но и *перечувствовалъ* Государь.

Мы искренно вѣруемъ, что пребываніе Его въ Москвѣ, среди столькихъ ея святынь, сдѣлало Царя по духу Москвичемъ, что благодать этихъ святынь осѣнила Его на все дальнѣйшее Его Царственное поприще и даровала Ему новыя силы на благо всей Россіи. Да сохранятся въ Его воспоминаніи Московскія три недѣли какъ свѣтлый, лучезарный образъ, такъ же, какъ Его кроткій въ своемъ Царскомъ величіи образъ никогда не исчезнетъ изъ памяти тѣхъ счастливцевъ, которые удостоились Его видѣть въ Москвѣ въ эти незабвенныя Царскія недѣли.

Національное воспитаніе.

Высокая назидательность незабвенныхъ для Москвы трехъ Царскихъ недѣль выражается, несомнѣнно, во многихъ отношеніяхъ, но особенно важное значеніе имѣетъ она для рѣшенія вопроса о нашемъ національномъ воспитаніи.

Кто только у насъ теперь не говоритъ и не пишетъ о необходимости придать нашимъ школамъ національный характеръ? Къ сожалѣнію, эти толки далеко не всегда обнаруживаютъ ясное пониманіе истинной сути этого въ высшей степени важнаго вопроса.

Большинство жалобъ на отсутствіе національнаго характера у нашей школы сводится къ тому, что она-де слишкомъ *мало* знакомитъ своихъ питомцевъ съ русскою исторіей, географіей и литературой. На самомъ же дѣлѣ грѣхъ ея состоитъ не въ *количествѣ*, а въ *качествѣ* уроковъ, посвящаемыхъ Россіи, а именно въ томъ, что она зачастую не возбуждаетъ въ своихъ питомцахъ *любви* къ родинѣ, отечественной старинѣ и словесности.

Весьма ошибочно думать, будто вредна только та школа, которая развиваетъ въ своихъ ученикахъ ненависть или пренебреженіе къ своему отечеству.

Вредною бываетъ и та школа, которая довольствуется равнодушіемъ учениковъ къ своей родной старинѣ и безразличнымъ ихъ отношеніемъ къ тѣмъ національнымъ сокровищамъ, которыми такъ дорожитъ Русскій народъ.

Весь строй школы долженъ быть глубоко церковенъ и глубоко-патріотиченъ. Само собою разумѣется, что она должна воспитывать не ханжей и лицемѣровъ, а молодыхъ людей, искренно, всѣмъ сердцемъ преданныхъ Богу, Царю и Отечеству. А для этого прежде всего необходимо, чтобъ этою искреннею преданностью отличались всѣ наставники нашего юношества, въ особенности же преподаватели тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашей родинѣ, къ ея прежнему и современному состоянію, къ ея вѣрѣ, къ ея быту и къ ея художественному творчеству.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, насколько наша средняя школа стоитъ на высотѣ своего патріотическаго призванія, насколько она оправдываетъ ожиданія, возлагаемыя на нее истинно-Русскими людьми. Обратимъ вниманіе лишь на одинъ, наиболѣе яркій, примѣръ, касающійся Москвы.

Мы въ теченіе трехъ недѣль видѣли, какъ Государь посѣщалъ, обозрѣвалъ, изучалъ драгоцѣнные историческіе памятники и сокровища, хранящіеся въ Московскихъ соборахъ и монастырскихъ храмахъ, указуя этимъ путь къ нашему истинно національному воспитанію. По этому пути наши преподаватели отечественной исторіи должны водить своихъ учениковъ, пользуясь тѣмъ великимъ, рѣдкимъ счастьемъ, что они живутъ съ ними не въ какомъ-либо незначительномъ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, а въ Первопрестольной Столицѣ Россійской Имперіи, въ стѣнахъ древней Москвы, у подножія Кремля.

Современная дидактика очень много толкуетъ о важныхъ преимуществахъ «нагляднаго» метода преподаванія. Но гдѣ же можно нагляднѣе преподавать и изучать исторію Московской Руси, какъ не въ Москвѣ, «среди гробницъ

собирателей и Строителей земли Русской, въ колыбели Самодержавія»? Воспитанники Московскихъ школъ должны проходить подробный и основательный наглядный курсъ Московской старины подъ руководствомъ преподавателей, проникнутыхъ любовью и уваженіемъ къ этой старинѣ и дѣйствующихъ бодрящимъ, патріотическимъ образомъ на благородныя, воспріимчивыя души своихъ питомцевъ.

Таковымъ могъ бы быть одинъ изъ видовъ дѣйствительно-національнаго воспитанія, которое, само собой разумѣется, можетъ и должно имѣть самыя разнообразныя формы, проникнутыя, однако, однимъ и тѣмъ же духомъ искренней преданности Царю и Отечеству.

Только при этомъ условіи мы можемъ быть увѣрены, что изъ нашихъ школъ будутъ выходить тѣ истинно-Русскіе люди, которые теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужны, такъ какъ отнынѣ всѣмъ намъ, по великому образцу Государя, необходимо съ особою ревностью посвящать свои силы «на служеніе Россіи для ея блага и славы».

Война.

На Дальнемъ Востокѣ, въ Китаѣ, вспыхнула ожесточенная война, потребовавшая уже кровавыхъ жертвъ. Пролита и русская кровь. Убитъ лейтенантъ Бураковъ и смертельно раненъ лейтенантъ Деденевъ. Среди прочихъ раненыхъ находятся также лейтенанты Титовъ и Богдановъ.

Всѣ они участвовали въ атакѣ фортовъ Таку, изъ которыхъ Китайцы 4 іюня первые открыли огонь по международной эскадрѣ, явившейся для охраны Европейцевъ, противъ которыхъ возстала не только китайская чернь, подстрекаемая сектой Большаго Кулака, но, какъ оказывается, и регулярная китайская армія.

Истинная причина происходящихъ въ Китаѣ событій до сихъ поръ еще окончательно не выяснена; но какова бы она ни была, событія эти настолько серіозны, что предъ ними отступаютъ на задній планъ всѣ остальные международные вопросы. Особенную важность событія эти имѣютъ для Россіи, для которой будущая судьба Китая отнюдь не можетъ быть безразличною.

Первымъ настоятельнымъ дѣломъ является для насъ и для Европы *водвореніе порядка* въ Китаѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соединенными силами европейскихъ державъ, къ которымъ присоединились и Соединенные Штаты, и Японія, эта задача будетъ рѣшена въ непродолжительномъ времени, хотя, быть можетъ, и съ тяжелыми жертвами.

Гораздо труднѣе будетъ вторая задача—*упроченіе порядка* въ Небесной Имперіи, дабы разъ навсегда предотвратить повтореніе возмутительныхъ проявленій китайскаго фанатизма, направленнаго противъ Европейцевъ.

Очевидно, что платоническими мѣрами достигнуть этого результата будетъ невозможно, и державы, принявшія на себя усмиреніе Китая, не остановятся предъ энергическими, цѣлесообразными мѣропріятіями, могущими дѣйствительно предохранить страну отъ новыхъ внутреннихъ потрясеній. Но тутъ можетъ явиться серіозная опасность изъ естественнаго соперничества державъ,

интересы которыхъ въ отношеніи къ Китаю далеко не тождественны. Въ Англіи уже раздаются голоса о необходимости *раздѣлить* Китай между державами, войска которыхъ нынѣ вступили въ китайскіе предѣлы, а подобный раздѣлъ, если бы даже онъ былъ желателенъ, породилъ бы цѣлый рядъ новыхъ осложненій.

По чѣмъ бы ни кончилась китайская война, она, благодаря вѣроломству Китайскаго правительства, приняла съ самаго начала такой оборотъ, что ни о какой уступчивости предъ подобнымъ правительствомъ для Россіи и рѣчи не можетъ быть. За пролитую кровь своихъ доблестныхъ сыновъ она въ правѣ потребовать такого удовлетворенія, которое могло бы быть совмѣстно съ ея честью и славой. Въ чемъ должно будетъ состоять это удовлетвореніе—объ этомъ разсуждать еще рано, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся Россія, заодно съ Русскимъ Правительствомъ, потребуетъ отъ китайскихъ властей полной сатисфакціи за всѣ жертвы и убытки, которые понесло и, быть-можетъ, еще понесетъ въ этой войнѣ.

Русскій флотъ, собранный въ водахъ Дальняго Востока, получилъ нынѣ свое огненное крещеніе и вынесъ его съ полною честью и славой. Русскіе моряки показали себя, какъ и всегда, истинными молодцами и шли геройски на смерть за Царя и за Отечество. Завтра (8 іюня) въ Петербургѣ, въ Адмиралтейскомъ соборѣ, будетъ отслужена панихида по тѣмъ изъ нихъ, которые пали въ этомъ первомъ, столь неожиданномъ для всѣхъ, бою. Сегодня (7 іюня) такая же панихида была отслужена и въ Кронштадтѣ. Мы увѣрены, что и въ Первопрестольной Столицѣ Русскіе люди пожелаютъ вознести мольбы за упокоеніе душъ этихъ доблестныхъ христолюбивыхъ воиновъ, положившихъ жизнь свою за свою родину.

Одна уже мысль объ ихъ подвигахъ отвлекаетъ насъ отъ нашихъ повседневныхъ заботъ и возвышаетъ надъ мелочами нашей жизни. Кто знаетъ, мы стоимъ, быть-можетъ, на порогѣ великихъ міровыхъ событій, когда всѣ мы, бросивъ внутренніе раздоры, должны тѣснѣе сомкнуться вокругъ своего Вождя, Которому Господь вручилъ судьбы Россіи, и Который одинъ ясно видитъ все то, чего въ настоящее время требуютъ интересы Россіи.

Кончина графа М. Н. Муравьева.

Всю Россію глубоко поразитъ скорбная вѣсть, только-что переданная по телеграфу изъ Петербурга: 8 іюня, въ 9 ч. 16 минутъ утра, скончался отъ разрыва сердца министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Никто не могъ ожидать этой столь внезапной кончины: графу Михаилу Николаевичу 7 января 1900 г. минуло лишь 55 лѣтъ; онъ, по отзыву лицъ близко его знавшихъ, всегда пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ и занимался сложными дѣлами своего Министерства съ тою ровною и бодрою энергіей, которая составляла отличительную черту его уравновѣшеннаго характера. Злой недугъ подкрался къ графу незамѣтно и похитилъ его у Россіи какъ разъ въ то время, когда его тонкій умъ и зоркая дальновидность могли оказать чрез-

вычайно важныя услуги Русскому дѣлу въ тѣхъ серіозныхъ осложненіяхъ, которыя нынѣ возникли на Дальнемъ Востокѣ.

Графъ Муравьевъ всегда обращалъ особое вниманіе на наши отношенія къ Китаю, Кореѣ и Японіи, и хотя его дипломатическая карьера прошла исключительно въ Европѣ, онъ сумѣлъ усвоить себѣ всѣ столь своеобразные и сложные вопросы Дальняго Востока въ такомъ совершенствѣ, что изумлялъ своими подробными свѣдѣніями даже лицъ, проживших долгіе годы въ восточныхъ государствахъ. Онъ ясно понималъ ту выдающуюся роль, которая должна выпасть Россіи на берегахъ Желтаго моря, и старался заранѣе обезпечить ей тамъ твердый базисъ для будущаго развитія всѣхъ ея силъ.

Наша восточная политика, получившая въ послѣднее время, по волѣ Верховнаго Вождя Россіи, столь широкое и плодотворное развитіе, велась покойнымъ графомъ по опредѣленному плану, составленному впередъ на долгіе годы и приводившемуся въ исполненіе безъ колебаній, съ неизмѣнною точностью, согласно съ указаніями Государя, имѣвшаго въ графѣ Муравьевѣ беззавѣтно-преданнаго и мудраго совѣтника, никогда не терявшагося въ самыхъ трудныхъ осложненіяхъ наиболѣе серіозныхъ вопросовъ, казавшихся иногда безвыходными, какъ, напримѣръ, вопросъ Критскій, получившій столь удовлетворительное разрѣшеніе, въ значительной степени благодаря благоразумной и терпѣливой настойчивости графа Михаила Николаевича.

Графъ Муравьевъ былъ истинно-Русскій человѣкъ, имѣвшій опредѣленныя чисто-русскія политическія убѣжденія; онъ гордился тѣмъ, что приходился внукомъ знаменитому и доблестному графу М. Н. Муравьеву-Виленскому, и былъ поэтому застрахованъ отъ того безхарактернаго космополитизма, который, къ сожалѣнію, слишкомъ часто заражаетъ представителей дипломатической карьеры. Участвуя, въ качествѣ министра, въ высшихъ совѣтахъ Имперіи, покойный графъ имѣлъ неоднократно случай возвышать свой голосъ и по вопросамъ внутренняго управленія государствомъ, и всегда въ этихъ случаяхъ стоялъ за правое дѣло, за историческіе устои Россіи, не давая отуманивать себя либеральными фразами, которымъ онъ зналъ истинную цѣну, и никогда не ища дешевой популярности.

Всѣ, кто имѣлъ возможность лично знать покойнаго графа, будутъ глубоко скорбѣть о кончинѣ этого поистинѣ добраго человѣка, отличавшагося всегда необыкновенною привѣтливостью, добрымъ радушіемъ и тонкимъ остроуміемъ. Весь дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ глубоко цѣнилъ благородную прямоту графа, соединенную съ такимъ природнымъ тактомъ, что даже суровая правда въ его устахъ производила должное впечатлѣніе, никого, однако, не оскорбляя, а лишь усиливая то уваженіе, которое всѣ къ нему питали.

Графа Михаила Николаевича постигла такая же внезапная кончина, какъ три года тому назадъ его предмѣстника въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Но въ то время международные вопросы не находились въ такомъ критическомъ положеніи, какъ въ настоящій моментъ, требующій величайшей осторожности и сосредоточеннаго вниманія Русскаго Императорскаго Правительства.

Внѣшняя политика Россіи всегда находилась въ твердыхъ рукахъ ея Царей, а потому кончина министра Иностранныхъ Дѣлъ не можетъ ни прерывать послѣдовательнаго хода этой политики, ни давать ей иное направленіе. Но для Русскаго Царя необходимо имѣть близъ Себя вѣрнаго помощника,

который бы всегда ясно понималъ Его Верховную Волю и умѣлъ въ точности ее исполнять.

Такимъ именно вѣрнымъ истолкователемъ и исполнителемъ Государевыхъ предначертаній былъ графъ Муравьевъ; такимъ же несомнѣнно будетъ и его преемникъ, котораго Государю угодно будетъ призвать на высокій и отвѣтственный постъ министра Иностранныхъ Дѣлъ. А потому, какъ бы ни была тяжела утрата, понесенная Россіей въ лицѣ графа Муравьева, какъ бы ни были серіозны международные вопросы, требующіе въ настоящее время своего разрѣшенія,—они несомнѣнно будутъ разрѣшены согласно съ Высочайше установленною программой нашей политики на Дальнемъ Востокѣ, то-есть согласно съ достоинствомъ и интересами Россіи.

Война.

Война это или не война? Гдѣ причина или поводъ къ войнѣ? Кто объявилъ войну? Кто ведетъ войну съ европейскими державами? Фанатическая секта, или вся китайская императорская армія, или только часть ея? Кто отвѣтственъ за начало и за послѣдствія этой безпримѣрной войны? Коноводы китайскихъ «боксеровъ» и нѣкоторые китайскіе генералы, или верховныя китайскія власти, вице-короли, цунг-ли-яменъ и полновластная императрица-мать?

Отвѣтить на эти вопросы пока нѣтъ возможности, до такой степени скрыты отъ насъ тайныя пружины тѣхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, которыя въ настоящее время приковываютъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. А что такія тайныя пружины существуютъ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, и, хотя допустимы лишь догадки объ ихъ сущности, мы едва ли ошибемся, высказавъ о нихъ тѣ предположенія, которыя приходятъ на умъ каждому Русскому человѣку, внимательно слѣдившему въ послѣднее время за ходомъ англійской политики на Дальнемъ Востокѣ.

Еще годъ тому назадъ въ англійской печати обсуждался вопросъ о томъ, что окончаніе великаго Сибирскаго пути дастъ Россіи такую преобладающую силу надъ всею Азіей вообще, и надъ Китаемъ, Кореей и Японіей въ особенности, что парализовать эту силу нельзя будетъ ни одной европейской или внѣевропейской державѣ. Эти державы, доказывала англійская печать, должны немедленно принять мѣры къ обезпеченію своихъ интересовъ, пока еще не поздно, пока Москва еще не соединена со Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ.

Съ другой стороны, англійскіе агенты, англійская печать и англійское золото дѣлали все возможное для того, чтобы возстановить Японское правительство и Японскій народъ противъ Россіи, указывая на Корею какъ на будущій «Японскій материкъ», которымъ де Японцы давнымъ-давно бы обладали, если бъ имъ не мѣшала ненавистная Россія, остановившая, къ тому же, въ 1894 году побѣдоносное вторженіе Японцевъ въ Китайскую имперію. Втянуть Россію въ войну съ Японіей или съ Китаемъ, ранѣе чѣмъ будетъ окончена Сибирская дорога, такова всегда была мечта англійскихъ джинго-истовъ, считающихъ почему-то Россію величайшимъ врагомъ Англіи.

Мечта эта нынѣ осуществляется. Россія—правда, не одна, а съ другими державами—вынуждена отвѣтить вооруженною силой на враждебныя Европейцамъ дѣйствія Китайцевъ, а что касается Японіи, то едва ли Россія можетъ положиться на нее, какъ на вѣрную союзницу въ усмиреніи Китая. Кто знаетъ всю ту травлю, которую купленныя Англичанами японскія газеты ведутъ противъ Россіи, тотъ пойметъ, съ какою осторожностью Россіи необходимо относиться къ Японіи въ совмѣстномъ рѣшеніи Китайскаго вопроса.

Но и въ другихъ отношеніяхъ рѣшеніе этого вопроса представляетъ Россіи задачу, требующую самаго напряженнаго, сосредоточеннаго вниманія ея дипломатіи, такъ какъ въ этой задачѣ соединены и сплетены между собою всѣ элементы современныхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ международныхъ вопросовъ.

Мы не сомнѣваемся, что Императорское Русское Правительство сумѣетъ разрѣшить эту задачу вполнѣ согласно съ достоинствомъ и интересами Россіи, которая, конечно, не застигнута врасплохъ событіями, столь внезапно разразившимися на Дальнемъ Востокѣ.

Императорское Правительство, несомнѣнно, предвидѣло возможность серіозныхъ осложненій на берегахъ Желтаго моря, которыя могли быть созданы ея «друзьями» ранѣе окончанія великаго Сибирскаго пути Вотъ почему она заранѣе обезпечила себѣ твердую позицію на берегахъ этого моря въ Портъ-Артурѣ, за что иные близорукіе политики такъ сильно ее упрекали, доказывая, что Портъ-Артуръ намъ слѣдовало взять лишь тогда, когда къ нему подведена была бы Сибирско-Манчжурская дорога. Хорошо было бы теперь положеніе Россіи, если бы мы не имѣли той крѣпкой опоры для нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ на Печилійскомъ заливѣ, какую представляетъ собою Портъ Артуръ.

Не меньшую предусмотрительность обнаружила Россія и въ другомъ вопросѣ, по поводу котораго ее неоднократно упрекали въ жестокосердіи и бездѣйствіи даже иные добрые русскіе патріоты. Мы говоримъ о Трансваальской войнѣ, въ которую Россія будто бы обязана была вмѣшаться для огражденія дѣйствительно несчастныхъ и симпатичныхъ намъ Буровъ противъ кровожаднаго хищничества Англичанъ. Къ этому же вмѣшательству побуждала насъ и Германія, желавшая навязать Россіи столкновеніе съ Англіей, которое связало бы намъ руки въ то время, какъ Германія свободно распоряжалась бы судьбами Европы въ роли верховнаго «блюстителя міра». Теперь для всѣхъ ясно, почему Россія, при всей своей горячей симпатіи Бурамъ, не должна была вмѣшиваться въ чуждыя ея интересамъ дѣла. Какъ бы несчастны ни были Буры, но защита ихъ не ввѣрена Богомъ Русскому Царю, Который, вмѣстѣ съ вѣнцомъ Своимъ, воспринялъ заботу о Своемъ народѣ, о Своемъ государствѣ и о защитѣ его интересовъ. Эти интересы теперь дѣйствительно затронуты на Дальнемъ Востокѣ, и наше вмѣшательство въ рѣшеніе Китайскаго вопроса становится безусловно-необходимымъ. Но мы находились бы теперь, при возникновеніи китайскихъ осложненій, въ чрезвычайно затрудненномъ положеніи, если бы мы изъ-за Буровъ втянулись въ какія либо рискованныя военно-дипломатическія предпріятія. Этого, слава Богу, не случилось, и мы приступаемъ къ рѣшенію Китайскаго вопроса со свободными руками, въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми державами и во всеоружіи нашего матеріальнаго и нравственнаго міроваго авторитета.

Россія и Китай.

Почему Россія участвуетъ вмѣстѣ съ другими державами въ усмиреніи китайскаго мятежа? Не лучше ли ей было бы воздержаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія китайскія дѣла, коль скоро само Китайское правительство, повидимому, сочувствуетъ этому мятежу, имѣющему обще-китайскій національный характеръ? Россія всегда дорожила своими добрыми отношеніями къ Китаю, такъ зачѣмъ же теперь портить эти отношенія, дѣйствуя заодно съ ненавистными Китайцамъ Европейцами? Не выгоднѣе ли для Россіи сохранить пока полный нейтралитетъ, а затѣмъ, въ надлежащій моментъ, сказать свое вѣское слово для спасенія Китая отъ иноземнаго нашествія, въ разсчетѣ на вѣчную благодарность и дружбу сыновъ Небесной Имперіи?

Такіе вопросы иногда слышатся среди той части русской публики, которая всегда болѣе или менѣе скептически относится ко внѣшней политикѣ Россіи.

Нельзя отрицать, что съ перваго взгляда вышеприведенные вопросы какъ будто и не лишены нѣкотораго основанія, тѣмъ болѣе, что за все послѣднее время Россія дѣйствительно считала тѣсное сближеніе съ Китаемъ весьма желательною цѣлью своей политики, и цѣль эта, какъ казалось, была нами достигнута.

Къ сожалѣнію, это такъ только казалось.

Китайское правительство, несомнѣнно, знало, что оно обязано спасеніемъ Китая въ послѣднюю войну съ Японіей только одной Россіи, и что во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ Китай всегда можетъ разсчитывать на благожелательные и полезные совѣты Россіи. И что же? Обратилось ли Китайское правительство за этими совѣтами въ ту критическую минуту, которая предшествовала настоящимъ кровавымъ неурядицамъ? Очевидно нѣтъ, такъ какъ Россія, несомнѣнно, сумѣла бы указать какъ императрицѣ-матери, такъ и цунгъ-ли-ямену, разумныя средства, которыя предотвратили бы то вторженіе иноземныхъ войскъ въ предѣлы Китая, которое нынѣ стало безусловно необходимымъ. Китайское правительство выразило свое сочувствіе фанатическимъ злодѣяніямъ китайской черни, возмутившейся противъ всѣхъ безъ различія иноземцевъ, и ничѣмъ не выразило какихъ-либо своихъ особыхъ дружественныхъ чувствъ къ Россіи, которую Китайцамъ не слѣдовало бы смѣшивать съ остальными державами, какъ они это сдѣлали въ настоящее время.

Такимъ образомъ, добрыя, сердечныя отношенія къ Россіи были нарушены самими Китайцами, очевидно не считающими нужнымъ питать къ Россіи какую-либо особенную благодарность за оказанную имъ въ 1895 году великую услугу. Разсчитывать, поэтому, Россіи на какую-либо новую благодарность со стороны Китайцевъ за наше невмѣшательство въ настоящій Китайскій хаосъ едва ли было бы разумно.

Само собою разумѣется, что какъ прежде, такъ и нынѣ, Россія руководима лишь однимъ желаніемъ—спасти Китайское государство отъ грозящей ему страшной катастрофы и укрѣпить его для дальнѣйшаго самостоятельнаго мирнаго существованія. Но достигнуть этой цѣли Россія можетъ лишь, принимая дѣятельное участіе въ усмиреніи разыгравшагося нынѣ китайскаго фанатизма.

Припомнимъ злополучный Критскій вопросъ: какія тогда сыпались на Россію упреки за то, что она участвовала въ международной комбинаціи для усмиренія критскаго возстанія! Да, дѣйствительно, Россіи пришлось тогда, скрѣпя сердце, выступить съ вооруженною силой противъ столь близкихъ намъ православныхъ Грековъ—къ великой ихъ, какъ затѣмъ оказалось, пользѣ. Неразумному другу приходится помогать не разумомъ, а силой, которая въ первое время можетъ ему показаться непріятною, но которую онъ затѣмъ, придя въ себя, признаетъ дѣйствительно-полезною и плодотворною.

Такъ и съ Китаемъ. Другія державы, посылающія свои войска въ предѣлы Небесной Имперіи, можетъ быть, уже и мечтаютъ объ ея раздѣлѣ: Россія ни о чемъ подобномъ и не помышляетъ. Когда общими усиліями иноземныхъ войскъ въ Китаѣ снова водворится порядокъ, Россія, несомнѣнно, возвыситъ свой голосъ въ пользу сохраненія независимости Китая, при томъ, конечно, условіи, чтобы повтореніе такихъ явленій, которыя нынѣ разразились въ Китаѣ, стало безусловно невозможнымъ.

Но для того, чтобъ имѣть право на этотъ голосъ въ рѣшеніи будущей судьбы Китая, Россіи необходимо лично принять участіе въ тѣхъ трудахъ и опасностяхъ, которые необходимы для усмиренія китайскаго мятежа. Лишь въ этомъ случаѣ остальныя державы поймутъ весь тотъ авторитетъ, который присущъ Россіи въ дѣлахъ Дальняго Востока.

Да, наконецъ, могла ли Россія смотрѣть, сложа руки, на пожаръ, охватившій Китайское государство, въ которомъ живетъ такое громадное количество русскихъ подданныхъ, въ которомъ хранятся русскіе товары и капиталы на многіе милліоны рублей, въ которомъ офиціальные представители Россіи подвергаются крайнимъ опасностямъ и никѣмъ и ничѣмъ не защищены отъ возможныхъ оскорбленій? Или, можетъ быть, Россіи слѣдовало, соблюдая строгій нейтралитетъ, поручить охрану своихъ интересовъ и своихъ подданныхъ въ Китаѣ, которой-либо изъ другихъ державъ, изъ коихъ ни одна не можетъ защитить свои интересы и оградить своихъ подданныхъ?

Поставить этотъ вопросъ, значитъ и отвѣтить на него. Ни о какомъ нейтралитетѣ Россіи въ данномъ случаѣ и рѣчи не можетъ быть. Немедленное водвореніе порядка въ Китаѣ столь же важно, какъ для Россіи, такъ и для другихъ державъ, такъ и для самого Китая.

Этотъ вопросъ совершенно ясный, не допускающій двухъ рѣшеній. Трудный и сложный дипломатическій вопросъ возникнетъ лишь тогда, когда, по водвореніи порядка въ Китаѣ, придется сообща найти мѣры къ его упроченію. Мѣры эти, дѣйствительно, могутъ быть самыя разнообразныя, но разсуждать о нихъ пока еще преждевременно. Одно лишь несомнѣнно, что Россія сумѣетъ рѣшить этотъ вопросъ согласно съ жизненными интересами Китая, соотвѣтствующими интересамъ и самой Россіи.

Правительственное сообщеніе.

11 іюня (1900 г.) въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликовано чрезвычайно важное Правительственное Сообщеніе, проливающее свѣтъ на причину участія Россіи въ военныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ сообща съ другими державами для водворенія порядка въ Китаѣ.

Вотъ текстъ этого знаменательнаго историческаго документа:

Правительственное сообщеніе.

«Со времени полученія первыхъ же тревожныхъ извѣстій изъ Китая, Императорское Правительство не замедлило чрезъ представителя своего въ Пекинѣ потребовать отъ китайскихъ министровъ принятія рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію спокойствія въ странѣ, граничащей на обширномъ пространствѣ съ Россійскою Имперіей. Дѣйствительному статскому совѣтнику Гирсу вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось привлечь самое серіозное вниманіе цунгъ-ли-ямена на опасныя осложненія, къ которымъ неминуемо поведетъ народное возбужденіе противъ проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ, и возложить на членовъ правительства отвѣтственность за послѣдствія возникшихъ безпорядковъ.

«Къ сожалѣнію, безпечность китайскихъ провинціальныхъ сановниковъ явилась въ глазахъ мятежниковъ поощреніемъ ихъ преступной дѣятельности, встрѣтившей къ тому же сочувствіе въ средѣ правительственныхъ войскъ. Возстаніе съ каждымъ днемъ стало принимать все болѣе широкія размѣры:

«25 мая боксеры сожгли православную церковь въ деревнѣ Дунтинанъ и угрожали поджечь зданіе русской духовной миссіи. Жизнь и имущество русско-подданныхъ, проживающихъ въ Сѣверномъ Китаѣ, подвергались серіозной опасности.

«Между тѣмъ, въ распоряженіи нашего посланника находился лишь небольшой дессантъ въ 75 человѣкъ.

«При такихъ условіяхъ не представлялось болѣе возможнымъ медлить принятіемъ со стороны Императорскаго Правительства рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію Россійскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченію жизни и имущества русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ.

«Въ этихъ видахъ, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, начальнику Квантунской области предписано было держать наготовѣ 4.000-ный отрядъ для отправки онаго, въ случаѣ необходимости, въ Китай по первому требованію россійскаго посланника въ Пекинѣ, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ всѣ сношенія съ нашею миссіей были прерваны, а между тѣмъ телеграммами изъ Шанхая сообщалось о сосредоточеніи вблизи столицы скопища боксеровъ, имѣвшихъ намѣреніе произвести нападенія на иностранныя миссіи, вице-адмиралъ Алексѣевъ получилъ приказаніе немедленно отправить вышеупомянутый отрядъ по назначенію.

«Прибывшій 30 мая въ гор. Тяньцзинъ первый эшелонъ въ 2.000 человѣкъ нашелъ какъ желѣзнодорожный путь, такъ и телеграфный проводъ къ Пекину разрушенными; въ самомъ Тяньцзинѣ подошедшіе мятежники произвели дважды нападеніе на европейскіе участки, начавъ поджогами зданій китайскаго города и дома мѣстнаго генералъ-губернатора. Нашъ полевой отрядъ, не понеся никакихъ потерь, отбилъ обѣ аттаки съ большимъ урономъ для мятежниковъ, шайки которыхъ, между тѣмъ, успѣли захватить всѣ форты бухты Таку, дабы какъ русскому, такъ и другимъ иностраннымъ дессантамъ, отрѣзать пути для полученія провіанта и подкрѣпленій.

«Обстоятельство это побудило международныя войска прежде всего озаботиться обезпеченіемъ за собой доступа съ моря, и съ этою цѣлью принудить мятежниковъ сдать укрѣпленія Таку. Результаты боя, открытаго китай-

скими мятежниками въ ночь съ 3 на 4 іюня, уже извѣстны изъ обнародованной въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* телеграммы вице-адмирала Алексѣева.

«Съ занятіемъ укрѣпленій Таку, русскій отрядъ можетъ приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія по обезпеченію прямыхъ сношеній съ Императорскою миссіей и защитѣ русско-подданныхъ.

«Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что русскія войска, вступая на сосѣднюю территорію, отнюдь не преслѣдуютъ какихъ-либо враждебныхъ по отношенію къ Китаю цѣлей: напротивъ того, присутствіе ихъ въ дружественной странѣ, при настоящихъ тревожныхъ событіяхъ, можетъ только оказать существенную помощь Пекинскому правительству въ борьбѣ его съ мятежниками и ускорить возстановленіе въ имперіи законнаго порядка вещей въ интересахъ самаго Китая».

Категорическими разъясненіями Императорскаго Правительства положенъ конецъ всякимъ недоумѣніямъ, вызваннымъ у насъ происходящими въ Китаѣ событіями. Не далѣе какъ вчера мы указывали на эти недоумѣнія и старались устранить ихъ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ они нынѣ окончательно разсѣяны Правительственнымъ Сообщеніемъ.

Россія выслала свои войска въ Китай не для защиты какого либо чуждаго ей «обще-европейскаго дѣла», а для защиты *своихъ* подданныхъ, *своихъ* интересовъ.

Правительственное Сообщеніе впервые знакомитъ насъ съ однимъ въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ: «25 мая боксеры *сожгли православную церковь* въ деревнѣ Дунтинанъ и угрожали *поджечь зданіе русской духовной миссіи.* Жизнь и имущество русско-подданныхъ, проживающихъ въ Сѣверномъ Китаѣ, подверглись серіозной опасности».

Пока эти обстоятельства не были извѣстны, можно было думать, что боксеры возстали лишь противъ Нѣмцевъ, Англичанъ и Американцевъ, а не противъ Русскихъ, и что поэтому Россія можетъ соблюдать нейтралитетъ въ настоящей китайской неурядицѣ. Въ этомъ смыслѣ неоднократно раздавались голоса въ русскомъ обществѣ и русской печати, сѣтовавшіе на то, что «русская кровь льется не за русское дѣло, а за католическую и протестантскую религію, такъ какъ Китайцы бьютъ лишь Нѣмцевъ, Англичанъ и разоряютъ лишь ихъ миссіи, насъ же Китайцы ни мало не трогаютъ» *).

Теперь никто уже во всей Россіи такихъ сѣтованій не выскажетъ.

Китайскіе фанатики нападаютъ на Русскихъ совершенно такъ же, какъ и на прочихъ иностранцевъ, а потому и мы должны усмирить ихъ возстаніе сообща съ прочими иностранными державами.

Точно также подтверждается и другое высказанное нами предположеніе:

«Русскія войска», говорится въ вышеприведенномъ заявленіи Императорскаго Правительства, «вступая на сосѣднюю территорію, отнюдь не преслѣдуютъ какихъ-либо враждебныхъ по отношенію къ Китаю цѣлей». Они имѣютъ лишь порученіе «оказать существенную помощь Пекинскому правительству въ борьбѣ его съ мятежниками».

Ни о какой, слѣдовательно, «войнѣ» съ Китаемъ или о какомъ-либо предполагаемомъ «дѣлежѣ» Китая не можетъ быть и рѣчи, и если бы объ этомъ заговорили другія державы, то Россія, безо всякаго сомнѣнія, сумѣетъ

*) Извлеченіе изъ письма, адресованнаго намъ однимъ изъ нашихъ читателей. *Ред.*

положить конецъ подобнымъ вожделѣніямъ, направленнымъ противъ сосѣдней и дружественной ей державы.

Остается только пожелать, чтобы Китайское правительство поняло истинное значеніе политики Россіи и воспользовалось ея добрыми услугами для возстановленія и упроченія порядка въ Небесной Имперіи.

Мобилизація Приамурскихъ войскъ.

12 іюня опубликованъ слѣдующій Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату о мобилизаціи войскъ Приамурскаго Военнаго Округа:

«Признавъ необходимымъ привести на военное положеніе войска Приамурскаго военнаго округа, Мы повелѣли Указомъ Нашимъ сего числа даннымъ Военному министру сдѣлать нынѣ же, по указаніямъ Нашимъ, всѣ надлежащія по сему распоряженія.

«Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ призвать на дѣйствительную службу потребное для сего число чиновъ запаса изъ областей и уѣздовъ Приамурскаго и Сибирскаго военныхъ округовъ, согласно утвержденнаго Нами 10 іюня 1897 года расписанія и позднѣйшихъ измѣненій внесенныхъ въ таковое:

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ.
10 іюня 1900.

Причина столь важнаго мѣропріятія для всѣхъ очевидна.

Китайское правительство не въ силахъ справиться съ мятежомъ, вспыхнувшимъ въ предѣлахъ Небесной Имперіи: мало того, императорскія китайскія войска не только не принимаютъ мѣръ къ подавленію мятежа, но прямо соединяются съ матежниками для нападенія на проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ. Даже члены Китайскаго царствующаго дома не скрываютъ своего сочувствія боксерамъ. Такъ, напримѣръ, принцъ Туанъ, какъ сообщаетъ полученная 12 іюня телеграмма, уволивъ главнокомандующаго войсками на сѣверѣ Китая, принялъ на себя начальство надъ ними и объявилъ, что идетъ на Таньцзинъ не для того, чтобы разогнать осадившихъ его мятежниковъ, а для того, «чтобы прогнать занявшихъ городъ иностранцевъ».

При такихъ условіяхъ, бездѣйствіе высшаго Китайскаго правительства становится крайне подозрительнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, является ли это бездѣйствіе невольнымъ или намѣреннымъ, свирѣпствующій въ Китаѣ мятежъ можетъ быть подавленъ не китайскими, а иностранными войсками, и притомъ, какъ это доказалъ опытъ послѣднихъ дней, для достиженія этой цѣли потребуется значительное количественное и качественное развитіе военныхъ силъ. Въ виду этого всѣ державы, заинтересованныя въ водвореніи порядка въ Китаѣ

не жалѣютъ усилій, чтобъ имѣть наготовѣ наибольшее по возможности число войскъ, которыя могли бы принять участіе въ подавленіи боксеровъ.

Въ этомъ отношеніи въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ несомнѣнно находится Россія, какъ пограничное съ Китаемъ государство, а потому весьма естественно, что ей необходимо было воспользоваться этою выгодой для того, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла занять численностью своей военной силы достойное положеніе при водвореніи и упроченіи порядка въ Китаѣ.

Но если бы даже русскимъ войскамъ и не пришлось двинуться на помощь Китайскому правительству черезъ сѣверную границу Китая, мобилизація войскъ Приамурскаго военнаго округа окажется и въ другомъ отношеніи благоразумною мѣрой предосторожности.

Какіе размѣры приметъ разбушевавшійся въ Китаѣ мятежъ, какія онъ охватитъ части имперіи,—предвидѣть пока невозможно. Но поле его настоящаго дѣйствія въ сѣверномъ Китаѣ такъ близко къ Манчжуріи, граничащей съ нашею Амурскою областью, что намъ необходимо предвидѣть возможность появленія мятежниковъ тамъ, гдѣ они могутъ угрожать самымъ серіознымъ образомъ, какъ политическимъ, такъ и торгово-промышленнымъ интересамъ Россіи, не говоря уже о громадномъ количествѣ русскихъ подданныхъ въ Манчжуріи, сосредоточенныхъ вокругъ строящейся Манчжурской дороги.

Нынѣ опасность эта предотвращена тѣмъ, что войска Приамурскаго генералъ-губернаторства поставлены Высочайшимъ Указомъ на военное положеніе и могутъ въ каждый данный моментъ явиться на защиту чести, достоинства и интересовъ Россіи, гдѣ эта защита окажется необходимою.

Особое преимущество этихъ войскъ будетъ состоять въ томъ, что они не войдутъ въ составъ какого-нибудь своднаго международнаго отряда, какъ тѣ войска, которыя находятся на пути между Таку и Пекиномъ и принуждены подчиняться, на основаніи правилъ о старшинствѣ, иностраннымъ главнокомандующимъ, иногда даже Англичанамъ, какъ, напримѣръ, лорду Сеймуру. Если войскамъ Приамурскаго военнаго округа пришлось бы принять дѣятельное участіе въ водвореніи порядка въ Китаѣ, они несомнѣнно находились бы въ непосредственномъ распоряженіи своего прямого начальника, командующаго войсками округа, Приамурскаго Генералъ-Губернатора, генералъ - лейтенанта Н. И. Гродекова.

Китайскій вопросъ находится лишь въ первой стадіи своего развитія и, несомнѣнно, будетъ все болѣе осложняться, такъ что окончательное рѣшеніе его представитъ значительныя затрудненія. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ рѣшеніи преобладающій голосъ долженъ принадлежать Россіи, такъ какъ ни одна держава не заинтересована до такой степени въ мирномъ существованіи Китая, какъ наше государство. Но въ международныхъ совѣщаніяхъ авторитетный голосъ той или другой державы находится въ тѣсной связи съ находящеюся наготовѣ военною ея силой, а потому и въ этомъ отношеніи Россія должна идти навстрѣчу конечнымъ результатамъ китайскихъ событій во всеоружіи своей мощи, какъ нравственной, такъ и матеріальной, дабы имѣть возможность поддержать свои справедливыя требованія не только словомъ, но и дѣломъ.

Освобожденіе Тяньцзина.

14 іюня, въ 10 часовъ утра, Военный министръ получилъ отъ вице-адмирала Алексѣева слѣдующую телеграмму изъ Портъ-Артура, отъ 13 іюня:

„11 іюня генералъ Стессель съ боемъ вступилъ въ Тяньцзинъ и соединился съ полковникомъ Анисимовымъ. Потери не велики. Подробности дополнительно.

«Алексѣевъ».

Два часа спустя, въ Военномъ Министерствѣ была получена другая телеграмма, изъ которой видно, что со вступленіемъ генералъ-майора Стесселя въ Тяньцзинъ, въ этомъ городѣ собрался русскій отрядъ изъ пяти стрѣлковыхъ баталіоновъ, 8-ми орудій и 3 пулеметовъ (митральезъ). Въ составѣ войскъ генералъ-майора Стесселя, двинутыхъ къ Тяньцзину, находятся 140 Американцевъ и 100 Японцевъ. Вполнѣ вѣроятно, что къ нашимъ войскамъ присоединились и 750 Германцевъ, высадившихся въ Таку на другой день по выступленіи нашихъ войскъ изъ Таку въ Тяньцзинъ. Объ участіи въ освобожденіи Тяньцзина войскъ другихъ державъ извѣстій пока не получено.

Такимъ образомъ, русское оружіе покрылось новою славой и вмѣстѣ съ тѣмъ оказало великую услугу столь важному для всѣхъ дѣлу водворенія порядка въ Китаѣ.

Какъ и при взятіи Таку, такъ и при освобожденіи Тяньцзина, сводныя войска иностранныхъ державъ находились подъ русскою командой, и мы имѣемъ полное основаніе приписать этому обстоятельству ту двукратную побѣду, которая одержана 4 и 11 іюня надъ китайскими фанатиками.

Невольно напрашивается мысль, что если бы и тотъ сводный отрядъ, который ранѣе двинулся изъ Таку на Тяньцзинъ и Пекинъ, находился подъ начальствомъ русскаго командира, а не злосчастнаго лорда Сеймура, то мы уже имѣли бы свѣдѣнія объ его подвигахъ, вмѣсто тѣхъ противорѣчивыхъ слуховъ, которые заставляютъ насъ такъ сильно тревожиться за участь нашихъ русскихъ воиновъ, подчиненныхъ англійскому адмиралу.

Побѣда генералъ-майора Стесселя, несомнѣнно, не замедлитъ пролить свѣтъ и на судьбу колонны лорда Сеймура. Мы, наконецъ, узнаемъ, что́ творилось и что́ нынѣ творится между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, и въ какомъ положеніи находятся сама столица Китайской имперіи и пребывающіе въ ней иностранцы и представители иностранныхъ державъ, о судьбѣ которыхъ также носятся столь разнорѣчивые тревожные слухи.

За освобожденіемъ Тяньцзина послѣдуетъ въ скоромъ времени, можно надѣяться, и освобожденіе Пекина, и эта задача, по всей вѣроятности, выпадетъ также главнѣйшимъ образомъ на долю нашихъ русскихъ войскъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ Тяньцзинѣ нынѣ готовятся къ дальнѣйшему походу, какъ гласитъ вышеприведенная телеграмма, около 5.000 русскихъ стрѣлковъ, 140 Американцевъ, 100 Японцевъ и 750 Нѣмцевъ, то на Пекинъ, очевидно, пойдетъ уже не «сводный» отрядъ, а почти исключительно русское войско, которое будетъ жертвовать своею жизнью не только за русскіе интересы, но и за интересы другихъ иностранныхъ державъ, оказавшихся въ

настоящую минуту совершенно безсильными предъ свирѣпымъ фанатизмомъ китайскихъ мятежниковъ и примкнувшимъ къ нимъ китайскимъ императорскимъ войскамъ.

Уже и теперь принесенныя нами жертвы несоразмѣрно велики сравнительно съ жертвами другихъ иностранныхъ войскъ, оперирующихъ въ Китаѣ. Генералъ Стессель шелъ въ Тяньцзинъ на выручку находившагося тамъ отряда полковника Анисимова, съ трудомъ выдерживавшаго осаду окружившихъ его Китайцевъ; 13 іюня еще мы всѣ съ ужасомъ читали телеграмму вице-адмирала Алексѣева, въ которой говорилось, что «положеніе русскаго отряда въ Тяньцзинѣ очень опасное. Сообщеніе прервано; китайскія скопища окружили Тяньцзинъ и бомбардируютъ его изъ орудій большихъ калибровъ, нанося большія потери—*убито и ранено семь офицеровъ и сто пятьдесятъ* нижнихъ чиновъ; патроновъ и снарядовъ осталось немного. Пробиться на Таку трудно, а также вести женщинъ, дѣтей, раненыхъ; желѣзная дорога совершенно испорчена».

Это донесеніе о столь отчаянномъ положеніи отряда полковника Анисимова было отъ 6 іюня. Затѣмъ прошла почти *цѣлая недѣля*, въ теченіе которой доблестная кучка Русскихъ воиновъ храбро держалась, терпя, по всей вѣроятности, новыя кровавыя потери, пока, наконецъ, въ воскресенье, 11 іюня, на выручку своихъ братьевъ пришли Русскіе стрѣлки генерала Стесселя, пробились сквозь ряды осаждающихъ Китайцевъ и съ боемъ вступили въ освобожденный ими Тяньцзинъ.

Если въ Китаѣ будетъ возстановленъ порядокъ, то, какъ Китайское правительство, такъ и остальныя иностранныя державы этимъ обязаны будутъ пролитой русской крови.

Мы уповаемъ, что она лилась не даромъ, и что она дастъ возможность Россіи имѣть рѣшающій голосъ при окончательномъ упроченіи порядка въ Небесной Имперіи.

Освобожденіе лорда Сеймура подполковникомъ Ширинскимъ.

Свѣтлыя надежды, вызванныя извѣстіемъ объ освобожденіи генераломъ Стесселемъ китайскаго города Тяньцзина, оправдались скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

На другой же день послѣ занятія Тяньцзина, а именно въ понедѣльникъ, 12 іюня, генералъ Стессель отправилъ подполковника Ширинскаго на выручку своднаго отряда лорда Сеймура, который, выступивъ три недѣли тому назадъ на освобожденіе иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ, не только не сумѣлъ исполнить возложеннаго на него порученія, но попалъ, не вдали отъ Тяньцзина, въ устроенную Китайцами ловушку, изъ которой не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ, терпя страшныя потери и лишенія.

Подполковникъ Ширинскій прибылъ въ тотъ же день, 12 іюня, къ тому мѣсту, въ которомъ съ такимъ трудомъ отбивался отъ Китайцевъ англійскій адмиралъ, и немедленно завязалъ бой съ окружавшими его китайскими полчищами.

О результатѣ этого боя вице-адмиралъ Алексѣевъ сообщаетъ военному министру телеграммой изъ Портъ-Артура, отъ 14 іюня, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ ночь на 13 іюня вышедшій изъ Тяньцзина отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго, въ составѣ четырехъ нашихъ ротъ и такого же числа иностранцевъ, освободилъ отрядъ Сеймура и доставилъ въ Тяньцзинъ. Раненыхъ въ отрядѣ Сеймура 200".

Такимъ образомъ, какъ мы вчера предсказывали, геройскіе подвиги русскаго войска и его доблестныхъ командировъ сразу разсѣяли тотъ мракъ, которымъ окружена была судьба сводной колонны злосчастнаго лорда Сеймура.

Мы далеки отъ того, чтобы приписать неудачу, постигшую англійскаго адмирала тѣмъ же причинамъ, которыя, при одинаковыхъ почти условіяхъ, ставили въ критическое положеніе его земляковъ, генерала Буллера, Гатакра и Метуэна; мы вскорѣ узнаемъ, насколько лордъ Сеймуръ свободенъ отъ тѣхъ нареканій, которыя такъ заслуженно падали на этихъ трехъ, столь неудачно выбранныхъ, англійскихъ военачальниковъ.

Но намъ, во всякомъ случаѣ, кажется, что подчиненіе русскихъ войскъ, хотя бы и въ сводныхъ отрядахъ, англійскимъ начальникамъ едва ли можетъ быть желательнымъ.

Русскій солдатъ можетъ проявить всю свою беззавѣтную доблесть подъ начальствомъ лишь своихъ родныхъ русскихъ командировъ, съ которыми его такъ близко связываютъ самыя глубокія этическія начала. Да и кромѣ того, кого изъ насъ не возмущаетъ уже одна мысль, что русскіе солдаты могутъ пострадать по винѣ чуждаго имъ иностраннаго начальника? Какъ велика должна была быть радость русскихъ солдатъ въ отрядѣ лорда Сеймура, когда къ нимъ на выручку пришелъ свой же русскій подполковникъ, и они, по освобожденіи, могли соединиться со своими русскими братьями-товарищами!

Подполковникъ Ширинскій въ нѣсколько часовъ разогналъ осаждавшихъ лорда Сеймура Китайцевъ, чего англійскій адмиралъ не могъ сдѣлать въ теченіе трехъ недѣль со всѣмъ своимъ отрядомъ. Не служитъ ли этотъ простой фактъ яснымъ указаніемъ, что и впредь водвореніе порядка въ Китаѣ должно быть поручено русскимъ военачальникамъ, которые сумѣютъ не только исполнить возложенное на нихъ порученіе, но и предотвратить всякія новыя осложненія, могущія вести лишь къ обостренію охватившаго Китайцевъ мятежа.

Если намъ необходимо, для защиты русскихъ интересовъ, участвовать съ прочими державами въ умиротвореніи Китая, то желательно, чтобы мы и впредь сохранили въ этомъ дѣлѣ то преобладающее положеніе, которое съ такимъ блескомъ заняли съ перваго же момента появленія русскихъ войскъ подъ русскимъ начальствомъ на Китайской территоріи.

Убійство Германскаго посланника въ Пекинѣ.

Поздно ночью мы получили депешу отъ нашего берлинскаго корреспондента объ убійствѣ барона Кеттелера, состоявшаго германскимъ посланникомъ въ Пекинѣ.

Вотъ текстъ этой депеши:

«**Берлинъ**, 2 іюля (19 іюня). Сегодня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получена слѣдующая телеграмма отъ германскаго консула въ Чифу:

««18 (5) іюня въ Пекинѣ былъ убитъ нашъ посланникъ, въ то время, какъ онъ отправлялся въ цунгъ-ли-ямэнъ. 23 (10) іюня изо всѣхъ посольствъ въ Пекинѣ оставались неразрушенными только три»».

«По полученіи этой телеграммы, министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Бюловъ немедленно отправился въ Вильгельмсгафенъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ императору Вильгельму».

Телеграмма эта является первымъ зловѣщимъ лучомъ, пробившимся сквозь тотъ роковой мракъ, который вотъ уже цѣлый мѣсяцъ покрываетъ судьбу иностранныхъ пословъ въ Пекинѣ.

Убитъ германскій посланникъ, разрушены всѣ иностранныя посольства, кромѣ трехъ.

А какая участь постигла другихъ пословъ? Не разрушены ли теперь и остальныя три посольства? Не стряслась ли бѣда и надъ представителемъ Россіи, чрезвычайнымъ посланникомъ М. Н. Гирсомъ?

Таковы тревожные вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія.

Телеграмма германскаго консула въ Чифу имѣетъ офиціальный характеръ, и въ ея основательности едва ли можно сомнѣваться, хотя, при массѣ противорѣчивыхъ извѣстій, приходившихъ въ послѣдніе дни изъ Китая, остается нѣкоторая надежда на ея фактическое опровержепіе.

Но пока этого опроверженія нѣтъ, мы не можемъ не считаться съ убійствомъ германскаго посланника въ Пекинѣ, какъ съ реальнымъ событіемъ, заставляющимъ ожидать самыхъ тяжкихъ послѣдствій.

Китайское правительство не могло не знать о такомъ вопіющемъ преступленіи противъ основныхъ законовъ международнаго права, преступленія, совершившемся двѣ недѣли тому назадъ, въ понедѣльникъ 5 (18) іюня. Если правительство до сихъ поръ скрывало это преступленіе, вмѣсто того чтобы немедленно увѣдомить о немъ дружественную державу, то оно этимъ укрывательствомъ обнаружило свою солидарность съ убійцами и должно нести всю отвѣтственность за совершенное ими безчеловѣчное злодѣяніе, тѣмъ болѣе если,—какъ о томъ сообщаетъ англійскій консулъ, телеграмму котораго мы приводимъ ниже,—убійцами этими были солдаты императорскаго китайскаго войска!

Что же послѣ этого значатъ всѣ увѣренія Ли-хун-чана и другихъ китайскихъ «вице-королей», чуть не клявшихся, что иностранные послы и ихъ посольскіе дома цѣлы и невредимы, и требовавшихъ, поэтому, немедленнаго удаленіе иностранныхъ войскъ съ Китайской территоріи?

Повторяемъ: остается еще слабая надежда, что англійскій и германскій консулы въ Чифу введены въ заблужденіе. Если же эта надежда должна будетъ исчезнуть предъ суровою дѣйствительностью совершившагося факта,— ни одна европейская держава не останется предъ нимъ равнодушною: всѣ соединятся въ одномъ общемъ и настойчивомъ требованіи справедливаго и строгаго возмездія...

Война.

Какъ война? Война не объявлена. А пока война не объявлена, войны нѣтъ и быть не можетъ.

Такъ разсуждаютъ люди, не желающіе разстаться съ дорогою имъ иллюзіей, будто Россія можетъ такъ или иначе отдѣлаться или увильнуть отъ грознаго призрака, столь внезапно возставшаго предъ нею на Дальнемъ Востокѣ. Такъ разсуждаютъ безпринципные публицисты, доказывающіе, что русскія войска должны отступить предъ Китайцами, предоставивъ имъ расправиться по-своему съ нашею миссіей. Пріискиваются даже историческіе примѣры для такого славнаго поступка. Мы де ушли въ 1886 году изъ Болгаріи, почему же намъ въ 1900 году не уйти изъ Китая? Мы не объявили войны Персіи, когда тегеранская чернь убила въ 1829 году нашего посланника Грибоѣдова, почему же намъ особенно волноваться, если теперь убьютъ въ Пекинѣ нашего посланника Гирса?

Не вѣрится, чтобы нашелся Русскій человѣкъ, которому, при настоящихъ безпримѣрныхъ обстоятельствахъ, пришли бы на умъ такія сравненія, историческая несообразность которыхъ до такой степени бросается въ глаза, что даже не требуетъ никакихъ доказательствъ! Не вѣрится, чтобъ у Русскаго человѣка хватило—не то смѣлости, не то трусости—сказать, что если мы совершимъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, отступленіе изъ Китая, то «величіе Русскаго имени отъ этого не померкнетъ!»

Когда, съ Божьею помощью, пройдетъ собравшаяся нынѣ гроза, настанетъ время вспомнить имена тѣхъ малодушныхъ «руководителей общественнаго мнѣнія», которые такими постыдными рѣчами старались сбить съ толку Русскихъ людей и выставить ихъ противъ рѣшительной и широкой правительственной политики, дѣйствительно достойной величія Русскаго имени.

Величіе Русскаго имени должно стоять всюду во всей своей мощи; но нигдѣ оно не должно сіять такою непобѣдимою силой, какъ на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ. Неужели это не ясно? Неужели нужно еще доказывать, почему мы въ Азіи можемъ стоять на стражѣ мира лишь въ томъ случаѣ, если безчисленныя племена, населяющія Азію, будутъ преклоняться предъ идеей непобѣдимости Россіи? Страшно подумать о тѣхъ ужасахъ, которые тотчасъ же настанутъ, если эта идея не только исчезнетъ, но даже померкнетъ въ глазахъ Азіи...

А потому намъ тѣшиться иллюзіями долѣе невозможно. Иллюзіи эти окончательно разсѣяны съ первымъ китайскимъ выстрѣломъ на нашемъ Амурѣ, съ первыми китайскими снарядами, ударившими въ наши пароходы и въ зданія нашего Благовѣщенска. Если это открытіе вполнѣ сознательныхъ, издавна подготовленныхъ военныхъ дѣйствій регулярными императорскими китайскими войсками не есть объявленіе войны согласно отвлеченнымъ принципамъ «международнаго права», то это есть объявленіе войны согласно реальнымъ фактамъ дѣйствительности, съ которыми только и слѣдуетъ намъ считаться.

Съ кѣмъ бы мы ни воевали, съ Китайскимъ ли правительствомъ, или съ его войсками,—это для насъ безразлично, разъ воевать необходимо. Мало того, безъ войны мы никогда и не узнаемъ, гдѣ находится Китайское правительство, изъ кого оно состоитъ и кому оно сочувствуетъ.

Китаю удалось перехитрить всю Европу, въ томъ числѣ и насъ. Китай сумѣлъ, наперекоръ всей казуистикѣ «международнаго права», создать для себя положеніе, которому нѣтъ примѣра во всей исторіи человѣчества. Онъ присвоилъ себѣ всѣ права и преимущества воюющей державы, лишивъ своихъ противниковъ возможности пользоваться тѣми же правами и преимуществами. Китай создалъ у себя *два* правительства: одно «законное», для иностранцевъ, котораго никто не видитъ и не знаетъ, и другое «незаконное», для Китайцевъ, которое открыто функціонируетъ, издавая законы и указы, и которому подчиняются всѣ регулярныя и нерегулярныя вооруженныя силы Поднебесной Имперіи. Китай осуществилъ не менѣе безпримѣрный въ исторіи фактъ беззаконнаго захвата всѣхъ представителей иностранныхъ державъ, въ то же время заставивъ эти державы держать на свободѣ и съ отмѣннымъ почетомъ представителей Китайскаго правительства при иностранныхъ дворахъ.

Да, всѣ эти задачи, неразрѣшимыя для европейскихъ дипломатовъ, китайскіе дипломаты разрѣшили въ совершенствѣ. Они не только застали всю Европу врасплохъ, но и поймали ее въ сѣтяхъ ея собственнаго «международнаго права».

Но неужели Европа, неужели Россія, такъ и останутся въ этихъ сѣтяхъ? Неужели мы не прорвемъ ихъ однимъ мощнымъ ударомъ, который заставитъ Китайцевъ понять, что мы разглядѣли ихъ игру и долѣе издѣваться надъ собой не позволимъ? Европейскія державы, а въ томъ числѣ и Россія, не имѣютъ возможности сноситься непосредственно съ Китайскимъ правительствомъ, а китайскіе представители при европейскихъ дворахъ ежедневно сносятся съ нимъ шифрованными депешами! Лишь на-дняхъ Германское правительство догадалось лишить этого права китайскаго посланника въ Берлинѣ, не содрогнувшись при мысли, что оно этимъ, можетъ быть, нарушитъ «международное право».

Не о «международномъ правѣ» должны мы думать, когда имѣемъ предъ собой противника, игнорирующаго самыя элементарныя требованія этого права: мы должны думать о безопасности, чести и славѣ Россіи и ограждать ее всѣми доступными намъ средствами, ничего не жалѣя для достиженія этой цѣли.

Россія войны не хотѣла, ее навязали ей. Кто навязалъ? Можетъ быть, китайскіе мятежники, можетъ-быть Китайское правительство. Когда нибудь исторія съ точностью отвѣтитъ на этотъ пока темный вопросъ. Но Россія этого будущаго проблематическаго отвѣта ждать не можетъ, когда предъ нею война уже вспыхнула, со всѣми ея ужасами, когда непріятель—кто бы онъ ни былъ—уже открыто посягаетъ на ея достояніе, на ея владѣнія, на честь ея знамени.

Война застаетъ насъ врасплохъ среди мирныхъ занятій, требуя отъ насъ великихъ, тяжкихъ и продолжительныхъ жертвъ. Но это не причина, чтобы мы отступили отъ своего долга. Сознавая всю его тяжесть и всю его святость, мы должны покончить навсегда съ прежними ошибками и иллюзіями, приступивъ къ его исполненію *по-русски*—безъ малодушія и сомнѣнія, а съ яснымъ сознаніемъ, съ твердою волей, съ беззавѣтною преданностью Царю и Отечеству и съ безпредѣльною вѣрой въ Бога.

Наши иллюзіи.

Мы говорили уже, что намъ слѣдуетъ разъ навсегда отдѣлаться отъ тѣхъ иллюзій, которыя мѣшали намъ видѣть истинное положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ этихъ иллюзіяхъ заключается главная причина той серіозной опасности, предъ которою мы очутились, и той внезапности съ которою эта опасность на насъ нагрянула.

Наша главная ошибка состояла не въ томъ что мы считали Китай слабымъ, невоинственнымъ государствомъ, — хотя и эта ошибка, допущенная нашими представителями въ Китаѣ, непростительна,—а въ томъ что мы разсчитывали на какую-то сентиментальную вѣчную дружбу съ Китаемъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, императоръ Вильгельмъ II обнародовалъ свою извѣстную картину, изображающую надвигающійся на Европу страшный смерчъ восточнаго изувѣрскаго варварства, у насъ въ Россіи находились люди, относившіеся съ презрительною улыбкой къ этому вѣщему пророчеству, въ полной увѣренности, что этотъ смерчъ во всякомъ случаѣ минуетъ Россію, такъ какъ между Россіей и Китаемъ уже установилось то «братство народовъ», о которомъ Европа еще только мечтаетъ.

Никогда еще иллюзія о возможности этого страннаго «братства» не обнаруживала всей своей опасности, какъ именно въ настоящее время, когда мы, слѣпо уповая на «братскія» къ намъ чувства язычниковъ-Манчжуровъ, какъ оказывается, не думали даже о принятіи необходимыхъ мѣръ для предотвращенія тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ выразились истинныя ихъ къ намъ чувства.

Если бы «братство народовъ» когда-либо осуществилось, оно могло бы возникнуть лишь на почвѣ исключительно христіанской культуры; оно могло бы явиться результатомъ превращенія не только всѣхъ народовъ земного шара, но и всѣхъ входящихъ въ ихъ составъ отдѣльныхъ лицъ въ убѣжденныхъ, высоко-идеальныхъ послѣдователей истинной Христовой вѣры, которая одна хранитъ въ себѣ единственный залогъ вѣчнаго мира—искреннюю любовь къ ближнему, основанную не на какихъ-либо субъективныхъ чувствахъ или общефилософскихъ разсужденіяхъ, а на беззавѣтной вѣрѣ въ истиннаго Бога живаго и въ будущую личную жизнь. Осуществится ли когда-нибудь этотъ высшій идеалъ распространенія истиннаго христіанства по всей вселенной, превратятся ли когда-нибудь «всѣ люди въ ангеловъ»,—это извѣстно одному Святому Провидѣнію, а на основаніи Слова Божьяго мы имѣемъ поводъ даже сомнѣваться въ осуществленіи этого идеала. А пока онъ не осуществится, о «вѣчномъ мирѣ» и «братствѣ народовъ» и думать нечего, точно такъ же какъ нельзя думать объ отмѣнѣ судовъ и наказаній даже и въ христіанскомъ государствѣ, пока въ немъ существуютъ люди порочные, не проникнутые всею силой истиннаго Христова ученія.

Но если пока немыслимо уповать на истинное «братство народовъ» среди христіанскихъ государствъ, то еще менѣе можно было надѣяться на такое братство между христіанскимъ и языческимъ народомъ, между Россіей и Китаемъ. Рано или поздно иллюзія этого «братства» должна была разсѣяться по тому или другому внѣшнему поводу, какъ это теперь и случилось.

Да, конечно, Россія, по типу своего христіанства и по основному ха-

рактеру своего народа, ближе подходитъ къ идеалу истиннаго Христова ученія, чѣмъ остальные христіанскіе народы. Миролюбіе, справедливость и безкорыстіе Россіи хорошо извѣстны на Востокѣ, и эти высшія качества ея привлекаютъ къ ней сердца подчиненныхъ ей азіатскихъ племенъ, тогда какъ тѣ же племена, подчиненныя другимъ европейскимъ державамъ, питаютъ къ нимъ лишь ненависть и злобу. Да, но истинно-христіанскія качества Россіи оцѣниваются этими племенами лишь тогда, когда они находятся не въ сосѣдствѣ съ Россіей, а подъ ея кровомъ. Достаточно вспомнить, съ какою изувѣрскою ожесточенностью нападали на Русскихъ всѣ средне-азіатскія племена, пока они, наконецъ, силой русскаго оружія не были приведены въ подданство Бѣлаго Царя, передъ Которымъ они нынѣ такъ искренно преклоняются, пользуясь всѣми благами мира и гражданственности. Каково было бы теперь наше положеніе въ Средней Азіи, если бы мы и тамъ предавались иллюзіи, что можемъ своимъ миролюбіемъ, по Толстовскому рецепту, «заразить» своихъ ненавидѣвшихъ насъ сосѣдей, и если бъ этой иллюзіи предавались Кауфманы, Черняевы и Скобелевы? Развѣ эти русскіе герои не совершили истинно-миролюбиваго дѣла своими побѣдоносными походами, даровавшими и Азіатской Россіи, и враждебнымъ ей племенамъ, прочный миръ, порядокъ и процвѣтаніе подъ отеческою охраной Православнаго Царя?

Миролюбивый характеръ народа и государства никогда его отъ военныхъ опасностей и сопряженныхъ съ ними серіозныхъ обязанностей не освободитъ. Если хочешь мира, говоритъ старая и вѣрная пословица, готовься къ войнѣ. А бываютъ обстоятельства, когда приходится сказать: если хочешь мира, то обезпечь его войной.

Такія обстоятельства наступили нынѣ на Дальнемъ Востокѣ. Намъ необходимо прочно, навсегда обезпечить миръ и порядокъ на нашей восточной границѣ, дерзко нарушенной нашими сосѣдями Китайцами, или, точнѣе, Манчжурами, и мы можемъ обезпечить его не Толстовскимъ «непротивленіемъ злу» и не Зуттнеровскимъ «долой оружіе!», а истинно-русскою твердою военною мощью, являвшеюся всегда и всюду предвѣстницей и устроительницей прочнаго мира и благоденствія среди ощутившихъ эту мощь подчинившихся ей народовъ.

Мы не идемъ на покореніе Китая. Мы желаемъ возстановить съ нимъ добрыя, сосѣдскія отношенія. Но мы уже впредь не должны обманывать себя несбыточными мечтами, что эти отношенія будутъ отличаться какимъ-либо сентиментальнымъ, дружески-любовнымъ чувствомъ. Китайцы будутъ жить съ нами въ добромъ сосѣдствѣ совершенно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и другія государства живутъ съ нами въ такомъ же добромъ сосѣдствѣ— питая уваженіе къ нашей мощи и зная, что никто безнаказанно Русскаго имени не оскорбитъ. Но этого знанія Китайцы даромъ не пріобрѣтутъ: они проникнутся имъ лишь благодаря силѣ русскаго оружія.

Во всякомъ случаѣ, совершившееся нынѣ столкновеніе наше съ Китаемъ было неизбѣжно. Оно явилось, можетъ-быть, нѣсколько раньше, чѣмъ его можно было ожидать, но это не избавляетъ насъ отъ обязанности пойти ему навстрѣчу съ тою же рѣшительностью и энергіей, съ какимъ мы пошли бы черезъ десять, двадцать или пятьдесятъ лѣтъ. Китайцы, очевидно, ускорили ходъ событій, спѣша испробовать силу своего новаго вооруженія. Намъ остается только поднять брошенную намъ перчатку и доказать разъ навсегда, что китайскіе стрѣлки и артиллеристы должны выбирать для своихъ упражненій иныя мишени, а не стѣны русскихъ городовъ и груди русскихъ воиновъ.

Увлеченіе или колебаніе?

Какъ это ни странно, но находятся русскія газеты, которыя, въ виду творящихся на Дальнемъ Востокѣ ужасовъ, полагаютъ, что мы пуще всего должны остерегаться «увлеченія». Такъ прямо и говорится: «Въ нынѣшнюю минуту не должно быть увлеченій, не можетъ быть увлеченій».

Мы не понимаемъ, какая можетъ намъ грозить опасность, если мы отдадимся естественному увлеченію въ желаніи возстановить миръ и порядокъ, такъ дерзко нарушенный Китайцами, если мы не останемся равнодушными предъ чинимыми ими звѣрствами. Нашъ прямой долгъ велитъ намъ немедленно принять необходимыя мѣры къ прекращенію этого возмутительнаго положенія вещей,—а тутъ насъ предостерегаютъ, какъ бы мы не вздумали увлечься исполненіемъ своего долга!

Китайскія событія застали насъ врасплохъ среди мирныхъ занятій,—мы чуть не сказали, среди мирнаго сна. Мы сперва не хотѣли вѣрить въ ихъ грозное значеніе. Мы стали медленно раскачиваться при извѣстіяхъ о томъ, что Россіей принимаются первыя мѣры предосторожности, все еще увѣряя себя, что даже и эти мѣры окажутся излишними. Мы были такъ далеки, не только отъ какихъ-либо страстныхъ, необдуманныхъ порывовъ, но и отъ проявленія серіозной энергіи, что уже по одному этому предостерегать насъ отъ «увлеченій» представлялось по меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ.

Не увлеченіе по исполненію нашего долга было бы для насъ опасно въ настоящую минуту, а малѣйшее колебаніе въ этомъ столь важномъ для всѣхъ насъ дѣлѣ. Мы должны всѣми силами сочувствовать и содѣйствовать мужественной политикѣ нашего Правительства, стремящагося энергическими мѣрами охранить честь и достоинство Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и если въ этомъ священномъ для Россіи дѣлѣ оно выкажетъ не малодушное колебаніе, а искреннее, ревностное увлеченіе, то каждый истинно-Русскій человѣкъ можетъ только радостно привѣтствовать *такое* увлеченіе.

Каковы будутъ размѣры начавшагося на Дальнемъ Востокѣ кризиса,—никто предвидѣть не можетъ. Мы лишь впослѣдствіи узнаемъ, имѣемъ ли мы въ настоящее время дѣло съ легкою вспышкой огня, или съ началомъ громаднаго по своей силѣ и обширности пожара. Въ этой неизвѣстности простое благоразуміе требуетъ, чтобы мы предположили худшее, а не лучшее, чтобы мы немедленно напрягли всѣ свои усилія для быстраго тушенія показавшагося пламени, рискуя даже тѣмъ, что, можетъ-быть, впослѣдствіи окажется, что мы, какъ говорится, погнались за мухой съ обухомъ. Этотъ рискъ во всякомъ случаѣ совершенно ничтоженъ сравнительно съ другимъ, болѣе страшнымъ рискомъ,—который, однако, столь же вѣроятенъ, какъ и первый—съ рискомъ оказаться не въ силахъ быстро потушить китайскій пожаръ и быть вынужденными принести для борьбы съ нимъ несравненно большія жертвы, чѣмъ если бы мы съ самаго начала не пощадили своихъ силъ, для того, чтобы сразу справиться съ его силой. Намъ не далеко ходить за примѣрами, подтверждающими справедливость такого соображенія. Если бы мы предъ началомъ послѣдней Турецкой войны преувеличили ея значеніе, она вызвала бы съ нашей стороны менѣе тяжкія матеріальныя и нравственныя жертвы, чѣмъ мы ихъ должны были въ концѣ концовъ принести вслѣдствіе того, что

предварительная наша оцѣнка необходимой для этой войны энергія была слишкомъ низка.

Значитъ ли это, что мы должны немедленно сгоряча объявить войну Китайскому правительству, возвратить паспорты китайскому посольству въ Петербургѣ и очертя голову рвануться впереди всѣхъ союзниковъ, или даже безъ союзниковъ, въ Пекинъ?

Нисколько. «Объявлять войну» совершенно излишне, когда война уже давно ведется. Объявлять ее «Китайскому правительству» невозможно, такъ какъ мы не знаемъ, кто составляетъ это правительство и гдѣ оно находится. Возвращать паспорты китайскому посольству нѣтъ никакой надобности, такъ какъ оно должно находиться у насъ подъ рукой, въ виду тѣхъ или иныхъ непредвидѣнныхъ осложненій китайскаго вопроса, хотя бы для переговоровъ съ тѣмъ или другимъ Китайскимъ правительствомъ, когда таковое гдѣ-нибудь объявится и приметъ отвѣтственность за то, что̀ дѣлается въ Китаѣ. Идти же намъ на проломъ изъ Тяньцзина въ Пекинъ, вѣроятно, было бы при настоящихъ обстоятельствахъ стратегической ошибкой, которая скорѣе повредитъ, нежели поможетъ дѣлу.

Выбрать наилучшій путь къ торжеству порядка въ Китаѣ принадлежитъ пока нашему военному вѣдомству, а впослѣдствіи нашей дипломатіи, которыя, конечно, ничего «очертя голову» дѣлать не станутъ. Да къ тому же, если вся сила русской мощи проявитъ себя хотя бы на одномъ Амурѣ, она окажетъ незамѣнимую услугу не только Россіи, но и всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ, интересы которыхъ нарушены китайскими безпорядками.

Гдѣ бы Россія ни дѣйствовала, на одной ли Сибирской границѣ, или въ Манчжуріи, или въ Печили,—это безразлично; но важно, чтобъ она дѣйствовала, и чтобъ этому дѣйствію всѣми силами своего духа сочувствовало Русское общество, *съ увлеченіемъ* жертвуя всѣмъ, чего отъ него потребуетъ патріотическій долгъ, и *безъ колебанія* неся всѣ тягости, возлагаемыя на него этимъ долгомъ.

Наши квіетисты.

Петербургъ есть прежде всего городъ чиновничьей умѣренности и аккуратности. Онъ врагъ всякихъ «увлеченій», хотя бы эти увлеченія вызывались чувствомъ долга и патріотизмомъ. Поэтому легко понять, какъ одобрительно отнесся Петербургъ къ государственной мудрости, проповѣдуемой по поводу китайской войны любимѣйшею его газетой. Вотъ эта мудрость, сущности которой мы на дняхъ уже коснулись:

«Въ нынѣшнюю минуту не должно быть увлеченій, не можетъ быть увлеченій. Насъ усиленно приглашаютъ на Дальній Востокъ, возглашая о цивилизаціи, о нашемъ престижѣ, расхваливая геройство Русскаго солдата. Но цивилизація Европы—биржа, престижу нашему не китайская орда—судія, а геройство Русскаго солдата—доблесть великого сердца. Россія гордится ею, Россія вѣритъ въ нее, но не будемъ же и расточать эту великую силу въ пространствахъ Китая и сохранимъ ее для лучшихъ назначеній...»

Въ этой тирадѣ есть все, что̀ Петербургу особенно мило и дорого: протестъ противъ всякой живой инціативы и энергіи; легкомысленно-поверх-

ностное сужденіе о вопросахъ міровой важности; а главное — «корректный» лоскъ безсодержательныхъ фразъ. Неудивительно, поэтому, что подобная легонькая «историко-философская» точка зрѣнія пользуется особымъ сочувствіемъ на берегахъ Невы, и что приведенныя выше безсмысленные афоризмы съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяются и варіируются на всѣ лады въ специфически-петербургскихъ сферахъ.

«Насъ усиленно приглашаютъ на Дальній Востокъ, вотъ поэтому то мы туда и не должны идти», разсуждаетъ истый Петербуржецъ съ тонкою, хитрою улыбкой, считая себя чуть не Талейраномъ, но забывая, что мы безо всякаго приглашенія давнымъ-давно на Дальнемъ Востокѣ находимся, что у насъ тамъ есть свои кровные русскіе интересы, которымъ грозитъ величайшая опасность, и что если мы теперь «не пойдемъ» на Дальній Востокъ для защиты этихъ интересовъ, и притомъ защиты быстрой, энергичной и всесторонней, то обаяніе и значеніе Россіи потерпятъ тяжкій уронъ, и не на одномъ только Дальнемъ Востокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы равнодушно относиться къ тому, что въ Петербургѣ чуть не иронически называютъ нашимъ «престижемъ», прибавляя, что «нашему престижу не китайская орда—судія». Это очень типичная по своей легкомысленности петербургская фраза. Если мы равнодушно отнесемся къ гибели нашего посольства, нашихъ православныхъ миссій, къ сожженію нашихъ храмовъ, къ уничтоженію нашей торговли и нашихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій и къ звѣрскому избіенію всѣхъ нашихъ соотечественниковъ въ Китаѣ, если мы подъ пулями и ядрами китайскихъ войскъ уйдемъ изъ Китая («вѣдь ушли же мы въ 1886 году изъ Болгаріи,—кажется, отступленіе было полное», убѣдительно доказываютъ петербургскіе газетные историки), если мы сохранимъ дряблое безстрастіе даже въ то время, когда Китайцы уничтожатъ наше пароходство по Амуру и перейдутъ на лѣвый его берегъ,—то отъ этого, видите ли, нашъ престижъ можетъ пострадать *только* въ глазахъ «китайской орды», а «она—ему не судія»! Петербургскіе фразеры не понимаютъ, что подобное отступленіе покрыло бы Россію позоромъ передъ всѣмъ міромъ! Неужели это еще нужно доказывать, неужели нужно еще останавливаться на перечисленіи всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя обрушились бы на Россію, если бы она не оказалась на высотѣ своего долга? При одной мысли объ этомъ возмущается русское чувство, утѣшая себя упованіемъ, что Россія до такого положенія никогда не дойдетъ, такъ какъ Русское Правительство руководится русскими, а не петербургскими соображеніями.

«Россія не должна вытаскивать каштаны для Европы». Вотъ фраза, которая повторяется въ Петербургѣ на всѣ лады, такъ какъ она содержитъ въ себѣ всѣ перечисленные выше элементы петербургской «философіи». Если бы Петербургъ существовалъ во время Татарскаго нашествія, то онъ тоже доказывалъ бы, что нужно съ полною корректностью подчиняться Тамерланамъ и Мамаямъ и позволить имъ идти черезъ наши головы въ Западную Европу, которой де мы вовсе не обязаны вытаскивать каштаны изъ огня. Петербургъ не понялъ бы тогда, какъ не понимаетъ и теперь, что Россія, борясь съ восточными изувѣрами, всегда борется *за себя*, за свою вѣру, за свой народъ, а что она въ этой борьбѣ является вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ и для Западной Европы, то это прежде всего зависитъ отъ ея географическаго положенія; а затѣмъ отъ того, что она обще-христіанскую культуру весьма естественно считаетъ для себя болѣе близкою, чѣмъ культуру языческую.

Но и этого петербургскіе «философы» не понимаютъ. «Какъ можетъ Россія бороться за европейскую культуру, говорятъ они, когда вся европейская культура состоитъ только въ биржѣ». Это не правда. Европейская культура состоитъ прежде всего въ христіанствѣ, въ порожденномъ имъ гуманномъ просвѣщеніи, въ возрожденномъ имъ древне-европейскомъ искусствѣ, въ развернувшейся подъ ея сѣнью наукѣ. Вотъ тѣ сокровища, за которыя вся Европа, а слѣдовательно и Россія, должны бороться, защищая ихъ отъ восточнаго язычества. Конечно, во всякомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ недостатки. Не всѣ христіане заслуживаютъ этого имени, и рядомъ съ великою идеальною Европой существуетъ и Европа низменная, матеріалистическая. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Россія вмѣстѣ съ восточными язычниками должна ополчиться противъ всей европейской культуры, потому только, что среди Европейцевъ есть и ложные христіане, а рядомъ съ сокровищами европейской науки и искусствъ существуютъ и биржи? А соблюдать «нейтралитетъ» относительно китайскихъ изувѣровъ, ополчившихся на христіанъ, значило бы поощрять ихъ къ творимымъ ими звѣрствамъ, значило бы нравственно участвовать въ этихъ звѣрствахъ.

О нашемъ «нейтралитетѣ» можно было бы еще говорить, если бы китайскія войска сами отличали насъ отъ Европейцевъ, если бъ они сами, напримѣръ, догадались выпустить изъ Пекина наше посольство и относились къ нашимъ интересамъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ интересамъ другихъ европейскихъ державъ. А между тѣмъ оказывается, что всего болѣе отъ китайскаго «мятежа» пострадала именно Россія, какъ въ Манчжуріи, такъ и на Амурѣ, такъ что мысль о томъ, чтобъ она относилась съ нейтральнымъ спокойствіемъ къ борьбѣ Китая съ Европой, такъ какъ де эта борьба ея, Россіи, вовсе не касается,—такая мысль могла зародиться и найти себѣ сочувствіе только въ спеціально-петербургскихъ сферахъ.

Особенно типично и приведенное выше разсужденіе о геройствѣ Русскаго солдата, которое де есть «доблесть великаго сердца», и которое мы не должны «расточать въ пространствахъ Китая», дабы «сохранить его для лучшихъ назначеній». Но какое же можетъ быть лучшее назначеніе геройства Русскаго солдата, какъ не настоящая доблестная защита Православной Вѣры русскихъ православныхъ братьевъ, чести русскаго имени, цѣлости и славы родного отечества? За эти сокровища Русскій солдатъ всегда долженъ стать и станетъ грудью всюду, гдѣ бы они ни подверглись опасности, хотя бы и въ столь страшныхъ для Петербурга «пространствахъ Китая»...

Возмездіе или обезвреженіе?

Кто повѣрилъ бы, что, въ виду творимыхъ въ Китаѣ ужасовъ, въ настоящее время въ Россіи могутъ находиться Русскіе люди, относящіеся съ особою нѣжностью и состраданіемъ къ Китайцамъ и безпокоящіеся не за участь несчастныхъ жертвъ китайскихъ изувѣровъ, а за участь самихъ этихъ кровожадныхъ извергов? А ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, Европейцамъ удастся высвободиться изъ хищныхъ лапъ китайскихъ фанатиковъ? Что́ тогда будетъ съ Китайцами? Вѣдь, пожалуй, Европейцы, изъ чувства мести, захотятъ покарать

этихъ несчастныхъ, столь симпатичныхъ, миролюбивыхъ людей! Боже сохрани! Велика важность, что они, изъ ненависти къ Европейцамъ, разграбили и перерѣзали ихъ! На то они имѣли полное право, какъ представители высшей, болѣе давней культуры; имъ позволительно имѣть чувства ненависти и мести и выражать эти чувства въ самой чувствительной для Европейцевъ формѣ. Но Европейцы не имѣютъ права питать такихъ чувствъ къ Китайцамъ, такъ какъ де Европейцы стоятъ гораздо ниже Китайцевъ по своей культурѣ, которая не основана на священныхъ принципахъ буддизма. А потому, если Европейцамъ, а въ томъ числѣ и Русскимъ, удастся въ настоящей борьбѣ одолѣть несчастныхъ Китайцевъ, то они на нихъ никакого возмездія налагать не должны, а то бѣдные Китайцы очень озлобятся и, собравшись съ силами и снабдивъ свои милліонныя полчища еще новымъ, болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ, не только окончательно перерѣжутъ всѣхъ Европейцевъ, но и уничтожатъ всю Европу. Страшись Европа, и не трогай Китайцевъ! Если они васъ рѣжутъ, то благодарите ихъ за то, что они васъ не жгутъ, а если они васъ жгутъ, то негодуйте на самихъ себя, такъ какъ вы привели въ такое изступленіе людей, которые, по законамъ Будды, не осмѣлятся убить и мухи. Вообще, вы, Европейцы, а въ томъ числѣ и Русскіе, должны всегда считать себя глубоко виноватыми предъ Китайцами, вы всегда должны предъ ними отступать: тогда они, изъ великодушія, можетъ-быть, васъ и помилуютъ. Но если вы осмѣлитесь подумать о какомъ-либо возмездіи за настоящія, заслуженныя вами же, звѣрства, они вамъ жестоко отомстятъ.

А потому *мы* должны бояться Китайцевъ, они же насъ бояться не должны.

Такова теорія нашихъ китаефиловъ.

Но этой ли теоріи слѣдовать? Русская ли это теорія? Нѣтъ, наша русская теорія иная. Вотъ она.

Ни о какомъ «возмездіи» мы не думаемъ, никакой «жаждой мести» мы не дышемъ, такъ какъ мы не язычники, а православные христіане, Русскіе, а не Китайцы. Нашихъ братьевъ рѣжутъ, грабятъ и жгутъ въ Китаѣ, и нашъ долгъ идти имъ на выручку, и если Китайцы намъ противопоставляютъ силу оружія, мы силой же оружія должны одолѣть ихъ, не щадя своей жизни, своихъ средствъ, до тѣхъ поръ, пока братья наши будутъ въ безопасности. Это нашъ первый долгъ.

А затѣмъ наступитъ для насъ новая задача, исполненіе второго нашего долга.

Мы должны будемъ принять рѣшительныя мѣры, которыя не на одинъ годъ, не на десять лѣтъ, а навсегда устранили бы всякую возможность какой бы то ни было «законной мести» Китайцевъ.

Если мы дикаго звѣря сажаемъ въ желѣзную клѣтку, если мы преступнаго фанатика заключаемъ въ смирительный домъ, то мы это дѣлаемъ не изъ чувства «мести», а изъ законнаго чувства самосохраненія, изъ естественнаго желанія жить въ мирѣ и покоѣ и не подвергаться постоянной опасности стать жертвой чьей-то дикой мстительности. Принимая мѣры предосторожности противъ такихъ дикихъ, мстительныхъ существъ, мы имъ *не мстимъ*: мы ихъ только *обезвреживаемъ*.

А потому мы вовсе и не думаемъ о какомъ-либо «возмездіи» Китаю. Но мы вынуждены, ради собственной безопасности, найти средства обезвредить его. Онъ оказался столь опаснымъ намъ своимъ сильнымъ европейскимъ во-

оружіемъ; нужно разъ навсегда обезоружить его. Онъ долженъ быть лишенъ права не только ввозить оружіе изъ иностранныхъ государствъ, но и имѣть оружейные заводы на собственной территоріи.

Намъ скажутъ: нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, которое находилось бы въ такомъ безоружномъ положеніи. Да, это правда; но вѣдь, нѣтъ и другаго государства въ мірѣ, въ которомъ творилось бы то, что̀ происходитъ въ Китаѣ.

Китай со всею своею древнею культурой пришелъ въ старчество, дошедшее до младенчества. Это большой старый ребенокъ, получившій въ свои руки усовершенствованное огнестрѣльное оружіе и начавшій изъ него стрѣлять во всѣхъ, кто ему не нравится, не признавая ни божескихъ, ни человѣческихъ правъ. Что слѣдуетъ сдѣлать съ этимъ ребенкомъ, какъ не отобрать у него оружіе?

Да (скажутъ китаефилы), но послѣ этого ему со всѣхъ сторонъ будутъ угрожать вооруженные сосѣди!

Конечно; но это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ если онъ постоянно будетъ угрожать своимъ сосѣдямъ и, прежде всего, Россіи.

Китай намъ не опасенъ своимъ 400 милліоннымъ населеніемъ; онъ опасенъ тѣмъ, что можетъ поставить это населеніе на военную ногу и вооружить его новѣйшимъ смертоноснымъ оружіемъ. Зачѣмъ же намъ вѣчно жить подъ этою опасностью? Теперь намъ сравнительно легко одолѣть Китайцевъ. Не то будетъ чрезъ 10 или 20 лѣтъ.

Правда, наивные люди думаютъ, что если мы, послѣ нашей побѣды, «пощадимъ» Китайцевъ, они намъ вѣчно будутъ благодарны. Да, но такъ могутъ разсуждать только наивныя дѣти. Китайцы намъ никогда не простятъ нашей побѣды и, все равно, пощадимъ ли мы ихъ, или нѣтъ, постоянно будутъ точить на насъ свои зубы. А потому мы должны, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, вырвать эти зубы и навсегда *обезвредить* Китай.

Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Разоруженіе Китая.

Быть-можетъ, теперь еще рано говорить о будущей судьбѣ Китая, такъ какъ державы пока не въ состояніи предписывать ему законы, однако, мы уже заранѣе должны имѣть въ виду опредѣленный планъ дѣйствій, съ которымъ намъ придется выступить, когда намъ удастся возстановить порядокъ на Дальнемъ Востокѣ. Вѣдь если наши китаефилы уже поднимаютъ свой голосъ, прося пощады «несчастнымъ» Китайцамъ, когда эти «несчастные» рѣжутъ и грабятъ мирныхъ русскихъ жителей и бомбардируютъ русскіе города, то почему же и намъ не заняться уже вопросомъ, насколько эти «несчастные» будутъ нуждаться въ той «пощадѣ», которая имъ совершенно незнакома по отношенію къ ихъ жертвамъ?

Мы уже говорили, что послѣ возстановленія порядка въ Китаѣ у насъ не можетъ быть вопроса ни о «мести», ни о «пощадѣ», а единственно только объ обезпеченіи нашей собственной безопасности.

Достичь этой безопасности мы можемъ только разоруженіемъ Китая.

Мы до сихъ поръ жили въ полномъ мирѣ съ нашимъ восточнымъ сосѣдомъ, неоднократно оказывали ему немаловажныя услуги и спасли его отъ гибели въ послѣднюю Японскую войну. Мы надѣялись, что вслѣдствіе этого мы можемъ разсчитывать на его вѣчную благодарность и искреннюю дружбу, и потому оставляли почти совсѣмъ открытою всю нашу общую съ нимъ восточную границу.

Въ этой надеждѣ мы жестоко ошиблись. Благодарность и дружба Китайцевъ оказались лишь ширмами, за которыми они въ теченіе послѣднихъ лѣтъ готовились къ нападенію на насъ. Теперь эти ширмы пали, наши мнимые друзья сняли съ себя личину и показали себя въ своемъ истинномъ изувѣрскомъ видѣ, не дѣлая, въ своей сильной ненависти къ иностранцамъ, никакого различія между Русскими, Японцами и Европейцами.

Теперь мы знаемъ, что такое китайская «дружба», и во второй разъ въ обманъ себя уже не дадимъ. Не «пощада», которую мы должны будто бы оказать Китайцамъ, спасетъ насъ отъ новаго проявленія ихъ фанатизма, какъ не спасло насъ отъ него все добро, которое мы имъ до сихъ поръ оказывали,— насъ спасетъ лишь глубокое сознаніе Китайцевъ, что они слабѣе насъ, что они *не могутъ* подняться противъ насъ.

Но какъ же внушить имъ это сознаніе? Неужели мы должны держать на нашей восточной границѣ такое колоссальное войско, которое всегда превосходило бы численностью и вооруженіемъ китайскія военныя силы? Но это для насъ прямо невозможно. Если Германія съ трудомъ выдерживаетъ необходимость быть вооруженною на два фронта, хотя оба фронта сравнительно такъ близки другъ отъ друга, и обѣ границы, какъ восточная, такъ и западная, имѣютъ протяженіе лишь по нѣскольку сотъ верстъ,—то каково было бы Россіи стоять вооруженною на два фронта, имѣя предъ собою на одномъ восточномъ фронтѣ границу въ нѣсколько тысячъ верстъ, а за нею вооруженное государство въ нѣсколько сотъ милліоновъ фанатическихъ язычниковъ, для которыхъ не писаны никакіе обще-человѣческіе и международные законы!

Разъ мы на дружбу вооруженнаго Китая ни при какихъ условіяхъ разсчитывать не можемъ, разъ мы не можемъ держать на Восточной нашей границѣ военную силу, превосходящую силы вооруженнаго Китая, то намъ остается только воспользоваться предстоящимъ удобнымъ моментомъ для полнаго разоруженія Китая.

Въ настоящее время на всемъ Западѣ раздаются сѣтованія на близорукость Европы, снабжавшей Китай своимъ усовершенствованнымъ оружіемъ, которое теперь Китайцы обратили противъ самихъ же Европейцевъ. Но если *до* настоящей войны ошибка Европы находила себѣ извиненіе именно въ ея близорукости, то повтореніе этой ошибки *послѣ* теперешнихъ китайскихъ ужасовъ было бы непростительнымъ безуміемъ и даже прямымъ преступленіемъ противъ обще-человѣческой культуры. Европейскія державы непремѣнно должны, съ общаго согласія, препятствовать ввозу въ Китай какихъ бы то ни было военныхъ матеріаловъ, припасовъ и принадлежностей, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что даже Англія должна будетъ согласиться на эту мѣру, если ея настойчиво потребуетъ европейскій ареопагъ. Торгашескіе интересы должны будутъ уступить интересамъ высшаго порядка.

Но этого мало. Уже и теперь въ самомъ Китаѣ основаны заводы, изго-

товляющіе для китайской арміи усовершенствованное вооруженіе; уже теперь Китайцы возводятъ укрѣпленія по всѣмъ правиламъ новѣйшаго военнаго искусства; уже теперь они имѣютъ военный флотъ, силы котораго они еще приберегаютъ для окончательной борьбы съ Европой.

Всему этому необходимо положить конецъ. Пока состояніе китайской культуры таково, что въ Китаѣ возможны проявленія такого дикаго варварства, которое нынѣ приводитъ въ ужасъ весь цивилизованный міръ, Китай вооруженною державой быть не можетъ. Его нужно взять какъ младенца, или какъ старца, или какъ безумца, подъ строгую опеку, не только для безопасности его сосѣдей, но и для собственнаго его благополучія.

Но какъ же это такъ,—восклицаютъ наши китайскіе патріоты,—вѣдь съ Китаемъ нельзя такъ обращаться, какъ въ варварскимъ государствомъ, вѣдь китайской культурѣ 8.000 лѣтъ!

Китайская культура? Поговоримъ и объ этой культурѣ.

Китайская культура.

Мы вчера указали на одинъ изъ главныхъ аргументовъ нашихъ китаефиловъ въ пользу неприкосновенности защищаемыхъ ими Китайцевъ.

Мы должны, видите ли, относиться къ Китайцамъ съ глубокимъ уваженіемъ, не только изъ страха предъ ихъ будущею местью, но и изъ благоговѣнія предъ ихъ культурой, которая отличается такою древностью, что христіанская культура и въ сравненіе съ нею идти не можетъ. Китай былъ де цивилизованнымъ государствомъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х., когда мы были еще варварами, такъ какое же мы теперь имѣемъ право въ чемъ-либо стѣснять Китайцевъ? Если имъ угодно насъ грабить, рѣзать и жечь, если они, по своему усмотрѣнію, превращаютъ пословъ иностранныхъ державъ въ заложниковъ, вопреки самымъ элементарнымъ законамъ международнаго права, если они офиціально обманываютъ насъ, цинически лгутъ намъ, чтобы прикрыть свои неслыханныя изувѣрства, то они на это имѣютъ право, потому что ихъ культура старше нашей, и мы должны покорно предъ ними преклоняться. Вотъ если бы мы имѣли дѣло съ народомъ европейской культуры,—о! тогда, конечно, другое дѣло, мы должны были бы строго покарать подобныя звѣрства. Но коль скоро эти звѣрства творятся представителями китайской культуры, они для насъ должны быть святы и неприкосновенны.

Сколько безграничной наивности лежитъ въ такомъ подобострастіи предъ китайскою культурой, какое непониманіе историческихъ законовъ человѣчества!

Неужели цѣнность культуры какого-либо народа измѣряется ея древностію? Развѣ мы не видимъ въ исторіи на каждомъ шагу смѣны древнихъ культуръ новыми, болѣе цѣнными и жизнеспособными, болѣе энергичными и плодотворными? Развѣ народы, подобно индивидуумамъ, не растутъ, не мужаютъ, не старѣютъ и не дряхлѣютъ? Древняя египетская и месопотамская культуры не уступали въ древности культурѣ Китайцевъ, а вѣроятно и превосходили ее на цѣлыя тысячелѣтія; однако, и та, и другая культура, достигнувъ своего апогея, омертвѣла и должна была уступить болѣе юнымъ, болѣе цвѣтущимъ культурамъ финикійской и эллинской. На смѣну послѣднимъ явилась новая,

болѣе энергичная и жизнеспособная культура римская, которая, однако, достигнувъ полнаго разцвѣта, тоже стала увядать, умирать и была устранена культурой христіанскою. Эта смѣна культуръ является естественнымъ закономъ природы, и противъ него человѣческая воля такъ же безсильна, какъ противъ смерти отдѣльныхъ живыхъ организмовъ. Каждая культура живетъ, пока она жизнеспособна, и пока она не встрѣтится съ болѣе юною, болѣе жизнеспособною, которой и уступаетъ свое мѣсто.

Китайцамъ посчастливилось прожить несравненно дольше, чѣмъ другимъ древнимъ народамъ, вслѣдствіе совершенно исключительнаго географическаго положенія занимаемаго ихъ отечествомъ. Они жили цѣлыя тысячелѣтія почти въ полной обособленности, не встрѣчая въ своихъ сосѣдяхъ какихъ-либо новыхъ культурныхъ соперниковъ, которые замѣнили бы своею юною, болѣе плодотворною культурой разцвѣтшую, а затѣмъ отживавшую и, наконецъ, отжившую китайскую культуру. А она отжила уже давно. Весь Китай живетъ своимъ прошлымъ. Разцвѣтъ китайской литературы и философіи относится къ отдаленнымъ временамъ, и съ тѣхъ поръ не повторялся. Всѣ знаменитыя китайскія «изобрѣтенія», принадлежащія къ эпохѣ разцвѣта китайской культуры, остались въ первобытномъ состояніи и затѣмъ зачахли, замерли, или превратились въ бездушный шаблонъ, не прогрессируя, не развиваясь, не порождая все новыя и новыя открытія, какъ мы это видимъ въ культурѣ европейской. Все указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно давно умершею культурой, которая не похоронена лишь потому, что она никому не мѣшала, никому не вредила, хотя никому и пользы не приносила. Въ непрерывную исторію развитія человѣчества принесли свою значительную лепту и Египтяне, и Ассирійцы, не говоря уже о Грекахъ и Римлянахъ; Китайцы всегда жили такъ обособленно отъ другихъ культурныхъ народовъ, что вся ихъ культура, какъ бы высока она ни была, могла бы совершенно отсутствовать: общее развитіе человѣчества отъ этого едвали въ чемъ измѣнилось бы.

Но съ тѣхъ поръ, какъ на сѣверѣ Китая появилась Россія, на западѣ, за моремъ—Соединенные Штаты и Англія, на югѣ—другіе европейскіе народы, Китайская культура впервые встрѣтила соперниковъ, съ которыми ей приходится мѣриться своими тысячелѣтними дряхлыми силами. Предстояла мирная культурная борьба, на мирной культурной почвѣ. И что же мы видимъ? Вся хваленая китайская культура рухнула, какъ подгнившее дерево, какъ истлѣвшая декорація, изъ-за которой появился дикій звѣрь съ такими же кровожадными инстинктами, съ такою же безстыдною лукавою хитростью, какъ послѣдній дикарь Африки или Австраліи!

Вотъ она, китайская культура, предъ которою мы будто бы должны такъ низко преклоняться!

Значитъ ли это, что мы должны уничтожить китайскую культуру? Нисколько. Если Китайцы преданы своей старинѣ, свято хранятъ свои мирные, во многомъ даже симпатичные, обычаи, мы имъ въ этомъ мѣшать не должны. Но если они сами своимъ звѣрствомъ и подлымъ лукавствомъ отрекаются отъ своей культуры, то мы не можемъ считать ихъ неприкосновенными во имя этой самой, отвергаемой ими, давно уже отжившей, культуры. Мы должны руководиться исключительно интересами нашей, *христіанской*, культуры и всѣми мѣрами ограждать ее отъ посягновеній на нее восточнаго язычества.

А достигнуть этого мы можемъ только разоруженіемъ Китая.

Міровое значеніе китайскаго вопроса.

Мы печатаемъ статью о Китайскомъ вопросѣ Вл. С. Соловьева, написанную имъ незадолго до его кончины (см. *Моск. Вѣд.* 1900 г., № 246).

Какъ глубокій мыслитель, покойный философъ не могъ относиться къ этому вопросу съ тѣмъ поверхностнымъ легкомысліемъ, съ какимъ къ нему отнеслась и до сихъ поръ относится почти вся русская печать, не предвидѣвшая всей важности Китайскаго кризиса, не понимавшая его сущности и считающая его нынѣ почти уже законченнымъ, когда онъ только что начинаетъ проявляться во всемъ своемъ міровомъ значеніи.

Для мелкихъ людей все мелко, мелочно и ничтожно; они могутъ охватить своимъ умомъ лишь внѣшнюю форму отдѣльнаго событія, понять же его внутреннее значеніе и опредѣлить то мѣсто, которое оно занимаетъ среди другихъ событій на общемъ фонѣ міровой исторіи — это выше ихъ силъ, а потому и никакого интереса имъ не представляетъ. Философія исторіи для нихъ —совершенно невѣдомая область, которая ихъ къ тому же смущаетъ своими грандіозными перспективами, а потому они ограничиваются поверхностнымъ обсужденіемъ послѣдней телеграммы, пришедшей съ Дальняго Востока, не заглядывая въ сущность той великой эволюціи, которую нынѣ Дальній Востокъ переживаетъ.

Вл. С. Соловьевъ, подобно другимъ дальновиднымъ философамъ всемірной исторіи, давно уже предвидѣлъ и предсказалъ эту эволюцію, въ которой онъ чуялъ первые признаки грядущаго «панмонголизма»; да, впрочемъ, не видѣть этихъ признаковъ нельзя было сколько-нибудь серіозному и мыслящему человѣку,—до такой степени они были ясны и убѣдительны. Но, къ сожалѣнію, большинство тѣхъ людей, которые вліяютъ на наше общественное мнѣніе, ни серіозностью, ни вдумчивостью, не отличается.

Первыя вѣсти о страшныхъ событіяхъ въ Китаѣ оставили этихъ людей равнодушными, такъ какъ они были увѣрены, что событія эти носятъ лишь случайный, преходящій характеръ и уже, конечно, никакого отношенія къ Россіи не имѣютъ. О томъ, что эти событія знаменуютъ собою начало новой исторической эры,—объ этомъ никто изъ этихъ господъ и не думалъ, да до сихъ поръ и не думаетъ. Они убѣждены, что съ настоящимъ китайскимъ кризисомъ можно «какъ-нибудь» покончить, и что затѣмъ Китай тотчасъ снова погрузится въ свой многовѣковой сонъ.

Но въ томъ-то и заключается новая эра міровой исторіи, что Китай окончательно проснулся и сталъ, какъ непримиримый врагъ, лицомъ къ лицу ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Однихъ онъ боится, другихъ презираетъ, но всѣхъ одинаково ненавидитъ. На историческую арену выступили для единоборства монгольская и христіанская культура, Европа и Азія, и единоборство это, очевидно, продолжится не годъ, не два, а съ бо́льшими или меньшими перерывами цѣлые десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ.

Кто останется побѣдителемъ въ этой міровой борьбѣ? Какъ слѣдуетъ обезпечить себѣ окончательную въ ней побѣду? Когда наступитъ рѣшительный моментъ этого великаго кризиса? Чѣмъ ознаменуется торжество той или другой стороны?—Вотъ вопросы, достойные серіознаго обсужденія.

Но не ждите, чтобъ эти вопросы интересовали нашихъ петербургскихъ

публицистовъ, такъ какъ они увѣрены, что какъ только иностранные послы столкуются съ Ли-Хунъ-Чаномъ, Китайскій вопросъ благополучно сойдетъ со сцены, и можно будетъ заняться другими «злободневными» темами.

Грядущія событія обнаружатъ всю мелочность этихъ близорукихъ людей; они препаивно удивились бомбардировкѣ Благовѣщенска и еще болѣе удивились тому, что такъ тщательно былъ подготовленъ китайскій походъ противъ Россіи на Манчжурской границѣ. Они, несомнѣнно, удивятся съ такою же наивностью еще многому другому, пока, наконецъ, не убѣдятся въ томъ, въ чемъ Вл. С. Соловьевъ и другіе серіозные мыслители давно уже были убѣждены— въ зарождающемся міровомъ христіанско-монгольскомъ кризисѣ.

Кризисъ этотъ предугаданъ и предсказанъ былъ Соловьевымъ съ неопровержимою логическою точностью.

Въ одномъ лишь отношеніи нельзя согласиться съ мнѣніемъ преждевременно-почившаго философа.

Въ концѣ своей статьи онъ приводитъ сужденіе своего отца, покойнаго историка С. М. Соловьева, о томъ, что «исторія человѣчества пришла къ концу», на томъ де основаніи, что на смѣну Грекамъ пришли Римляне, на смѣну Римлянъ пришли Германцы и Славяне, на смѣну которымъ уже некому придти.

Такого пессимистическаго взгляда держался и Вл. С. Соловьевъ.

Но если дѣйствительно на смѣну Римлянамъ пришли Германцы и сказали свое великое слово въ исторіи человѣчества, то Славяне, олицетворенные въ Россіи, своего слова еще не сказали. Русская эра въ исторіи человѣчества еще не наступила.

Она наступитъ лишь тогда, когда Россія, въ полномъ сознаніи своей міровой миссіи, выйдетъ побѣдительницей изъ той великой борьбы, въ которой нынѣ начинаютъ сталкиваться христіанскій Западъ съ языческимъ Востокомъ...

Міровое призваніе Россіи.

Мы вчера высказались противъ того пессимизма, съ которымъ Вл. С. Соловьевъ, незадолго предъ своею кончиной, взиралъ на предстоящую борьбу христіанскаго Запада съ языческимъ Востокомъ, такъ какъ онъ считалъ эту борьбу «концомъ всемірной исторіи».

Ту же самую мрачную мысль онъ высказывалъ, уже на смертномъ одрѣ, кн. С. Н. Трубецкому, но тутъ же присоединилъ къ ней соображенія, достойныя серьезнаго вниманія.

Князь Трубецкой разсказываетъ въ послѣдней книжкѣ *Вѣстника Европы*, какъ онъ спросилъ больного Соловьева объ его личномъ отношеніи къ наступившимъ уже китайскимъ событіямъ, а затѣмъ передаетъ отвѣтъ покойнаго философа и дальнѣйшій ходъ ихъ разговора:

«Я говорю объ этомъ (отношеніи къ китайскимъ событіямъ) въ моемъ письмѣ въ редакцію *Вѣстника Европы*, — отвѣчалъ Владиміръ Сергѣевичъ.

Это—крикъ моего сердца. Мое отношеніе такое, что все кончено; та магистраль всеобщей исторіи, которая дѣлилась на древнюю, среднюю и новую, пришла къ концу... Профессора всеобщей исторіи упраздняются... ихъ предметъ теряетъ свое жизненное значеніе для настоящаго; о войнѣ алой и бѣлой розъ больше говорить нельзя будетъ. Кончено все!.. И съ какимъ нравственнымъ багажемъ идутъ европейскіе народы на борьбу съ Китаемъ!.. Христіанства нѣтъ, идей не больше, чѣмъ въ эпоху Троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идутъ!

«И мы говорили объ убожествѣ европейской дипломатіи, проглядѣвшей надвигавшуюся опасность, о ея мелкихъ алчныхъ разсчетахъ, о ея неспособности обнять великую проблему, которая ей ставится, и разрѣшить ее раздѣломъ Китая. Мы говорили о томъ, какъ у насъ иные все еще мечтаютъ о союзѣ съ Китаемъ противъ Англичанъ, а у Англичанъ о союзѣ съ Японцами противъ насъ. Владиміръ Сергѣевичъ прочиталъ мнѣ свое послѣднее стихотвореніе, написанное по поводу рѣчи императора Вильгельма къ войскамъ, отправлявшимся на Дальній Востокъ. Онъ привѣтствуетъ эту рѣчь, на которую обрушились и русскія, и даже нѣмецкія газеты; онъ видитъ въ ней рѣчь крестоносца, «потомка меченосца рати», который «передъ пастію дракона» понялъ, что «крестъ и мечъ—одно». Затѣмъ рѣчь снова вернулась къ намъ, и Владиміръ Сергѣевичъ высказалъ ту мысль, которую онъ проводилъ еще десять лѣтъ тому назадъ въ своей статьѣ «Китай и Европа»,—что нельзя бороться съ Китаемъ, не преодолѣвъ у себя внутренней китайщины».

Послѣднія слова Соловьева вызовутъ, конечно, серьезнаго читателя на глубокое размышленіе.

Что такое, прежде всего, та «внутренняя китайщина», которую мы должны прежде всего преодолѣть у себя для того, чтобы успѣшно бороться съ Китаемъ?

«Либеральные» друзья Вл. С. Соловьева несомнѣнно тотчасъ же готовы будутъ растолковать намъ, что наша «внутренняя китайщина» заключается въ нашей «клерикальности» и въ отсутствіи у насъ «конституціи». Они будутъ отстаивать эту нелѣпость, хотя отлично знаютъ, что покойный философъ всю жизнь свою защищалъ именно религіозныя и монархическія начала въ современномъ человѣчествѣ. Но наши «либералы» этимъ смущаться не станутъ, и мы заранѣе увѣрены, что они воспользуются «внутреннею китайщиной», какъ эффектнымъ боевымъ терминомъ, какъ удобнымъ Schlagwort для своихъ пошленькихъ партійныхъ цѣлей, бывшихъ столь антипатичными такому глубокому мистическому мыслителю, какимъ былъ Соловьевъ.

То, что онъ подразумѣвалъ подъ «внутреннею китайщиной», мы отчасти видимъ изъ словъ кн. Трубецкаго, который, говоря о томъ злѣ, противъ котораго Соловьевъ боролся, называетъ, рядомъ со «внутреннимъ китаизмомъ», *надвигающееся одичаніе* и *обскурантизмъ*.

Надвигающееся и уже награнувшее на Россію съ Запада одичаніе, въ видѣ грубаго матеріализма и соціализма, грозящихъ разрушить высшіе идеалы религіи, науки и искусства и погрузить насъ въ мракъ невѣжественнаго обскурантизма,—вотъ тѣ *внутренніе* враги, съ которыми Россія должна бороться, которыхъ она должна преодолѣть прежде, чѣмъ ей суждено будетъ одержать окончательную побѣду въ наступившемъ міровомъ кризисѣ между христіанскимъ Западомъ и *внѣшнею* восточною китайщиной.

Дѣйствительно, Россіи еще много нужно поработать надъ собой, чтобы освободиться отъ всего, что ей препятствуетъ на пути къ ясному самосознанію и къ полному развитію своихъ самобытныхъ силъ, дабы въ назначенное ей Промысломъ время сказать свое *новое* слово въ исторіи человѣчества. Слово это будетъ не современнымъ пошлымъ безъидейнымъ европейскимъ словомъ, надъ которымъ такъ зло смѣется Соловьевъ, не зачерствѣлымъ фанатическимъ словомъ китайскаго Востока, а чисто-*русскимъ* словомъ, доселѣ не слыханнымъ ни Европой, ни Азіей, словомъ, которое просвѣтитъ, освободитъ и спасетъ человѣчество изъ тѣхъ безысходно-раціоналистическихъ сѣтей, въ которыхъ оно все болѣе запутывается.

Соловьевъ не вѣритъ въ грядущее торжество не только русской, но и вообще какой бы то ни было свѣтлой идеи. Для него магистраль человѣческой исторіи уже кончилась, и въ будущемъ онъ видитъ лишь хаотическую борьбу дряблаго, безъидейнаго и безсильнаго Запада съ дикимъ, фанатическимъ «панмонголизмомъ».

Если къ Западу причислить и Россію, то, конечно, нельзя придти къ иному выводу, какъ къ тому, который такъ страшилъ и мучилъ покойнаго философа. Но Россія не Западъ и не Востокъ: для нея не обязательны ни жалкая, матеріалистическая безъидейность Европы, ни окоченѣлый фанатизмъ Азіи; ей одинаково чужды какъ сухой раціонализмъ нашихъ западныхъ сосѣдей, такъ и языческая фантасмагорія азіатскихъ племенъ. Россія есть Россія, государство совершенно своеобразное, государство по преимуществу *православно христіанское* и состоящее уже по одной этой *идеѣ* неизмѣримо выше прочихъ европейскихъ и азіатскихъ государствъ и народовъ.

Такова Россія, говоримъ мы, *по идеѣ*. Но такова ли она уже теперь въ дѣйствительности? Конечно—нѣтъ.

Россія должна стремиться къ осуществленію этой высокой, всеконечной идеи, и въ этомъ заключается весь смыслъ ея исторической жизни. *Когда* ей суждено будетъ достигнуть этого идеала, имѣющаго обновить все человѣчество,—это никому, кромѣ Бога, невѣдомо; но это невѣдѣніе нисколько не должно ослаблять ея энергіи въ постоянномъ стремленіи къ этому идеалу, такъ какъ ни отдѣльному человѣку, ни цѣлому народу, не стоитъ жить безъ высшаго идеала.

Неустанно работая надъ своимъ внутреннимъ самоочищеніемъ и самоусовершенствованіемъ, борясь со своими *внутренними* врагами, Россія не должна упускать изъ виду своихъ *внѣшнихъ* враговъ, памятуя, что они не станутъ ждать, пока она кончитъ свое внутреннее обновленіе, а постараются застать ее врасплохъ и помѣшать ей въ этомъ обновленіи. Она всегда должна быть готова отразить этихъ враговъ, съ какой бы стороны ей ни угрожали. Нѣтъ большей политической ошибки какъ уступать внѣшнимъ врагамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «у насъ и безъ нихъ дома достаточно дѣла». Вотъ тогда-то именно они никогда намъ своимъ домашнимъ дѣломъ спокойно заняться не дадутъ.

Обновленіе свое на почвѣ православнаго христіанства Россія должна твердо и прочно оградить отъ всякаго внѣшняго непрошеннаго нарушенія. Обновленіе это нужно не только для нея самой, но и для всего человѣчества, которое она лишь въ обновленномъ своемъ видѣ можетъ спасти отъ грядущаго «панмонголизма».

Но въ чемъ же должно состоять это внутреннее обновленіе Россіи?

Мы постараемся съ возможною точностью отвѣтить и на этотъ вопросъ, хотя въ сущности для серьезныхъ, истинно-Русскихъ людей тутъ и вопроса быть не можетъ.

Обновленіе Россіи.

Готовясь къ исполненію своего міровомого призванія, Россія должна, говорили мы вчера, обновиться.

Она должна, стремясь къ достиженію высшаго православно-христіанскаго идеала, освободиться ото всего, что̀ ей препятствуетъ въ этомъ стремленіи, преодолѣть въ себѣ все, что̀ противорѣчитъ этому идеалу, освободиться отъ современнаго, какъ европейскаго, такъ и азіатскаго обскурантизма, дабы выступить могущественною, непобѣдимою въ своемъ духовномъ величіи вершительницей судебъ человѣчества въ предстоящей грозной борьбѣ между Западомъ и Востокомъ. Она должна, прежде всего, выработать и выяснить самой себѣ то великое освободительное слово, которое она призвана провозгласить впослѣдствіи всей вселенной, для обновленія и спасенія ея отъ ужасовъ западнаго дикаго матеріализма и не менѣе дикаго восточнаго панмонголизма.

Безъ этого внутренняго самообновленія и самоусовершенствованія, Россія не можетъ приступить къ разрѣшенію даже менѣе сложныхъ міровыхъ задачъ.

Мы всѣ скорбѣли въ 1878 году, когда Россія остановилась у воротъ Царьграда и должна была отложить на неопредѣленное время осуществленіе завѣтной русской мечты о Святой Софіи. Мы роптали тогда на интриги европейскихъ державъ, но одинъ уже тотъ фактъ, что мы нашли нужнымъ и возможнымъ подчиниться этимъ интригамъ, ясно показываетъ, что мы еще не обладали тою духовною мощью, безъ которой намъ и не мыслимо было прикасаться къ рѣшенію такого высокаго и святого вопроса, какъ Царьградъ и Св. Софія.

Мы теперь только можемъ вполнѣ понять ту нравственную немощь, которою страдала Россія конца семидесятыхъ годовъ. Великое подвижничество ея военной рати стояло въ прямомъ противорѣчіи съ разрушительнымъ броженіемъ, которое подтачивало силы ея государственнаго организма. Что̀ могла бы сдѣлать вѣчнаго и прочнаго въ Царьградѣ такая Россія, которая, послѣ геройскаго освобожденія Болгаріи, не нашла ничего лучшаго, какъ наградить Болгарскій народъ—шаблонною конституціей? Могла ли такая Россія рѣшить уже въ то время многовѣковой вопросъ ближняго Востока, когда она не сумѣла даже окончательно рѣшить вопроса Болгарскаго и въ Берлинѣ нашла возможнымъ передѣлать то, что̀ ею было сдѣлано въ Санъ-Стрефано? Такая Россія, безъ яснаго самосознанія, безъ увѣренности въ своихъ силахъ и своемъ призваніи, безъ опредѣленнаго прямого пути, Россія приближавшаяся къ катастрофѣ 1 марта,—такая Россія должна была остановиться у вратъ Царьграда и вернуться домой для того, чтобъ опомниться, очиститься отъ всякой скверны, обновиться духомъ, дабы приняться за назначенное ей Промысломъ Божіимъ дѣло съ ясными, чистыми помыслами и въ истинно-православномъ настроеніи.

Казалось, что для этого самообновленія нужны цѣлые вѣка, что недугъ

Россіи такъ глубокъ, что къ его излѣченію и приступить нельзя. И что же? Оказалось, что для начала полнаго обновленія и прочнаго исцѣленія Россіи достаточно было тринадцатилѣтняго царствованія Александра III, достаточно было Его несокрушимой вѣры въ здоровыя силы Россіи, достаточно было Его желѣзной воли, призвавшей эти силы къ новой, дѣятельной, жизненной энергіи, предъ которою сами собой исчезли всѣ наши напосные недуги.

И вотъ—черезъ двадцать лѣтъ Россія стала неузнаваема Она еще далеко не достигла своего идеала православно-христіанскаго государства, но она уже видитъ этотъ идеалъ, она къ нему стремится. Она начинаетъ сознавать себя «ни Азіей, ни Европой»: она старается уяснить себѣ свое особое, самобытное міровое призваніе.

Можетъ ли, поэтому, быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, каково должно быть обновленіе Россіи?

Это—то обновленіе, начало которому было положено великимъ Царемъ-Самодержцемъ. Александръ III явился намъ Носителемъ самаго высшаго идеала, какой когда-либо сіялъ предъ очами какого бы то ни было государства или народа,—идеала христолюбиваго воина, грозно стоящаго на стражѣ истинно-христіанскаго вселенскаго миролюбія.

Идеалъ этотъ потому такъ высокъ, что онъ всецѣло указанъ не человѣческими мудрствованіями, а Божіимъ Откровеніемъ, давшимъ намъ въ ученіи Христа ясное представленіе о *дѣятельной* христіанской любви, которою должны руководствоваться, какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлыя государства, являясь мощными защитниками всѣхъ невинно угнетаемыхъ и оказывая имъ дѣйствительную защиту не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Государство, которое почувствовало бы призваніе взять на себя эту истинно-христіанскую задачу, должно было бы, для постоянно-успѣшнаго ея рѣшенія, пользоваться небывалымъ доселѣ въ исторіи безспорнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ соединеніи со столь же несокрушимою физическою мощью, для того именно, чтобъ и словомъ, и дѣломъ, служить Христу на сей землѣ среди находящагося на ней добра и зла, дѣятельно защищая первое и грозно карая второе.

Такого государства, соединяющаго въ себѣ признанную всѣми чистоту высоко-христіанскаго духа со стоящею въ услуженіи этой чистоты грозною внѣшнею мощью, до сихъ поръ въ исторіи не было.

Такимъ государствомъ должна стать Россія.

Россія на Дальнемъ Востокѣ.

Мы старались опредѣлить и выяснить тотъ высокій государственный идеалъ, къ которому Россіи суждено стремиться, на благо ей самой и всему человѣчеству.

Мы указали и на то обновленіе, которое должно совершиться въ самой Россіи, прежде чѣмъ она будетъ въ состояніи достигнуть этого идеала.

Но, говорили мы, эта внутренняя подготовительная работа не должна ей препятствовать проявлять уже теперь свою *дѣятельную энергію* и во внѣшнемъ мірѣ, въ вопросахъ международной политики, въ особенности, если они столь близко затрогиваютъ ея настоящіе и будущіе жизненные интересы, какъ во-

просъ о Дальнемъ Востокѣ, который въ настоящую минуту представляется намъ въ видѣ Китайскаго вопроса. Отсутствіе этой дѣятельной энергіи могло бы уже теперь имѣть роковыя для насъ послѣдствія, не говоря о будущемъ времени, когда намъ придется въ полной готовности занять подобающее Россіи первенствующее по мощному миролюбію мѣсто въ предстоящей міровой борьбѣ Востока съ Западомъ.

Но прискорбныя послѣдствія могли бы быть вызваны не только отсутствіемъ энергіи, но и цѣлесообразнымъ ея направленіемъ.

Лишь та энергія будетъ истинно плодотворна, которая будетъ одушевлена неуклоннымъ стремленіемъ къ тому православно-русскому государственному идеалу, который сіяетъ какъ путеводная звѣзда на историческомъ пути Россіи. Лишь при этомъ условіи государственная энергія Россіи не ошибется въ своемъ проявленіи и въ примѣненіи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Лишь при этомъ условіи всѣ частные вопросы, какъ въ данномъ случаѣ вопросъ Китайскій, будутъ получать правильное рѣшеніе, согласное съ насущными интересами и міровымъ призваніемъ Россіи.

Ту же самую мысль высказываетъ и Л. А. Тихомировъ въ томъ рядѣ статей «Китай, Россія и Европа», который онъ напечаталъ на столбцахъ нашей газеты (1900 г., №№ 241—248).

Статьи эти вызваны были отчасти тѣмъ страннымъ мнѣніемъ, которое высказывалось, да и до сихъ поръ еще высказывается въ нашей, преимущественно петербургской, печати относительно желательнаго будто бы бездѣйствія Россіи на Дальнемъ Востокѣ, такъ какъ де Россіи нѣтъ никакого дѣла до той борьбы, которую Китай объявилъ Европѣ, и въ которой «нравственное право» будто бы находится на сторонѣ Китая.

Этотъ призывъ къ пассивному, равнодушному бездѣйствію Россіи въ такомъ жизненномъ для нея вопросѣ долженъ былъ, конечно, умолкнуть предъ громомъ орудій на Амурѣ и въ Манчжуріи, обнаружившимъ истинныя враждебныя намѣренія Китая, спеціально направленныя противъ Россіи. Но и этотъ разительный *argumentum ad oculos,* повидимому, не убѣдилъ нашихъ китаефиловъ, продолжающихъ утверждать, что никакою опасностью Китай намъ не угрожаетъ, и что стóитъ намъ только протянуть ему руку, чтобы сдѣлать изъ него преданнѣйшаго друга Россіи, послѣ чего намъ снова можно будетъ предаться на Дальнемъ Востокѣ сладкому *far niente* въ области стратегическаго предупрежденія новыхъ вспышекъ панмонголизма.

Г. Тихомировъ указалъ въ своихъ статьяхъ, что вся эта проповѣдь сентиментальнаго квіетизма происходитъ отъ неяснаго представленія сущности тѣхъ историческихъ, этнографическихъ и въ особенности религіозныхъ особенностей, которыми Россія отличается. съ одной стороны, отъ столь близкой ей, по христіанской культурѣ, Европы, а съ другой стороны — отъ столь чуждаго ей, по своему язычеству, Китая. Указавъ на эти особенности, Л. А. Тихомировъ приходитъ къ тому же выводу, къ какому пришли въ своихъ недавно опубликованныхъ статьяхъ и покойный Вл. С. Соловьевъ, и кн. С. Н. Трубецкой, и на который мы неоднократно указывали съ самаго начала китайскаго мятежа,—къ тому выводу, что мы стоимъ предъ началомъ того великаго историческаго кризиса, который неминуемо долженъ привести къ роковому столкновенію христіанскій Западъ съ языческимъ Востокомъ. Въ виду этого, кровавыя событія въ Китаѣ, державшія все лѣто Европу въ напряженномъ состояніи ужаса и трепета, являются не какимъ-либо случайнымъ эпизодомъ

въ исторіи Китая, а прологомъ къ той міровой драмѣ, конецъ которой увидятъ лишь наши правнуки, но которая, тѣмъ не менѣе, можетъ получить то или другое направленіе уже теперь, смотря по той роли, которую въ ней возьметъ на себя современная намъ Россія.

«Наша міровая задача,—говоритъ г. Тихомировъ,—ведетъ насъ на Дальній Востокъ, но для этой задачи намъ также даны и силы. Только опускаясь ниже самихъ себя, ниже основъ своей культуры, и особенно — переставая быть христіанами, мы можемъ не исполнить своей задачи и оказаться ниже и слабѣе Китая. Не китайская сила, а только наше собственное разложеніе можетъ насъ побѣдить при наступающемъ столкновеніи двухъ культурныхъ міровъ».

А потому мы снова возвращаемся къ высказанной уже нами мысли: мы должны одновременно бороться со внѣшними и внутренними нашими врагами, съ нашею «внутреннею китайщиной», которая грозитъ намъ разложеніемъ нашихъ государственныхъ устоевъ и мракомъ дикаго обскурантизма.

Ясное пониманіе своихъ міровыхъ задачъ и бодрая, дѣятельная энергія, стремящаяся къ ихъ рѣшенію—вотъ тѣ условія, при которыхъ обновленная Россія можетъ быть увѣрена, что въ настоящемъ она не будетъ вовлечена въ какую-либо политику, въ которой ей впослѣдствіи пришлось бы раскаиваться.

Въ какой именно дипломатической формѣ будетъ рѣшенъ настоящій, вступительный фазисъ китайскаго вопроса, — это безразлично. Важно лишь одно, что онъ, съ помощью Божіей, будетъ рѣшенъ, именно какъ вступительный фазисъ, согласно съ жизненными интересами и историческимъ призваніемъ Россіи.

Критическій моментъ.

Наступило послѣднее дѣйствіе того грознаго пролога къ китайской драмѣ, который начался въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ и нынѣ близится къ своему концу.

Никакая искусственная трагедія, созданная художественною фантазіей геніальнѣйшаго поэта не можетъ сравняться, по своимъ поражающимъ умъ и сердце перипетіямъ, съ тою реальною дѣйствительностью, которая вотъ уже четвертый мѣсяцъ держитъ въ напряженномъ состояніи все мыслящее человѣчество. И это только *прологъ* къ той великой міровой драмѣ, въ которой предстоитъ столкнуться между собой христіанскому Западу и языческому Востоку! Когда наступитъ начало этой драмы, какъ она будетъ развиваться и въ какую эпоху она придетъ къ окончательной развязкѣ, — этого умъ человѣческій предвидѣть не можетъ. Но нужно быть очень близорукимъ, чтобы не видѣть неминуемости этой грядущей міровой трагедіи и не понимать всего ея великаго значенія.

Но пока мы имѣемъ дѣло лишь съ прологомъ къ этой трагедіи, который, конечно, преисполненъ и самостоятельнаго интереса.

Въ немъ уже выступили съ полною яркостью всѣ будущія дѣйствующія лица драмы, и каждое изъ нихъ уже успѣло обнаружить свой основной характеръ, пытаясь разрѣшить—comme entrée en matière—тотъ *сравнительно* простой драматическій узелъ, который служитъ лишь предвѣстникомъ будущихъ, несравненно болѣе сложныхъ, драматическихъ коллизій.

И вотъ теперь, подобно тому какъ въ послѣднемъ дѣйствіи искусственной драмы собираются на сцену, для рѣшительной катастрофы и развязки, всѣ главныя дѣйствующія лица, и стягиваются въ одинъ узелъ всѣ главныя нити интриги, постепенно выступавшія предъ зрителемъ въ предыдущихъ дѣйствіяхъ,—такъ и на реальной міровой сценѣ нынѣ собрались, какъ въ одномъ фокусѣ, всѣ элементы, необходимые для того, чтобы, наконецъ, такъ или иначе разрѣшить тотъ вопросъ, за которымъ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдитъ Старый и Новый Свѣтъ.

Почти одновременно прибыли въ Печилійскую провинцію, на театръ военныхъ и дипломатическихъ операцій, графъ Вальдерзэ и Ли-Хунъ-Чанъ, олицетворяющіе собой, съ полною типичностью, одинъ Западную Европу, другой—Азіатскій Востокъ.

Эти два старца,—графу Вальдерзэ 68 лѣтъ, Ли-Хунъ-Чану 77,—представляютъ собой два противоположные полюса не только по своему физическому, но и по своему духовному облику; оба они являются убѣжденными выразителями двухъ совершенно противоположныхъ государственныхъ и нравственныхъ принциповъ,—тѣхъ самыхъ принциповъ, которымъ не разъ еще суждено сталкиваться въ предстоящей великой восточно-западной борьбѣ. Правда, они оба фактически другъ другу не противопоставлены, такъ какъ Вальдерзэ посланъ вести войну, а Ли-Хунъ-Чанъ имѣетъ порученіе заключить миръ; но въ этомъ хаотическомъ китайскомъ *casse tete*, въ которомъ никакъ не разберешь, гдѣ кончается «миръ» и гдѣ начинается «война»,—не могутъ быть съ полною точностью опредѣлены роли германскаго фельдмаршала и китайскаго дипломата, полномочія же ихъ въ общемъ настолько широки, что *de facto* рѣшеніе настоящаго фазиса Китайскаго вопроса лежитъ именно въ ихъ рукахъ.

Да, но руки ни у того, ни у другаго не свободны, и въ этомъ именно и заключается вся сложность вопроса.

За Ли-Хунъ-Чаномъ стоитъ неуловимый призракъ «китайскаго правительства», эта поистинѣ китайская тѣнь, которая то сокращается и куда-то исчезаетъ, то снова проявляется съ необычайною рѣзкостью, издавая то и дѣло указы, которые сегодня восхваляютъ, а завтра порицаютъ «кулачниковъ», сегодня возводятъ ихъ главнаго начальника и покровителя на высочайшій государственный постъ, а завтра подвергаютъ его какой-то «нравственной» казни. Можно ли поэтому полагаться на слова Ли-Хунъ-Чана, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они бываютъ искренними, коль скоро онъ самъ на нихъ полагаться не можетъ, ежеминутно ожидая за нихъ не то похвалы, не то тяжкой кары отъ своего ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго, ничѣмъ не связаннаго «правительства»?

Но и дѣйствія графа Вальдерзэ находятся въ зависимости не только отъ него самого и отъ его государя,—котораго, конечно, въ какой-либо нерѣшительности и непослѣдовательности упрекнуть нельзя, — но и отъ взглядовъ верховныхъ властей каждой изъ союзныхъ державъ и отъ разнообразныхъ инструкцій, полученныхъ поступившими подъ его команду союзными войсками.

А насколько эти державы и ихъ войска солидарны между собой, видно изъ отступничества Америки, которая наканунѣ прибытія графа Вальдерзэ вступила въ особое тайное соглашеніе съ непріятелемъ, нарушивъ этимъ то единеніе державъ, при которомъ только и можно разсчитывать на быстрое и прочное рѣшеніе столь непомѣрно затянувшагося китайскаго конфликта.

Если Ли-Хунъ-Чану приходится считаться не только съ требованіями союзныхъ державъ, но и съ неожиданными придворными инцидентами богдыханскаго правительства, то графу Вальдерзэ придется все время не только смотрѣть въ глаза Китайцамъ, но и оглядываться на своихъ союзниковъ, не помышляютъ ли они покинуть его въ рѣшительную минуту.

Устойчивымъ элементомъ въ этомъ взбаламученномъ морѣ является лишь Россія. Она одна поставила на первомъ мѣстѣ своей програмы необходимость поддерживать единеніе союзныхъ державъ въ ихъ общемъ дѣлѣ съ враждебнымъ имъ Китаемъ, и она одна неоднократно настаивала на неизмѣнности этой програмы. Въ виду этого она одна имѣетъ достаточно нравственнаго авторитета, чтобы удержать остальныя державы отъ соблазна послѣдовать своекорыстному примѣру Соединенныхъ Штатовъ; она одна можетъ снова найти способъ прочнѣе сплотить воедино оставшіяся съ нею державы, дабы Китайцы не могли примѣнить къ нимъ столь желательнаго и удобнаго для восточныхъ дипломатовъ принципа *divide et impera*.

Въ чемъ будетъ состоять развязка настоящаго фазиса Китайскаго вопроса,—этого, конечно, при сложности данныхъ обстоятельствъ, никто предсказать не можетъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта развязка должна знаменовать собой торжество свѣта надъ мракомъ, добра надъ зломъ, истины надъ коварною ложью. Зло не только должно понести заслуженную кару, но и лишиться возможности—по крайней мѣрѣ въ болѣе близкомъ будущемъ—проявлять свои вредныя силы.

А для этого необходимо дѣйствовать противъ этого зла твердо, разумно, быстро, а главное—согласно.

Китайскій богдыханъ и Германскій императоръ.

Китайскій богдыханъ издавалъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, по собственному или чужому побужденію, разнообразные указы, то поощрявшіе, то осуждавшіе избіенія христіанъ, но, во всякомъ случаѣ, не содержавшіе въ себѣ ни малѣйшаго признака какой-либо готовности чѣмъ-либо загладить эти неслыханныя варварскія преступленія, производимыя не только такъ называемыми «мятежниками», но и императорскими китайскими войсками.

И вотъ вдругъ, послѣ трехмѣсячнаго ожесточенія, совѣтники Китайскаго императора внушили ему потребность покаяться, правда, не въ избіеніи всѣхъ тысячъ христіанскихъ мучениковъ, но, по крайней мѣрѣ, въ предательскомъ убійствѣ германскаго посла. Спасибо хоть на этомъ первомъ шагѣ столь поздняго покаянія.

И вотъ Китайскій богдыханъ пишетъ Германскому императору письмо, въ которомъ изъявляетъ готовность совершить «возліянія» надъ прахомъ убитаго барона Кеттелера.

Наши китаефилы будутъ, вѣроятно, очень тронуты этимъ сентиментальнымъ актомъ великаго сына Неба.

Но откуда же у него явилась эта нѣжная чувствительность? Можетъ-быть, до него дошли мягкія слова всепрощающаго дружелюбія, вызвавшія и въ его сердцѣ столь же благостное чувство любвеобильнаго покаянія? Можетъ-быть, онъ, въ своемъ письмѣ къ императору Германскому, протянулъ руку

дружбы и мира Вильгельму II, потому что тотъ забылъ свои прежнія угрозы и выразилъ желаніе благодушно забыть и всѣ ужасы китайскаго «мятежа»?

Нѣтъ, правительство Китайскаго богдыхана стало врезапно столь мягкимъ, потому что предъ нимъ, въ лицѣ прибывшаго въ Таку графа Вальдерзэ, внезапно воспрянулъ во весь ростъ грозный призракъ неумолимой войны, потому что европейскія державы, послѣ бѣгства изъ ихъ стана Америки, тѣсно сплотились въ одно неразрывное цѣлое и готовы въ дружномъ единеніи поддержать съ мечомъ въ рукахъ свои справедливыя требованія.

Не предъ нѣжными словами благодушія смирились совѣтники Китайскаго богдыхана, заставлявшіе его три цѣлые мѣсяца издѣваться надъ Европой, а предъ тою военною мощью европейскихъ державъ, которая нынѣ стоитъ въ неразрывномъ стройномъ союзѣ на всемъ протяженіи отъ морскихъ твердынь Таку до императорскаго дворца въ Пекинѣ.

Такимъ образомъ, теперь безспорно найденъ тотъ единственный вѣрный путь, по которому можно будетъ внушить совѣтникамъ Китайскаго богдыхана необходимость возбудить въ ихъ повелителѣ то полное раскаяніе, которое ему указано въ отвѣтномъ письмѣ императора Вильгельма. Они, несомнѣнно, въ концѣ концовъ поймутъ, что съ ними не шутятъ, и что одними «возліяніями» надъ гробомъ барона Кеттелера Китайскій вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ.

Совѣтники Китайскаго императора, очевидно, пока еще находятся въ заблужденіи относительно истинной причины, навлекшей военную грозу на ихъ отечество. Они, повидимому, до сихъ поръ еще воображаютъ, что союзныя войска явились въ Китай только для того, чтобъ освободить своихъ пословъ, и что разъ послы освобождены, и разъ надъ убитымъ представителемъ Германіи будетъ совершено буддистское «возліяніе», то тотчасъ же будутъ забыты всѣ ужасы китайскихъ звѣрствъ, и европейскія войска поспѣшатъ удалиться по домамъ, извинившись предъ богдыханомъ въ томъ, что они его такъ потревожили, и заплативъ ему должное возмездіе за причиненные ему убытки. Вотъ почему Китайскій императоръ, по совѣту своихъ приближенныхъ, никому и не подумалъ написать покаяннаго письма, а написалъ его только одному императору Германскому, предполагая, что онъ одинъ, можетъ-быть, не совсѣмъ еще удовлетворенъ, такъ какъ у него одного посолъ оказался убитымъ. Стóитъ де только умилостивить императора Вильгельма китайскимъ похороннымъ обрядомъ, какъ тотчасъ же гнѣвъ его исчезнетъ, а только его гнѣвъ и страшенъ Китаю.

Отвѣтъ императора Вильгельма долженъ былъ разсѣять эти китайскія иллюзіи. Совѣтники богдыхана теперь знаютъ, что ихъ повелителю приходится отвѣчать за избіеніе не одного только барона Кеттелера, но и всѣхъ безчисленныхъ невинно-пострадавшихъ христіанъ, столь звѣрски замученныхъ китайскими извергами. Они поймутъ и то, что императоръ Вильгельмъ является въ данномъ случаѣ не выразителемъ какой-либо личной своей мести, а истолкователемъ чувствъ всего христіанскаго человѣчества, не могущаго оставаться равнодушнымъ при видѣ страданій своихъ братьевъ во Христѣ на Дальнемъ Востокѣ и требующаго гарантій въ томъ, что этимъ страданіямъ отнынѣ навсегда положенъ конецъ, а также и въ томъ, что Китай не будетъ служить вѣчною угрозой своимъ мирнымъ сосѣдямъ.

И само собою разумѣется, что эти гарантіи должны имѣть болѣе твердый, болѣе осязательный характеръ, чѣмъ какія-то, хотя бы и очень священныя въ въ глазахъ язычниковъ, «возліянія».

Наказаніе виновниковъ въ китайскомъ мятежѣ.

Германія, которой остальныя державы, повидимому, предоставили первую роль въ разрѣшеніи настоящаго фазиса Китайскаго вопроса, ведетъ это нелегкое дѣло съ должною твердостью и съ благоразумнымъ политическимъ тактомъ.

Китайское правительство, понявъ, что съ Германіей шутить нельзя, такъ какъ ея требованія опираются на грозную военную мощь, готовую поддержать ихъ неумолимою силой оружія, стало нынѣ проявлять ту уступчивость и предупредительность, которыхъ тщетно ожидали отъ него союзныя державы въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ.

Китайскій императоръ не ограничился посылкой извѣстной покаянной телеграммы императору Вильгельму, но издалъ, въ виду германской циркулярной ноты отъ 4 (17) сентября, особый указъ, помѣченный 12 (25) сентября, въ которомъ наложилъ наказаніе на нѣкоторыхъ китайскихъ принцевъ и высшихъ сановниковъ, виновныхъ въ поощреніи послѣдняго «мятежа».

Такимъ образомъ, ясное и опредѣленное требованіе Германіи о наказаніи виновниковъ произвело на Китайское правительство должное впечатлѣніе: оно само поспѣшило исполнить это требованіе.

Но извѣстная всему міру неискренность и изворотливость восточныхъ дипломатовъ вообще, а китайскихъ въ особенности, заставляетъ относиться къ означенному указу Китайскаго богдыхана съ большою осторожностью. Въ виду этого, Германское правительство, отказавшись отъ своего первоначальнаго, болѣе суроваго, требованія о выдачѣ виновныхъ союзнымъ державамъ, которыя сами бы могли произвести надъ ними судъ и расправу, и ограничиваясь нынѣ, по соглашенію съ другими державами, болѣе снисходительными требованіями, — имѣетъ несомнѣнное право настаивать на томъ, чтобы эти требованія были дѣйствительно исполнены съ должною тщательностью.

Въ самомъ дѣлѣ, если Китайскому правительству будетъ предоставлено наказать виновныхъ своимъ собственнымъ судомъ, то необходимо удостовѣриться въ томъ, накажетъ ли оно всѣхъ дѣйствительно виновныхъ, будутъ ли назначенныя имъ наказанія дѣйствительно соотвѣтствовать ихъ винѣ, и, наконецъ, будутъ ли виновные дѣйствительно подвергнуты этимъ заслуженнымъ ими наказаніямъ.

Вотъ почему Германское правительство обратилось нынѣ къ державамъ съ новою циркулярною нотой, приглашая ихъ придти къ соглашенію, въ томъ смыслѣ, чтобы дипломатическимъ представителямъ въ Китаѣ было поручено высказаться по слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

1) Достаточенъ ли и вѣренъ ли списокъ подлежащихъ наказанію лицъ, названныхъ въ указѣ богдыхана?

2) Достаточно ли предположенное наказаніе?

3) Какимъ образомъ державы могутъ прослѣдить за исполненіемъ наказанія?

Можно надѣяться, что соглашеніе между державами по этимъ тремъ пунктамъ не встрѣтитъ затрудненій.

Для всѣхъ очевидно, что если бы наказаніе виновныхъ самимъ Китай-

скимъ правительствомъ ограничилось лишь какою-либо пустою формальностью, которая давала бы Китайцамъ возможность впослѣдствіи глумиться надъ благодушною довѣрчивостью Европейцевъ и гордиться тѣмъ, что настоящіе виновники послѣднихъ звѣрствъ все-таки остались безъ дѣйствительнаго наказанія,—то всѣ неимовѣрныя нравственныя и матеріальныя жертвы союзныхъ державъ оказались бы принесенными совершенно даромъ, такъ какъ оставшіяся безнаказанными звѣрства при первомъ удобномъ случаѣ снова повторились бы съ еще бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Пусть Китайское правильство само наказываетъ виновныхъ, но пусть это будутъ дѣйствительно виновные, и пусть наказаніе ихъ будетъ дѣйствительно таково, чтобы никому въ Китаѣ не было повадно когда-либо послѣдовать ихъ преступному примѣру.

Къ вопросу о либеральномъ катихизисѣ.

Разсуждая о томъ, къ какому политическому лагерю принадлежалъ покойный Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, главный органъ нашихъ либераловъ приходитъ ко вполнѣ справедливому заключенію, что покойный философъ *вполнѣ* либераломъ не былъ.

«Либеральнымъ друзьямъ Вл. С. Соловьева», говоритъ *Вѣстникъ Европы* *), не зачѣмъ приписывать ему мысли, *которыя были ему чужды;* общихъ съ нимъ убѣжденій и стремленій у нихъ достаточно и безъ того, и въ искусственномъ ихъ умноженіи нѣтъ никакой надобности» **).

Итакъ, у либеральныхъ друзей Вл. С. Соловьева есть такія мысли, убѣжденія и стремленія, *которыя были ему чужды,* но ихъ было не много; остальныя же убѣжденія и стремленія у нихъ были общія.

Но какія же это были немногія убѣжденія, въ которыхъ В. С. Соловьевъ расходился съ нашими либералами? Можетъ быть, это такія пустяки, о которыхъ и говорить не сто́итъ?

Либеральный журналъ съ похвальною откровенностью указываетъ на тѣ *два* пункта, въ которыхъ покойный философъ никогда не могъ сойтись съ нашими либералами, и въ которыхъ они всегда расходились съ нимъ.

Во-первыхъ, они не могли сочувствовать программѣ Соловьева потому, что «въ программу Соловьева *не* входила конституція» ***); а, во-вторыхъ, они расходились съ Соловьевымъ потому, что «онъ былъ глубоко религіозенъ».

И только.

И только? Да, но вѣдь этими двумя тезисами либералы проводятъ между собой и Соловьевымъ такую пропасть, что нужно быть *очень* близорукимъ, чтобы ея не замѣтить! Вѣдь извѣстный всѣмъ космополитизмъ Соловьева, который такъ нравился нашимъ либераламъ, и въ сравненіе не можетъ идти

*) *Сентябрь.* 1900 года, стр. 862—863.
**) Курсивъ нашъ.
*** Курсивъ подлинника.

по своему принципіальному значенію, съ тѣми двумя *основными устоями* Соловьевскаго катихизиса, которые являются діаметральною противоположностью главнымъ догматамъ катихизиса нашихъ либераловъ.

Откровенность, съ которою *Вѣстникъ Европы* подчеркиваетъ свое разногласіе съ Соловьевымъ, обнаруживаетъ тѣ убѣжденія и стремленія нашихъ либераловъ, которыхъ они обыкновенно открыто не высказываютъ, но которыя они, тѣмъ не менѣе, всюду, гдѣ только могутъ, проводятъ въ жизнь. Они теперь сознаются, что во всемъ сходились съ Соловьевымъ, но что въ вопросахъ о Богѣ и Царѣ они съ нимъ расходились, такъ какъ онъ стоялъ за глубокую вѣру въ Бога и за Самодержавіе Царя, они же стоятъ за противоположныя начала.

Вѣдь если бы въ ихъ программу не входили ни атеизмъ, ни конституція, то что̀ бы имъ мѣшало признать Соловьева вполнѣ и окончательно своимъ? Но въ томъ-то и дѣло, что они ни атеизма, ни конституціи изъ своей программы выбросить не хотятъ, или не могутъ; Соловьевъ же былъ слишкомъ здравомыслящимъ человѣкомъ, чтобы помѣщать въ свою программу такой давно отжившій хламъ, которымъ такъ дорожатъ наши либералы.

А между тѣмъ, для того, чтобы видѣть всю вздорность и весь вредъ атеизма и конституціоннаго режима, вовсе и не нужно быть такимъ глубокимъ философомъ, какимъ былъ Соловьевъ; для этого достаточно быть сколько-нибудь *умнымъ* и *честнымъ* человѣкомъ.

Царскій день.

Сегодня, въ шестую годовщину восшествія на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, вся Россія благоговѣйно соединяется въ молитвѣ о дарованіи Ему Господомъ Богомъ долгоденствія и благого поспѣшенія во всѣхъ Его дѣлахъ на пользу и славу Россіи.

Россія встрѣчаетъ въ настоящемъ году этотъ торжественный для нея Царскій день среди иныхъ условій, нежели въ предыдущіе годы, когда она наслаждалась благами невозмутимаго мира и могла посвящать свои мысли исключительно дѣламъ своего внутренняго развитія.

Но какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни государства, болѣе покойныя заботы чередуются съ заботами болѣе серіозными, болѣе легкія дѣла смѣняются болѣе трудными и послѣ продолжительнаго торнаго пути встрѣчаются иногда временныя препятствія, появленіе которыхъ зависитъ не отъ воли путника. Но это чередованіе вѣчно мѣняющихся то болѣе, то менѣе благопріятныхъ условій жизни можетъ смущать и выводить изъ равновѣсія лишь того, кто видитъ въ жизни игру слѣпого случая и не уповаетъ, въ своей вѣрѣ, на благую мудрость и всеконечную справедливость Божественнаго Промысла. Истинный же христіанинъ никогда не возгордится во дни счастливыхъ успѣховъ и никогда не падетъ духомъ предъ ниспосланнымъ ему испытаніемъ, сознавая за собой правоту своего дѣла и чистоту своей совѣсти.

Еще годъ тому назадъ Россія, въ своихъ великодушныхъ, безкорыстныхъ заботахъ о международномъ мирѣ, не могла предвидѣть, что нѣкоторымъ ча-

стямъ ея войскъ придется взяться за оружіе для огражденія ея интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. А между тѣмъ событія въ Китаѣ, принявшія внезапно такой острый характеръ, вынудили Россію, вопреки ея извѣстнымъ всему міру миролюбивымъ намѣреніямъ, обнажить мечъ и, не объявляя войны, приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Этимъ снова подтвердилась старая истина, что собственное миролюбіе не всегда обезпечиваетъ миръ миролюбивому человѣку,—та истина, которую нѣмецкій поэтъ такъ наглядно выразилъ въ стихахъ:

Es kann der Frömmste nicht im Frieden bleiben,
Wenn es dem bösen Nachbar nicht gefallt.

Но если Россія, противъ воли своей, была оторвана отъ своихъ мирныхъ трудовъ, если ей пришлось считаться съ непредвидѣнными и нежеланными ею осложненіями внѣшней политики, если она даже нашла необходимымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія тамъ, гдѣ она разсчитывала, по примѣру предыдущаго продолжительнаго времени, довольствоваться одними лишь средствами кротости и убѣжденія,—то было бы ошибочно думать, что эти несомнѣнно нежелательныя обстоятельства не имѣли и отрадной для Россіи стороны, что они могли хоть на минуту поколебать увѣренность Русскаго народа въ окончательномъ торжествѣ безусловно праваго дѣла Россіи.

Прежде всего, великимъ утѣшеніемъ для всѣхъ насъ послужилъ тотъ фактъ, что Русское доблестное войско, какъ и слѣдовало ожидать, не только оказалось на высотѣ задачи указанной ему Верховнымъ его Вождемъ, но и превзошло всѣ ожиданія, доказавъ, что для желѣзной выносливости и беззавѣтной храбрости русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, коль скоро дѣло идетъ о чести и славѣ Россіи.

Какъ на Манчжурскомъ, такъ и на Печилийскомъ театрѣ выдвинулся цѣлый рядъ блестящихъ русскихъ военачальниковъ, имена которыхъ замѣнили собою въ русскихъ сердцахъ славныя имена уже выбывшихъ изъ строя безсмертныхъ Балканскихъ и Кавказскихъ героевъ, на которыхъ Русскій народъ съ твердымъ упованіемъ смотрѣлъ, какъ на славныхъ богатырей, всегда готовыхъ, по манію Царя, отстоять своею грудью, въ случаѣ бранной тревоги, святое дѣло Россіи.

Русскій народъ никогда не сомнѣвается, что въ рядахъ Царскихъ войскъ находятся подобные герои, но лишь на почвѣ дѣйствительнаго боевого опыта получаетъ онъ фактическое подтвержденіе своихъ упованій и сосредоточиваетъ ихъ тогда уже на извѣстныхъ, ставшихъ дорогими ему, именахъ искусныхъ воеводъ и вѣрныхъ слугъ Православнаго Царя.

Радуется и сердце Царево той славѣ, которою покрылось русское оружіе на Дальнемъ Востокѣ и той побѣдѣ, съ которою оно вышло изъ столь внезапно представившагося ему испытанія. Опираясь на такое войско, разрѣшившее въ нѣсколько мѣсяцевъ со столь блестящимъ успѣхомъ столько непреодолимыхъ съ виду задачъ, Россія можетъ спокойно взирать на дальнѣйшее развитіе Китайскаго вопроса, которое, конечно, не должно, да и не можетъ принять направленіе, не согласное съ благомъ Россіи, какъ бы о томъ ни старались завистливые ея соперники.

Но есть еще и другая отрада въ настоящихъ серіозныхъ обстоятельствахъ, та отрада, которую ощущаетъ каждый человѣкъ, сознающій въ затруднительномъ положеніи, что у него есть вѣрное средство выйти изъ этого затрудне-

лія. Путеводный маякъ въ тихій полдень не доставляетъ столько радости моряку, какъ при тѣхъ тревожныхъ обстоятельствахъ, когда онъ въ немъ нуждается, когда онъ въ немъ видитъ безусловное вѣрное средство къ преодолѣнію этихъ обстоятельствъ, избавляющее его отъ всякихъ колебаній, недоумѣній и блужданій.

Прошли тѣ времена, когда Россія подолгу стояла на разныхъ распутіяхъ въ невѣдѣніи своего истиннаго пути.

Нынѣ во всѣхъ вольныхъ и невольныхъ ея заботахъ для нея есть только одинъ путь, на который ей неоднократно указывала десница нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора,—путь завѣщанный Ему и ей въ Бозѣ почивающимъ Родителемъ Его, воскресившимъ Россію изъ мрака всевозможныхъ недоумѣній и заблужденій къ ясному сознанію своего долга и своего величія.

Вотъ тотъ маякъ, который возженъ былъ для Россіи Царемъ-Самодержцемъ и который свѣтитъ и будетъ свѣтить ей во всѣхъ осложненіяхъ ея государственной жизни, наполняя ее тѣмъ большимъ чувствомъ отрадной безопасности, чѣмъ осложненія эти становятся серіознѣе.

Нѣтъ и не можетъ быть для Россіи столь труднаго вопроса, который она не могла бы разрѣшить, руководствуясь разумнымъ чувствомъ государственной мощи и національнаго достоинства и уповая на всеблагую премудрость Божію, осѣняющую собою думы, мысли и дѣянія Государя—единственнаго земного источника всѣхъ благъ Русскаго народа.

Вотъ почему и въ нынѣшній Царскій день Русскіе люди стекаются въ храмы Божіи и возносятъ свои молитвы къ престолу Всевышняго съ нерушимою надеждой на то, что Онъ дѣйствительно даруетъ Благочестивѣйшему и Самодержавнѣйшему возлюбленному Государю нашему многая лѣта и благое поспѣшеніе во всѣхъ дѣлахъ Его!

Имперіализмъ.

Смѣшеніе противорѣчивыхъ понятій встрѣчается въ наше хаотическое время довольно часто во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности.

Такъ и въ области государственной жизни современныхъ народовъ мы невольно поражаемся такими странными антиноміями, какъ «имперіалистическая республика», которой можетъ служить соотвѣтствующимъ дополненіемъ развѣ какая-нибудь «республиканствующая имперія».

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть болѣе противоположнымъ другъ другу, какъ *республика* и *имперія?* Эти двѣ государственныя формы взаимно другъ друга совершенно исключаютъ. Какой же можетъ быть «имперіализмъ» въ республикѣ? На первый взглядъ такое явленіе представляетъ собою полнѣйшій логическій абсурдъ.

Да, конечно, это—абсурдъ, но только на первый взглядъ.

Мы знаемъ въ исторіи примѣры, когда республики превращались въ имперіи потому именно, что онѣ задолго еще до этого окончательнаго превращенія преисполнены были имперіализмомъ. Римская республика стала республикой имперіалистическою, какъ только предъ ней, послѣ побѣды надъ Ган-

нибаломъ, раскрылись широкіе горизонты міроваго владычества. Точно такъ же и первая Французская республика была имперіалистическою еще до совершеннаго Наполеономъ государственнаго переворота, съ той минуты, какъ она сознала необходимость вернуть себѣ міровое значеніе великой державы, утраченное ею въ дни кроваваго террора.

Что же, послѣ этого, удивительнаго, если мы въ настоящее время видимъ примѣръ такой же имперіалистической республики въ Соединенныхъ Штатахъ, которые нынѣ тоже, въ силу историческихъ законовъ, переживаютъ процессъ превращенія въ великую міровую державу?

О, конечно, превращеніе это въ высшей степени нежелательно для всѣхъ остальныхъ великихъ державъ, и въ особенности для Россіи. Для насъ было бы гораздо пріятнѣе и покойнѣе, если бы Соединенные Штаты строго придерживались доктрины Монроэ, не увлекались широкими міровыми задачами и сидѣли бы у себя дома, какъ это дѣлаютъ другія республики, въ родѣ Андорры, Швейцаріи и Санъ-Марино.

Да, но для этого не слѣдовало допускать территоріальнаго и торгово-промышленнаго роста Соединенныхъ Штатовъ.

Разъ европейскія державы не могли или не хотѣли препятствовать этому росту, имъ приходится серіозно считаться не только съ нимъ, но и со всѣми, столь непріятными для нихъ, послѣдствіями его. А эти послѣдствія неминуемы не только по историческимъ, но и по психологическимъ законамъ.

Республиканская форма правленія можетъ соотвѣтствовать лишь небольшимъ народцамъ, съ тѣсно-ограниченною территоріей и со столь же ограниченнымъ политическимъ кругозоромъ. Какой-нибудь скромной Швейцаріи, скрытой въ своихъ горныхъ котловинахъ, съ гарантированною сосѣдними державами мирною безопасностью—можно быть и республикой. Но если Швейцарія была бы иною въ количественномъ отношеніи, она была бы совершенно иною и въ отношеніи качественномъ. Если бъ ей принадлежали всѣ Альпы отъ Ліона до Вѣны и отъ Мюнхена до Милана со всѣмъ Альпійскимъ прибрежьемъ Средиземнаго моря, она этимъ самымъ принуждена была бы играть видную роль въ міровой политикѣ и несомнѣнно представляла бы собою нѣкоторое время примѣръ имперіалистической республики, пока, наконецъ, не сбросила бы съ себя эту противорѣчивую форму правленія, превратившись либо въ сильную монархію, либо снова въ чисто-республиканскій скромный союзъ маленькихъ кантоновъ.

Да и въ современной намъ Французской республикѣ развѣ не проявляются тоже имперіалистическія тенденціи? Мы вовсе не имѣемъ въ виду одной партіи Бонапартистовъ, но стремленія, присущія всему Французскому народу, которыя такъ ярко выразились въ эпоху Буланжизма. Если, несмотря на свой природный монархизмъ, Франція пока еще остается республикой, то это не потому, что она не желаетъ быть имперіей, а только потому, что для этой готовой имперіи нѣтъ пока императора. Если явятся національные герои во Франціи или въ Соединенныхъ Штатахъ, они будутъ имѣть всѣ шансы, чтобы превратить эти «имперіалистическія республики» въ настоящія Имперіи.

Въ такихъ превращеніяхъ дѣйствуетъ не слѣпой случай, а тотъ историческій и психологическій законъ, о которомъ мы говорили выше.

Когда республики становятся сильными и пріобрѣтаютъ міровое значеніе, онѣ по необходимости становятся имперіалистическими, постепенно утрачивая свой чисто демократическій характеръ. Такъ было не только съ Рим-

скою, но, напримѣръ, и съ Аѳинскою и Венеціанскою республиками, какъ только политическій ихъ кругозоръ перешагнулъ узкія границы ихъ первоначальной территоріи и онѣ постепенно превращались въ великія державы: психологія малыхъ, не идущихъ въ историческій счетъ, народцевъ существенно отличается отъ психологіи великихъ народовъ, призванныхъ играть болѣе или менѣе выдающуюся роль въ міровой исторіи; то, чѣмъ могутъ довольствоваться первые, совершенно немыслимо для духовныхъ потребностей вторыхъ. Въ малыхъ незначительныхъ республикахъ можетъ и не быть имперіализма, который зато присущъ всѣмъ великимъ республикамъ въ переходномъ ихъ состояніи между республиканскимъ ребячествомъ и зрѣлымъ возрастомъ монархизма.

Но если это такъ, если въ *растущихъ* республикахъ по необходимости проявляются признаки имперіализма, то и въ *нисходящихъ* или впадающихъ въ дѣтство имперіяхъ должны, по той же необходимости, проявляться признаки республиканизма.

За примѣрами намъ ходить недалеко.

Предъ нашими глазами находится такая близкая къ разложенію имперія, въ которой поистинѣ гораздо больше республиканствующихъ, чѣмъ имперіалистическихъ элементовъ. Ослабленіе центральной монархической власти; центробѣжное стремленіе разноплеменныхъ окраинъ, пріобрѣтающихъ все болѣе самостоятельности, въ прямой ущербъ общему государственному организму; усилившаяся, вслѣдствіе этого, разнузданность племенной вражды на чисто демократической почвѣ, при общей ненависти къ растерявшейся центральной правительственной власти—все это признаки того тяжелаго кризиса, чтобы не сказать предсмертной агоніи, которую переживаетъ, а можетъ быть и не переживетъ, славная и сильная нѣкогда имперія Габсбурговъ, въ которой наши либералы находятъ столько аналогіи съ Россіей! *)

Неосновательность этой аналогіи бросается въ глаза. Демократизація Австро-Венгріи—давно уже совершившійся фактъ, вызвавшій всѣ неизбѣжныя съ нимъ пагубныя послѣдствія. Попытка внести въ Россію демократическіе элементы была, слава Богу, пріостановлена еще въ 1881 году, съ тѣмъ, чтобы ей уже болѣе не возобновляться до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока Россія по прежнему будетъ идти изъ силы въ силу, возрастая въ своемъ міровомъ значеніи, котораго демократизованная Австро-Венгрія уже лишилась.

Вотъ съ этою перспективой возрастанія Русской Имперіи наши либералы никакъ примириться не могутъ. Предъ возрастающимъ имперіализмомъ великой Американской республики имъ хотѣлось бы видѣть ослабленіе и умаленіе демократизованной ими великой Русской Имперіи, дабы она, «по аналогіи съ Австро-Венгріей», распалась на мелкія національности, объятыя непримиримою племенною враждой, а затѣмъ и на мелкіе государственные осколки, которые неминуемо сдѣлались бы добычей болѣе сильныхъ сосѣдей.

Имперіализмъ республикъ является, какъ вы видѣли, признакомъ усиленія и укрѣпленія ихъ жизненной энергіи и предвѣстникомъ перехода ихъ въ настоящія міровыя государства—имперіи. Республиканство и демократизмъ имперій, наоборотъ, являются предвѣстниками паденія жизненной ихъ энергіи, и если этого печальнаго исхода не минуетъ Австро-Венгрія, то его минуетъ, съ Божіею помощью, вопреки всѣмъ стремленіямъ нашихъ либераловъ,—Россія.

---

*) См., напримѣръ, *Сѣверный Курьеръ* № 329.

Историческое значеніе XIX вѣка.

Два мировыя событія, ознаменовавшія собой самый конецъ восемнадцатаго вѣка, придали, своими послѣдствіями, характеристическую физіономію всей политической исторіи истекшаго XIX столѣтія:

Французская Революція и появленіе кроваваго метеора Наполеона I.

Весь XIX вѣкъ только и жилъ послѣдствіями этихъ столь разнородныхъ мировыхъ событій, боровшимися и переплетавшимися между собою въ самыхъ неожиданныхъ, причудливыхъ комбинаціяхъ.

Французская Революція, провозгласивъ свои утопическія доктрины *демократическаго эгалитаризма*, грозила превратить всю Европу въ такое же поприще безумнаго террора, какимъ явилась несчастная Франція послѣ паденія ея монархической власти. Мощная рука Наполеона I, ошеломившая смѣлымъ ударомъ революціонную гидру, задержала на цѣлое полустолѣтіе ея походъ на остальную Европу, и лишь въ 1848 году она снова появилась на всемъ континентѣ, хотя далеко уже не въ своемъ прежнемъ видѣ необузданнаго, кровожаднаго чудовища.

Но Наполеонъ не ограничился подавленіемъ революціи и образцовою реорганизаціей Франціи: онъ возмечталъ о міровомъ владычествѣ и приступилъ къ покоренію Европейскихъ народностей подъ иго Французской Имперіи.

Этимъ чудовищнымъ насиліемъ была вызвана та возставшая противъ него могущественная реакція *націонализма*, которая впервые проявляется съ такою силой въ Европѣ, начиная съ 1812 года, и съ тѣхъ поръ быстро усиливается и развивается, характеризуя собою всю политическую жизнь великихъ и малыхъ племенъ культурнаго міра, въ теченіе всего XIX вѣка.

Народы, освободившіеся отъ иноземнаго ига, стали, подъ вліяніемъ повышеннаго чувства самосознанія, съ увлеченіемъ направлять свои помыслы къ самопознаванію, къ изученію своей самобытности, къ установленію родственныхъ связей съ братскими племенами, къ соединенію ихъ въ самостоятельные организмы, не терпящіе надъ собою чуждаго имъ по происхожденію владычества. Война за независимость Греціи, объединеніе Италіи и Германіи, возникновеніе Балканскихъ государствъ—вотъ главные результаты этого повсемѣстнаго національнаго движенія, которымъ такъ лихорадочно дышало все XIX столѣтіе.

Даже когда въ 1848 году снова воскресъ революціонный демократизмъ, онъ принужденъ былъ воспринять въ себя националистическіе элементы, противорѣчившіе его космополитическимъ теоріямъ; но онъ отомстилъ національму тѣмъ, что привилъ и ему элементы демократическіе, которые всюду систематически искажали наилучшіе національные организмы. Всѣ племена, освобождавшіяся отъ чужеземнаго ига, считали для себя обязательнымъ немедленно обзаводиться демократической конституціей и парламентомъ и этимъ создавали надъ собою новое олигархическое иго, которое подчасъ было несравненно хуже прежняго и неизбѣжно приводило государство къ безплоднымъ партійнымъ междоусобіямъ, а иногда и къ полному финансовому разоренію.

Демократизмъ и *націонализмъ* являются, такимъ образомъ, двумя главными политическими силами, направлявшими всю Европейскую исторію XIX столѣтія. Но, по мѣрѣ того, какъ націонализмъ съ каждымъ годомъ усиливался,

демократизмъ, послѣ своего теоретическаго апогея, въ 50-хъ годахъ быстро сталъ всюду проявлять свою практическую несостоятельность и, къ концу столѣтія, обнаружилъ до очевидности всю свою внутреннюю ложь и безсмысленность.

Не разъ появлялись въ теченіе XIX вѣка болѣе или менѣе удачныя попытки уничтожить или, по крайней мѣрѣ, парализовать эту ложь и всѣ ея послѣдствія. Таковы, между прочимъ, были попытки, увѣнчавшіяся временнымъ успѣхомъ въ началѣ второй половины XIX столѣтія во Франціи и Пруссіи.

Но попытка, сдѣланная Наполеономъ III, лишенная нравственной основы законныхъ государственныхъ традицій, обречена была на позорную гибель: съ ложью демократизма не могъ справиться столь же ложный монархизмъ. Правда, Наполеонъ III сумѣлъ придать Франціи, въ теченіе 20 лѣтъ, внѣшній видъ первостепенной Европейской державы, являвшейся даже, какъ бы вершительницею судебъ всего міра. Но вся эта внѣшняя иллюзія разлетѣлась въ прахъ, какъ только Франція соприкоснулась съ Пруссіей, въ которой Бисмаркъ сумѣлъ обуздать безсмысленный демократизмъ широкою національною политикой, основанною на вѣковыхъ монархическихъ преданіяхъ Гогенцоллернскаго дома.

Быстрый ростъ Германіи въ концѣ XIX вѣка, и побѣдоносное развитіе ея экономическихъ силъ, является самымъ выдающимся за это время политическимъ событіемъ въ Европѣ. Германія обязана своимъ возрожденіемъ князю Бисмарку, давшему, съ мудрою энергіей, могущественное преобладаніе *національному* элементу надъ элементомъ *демократическимъ*.

На смѣну князя Бисмарка явился императоръ Вильгельмъ II, который также, по мѣрѣ возможности, сдерживалъ порывы парламентарнаго демократизма, не находя еще, однако, въ себѣ рѣшимости покончить съ этимъ зломъ, ставящимъ ему на каждомъ шагу препятствія въ осуществленіи его широкой національно политической программы. Но во всякомъ случаѣ, ему удается, на благо Германіи, всякими правдами и неправдами лавировать среди этихъ препятствій, не дозволяя демократизму вмѣшиваться въ жизненные интересы Германіи и сохраняя за ними лишь декоративную часть парламентской драматургіи.

Зато во Франціи демократизмъ получилъ послѣ 1871 года полную возможность развернуться во всю свою ширь и обнаружить всѣ свои вопіющіе недостатки. Правда, послѣдствія этихъ недостатковъ не дошли еще до той степени политической безнравственности, которой достигла другая неограниченно-демократическая страна — Соединенные Штаты Сѣверной Америки; но что Франція быстрыми шагами идетъ къ той же государственной деморализаціи, ясно показываютъ появившіеся за послѣднее время острые кризисы въ ея внутренней исторіи, каковы буланжизмъ, панамизмъ и неокончившійся еще доселѣ дрейфусизмъ.

Вообще демократическій принципъ, энтузіастически провозглашенный въ концѣ прошлаго вѣка, торжественно осуществленный въ серединѣ истекшаго столѣтія, успѣлъ уже къ концу его обнаружить всю свою несостоятельность и кончиться по всей линіи постыднымъ банкротствомъ, между прочимъ и въ своей колыбели, въ Англіи, въ которой демократія оказалась жалкою игрушкой такого безсовѣстнаго честолюбца, какъ Чемберленъ, возбуждающій народные восторги своею, осужденною всѣмъ міромъ, цинически безчеловѣчною политикой, по отношенію къ двумъ несчастнымъ героическимъ республикамъ Южной Африки.

Но нравственное банкротство демократическаго парламентаризма къ концу

XIX вѣка далеко еще не предвѣщаетъ побѣды надъ нимъ національизма, какъ бы сильны не были его успѣхи во всѣхъ культурныхъ центрахъ вселенной.

Національизму грозитъ другой врагъ, врагъ всякой человѣческой культуры, порожденный все тѣми же безсмысленными утопіями демократической Революціи. Врагъ этотъ, *соціализмъ*, собирался лишь со своими силами въ XIX вѣкѣ, дабы въ наступающемъ XX столѣтіи помѣриться со всѣми государствами міра и ниспровергнуть въ нихъ всѣ ихъ политическіе и общественные устои.

Каковы будутъ перипетіи этой борьбы, когда и чѣмъ она кончится, этого, конечно, предсказать невозможно: но едва ли можно ошибиться, назвавъ XIX вѣкъ—вѣкомъ *парламентаризма*, который въ эти сто лѣтъ прошелъ всѣ стадіи радужныхъ иллюзій, кровавой борьбы, полновластія и позорнаго паденія,—тогда какъ наступившій XX вѣкъ будетъ по преимуществу вѣкомъ широкихъ экономическихъ, торгово-промышленныхъ, соціальныхъ и соціалистическихъ вопросовъ, съ которыми, какъ нѣкогда съ парламентаризмомъ, будутъ бороться и переплетаться тѣ же вопросы національистическіе, но уже не на одной почвѣ древняго европейскаго континента, а преимущественно на всемірной почвѣ широкой колонизаціонной политики.

Колонизаціонная политика является однимъ изъ тѣхъ великихъ наслѣдій, которое XIX столѣтіе передастъ новому вѣку и, вѣроятно, еще многимъ будущимъ вѣкамъ. Судьбы великихъ европейскихъ державъ будутъ отнынѣ рѣшаться въ Африкѣ и въ Азіи, такъ какъ въ этихъ двухъ исполинскихъ континентахъ въ теченіе XIX вѣка постепенно накопилось столько непримиримыхъ между собою европейскихъ интересовъ, столько жизненныхъ экономическихъ вопросовъ и столько жгучаго національнаго матеріала, что потребуются долгіе и долгіе годы неустанной мирной и кровавой борьбы, чтобы должнымъ образомъ прочно разрѣшить тѣ великія міровыя задачи, которыя всюду представляются намъ въ таинственной будущности Азіи и Африкѣ, тѣмъ болѣе, что и Америка съ Австраліей легко могутъ выйти изъ своей теперешней замкнутости, чтобы принять участіе въ предстоящей всемірной борьбѣ за существованіе народовъ вселенной. Перипетіи Китайскаго вопроса, возникшаго въ истекшемъ году, представляютъ намъ, какъ въ микрокосмѣ, всѣ будущія исполинскія борьбы европейскихъ державъ въ дали отъ Европы съ туземными силами и между собой. И въ этихъ будущихъ борьбахъ все сильнѣе будутъ проявляться самыя элементарныя силы національизма, вопреки всѣмъ эгалитарнымъ иллюзіямъ обанкротившагося демократическаго космополитизма...

Мы до сихъ поръ не говорили о Россіи, занимавшей въ теченіе всего XIX вѣка, благодаренію Богу, совершенно обособленное, привилегированное положеніе въ Европѣ, предохранявшее ее отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ отъ XVIII вѣка революціонныхъ бурь и крушеній. Конечно, Россія слишкомъ близка къ Европѣ, чтобы не испытывать и въ себѣ отраженныхъ послѣдствій европейскаго взбаломученнаго моря, но бушующія волны его, совершая даже тяжкія опустошенія на берегахъ Россіи, всегда въ концѣ концовъ безсильно разбивались о гранитныя скалы ея мощнаго прибрежья. Объ эти скалы разбились и Наполеоновское нашествіе, и Декабристское сумасбродство, и Севастопольское нашествіе, и Польская коалиція, и конституціонныя домогательства нашихъ легальныхъ западниковъ и нелегальныхъ террористовъ, въ то время, какъ наше національное самосознаніе, воспрянувшее съ особою силой, какъ и въ Западной Европѣ, съ 1812 года, постепенно укрѣплялось и уяснялось, сперва въ боговдохновенныхъ рѣчахъ русскихъ іерарховъ, въ вѣщихъ

стихахъ русскихъ поэтовъ, въ пламенныхъ статьяхъ русскихъ публицистовъ, затѣмъ въ словахъ и дѣйствіяхъ русскихъ правительственныхъ лицъ и, наконецъ, въ полномъ, законченномъ олицетвореніи своемъ—въ царствованіи Русскаго Царя-Самодержца, Александра III.

Но если демократическія западныя вліянія и не достигли въ Россіи своей главной цѣли, сводящейся къ ограниченію, затѣмъ и къ уничтоженію Самодержавной Власти, они создали въ Россіи обширную массу людей, все еще стремящихся къ этой цѣли, захватившихъ въ свои руки многочисленные воспитательные и образовательные, даже чисто научные центры, а также всю почти русскую печать, ведущихъ отсюда соотвѣтствующую пропаганду среди юношества и всего русскаго общества, и проникающихъ во всѣ общественныя и правительственныя сферы, искажая тамъ правительственныя предначертанія въ антиправительственномъ направленіи.

Такимъ образомъ, если въ Западной Европѣ въ теченіе XIX вѣка происходила борьба между націонализмомъ и демократическимъ эгалитаризмомъ *согласно историческому ходу событій*, вызванныхъ паденіемъ монархической власти,—то въ Россіи возгорѣлась и до сихъ поръ ведется та же самая борьба, по *вопреки логикѣ событій*, такъ какъ Самодержавная Власть въ Россіи не только не пала, но сознательно окрѣпла, а потому въ Россіи не должно было бы быть ни малѣйшей почвы для какихъ бы то ни было демократическихъ, конституціонныхъ вождѣленій. Если у насъ, однако, возможенъ такой политическій абсурдъ, то онъ объясняется только тѣмъ, что Правительство настолько чувствуетъ себя безопаснымъ, что предоставляетъ своимъ врагамъ свободу антиправительственныхъ агитацій.

Дѣйствительно, демократическій парламентъ намъ теперь уже болѣе не опасенъ: если мы устояли противъ соблазна ввести у себя эту нелѣпость въ то время, когда она на Западѣ еще блистала своею мишурой, то ужъ, конечно, не введемъ ея у себя, когда она на Западѣ такъ позорно пала, и отъ нея остаются лишь разорванные, грязные лохмотья.

Но если намъ не опасна пропаганда парламентаризма, то для насъ вовсе не безопасно систематическое дискредитированіе правительственной власти, проповѣдь матеріалистическихъ и космополитическихъ теорій, подрывающихъ въ народѣ вѣру въ Бога, преданность Царю и любовь къ Отечеству. Мы мало, слишкомъ мало боролись въ XIX столѣтіи съ распространеніемъ этихъ теорій, и достигли этимъ того, что въ настоящее время соціализмъ является для насъ столь же грознымъ призракомъ XX вѣка, какъ и для Западной Европы, которая *не можетъ* предохранить себя отъ него тѣми мѣрами, которыя Россія и *можетъ*, и *должна* выдвинуть противъ него.

Объ этихъ мѣрахъ мы поговоримъ особо. Теперь же, въ заключеніе, мы позволимъ *себѣ еще разъ указать на тотъ фактъ*, что Европа въ XIX вѣкѣ жила въ политическомъ отношеніи двумя силами: *демократизмомъ* и *націонализмомъ*; изъ нихъ мы передаемъ XX столѣтію лишь *вторую* силу въ полномъ развитіи и полной энергіи, тогда какъ первая совершенно ослабла и влачитъ лишь жалкое существованіе.

И въ Россіи обѣ силы пришли къ такимъ же результатамъ: всюду, гдѣ появлялась первая, она производила дѣйствіе разлагающее, разрушающее, болѣзненное, вредное, тогда какъ вторая всюду оживляла самосознаніе, вызывала здоровую бодрость, созидательную дѣятельность и полезную энергію.

Въ виду этого, намъ необходимо въ наступившемъ нынѣ XX столѣтіи

освободиться отъ разбросанныхъ у насъ повсюду тлетворныхъ остатковъ демократизма и заняться укрѣпленіемъ въ Россіи здраваго, сознательнаго, просвѣщеннаго національзма, заключающагося въ завѣтныхъ индивидуальныхъ свойствахъ Русскаго народа, въ его преданности Богу, Царю и Отечеству.

Россія въ XIX столѣтіи.

Нѣтъ ни одного государства цивилизованнаго міра, которое бы не измѣнило въ большей или меньшей степени своего внѣшняго и внутренняго облика въ теченіе XIX столѣтія. Но едва ли можно найти другое государство, которое подвергнулось бы за это время такимъ разнообразнымъ и сильнымъ измѣненіямъ, какъ наше отечество.

Всѣ эти измѣненія имѣли своимъ конечнымъ результатомъ тотъ неоспоримый фактъ, что Россія не только окончательно вступила въ разрядъ великихъ міровыхъ державъ, но и заняла среди нихъ въ политическомъ отношеніи первенствующее мѣсто.

Конечно, Россія и въ XVIII вѣкѣ, при Петрѣ Великомъ и Великой Екатеринѣ, играла выдающуюся роль въ политическихъ судьбахъ Европы, но она въ то время исключительно сосредоточивалась въ олицетворявшихъ ее двухъ геніальныхъ ея Вождяхъ, окруженныхъ блестящими стаями талантливыхъ исполнителей Высочайшей Воли, за которыми лишь смутно чуялась невѣдомая еще Европѣ великая таинственная мощь русскаго народнаго генія. Европа знала русскихъ Царей, русскихъ царедворцевъ и полководцевъ, о Россіи же, какъ государственномъ и національномъ организмѣ, она имѣла самое смутное и дикое понятіе.

Да и какое понятіе имѣла сама Россія о себѣ? Необразованныя массы Русскаго народа тихо, молча, отчасти безсознательно хранили въ себѣ тѣ драгоцѣнные завѣты русской старины, которымъ суждено было лишь въ XIX вѣкѣ выступить на свѣтъ Божій въ назиданіе образованной Россіи; а образованная Россія въ теченіе всего XVIII вѣка сознавала лишь свое «варварство» и старалась рѣзко отдѣлить себя отъ Русскаго народа и рабски подражать во всемъ столь уродливо исказившейся въ XVIII вѣкѣ западно-европейской цивилизаціи.

Тяжелы были ученическіе годы Россіи, наполненные тщетными усиліями русскихъ образованныхъ людей совершенно сбросить съ себя черты русскаго національнаго характера и превратиться въ жалкую копію еще болѣе жалкаго оригинала, который, тѣмъ не менѣе, благодаря все-таки невольной преданности нѣкоторымъ *своимъ* національнымъ преданіямъ, стоялъ неизмѣримо выше своихъ русскихъ подражателей.

Но уже на порогѣ XX вѣка, въ Россіи появились первые протесты здраваго русскаго смысла противъ этого жалкаго, безплоднаго подражательнаго космополитизма. Русское самосознаніе пробуждается Екатериной Великой, Ломоносовымъ, фонъ-Визинымъ, Державинымъ и съ этого момента неудержимо растетъ, воплощаясь въ великихъ и скромныхъ герояхъ 1812 года, въ такомъ исторіографѣ, какъ Карамзинъ, въ такихъ великихъ іерархахъ Русской Церкви, какъ Платонъ и Филаретъ, и въ такомъ геніальномъ поэтѣ, какъ Пушкинъ.

Россія покончила со своимъ западнымъ ученичествомъ, она вернулась домой, она стала сама собой—и вотъ предъ *самобытною* Россіей широко растворились доселѣ запертыя двери Европы, и всѣ европейскія державы признали Россію себѣ равною съ того момента, какъ она перестала предъ ними раболѣпствовать въ слѣпомъ подражательномъ стремленіи, а заговорила русскимъ языкомъ для выраженія русскихъ чувствъ и русскихъ думъ какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ и искусствѣ

Совершившійся фактъ столь внезапнаго пробужденія всего могущественнаго разнообразія русскаго національнаго генія не могъ не поразить русскихъ мыслителей, на глазахъ которыхъ Русскій народъ изъ вчерашняго «варвара» превратился въ богато-одаренную націю, живущую неизслѣдованными еще драгоцѣнными культурными идеалами. Изучить, изслѣдовать національное сокровище Русскаго народа—вотъ что стало задачей той знаменитой плеяды людей «сороковыхъ годовъ», въ большинствѣ подготовленныхъ къ этой серьезной задачѣ тою классическою школой, которою обезсмертилъ себя графъ Уваровъ. Много сдѣлали эти люди, Хомяковы, Кирѣевскіе, Аксаковы, Погодины, Григорьевы, а впослѣдствіи въ особенности великій публицистъ земли Русской М. Н. Катковъ,—для систематическаго, научнаго выясненія и яркаго, убѣдительнаго изображенія истинной сути русской самобытности, а также для установленія тѣхъ изъ нея логическихъ выводовъ, которые должны были опредѣлить будущую историческую миссію Россіи.

Но прежніе «западники», эти слѣпые подражатели Европы, не сложили своего оружія предъ столь величаво развернувшимся на ихъ глазахъ національнымъ геніемъ Россіи. Они попрежнему упорно отрицали всякое самобытное ея культурное значеніе; они еще болѣе увлекались примѣромъ Европы съ тѣхъ поръ, какъ Французская Революція соблазнила и ихъ легковѣрные, поверхностные умы своими громкими лживыми фразами «о свободѣ, равенствѣ и братствѣ».

Не зная и *не желая знать* самобытныхъ историческихъ и культурныхъ особенностей Россіи, наши западники вообразили себѣ, будто все то, что по неизбѣжнымъ логическимъ законамъ совершалось во Франціи, а затѣмъ, по тѣмъ же *западнымъ* законамъ, совершалось въ остальной Европѣ,—будто все это должно, вопреки логическимъ законамъ *русской* самобытности, совершиться и въ Россіи. Они вступили въ непримиримую борьбу съ серьезными національными мыслителями сороковыхъ годовъ и своею численностью одержали во многихъ отношеніяхъ рѣшительную надъ ними побѣду.

Побѣду эту одержать имъ было тѣмъ легче, что результаты національныхъ изслѣдованій русскихъ мыслителей сороковыхъ годовъ оставались пока въ предѣлахъ ученой публицистической литературы и не только не были еще усвоены правительственными сферами, но возбуждали въ нихъ даже неудовольствіе своею откровенною критикой всѣхъ наносныхъ, ненаціональныхъ элементовъ тогдашняго государственнаго строя Россіи.

Императоръ Николай I, конечно, не давалъ ходу вожделѣніямъ западниковъ, понимая вѣрнымъ Своимъ чутьемъ ихъ заблужденія и вѣковѣчную правду Русскаго народа, но Онъ стоялъ совершенно одинокимъ на вершинѣ Россіи и не могъ передать Своего вѣрнаго пониманія ея сущности въ тѣхъ ясныхъ, несокрушимыхъ чертахъ, въ которыхъ впослѣдствіи сумѣлъ выразить свой національный идеалъ Царь Самодержецъ Александръ III.

Когда Императоръ Николай I почилъ отъ великихъ дѣлъ Своихъ среди

вихря нагрянувшаго на Россію Севастопольскаго шквала, въ Россіи восторжествовали и въ обществѣ, и въ законодательствѣ, и въ администраціи, теоріи западниковъ. Севастополь былъ объявленъ не славною эпопеей въ исторіи храбраго русскаго войска, а какимъ-то символическимъ крушеніемъ «старой, мрачной» Россіи, на которой былъ поставленъ крестъ, для того, чтобы создать на ея развалинахъ какую-то новую Россію, не помнящую ни родства, ни племени, и создать ее по послѣднимъ рецептамъ западно-европейскаго политическаго хаоса.

На смѣну серьезныхъ, вдумчивыхъ сороковыхъ годовъ наступили безшабашно-легкомысленные «шестидесятые годы», подготовленные къ тому же варварски-поверхностною среднею и высшею школой, замѣнившею собой классическую школу графа Уварова.

Какъ разъ въ это время начались, по волѣ Императора Александра II, тѣ великія три реформы, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали какъ всѣ Русскіе люди, такъ и наши западники: отмѣна крѣпостного права, установленіе праваго суда и привлеченіе мѣстнаго общества къ мѣстной хозяйственной дѣятельности.

Великодушный Государь ясно сознавалъ благое значеніе этихъ трехъ реформъ, которыя не только не находились въ противорѣчіи съ національными завѣтами Русскаго народа, но прямо ими требовались, во имя непосредственнаго сближенія Русскаго Царя со Своимъ народомъ.

Къ сожалѣнію, реформы эти, исполненныя руками торжествовавшихъ въ то время западниковъ, совершенно исказили благія намѣренія Царя-Освободителя.

Правда, отмѣна крѣпостного права устранила стоявшую между Царемъ и крестьянами чрезмѣрную, дававшую поводъ къ злоупотребленіямъ, власть помѣщика, но вмѣстѣ съ тѣмъ она устранила всякую власть помѣщика даже въ благодѣтельной ея формѣ, выбросила крестьянъ на произволъ необузданной свободы и вызвала, въ концѣ концовъ, какъ разореніе помѣщиковъ и крестьянъ, такъ и враждебный антагонизмъ между ними и страшное потрясеніе всѣхъ экономическихъ основъ Россіи.

Правда, реформа судебныхъ учрежденій уничтожила тотъ черный, позорный судъ, который такъ грубо издѣвался надъ Русскимъ народомъ, всегда стремившимся вѣрнымъ чутьемъ своимъ къ *Царской* справедливости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она поставила между народомъ и Царемъ автономное учрежденіе Сената, мѣняющее своими толкованіями изданные Имъ законы, а, сверхъ того, та же реформа превратила уголовный судъ въ нѣчто до такой степени противорѣчащее понятію «школы народной нравственности», что пришлось прибѣгнуть къ цѣлому роду «новеллъ», чтобы хоть сколько-нибудь смягчить вредныя послѣдствія, вызывавшіяся этою «школой».

Правда, земская и городская реформа сблизили представителей населенія съ представителями Царской власти, но не для предполагавшейся дружной совмѣстной работы, а для организаціи систематической оппозиціи «общественнаго самоуправленія» Правительству. Новая реформа, дѣйствительно, призвала мѣстное населеніе къ дѣятельности, но этотъ призывъ былъ сдѣланъ на основаніи того «выборнаго начала», которое по своей, присущей ему, нелѣпости, никогда нигдѣ никакого блага не приносило, а потому обрекло и наше «самоуправленіе» на дѣятельность, принесшую гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Къ тому же, земское и городское выборное начало было вве-

дено у насъ, по идеѣ нашихъ западниковъ, не столько ради блага мѣстныхъ интересовъ, сколько ради подготовленія всей Россіи къ тому «великому» выборному началу, которое въ ихъ мечтахъ должно было въ очень скоромъ времени ограничить собою Царское Самодержавіе.

Совершилось то, что при этихъ условіяхъ должно было совершиться: наступило самое тяжкое для Россіи время XIX вѣка, время тѣхъ мрачныхъ «семидесятыхъ годовъ», которые понизили значеніе Россіи среди европейскихъ державъ и привели насъ къ невыразимому ужасу 1 марта.

Это роковое число заключило собою циклъ нашей западнической эволюціи. Результатъ ея обнаружился со столь ошеломляющею ясностью, что вся Россія возликовала, когда Императоръ Александръ III провозгласилъ конецъ всякимъ шатаніямъ и окончательное возвращеніе Россіи на твердый національный путь Православія и Самодержавія,—на тотъ путь, по которому она затѣмъ уже спокойно шла въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій истекшаго вѣка, постепенно исправляя тяжкія ошибки предшествовавшаго смутнаго времени и не только не вѣдая внутреннихъ тревогъ и внѣшнихъ униженій, но занявъ среди державъ вселенной самое высокое почетное мѣсто хранительницы всеобщаго мира.

И вотъ въ началѣ XX вѣка Россія стоитъ въ полномъ сознаніи своей государственной мощи, своей національной самобытности, своей исторической миссіи. Она стала полноправною, первенствующею европейскою державой, потому что перестала рабски подражать Европѣ, потому что она, наравнѣ съ европейскими державами, дорожитъ, прежде всего, *своимъ* національнымъ достояніемъ. И тѣ лишь представители ея литературы и искусства вызвали уваженіе и преклоненіе себѣ Европы, которые оставались вѣрны своей русской самобытности. Къ тому же и возстановленіе серьезной классической школы призвало русскую науку съ восьмидесятыхъ годовъ къ новой плодотворной жизни и возвысило ее до уровня науки европейской.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Россія стала не менѣе могущественнымъ государствомъ и въ Азіи, призывая ее къ дѣятельной жизни подъ сѣнью русскихъ культурныхъ идеаловъ, идеаловъ истинно-христіанскихъ — строгой справедливости, религіозности и сердечнаго человѣколюбія.

Эти высокія качества, воплощенныя въ благодатное царствованіе нынѣ правящаго Россіей Государя, твердо держащагося непреложныхъ царственныхъ завѣтовъ Своего Великаго Родителя, да руководятъ Россіей въ теченіе грядущихъ временъ, да хранятъ ее отъ возвращенія къ прежнимъ печальнымъ блужданіямъ, да помогутъ ей уврачевать оставшіеся еще многочисленные недуги, навѣянные этими блужданіями, и да утвердятъ ее навѣки въ ея національномъ религіозно-государственномъ сознаніи — единственномъ залогѣ ея грядущаго счастья.

Къ университетскому вопросу.

Мы привели (№ 22) изъ «Воспоминаній» князя А. В. Мещерскаго отзывъ покойнаго князя о возможности вліянія университетскихъ профессоровъ на своихъ слушателей.

Князь Мещерскій сомнѣвался въ возможности этого вліянія, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Профессоръ,—этотъ жрецъ науки, поглощенный всецѣло своею специальностью, не знающій и не имѣющій возможности знать ничего о томъ, что̀ дѣлаютъ и о чемъ думаютъ студенты послѣ его лекціи,—можетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ ихъ наставникомъ, совѣтникомъ и руководителемъ внѣ стѣнъ университетской аудиторіи?

«Едва-ли кто нибудь изъ профессоровъ возьметъ на себя такую отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что законъ его къ этому не обязываетъ, да и времени у него для этого нѣтъ. Каждый профессоръ по прочтеніи своей лекціи сходитъ со своей каѳедры, убѣжденный, что онъ совершенно добросовѣстно исполнилъ единственный, возложенный на него долгъ, и что онъ болѣе никакой обязанности на себя не бралъ».

Вѣроятно, только-что приведенныя слова князя А. В. Мещерскаго найдутъ себѣ полное сочувствіе среди многихъ русскихъ профессоровъ, которые такъ именно на свою профессорскую обязанность и смотрятъ: «отзвонилъ—и съ колокольни долой».

Такіе профессора серіозно думаютъ, что вся ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы читать чисто-механически, въ видѣ живого фонографа, извѣстное число лекцій, а затѣмъ сходить со своей каѳедры, нисколько не интересуясь—научились ли чему-нибудь ихъ слушатели, извлекли ли они изъ этихъ лекцій какую-нибудь пользу, интересуются ли они этими лекціями, или вообще какою бы то ни было наукою, и вырабатываются ли изъ нихъ дѣйствительно серіозные научные дѣятели.

Но есть, слава Богу, у насъ и другіе профессора, рѣзко отличающіеся отъ этихъ бездушныхъ, механическихъ чтецовъ. Они ясно видятъ разницу между *кабинетнымъ ученымъ*, который дѣйствительно можетъ быть до того поглощенъ своею специальностью, что никого и ничего вокругъ себя не видитъ и не знаетъ,—и *университетскимъ преподавателемъ*, который приглашается Правительствомъ въ Университетъ вовсе не для того только, чтобы съ каѳедры «читать лекціи», а для того, чтобы *пріучать своихъ слушателей къ научной работѣ* по своей специальности.

Къ сожалѣнію, у насъ, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ механическихъ профессоровъ, сложились такіе университетскіе порядки, при которыхъ приведенный выше единственно правильный взглядъ на обязанность профессора можетъ многимъ казаться какою-то утопіей. Въ глазахъ громаднаго большинства нашей «интеллигенціи» вся научная дѣятельность Университета тѣмъ только и исчерпывается, что профессора «читаютъ лекціи», а студенты «слушаютъ лекціи» или, точнѣе, подписываются на литографированныя изданія читаемыхъ профессорами лекцій, а затѣмъ къ экзаменамъ заучиваютъ наизусть извѣстное число этихъ литографированныхъ листковъ.

О томъ, что студенты должны съ перваго и до послѣдняго курса ежедневно заниматься серіозною *научною работой*, дабы вполнѣ понять и усвоить себѣ специальные научные пріемы, и о томъ, что профессора должны тщательно *руководить этими работами*, такъ какъ безъ этой *совмѣстной* усердной *работы* профессоровъ и студентовъ вся университетская дѣятельность гроша мѣднаго не сто̀итъ,—объ этомъ у насъ въ обществѣ лишь немногіе имѣютъ ясное понятіе, что̀, впрочемъ, нисколько неудивительно, такъ какъ объ этомъ имѣютъ весьма смутное понятіе даже и такія близко стоящія къ высшему научному преподаванію сферы, отъ которыхъ этого всего менѣе можно было бы ожидать.

Но, какъ мы уже сказали, въ нашихъ университетахъ начинаетъ пробиваться новое, истинно научное направленіе, заключающееся въ томъ, что центръ тяжести университетскаго преподаванія постепенно передвигается съ механическаго «чтенія лекцій» къ практическимъ научнымъ работамъ студентовъ подъ руководствомъ университетскихъ преподавателей.

Правда, профессора стараго закала смотрятъ съ высоты своихъ каѳедръ на эти практическія занятія нѣсколько презрительно, сами до нихъ не нисходятъ, а предоставляютъ руководство этими занятіями молодымъ приватъ-доцентамъ. Но иначе и быть не можетъ. Человѣкъ, привыкшій изъ года въ годъ только къ механическому чтенію лекцій, совершенно растерялся бы, если бъ отъ него потребовали непосредственнаго общенія со студентами съ цѣлью руководить ихъ научными занятіями.

Зато молодые преподаватели, взявшіеся въ настоящее время за это руководство, начинаютъ уже вырабатывать съ этою цѣлью новые въ нашихъ университетахъ научно-дидактическіе пріемы и сами убѣждаются въ великой ихъ пользѣ. И конечно, когда они сами достигнутъ профессорскаго званія, они уже не будутъ ограничиваться бездушнымъ, механическимъ чтеніемъ лекцій, а организуютъ истинно-научныя практическія занятія, которыми будутъ руководить еще съ бо́льшею опытностью и съ бо́льшимъ авторитетомъ, нежели въ настоящее время. Они уже теперь понимаютъ, чего отъ нихъ въ правѣ требовать Правительство, поручая имъ научное образованіе нашего университетскаго юношества; они ясно сознаютъ, какъ ошибоченъ тотъ взглядъ, будто «профессоръ по прочтеніи своей лекціи сходитъ со своей каѳедры, въ сознаніи, что онъ совершенно добросовѣстно исполнилъ единственный возложенный на него долгъ, и что онъ болѣе никакой обязанности на себя не бралъ».

Новое поколѣніе профессоровъ знаетъ, какая на нихъ лежитъ обязанность помимо «чтенія лекцій». Они знаютъ, что Правительство не можетъ требовать отъ нихъ, чтобъ они читали своимъ слушателямъ «курсъ патріотизма», или «лекціи благонамѣренности», какъ это инсинуируютъ наши «либералы»,—но они знаютъ, что Правительство отъ нихъ въ правѣ требовать, чтобъ они *увлекали своихъ слушателей серіознымъ научнымъ трудомъ, такъ чтобы послѣдніе исключительно этимъ трудомъ и занимались.*

Вотъ истинное призваніе университетскаго профессора, призваніе единственно-достойное серіозной науки, единственно-полезное для учащагося юношества, а слѣдовательно и для всей Россіи.

Но если Правительство имѣетъ неотъемлемое право ставить университетскимъ профессорамъ такія требованія, оно обязано предоставить имъ полную возможность исполнять эти требованія.

Каковы условія обезпечивающія эту возможность?

Объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Финляндскій «Тайный патріотическій Союзъ».

Всѣ знали, что г. Мехелинъ составилъ подпольное финляндское правительство, но офиціальное наименованіе этой организаціи доселѣ не было из-

вѣстно. Называли ее, по аналогіи, то «ржондомъ», то «кагаломъ», то «исполнительнымъ комитетомъ», но никто не могъ ее назвать настоящимъ ея именемъ, вслѣдствіе чего многіе сомнѣвались даже въ ея существованіи.

Нынѣ эти сомнѣнія уже лишены всякаго основанія.

Подпольная организація, руководимая г. Мехелиномъ, приступила уже къ открытымъ дѣйствіямъ и огласила свое имя. Она титулуетъ себя «Тайный патріотическій Союзъ».

Мы узнаемъ объ этомъ фактѣ изъ слѣдующаго сообщенія, напечатаннаго въ № 20 *Финляндской Газеты*:

«5 февраля въ Гельсингфорсѣ, въ годовщину объявленія Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ Высочайшаго Манифеста 3 февраля 1899 года, былъ произведенъ рядъ манифестацій.

«Около пяти часовъ вечера, на электрическомъ проводѣ черезъ Эспланадную улицу отъ дома Гренквиста къ Вазаскому Банку было вывѣшено черное полотно съ именами сенаторовъ, подавшихъ голосъ за опубликованіе Манифеста. Тѣ же имена были изображены и на выставленномъ въ окнѣ магазина «Crescent» транспарантѣ, на которомъ, кромѣ того, читались надписи: «Законъ выше всего», «Страна должна управляться закономъ» и т. п.

«Въ началѣ восьмаго часа вечера, окна домовъ, выходящія на улицу, были тщательно завѣшены темными шторами, магазины заперты, и огни въ нихъ погашены. Остались освѣщенными нѣсколько русскихъ магазиновъ, квартиры большинства русскихъ жителей Гельсингфорса и лишь весьма немногіе изъ магазиновъ и квартиръ мѣстныхъ обывателей. Столь несвоевременное и согласное тушеніе огней во всемъ городѣ, очевидно, объяснялось во множествѣ разбрасываемыми и разносимыми по квартирамъ за нѣсколько дней предъ 5-мъ февраля объявленіями, приглашавшими потушить въ этотъ день огни съ 7 часовъ вечера.

«Въ половинѣ восьмаго, большая толпа, преимущественно молодежи и интеллигентовъ, собралась къ памятнику Императора Александра II, къ подножію котораго была возложена группою женщинъ траурная лента съ надписью; лента была вскорѣ убрана.

«Въ то же время значительная толпа народа, немалую часть которой составляла молодежь, сновала по улицамъ города, заставляя освѣщенные еще магазины потушить огни, при чемъ нѣкоторыя лица позволяли себѣ даже врываться въ магазины и лично тушить огни: такъ принуждены были погасить огни магазины Перлова, Воробьева, Аладьина, табачная лавка на Уніонской улицѣ, д. № 27, булочная на Генриховской улицѣ, въ домѣ «Kaleva», университетская аптека, греческій магазинъ Кулліаса и др.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ толпа собиралась также противъ нѣкоторыхъ освѣщенныхъ квартиръ Русскихъ, а отдѣльные манифестанты, не довольствуясь этимъ, позволяли себѣ даже звонить въ квартиры двухъ штабъ-офицеровъ, живущихъ въ центрѣ города, шумѣть на лѣстницахъ, грозить, и только участіе приглашенной квартирантами полиціи предотвратило вторженіе въ квартиры.

«Въ то же время, и съ тою же цѣлью, толпа собралась у книжнаго магазина Н. Т. Рѣзвого.

«Наконецъ, ею же былъ устроенъ кошачій концертъ у квартиръ нѣкоторыхъ сенаторовъ; въ окно одного изъ нихъ толпа, кромѣ того, бросала комьями снѣга. Сенаторами были получены угрожающія письма за подписью ««Тайнаго патріотическаго Союза»».

Манифестація эта даетъ намъ возможность констатировать не только существованіе этого «Союза», но и крайнюю недальновидность его руководителей.

Въ самомъ дѣлѣ, «Тайный Союзъ», очевидно, хотѣлъ своею манифестаціей содѣйствовать успѣхамъ финляндскаго сепаратизма, а между тѣмъ день, выбранный имъ для этой манифестаціи, можетъ только повредить этимъ успѣхамъ.

Вся сила финляндскаго сепаратизма заключается, какъ извѣстно, не въ Финляндскомъ народѣ, который относится къ нему весьма равнодушно, и не въ финляндскихъ «интеллигентахъ», которые сами по себѣ ровно ничего не значатъ, а въ «интеллигентахъ» *русскихъ*, которые своею многочисленностью, своимъ основательнымъ незнаніемъ финляндскаго вопроса и своимъ поверхностнымъ отношеніемъ ко всѣмъ вопросамъ вообще, имѣютъ весьма вредное вліяніе на нашу внутреннюю политику и являются, поэтому, весьма цѣнными, прямо незамѣнимыми союзниками г. Мехелина и его подпольной компаніи. Русскіе «интеллигенты» слѣпо вѣрятъ, что у этихъ агитаторовъ есть какія-то «законныя права»; они воображаютъ, что финляндская «интеллигенція» отличается какою-то безупречною «лойяльностью» по отношенію къ Русской Верховной Власти, и что она негодуетъ только на русскихъ «націоналистовъ», которые де хотятъ ее, во что бы то ни стало, поссорить съ этою Верховною Властію.

Въ виду этого, финскому «Тайному патріотическому Союзу» необходимо было бы, прежде всего, поддерживать эту иллюзію нашихъ «интеллигентовъ» и направить свои манифестаціи, если онѣ уже необходимы, исключительно противъ коварныхъ русскихъ «націоналистовъ», а отнюдь не противъ Русской Верховной Власти.

Что же дѣлаетъ «Тайный Союзъ»? Онъ своею гельсингфорсскою демонстраціей выступаетъ какъ разъ противъ Высочайшаго Манифеста и противъ тѣхъ финскихъ сенаторовъ, которые отнеслись лойяльно къ этому акту Государевой Воли и не воспротивились его опубликованію!

Неужели г. Мехелинъ не понимаетъ, что онъ этою дерзкою выходкой отталкиваетъ отъ себя всю массу преданныхъ ему русскихъ «интеллигентовъ», искренно думавшихъ, что онъ борется не противъ самой Верховной Власти, а лишь противъ ея «безтактныхъ» приверженцевъ?

Ошибка финскаго «Тайнаго Союза» усугубляется еще тѣмъ, что устроенная имъ поистинѣ мальчишеская демонстрація пришлась, какъ разъ въ то время, когда предстоитъ обсужденіе новаго закона о финляндской воинской повинности.

Г. Мехелинъ несомнѣнно разсчитываетъ, что при этомъ обсужденіи его финскіе и русскіе друзья постараются отстоять самостоятельность финской арміи, въ виду «общеизвѣстной лойяльности» Финляндцевъ по отношенію къ Верховной Власти. Эти друзья г. Мехелина, вѣроятно, уже приготовили цѣлый рядъ аргументовъ, основанныхъ на этой пресловутой «лойяльности»,—и вдругъ тотъ же г. Мехелинъ устраиваетъ посредствомъ своего «Тайнаго Союза», въ Гельсингфорсѣ, 5 февраля совершенно уже не лойяльную демонстрацію противъ Высочайшаго Манифеста!

Ну, можно ли быть болѣе непослѣдовательнымъ и неосторожнымъ? Вѣдь однимъ этимъ ударомъ г. Мехелинъ самъ же ниспровергаетъ всѣ аргументы своихъ друзей, такъ что у нихъ теперь по неволѣ опустятся руки. Даже са-

мые близорукіе изъ нихъ поймутъ теперь истинное положеніе дѣла въ Финляндіи и весь тотъ обманъ, въ сѣтяхъ котораго они до сихъ поръ находились, несмотря на предупрежденія русскихъ «націоналистовъ», давно уже изучившихъ и понявшихъ и Финляндскій народъ, и финляндскую интеллигенцію, и весь Финляндскій вопросъ.

Наши «интеллигенты» поймутъ теперь и то, что русскіе «націоналисты» никогда и не думали «ссорить» Финляндцевъ съ Верховною Властію, а только требовали, чтобы Финляндцы такъ же глубоко чтили и уважали эту Власть, какъ это дѣлаютъ всѣ Русскіе. Наши «націоналисты» никогда и не «раздували» финляндскаго вопроса, а только указывали на то, что̀ въ немъ важно и что̀ несеріозно.

Вотъ и теперь, станемъ ли мы тревожиться тѣмъ, что произошло 5 февраля въ Гельсингфорсѣ и приписывать манифестаціи «Тайнаго Союза» какое-нибудь особенно грозное значеніе?

Конечно, нѣтъ. Велика дерзость финляндскихъ сепаратистовъ, но и велика сила Русской власти, находящейся въ Финляндіи въ твердыхъ, надежныхъ и опытныхъ рукахъ.

Къ тому же, если судить по устроенной этими господами манифестаціи, то недальновидность ихъ превосходитъ своими размѣрами даже ихъ дерзость. Это не польскіе и даже не балтійскіе сепаратисты, а сепаратисты совершенно особаго рода, которые отталкиваютъ отъ себя своихъ надежнѣйшихъ союзниковъ и сами себя головой выдаютъ въ самое критическое время!

Правда, они нѣкогда были великіе мастера на подтасовку архивныхъ документовъ и на эскамотированіе нужныхъ имъ законовъ у представителей Русской власти, не достаточно освѣдомленныхъ объ истинномъ положеніи вещей. Но это время прошло. Русская власть теперь зорко слѣдитъ за всею этою компаніей престидигитаторовъ; и вотъ они вынуждены играть уже съ открытыми картами, такъ что всѣ ясно видятъ, что послѣ того, какъ они теперь, по оплошности, отбросили своихъ русскихъ друзей, у нихъ уже на рукахъ ни одного даже козыря не осталось.

При такихъ условіяхъ, благоразуміе должно было бы подсказать г. Мехелину, что ему остается только признать свою партію проигранною и распустить свой «Тайный Союзъ», дабы не подвергать свою родину совершенно ненужнымъ и вреднымъ тревогамъ и искушеніямъ.

Но развѣ такому заядлому честолюбцу, какъ г. Мехелинъ, есть какое-нибудь дѣло до истиннаго блага его родины?

Покушеніе на жизнь министра народнаго просвѣщенія.

Послѣднія полученныя нами свѣдѣнія о состояніи здоровья Н. П. Боголѣпова настолько утѣшительны, что даютъ основаніе надѣяться на быстрое и полное его выздоровленіе, а слѣдовательно и на то, что Государю Императору будетъ сохраненъ одинъ изъ наиболѣе преданныхъ и безкорыстныхъ Его слугъ, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и стойкихъ исполнителей Его Монаршей Воли.

Эти высокія и столь драгоцѣнныя въ русскомъ государственномъ человѣкѣ качества признаются за Н. П. Боголѣповымъ рѣшительно всѣми, кто только имѣлъ случай ознакомиться съ нимъ и съ его дѣятельностью какъ въ Москвѣ, такъ въ особенности и въ Петербургѣ. Вѣрность своему, ясно сознанному, долгу, доходящая до полнаго самопожертвованія,—вотъ отличительная черта Николая Павловича, высоко цѣнимая всѣми людьми, для которыхъ идея долга на государственномъ поприщѣ не есть пустое слово. Всѣ они настолько же радуются минованію опасности, угрожавшей жизни Н. П. Боголѣпова, насколько были потрясены и встревожены первою вѣстью о томъ возмутительномъ преступленіи, жертвой котораго сдѣлался столь выдающійся представитель Государственной Власти.

Благополучное минованіе опасности даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность болѣе спокойно оцѣнить значеніе даннаго событія.

Прежде всего является вопросъ о томъ, какую цѣль могло имѣть совершенное преступленіе; и какими оно обладало шансами для достиженія этой цѣли?

Мы не знаемъ, могли ли имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ какіе-либо чисто-личные мотивы, побудившіе бывшаго студента Карповича поднять руку на министра Народнаго Просвѣщенія. Само собою разумѣется, что, при существованіи такихъ личныхъ мотивовъ, значеніе даннаго преступленія уменьшилось бы въ значительной степени и не могло бы подать повода къ какимъ-либо опасеніямъ въ области общегосударственной жизни. Но если-бы даже предположить, что начавшееся слѣдствіе обнаружитъ, что преступникъ имѣлъ въ виду своимъ возмутительнымъ дѣломъ вызвать какое-либо измѣненіе въ направленіи общей дѣятельности г. министра и подчиненнаго ему вѣдомства, то едва ли и въ такомъ случаѣ нашелся бы благоразумный человѣкъ, который сталъ бы опасаться, какъ бы цѣль эта не была достигнута.

Не говоря уже объ общеизвѣстной стойкости характера самого министра, привыкшаго всегда дѣйствовать открыто, честно и безбоязненно, повинуясь исключительно велѣніямъ своей совѣсти, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и ближайшіе, выбранные имъ самимъ, помощники несомнѣнно будутъ и впредь идти съ обычною твердостью по разъ намѣченному имъ пути. Они сдѣлаютъ это въ полной увѣренности, что встрѣтятъ дружную поддержку и во всѣхъ остальныхъ вѣдомствахъ высшаго Правительства, вполнѣ сознающаго всю непреложность той элементарной истины, что сила и процвѣтаніе государства находятся въ прямой зависимости отъ гармоническаго взаимодѣйствія всѣхъ его органовъ, дѣятельность которыхъ всегда должна быть направлена, безъ малѣйшихъ колебаній, по прямому, всѣмъ ясному, пути къ высокой,точно опредѣленной государственой цѣли. Что можетъ, при такомъ крѣпкомъ единеніи высшихъ государственныхъ факторовъ, сдѣлать злая воля отдѣльныхъ частныхъ единицъ, хотя бы и выражающаяся въ такой насильственной формѣ, какъ преступленіе бывшаго студента Карповича? Какою нужно страдать близорукостью, чтобы хотя на мгновеніе допустить мысль, что цѣль этого жалкаго безумца, какова бы она ни была, можетъ быть достигнута такими преступными, поистинѣ возмущающими всѣхъ честныхъ людей, средствами? Какъ можно предположить, чтобъ его преступленіе могло имѣть хоть какое-нибудь вліяніе на прочно установленный ходъ нашего государственного организма?

Въ виду этого, нѣтъ ни малѣйшаго основанія предаваться въ этомъ

отношеніи какимъ-либо тревогамъ. Разслѣдованіе преступленія поручено опытнымъ рукамъ, такъ что оно несомнѣнно будетъ раскрыто во всѣхъ своихъ подробностяхъ и понесетъ заслуженную кару, все равно было ли оно личнымъ дѣломъ бывшаго студента Карповича, или же онъ самъ былъ орудіемъ какихъ-либо иныхъ злонамѣренныхъ людей.

Къ тому же, въ настоящее время возможность появленія такихъ преступниковъ какъ Карповичъ въ значительной степени уменьшена.

Въ самомъ дѣлѣ, Карповичъ, какъ нынѣ стало извѣстнымъ, былъ два раза студентомъ, сперва въ Московскомъ, а затѣмъ въ Юрьевскомъ университетѣ, въ тотъ именно періодъ, когда наша университетская жизнь такъ часто нарушалась безпорядками. Эти безпорядки вызывались существовавшимъ среди студентовъ воображеніемъ, будто они этимъ насильственнымъ путемъ могутъ вырвать у Правительства какія-то «права» и «привилегіи», не имѣющія ничего общаго съ ихъ научными занятіями, ради которыхъ они только и находятся въ университетѣ. Эти неосуществимыя иллюзіи студентовъ сбивали ихъ съ толку, отвлекали отъ прямого ихъ долга и направляли на путь, который могъ привести ихъ только къ самымъ неблагопріятнымъ для нихъ результатамъ, причинявшимъ столько горя ихъ родителямъ и всѣмъ искреннимъ и разумнымъ друзьямъ учащагося юношества. Студентовъ, упорно отказывавшихся учиться и смущавшихъ этимъ своихъ добросовѣстно трудившихся товарищей, приходилось удалять изъ университетовъ, ставя ихъ, нуждавшихся въ твердомъ руководствѣ, въ условія полной разнузданности, бездѣлія и своеволія. На исправленіе ихъ въ такихъ условіяхъ трудно было надѣяться; напротивъ того, нужно было опасаться, что они, если и вернутся, то лишь очень поздно, къ истинному сознанію своего долга, послѣ тяжкихъ уроковъ суровой жизненной школы, тогда какъ иные изъ нихъ даже направятся на еще болѣе пагубный путь. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ и Карповичъ.

Но съ 1899 года это, длившееся столь долгое время, ненормальное положеніе въ нашихъ университетахъ сразу измѣнилось. Полная безуспѣшность организованной въ то время врагами учащагося юношества «всероссійской обструкціи» убѣдила студентовъ въ безуспѣшности и дальнѣйшихъ попытокъ къ подобной насильственной борьбы за совершенно несбыточныя и безполезныя мечтанія, а съ другой стороны, Высочайше утвержденныя Временныя Правила о немедленномъ отбываніи воинской повинности молодыми людьми, утратившими право на ея отсрочку—избавили этихъ несчастныхъ отъ того безпризорнаго, безпріютнаго, безпорядочнаго существованія, на которое они обрекались въ прежнее время по удаленіи изъ учебныхъ заведеній.

И вотъ мы видимъ, что, когда тѣ же враги нашего юношества намѣревались и въ настоящемъ году организовать такую же «обструкцію», какъ и два года назадъ, они встрѣтили совершенно измѣнившіяся съ того времени условія: вся громадная масса студенчества не пошла въ ихъ сѣти, и намѣренія ихъ потерпѣли жалкое фіаско; имъ удалось сбить съ толку изъ нѣсколькихъ тысячъ студентовъ лишь нѣсколько десятковъ, да и тѣ, если имъ придется теперь отбывать воинскую повинность въ рядахъ доблестнаго Русскаго воинства, несомнѣнно вернутся затѣмъ вполнѣ отрезвленными къ исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей.

Полный успѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты въ 1899 году, до

такой степени очевиденъ, что и это обстоятельство, на ряду съ приведенными выше соображеніями, является въ настоящее время для общества важнымъ и существеннымъ элементомъ нравственнаго успокоенія и полной увѣренности въ неизмѣнности дальнѣйшаго направленія нашей государственной жизни.

Университетскій вопросъ.

Въ № 49 мы имѣли случай указать на благопріятные результаты принятыхъ въ 1899 году мѣръ къ нѣкоторому упорядоченію нашей, къ сожалѣнію, столь ненормальной университетской жизни.

Мѣры эти имѣютъ, однако, лишь временный характеръ и непосредственно касаются не тѣхъ молодыхъ людей, которые находятся въ университетахъ, а тѣхъ, которые, по необходимости, удаляются изъ университетовъ за нарушеніе установленныхъ закономъ учебныхъ порядковъ. А между тѣмъ одинъ уже тотъ фактъ, что въ нашихъ университетахъ приходится считаться съ такою печальною необходимостью, указываетъ на неотложность болѣе существенныхъ реформъ въ самой организаціи нашей высшей научной школы.

Въ чемъ же должны заключаться эти реформы?

Онѣ, конечно, могутъ быть весьма разнообразны, стремясь къ усовершенствованію всѣхъ различныхъ частей, изъ которыхъ состоитъ сложный организмъ университета, Недавно мы указывали на одну изъ такихъ реформъ, заключающуюся въ замѣнѣ всюду, гдѣ это только возможно, безплодной лекціонной системы несравненно болѣе цѣлесообразною и полезною системой практическихъ занятій подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ.

Но эта реформа, какъ и многія другія университетскія реформы, не осуществима, или же, при осуществленіи своемъ, останется лишь на бумагѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ устраненъ главный недостатокъ нашихъ столичныхъ университетовъ,—которые мы преимущественно имѣемъ въ виду при обсужденіи даннаго вопроса,—а именно, чрезмѣрное число «учащихся», до такой степени препятствующее правильному ученію, что дѣйствительно серіозно-учащихся является въ каждомъ изъ университетовъ лишь незначительное меньшинство.

Но и это меньшинство, совершенно затертое громаднымъ большинствомъ студентовъ, занимающихся всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не ученіемъ, лишено возможности получать всю ту пользу отъ университетскаго преподаванія, ради которой университеты только и существуютъ. Профессора вынуждены понижать свое преподаваніе и свои требованія до средняго уровня своихъ слушателей, который, конечно, по качеству всегда бываетъ тѣмъ ниже, чѣмъ выше количество этихъ слушателей.

Къ тому же профессоръ, въ особенности на первыхъ курсахъ, не можетъ различить индивидуальныхъ способностей своихъ безчисленныхъ студентовъ, не можетъ войти въ болѣе близкія сношенія съ каждымъ изъ нихъ на почвѣ научныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего эти интересы становятся совершенно чуждыми весьма многимъ студентамъ, которые въ виду этого стремятся найти себѣ другіе интересы въ сферахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой, увлекая въ эти сферы и остальныхъ своихъ товарищей.

И вотъ мы видимъ, что равнодушіе къ наукѣ у большинства студентовъ доходитъ до того, что они начинаютъ сколько-нибудь серіозно заниматься наукой лишь весной, передъ экзаменами, остальную же часть года увлекаются совершенно иными «вопросами», лишь изрѣдка заходя въ университетскія аудиторіи. Скажите заурядному русскому студенту, что онъ находится въ университетѣ исключительно ради науки, и вы этимъ его приведете въ негодованіе: онъ серіозно отвѣтитъ вамъ, что онъ, какъ студентъ, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общественные и политическіе интересы; вы ясно увидите, что наука для него есть лишь предлогъ для того, чтобы числиться въ университетѣ, что онъ занимается ею не ради ея самой, а лишь для того, чтобы «выдерживать» назначенные экзамены, на которые онъ смотритъ какъ на необходимое зло.

Всѣ эти странныя идеи возникаютъ и распространяются въ той массовой средѣ предоставленнаго самому себѣ студенчества, которая стоитъ, вслѣдствіе своего подавляющаго многолюдства, внѣ всякаго контроля, какъ со стороны профессоровъ, такъ и со стороны университетской администраціи. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи ни о сосредоточенномъ высоконаучномъ университетскомъ преподаваніи, ни о правильномъ нравственномъ вліяніи на необозримую массу студентовъ, среди которыхъ, вслѣдствіе этого, такъ легко развиваются массовые, а иногда и чисто-стадные инстинкты.

И вотъ мы видимъ предъ собой слѣдующую странную картину: въ гимназіи ученики подчинены учебной дисциплинѣ, на государственномъ поприщѣ— строгой дисциплинѣ служебной, а въ университетѣ, служащемъ переходною, подготовительною ступенью отъ средней школы къ государственной службѣ, царитъ полное отсутствіе дисциплины, полная разнузданность, служащая главною причиной всѣхъ прискорбныхъ явленій въ нашихъ университетахъ.

Явленія эти принимаютъ у насъ подчасъ такіе размѣры и такое значеніе, что выдвигаются на первый планъ нашей государственной жизни, и Россіи приходится тогда, откладывая въ сторону всѣ серіозные насущные вопросы своей внутренней и внѣшней политики, почти исключительно посвящать свое вниманіе тѣмъ или инымъ событіямъ въ сферѣ университетской жизни, которая, какъ и всякая иная школьная жизнь, должна протекать, ради собственной пользы, среди полнѣйшаго мирнаго покоя, безъ котораго совершенно немыслимы какіе бы то ни были успѣхи въ области науки.

Какъ же устранить чрезмѣрное переполненіе нашихъ университетовъ массой чуждыхъ наукѣ молодыхъ людей, являющееся столь непреодолимымъ препятствіемъ для организаціи истинно плодотворныхъ научныхъ занятій и для поддержанія необходимаго для этихъ занятій спокойнаго порядка?

На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить въ слѣдующей статьѣ.

Чрезмѣрное переполненіе нашихъ столичныхъ университетовъ молодыми людьми, изъ коихъ одни не желаютъ, а другіе не имѣютъ возможности серіозно и спокойно сосредоточиваться надъ своею научною работой,— является коренною причиной всѣхъ тѣхъ ненормальныхъ явленій нашей университетской жизни, о которыхъ мы подробно говорили.

Въ виду этого безспорнаго факта, благоразумные люди, близко знакомые съ этою жизнью, неизбѣжно приходятъ къ тому выводу, что никакія

реформы нашихъ университетовъ не возстановятъ нормальнаго въ нихъ порядка, пока этотъ порядокъ будетъ находиться въ зависимости отъ недисциплинированной, безпризорной массы студентовъ, живущихъ не только внѣ университетскихъ стѣнъ, но и внѣ всякихъ научныхъ интересовъ, не признающихъ для себя обязательности законовъ, требующихъ себѣ всевозможныхъ правъ и не желающихъ нести никакихъ обязанностей.

Можно тратить милліоны на сооруженіе великолѣпныхъ аудиторій и лабораторій, на организацію и пополненіе богатыхъ научныхъ коллекцій, на замѣщеніе каѳедръ первоклассными свѣтилами науки,—и всѣ эти траты будутъ, совершенно непроизводительными, коль скоро рядомъ съ роскошно-обставленными университетами будетъ существовать громадное, никому не подчиняющееся, полчище юнцовъ, гордящихся лишь именемъ студентовъ, но не желающихъ учиться и считающихъ себя уже самостоятельными, взрослыми людьми, призванными играть какую-то выдающуюся роль въ нашей общественной и государственной жизни. Университетская администрація и профессора до тѣхъ поръ будутъ лишены физической возможности благотворно вліять въ нравственномъ и научномъ отношеніяхъ на «учащуюся молодежь», пока эта молодежь не сдѣлается доступною ихъ вліянію, пока она не превратится изъ необозримаго стада праздныхъ болтуновъ и верхоглядовъ въ правильно-организованныя для научныхъ занятій небольшія группы культурныхъ, дѣйствительно *учащихся* молодыхъ людей, относящихся не съ презрѣніемъ, а съ искреннимъ уваженіемъ къ «чистой наукѣ» и къ ея достойнымъ представителямъ *).

Но если чрезмѣрное переполненіе нашихъ столичныхъ университетовъ признается всѣми зломъ подлежащимъ безусловному устраненію, то мѣры ведущія къ этому устраненію далеко не для всѣхъ ясны. Вотъ почему очевидное для всѣхъ зло продолжаетъ существовать, точно какой-то непреодолимый рокъ, губящій цвѣтъ нашего юношества, парализующій развитіе нашей науки, вносящій смуту въ нашу общественную и государственную жизнь.

Правда, были сдѣланы нѣкоторыя робкія попытки къ борьбѣ съ этимъ зломъ, которыя, конечно, ничего существеннаго въ положеніи нашихъ университетовъ не измѣнили.

Было издано, напримѣръ, распоряженіе, чтобы въ Московскій и Петербургскій Университеты принимались лишь молодые люди кончившіе курсъ въ одной изъ гимназій Московскаго или Петербургскаго учебныхъ округовъ, по принадлежности. Но отъ этого ни количественный, ни качественный составъ петербургскихъ и московскихъ студентовъ не подвергся какой-либо рѣзкой метаморфозѣ, такъ какъ сами гимназіи столичныхъ учебныхъ округовъ до невозможности переполнены учениками, переполняющими, въ свою очередь, столичные университеты.

Затѣмъ открылись нѣкоторыя высшія спеціальныя учебныя заведенія, которыя, однако, весьма благоразумно, разсчитаны были на ограниченный комплектъ учащихся, а потому могли отвлечь лишь совершенно минимальное количество студентовъ изъ почти-безграничной массы студентовъ, переполняю-

---

*) Нигдѣ, кромѣ Россіи, вы не встрѣтите среди студентовъ такихъ баши-бузуковъ, которые считали бы своимъ призваніемъ выражать грубые протесты противъ „жрецовъ чистой науки“, желающихъ возвысить своихъ слушателей до серьезныхъ научныхъ интересовъ.

щихъ университеты. Обѣщаютъ еще открыть нѣсколько высшихъ специальныхъ школъ, но все это будутъ ничтожныя капли сравнительно съ безбрежнымъ моремъ университетскаго студенчества.

Конечно, если бы доступъ въ эти высшія учебныя заведенія былъ такъ же легокъ, какъ въ наши университеты, то и они были бы такъ же переполнены какъ университеты, но тогда уже и въ нихъ не могло бы быть рѣчи о серіозныхъ спеціальныхъ занятіяхъ.

Но высшіе спеціальные институты хорошо знаютъ, при какихъ условіяхъ могутъ идти дѣйствительно плодотворныя занятія студентовъ, а потому они и не допускаютъ у себя развитія того зла, которое губитъ наши университеты.

Они, *во первыхъ*, точно опредѣляютъ число своихъ студентовъ соразмѣрно съ тѣми условіями, при которыхъ возможенъ серіозный контроль за ихъ занятіями, а *во вторыхъ*, они принимаютъ въ число своихъ студентовъ лишь молодыхъ людей съ выдающимися способностями къ научнымъ занятіямъ.

Но если это такъ, то почему же наши университеты не слѣдуютъ этому столь раціональному примѣру нашихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній? Развѣ университетскіе факультеты не являются такими же спеціальными научными институтами, какими, напримѣръ, считаются институты инженерные, политехническіе, горные и другіе? Почему же эти послѣднія заведенія имѣютъ право выбирать изъ массы молодыхъ людей лишь опредѣленное число самыхъ способныхъ и трудолюбивыхъ студентовъ, стремящихся учиться и дѣйствительно усваивающихъ себѣ науки, тогда какъ наши университеты лишены этого права?

Въ самомъ дѣлѣ, наши университеты принуждены принимать въ свои стѣны безо всякаго разбора всю массу бывшихъ гимназистовъ со всѣми находящимися среди нихъ бездарными посредственностями и лѣнтяями, не имѣющими ни охоты, ни способностей къ научнымъ занятіямъ и являющимися затѣмъ въ университетахъ совершенно ненужнымъ балластомъ, мѣшающимъ учиться даровитому меньшинству студентовъ.

Невольно возникаютъ весьма интересныя соображенія, при сравненіи нашихъ университетовъ съ остальными высшими спеціальными учебными заведеніями. Къ этимъ соображеніямъ мы и вернемся въ слѣдующей статьѣ.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы констатировали тотъ фактъ, что главная причина всѣхъ ненормальныхъ явленій въ нашей университетской жизни заключается въ чрезмѣрномъ переполненіи нашихъ высшихъ научныхъ школъ молодыми людьми, изъ коихъ одни не обладаютъ необходимыми способностями къ серіознымъ занятіямъ, другіе не желаютъ посвящать себя научному труду, а третьи не имѣютъ физической возможности спокойно сосредоточиваться надъ этимъ трудомъ.

Съ другой стороны, мы указали и на тотъ общеизвѣстный фактъ, что остальныя наши высшія спеціальныя учебныя заведенія не знакомы съ этими ненормальными явленіями: они допускаютъ точно опредѣленное число своихъ студентовъ, лишь самыхъ способныхъ къ серіозному труду юношей, и затѣмъ имѣютъ возможность слѣдить за сосредоточенностью и успѣшностью этого труда, обставляя его самыми благопріятными для сего условіями.

Почему же, спрашивали мы, наши университеты не имѣютъ права дѣлать то же самое, что́ съ такимъ успѣхомъ дѣлаютъ остальныя высшія спеціальныя заведенія?

Развѣ научныя занятія на нашихъ университетскихъ факультетахъ должны быть менѣе серіозны и менѣе производительны, чѣмъ въ нашихъ высшихъ техническихъ институтахъ? Мы называемъ эти институты «спеціальными», какъ бы въ противоположность университетамъ, которые считаемъ какими-то «общими» школами. Но эта противоположность только кажущаяся. «Общими» университеты могутъ считаться лишь потому, что они являются общимъ учрежденіемъ, соединяющимъ въ себѣ нѣсколько спеціальныхъ факультетовъ. Эти спеціальные факультеты имѣютъ общія зданія, общаго ректора, общую высшую администрацію, общую библіотеку—и только; правда, въ доброе старое время нѣкоторые предметы читались одновременно студентамъ различныхъ факультетовъ; но теперь такимъ предметомъ осталось только богословіе, такъ какъ спеціализація наукъ такъ быстро прогрессируетъ, что уже сами факультеты раздѣлились на самостоятельныя *спеціальныя* учрежденія.

Въ самомъ дѣлѣ, если горный инженеръ или технологъ у насъ считаются «спеціалистами», то почему же не такіе же «спеціалисты» астрономъ или хирургъ? А если это такъ, то почему же государство и общество менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы, напримѣръ, хирургами у насъ были столь же серіозно учившіеся даровитые спеціалисты, какъ и горные инженеры или электротехники? Въ такомъ случаѣ становится совершенно очевиднымъ, что и на наши университетскіе факультеты слѣдуетъ принимать молодыхъ людей съ такимъ же строгимъ разборомъ, какъ и въ высшіе техническіе институты, давая имъ затѣмъ полную возможность спокойно и сосредоточенно изучать свою спеціальную науку со всѣми ея техническими пріемами, не подвергаясь какимъ бы то ни было помѣхамъ со стороны товарищей, не способныхъ и не желающихъ учиться.

Итакъ, первымъ условіемъ для урегулированія нашей университетской жизни является *пріемъ въ университеты точно опредѣленнаго числа даровитыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ людей.*

Этою мѣрой будетъ достигнутъ цѣлый рядъ самыхъ благопріятныхъ результатовъ:

1) Успѣшность научныхъ занятій въ университетахъ сразу возвысится, такъ какъ профессора, имѣя предъ собой небольшія, сравнительно, группы слушателей, будутъ имѣть возможность близко знакомиться съ ихъ индивидуальными дарованіями, плодотворно руководить ихъ научными занятіями и входить съ ними въ то тѣсное единеніе на научной почвѣ, безъ котораго въ молодомъ человѣкѣ не можетъ развиваться любовь къ истинно-научнымъ интересамъ.

2) Успѣшность университетскихъ занятій возвысится и потому, что наукой будутъ заниматься исключительно даровитые и трудолюбивые студенты, дѣйствительно дорожащіе интересами науки и видящіе единственною цѣлью своего пребыванія въ университетѣ возможно лучшее и полнѣйшее усвоеніе научныхъ данныхъ и пріемовъ.

3) Въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ нашихъ университетовъ водворится *уже съ первыхъ курсовъ* совершенно невѣдомый теперь духъ истинной научности, котораго одного уже будетъ достаточно для организаціи той нормальной университетской жизни, свободной отъ всякихъ чуждыхъ наукѣ стремле-

ній и агитацій, вслѣдствіе чего сдѣлаются совершенно излишними и всякія репрессіи, со всѣми нежелательными ихъ послѣдствіями.

4) При устраненіи теперешняго хаотическаго переполненія университетовъ студентами, можно будетъ достигнуть и того, недосягаемаго нынѣ, идеала, что всѣ студенты будутъ пользоваться благами либо семейной жизни, либо правильно-организованныхъ общежитій, и такимъ образомъ будутъ предохранены отъ теперешняго массоваго—умственнаго, нравственнаго и физическаго—развращенія.

5) Въ нашихъ университетахъ будетъ идти такая же правильная, спокойная и плодотворная работа, какъ и во всѣхъ нашихъ научныхъ техническихъ и художественныхъ высшихъ школахъ, которыя подаютъ о себѣ вѣсть государству и обществу лишь своими окончательными результатами, а не своими внутренними безпорядками.

6) Результаты даваемые нашими университетами будутъ несравненно болѣе цѣнными, нежели теперь, и сторицей окупятъ производимыя на нихъ государствомъ и обществомъ траты, которыя нынѣ въ значительной степени являются прямо непроизводительными.

Таковы прямыя послѣдствія той мѣры, которую, какъ мы ясно видимъ, необходимо примѣнить къ нашимъ университетамъ, сравнявъ ихъ, *по праву выбора своихъ студентовъ,* съ прочими нашими высшими учебными заведеніями. Легко представить себѣ и дальнѣйшія вытекающія изъ этихъ послѣдствій благопріятные результаты.

Но столь же легко предвидѣть и возраженія противъ этой единственно-практической и благодѣтельной мѣры.

Къ разбору этихъ возраженій мы не замедлимъ приступить, и надѣемся доказать ихъ неосновательность.

«Протестъ» двадцати одного финляндца.

Въ нѣкоторыхъ финляндскихъ газетахъ напечатанъ «Протестъ» слѣдующаго содержанія:

„Въ № 42 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена статья, которая, между прочимъ, утверждаетъ, что въ Финляндіи образовалось тайное сепаратистское правительство, что во главѣ его стоитъ г. Л. Мехелинъ, и что этою тайною организаціей произведены были демонстраціи въ Гельсингфорсѣ 18 февраля. Каждый человѣкъ въ Финляндіи хорошо знаетъ, что эти утвержденія отъ начала до конца ложны, что въ краѣ не существуетъ никакого тайнаго сепаратистскаго общества и что уличныя происшествія 18 февраля, которыя, кстати, не имѣли тѣхъ размѣромъ, какіе приписаны имъ слухами,—произведены лицами, не имѣющими ничего общаго съ политическою дѣятельностью. Но такъ какъ публично-высказанныя обвиненія, какъ бы неосновательны они ни были, все-таки могутъ пріобрѣсти себѣ вѣру за предѣлами края и внушить неправильныя представленія лицамъ, незнакомымъ съ положеніемъ дѣлъ въ Финляндіи, то нижеподписавшіеся желаютъ, посредствомъ настоящаго заявленія, выразить категорическій протестъ противъ этихъ унизительныхъ и ложныхъ обвиненій, обрушивающихся какъ на весь Финскій народъ въ его цѣломъ, такъ и, въ частности, на человѣка, котораго продолжительная и безупречная (?) дѣятельность должна бы защитить его отъ подобныхъ коварныхъ нападокъ".

Гельсингфорсъ, 2 марта 1901 годъ.

„К. Антелль, предсѣдатель Ипотечнаго Общества, Т. Седергольмъ, бывшій сенаторъ,

О. Доннеръ, профессоръ, Р. Эльвингъ, горный совѣтникъ К. Г. Эстландеръ, статскій совѣтникъ А. Грипенбергъ, оберъ-директоръ М. Галльбергъ, купецъ Р. Германсонъ, профессоръ Э. Іэльтъ, профессоръ К. Г. Игнаціусъ, бывшій сенаторъ Л. Линделенъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Мерманъ, коммунальный совѣтникъ А. Норрменъ, директоръ банка Л. ф.-Пфалеръ, директоръ банка І. В. Рунебергъ, профессоръ І. Шварцбергъ, главный соборный пасторъ Э. Шубертсонъ, директоръ банка К. Г. Стандершельдъ, инженеръ Ф. Шерпваль, референдарій-секретарь Г. А. Вреде, профессоръ Э. Эманъ, бургомистръ".

Противъ чего «протестуютъ» эти господа? Можно было ожидать, что они, какъ «лойяльные» Финляндцы, будутъ протестовать противъ возмутительной демонстраціи 5 (18) февраля, выражавшей порицаніе Высочайшему Манифесту и тѣмъ финляндскимъ сенаторамъ, которые подали голосъ за его опубликованіе. Но нѣтъ, гг. Антэлль и К° нисколько этою демонстраціей не возмущены и противъ нея не протестуютъ; они даже берутъ ее подъ свою защиту и говорятъ, что «уличныя происшествія 18 февраля вовсе не имѣли тѣхъ размѣровъ, какіе приписаны имъ слухами». Какими слухами? Статья *Московскихъ Вѣдомостей*, противъ которой «протестуютъ» вышеназванныя Финляндцы, была основана на офиціальномъ сообщеніи офиціальной *Финляндской Газеты*, а не на «слухахъ». Пусть г. Антэль сперва фактически опровергнетъ это сообщеніе, и тогда лишь протестъ его друзей будетъ имѣть какое-нибудь реальное основаніе.

Г. Антэль и К° протестуютъ далѣе противъ нашего утвержденія, что Гельсингфорскія демонстраціи 5 (18) февраля произведены «тайною сепаратистскою организаціей». Такой организаціи, видите ли, въ Финляндіи не существуетъ. Но факты говорятъ противное. Демонстрація 18 февраля была заранѣе организована «Тайнымъ патріотическимъ Союзомъ», за подписью котораго, какъ это удостовѣряетъ то же офиціальное сообщеніе *Финляндской Газеты*, были получены сенаторами угрожающія письма. Г. Антэлль и его 20 товарищей притворяются, будто они ничего этого не знали. Вотъ что по поводу этого мнимаго «незнанія» говоритъ газета *Свѣтъ* (№ 18), уличая редакціи свекоманскихъ газетъ въ явной недобросовѣстности:

Мы за недѣлю здѣсь, въ Петербургѣ, знали о намѣреніи кагала погрузить 5 февраля Гельсингфорсъ во мракъ. Можно ли допустить, чтобы редакціи шведской партіи ничего не знали о грубой затѣѣ? Очевидно, слѣдовательно, что они говорятъ неправду. Если они относятъ себя къ числу тѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, которые негодовали, то спрашивается, что же они, со своей стороны, предпринявли для устраненія нежелательной выходки, могущей набросить непривлекательную тѣнь на край вообще? Ни одной статьи съ увѣщаніями не дѣлать задуманнаго не было ими напечатано. А напротивъ, *Hufvudstadsbladet* на первой страницѣ помѣстила „сигнальное" объявленіе о томъ, чтобы 5 февраля въ квартирахъ экономнѣе расходовали электричество, такъ какъ на станціи будетъ производиться чистка котла. Всѣ поняли это условное воззваніе, кромѣ невинной редакціи.

Фактъ совершился. И шведскія редакціи дружно молчали о немъ. Что же это? Новая случайность?

Манифестанты изготовили огромное полотно съ именами сенаторовъ. На это нужно было время. Производившіе безпорядокъ подняли его на высокій электрическій проводъ на самомъ людномъ мѣстѣ города (и полиція имъ не воспрепятствовала!). Въ то же время въ окнѣ одного магазина появляется транспарантъ съ надписями, и опять съ именами тѣхъ же сенаторовъ. Для выполненія всего этого нужно было время, а главное—обдуманный планъ дѣйствія. Редакціи же, не краснѣя, заявляютъ, что толпа дѣйствовала подъ вліяніемъ минуты! А напечатанныя объявленія, которыя раздавались на улицѣ, такъ же, вѣроятно, появились въ минуту вспышки уличной толпы? Возможно ли такъ играть фактами и логикой?

Но программа, составленная кагаломъ, не ограничилась манифестаціей на главной улицѣ города. Дружинѣ буяновъ предписано было обойти сенаторовъ съ кошачьими серена-

дами. Это опять показываетъ, что все было продѣлано по строго обдуманному расписанію.

Но, можетъ быть, существованіе тайной организаціи, устроившей демонстраціи 5 (18) февраля признается только русскими газетами? Нѣтъ; вотъ что писала финская газета *Uusi Suometar* на третій день послѣ этихъ демонстрацій:

То обстоятельство, что третьяго дня шумѣла по большей части молодежь, показываетъ, *что за ея спиной стоялъ какой-либо подстрекатель или подстрекатели*, можетъ быть, даже *цѣлое общество подстрекателей, вліяніе которыхъ въ послѣднее время не могло не быть замѣтнымъ каждый разъ, какъ предвидѣлось публичное посрамленіе какого-либо неугоднаго имъ лица.*

„Подметныя письма, нарушеніе домашняго покоя, притѣсненія на улицахъ повторяются и повторяются. Печальнѣе всего то, *что болѣе солидные люди*, повидимому, и не пытаются прекратить подобныхъ безобразій, даже хотя бы осудить ихъ; напротивъ того,— они *открыто защищаютъ ихъ*.

Такъ противъ чего же протестуютъ г. Антэль и К°? Противъ участія г. Мехелина въ «Тайномъ патріотическомъ Союзѣ?» Хорошо, мы не станемъ настаивать на этомъ участіи, коль скоро отъ него отречется и самъ г. Мехелинъ, ибо одинъ его голосъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ голоса всѣхъ финляндскихъ «протестантовъ», взятыхъ вмѣстѣ, въ особенности, если въ числѣ этихъ «протестантовъ» являются «свекоманы». Но если эти господа называютъ долговременную дѣятельность злѣйшаго врага Россіи «безупречною», то противъ этого протестуемъ мы, а вмѣстѣ съ нами всѣ Русскіе люди, знающіе ту *вредную для Россіи и Финляндіи* дѣятельность, за которую г. Мехелинъ долженъ былъ покинуть свое сенаторское мѣсто.

Университетскій вопросъ.

Что можно возразить противъ той единственно-раціональной мѣры, могущей положить первое прочное основаніе къ водворенію нормальнаго порядка въ нашихъ университетахъ, о которой мы говорили въ предыдущихъ статьяхъ? Мѣра эта, какъ помнятъ читатели, состоитъ въ томъ, чтобы нашимъ университетамъ было предоставлено то же право, которымъ пользуются остальныя наши спеціальныя высшія учебныя заведенія, а именно — право принимать въ свои стѣны лишь тѣхъ молодыхъ людей, которые, по своимъ дарованіямъ, способны серьезно и плодотворно заниматься каждый своими спеціальными науками.

Первое возраженіе будетъ, вѣроятно, слѣдующее:

«Пріемъ въ высшія спеціальныя заведенія составляетъ ежегодно истинное бѣдствіе для молодыхъ людей и ихъ родителей, и вы хотите это бѣдствіе распространить и на университеты! Каждую осень множество молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, собираются въ города, въ которыхъ имѣются высшія техническія учебныя заведенія, для держанія конкурсныхъ экзаменовъ, тратя массу труда, времени и денежныхъ расходовъ для приготовленія къ этимъ экзаменамъ, тогда какъ каждый изъ нихъ сдалъ

уже экзаменъ въ томъ среднемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ получилъ свое образованіе, и имѣетъ отмѣтки, свидѣтельствующія о результатѣ выпускного экзамена. По конкурсному экзамену иногда только десятая часть экзаменующихся удостоивается пріема, а девяти десятымъ изъ нихъ отказывается въ пріемѣ. Между тѣмъ, всѣ изъ конкуррирующихъ расходуются на проѣздъ изъ мѣста своего жительства въ мѣсто нахожденія высшаго техническаго учебнаго заведенія, въ которое они желаютъ поступить, на прожитіе въ городѣ, во время конкурсныхъ экзаменовъ, и, разочарованные, возвращаются на мѣста своего жительства».

Да, конечно, *такой* способъ пріема въ высшія учебныя заведенія не нормаленъ, и мы далеки отъ того, чтобы рекомендовать его нашимъ университетамъ.

Но есть другіе способы разборчиваго пріема, не сопряженные съ вышеописанными неудобствами.

Заставлять молодыхъ людей держать два раза экзаменъ не имѣетъ никакого смысла. А потому было бы гораздо цѣлесообразнѣе всюду отмѣнить конкурсные экзамены, какъ это уже сдѣлано въ нашей Военно-Медицинской Академіи и въ Лѣсномъ Институтѣ, въ которыхъ пріемъ студентовъ производится *по результату выпускныхъ экзаменовъ*, произведенныхъ въ средне учебныхъ заведеніяхъ.

При подачѣ прошенія о пріемѣ въ эти заведенія прилагаются, кромѣ другихъ документовъ, каждымъ желающимъ поступить въ эти заведенія выпускное свидѣтельство изъ средне-учебнаго заведенія съ отмѣтками, полученными имъ на выпускныхъ экзаменахъ. По этимъ балламъ составляется списокъ желающихъ поступить въ эти заведенія и, по числу вакансій, опредѣляется число принимаемыхъ, *по старшинству балловъ*; удостоенные пріема получаютъ извѣщеніе отъ начальства этихъ заведеній о пріемѣ, а остальнымъ возвращаются ихъ документы.

Такимъ же образомъ могъ бы производиться строгій выборъ между молодыми людьми кончившими курсъ гимназіи и желающими поступить въ университеты. Университетское начальство имѣло бы возможность допускать въ число студентовъ лишь наиболѣе даровитыхъ юношей, окончившихъ гимназическій курсъ съ выдающимся успѣхомъ и уже засвидѣтельствовавшихъ этимъ свое трудолюбіе. Наши университеты освободились бы ото всѣхъ тѣхъ бездарныхъ студентовъ, которые въ гимназіи съ величайшимъ трудомъ переходили изъ класса въ классъ, выдержали съ грѣхомъ пополамъ выпускной экзаменъ и затѣмъ переполняютъ университеты, сами не учась и другимъ не давая учиться.

Подобная мѣра, принятая университетами, имѣла бы благотворное вліяніе и на гимназіи. Она повысила бы энергію даровитыхъ учениковъ, которые заранѣе знали бы, что безъ выдающихся успѣховъ имъ нельзя будетъ разсчитывать на поступленіе въ университетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, она избавила бы и гимназіи отъ того балласта бездарныхъ учениковъ, которые тоже напередъ знали бы, что имъ, по ихъ способностямъ, высшія научныя занятія совершенно недоступны, а потому не обременяли бы гимназіи своимъ присутствіемъ, всегда дѣйствующимъ неблагопріятно на успѣшность гимназическаго преподаванія и ученія, а избирали бы себѣ другія карьеры, соотвѣтствующія ихъ способностямъ. Всѣ, кто близко стоитъ къ нашимъ гимназіямъ, отлично знаютъ, что и въ нихъ чрезмѣрное число учащихся (доходящее до 50 и даже

60 учениковъ въ одномъ классѣ, тогда какъ преподаваніе можетъ идти успѣшно лишь въ классахъ, имѣющихъ не болѣе 30 учениковъ) — является коренною причиной всѣхъ недостатковъ нашихъ гимназій. Устраните эту причину, и недостатки эти исчезнутъ безо всякой ломки, безо всякой порчи, безо всякихъ волненій и всегда опасныхъ педагогическихъ экспериментовъ. Но объ этомъ рѣчь у насъ еще будетъ впереди.

Итакъ, если университеты въ точности опредѣлятъ, съ одной стороны, число студентовъ, могущихъ ежегодно поступить на первые курсы, сообразно съ имѣющимися налицо учебными помѣщеніями, а съ другой — ту *степень* знанія, которой должны удовлетворять молодые люди, желающіе поступить на эти курсы, то этимъ будутъ устранены всѣ неудобства, сопряженныя съ конкурсными экзаменами, посредствомъ которыхъ спеціальныя учебныя заведенія производятъ выборъ студентовъ, способныхъ къ серіознымъ научнымъ занятіямъ.

Этимъ устраняется и первое возраженіе, которое можетъ вызвать предлагаемая нами мѣра.

Первое возраженіе противъ необходимой разборчивости при пріемѣ молодыхъ людей въ наши университеты не имѣетъ, какъ мы видѣли, серіознаго основанія, касаясь лишь одной изъ неудачныхъ формъ этого пріема, а не самой его сущности.

Другое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано по поводу предлагаемой мѣры, имѣетъ, на первый взлядъ, болѣе важное значеніе, Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть поставленъ слѣдующій вопросъ:

«Если къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ на университетскихъ факультетахъ будутъ допускаться, такъ же какъ и въ высшихъ техническихъ институтахъ, лишь тѣ молодые люди, которые способны къ этимъ серіознымъ занятіямъ, то куда же дѣваться той массѣ молодыхъ людей, которая къ этимъ занятіямъ неспособна?»

Куда ей дѣваться? Да куда угодно, но только не въ тѣ высшіе научные институты, каковыми являются университеты.

Возьмемъ, для примѣра, наши высшіе художественные институты, Консерваторіи, Училище Живописи, или Академію Художествъ. Тамъ учатся *исключительно* молодые люди, способные заниматься искусствами, и всѣ находятъ это вполнѣ естественнымъ, и никто не спрашиваетъ: «а куда дѣваться молодымъ людямъ, которые неспособны заниматься живописью или музыкой»? Всѣ понимаютъ, что художественные институты существуютъ *исключительно* для тѣхъ, кто способенъ заниматься тѣмъ или другимъ искусствомъ. Но вѣдь точно также и научные институты существуютъ *исключительно* для тѣхъ, кто способенъ заниматься науками.

И замѣтьте: молодые люди, принятые *по степени ихъ способностей* въ наши художественные институты, занимаются въ нихъ исключительно своимъ искусствомъ, видя въ этихъ занятіяхъ главную цѣль своего пребыванія въ этихъ институтахъ. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобъ ученики и ученицы Консерваторіи, Училища Живописи и Академіи Художествъ устраивали стачки противъ изученія своихъ художественныхъ спеціальностей, или чтобъ они занимались политикой, вмѣсто того чтобы заниматься искусствомъ? Такъ

какъ всѣ они отличаются художественными дарованіями, то для нихъ интересы искусства имѣютъ первостепенное значеніе: они относятся къ нимъ съ величайшею любовью и уваженіемъ и ясно понимаютъ свою обязанность предъ искусствомъ, требующимъ отъ нихъ серіознаго *ученія*, дабы впослѣдствіи, по выходѣ изъ училища, они могли вступить въ дѣйствительную жизнь во всеоружіи своего дарованія, развитого въ училищѣ до высшаго совершенства.

Точно такое же зрѣлище должны представлять намъ и наши университеты: всѣ безъ исключенія учащіеся въ нихъ молодые люди должны отличаться особыми научными дарованіями; для *такихъ* студентовъ научные интересы будутъ имѣть первостепенное значеніе, и они будутъ относиться къ нимъ съ любовью и уваженіемъ, ясно понимая свои обязанности предъ наукой, требующею отъ нихъ серіезнаго *ученія*, какъ наилучшаго подготовленія для будущей ихъ дѣятельности на поприщѣ общественнаго и государственнаго служенія, на которое они вступятъ во всеоружіи своихъ доведенныхъ до высшаго совершенства дарованій и знаній.

Ну, а остальные, у которыхъ нѣтъ спеціально-научныхъ дарованій? Вѣдь ихъ большинство; вѣдь нельзя же ихъ, какъ говорится «выбрасывать на улицу»?

Конечно, нѣтъ, и никто о такой варварской мѣрѣ и не думаетъ. Есть, конечно, очень много молодыхъ людей, у которыхъ нѣтъ спеціально-*научныхъ* способностей. Зато у нихъ навѣрное найдутся способности къ другимъ спеціальностямъ, техническимъ, коммерческимъ, или художественнымъ, къ тѣмъ или инымъ профессіямъ, которыя будутъ имъ по вкусу, и въ которыхъ они честнымъ трудомъ принесутъ обществу и государству не меньшую пользу, чѣмъ люди спеціально изучившіе ту или другую науку.

Ну, а если у молодого человѣка ровно ни къ чему ни вкуса, ни способностей нѣтъ? Что тогда съ нимъ дѣлать?

Конечно, существуютъ и такія несчастные, ни къ чему не способные люди; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы настоящее мѣсто для этихъ жалкихъ людей было въ нашихъ университетахъ. Во всякомъ случаѣ, они составляютъ исключеніе и въ настоящемъ вопросѣ въ счетъ идти не могутъ. Мы здѣсь говоримъ о нормальныхъ молодыхъ людяхъ, изъ коихъ каждый имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя способности и склонности къ тому или другому спеціальному занятію, а потому и долженъ имѣть возможность усовершенствовать свои способности въ соотвѣтствующихъ имъ спеціальныхъ школахъ. Такія школы, въ особенности среднія, необходимо имѣть у насъ въ возможно большомъ разнообразіи, дабы всякій свободно могъ получать образованіе соотвѣтствующее именно его способностямъ.

Въ настоящее время наша школьная организація такова, что мы чуть не силой заставляемъ всѣхъ дѣтей идти непремѣнно въ гимназіи, а оттуда въ университеты. Это совершенно ненормальное положеніе является пережиткомъ того добраго стараго времени, когда у насъ, на Руси, другихъ школъ и не было, кромѣ гимназій и университетовъ, и когда въ эти школы приходилось искусственно заманивать разныхъ Митрофанушекъ, обѣщая имъ за ихъ ученіе награды, привилегіи и государственные права. Теперь это время, слава Богу, прошло, и Простаковы у насъ уже исчезли: теперь не только дворяне, но и дворники и сапожники стараются опредѣлить своихъ сыновей въ среднюю школу, то-есть, по старой традиціи, все въ ту же гимназію и въ тотъ же университетъ.

А между тѣмъ жизнь у насъ за это время измѣнилась и усложнилась; возникли совершенно новыя профессіи, со спеціальными, подготовляющими къ нимъ, школами; открылись не бывшія въ прежнее время обширныя поприща технической дѣятельности, на которыхъ требуется масса людей со среднимъ спеціально-техническимъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, привычка сильнѣе явныхъ потребностей жизни: на гимназію и на университетъ продолжаютъ смотрѣть какъ на какія-то не спеціальныя, а «общеобразовательныя» школы, такъ что первою мыслью у всѣхъ родителей, при выборѣ учебнаго заведенія для своихъ дѣтей, представляется непремѣнно гимназія, хотя она, на самомъ дѣлѣ, является *спеціальною* средне-научною школой, подготовляющею къ спеціальной же высшей научной школѣ—къ университету. Для этихъ спеціальныхъ школъ необходимы и спеціальныя способности, подлежащія серіозному и сосредоточенному научному развитію. *Въ признаніи этого факта заключается разрѣшеніе всего нашего гимназическаго и университетскаго вопроса.*

Но, оставляя разсмотрѣніе вопроса гимназическаго, несмотря на его столь тѣсное единеніе съ университетскимъ вопросомъ, до другаго раза, мы ограничимся сегодня лишь опроверженіемъ вышеприведеннаго возраженія.

Затрудненіе, могущее возникнуть отъ разборчиваго пріема молодыхъ людей на университетскіе факультеты, можетъ быть только временное, такъ какъ у насъ сейчасъ еще не открыто достаточнаго количества среднихъ и высшихъ техническихъ и профессіональныхъ школъ, въ которыя безъ затрудненій могли бы поступать учащіеся, имѣющіе склонности и способности не къ научному образованію, составляющему спеціальность гимназій и университетовъ, а къ какому-нибудь другому спеціальному дѣлу. Но съ каждымъ годомъ эти спеціальныя школы открываются все въ большомъ числѣ, и вскорѣ мы будемъ имѣть полную возможность давать каждому изъ нашихъ дѣтей то именно образованіе, которое соотвѣтствуетъ его индивидуальнымъ способностямъ, а слѣдовательно будемъ давать гимназическое и университетское образованіе лишь тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ отличаться особенными дарованіями для серіозныхъ научныхъ занятій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо будетъ отмѣнить сопряженныя съ окончаніемъ университетскаго курса особыя государственныя права и привилегіи, сохранивъ лишь раздачу университетами ученыхъ степеней, дабы въ университетъ поступали молодые люди исключительно ради науки, а не ради какихъ-либо практическихъ соображеній, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ.

Вотъ тогда университеты уже окончательно освободятся отъ массы тѣхъ негодныхъ въ научномъ отношеніи молодыхъ людей, которые дѣлаютъ университетъ очагомъ всякихъ смутъ и безпорядковъ, сами же эти молодые люди будутъ съ пользой находиться въ другихъ школахъ и на другихъ поприщахъ, соотвѣтствующимъ индивидуальнымъ ихъ способностямъ.

Знаменательное десятилѣтіе въ исторіи Москвы.

День 26 февраля чтился Москвой съ особою торжественностью въ теченіе всего достославнаго царствованія въ Бозѣ почивающаго Государя Самодержца Александра III. Это былъ день Его рожденія, день, когда вся Мос-

ква, а съ нею и вся Россія, соединялась въ горячей молитвѣ передъ Престоломъ Всевышняго о дарованіи «многихъ лѣтъ» Тому, Кто Самъ возродилъ Россію изъ глубокаго унынія на многая лѣта бодрой жизненной дѣятельности, указавъ ей великій и прямой путь къ славѣ, мощи и мирному благоденствію.

Но, по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, драгоцѣнной жизни Великаго Государя даровано было лишь столько времени, сколько необходимо было для умиротворенія взволнованной внутренними смутами Россіи и для перваго основоположенія тѣхъ коренныхъ мѣръ, которыя должны были впредь сдѣлать уже немыслимымъ возвращеніе этихъ смутъ. Государственная заслуга Царя-Миротворца оказалась великою не столько по количеству, сколько по качеству совершенныхъ Имъ преобразованій, отличавшихся необыкновенною мудростью, прямотой, ясностью и послѣдовательностью и указавшихъ съ неумолимою логикой на необходимость цѣлаго ряда другихъ, вытекавшихъ изъ нихъ, преобразованій, которыя Государь успѣлъ лишь намѣтить въ общихъ чертахъ, предоставляя развитіе и исполненіе ихъ Своему возлюбленному Сыну, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору.

У всѣхъ насъ, Москвичей, еще въ памяти то невыразимое горе, которое охватило Первопрестольную Столицу при извѣстіи о столь преждевременной кончинѣ Царя Александра III, нанесшей Россіи глубокую, доселѣ еще незажившую рану. Единственнымъ утѣшеніемъ было для нея лишь то упованіе, что Царственный трудъ почившаго Монарха не прекратится и даже не прервется въ своемъ направленіи, что новый Вождь Россіи пойдетъ, по собственному Его реченію, по стопамъ Своего Великаго Родителя и поведетъ насъ по тому же прямому и ясному пути къ тѣмъ же великимъ идеаламъ Русскаго народа.

Но на долю Москвы выпало и другое утѣшеніе въ великомъ ея горѣ. Для нея хранителемъ завѣтовъ великаго Государя явился не только Августѣйшій Сынъ Его, какъ Самодержецъ Всероссійскій, но и Его Августѣйшій Братъ, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, въ качествѣ главнаго Правителя Москвы и верховнаго Воеводы расположеннаго въ ея округѣ Царскаго воинства.

Однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ завѣтовъ Александра III, оставленныхъ Имъ Своимъ преемникамъ, является несомнѣнно Царская любовь къ древней Первопрестольной Столицѣ. Если вникнуть въ глубокое значеніе этой любви, то въ ней открывается цѣлая государственная программа. Царь любитъ Москву, значитъ хранитъ въ своемъ умѣ и сердцѣ вѣковѣчные идеалы Московской Руси, старается воскресить и утвердить ихъ на благо современной Россіи, соображаетъ съ ними Свои мысли, слова и дѣянія.

Такъ именно любилъ Москву великій Царь-Миротворецъ, неоднократно выражавшій эту любовь въ различные моменты Своей славной жизни или вѣрнѣе,—всею Своею жизнью, одушевленною высшими идеалами Святой Московской Руси.

Но всего нагляднѣе проявилъ великій Монархъ эту завѣтную любовь Свою въ 1891 году, назначивъ 26 февраля, въ день Своего рожденія, Великаго Князя Сергѣя Александровича Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

Это назначеніе явилось небывалою дотолѣ для Москвы Царскою милостью, ибо, съ тѣхъ поръ, какъ порфироносная Москва склонила свою главу предъ юной Невскою столицей, московскими градоправителями были родовитые и славные мужи брани и совѣта, но межъ ними ни разу не было пред-

ставителя Государя, который былъ бы близокъ Ему по общей Имъ Царской Крови. Такимъ представителемъ впервые явился на Москвѣ въ 1891 году родной Братъ Государя, и появленіе его было привѣтствовано Москвичами, какъ благое предзнаменованіе предстоящаго возрожденія Первопрестольной Столицы къ прежнему своему блеску, величію и значенію.

Но любовь Свою къ Москвѣ Великій Государь выразилъ еще въ томъ, что Онъ изъ всѣхъ близкихъ Ему Августѣйшихъ Родственниковъ Своихъ намѣтилъ въ Московскіе Генералъ-Губернаторы именно Великаго Князя Сергѣя Александровича, который и самъ уже давно любилъ Москву и соединенъ былъ съ ней съ юнаго возраста многими дорогими узами и воспоминаніями. Если кто могъ быть истиннымъ представителемъ Царя, дорожившаго Москвой и ея историческими и національными завѣтами, то это былъ именно Великій Князь Сергѣй Александровичъ, и Москва имѣла полное основаніе ликовать, встрѣчая его въ своихъ стѣнахъ, какъ Августѣйшаго своего Правителя, глубоко ее понимающаго и давно уже пришедшагося ей по сердцу и душѣ.

Но выборъ Государя, павшій въ 1891 году на Великаго Князя Сергѣя Александровича, осчастливилъ Москву еще въ другомъ отношеніи. У нея явился Представитель предъ Царскимъ Престоломъ не только глубоко знающій Первопрестольную Столицу, но и глубоко проникнутый государственными идеалами Самого Государя, вѣрный истолкователь Его царственныхъ думъ и мѣропріятій. Москва видѣла въ своемъ новомъ Правителѣ дѣятельнаго помощника великаго Государя, всею душой сочувствовавшаго и содѣйствовавшаго Ему въ трудномъ, но благотворномъ дѣлѣ національнаго возрожденія Россіи, и была увѣрена, что наступившая съ 1881 г. новая эра Русскаго самосознанія проявится именно въ Москвѣ съ особенною силой, благодаря стоящему у ея кормила столь убѣжденному поборнику этой свѣтлой и славной эры,—Великому Князю Сергѣю Александровичу.

Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Москва не только убѣдилась въ томъ, какъ основательна была радость, объявшая ее 26 февраля 1891 года, когда, полная самыхъ свѣтлыхъ ожиданій, она возсылала Господу благодареніе за великую, осчастливившую ее Царскую милость,—она убѣдилась въ томъ, что ожиданія ея исполнились въ такой мѣрѣ, о которой она и не мечтала. Не только самъ Великій Князь, но и тотъ Ангелъ доброты, который спустился вмѣстѣ съ нимъ на стогны древней Москвы въ чарующемъ обликѣ Великой Княгини,—такъ породнились душой съ Москвичами, переживъ съ ними и радость и горе, что нынѣ Москва и немыслима безъ Великокняжеской Четы, ставшей во главѣ всѣхъ благихъ въ Москвѣ дѣлъ и начинаній.

Скоро настанетъ годовщина того незабвеннаго времени, когда драгоцѣннымъ плодомъ великокняжеской любви и заботы о Москвѣ явилось посѣщеніе Москвы Царемъ со всею Его Августѣйшею Семьей и пребываніе въ ней въ святые дни Страстной Седьмицы и Свѣтлаго Праздника Пасхи Христовой. Тутъ истинно-царская любовь къ Москвѣ, къ ея святынямъ и древнимъ завѣтамъ, проявилась въ той свѣтлой гармоніи, о которой несомнѣнно мечталъ Царь-Миротворецъ, посылая Брата Своего править Москвой, заповѣдавъ ему воскресить ее для новаго служенія Россіи своею животворною стариной.

Но еще болѣе убѣдилась Москва въ томъ, что Государь Александръ III поставилъ во главѣ ея—Правителя близкаго Ему не только по крови, но и по духу, по государственнымъ принципамъ, по ясному пониманію и обстоятельствъ, и людей. Кто изъ насъ не знаетъ, что во всѣхъ осложненіяхъ го-

сударственной жизни мы всегда можемъ, пользуясь тою легкою доступностью, которая насъ влечетъ къ Великому Князю, получить отъ него вѣрныя указанія и совѣты, всегда согласные съ основными началами Русской государственности? Ясная, неуклонная послѣдовательность въ мысляхъ и дѣлахъ, энергичное стремленіе ко благимъ цѣлямъ одними лишь благими средствами—вотъ чему мы учимся, глядя на высокій примѣръ, даваемый намъ Великимъ Княземъ въ теченіе того десятилѣтія, которое является столь знаменательнымъ и многообѣщающимъ въ исторіи Москвы. Какъ бы ни слагались внѣшнія обстоятельства, какіе бы тревожные признаки ни появлялись на нашемъ горизонтѣ, мы ни на мгновеніе не тревожимся, зная, что у нашего кормила стоитъ опытный и спокойный Кормчій, который сумѣетъ твердою рукой вывести насъ изъ всякихъ затрудненій.

Истекшее десятилѣтіе показало намъ, какое великое счастье выпало на долю Москвы, получившей изъ рукъ Александра III, въ лицѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича, такой драгоцѣнный залогъ Царской любви. Мы больше чѣмъ когда-либо дорожимъ этимъ счастьемъ, а такъ какъ Москва есть въ сущности Россія, то имъ дорожатъ не менѣе насъ всѣ Русскіе люди, чтущіе въ *нашемъ* Великомъ Князѣ вѣрнаго хранителя завѣтовъ Царя-Миротворца.

Наши общественные волненія и безпорядки.

Москва прощается 7 марта съ близкимъ и дорогимъ для нея человѣкомъ, съ безвременно погибшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, Николаемъ Павловичемъ Боголѣповымъ, павшимъ жертвой нашихъ общественныхъ волненій и безпорядковъ.

Да, именно *общественныхъ*, а не «студенческихъ» волненій, ибо, при нормальномъ настроеніи нашего общества, университетскіе безпорядки никогда у насъ не могли бы принять ни столь широкихъ размѣровъ, ни столь тревожнаго характера, о которомъ свидѣтельствуетъ нынѣ же опубликованное «Правительственное Сообщеніе» (№ 65).

Когда, въ 1898 году, Н. П. Боголѣповъ былъ призванъ въ Петербургъ на тотъ высокій постъ, съ котораго ему предстояло руководить всѣмъ народнымъ просвѣщеніемъ Россіи, Москва разставалась съ нимъ въ надеждѣ на то, что ему удастся такъ же упорядочить все русское университетское дѣло, какъ это ему удалось относительно родного ему Московскаго Университета.

Глубокое и тонкое знаніе столь сложныхъ у насъ вопросовъ высшаго образованія, ясность ума, прямота, благородство и твердость характера—вотъ тѣ качества почившаго, которыя, какъ казалось, обезпечивали ему успѣхъ въ предпринятой имъ трудной задачѣ, которую онъ могъ тѣмъ болѣе довести до твердо-намѣченнаго постепеннаго разрѣшенія, что вышеупомянутыя качества его стяжали ему столь драгоцѣнное для Русскаго государственнаго человѣка благо—Высочайшее довѣріе Монарха.

Надежды эти не сбылись: Николай Павловичъ палъ почти въ началѣ своего труднаго поприща отъ руки убійцы, не разрѣшивъ предстоявшей ему задачи и оставивъ ее своему преемнику даже въ еще болѣе осложненномъ видѣ.

Конечно, сравнительно краткое время управленія его министерствомъ,

прерваннаго столь насильственнымъ образомъ, можетъ въ значительной степени служить объясненіемъ постигшей его неудачи. Но главная причина этой неудачи лежитъ гораздо глубже: Н. П. Боголѣпову пришлось бороться не съ однимъ лишь нашимъ университетскимъ нестроеніемъ, но и съ тѣмъ общимъ ненормальнымъ положеніемъ нашего высшаго образованія, которое препятствуетъ правильному, цѣлесообразному и гармоническому его руководительству, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ орудія общественной смуты, въ угоду элементамъ, имѣющимъ несравненно болѣе вредные политическіе замыслы, нежели это думаетъ наивная масса попадающаго въ ихъ сѣти учащагося юношества.

Въ самомъ дѣлѣ, наши высшія учебныя заведенія, принадлежа самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ, по одному этому не могутъ находиться въ томъ нормальномъ положеніи, въ которомъ они находятся въ западныхъ государствахъ. Тамъ высшія учебныя заведенія сосредоточены въ рукахъ министровъ Народнаго Просвѣщенія, и лишь духовныя и военно-учебныя заведенія находятся подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ имъ вѣдомствъ, что вполнѣ понятно: духовное и военное вѣдомства преслѣдуютъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ не только спеціально-образовательныя, но и спеціально-*воспитательныя* цѣли, подчиняя учащихся въ этихъ заведеніяхъ молодыхъ людей извѣстной духовной и военной дисциплинѣ, подъ руководствомъ спеціальныхъ же духовныхъ и военныхъ педагоговъ. Лишь у насъ въ Россіи, на ряду съ истинно воспитательными вѣдомствами, оперируютъ надъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ юношества еще такія спеціальныя министерства, которыя никакого отношенія къ задачамъ воспитанія русскаго юношества не имѣютъ. Мы не говоримъ о тѣхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя по крайней мѣрѣ по составу учащихся пока еще гарантированы отъ заразы, такъ легко проникающей въ наши высшія школы; мы говоримъ о всесословныхъ высшихъ училищахъ, которыя, существуя и возникая рядомъ съ училищами, подчиненными министру Народнаго Просвѣщенія, являются для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ опасными конкуррентами, препятствующими нормальному ихъ развитію.

Объ этомъ коренномъ злѣ нашего высшаго образованія у насъ уже много говорилось и писалось, оно всѣми признается, а между тѣмъ оно попрежнему остается безъ измѣненія. А потому по прежнему остается и неурядица въ нашихъ высшихъ школахъ, не имѣющихъ надъ собой одного общаго, ясно опредѣленнаго, послѣдовательнаго руководства. Въ критическія времена *jalousie de métier* у нихъ обостряется до такой степени, что начальство однихъ заведеній не только разрѣшаетъ, но и одобряетъ то, что начальство другихъ школъ запрещаетъ, а это, конечно, волнуетъ учащихся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ заведеніяхъ, и волненіе это передается затѣмъ и въ третьи, и въ четвертыя заведенія, становясь, по мѣрѣ своего роста, все серіознѣе и тревожнѣе, вызывая смуту не среди однихъ только учащихся, но и во всемъ обществѣ, что всегда такъ желательно нашимъ внутреннимъ и внѣшнимъ смутьянамъ.

Возможны случаи, что, при возникшихъ волненіяхъ въ училищахъ одного вѣдомства, другое вѣдомство обѣщаетъ своимъ учащимся всякія льготы и поблажки, лишь бы они соблюдали спокойствіе, дабы общественное и правительственное недовольство пало исключительно на сосѣднее вѣдомство, и легко понять, до какой степени подобные маневры могутъ деморализовать учащихся

молодыхъ людей. Наконецъ, когда, подъ давленіемъ тревожныхъ обстоятельствъ, различныя вѣдомства сходятся, чтобы принять, для водворенія порядка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какія-либо общія мѣры, то развѣ немыслимо, что эти мѣры могутъ примѣняться въ различныхъ вѣдомствахъ различно, вселяя въ учащихся предположеніе, будто эти вѣдомства относятся къ означеннымъ мѣрамъ не съ одинаковымъ сочувствіемъ? Да мало ли еще другихъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть при отсутствіи единства въ управленіи нашими высшими учебными заведеніями, недоразумѣній, легко порождающихъ всякаго рода смуту въ умахъ учащагося юношества, которое въ такомъ возбужденномъ состояніи и дѣлается жертвой злонамѣренныхъ агитаторовъ.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается главная причина, парализующая всѣ усилія нашихъ министровъ Народнаго Просвѣщенія. Въ ихъ вѣдомствѣ находится наибольшее число учащихся, вслѣдствіе ненормальнаго переполненія нашихъ университетовъ негодными для науки элементами, а потому весьма естественно, что искусственно вызываемыя волненія среди всѣхъ учащихся сильнѣе и громче сказываются именно въ университетахъ, и что университеты представляются какъ будто главными источниками общественныхъ смутъ и безпорядковъ. Въ виду этого, на министровъ Народнаго Просвѣщенія у насъ взваливаютъ всю вину за эти смуты и безпорядки, лишая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности взять все дѣло высшаго образованія въ свои руки, при каковомъ условіи они только и могли бы отвѣчать за спокойствіе и порядокъ среди нашего учащагося юношества.

А потому можно опасаться, всѣ всѣ мѣры къ возстановленію и поддержанію этого порядка будутъ и впредь имѣть лишь отрицательные результаты, пока вся власть надъ нашими высшими учебными заведеніями не будетъ сосредоточена въ рукахъ одного отвѣтственнаго и полномочнаго лица. Это долженъ быть человѣкъ высокообразованный, искренно любящій юношество, знающій сложное дѣло *воспитательнаго* образованія, самостоятельный въ своихъ дѣйствіяхъ, съ единственною отвѣтственностью предъ своимъ Государемъ, и щедро снабженный всѣми средствами для осуществленія полнаго умиротворенія и коренной реорганизаціи какъ внѣшнихъ порядковъ, такъ, въ особенности, и внутренняго духа нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ оживленіемъ въ нихъ серіозныхъ, истинно-научныхъ интересовъ. При такихъ условіяхъ, прекращеніе нашихъ общественныхъ смутъ и волненій *со стороны учебныхъ заведеній* будетъ дѣломъ вполнѣ возможнымъ и сравнительно легкимъ. При иныхъ, въ особенности при *настоящихъ* условіяхъ систематической и принципіальной разъединенности этихъ заведеній, достигнуть этого результата, столь желаннаго всѣмъ людямъ порядка, будетъ едва ли возможно.

Но такою настоятельно необходимою мѣрой будетъ достигнуто прекращеніе общественной смуты лишь со стороны учебныхъ заведеній. Дабы возвратить обществу твердое спокойствіе, нарушенное тѣми возмутительными фактами насилія, мятежа и кощунства, о которыхъ повѣствуетъ «Правительственное Сообщеніе», необходимо, чтобы общество было увѣрено, что Правительство намѣрено не только пресѣкать эти все усиливающіяся безчинства, но и разъ навсегда *предотвратить* ихъ повтореніе. Всѣ жертвы, которыя, можетъ быть, пришлось бы принести ради этой цѣли, будутъ ничтожными сравнительно съ тѣми тяжкими послѣдствіями, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго характера, съ которыми Россіи придется считаться, если хоть сколько-нибудь пошатнется безусловное довѣріе къ ея внутренней мощи и благоустройству.

Въ томъ, что Правительство ясно понимаетъ свою обязанность, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, точно такъ же, какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что Правительство имѣетъ искреннее желаніе и полную возможность положить конецъ той возмутительной вереницѣ «буйныхъ» дней, которыя зарегистрованы въ «Правительственномъ Сообщеніи».

О всѣхъ событіяхъ этихъ дней, какъ видно изъ означеннаго «Сообщенія», уже производится дознаніе, но нельзя сомнѣваться, что Правительствомъ вмѣстѣ съ тѣмъ приняты и надлежащія мѣры къ тому, чтобы такихъ дней у насъ больше не повторялось.

Прискорбная правда.

Долго, съ нетерпѣніемъ ждало Русское общество авторитетнаго разъясненія тѣхъ возмутительныхъ фактовъ послѣдняго времени, которые стоустою молвой превращены были въ какія-то чудовищныя легенды, смущавшія и тревожившія общественное сознаніе. Воображенію рисовались неслыханные ужасы, границы между вымысломъ и правдой исчезали, никто не зналъ, чему вѣрить и что̀ считать за небылицу, и не было источника, откуда бы можно было почерпнуть дѣйствительную истину безо всякихъ намѣренныхъ или ненамѣренныхъ преувеличеній и умолчаній.

У Правительства въ данномъ случаѣ несомнѣнно были уважительныя причины, заставлявшія его медлить своимъ офиціальнымъ сообщеніемъ; но каковы бы ни были эти причины, долговременное молчаніе со стороны компетентныхъ властей во дни общественыхъ тревогъ и волненій никогда благопріятныхъ результатовъ породить не можетъ.

Всѣ въ правѣ ожидать отъ Правительства не только полнаго, но и скораго разъясненія истины. Такъ, напримѣръ, нельзя не видѣть разумной цѣлесообразности въ той правительственной заботливости, благодаря которой безпорядки, имѣвшіе мѣсто 4 марта въ Петербургѣ, уже 6 марта были подробно и точно констатированы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*: этимъ сразу былъ положенъ предѣлъ всякой попыткѣ извратить ихъ дѣйствительный характеръ, размѣръ и значеніе. Но такому извращенію подверглись, къ сожалѣнію, безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ Петербургѣ и Харьковѣ 19 февраля, которые, оставаясь болѣе двухъ недѣль безъ офиціальнаго разъясненія, успѣли принять въ воображеніи общества совершенно фантастическій видъ и вызвать излишнія смущеніе и тревогу, которыми несомнѣнно сумѣли воспользоваться въ своихъ цѣляхъ устроители послѣдующихъ безпорядковъ.

Теперь, слава Богу, ложные слухи устранены «Правительственнымъ Сообщеніемъ» отъ 6 марта, которое, отличаясь полною искренностью и спокойнымъ безпристрастіемъ, подробно излагаетъ намъ фактическую *правду* относительно всѣхъ «уличныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи».

И правда эта глубоко прискорбна.

Мы уже не говоримъ о тѣхъ безчинствахъ, которыя творились на улицахъ Петербурга, Москвы и Харькова какъ слушателями высшихъ учебныхъ заведеній и нашими злосчастными «курситстками», такъ и тѣми «посторонними

лицами», которыя зачастую бываютъ лицами весьма близкими къ организаціи подобнаго рода возмутельныхъ «демонстрацій». Эти уличныя безобразія намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ знакомы какъ изъ прошлаго, такъ и изъ недавняго времени. То, что̀ насъ глубоко поражаетъ въ разсказѣ «Правительственнаго Сообщенія», это тотъ совершенно новый, еще неслыханный у насъ, видъ безчинства въ стѣнахъ православнаго храма, во время богослуженія...

«... Часть буйствовавшихъ бросилась въ (Казанскій) соборъ, при чемъ нѣкоторые оставались въ фуражкахъ и даже курили папиросы. На замѣчаніе швейцара о прекращеніи такого безчинства въ церкви, одинъ изъ студентовъ нанесъ ему ударъ по лицу. Несмотря на возникшій въ церкви безпорядокъ и шумъ, богослуженіе продолжалось до конца. Большая же часть молящихся поспѣшила удалиться изъ храма черезъ боковыя двери. По закрытіи Царскихъ Вратъ, настоятель вышелъ на амвонъ для увѣщанія безчинствовавшихъ, но безуспѣшно, а на предложеніе покинуть соборъ, одинъ изъ студентовъ, стоявшій сзади настоятеля, взялъ его за рукавъ рясы, совѣтуя, во избѣжаніе непріятностей, удалиться самому. Затѣмъ толпа отодвинулась къ задней стѣнѣ собора для совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія»...

Вотъ что̀ повѣствуетъ «Правительственное Сообщеніе».

Неужели мыслимо, чтобы гдѣ-нибудь въ Германіи, Англіи или Франціи, студенты, этотъ отборный цвѣтъ и надежда культурной націи, позволили себѣ подобное кощунство, даже въ томъ случаѣ, если среди нихъ находились бы юнцы, легкомысленно относящіеся къ религіознымъ вопросамъ? Тамъ, на Западѣ, въ храмы врывается лишь отбросъ человѣчества, одичалые анархисты, вызывающіе всеобщее отвращеніе культурныхъ людей. А у насъ, въ Россіи, роль этихъ варваровъ принимаютъ на себя молодые люди и дѣвицы, мнящіе себя представителями высшаго научнаго просвѣщенія и культурнаго прогресса, и требующіе себѣ, какъ таковые, особаго сочувствія со стороны общества и особаго уваженія со стороны Правительства!

Но какимъ же образомъ могли развиться у этихъ несчастныхъ такіе дикіе инстинкты кощунства и цинизма? Вѣдь еще вчера они сидѣли на школьныхъ скамьяхъ и находились подъ благотворнымъ вліяніемъ своихъ духовныхъ наставниковъ...

Вліяніе духовныхъ наставниковъ въ нашихъ школахъ! Какою горькою ироніей звучатъ эти слова. Что̀ значатъ тѣ крупицы истинной вѣры, которыя падаютъ разъ или раза два въ недѣлю изъ устъ законоучителя въ тотъ хаосъ безвѣрія, который образуется, къ сожалѣнію, у многихъ изъ нашихъ дѣтей подъ непрестаннымъ вліяніемъ легкомысленно-безбожной семьи и систематически-безбожной пропаганды, которая со всѣхъ сторонъ опутываетъ юные, неопытные умы во внѣшкольной жизни, а иногда и въ самой школѣ!

Куда дѣлся прежній богобоязненный духъ Русской православной семьи? Какимъ справедливымъ укоромъ звучатъ слова профессора П. И. Ковалевскаго, которыя намъ случайно попались на глаза:

«Мы заставляемъ дѣтей нашихъ учить молитвы «для батюшки», но стыдимся перекрестить лобъ предъ завтракомъ и обѣдомъ. Мы часто ложимся спать не только безъ молитвы, но и не крестясь. Дѣти все это видятъ, все это понимаютъ и тоже творятъ молитву для формы. Желаете вы имѣть дѣтей нравственными—будьте имъ примѣромъ. Не стыдитесь открыто призывать имя Божіе, чтите безъ лицемѣрія своего Царя, не стѣсняйтесь открыто исповѣдывать, что вы Русскій и любите свою родину, будьте истиннымъ отцомъ и

мужемъ, уважайте себя и другихъ, исполняйте вашъ долгъ — и ваши дѣти станутъ высоко-нравственными людьми» *).

Да развѣ большинство изъ насъ задается такими мыслями, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей «высоко-нравственными людьми»? Сколько у насъ родителей, которые воображаютъ, что исполнили весь свой долгъ относительно дѣтей, если дали имъ возможность получить доступъ въ гимназію и университетъ, не заботясь о томъ, чтобъ истинно - религіознымъ домашнимъ воспитаніемъ закалить ихъ умъ и душу противъ соблазновъ, которые неминуемо окружатъ ихъ и въ школѣ, и въ жизни.

Удивительно ли послѣ этого, что отсутствіе правильнаго религіознаго воспитанія въ семьѣ и школѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ умственную и нравственную анархію значительной части нашего юношества, которая дѣлается жертвой столь модной у насъ лжехристіанской, антицерковной проповѣди? И эти послѣдствія тѣмъ болѣе неизбѣжны, что вся эта возмутительная проповѣдь, глумящаяся надъ догматами и обрядами Церкви, никогда такъ широко и цинично не распространялась въ Россіи, какъ въ настоящее время. Удивительно ли, что подъ вліяніемъ этой проповѣди молодые люди доходятъ до такого дикаго варварства, что врываются въ храмъ Божій для дерзкаго кощунства?

Не одни они виноваты въ этомъ. Виноваты и наша легкомысленная распущенность, наше безвластіе, наше преступное равнодушіе къ величайшимъ вопросамъ человѣческаго духа, къ вѣчному благу и душевному спасенію нашихъ дѣтей.

Разсуждаютъ о томъ, каковы должны быть задачи русскаго министра Народнаго Просвѣщенія. Но развѣ не ясно, что на столь важномъ въ настоящее время посту государственный дѣятель, отличаясь, при всѣхъ остальныхъ необходимыхъ качествахъ, искреннею преданностью Церкви, долженъ прежде всего стремиться къ упроченію истинно-религіознаго духа во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему школахъ?

Лишь при этомъ условіи можно съ надеждой взирать на будущее Россіи. Въ противномъ случаѣ, возмутительное безчинство, происходившее 4 марта въ Казанскомъ соборѣ, легко можетъ оказаться предвѣстникомъ еще горшихъ явленій...

Университетскій вопросъ.

Московскіе профессора, въ извѣстномъ воззваніи ко своимъ слушателямъ **), указали на то обстоятельство, что наши такъ-называемые «университетскіе безпорядки» вызываются «людьми непричастными къ интересамъ науки и Университета», которые «запутываютъ и обманываютъ» студентовъ, заставляя ихъ, иногда совершенно безсознательно, служить совершенно не «академическимъ» цѣлямъ.

Кто это люди «запутывающіе и обманывающіе стtдентовъ», гдѣ они на-

*) Изъ книги *Возрожденіе и Вырожденіе.*

**) См. *Моск. Вѣд.* 1901 г., № 56.

ходятся, какія у нихъ цѣли, и какъ съ ними бороться,—это, конечно, лучше всего извѣстно правительственнымъ властямъ, которыя несомнѣнно уже и приняли надлежащія мѣры для этой борьбы.

Но есть другой вопросъ, представляющій глубокій государственный и общественный интересъ, вопросъ о той *средѣ*, въ которой указанныя Московскими профессорами лица находятъ возможнымъ проявлять свою вредную дѣятельность.

Правда, есть и другіе общественные слои, въ которыхъ у насъ издавна ведется пропаганда смуты и волненій, но нигдѣ успѣхъ этой пропаганды не проявлялся съ такою силой, какъ именно въ нашихъ университетахъ. И это весьма понятно. Наша крестьянская среда теперь уже начинаетъ входить въ нормальную колею въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ правильно поставлена народная школа въ тѣсномъ единеніи съ Церковью, и гдѣ найдены земскіе начальники, стоящіе на высотѣ своего назначенія. Фабричные рабочіе въ центральной Россіи, слава Богу, еще не оторваны соціалистическою пропагандой отъ коренной массы Русскаго народа. Что же касается печати и разныхъ обществъ, то, при малѣйшемъ желаніи Правительства, проявляющаяся въ нихъ вредная пропаганда немедленно исчезаетъ.

Почему же въ университетской средѣ «люди непричастные къ интересамъ науки и Университета» могутъ дѣйствовать въ своихъ цѣляхъ болѣе широко? Очевидно, условія нашей университетской жизни благопріятствуютъ этой агитаціонной дѣятельности. Благодаря проникавію въ наши университеты значительной массы студентовъ, не склонныхъ къ серіознымъ научнымъ занятіямъ (по причинамъ на которыя мы уже неоднократно указывали), среди университетской молодежи образуются группы мало учащіяся, ускользающія отъ контроля университетскихъ властей и становящіяся, по своей неопытности и юношескому увлеченію, жертвой агитаціи.

Но этого мало: самый строй нашей университетской жизни не благопріятствуетъ серіознымъ занятіямъ студентовъ.

Отличительная особенность нашихъ университетовъ, въ сравненіи съ университетами западной Европы и съ нашими высшими спеціальными школами, состоитъ въ томъ, что у насъ университетскій курсъ можно окончить весьма мало работая, при чемъ и эта работа облегчается изданіемъ небольшихъ курсовыхъ литографированныхъ лекцій. Лишь въ самое послѣднее время у насъ стали, наконецъ, устраивать для студентовъ обязательныя практическія занятія, на необходимость которыхъ *Московскія Вѣдомости* тщетно указывали въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Эти практическія занятія успѣли уже, несмотря на свое кратковременное существованіе, принести замѣтную пользу, но имъ приходится опять-таки бороться съ указаннымъ кореннымъ зломъ нашихъ университетовъ. Мы разумѣемъ переполненіе нашихъ университетовъ людьми, стремящимися не къ серіозному занятію наукой, а поступающими въ университеты ради служебнаго диплома. Устанавливая въ нашихъ университетахъ практическія занятія, нужно принимать и тѣ мѣры, благодаря которымъ эти занятія только и могутъ приносить всю заключающуюся въ нихъ пользу.

Прототипомъ нашихъ Университетовъ должны быть наши высшія спеціальныя заведенія, съ обязательными при нихъ благоустроенными общежитіями. Въ университеты должны поступать наиболѣе способные къ научнымъ занятіямъ юноши и вести занятія въ видѣ обязательныхъ для нихъ самостоятель-

ныхъ *работъ*, серіозность которыхъ должна захватывать умъ и способности студента, учащагося *изъ любви къ наукѣ*, а не ради диплома и чина.

Дайте нашимъ Университетамъ такой строй, и вы сразу отнимете у «людей непричастныхъ къ интересамъ науки и Университета» благопріятную для нихъ пропаганды почву, и создадите изъ нашихъ Университетовъ дѣйствительные храмы серіозной науки, на пользу истиннаго просвѣщенія Россіи.

По поводу нашей послѣдней статьи объ Университетскомъ вопросѣ мы получили письмо одного уважаемаго члена профессорской корпораціи, въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Вы ставите прототипомъ устройства нашихъ университетовъ организацію нашихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, въ которыхъ ограниченное число наиболѣе способныхъ студентовъ обязано изо дня въ день посѣщать лекціи, участвовать въ практическихъ занятіяхъ и трудиться надъ самостоятельными работами; при этихъ условіяхъ вы обѣщаете нашимъ университетамъ спокойное и успѣшное процвѣтаніе. Но развѣ мы не видимъ, что безпорядки, волненія и «забастовки» проявляются въ настоящее время не только въ университетахъ, но какъ разъ именно и въ этихъ хваленыхъ вами спеціальныхъ заведеніяхъ?»

Мы ожидали этого возраженія. Фактъ участія спеціальныхъ высшихъ школъ въ «забастовкахъ» 1899 и 1901 годовъ слишкомъ очевиденъ, чтобы мы могли его проглядѣть, и мы намѣрены были заняться подробнымъ его разъясненіемъ. Вышеупомянутое письмо профессора даетъ намъ къ этому удобный поводъ.

Да, дѣйствительно, та чуждая академическимъ цѣлямъ агитація, которая долгое время находила себѣ благопріятную почву въ безпризорной толпѣ университетской молодежи (и въ нѣкогда столь же безпризорной толпѣ студентовъ бывшей Петровской Сельско-хозяйственной Академіи), нашла возможнымъ, начиная съ 1899 года, захватить въ свои сѣти и чуждавшихся ея дотолѣ студентовъ высшихъ спеціальныхъ школъ, несмотря на присущее имъ благоустройство.

Случилось это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что анти-академическая пропаганда достигла въ 1899 году въ нашихъ университетахъ успѣха, вслѣдствіе того, что ей удалось искусственнымъ образомъ возбудить къ себѣ сочувствіе значительной, наиболѣе легкомысленной, части нашего общества. Нелѣпая мысль объ университетской «забастовкѣ» не встрѣтила въ 1899 году того единодушнаго и рѣшительнаго отпора со стороны Правительства и общества, котораго она заслуживала, и студенты были введены въ заблужденіе одобрительными поощреніями людей авторитетныхъ въ ихъ глазахъ. Дѣло приняло въ то время такой оборотъ, что вопросъ объ единодушномъ, товарищескомъ дѣйствіи всей безъ исключенія учащейся молодежи получилъ чуть не государственное значеніе, а потому не удивительно, что всѣми этими овладѣвшими нашимъ обществомъ безумными иллюзіями и ложными слухами были сбиты съ толку также и студенты тѣхъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, которыя, вслѣдствіе своей правильной организаціи, не принимали до 1899 года участія въ чуть не ежегодныхъ университетскихъ «исторіяхъ». Если и были исключенія, то они были очень рѣдки, кратковременны и незначительны и, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ «массовымъ» движеніемъ 1899 года.

Но первоначальному успѣху этого движенія содѣйствовала еще и другая причина, на которую мы уже имѣли случай указать въ одной изъ недавнихъ нашихъ статей (стр. 278—279).

Мы разумѣемъ то *разновластіе*, которому подчинены у насъ, въ отличіе отъ прочихъ культурныхъ странъ, всѣ наши высшія научныя и техническія школы. Агитація 1899 года, увлекшая въ свои мутныя волны всѣ эти школы, не нашла во всѣхъ нихъ одинаковаго отпора. Каждое вѣдомство отнеслось къ своимъ взволновавшимся студентамъ по-своему, и это обстоятельство, конечно, лишь усилило ту всеобщую неурядицу, которая въ то время охватила наши высшія школы. Но этого мало. Въ тѣхъ именно школахъ, въ которыхъ отпоръ агитаціи со стороны школьнаго начальства былъ самый удобный, вслѣдствіе сравнительной малочисленности студентовъ и прежнихъ добрыхъ, въ научномъ и дисциплинарномъ отношеніи, традицій,—въ этихъ школахъ агитація встрѣтила наиболѣе слабую оппозицію. Это прискорбное явленіе вызвано было тою *jalousie de métier*, которая весьма естественно развивается въ школахъ, подчиненныхъ различнымъ вѣдомствамъ, и на которую намъ уже неоднократно приходилось указывать, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ нашей школьной дезорганизаціи.

Такимъ образомъ, на практикѣ оказалось то, чего по теоріи всего менѣе можно было ожидать: волненія, ограничивавшіяся до 1899 года университетами, перешли съ этого времени и въ высшія спеціальныя школы, нашли себѣ здѣсь совершенно неожиданно очень благопріятную почву и содѣйствовали отсюда уже усиленію волненій въ университетахъ.

Таково было положеніе дѣлъ до тѣхъ поръ, пока заблужденія студентовъ относительно возможнаго успѣха ихъ «забастовки» окончательно разсѣялись. Одинъ уже тотъ фактъ, что ни одно изъ «требованій», выставленныхъ агитаторами, не было исполнено, сразу отрезвилъ всю массу учащагося юношества, которое въ теченіе двухъ лѣтъ само уже оказывало отпоръ всякимъ попыткамъ вовлечь его въ новыя смуты и волненія.

Да и въ настоящемъ году студенты очень неохотно поддавались соблазнамъ агитаторовъ, и лишь незначительная часть студентовъ соглашалась возобновить прежнюю безуспѣшную игру въ «забастовку». Лишь отсутствіе единства въ примѣненіи выработанныхъ въ 1899 году общихъ мѣръ для предотвращенія этой вредной игры въ высшихъ школахъ различныхъ вѣдомствъ дало ей возможность принять болѣе широкіе размѣры. Какъ только единство это будетъ возстановлено, прекратится и настоящая агитація. Если же это единство будетъ навсегда упрочено посредствомъ подчиненія всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ и военныхъ, одному общему твердому руководству, то агитація и впредь будетъ невозможна, конечно, при томъ условіи, что наши университеты войдутъ въ ту колею строго-научной жизни, о которой мы говорили въ прошлой статьѣ.

Мнимая опасность.

Мы получаемъ за послѣднее время письма, упрекающія насъ въ «излишнемъ оптимизмѣ», въ недостаточной тревогѣ за будущность Россіи, въ отсут-

ствіи гражданской скорби въ виду надвинувшейся будто бы на наше отечество грозной опасности. Въ этихъ письмахъ настоящее, переживаемое нами, время сравнивается даже съ концомъ 70-тыхъ годовъ.

Но въ чемъ, же однако, состоитъ эта «опасность»? Неужели въ томъ, что злонамѣренные люди, въ своихъ цѣляхъ, пытались воспользоваться студенческими волненіями? Или въ томъ, что двое фанатикомъ отважились на гнусныя, кровавыя злодѣянія? Это, конечно, серіозныя событія, которыя заслуживаютъ и серіознаго вниманія, но видѣть въ нихъ признаки какой-то грозной опасности, отъ которой Россіи слѣдуетъ приходить въ ужасъ, едвали было бы благоразумно.

Ни внѣшніе, ни внутренніе враги Россіи не опасны, пока въ ней на высотѣ своего долга стоитъ Правительственная Власть. Опасность для Россіи явилась бы лишь тогда, если бъ эта Власть усомнилась въ своей силѣ и стала бы дѣлать своимъ врагамъ какія-либо уступки.

Но откуда, въ такомъ случаѣ, явилась тревога, выражаемая въ вышеупомянутыхъ полученныхъ нами письмахъ? Правда, общество долгое время находилось подъ вліяніемъ тѣхъ ложныхъ слуховъ, о которыхъ упоминаетъ послѣднее «Правительственное Сообщеніе», и которые своими вольными и невольными преувеличеніями вызывали въ воображеніи, не видавшихъ истины, людей различные призраки, напоминавшіе смутное время семидесятыхъ годовъ. Но развѣ «Правительственное Сообщеніе» не разсѣяло этихъ призраковъ, не изгладило этихъ воспоминаній?

Да вѣдь даже и самыя воспоминанія о семидесятыхъ годахъ могутъ дѣйствовать лишь успокоительно, доказывая, что для тяжкаго недуга было найдено врачующее его цѣлебное средство. Или, можетъ-быть, авторы этихъ писемъ полагаютъ, что только они помнятъ эти средства, а Правительство ихъ забыло? Но развѣ государственные люди, которымъ Монаршая Воля ввѣрила попеченіе о благѣ Россіи, отреклись отъ великихъ завѣтовъ Царя-Миротворца, водворившаго миръ во взбаломученной Россіи Своею твердою и мудрою энергіей, не знавшею никакихъ компромиссовъ со внутренними врагами Россіи? Сдѣлать такое предположеніе значило бы усомниться въ заслугахъ въ Бозѣ почивающаго Государя Александра III, который великъ не тѣмъ только, что спасъ Россію отъ гибели и содѣйствовалъ ея возрожденію въ то короткое время, которое Господь удѣлилъ на Его царствованіе, но и тѣмъ, что Онъ оставилъ на вѣчныя времена всему потомству яркій и убѣдительный примѣръ, какъ нужно поступать на благо Россіи въ тѣ или другіе выпадающіе на ея долю кризисы.

Ясная опредѣленность правительственной программы, строго согласованной съ основными устоями Русскаго государства и наглядно для всѣхъ проявляющейся какъ въ законодательныхъ актахъ и административныхъ мѣропріятіяхъ, такъ въ особенности и въ назначеніяхъ лицъ, призванныхъ къ искреннему и дѣятельному исполненію предначертанной Правительствомъ программы,—вотъ въ краткихъ словахъ то радикальное цѣлебное средство, благодаря которому Александръ III такъ быстро и такъ успѣшно исцѣлилъ всѣ дѣйствительные и мнимые недуги Россіи, воскресивъ ее къ новой, бодрой и здоровой жизни. И средство это такъ всѣмъ еще памятно, просто и удобопримѣнимо, что о какомъ-либо его забвеніи или о какихъ-либо встрѣчаемыхъ имъ при своемъ примѣненіи препятствіяхъ нельзя серіозно думать, не то что говорить.

Поэтому, каковы бы ни были дѣйствія и «требованія» современныхъ агитаторовъ, какова бы ни была ихъ ложь, которою они пытаются вызвать тревогу въ Русскомъ обществѣ, Россія можетъ оставаться вполнѣ спокойною, такъ какъ Правительство даетъ намъ примѣръ этой твердости и этого спокойствія, не вступая ни въ какіе компромиссы съ агитаторами и не уступая ни одному изъ ихъ «требованій». Объ опасности можно было бы думать лишь въ случаѣ подобныхъ уступокъ, такъ какъ онѣ ободряли бы агитаторовъ къ усиленію ихъ преступныхъ дѣйствій, въ надеждѣ добиться новыхъ уступокъ.

Подпольные дѣятели отъ времени до времени всюду любятъ пускать пробные шары, въ родѣ настоящаго, для испытанія энергіи Правительства. Но встрѣчая со стороны Правительства должное самообладаніе и твердость, агитаціонныя попытки становятся все болѣе краткими и болѣе рѣдкими. Тутъ весьма важно мудрое правило: *principiis obsta*, то-есть проявленіе твердой енергіи при первыхъ же признакахъ агитаціи. Малѣйшее колебаніе въ принятіи надлежащихъ мѣръ тотчасъ усиливаетъ дерзость агитаторовъ и приводитъ общество въ смущеніе, что агитаторамъ только и нужно, дабы вызвать иллюзію, будто общество на ихъ сторонѣ. На самомъ же дѣлѣ общество всегда стоитъ на сторонѣ порядка, и достаточно Правительству систематически проявлять для всѣхъ очевидную благоразумную силу, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ полномъ сочувствіи ему со стороны общества. Обществу нужно одно: чтобы въ государствѣ прочно установленъ былъ твердый порядокъ, дающій полную возможность каждому свободно и спокойно заниматься своимъ дѣломъ въ предѣлахъ законности. Для упроченія этого порядка Правительство обладаетъ въ избыткѣ всѣми необходимыми средствами, а потому о какихъ-либо уступкахъ нарушителямъ порядка не можетъ быть и рѣчи.

Правительство и общество.

Обсуждая появившееся 6 марта «Правительственное Сообщеніе», перечислявшее различныя нарушенія общественнаго порядка, имѣвшія мѣсто съ 19 февраля по 4 марта въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ, мы высказались слѣдующимъ образомъ:

«О всѣхъ событіяхъ этихъ дней, какъ видно изъ означеннаго ««Сообщенія»», уже производится дознаніе, но нельзя сомнѣваться, что Правительствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты и надлежащія мѣры къ тому, чтобы такихъ дней у насъ больше не повторялось».

Нынѣ, въ № 57 *Правительственнаго Вѣстника*, обнародованъ циркуляръ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 12 марта гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ, въ которомъ, указавъ на необходимыя мѣры къ предупрежденію и прекращенію уличныхъ безпорядковъ и къ возстановленію нарушенной общественной тишины и безопасности, г. министръ говоритъ слѣдующія вѣскія слова:

«Я твердо увѣренъ, что, при внимательномъ, разумномъ и строгомъ отношеніи къ дѣлу со стороны подлежащихъ властей, уличные безпорядки имѣть мѣста *не должны*, а посему своевременное принятіе мѣръ къ ихъ пре-

дупрежденію и прекращенію я возлагаю на личную строгую отвѣтственность всѣхъ обязанныхъ къ тому по закону должностныхъ лицъ».

Общество всегда съ величайшимъ вниманіемъ относится къ каждому дѣйствію Правительства, стараясь извлечь изъ него какой-нибудь выводъ относительно господствующихъ въ данное время взглядовъ и намѣреній Правительства и относительно той послѣдовательности, съ которою эти взгляды проводятся, и эти намѣренія осуществляются. Каждая законодательная и административная мѣра, каждое назначеніе, каждое проявленіе правительственной воли,—тотчасъ служатъ пищей для общественныхъ толковъ и вліяютъ на общественное настроеніе.

Въ рукахъ Правительства находится, такимъ образомъ, то, что у насъ называютъ «общественнымъ мнѣніемъ». Правительству стоитъ только идти по ясному, прямому, всѣмъ видному пути, въ полномъ сознаніи своей мощи, при внимательномъ, разумномъ и строгомъ согласованіи всѣхъ своихъ дѣйствій, въ систематической и твердой послѣдовательности,—и оно можетъ быть увѣрено, что «общественное мнѣніе» будетъ на его сторонѣ, то-есть на сторонѣ спокойствія и порядка. Общество, по принципу своему, всегда желаетъ порядка, который Правительство гарантируетъ, согласно своему долгу, всѣми предоставленными ему средствами, и лишь при отсутствіи этого условія, при неувѣренности Правительства въ своей силѣ, при неясности его пути и непослѣдовательности его мѣропріятій,—обществомъ овладѣваетъ извѣстная тревога. И общество за это невозможно винить, такъ какъ всѣ его интересы тѣсно связаны съ существованіемъ сильной власти, отъ которой зависитъ не только правильное теченіе всѣхъ дѣлъ настоящаго времени, но и будущность цѣлой страны.

У насъ въ Россіи, благодареніе Богу, есть одна только Власть. Ей вручена вся судьба Русскаго государства, Ей предоставлена вся мощь для упроченія этой судьбы, Ей принадлежитъ и отвѣтственность предъ Престоломъ Всевышняго за полное и разумное пользованіе этою мощью. Рядомъ съ этою Властью никакой другой власти у насъ быть не можетъ. При нормальномъ положеніи вещей, Власть Русскаго Правительства ясно и опредѣленно проявляется во всѣхъ сферахъ государственнаго организма, предоставляя полную свободу общественной жизни, поскольку она движется въ предѣлахъ законовъ и не поражаетъ самозванныхъ попытокъ вступать въ борьбу съ Правительственною Властью. Съ этой, единственно правильной, точки зрѣнія, всякая борьба съ Представителями Верховной Власти есть политическій и юридическій абсурдъ, идущій въ разрѣзъ съ основными нормами Русскаго государственнаго права. Но именно поэтому оторванные отъ исконныхъ русскихъ началъ крамольные элементы всегда стараются создать какую-либо анти-правительственную борьбу, въ надеждѣ пріучить общество къ совершенно ложному воззрѣнію, будто «общество» и «правительство» являются какими-то двумя враждебными лагерями, находящимися въ вѣчной между собой войнѣ.

Это ложное представленіе упускаетъ изъ виду, что у насъ въ Россіи антагонизмъ между Правительствомъ и обществомъ можетъ быть только случайнымъ, временнымъ, а не органическимъ, какъ на Западѣ, и что, при правильномъ распредѣленіи и исполненіи правъ и обязанностей Правительства и общества, антагонизмъ этотъ никакой почвы подъ собой имѣть не можетъ.

Права и обязанности эти распредѣляются такъ: общество обязано во всемъ подчиняться Правительству, но зато имѣетъ право ожидать отъ Правительства полнаго обезпеченія порядка въ государствѣ и индивидуальной свободы каждаго гражданина въ предѣлахъ закона. Правительство со своей стороны имѣетъ право и обязано, для обезпеченія этого порядка и этой свободы, примѣнять разумно, своевременно и неуклонно всѣ средства, предоставленныя въ его распоряженіе какъ основными, такъ и специальными законами Государства Россійскаго.

Если нормальный порядокъ нарушается, если злонамѣренными агитаторами вызывается смута, общество, конечно, можетъ всполошиться, но тотчасъ успокоится, коль скоро оно убѣдится, что Правительство стоитъ во всеоружіи своихъ правъ при исполненіи своихъ обязанностей, не только прекращая, но и предотвращая послѣдствія смуты, немедленно сообщая обществу всю правду относительно происшедшаго и успокаивая его быстрымъ принятіемъ благоразумныхъ и энергичныхъ мѣръ къ возстановленію нормальнаго теченія общественной жизни.

Какъ «Правительственное Сообщеніе» 6 марта, «Циркуляръ» министра Внутреннихъ Дѣлъ 12 марта, такъ и другія принятыя весьма благоразумныя и энергичныя мѣры относительно различныхъ источниковъ общественныхъ смутъ и волненій, дали обществу это успокоеніе, и оно съ увѣренностью взираетъ на будущее, зная, что у Правительства есть твердая рѣшительность наблюдать съ должною энергіей, за «внимательнымъ, разумнымъ и строгимъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны подлежащихъ властей», дабы впредь ни подъ какимъ видомъ не допускать какихъ бы то ни было нарушеній общественнаго порядка.

Университетскій вопросъ.

Въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ мы указали на тѣ четыре основныя измѣненія въ строѣ нашего образованія, которыя одни только и могутъ обезпечить намъ внѣшнее благоустройство и научную плодотворность нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Эти измѣненія, какъ помнятъ читатели, должны заключаться въ слѣдующемъ:

1) Подчиненіе всѣхъ нашихъ высшихъ научныхъ и техническихъ школъ—кромѣ духовныхъ и военныхъ—одному общему руководству,—для устраненія настоящаго, столь вредно отзывающагося на нихъ, разновластія.

2) Пріемъ въ Университеты лишь наиболѣе способныхъ къ серіознымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей,—дабы избѣгнуть теперешняго переполненія Университетовъ элементомъ, становящимся жертвой подпольныхъ агитаторовъ и увлекающимъ за собой и своихъ занимающихся товарищей.

3) Организація на всѣхъ университетскихъ факультетахъ, начиная съ перваго же курса, такихъ научныхъ занятій, которыя требовали бы отъ студентовъ постоянной, серіозной *работы*, возбуждающей въ нихъ самодѣятельность и живой интересъ къ наукѣ,—для устраненія того равнодушія и даже пренебреженія къ наукѣ, которыя доходятъ до возможности «забастовокъ».

4) Превращеніе университетовъ въ спеціально-научныя учрежденія, выдающія своимъ питомцамъ, по окончаніи ими курса, лишь ученыя степени, а не служебные чины и преимущества, дабы молодые люди поступали въ университеты исключительно изъ любви къ научнымъ занятіямъ, а не ради служебнаго карьеризма.

Мы уже неоднократно и подробно указывали на возможное значеніе *первой* и *второй* изъ перечисленныхъ нами реформъ; поэтому сегодня мы остановимся лишь на *третьей*, а затѣмъ, въ слѣдующій разъ, внимательнѣе разсмотримъ *четвертую*.

Впрочемъ, на необходимости перенесенія центра тяжести университетскаго преподаванія съ лекціонной системы на практическія занятія мы настаивали еще раньше. Мы тогда подверглись строгому внушенію со стороны одной провинціальной газеты, которая упрекала насъ въ «обобщеніи фактовъ», такъ какъ де въ отсутствіи практическихъ занятій виновны лишь наши юридическіе факультеты, тогда какъ на остальныхъ факультетахъ практическія занятія вездѣ введены, хотя чрезмѣрная многочисленность студентовъ мѣшаетъ правильному функціонированію этихъ занятій.

Уважаемая газета упустила при этомъ изъ виду, что мы обсуждали лишь общее положеніе нашихъ университетовъ, воздерживаясь пока отъ оцѣнки дѣятельности отдѣльныхъ факультетовъ; къ тому же, на Московскомъ, напримѣръ, юридическомъ факультетѣ практическія занятія организованы лучше, чѣмъ на иномъ провинціальномъ историко филологическомъ факультетѣ. Сущность же вопроса заключается вовсе не въ этомъ, а во вполнѣ вѣрномъ послѣднемъ замѣчаніи означенной газеты, въ которомъ мы видимъ лишь доказательство нашего основного положенія, что гдѣ бы и какъ-бы ни устраивать строго-научныя практическія занятія, они не достигнутъ своей цѣли, если наши университеты будутъ попрежнему переполнены неучащеюся молодежью, нисколько ими не интересующеюся.

Какой смыслъ могутъ имѣть эти занятія, когда они каждый день могутъ быть вдругъ прекращены по постановленію «сходки» этихъ послѣднихъ, декретирующихъ «забастовку» и спрашивающихъ своихъ профессоровъ: «Неужели вы можете требовать, чтобы мы теперь *вамъ* писали рефераты и занимались въ *вашихъ* лабораторіяхъ?»

Очевидно, такіе студенты смотрятъ на университетъ точно такъ же какъ ученики низшихъ классовъ смотрятъ на гимназію. Они учатся не для себя, а для профессоровъ, они какъ бы «дѣлаютъ одолженіе» профессорамъ, что пишутъ имъ рефераты и посѣщаютъ ихъ аудиторіи и лабораторіи. Выходитъ, что ученіе для такихъ лицъ не является средствомъ для достиженія научнаго знанія, а непріятною повинностью для достиженія диплома.

Конечно, и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи, университетская молодежь занимается не съ одинаковымъ прилежаніемъ. Часть молодыхъ людей, въ особенности на первыхъ порахъ, увлекается другими интересами: спортомъ, пивными коммершами и т. д., но даже не посѣщая храма науки, они все-таки относятся къ нему съ уваженіемъ, и никому изъ нихъ и въ голову не придетъ составить обязательную для всѣхъ студентовъ стачку противъ университетской науки, такъ какъ они стараются не повредить ни университету, ни наукѣ, ни профессорамъ.

Конечно, нельзя назвать правильными и отношенія наши къ этимъ «забастовкамъ».

Университетъ есть такое же научное учрежденіе, какъ, напримѣръ, Публичная Библіотека. Что если бы посѣтители Библіотеки вдругъ составили стачку не пользоваться больше ея сокровищами? Неужели отъ этого служащіе въ Библіотекѣ пришли бы въ отчаяніе, а отечество въ опасность? А у насъ всѣ смущены тѣмъ, что студенты «не хотятъ учиться». Да отнеситесь къ этому просто, не дѣлайте изъ этого трагедіи: кто не хочетъ учиться, пусть не учится, не держитъ экзаменовъ и не получаетъ дипломовъ. А кто хочетъ учиться, долженъ, конечно, пользоваться полною защитой со стороны университетскаго начальства и Правительства, дабы онъ могъ спокойно заниматься наукой.

Что касается спеціально-юридическаго факультета, то реорганизація его могла бы коснуться и сокращенія времени, необходимаго для прохожденія полнаго курса юридическихъ наукъ. Факультетъ этотъ считается у насъ въ Россіи самымъ легкимъ; молодой человѣкъ, не имѣющій какихъ-либо опредѣленныхъ научныхъ наклонностей, поступаетъ у насъ, по окончаніи гимназическаго курса, на юридическій факультетъ, затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ слегка флиртируетъ съ наукой за нѣсколько недѣль предъ экзаменомъ и преблагополучно кончаетъ свой курсъ иногда даже съ дипломомъ I степени *).

Этого не должно быть. Зачѣмъ молодому человѣку даромъ тратить *четыре* года на усвоеніе такого курса, который менѣе серіозенъ, чѣмъ тотъ же курсъ въ германскихъ университетахъ, усвояемый тамъ въ *три* года?

То же самое относится и къ прочимъ факультетамъ. Если настоящій научный объемъ ихъ курса достаточенъ, то умѣстите его, вмѣсто четырехъ лѣтъ, въ три; если онъ недостаточенъ, то дополните его посредствомъ усиленія учебныхъ занятій въ теченіе теперешнихъ четырехъ курсовъ; но во всякомъ случаѣ устройте такъ, чтобы все время студентовъ было занято серіознымъ научнымъ ученіемъ, отдыхъ посвящался бы здоровому спорту, а для «волненій» не оставалось бы ни времени, ни охоты.

Держать же молодыхъ людей четыре года въ университетѣ, не требуя отъ нихъ постояннаго, усидчиваго труда,—это значитъ пріучать ихъ къ праздности.

Въ статьѣ г. С. Володимерова (№ 76) о настоящемъ ненормальномъ состояніи нашего университетскаго образованія, мы съ удовольствіемъ видимъ полное согласіе съ тѣми мыслями, которыя мы неоднократно высказывали по тому же вопросу. Статья эта даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ подробно разсмотрѣть *четвертую* часть предлагаемыхъ нами мѣръ къ упорядоченію и оздоровленію нашихъ университетовъ, а именно вопросъ о превращеніи нашихъ университетовъ въ спеціально-научныя учрежденія, въ которыя молодые люди поступали бы не ради дипломовъ и служебной карьеры, а исключительно ради изученія науки.

---

*) Это явленіе, существовавшее у насъ десятки лѣтъ, слегка измѣнилось лишь за послѣдніе два года (1900—1901 гг.) со введеніемъ обязательныхъ практическихъ занятій и на юридическомъ факультетѣ.

Цѣль этого изученія, какъ совершенно справедливо говоритъ г. Володимеровъ, должна заключаться не только въ *знаніи* тѣхъ или другихъ научныхъ свѣдѣній, но и въ *умѣніи* примѣнять эти свѣдѣнія къ плодотворной научной работѣ: nicht nur *kennen*, sondern auch *können*, какъ говорятъ Нѣмцы.

Каждый выходящій изъ университета студентъ долженъ быть практическимъ дѣятелемъ въ своей спеціальной наукѣ; онъ долженъ владѣть методомъ и техникой относящихся къ ней работъ, дабы непосредственно принимать участіе въ серіозныхъ научныхъ изысканіяхъ. Словомъ, онъ долженъ быть «ученымъ» въ полномъ смыслѣ этого слова, «научнымъ дѣятелемъ», совершенно готовымъ къ самостоятельному научному труду.

Таковы ли наши студенты? Да, таковыми считаются тѣ, нѣсколько единицъ, которыя по окончаніи курса «оставляются при каѳедрахъ», для того чтобы готовиться къ профессорскому званію. Эти единицы, однако, совершенно исчезаютъ въ массѣ тѣхъ сотенъ молодыхъ людей, которые ежегодно выходятъ изъ нашихъ университетовъ безо всякаго серіознаго научнаго «знанія» и «умѣнія». Да и тѣ немногіе, которые «оставляются при каѳедрахъ», обязательно посылаются за границу, преимущественно въ Германію, для завершенія своего «научнаго образованія» или, вѣрнѣе сказать, для перваго ознакомленія съ истинно-научными методами и со спеціальною техникой своей науки.

Къ такому по-истинѣ плачевному состоянію нашего университетскаго образованія всѣ у насъ до того привыкли, что никто уже имъ не возмущается. Никто у насъ и не думаетъ о томъ, чтобы довести научный уровень нашихъ университетовъ до высоты университетовъ германскихъ, дабы наши студенты совершенно не нуждались въ заграничномъ «завершеніи своего образованія», точно такъ же, какъ не нуждаются въ немъ студенты германскіе. Пока мы этого не достигнемъ, наши университеты не будутъ соотвѣтствовать своему прямому назначенію, достичь же этого высокаго уровня наши университеты не будутъ въ состояніи, пока они, какъ въ настоящее время, будутъ переполняться громаднымъ большинствомъ малодаровитыхъ студентовъ, которые и своею многочисленностью, и своимъ равнодушіемъ къ научнымъ интересамъ, поневолѣ ведутъ не къ повышенію, а къ *пониженію* уровня университетскаго преподаванія.

Итакъ, чтобы дать нашимъ университетамъ возможность быть истинными разсадниками серіознаго научнаго образованія въ Россіи, необходимо разстаться съ ложнымъ представленіемъ, будто они какія-то общеобразовательныя учебныя заведенія, почти обязательныя для всѣхъ, кто хочетъ поступить на государственную службу. Наука въ университетахъ должна существовать ради самой себя, а не ради карьеры будущихъ чиновниковъ.

Да, но вѣдь для поступленія на государственную службу нужно же установить какой-нибудь образовательный цензъ?

Совершенно вѣрно. Пусть онъ будетъ установленъ для каждаго вѣдомства по его усмотрѣнію, какъ относительно общей высоты этого ценза, такъ и относительно всѣхъ детальныхъ научныхъ и техническихъ свѣдѣній, которыми долженъ владѣть будущій чиновникъ даннаго вѣдомства: констатировать наличность этихъ свѣдѣній долженъ государственный экзаменъ. Способъ же пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній долженъ быть предоставленъ желанію каждаго лица, подвергающагося государственному экзамену: онъ можетъ пріобрѣсти эти свѣдѣнія либо домашнимъ трудомъ, либо въ частныхъ высшихъ школахъ, либо, наконецъ, въ правительственныхъ высшихъ научныхъ или техническихъ учрежденіяхъ.

Отъ Правительства всегда будетъ зависѣть поставить государственные экзамены такъ, чтобы черезъ нихъ на государственную службу поступали дѣйствительно высоко-образованные, истинно-просвѣщенные люди, обладающіе всѣми необходимыми для даннаго вѣдомства научными знаніями и практическими пріемами. Предъявляемыя на государственныхъ экзаменахъ требованія могутъ, по соображеніямъ Правительства, понижаться или повышаться, смотря по большему или меньшему наплыву экзаменующихся (конкурсныя испытанія), и смотря по измѣненію и развитію потребностей того или другаго вѣдомства; но эти періодическія возможныя колебанія въ программѣ государственныхъ экзаменовъ ни малѣйшаго вліянія на научное преподаваніе въ университетахъ имѣть не должны.

Намъ приходилось уже сравнивать Университетъ съ Публичною Библіотекой; это сравненіе вполнѣ примѣнимо и въ данномъ случаѣ.

Къ государственному экзамену можно готовиться и въ Университетѣ, и въ Библіотекѣ, беря изъ того или другаго научнаго сокровища тотъ минимумъ свѣдѣній, который соотвѣтствуетъ государственно-экзаменнымъ требованіямъ; но до этого *минимума* нѣтъ никакого дѣла ни Университету, ни Библіотекѣ; въ нихъ всѣмъ желающимъ изучать *науку ради науки* долженъ быть предоставленъ въ полное распоряженіе по возможности *максимумъ* научныхъ свѣдѣній. Разница только въ томъ, что Библіотека должна быть доступна для всѣхъ желающихъ пріобрѣсти *знанія* посредствомъ *чтенія*, Университетъ же можетъ быть доступенъ лишь для тѣхъ, кто предварительно въ средней научной школѣ, именуемой гимназіей, пріобрѣлъ прочный навыкъ къ *научной работѣ*, посредствомъ которой пріобрѣтается не только научное знаніе, но, что гораздо важнѣе, *умѣніе* пользоваться этимъ знаніемъ для научныхъ плодотворныхъ трудовъ и изслѣдованій.

Таковы германскіе университеты, въ которые мы посылаемъ учиться нашихъ кончившихъ курсъ студентовъ. Таковыми должны быть и русскіе Университеты. А какъ далеки они отъ этого идеала, и какъ мало у насъ дѣлается для того, чтобъ они хоть сколько нибудь приблизились къ этому идеалу. До самаго послѣдняго времени, они стояли въ научно-образовательномъ отношеніи даже ниже библіотекъ, такъ какъ въ послѣднихъ *читатели* могли, по крайней мѣрѣ, знакомиться со всею литературой данной науки, въ Университетѣ же слушатели, вмѣсто науки, получали лишь прочитанный съ каѳедры тощій конспектъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, научные же *дѣятели* такъ же мало вырабатывались въ университетахъ, какъ и въ библіотекахъ: они вырабатывались только во время заграничныхъ командировокъ, въ германскихъ университетахъ.

Если мы превратимъ наши университеты въ чисто-научныя учрежденія, которыя будутъ соразмѣрять свои требованія съ максимальными научными требованіями лучшихъ европейскихъ университетовъ, а не съ минимальною программой государственныхъ экзаменовъ, то мы создадимъ такіе плодотворные, строго-научные центры въ Россіи, въ которые доступъ современной толпѣ *не*-учащейся молодежи былъ бы потому уже невозможенъ, что университетскія занятія, по своей серіозности, были бы ей недоступны. Этимъ было бы вполнѣ обезпечено оздоровленіе нашихъ университетовъ, но, конечно, не иначе, какъ при осуществленіи указанныхъ нами первыхъ трехъ реформъ. Ибо каждая изъ предлагаемыхъ нами четырехъ мѣръ къ упорядоченію нашего высшаго образованія, примѣненная въ отдѣльности безъ остальныхъ трехъ, была бы

безсильна привести насъ къ этой, столь желанной для всѣхъ, цѣли. Лишь совокупность всѣхъ этихъ мѣръ можетъ служить намъ вѣрнымъ обезпеченіемъ водворенія правильной, спокойной, серіозной и плодотворной жизни въ наши многострадальные Университеты.

Женскіе курсы.

Въ прискорбныхъ уличныхъ безпорядкахъ, констатированныхъ послѣднимъ *Правительственнымъ Сообщеніемъ*, выдающееся участіе принимали, какъ извѣстно, «слушательницы разныхъ женскихъ курсовъ». Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ 19 февраля были арестованы 71 студентъ и *128 «курсистокъ»*, въ Москвѣ 23 февраля—517 студентовъ и *101 «женщина»*, 25 февраля 21 студентъ и *9 «курсистокъ»*, а въ Петербургѣ 4 марта — 339 студентовъ и *377 «женщинъ»*. Конечно, среди этихъ «женщинъ» могли быть особы, не принадлежащія къ «курсисткамъ», но едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что главный женскій контингентъ уличныхъ безпорядковъ доставленъ нашими женскими курсами различныхъ наименованій.

Печальная репутація этихъ курсовъ подтверждается уже не въ первый разъ. Тотчасъ же при своемъ возникновеніи въ 60-тыхъ годахъ, наши женскіе курсы стали очагомъ всевозможныхъ вредныхъ броженій, вслѣдствіе чего ихъ неоднократно приходилось закрывать. Въ послѣднее время у насъ снова поднялась агитація въ пользу этихъ учрежденій, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Учреждались общества, собирались и жертвовались значительныя суммы денегъ, строились и отдѣлывались спеціальныя помѣщенія для женскихъ аудиторій. При этомъ насъ увѣряли, что *теперь* будутъ приняты мѣры, чтобы «курсистки» исключительно предавались занятіямъ наукой.

Мы теперь видимъ, какую цѣну имѣли эти увѣренія. Правда, по внѣшности «курсистки» стали нѣсколько иными, но любовь къ труду и порядку, привязанность къ семейной обстановкѣ и боязнь улицы, свойственныя истинно-женской натурѣ, остались, къ сожалѣнію, имъ столь же чужды, какъ было въ 60-хъ годахъ: пришлось убѣдиться въ этомъ во время послѣднихъ безпорядковъ, при видѣ уличныхъ «манифестантокъ». Кто хоть разъ видѣлъ этихъ дѣвушекъ среди бушевавшей толпы, никогда не забудетъ этого глубоко-прискорбнаго зрѣлища.

Какъ могъ создаться у насъ такой типъ «курсистки», котораго вы не найдете ни среди западно-европейскихъ, ни среди американскихъ учащихся женщинъ? Тамъ, на Западѣ, уличными «манифестантками» могутъ являться только такія мегэры дикаго анархизма, какъ, напримѣръ, Луиза Мишель и подобныя ей героини Парижской «коммуны», которыя никогда ничего общаго съ «высшимъ женскимъ образованіемъ» не имѣли. Почему же наши «женскіе курсы» не сообщаютъ своимъ слушательницамъ той культурности, которая удерживаетъ западныхъ учащихся женщинъ отъ участія въ уличныхъ скандалахъ?

Тому есть много причинъ, на которыя намъ приходилось уже указывать.

Искусственное привлеченіе бѣдныхъ дѣвушекъ изъ провинціальной глуши

въ столичную жизнь, отрывающую ихъ отъ нормальной семейной обстановки. сообщеніе имъ, вмѣсто будто бы «научнаго», на самомъ дѣлѣ самаго легковѣснаго дилеттантскаго образованія, съ обманчивою перспективой какого-то выгоднаго и полезнаго труда, полная лишеній атмосфера меблированныхъ комнатъ и «угловъ», въ которой онѣ принуждены вращаться,—вотъ тѣ факторы, которые содѣйствуютъ выработкѣ у насъ, совершенно незнакомаго культурнымъ странамъ, типа «курсистки». Неужели мы не положимъ, наконецъ, предѣла этому безусловно ненормальному положенію? Неужели мы, заботясь о просвѣщеніи и развитіи нашихъ дочерей, не примемъ мѣръ, чтобы «женскіе курсы» не высылали ихъ въ ряды толпы, творящей уличное безобразіе?

Всѣ разумные люди пришли въ настоящее время къ убѣжденію, что образованіе молодежи должно быть неразрывно связано съ ея воспитаніемъ. Мы видимъ коренное зло, охватившее наши университеты, и вызванное тѣмъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, что студенты у насъ представляютъ собой недисциплинированную массу, нуждающуюся въ добромъ руководствѣ, но совершенно лишенную его.

Но если въ этомъ нравственномъ призорѣ и руководствѣ такъ нуждаются молодые люди, то что же сказать о молодыхъ дѣвушкахъ? Вѣдь даже при нормальныхъ условіяхъ жизни молодая дѣвушка скорѣе можетъ сдѣлаться, и по неопытности, и по нервности женскаго темперамента, жертвой всякаго увлеченія, доходящаго до безсознательной почти экзальтаціи,—нежели юноша, отличающійся всегда большею разсудительностью и хладнокровіемъ. Не слѣдуетъ ли тѣмъ болѣе опасаться за молодыхъ дѣвушекъ, заброшенныхъ въ современную ужасную обстановку столичной жизни, при посѣщеніи курсовъ, поставленныхъ такъ, какъ это было и остается донынѣ?

Не ясно ли, что если намъ нужны «женскіе курсы», то они должны быть совершенно иначе организованы, нежели тѣ, которые у насъ существуютъ въ настоящее время, и которые не берутъ на себя никакой отвѣтственности за правильное *воспитаніе* своихъ слушательницъ.

Нормальное взаимодѣйствіе государственныхъ органовъ.

Необходимымъ условіемъ правильнаго теченія государственной жизни является полное, гармоническое взаимодѣйствіе всѣхъ отдѣльныхъ частей государственнаго организма.

Въ государствѣ самодержавномъ эта строгая и точная согласованность государственныхъ органовъ гораздо легче достижима, чѣмъ въ государствахъ демократическихъ, въ которыхъ вся политическая жизнь основана не на примиреніи различныхъ общихъ и частныхъ интересовъ, а на непримиримой враждѣ и борьбѣ всевозможныхъ партій. Эта борьба проникаетъ и въ отдѣльные органы государства, такъ какъ они находятся въ полной зависимости отъ выборной или парламентской побѣды той или другой партіи, тогда какъ въ самодержавномъ государствѣ эти органы зависятъ отъ единой воли Монарха.

Значитъ ли это, что въ самодержавномъ государствѣ нѣтъ партій? Да, конечно, политическихъ партій, въ западно европейскомъ значеніи этого слова,

въ самодержавномъ государствѣ нѣтъ и быть не можетъ. На Западѣ партіи борются изъ-за правительственной власти, у насъ же эта власть стоитъ внѣ всякой борьбы и неизмѣримо выше всякихъ партійныхъ вожделѣній. Но на самомъ дѣлѣ у насъ всегда были и всегда будутъ партіи, мечтающія не о захватѣ Верховной Власти, въ виду полной неосуществимости такой безумной затѣи, а о захватѣ общественнаго мнѣнія путемъ общественныхъ организацій, литературы и печати.

Никто не станетъ отрицать, что со временъ великихъ преобразованій Петра I русское мыслящее общество раскололось на двѣ партіи, національно-русскую и западническую, которыя, несмотря на постепенное измѣненіе тѣхъ или другихъ объектовъ ихъ стремленій, остались въ своей принципіальной непримиримости и до настоящихъ дней. Пройдетъ еще не мало времени, пока, наконецъ, наша самостоятельная культура настолько выяснится и окрѣпнетъ, что исчезнетъ даже самое понятіе о какой-то западнической у насъ партіи, а останутся только истинно Русскіе люди, которымъ нечего будетъ сплачиваться въ особую «русскую» партію, точно такъ же, какъ во Франціи нѣтъ особой «французской» или въ Германіи особой «нѣмецкой» партіи. Но пока у насъ будутъ существовать люди, мечтающіе о рабскомъ подражаніи Западу, до тѣхъ поръ у насъ по необходимости будетъ существовать и особая національно-русская партія, которая будетъ бороться съ западничествомъ и будетъ отстаивать завѣтныя зиждительныя начала Русскаго государства, заимствуя изъ общечеловѣческой сокровищницы Запада лишь идеи научнаго и художественнаго творчества, а не политическія учрежденія.

Орудіями этой борьбы служатъ, какъ мы уже сказали, различныя общества, литература и печать. Что же касается до тѣхъ сферъ, въ которыхъ можетъ проявляться эта борьба, то онѣ могутъ быть весьма разнообразны. Но есть двѣ сферы, въ которыя эта борьба ни подъ какимъ видомъ проникать не должна: это сферы правительственныхъ и церковныхъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, Русская Православная Церковь является, по существу своему, такимъ ясно опредѣленнымъ, глубоко-національнымъ организмомъ, что какое-нибудь «западническое» вліяніе въ ней не можетъ быть допустимо даже въ силу основного принципа нашей Церкви. Западники могутъ мечтать о томъ, чтобы совершенно упразднить Православную Церковь и замѣнить ее какимъ-либо другимъ вѣроисповѣданіемъ, или же простымъ безбожіемъ, и подобнымъ ихъ стремленіямъ мы должны, конечно, противодѣйствовать всѣми нашими силами; но они не могутъ, признавая Православную Церковь, создать въ ней, напримѣръ, протестантскія или атеистическія теченія, такъ какъ эти теченія противорѣчили бы самой сущности Православной Церкви, а слѣдовательно явились бы ея отрицаніемъ. Такимъ образомъ борьба вышеназванныхъ двухъ партій въ учрежденіяхъ Православной Церкви недопустима, не только на практикѣ, но и въ самой теоріи. Малѣйшая попытка возбудить подобную борьбу должна быть пресѣчена въ самомъ началѣ, такъ какъ самое существованія ея непримиримо съ понятіемъ о господствующей въ Россіи Православной Церкви.

Совершенно такое же положеніе занимаетъ данный вопросъ и по отношенію къ учрежденіямъ Самодержавнаго Правительства, которое, такъ же какъ и Православная Церковь, является чисто-національнымъ организмомъ.

Партія нашихъ западниковъ, именующихъ себя «либералами», стремится не къ тому, чтобъ усовершенствовать функціи Самодержавнаго Правитель-

ства—о чемъ такъ мечтаетъ національно-русская или «консервативная» партія,—а къ тому, чтобы совершенно упразднить Самодержавіе и замѣнить его западно-европейскимъ демократическимъ режимомъ. Можетъ ли, въ виду этого, Самодержавное Правительство терпѣть въ своихъ учрежденіяхъ какія бы то ни было проявленія западничества, не подвергая опасности правильное функціонированіе своихъ органовъ? Да и вообще какая бы то ни было партійная борьба въ правительственныхъ учрежденіяхъ является въ высшей степени ненормальнымъ элементомъ въ какомъ бы то ни было государствѣ, а въ особенности въ государствѣ самодержавномъ, имѣющемъ, какъ мы сказали выше, полную возможность совершенно устранить ее.

Въ самомъ дѣлѣ, въ самодержавномъ государствѣ всѣ правительственныя учрежденія созданы для того, чтобы въ точности исполнять волю Единаго Монарха и сообразовать всѣ свои мѣропріятія съ Его верховными указаніями. Гдѣ же тутъ мѣсто для партійной борьбы? Весь личный составъ правительственныхъ учрежденій назначается на свои посты не на основаніи какихъ либо партійныхъ выборовъ, какъ на Западѣ, а по личному довѣрію Государя. Всѣ лица, являющіяся живыми органами Самодержавной Власти, должны подавать всѣмъ русскимъ гражданамъ высокій примѣръ безусловнаго и безкорыстнаго исполненія своего вѣрноподданническаго долга, а потому должны быть чужды того партійнаго раздора, которымъ волнуются частныя лица и общественныя учрежденія.

Правда, и правительственныя лица могутъ, сообразно съ индивидуальными свойствами своего ума и характера, различествовать между собой въ тѣхъ или другихъ оттѣнкахъ своихъ основныхъ взглядовъ и убѣжденій, но сами эти взгляды и убѣжденія должны быть безусловно согласными съ верховною волей Монарха. Если этого согласія нѣтъ, то немыслима и добросовѣстная служба Правительству, и въ этомъ случаѣ честный человѣкъ самъ покинетъ эту службу, не дожидаясь своего отъ нея увольненія.

Но если это такъ, то еще менѣе допустимо практическое выраженіе коренного разногласія между отдѣльными правительственными лицами или учрежденіями.

Разъ опредѣлено общее направленіе государственной политики съ высоты Престола, то какое же можетъ быть разногласіе между лицами, получающими свои полномочія лишь отъ этого Престола?

Если, напримѣръ, органы Правительственной власти, исполняя свой долгъ, принимаютъ тѣ или другія мѣры для сохраненія или возстановленія нормальнаго порядка въ общественной или государственной жизни, то мыслимо ли, чтобы другія учрежденія или лица, являющіяся такъ же органами той же власти, препятствовали имъ въ исполненіи ихъ долга, вмѣшивались въ ихъ распоряженія, или хотя бы позволяли себѣ публичное ихъ осужденіе?

Если возникаетъ общій серіозный вопросъ, одновременно касающійся различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, то не ясно ли, что всѣ эти вѣдомства должны рѣшать этотъ вопросъ не каждое по своему усмотрѣнію, а въ полномъ между собой согласіи, руководствуясь исключительно общею правительственною точкой зрѣнія, устанавливаемою не тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ, а Верховною Волей.

Если вносится на обсужденіе высшихъ государственныхъ совѣщательныхъ учрежденій какая-нибудь законодательная мѣра, подготовленная согласно съ цѣлымъ рядомъ Высочайшихъ предначертаній, то тѣ же предначертанія явля-

ются единственно допустимою нормой при этомъ обсужденіи. Уклоняться отъ этой нормы, идти явно *противъ* этихъ предначертаній не рѣшится ни одинъ изъ представителей Правительственной Власти, считающихъ первымъ своимъ долгомъ исполненіе ясно указанной Ея Воли.

Если назначаются новыя лица на правительственные посты, то главнымъ критеріемъ пригодности ихъ для этихъ постовъ являются не только ихъ административныя способности и нравственныя качества, но прежде всего ихъ государственные взгляды и убѣжденія, которые должны вполнѣ согласоваться со взглядами и убѣжденіями Верховнаго Правительства. При несоблюденіи этого въ высшей степени важнаго условія, Правительство всегда рискуетъ, при осуществленіи своихъ мѣропріятій, встрѣчать на различныхъ ступеняхъ своей служебной іерархіи, если не прямое противодѣйствіе, то противодѣйствіе тайное, медлительность, нерадивость и даже открытое осужденіе этихъ мѣропріятій со стороны лицъ, на которыхъ возложено это ихъ осуществленіе, а это ведетъ къ полнѣйшей деморализаціи и общества, и правительственныхъ учрежденій. Если «консервативный» правительственный дѣятель зависитъ отъ «либеральнаго» начальника, и самъ въ свою очередь является начальникомъ «либеральнаго» чиновника, которому подчиненъ чиновникъ «консервативныхъ» убѣжденій, стоящій во главѣ «либеральныхъ» исполнителей его распоряженій, то легко предугадать, въ какомъ видѣ будетъ примѣняться при такой партійно-чиновной «черезполосицѣ» правительственное мѣропріятіе, исходящее отъ стоящаго во главѣ вѣдомства государственнаго дѣятеля, вполнѣ проникнутаго желаніемъ быть вѣрнымъ исполнителемъ Верховной Воли.

Лишь полное единство взглядовъ, царящее какъ между дѣятелями одного и того же вѣдомства, такъ и между высшими представителями всѣхъ вѣдомствъ, можетъ обезпечить всей государственной жизни нормальное взаимодѣйствіе всѣхъ ея органовъ, которое одно способно предотвратить всякое нарушеніе ея правильнаго хода, всякое появленіе нежелательныхъ инцидентовъ и прискорбныхъ недоразумѣній, которыми всегда такъ готовы воспользоваться въ своихъ видахъ внѣшніе и внутренніе враги Россіи.

Въ частныхъ и общественныхъ сферахъ могутъ возгараться партійные споры и распри, но сферы правительственныя должны представлять собой высоко-назидательный примѣръ полнаго согласія и единодушія, который всегда благотворно вліяетъ и на водвореніе согласія и единодушія среди общества.

Достигается же это столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ гармоническое и дружное взаимодѣйствіе государственныхъ органовъ лишь провозглашеніемъ ясной правительственной программы и твердымъ, послѣдовательнымъ ея осуществленіемъ посредствомъ тщательно выбранныхъ вѣрныхъ истолкователей Верховной Воли.

Университетскій вопросъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, необходимость привлеченія въ наши Университеты исключительно студентовъ, способныхъ къ серіознымъ занятіямъ и въ такой степени уважающихъ науку, чтобы не устраивать противъ нея «заба-

стовокъ»,—оспаривается тѣми представителями общества, для которыхъ многолюдство университетовъ является синонимомъ «развитія просвѣщенія» въ Россіи. Эти господа пресеріозно думають, что чѣмъ больше у насъ студентовъ, тѣмъ лучше для *науки.* Качество студентовъ для нихъ ровно ничего не значитъ, имъ нужно только ихъ количество. Занимаются ли студенты наукой или составляютъ противъ нея стачки — это для нашихъ просвѣтителей все равно.

Съ такими взглядами ни одинъ разумный человѣкъ согласиться не можетъ. Конечно, чѣмъ больше у насъ будетъ *вполнѣ способныхъ къ университетскому ученію* студентовъ, тѣмъ лучше; но чѣмъ больше у насъ будетъ студентовъ неучащихся, тѣмъ несомнѣнно будетъ хуже, какъ для нихъ самихъ, такъ и для науки, и для государства.

Мы заранѣе ожидали, что нашимъ логическимъ доводамъ, основаннымъ на сущности вопроса, противопоставятъ грубый цифровый аргументъ, а именно многолюдство заграничныхъ университетовъ. И дѣйствительно, намъ указываютъ на тотъ неоспоримый фактъ, что въ Берлинѣ 10.000 студентовъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Московскомъ Университетѣ ихъ всего 4.000.

Остановимся на этихъ цифрахъ. Итакъ, въ Берлинѣ 10.000 студентовъ, а въ Москвѣ ихъ 4.000. Но вотъ поучительное явленіе: ни одному изъ 10.000 берлинскихъ студентовъ и въ голову не приходитъ устраивать «забастовки» противъ науки, а среди 4.000 московскихъ очень многіе оказываются на это способны. Чѣмъ объяснить это глубокое различіе между берлинскими и московскими студентами, какъ не качественными ихъ свойствами? Дайте намъ для Московскаго Университета 10.000 студентовъ съ тѣмъ же культурнымъ развитіемъ, какимъ обладаютъ берлинскіе студенты, и въ Московскомъ Университетѣ студенческихъ «исторій» не будетъ. Правда, для этого необходимо, чтобъ и наши профессора стояли на такомъ же высокомъ научномъ уровнѣ, какъ и берлинскіе профессора, то-есть умѣли бы внушать своимъ слушателямъ уваженіе и любовь къ наукѣ. Зато если бы наши 4.000 московскихъ студентовъ, съ тѣмъ своеобразнымъ отношеніемъ къ наукѣ и культурѣ, которое существуетъ у организаторовъ и сторонниковъ безпорядковъ, помѣстить въ Берлинскій университетъ, вмѣсто его 10.000 студентовъ, то и тамъ произойдутъ студенческія волненія, со «стачками» и «забастовками», противъ которыхъ безсильны будутъ даже высокоученые берлинскіе профессора.

Въ чемъ же кроется причина этой качественной разницы между германскими и русскими студентами?

Въ громадномъ различіи той подготовки, которую они получаютъ въ средне-научной школѣ, то-есть въ гимназіи.

Тотъ, кто *дѣйствительно знаетъ* русскія и германскія гимназіи, вполнѣ согласится со слѣдующимъ утвержденіемъ, которое лишь для незнающихъ эти учебныя заведенія можетъ показаться парадоксальнымъ: въ германской гимназіи *послѣдній* ученикъ, выдержавшій испытаніе зрѣлости, дающее право поступленія въ университетъ, болѣе подготовленъ къ серіознымъ научнымъ занятіямъ, чѣмъ *первый* ученикъ, выдержавшій испытанія зрѣлости въ русской гимназіи.

Мы уже не говоримъ о настоящемъ состояніи нашихъ гимназій, которыя въ послѣдніе годы подверглись сильной дезорганизаціи и деморализаціи. Но и въ предыдущіе годы наши гимназіи лишь стремились сравняться въ научномъ отношеніи съ германскими гимназіями, но всегда далеко отъ нихъ отста-

вали, какъ по числу учебныхъ лѣтъ (въ Германіи *девять* лѣтъ, а съ приготовительнымъ классомъ и *десять*, у насъ же только *восемь*), такъ и по числу учебныхъ дней въ году, и по числу уроковъ, посвящаемыхъ основнымъ гимназическимъ предметамъ, а равно и по опытности преподавателей и совершенству дидактическихъ методовъ, и, наконецъ, по умѣренному количеству учащихся въ классахъ, по строгости дисциплины, по серіозности занятій и строгому отбору способныхъ учениковъ, доходящихъ до старшихъ классовъ лишь въ случаѣ дѣйствительной способности къ научнымъ занятіямъ.

Мы уже не говоримъ о томъ строго-національно патріотическомъ воспитаніи, которое дается ученикамъ германскихъ гимназій, и которое не только отсутствуетъ въ нашихъ гимназіяхъ, но даже часто замѣняется воспитаніемъ противоположнаго направленія, не потому чтобы «національнымъ» предметамъ (каковыми считаются русская исторія и русская словесность) удѣлялось мало уроковъ, а потому что эти предметы у насъ преподаются зачастую учителями, которые совершенно чужды національныхъ идей и, конечно, тѣмъ разрушительнѣе вліяютъ на патріотизмъ своихъ учениковъ, чѣмъ большее число уроковъ имъ предоставляется.

Мы пока не хотѣли затрогивать тяжелыхъ ранъ нашихъ многострадальныхъ гимназій, но мы были вынуждены сдѣлать это въ виду софизмовъ, выставляемыхъ въ защиту настоящаго положенія нашихъ университетовъ, съ цѣлью затемнить сложный университетскій вопросъ односторонними указаніями на многолюдство западныхъ университетовъ.

Да, дѣйствительно, въ этихъ университетахъ много студентовъ, и мы искренно желали бы, чтобъ и въ нашихъ университетахъ было столько же и даже больше, но *такихъ же* студентовъ, относящихся къ наукѣ съ тѣмъ же глубокимъ уваженіемъ. Но зато, если бы въ нашихъ университетахъ было даже еще меньше студентовъ, чѣмъ теперь, то и тогда слѣдовало бы освободить университеты ото всѣхъ тѣхъ, которые *не могутъ* или *не хотятъ* учиться. Для этого нѣтъ даже надобности ограничивать число студентовъ въ нашихъ университетахъ какимъ нибудь комплектомъ, а нуженъ только ихъ хорошій подборъ. Чѣмъ больше будетъ *хорошихъ* студентовъ, тѣмъ лучше. *Дурнымъ* же студентамъ въ университетахъ мѣста быть не должно.

Когда наши либеральные университетскіе реформаторы ставятъ намъ въ примѣръ германскіе университеты, то они никогда не дѣлаютъ этого съ цѣлью поднятія научнаго уровня нашихъ университетовъ до высокаго уровня германскихъ, а съ совершенно иными цѣлями.

«Въ германскихъ университетахъ много студентовъ», говорятъ они, «а, слѣдовательно, и у насъ должно быть много студентовъ». При этомъ они тщательно избѣгаютъ формулировать эго требованіе въ слѣдующемъ видѣ, который одинъ только можетъ придать ему правильность: «Въ германскихъ университетахъ много *хорошихъ* студентовъ, а потому необходимо, чтобы и у насъ было какъ можно больше такихъ же х о р о ш и х ъ студентовъ».

Одна ошибка влечетъ за собой и другую. Въ самомъ дѣлѣ, вы часто услышите и слѣдующее требованіе: «Германскіе студенты имѣютъ корпоратив-

ную организацію, а слѣдовательно и русскіе студенты должны имѣть такую же организацію».

Это требованіе пользуется большою популярностью среди всѣхъ лицъ, не знающихъ или не хотящихъ знать глубокой разницы между германскимъ и русскимъ студенчествомъ.

Въ предыдущей нашей статьѣ мы указали на причину этой разницы, заключающуюся въ томъ, что германскіе студенты поступаютъ въ университеты изъ гимназій съ совершенно иною, несравненно болѣе высокою научною, культурною и національною подготовкой, чѣмъ наши студенты.

Но существуетъ еще и другая причина, — отсутствіе средствъ къ существованію, которымъ страдаетъ громадное большинство русскихъ студентовъ, и которое совершенно неизвѣстно громадному большинству студентовъ германскихъ. Мы не говоримъ уже объ Англіи, гдѣ университетское воспитаніе является роскошью, которую могутъ позволить себѣ лишь молодые люди, принадлежащіе къ очень богатымъ семьямъ; но даже и во Франціи, такъ же какъ и въ Германіи, гдѣ большинство студентовъ происходитъ изъ среднихъ, но достаточныхъ классовъ общества, вы не встрѣтите типа студента, систематически не платящаго установленныхъ университетомъ денежныхъ взносовъ, живущаго впроголодь на средства, доставляемыя общественною и частною благотворительностью, и вынужденнаго, вмѣсто того, чтобы серіозно заниматься наукой, искать себѣ пропитанія во всевозможныхъ побочныхъ занятіяхъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ.

Мы не станемъ изслѣдовать здѣсь своеобразнаго строя нашей общественной жизни, приводящей насъ къ такимъ печальнымъ результатамъ. Демократизація или, вѣрнѣе, плебеизація нашихъ университетовъ началась со второй половины истекшаго столѣтія и съ тѣхъ поръ прогрессировала въ ужасающихъ размѣрахъ, создавъ у насъ обширный классъ «студенческаго пролетаріата», который и является тою благопріятною для всякихъ антиправительственныхъ броженій почвой, которою такъ искусно умѣютъ пользоваться враги Россіи.

Ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи, такого «студенческаго пролетаріата» — нѣтъ; происходя изъ достаточныхъ семей, получивъ тщательное воспитаніе, имѣя обезпеченную будущность, англійскіе, французскіе и германскіе студенты представляютъ собой по преимуществу типъ веселыхъ, жизнерадостныхъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя научному образованію и тратящихъ избытокъ своихъ юныхъ силъ на свойственныя молодежи легкія удовольствія, на спортъ, пѣніе, товарищескія трапезы и т. п. Всѣ они одушевлены здоровыми патріотическими чувствами, а потому подпольные революціонные и социалистическіе агитаторы даже и не пытаются проникнуть въ спортивныя товарищества англійскихъ университетовъ, на веселые праздники французскихъ студентовъ, или на «коммерши» германскихъ буршей, зная, что они встрѣтятъ тамъ рѣзкій отпоръ со стороны молодыхъ людей, которые думаютъ только о томъ, чтобъ учиться, а на досугѣ веселиться. Къ тому же, принадлежа къ классамъ имущимъ, они уже по одному этому заинтересованы въ *сохраненіи*, а не въ уничтоженіи государственнаго и общественнаго строя.

Совершенно иную, печальную картину представляетъ собой студенчество русское. Не веселіе и жизнерадостность свѣтитъ въ глазахъ «университетскаго пролетарія», а тяжелый, мрачный пессимизмъ, глубокое недовольство всѣмъ

его окружающимъ, недоброжелательство къ достаточнымъ слоямъ общества и къ тому меньшинству товарищей, которое принадлежитъ къ этимъ слоямъ. Присоедините къ этому пессимистическому настроенію юношескую неопытность, отсутствіе истинной культурной развитости, увлеченіе утопіями—и вы поймете, съ какою быстротой должно воспламеняться такое студенчество при первомъ соприкосновеніи съ антигосударственною или антиобщественною пропагандой, въ особенности если она встрѣчаетъ себѣ теоретическую и авторитетную поддержку со стороны нашихъ катедеръ-соціалистовъ.

Антиправительственная пропаганда всегда мечтала о томъ, чтобъ этотъ университетскій пролетаріатъ былъ сплоченъ въ какія-нибудь организаціи, дабы при ихъ посредствѣ скорѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать на остальную студенческую массу. Для того, чтобы добиться этой организаціи, выставлялись всевозможные благовидные и невинные предлоги, устройство столовыхъ, библіотекъ, кассъ взаимопомощи и т. п. Усердно проводилась мысль даже и въ легальной печати, что опасны лишь тайныя студенческія организаціи, которыя де тотчасъ исчезнутъ, какъ будутъ разрѣшены организаціи явныя. При этомъ, конечно, замалчивалась возможность превращенія этихъ явныхъ организацій въ удобныя ширмы, предназначенныя прикрывать организаціи нелегальныя.

Значитъ ли это, что у насъ, въ Россіи, студенческія организаціи по западнымъ образцамъ совершенно немыслимы?

Нисколько. Дайте намъ такихъ же студентовъ, какъ въ Англіи, Франціи и Германіи, и тогда вы смѣло можете дать имъ и западно европейскія организаціи. Пока же у насъ этого не достигнуто, всякая организація, лишенная разумнаго контроля, легко будетъ служить на пользу антигосударственнымъ элементамъ.

Послѣ 1899 года покойный министръ Н. П. Боголѣповъ далъ студентамъ полную возможность образовать, подъ контролемъ профессоровъ, кружки со строго научными или художественными цѣлями. Этимъ исполнялось желаніе тѣхъ лицъ, которыя ратовали и за студентовъ, желающихъ де соединяться въ товарищества для лучшаго изученія наукъ, литературы и искусствъ, и за живое общеніе профессоровъ со студентами. И что же? Студенты этимъ предложеніемъ не воспользовались, потому именно, что такія дѣйствительно полезныя организаціи не нашли поддержки со стороны самыхъ горячихъ проповѣдниковъ корпоративности, стремящихся найти въ организаціяхъ лишь удобную арену для подпольной пропаганды. Предложеніе министра прямо игнорировалось, а прежнія требованія продолжались, съ повтореніемъ тѣхъ же благовидныхъ предлоговъ, служащихъ, очевидно, лишь для отвода глазъ. И теперь раздаются тѣ же голоса, съ тѣми же требованіями и тою же благовидною аргументаціей, доказывающіе, что нечего заботиться о повышеніи научнаго и воспитательнаго уровня нашихъ университетовъ, а нужно только исполнить требованія, раздуваемыя въ студенчествѣ злонамѣренными людьми, давши имъ такимъ образомъ еще бо́льшую возможность пользоваться организованными отрядами студентовъ для того, чтобы добиваться еще бо́льшихъ уступокъ, какъ въ университетскихъ, такъ и въ иныхъ сферахъ...

Россія въ Манчжуріи.

Только что опубликованное «Правительственное Сообщеніе» по китайскимъ дѣламъ (№ 83) проливаетъ ясный свѣтъ на тотъ крайне сложный и запутанный вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго такъ долго и пока такъ безуспѣшно трудились представители державъ въ Пекинѣ.

Препятствія, возникающія на каждомъ шагу при этой дипломатической работѣ, вызываются не только китайскимъ многоглавымъ и неуловимымъ правительствомъ, но и самими участвующими въ этой работѣ державами, приходящими лишь съ величайшимъ трудомъ къ какому-нибудь общему соглашенію, которое, однако, затѣмъ подрывается новыми разногласіями и взаимнымъ недовѣріемъ. За исключеніемъ Россіи, которая съ самаго начала китайскаго конфликта всегда держалась одной неизмѣнной политики, какъ это видно изъ находящагося въ «Правительственномъ Сообщеніи» хронологическаго обзора событій,—всѣ остальныя державы то и дѣло мѣняли свою точку зрѣнія какъ на цѣли, такъ и на средства необходимаго воздѣйствія на китайское правительство и вслѣдствіе этого вносили въ обсужденіе этихъ цѣлей и средствъ не твердое спокойствіе и послѣдовательность, а нервное раздраженіе и ту неустойчивость, которою именно Китайцы всегда умѣли пользоваться въ своихъ интересахъ.

Ни для кого не тайна, что наибольшую нервозность въ этомъ отношеніи постоянно проявляла Англія, терпѣвшая тяжкія неудачи въ Южной Африкѣ, не имѣвшая въ Китаѣ достаточно вооруженныхъ силъ для поддержки своихъ притязаній и старавшаяся поэтому увлечь то Германію, то Японію на такой опасный путь, который ей представлялся наиболѣе важнымъ во всемъ Китайскомъ вопросѣ.

Путь этотъ велъ не къ усмиренію Китая, а къ приниженію Россіи.

Англіи постоянно мерещится походъ Россіи на Индію, и для предотвращенія этого грознаго призрака, созданнаго тревожнымъ воображеніемъ и нечистою совѣстью, Англичане не щадятъ усилій, чтобы такъ или иначе умалить значеніе Россіи въ глазахъ ея азіатскихъ сосѣдей и нанести ей съ этою цѣлью какой-либо матеріальный или нравственный ущербъ.

И вотъ, по ихъ мнѣнію, представился великолѣпный случай для того, чтобъ исполнить эту вѣчную мечту англійской политики.

Россія съ самаго начала китайскаго конфликта тщательно избѣгала выражать какія-либо недружелюбныя отношенія къ правительству богдыхана и направляла свои военныя дѣйствія исключительно противъ китайскихъ мятежниковъ, нарушившихъ порядокъ какъ въ Китаѣ, такъ и въ Манчжуріи, и перешедшихъ даже въ открытое наступленіе противъ Россіи. Русскія войска вынуждены были войти въ Печилійскую провинцію для огражденія безопасности Императорскаго Русскаго посольства въ Пекинѣ, а также и въ Манчжурію для того, чтобы спасти отъ окончательнаго разрушенія русско-китайскую желѣзную дорогу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Россія открыто заявила, что она не преслѣдуетъ никакихъ завоевательныхъ цѣлей и тотчасъ отзоветъ свои войска, какъ только они исполнятъ поставленную имъ задачу.

И дѣйствительно, когда геройскій походъ генерала Линевича увѣнчался такимъ быстрымъ и неожиданнымъ успѣхомъ, который изумилъ всѣ державы

и освободилъ отъ осады всѣ посольства, русскія войска, въ отличіе отъ прочихъ оккупаціонныхъ отрядовъ, тотчасъ же покинули Печилійскую провинцію.

Рѣшеніе Манчжурской задачи оказалось, однако, по весьма понятнымъ причинамъ не столь легкимъ. Не говоря уже объ обширности охваченной мятежомъ территоріи, усмиреніе которой потребовало и много времени, и много тратъ и усилій, но и сама побѣда, достигнутая лихою, беззавѣтною отвагой русской арміи, не могла казаться прочною до установленія твердыхъ договорныхъ отношеній съ Китайскимъ правительствомъ, которое само, однако, доселѣ еще не возстановило свое собственное нормальное положеніе. Вывести при настоящихъ условіяхъ русскія войска изъ Манчжуріи значило бы предоставить всю эту провинцію новому мятежу, который, конечно, снова обратилъ бы всю свою ярость на Русско-Китайскую желѣзную дорогу и этимъ нанесъ бы чувствительный ударъ русскимъ матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ. Для Россіи, очевидно, была лишь одна возможность вывести свои войска изъ Манчжуріи, это—войти съ Китайскимъ правительствомъ въ особое соглашеніе, которое бы опредѣлило «*постепенный порядокъ эвакуаціи Манчжуріи*, а равно и временныя мѣропріятія, клонившіяся къ обезпеченію спокойствія въ этой области и предупрежденію на будущее время повторенія событій, подобныхъ происшедшимъ въ минувшемъ году».

Вотъ тутъ-то Англія и усмотрѣла возможность «разстроить всѣ планы Россіи». По данному изъ Лондона сигналу вся иностранная руссофобская печать подняла крики негодованія. «Какъ? Россія хочетъ заключить особое соглашеніе съ Китаемъ? Этому не бывать! Мы протестуемъ. Мы этого не допустимъ, мы готовы прибѣгнуть даже къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы Россія не заключала этого соглашенія съ Китаемъ. Мы возьмемъ бѣдныхъ Китайцевъ подъ свою защиту и разъяснимъ имъ все коварство Россіи».

За это «разъясненіе» принялись и аккредитованные въ Китаѣ представители иностранныхъ державъ, старавшихся убѣдить правительство богдыхана, что ему отнюдь не слѣдуетъ заключать съ Россіей это соглашеніе объ эвакуаціи Манчжуріи. Этимъ путемъ они надѣялись посѣять раздоръ между Китаемъ и Россіей, которая доселѣ своею гуманною политикой вызывала къ себѣ лишь симпатіи Китая. Они разсчитывали, что Россія станетъ упорно настаивать на этомъ соглашеніи, и что это упорство выведетъ Китайцевъ изъ терпѣнія и заставитъ прибѣгнуть ихъ къ открытой враждѣ противъ Россіи. Если же Россія уступитъ или станетъ настаивать на соглашеніи, то эта уступка, по ихъ мнѣнію, подорветъ обаяніе Россіи на Востокѣ.

Эта столь хитро придуманная комбинація потерпѣла, какъ мы теперь видимъ, неудачу.

Россія уступила? Но въ чемъ? Она уже не настаиваетъ на заключеніи особаго соглашенія съ Китаемъ относительно эвакуаціи Манчжуріи, *а слѣдовательно и на самой эвакуаціи*.

Вотъ подлинныя слова «Правительственнаго Сообщенія»:

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ заключенію соглашенія съ Россіей Китайскому правительству созданы были серіозныя препятствія, *вслѣдствіе чего и безотлагательное принятіе имѣвшихся въ виду мѣръ для постепенной эвакуаціи Манчжуріи оказалось неисполнимымъ*».

Русскія войска останутся теперь въ Манчжуріи на правахъ *beati possidentes* на вѣроятно весьма продолжительное время, пока, наконецъ, «возстановится въ (Китайской) Имперіи вполнѣ нормальное положеніе вещей и утвер-

дится въ столицѣ центральное правительство, самостоятельное и достаточно сильное, чтобъ обезпечить Россію отъ повторенія событій минувшаго года». Такимъ образомъ «Императорское Правительство сохранитъ временную организацію въ Манчжуріи въ цѣляхъ поддержанія порядка вблизи обширной границы Россіи» и въ такомъ положеніи «будетъ спокойно выждать дальнѣйшаго хода событій».

Каково бы ни было предполагавшееся соглашеніе съ Китаемъ, оно налагало бы на Россію извѣстныя условія и обязательства. Теперь же Россія совершенно свободна отъ какихъ бы то ни было договорныхъ стѣсненій и можетъ спокойно оставаться въ Манчжуріи до тѣхъ поръ, пока она сама сочтетъ это согласнымъ со своею политическою программой и интересами Россіи.

Благая вѣсть.

Съ высоты Царскаго Престола раздался призывъ къ оздоровленію русской школы.

Въ высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ на имя новаго министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ указываетъ на тотъ прискорбный фактъ, что устройство нашего народнаго образованія не оправдываетъ возлагаемыхъ на него со стороны государства ожиданій, несмотря на заботы Русскихъ Государей, «твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени».

Въ виду высокой важности этого вопроса, Государю Императору благоугодно взять въ собственныя Свои руки правильное его разрѣшеніе, какъ на то указываютъ слѣдующія знаменательныя слова Рескрипта:

«Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ приступить къ коренному его пересмотру и исправленію».

Государь «твердо увѣренъ», что новый министръ, избранный Имъ Себѣ въ сотрудники «въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы», будетъ строго и неуклонно идти къ намѣченной Государемъ цѣли и «внесетъ въ дѣло воспитанія русскаго юношества умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе».

Конечная цѣль этого воспитанія ясно указана въ Рескриптѣ. Находясь «въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени», русская школа должна вырабатывать изъ молодого поколѣнія «твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ», на которую Русскій Царь, а съ Нимъ и весь Его народъ, могли бы взирать съ «гордостью и утѣшеніемъ».

Къ этому столь важному труду Государь призываетъ къ Себѣ на помощь «родителей, ближайшимъ образомъ обязанныхъ пещись о своихъ дѣтяхъ».

Такимъ образомъ Высочайшій Рескриптъ содержитъ въ себѣ цѣлую программу оздоровленія русской школы. Государь не только указываетъ на ея

недугъ, обнаруженный опытомъ послѣднихъ лѣтъ, но и на способы лѣченія этого недуга и на ожидаемый результатъ этого лѣченія.

Въ чемъ же заключается этотъ недугъ?

Въ томъ, что наша школа не соотвѣтствуетъ «основнымъ началамъ русской жизни и потребностямъ времени».

«Основныя начала русской жизни» всѣмъ извѣстны. Это — глубокая, искренняя религіозность и беззавѣтная преданность Самодержавному Царю.

Русская школа должна быть снизу до верху одушевлена живымъ, плодотворнымъ служеніемъ этимъ двумъ великимъ принципамъ. А этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Уже на низшей ея ступени, въ народной школѣ, мы видимъ, рядомъ со всецѣло посвященными этому служенію церковно приходскими училищами, наши земскія школы, изъ которыхъ весьма многія уже по составу своихъ свѣтскихъ преподавателей парализуютъ доброе вліяніе законоучителей, которымъ въ народной школѣ должно принадлежать полное и *отвѣтственное* руководство воспитанія, подъ строгимъ и непосредственнымъ контролемъ Церковной и Правительственной Власти, противъ котораго такъ ратуютъ наши земскіе педагоги.

На средней ступени своей, въ нашихъ гимназіяхъ, реальныхъ и иныхъ школахъ, религіозно-патріотическое воспитаніе у насъ почти совершенно отсутствуетъ. Законоучители занимаютъ въ нихъ по внѣшнему, формальному почету первое, а въ воспитательномъ отношеніи—послѣднее мѣсто. Вся сила воспитанія находится здѣсь въ рукахъ преподавателей исторіи и русской словесности, вносящихъ въ свое преподаваніе идеи, почерпнутыя изъ лекцій своихъ университетскихъ профессоровъ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, ничего общаго съ религіозностью и патріотизмомъ не имѣютъ. Да и вообще эти основныя воспитательныя качества отъ воспитателей нашего юношества вовсе и не требуются. Преподаватели нашихъ среднихъ школъ назначаются прямо съ университетскихъ скамей, безъ всякой предварительной педагогической подготовки, причемъ совсѣмъ не обращается вниманія на ихъ религіозныя и политическія убѣжденія. Вотъ коренное зло нашей школы, которое совершенно незнакомо ни германскимъ, ни англійскимъ школамъ, придающимъ первостепенное значеніе нравственно-воспитательнымъ качествамъ своихъ преподавателей, какова бы ни была ихъ научная спеціальность, и достигающимъ, вслѣдствіе этого, столь положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія.

А что̀ сказать про наши университеты, гдѣ столько вліятельныхъ профессоровъ презрительно отвергаютъ религіозность и патріотизмъ, которые будто бы несовмѣстимы съ «наукой», а вмѣсто дѣйствительной, серіозной и глубокой науки даютъ своимъ студентамъ лишь краткіе конспекты лекцій, пропитанныхъ то матеріалистическимъ безвѣріемъ, то высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ основнымъ началамъ русской жизни, то восхваленіемъ западныхъ политическихъ учрежденій, являющихся прямою противоположностью самодержавному государственному строю Россіи.

Чего же можно ожидать отъ учащагося юношества при такихъ руководителяхъ въ гимназіи и въ университетѣ, и при тѣхъ условіяхъ безпризорности и распущенности, въ которыхъ оно находится во время университетской жизни, особенно въ столичныхъ городахъ?

Мы уже не говоримъ о женскихъ курсахъ, столь жестоко обманувшихъ всѣ ожиданія Правительства и всѣхъ благомыслящихъ людей.

Но что̀ особенно ужасно, это то, что изъ этой молодежи, воспитанной

на отрицательныхъ началахъ, выходятъ не только руководители юношества въ школахъ, но и будущіе общественные и правительственные дѣятели, руководители общественнаго мнѣнія. Изъ нихъ же выходятъ и главы новыхъ русскихъ семей, которыя вслѣдствіе этого сами проникаются отрицательными качествами и все болѣе и болѣе разлагаются, создавая тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ школа портитъ семью, а семья портитъ школу.

Выйти, наконецъ, изъ этого круга—вотъ къ чему призываетъ насъ Царское слово.

Мы пренебрегли духовно-нравственнымъ *воспитаніемъ* нашего юношества,—и вотъ плоды нашего пренебреженія. Мы увлеклись лишь *образованіемъ* нашихъ дѣтей, сочиняли, поправляли, искажали и передѣлывали лишь учебные планы и расписанія уроковъ, и за этимъ бумажнымъ дѣломъ совершенно упускали изъ виду, что школьное воспитаніе есть дѣло живое, требующее прежде всего живыхъ, талантливыхъ, опытныхъ и сердечныхъ *воспитателей*.

Въ школьномъ дѣлѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо важны люди, а не мѣры, важенъ *духъ*, а не *буква*. Какая польза для государства и общества отъ образованныхъ, но деморализованныхъ людей, отъ людей, вносящихъ ядъ безвѣрія, безначалія и беззаконія и въ свою семью, и во всѣ органы государства?

Такъ дольше дѣло идти не можетъ.

Къ излѣченію столь тяжкаго недуга русской школы нынѣ рѣшилъ приступить Самъ Государь и повѣдалъ всей Россіи въ день Благовѣщенія благую вѣсть о томъ, что Онъ «признаетъ благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному пересмотру и исправленію» нашего учебнаго строя, съ цѣлью его оздоровленія въ духѣ основныхъ началъ русской жизни.

Государь призываетъ Господнее благословеніе на предстоящіе Ему труды по этому столь важному дѣлу. Всѣ вѣрноподданные Ему Русскіе люди присоединятся къ Его молитвѣ и на настоящей Страстной Седмицѣ горячо будутъ возносить свои благочестивыя просьбы къ Царю Царей, да умудритъ Онъ нашего возлюбленнаго Монарха въ святомъ дѣлѣ благого воспитанія нашего юношества, и да возстановитъ Онъ въ нашей школѣ и семьѣ духъ истинно-христіанскаго цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, безъ котораго не можетъ быть истиннаго воспитанія.

Первый шагъ новаго министра.

«Правительственное Сообщеніе» обнародовало тѣ мѣры, принятіе которыхъ признано необходимымъ для возстановленія правильнаго теченія учебной жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мѣры эти установлены созваннымъ, съ Высочайшаго соизволенія, Особымъ Совѣщаніемъ главныхъ начальниковъ тѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія.

Уже то обстоятельство, что это совѣщаніе происходило подъ предсѣдательствомъ вновь назначеннаго министра Народнаго Просвѣщенія, служитъ благимъ предзнаменованіемъ давно уже ожидаемаго соединенія всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ военныхъ и духовныхъ, подъ однимъ общимъ ру-

ководствомъ. Что это руководство должно принадлежать тому вѣдомству, которое имѣетъ своею задачей учебно воспитательное дѣло, никакому сомнѣнію подлежать не можетъ, такъ какъ всѣ училища, въ томъ числѣ и высшія специальныя школы, должны *воспитывать* будущихъ дѣятелей на государственномъ и общественномъ поприщѣ, воспитаніе же есть дѣло весьма трудное и сложное, требующее большой специальной опытности и опредѣленнаго, согласованнаго съ интересами государства, общаго руководства. Мы уже неоднократно указывали на тѣ неудобства и недоразумѣнія, которыя возникаютъ при отсутствіи этого руководства въ строѣ нашихъ учебныхъ заведеній, внося смуту и броженіе въ среду учащагося юношества, подчиненнаго разнымъ вѣдомствамъ. Всѣхъ этихъ смутъ и броженія у насъ не было бы, если бы для всѣхъ учащихся существовали одинаковыя права и обязанности, устанавливаемыя общими законами и распоряженіями.

Лучшимъ доказательствомъ основательности такого соображенія служитъ результатъ вышеупомянутаго Особаго Совѣщанія, происходившаго подъ предсѣдательствомъ генерала Ванновскаго: главные начальники всѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, сами пришли къ сознанію, что имъ безъ вполнѣ единодушнаго и согласнаго дѣйствія нельзя будетъ ни справиться съ возникшими въ этихъ заведеніяхъ безпорядками, ни устранить столь нежелательныя во всѣхъ отношеніяхъ послѣдствія ихъ. Въ виду этого, они признали необходимымъ принять во всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ *одни и тѣ же* строго согласованныя между собой мѣры и впредь держаться ихъ безо всякаго отъ нихъ отступленія. Вотъ этого именно результата до сихъ поръ ни разу не удавалось достигать, чѣмъ и объясняется успѣхъ различныхъ «забастовокъ», организаторы которыхъ эксплоатировали въ свою пользу разноголосицу господствовавшую въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе того разновластія, подъ деморализующимъ вліяніемъ котораго эти заведенія находились. Если это разновластіе исчезнетъ не только на краткій періодъ предстоящихъ экзаменовъ, которые теперь, въ виду единогласія вѣдомствъ, несомнѣнно пройдутъ въ полномъ порядкѣ, но и на все будущее время учебныхъ занятій, — то и эти занятія не будутъ уже нарушаться безобразными смутами и стачками, и этимъ столь благимъ результатомъ мы въ такомъ случаѣ будемъ вполнѣ обязаны генералу Ванновскому.

Что касается самой сущности опубликованныхъ мѣръ, то и онѣ даютъ намъ право ожидать этого результата, столь желательнаго для всѣхъ благомыслящихъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, чего ожидали организаторы учебныхъ «забастовокъ»? Они всѣхъ увѣряли, что Правительство испугается взбунтовавшейся молодежи и спуститъ свой флагъ предъ предъявленными ею «требованіями»; лишь послѣ этой своей побѣды «забастовщики» снова согласятся вернуться къ своимъ учебнымъ занятіямъ и экзаменамъ, при чемъ послѣдніе будутъ отложены до осени, такъ какъ Правительство должно де будетъ признать, что «забастовка» есть вполнѣ уважительная причина для неявки студентовъ на весенніе экзамены, а слѣдовательно и для отмѣны таковыхъ.

Этими доводами организаторы университетскихъ безпорядковъ старались убѣдить серіозныхъ студентовъ, желавшихъ заниматься своими научными работами, въ полной безполезности ихъ занятій, такъ какъ де Правительство станетъ въ концѣ концовъ на сторону «забастовщиковъ», и прилежные студенты никакого преимущества изъ своего прилежанія не извлекутъ.

Мы теперь видимъ, какъ неосновательны были всѣ эти доводы смутьяновъ, какъ правы были тѣ студенты, которые, не вѣря этимъ доводамъ, продолжали свои научныя занятія, и какъ легкомысленны были тѣ, которые дали себя увлечь соблазнительною проповѣдью антинаучной пропаганды.

Пропаганда эта дѣйствительно достигла первой части своей цѣли: она вызвала, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Правительственное Сообщеніе», во многихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній пріостановку учебныхъ занятій. Но Правительство, какъ это само собою разумѣется, вовсе и не думаетъ становиться на сторону тѣхъ лицъ, происками которыхъ учебныя занятія были пріостановлены. Напротивъ того, Правительство строго ихъ осуждаетъ. Вотъ что читаемъ мы въ вышеозначенномъ офиціальномъ документѣ:

«Эта пріостановка занятій, воспрепятствовавшая нормальному ихъ завершенію, создала такое положеніе, при которомъ учащіеся могутъ быть поставлены въ необходимость: или потерять учебный годъ, или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу дѣйствующихъ правилъ,—оставить учебное заведеніе. Такія послѣдствія должны тягостно отозваться на судьбѣ учащихся, а для многихъ изъ нихъ, по личному и семейному ихъ положенію, были бы истиннымъ бѣдствіемъ».

Это «истинное бѣдствіе», созданное организаторами «забастовки», столь безсердечно смотрѣвшими на завербованныхъ ими товарищей, какъ на своего рода пушечное мясо, обязанное подвергаться всяческимъ невзгодамъ по волѣ разныхъ подпольныхъ коноводовъ,—это бѣдствіе Правительство рѣшило предотвратить принятіемъ тѣхъ мѣръ, которыя однѣ только и могутъ возстановить правильное теченіе учебной жизни въ учебныхъ заведеніяхъ, пріостановившихъ свои учебныя занятія.

Мѣры эти сводятся къ тому, что всѣ учащіеся призываются къ немедленному и обязательному возобновленію учебныхъ занятій, тотчасъ же послѣ пасхальныхъ вакацій, или же, по распоряженію надлежащаго учебнаго начальства, непосредственно къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ въ сроки, опредѣляемые обычными расписаніями экзаменовъ. Неявившіеся на экзамены безъ особо уважительной причины или невыдержавшіе таковыхъ должны будутъ подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ, указаннымъ дѣйствующими на сей предметъ въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ правилами. Что же касается осеннихъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ, то они, вопреки ожиданіямъ «забастовщиковъ», будутъ разрѣшаться лишь «въ особо уважительныхъ случаяхъ» и то только «для отдѣльныхъ лицъ, по ходатайствамъ сихъ послѣднихъ».

Итакъ, никакихъ уступокъ «забастовщикамъ» не сдѣлано, прилежные студенты не приравнены къ участникамъ во всевозможныхъ университетскихъ безпорядкахъ, и за ними сохранено то преимущество, что они теперь уже получатъ полную возможность воспользоваться плодами своихъ занятій, то-есть успѣшно выдержать предстоящіе въ апрѣлѣ переходные и выпускные экзамены, тогда какъ студенты, занимавшіеся послѣдніе три мѣсяца не науками, а безпорядками, теперь ясно поймутъ всю ошибочность своихъ увлеченій.

Нельзя не порадоваться, что генералъ Ванновскій сразу вступилъ на правильный путь серіозной государственной дѣятельности, чуждой исканія дешевой популярности и согласующейся съ интересами государства и истинно-научнаго образованія, а не съ «требованіями» сбитой съ толку легкомыслен-

ной молодежи. На этомъ пути онъ встрѣтитъ горячее сочувствіе и полную поддержку всей благомыслящей Россіи; на этомъ пути онъ несомнѣнно достигнетъ и полнаго разрѣшенія стоящей предъ нимъ задачи.

Политика уступокъ очень соблазнительна только для лицъ еще неопытныхъ въ государственномъ правленіи. Уступками всегда можно достигнуть полнаго, повидимому, но очень кратковременнаго умиротворенія взволнованныхъ умовъ. Но кому же не извѣстно, что уступка однимъ «требованіямъ», неизбѣжно, вызываетъ новыя требованія, неудержимо растущія и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, подъ восторжественнымъ обаяніемъ перваго достигнутаго успѣха? Чѣмъ меньше дается поводовъ къ тому легкомысленному увлеченію, тѣмъ меньше впослѣдствіи явится жертвъ изъ-за неосуществившихся, по своей неосуществимости, ожиданій. Истинная гуманность государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы предотвратить возбужденія такихъ пагубныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, ожиданій, и держаться той спокойной и твердой политики, образецъ которой мы видимъ въ первомъ шагѣ новаго министра Народнаго Просвѣщенія.

Апологія шатанія умовъ.

Необыкновенное оживленіе замѣчается въ послѣднее время въ рядахъ нашей «либеральной» партіи. «Либеральные» профессора, въ своихъ бесѣдахъ со студентами, ободряютъ ихъ обѣщаніемъ, что ихъ «требованія» будутъ исполнены, заставляютъ ихъ подписывать заявленія солидарности съ «забастовавшими» товарищами, и такимъ образомъ организуютъ сплоченные кадры студентовъ для будущихъ, болѣе обширныхъ, «требованій». «Либеральная» печать идетъ еще дальше: мы уже видѣли, что она требуетъ созыва всероссійскаго парламента, или, какъ она выражается, «всероссійскаго съѣзда для обновленія не только одной школы», а теперь уже провозглашается программа ближайшихъ требованій, имѣющихъ быть предъявленными «либеральною» партіей.

Такъ, напримѣръ, *Русскія Вѣдомости* сѣтуютъ, что въ Россіи де нѣтъ «свободы мысли и совѣсти», а между тѣмъ эта «свобода» является «однимъ изъ необходимыхъ аттрибутовъ прогресса».

«На этомъ прогрессѣ,—говоритъ московская профессорская газета,—и должно быть преимущественно сосредоточено общественное вниманіе. Въ его рамки входитъ, какъ одинъ изъ необходимыхъ аттрибутовъ, свобода мысли и совѣсти, уже осуществленная всюду на Западѣ (даже въ Испаніи), но встрѣчающаяся еще со многими затрудненіями и препятствіями въ Россіи».

Итакъ, въ Россіи меньше «прогресса» чѣмъ даже въ Испаніи! Есть отъ чего придти въ отчаяніе. Испанія стала, какъ извѣстно, за послѣднее время однимъ изъ главныхъ очаговъ европейскаго соціализма и анархизма, въ Испаніи разнузданныя народныя страсти обращаются противъ духовенства,—какъ же намъ не завидовать Испаніи? Вотъ тотъ «прогрессъ», къ которому насъ желаютъ привести наши гг. «либералы». Смуты и броженіе—вотъ ихъ идеалъ, къ которому они приглашаютъ стремиться Русскихъ людей. Тотъ, кто

чуждъ этихъ революціонныхъ стремленій, тотъ, по ихъ мнѣнію, «отсталый» человѣкъ. Это прямо высказывается *Русскими Вѣдомостями*, которыя своими доводами и своимъ стилемъ переносятъ насъ прямо къ концу семидесятыхъ годовъ.

«Отсталые элементы», говорятъ онѣ, «всегда возставали противъ всего, въ чемъ проявляется новая жизнь, стремленіе впередъ, попытка свободной мысли, критика существующаго. Всѣ эти прогрессивныя движенія квалифицировались какъ ««духовная смута»» и ««тьма»», какъ ««шатаніе мысли и жизни»».

Но даже и въ концѣ семидесятыхъ годовъ, насколько намъ помнится, «шатанію мысли и жизни» не воздавалось такого прославленія, какого его удостоиваютъ *Русскія Вѣдомости.* Онѣ положительно поютъ ему хвалебный гимнъ, доказывая, что этому-то «шатанію» и обязано человѣчество «всѣми послѣдовательными этапами своего прогресса». Безъ «шатанія» мысли и жизни человѣчество, видите ли,—

«утратило бы свою способность къ совершенствованію, низошло бы на стадію животнаго, даже неорганическаго существованія. Исторія показываетъ, что именно эпохи знаменовавшіяся такъ-называемымъ ««шатаніемъ умовъ»» имѣли въ результатѣ наиболѣе крупныя и важныя для человѣчества измѣненія въ сферахъ религіи, политики и общественныхъ отношеній».

Еще бы! Одна французская революція чего стоитъ въ этомъ отношеніи. Отъ вызванныхъ тогдашнимъ «шатаніемъ умовъ» измѣненій въ сферахъ религіи, политики и общественныхъ отношеній страдаетъ и понынѣ все человѣчество, въ душѣ котораго разрушена вѣра и нравственность, и возжено всепожирающее пламя грубаго эгоизма и разнузданности страстей.

Русскія Вѣдомости призываютъ насъ къ этому упоительному для нихъ «шатанію умовъ» и ко всѣмъ его результатамъ; они желаютъ, чтобы и въ Россіи измѣнилась религія, политика и общественныя отношенія, и заранѣе увѣрены въ этихъ результатахъ «шатанія умовъ», потому что и въ западной Европѣ—

«не могли остановить этихъ результатовъ никакія козни фарисеевъ, никакія старанія ««заградить уста»», никакія запугиванія и преслѣдованія».

Сильно сказано. Эти слова переносятъ насъ уже не къ концу семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, а къ девяностымъ годамъ XVIII вѣка, когда съ трибуны французскаго конвента раздавались точно такія же трескучія фразы.

Вся эта старая рухлядь революціоннаго жаргона вытаскивается теперь наружу изъ нашихъ либеральныхъ арсеналовъ и снова подчищается и подновляется для предстоящей, по мнѣнію «либераловъ», такой-то новой у насъ эры. Всѣ эти призывы «смотрѣть впередъ, а не назадъ», «стремиться не къ возстановленію утратившаго свой смыслъ стараго, а къ усвоенію постепенно вырабатываемаго новаго», къ «борьбѣ прогрессивныхъ элементовъ съ отсталыми и отжившими»,—все это такъ старо и избито, что просто удивляешься, какъ это наши «либералы» ничему за послѣднее время не научились.

Прославленіе «шатанія умовъ» совершенно невѣроятно послѣ семидесятыхъ годовъ, когда шатаніе умовъ привело насъ къ 1 марта, и послѣ царствованія Александра III, которое воскресило и обновило Россію, благодаря именно тому, что устранило у насъ всякое шатаніе умовъ, возвративъ намъ миръ, порядокъ и увѣренность въ будущемъ Россіи, окрыливъ насъ энергіей для работы на пользу этого будущаго и выдвинувъ Россію какъ могуществен-

ную хранительницу мира на первое мѣсто среди державъ вселенной. Весь этотъ великій подвигъ Царя Миротворца былъ совершенъ *безъ* шатанія умовъ, и ему мы обязаны тѣмъ развитіемъ всѣхъ силъ Россіи, благими результатами котораго мы пользуемся и донынѣ. Если *Русскія Вѣдомости* хотятъ быть послѣдовательными, имъ останется только утверждать, что такъ какъ въ эту счастливую эпоху въ Россіи не было «шатанія умовъ», то она «утратила свою способность къ совершенствованію, низошла на стадію животнаго, даже неорганическаго существованія».

Вѣдь вотъ до какого абсурда могутъ договориться «либеральные» доктринеры и даже професcора. Неужели они этотъ абсурдъ проповѣдуютъ и со своихъ каѳедръ своимъ студентамъ? Но въ такомъ случаѣ въ чемъ же виновата наша, сбиваемая ими съ толку, учащаяся молодежь?

«Сердечное попеченіе».

Высочайшій Рескриптъ на имя генерала Ванновскаго указываетъ на необходимость «сердечнаго попеченія» объ учащемся юношествѣ.

Невыразимо грустно подумать, что наши воспитатели еще нуждаются въ такомъ указаніи съ высоты Престола. Неужели мыслимо истинное воспитаніе юношества безъ сердечнаго о немъ попеченія? Неужели истинный воспитатель можетъ быть человѣкомъ сухимъ, деревяннымъ, безсердечнымъ? Если въ нашихъ школахъ нѣтъ сердечнаго попеченія, то отсутствіе его является, слѣдовательно, отсутствіемъ въ нихъ истиннаго воспитанія, ограниченіемъ сферы ихъ дѣятельности однимъ лишь ученіемъ. А между тѣмъ школа, какъ низшая, такъ и средняя и высшая, должна быть прежде всего учрежденіемъ воспитательнымъ въ самомъ высокомъ, благородномъ значеніи этого слова, которое предполагаетъ не только разумное, но и сердечное отношеніе воспитателя къ воспитываемому.

Безъ воспитанія человѣкъ истиннымъ человѣкомъ сдѣлаться не можетъ. Одно лишь воспитаніе можетъ развить въ немъ тѣ высокія нравственныя качества истинной доброты, честности и просвѣщенности, безъ которыхъ онъ не можетъ приносить пользы ни себѣ, ни своей родинѣ, ни всему человѣчеству.

Въ чемъ же заключается воспитаніе?

Прежде всего, въ искреннемъ, сердечномъ желаніи воспитателя развить въ своемъ воспитанникѣ всѣ находящіеся въ немъ задатки добрыхъ качествъ и, по возможности, парализовать въ немъ природные недостатки,—а затѣмъ, конечно, въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ къ достиженію этой цѣли.

Цѣль эта опредѣляется съ государственной точки зрѣнія съ полною ясностью: государство имѣетъ право требовать, чтобы въ его школахъ дѣти, отроки и юноши получали такое именно воспитаніе, которое дѣлало бы ихъ честными гражданами, вѣрными сынами своей Церкви и родины, беззавѣтно преданными слугами своего Царя, словомъ, такими людьми, въ которыхъ, какъ сказано въ Высочайшемъ Рескриптѣ, Царь и съ Нимъ весь народъ могъ бы «съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ».

Итакъ, воспитателями русскаго юношества должны быть только тѣ лица, которыя съ искреннимъ, сердечнымъ попеченіемъ будутъ стремиться въ своей педагогической дѣятельности къ тѣмъ цѣлямъ, которыя такъ ясно намѣчены въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 25 марта. Такой воспитатель, искренно любящій порученныхъ его попеченію молодыхъ людей, несомнѣнно употребитъ всѣ свои усилія на то, чтобы поставить ихъ на правильный путь и оградить ихъ отъ всякихъ вредныхъ вліяній, могущихъ отклонить ихъ отъ этого пути, ведущаго къ намѣченнымъ выше цѣлямъ воспитанія русскаго вѣрноподданнаго гражданина.

Это сердечное попеченіе наши воспитатели должны неуклонно примѣнять на всѣхъ ступеняхъ русской школы. Но, къ сожалѣнію, мы далеко не вездѣ можемъ видѣть это примѣненіе. Оно возможно лишь при *индивидуальномъ* воспитаніи, которое, въ свою очередь, возможно лишь при небольшихъ сравнительно группахъ молодыхъ людей, порученныхъ попеченію воспитателей. Но мыслимо ли индивидуальное воспитаніе въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ, большинство которыхъ до такой степени переполнены учащимися, что наставники лишь съ трудомъ могутъ запомнить ихъ имена и лица, а о воспитательномъ вліяніи на нихъ и помышлять не могутъ!

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ отсутствія воспитанія въ нашихъ школахъ, а слѣдовательно и отсутствія въ нихъ сердечнаго попеченія объ учащемся юношествѣ. Эта причина — чисто физическая, идущая объ руку съ другою, этическою причиной: у насъ очень и очень мало хорошихъ, истинныхъ воспитателей, такъ какъ никто до сихъ поръ не заботился о строгомъ, нравственномъ выборѣ тѣхъ лицъ, которымъ поручается воспитаніе нашего юношества.

Весь наболѣвшій вопросъ нашей школы заключается вовсе не въ томъ, *что* учатъ наши дѣти, а въ томъ, *кто* ихъ учитъ.

Коренная реформа, которая предстоитъ нашей школѣ, должна состоять именно въ томъ, чтобъ упорядочить *воспитаніе* въ нашихъ школахъ, дабы мы могли, наконецъ, ввѣрять своихъ дѣтей государственнымъ школамъ съ полною увѣренностью, что они встрѣтятъ тамъ сердечное попеченіе со стороны истинныхъ воспитателей, проникнутыхъ своею отвѣтственностью предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ. Теперь же мы ничѣмъ не гарантированы отъ того, что наши дѣти въ православныхъ государственныхъ школахъ подвергнутся анти-православной и анти государственной пропагандѣ.

Правительство должно ручаться за свои школы и за состоящихъ у него на службѣ воспитателей въ томъ, что они не испортятъ, а въ случаѣ надобности исправятъ нашихъ дѣтей, въ томъ, что они сдѣлаютъ изъ нихъ дѣйствительно полезныхъ и вѣрныхъ слугъ Русскаго Государя, а не уличныхъ бунтовщиковъ. Вѣдь только ради этого школы и подчинены Правительству, чтобъ оно давало учащемуся въ нихъ юношеству то именно направленіе, которое согласно съ видами Правительства, а не то, которое противорѣчитъ этимъ видамъ. Мы въ настоящее время положительно *боимся* отдавать своихъ дѣтей въ среднія и высшія школы, такъ какъ распущенность и деморализація въ нихъ все прогрессируютъ. Необходимо какъ можно скорѣе ввести въ нихъ строгій порядокъ, устранить изъ нихъ вредные въ воспитательномъ отношеніи элементы и установить благотворное общеніе между истинными воспитателями и учащеюся молодежью.

Искренняя любовь къ юношеству всегда найдетъ средства и пути къ бла-

готворному вліянію на молодыхъ людей. Какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ между учащими и учащимися нѣтъ никакихъ внѣшнихъ, искусственныхъ преградъ, которыя мѣшали бы ихъ сердечному общенію. Въ виду этого, глубокою неправдой звучатъ слѣдующія слова, которыя мы на дняхъ встрѣтили въ одной изъ петербургскихъ газетъ:

«Между профессоромъ и студентами стоитъ уставъ, вооруженный съ ногъ до головы дисциплинарными мѣрами. И мы присутствуемъ при изумительномъ контрастѣ. На каѳедрѣ — профессоръ, въ которомъ, быть можетъ, бьется горячее сердце гражданина, горящее любовью къ родинѣ и къ ея будущимъ дѣятелямъ, сидящимъ здѣсь предъ нимъ—профессоромъ. А въ аудиторіи собрались со всѣхъ сторонъ Россіи юноши съ горячими сердцами, одушевленные и жаждой знанія, и жаждой рѣшенія вопросовъ жизни. И та, и другая сторона стремятся другъ къ другу, у каждой есть много въ душѣ, чтобы высказаться. Но обѣ стороны молчатъ. Ихъ уста скованы. Никакого нормальнаго общенія быть не можетъ и не должно. У профессора нѣтъ права говорить съ аудиторіей, такъ какъ послѣдняя обозначаетъ лишь мѣсто, часть каменнаго сооруженія, а не живое общество молодежи. А жизнь какъ на зло выдвигаетъ вопросъ за вопросомъ, одинъ нервнѣе другого. И наука, и общественныя явленія заставляютъ биться сердца и говорить. Нервная атмосфера насыщена легковоспламеняющимися газами. Но гробовое молчаніе царитъ на той и другой сторонѣ: звучитъ лишь, точно изъ могилы, голосъ учителя, излагающаго ученіе школы циниковъ» *).

Какимъ нужно быть циникомъ, чтобы сознательно говорить такую возмутительную ложь! Вѣдь это неправда, чтобъ университетскій уставъ запрещалъ моральное общеніе между профессоромъ и студентами. Гдѣ та статья устава, которая «сковываетъ ихъ уста»? Авторъ этого фантастическаго вздора говоритъ про наши университеты:

«Здѣсь наука читается, но не преподается; учащіеся—слушаютъ, но не воспитываются».

Да, такъ было при уставѣ 1863 года, и за это, между прочимъ, безобразіе уставъ этотъ былъ отмѣненъ. Напротивъ того, уставъ 1884 года весь основанъ на томъ предположеніи, что профессора, вмѣсто прежняго сухого, механическаго чтенія лекцій, будутъ преподавать своимъ студентамъ науку въ живыхъ бесѣдахъ и практическихъ занятіяхъ, которыя должны служить могущественнымъ средствомъ взаимнаго между ними научнаго и моральнаго общенія. Мало того, уставъ 1884 года ввелъ даже особые часы, которые каждый профессоръ можетъ назначить, по своему усмотрѣнію, для личныхъ бесѣдъ со своими слушателями. Если нашлись профессора, которые не воспользовались этими открытыми для нихъ путями для сердечнаго попеченія о своихъ слушателяхъ, если они, оставаясь вѣрными уставу 1863 года, предпочли попрежнему механически «читать», а не преподавать науку,—то въ этомъ виноваты уже они сами, ихъ лѣнь, ихъ безсердечіе, а никакъ не университетскій уставъ, на который такъ безсовѣстно клевещетъ авторъ вышеупомянутой статьи.

О, конечно, есть и такіе профессора, которые воспользовались тѣмъ правомъ моральнаго вліянія на своихъ студентовъ, которое предоставилъ имъ

---

*) См. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 88.

новый уставъ. Но, къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ придали этому вліянію тотъ характеръ, который необходимъ для правильнаго воспитанія русскаго гражданина. Восхваленіе западныхъ конституціонныхъ формъ правленія, проповѣдь атеистическаго матеріализма и разныхъ соціалистическихъ теорій — вотъ тѣ «воспитательныя» средства, которыми зачастую наша учащаяся молодежь до такой степени сбивается съ толку въ университетахъ, что считаетъ своею гражданскою обязанностью высказываться и даже бороться противъ церковныхъ и государственныхъ установленій своего отечества.

Не таковы, очевидно, должны быть результаты того «сердечнаго попеченія», о которомъ говорится въ Высочайшемъ Рескриптѣ. И въ Университетѣ, слѣдовательно, коренной вопросъ заключается не въ томъ, какія науки въ немъ преподаются, а въ томъ, *кто* преподаетъ эти науки, не въ томъ, чтобы профессора имѣли вообще какое-либо вліяніе на студентовъ, а въ томъ, чтобъ это вліяніе было *хорошее*, вполнѣ согласное съ истинными интересами серіозной науки, которые совпадаютъ и съ интересами государства.

Приказъ министра Народнаго Просвѣщенія.

Телеграфъ только что передалъ намъ слѣдующій «Приказъ» генерала Ванновскаго, содержаніе котораго несомнѣнно будетъ встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ со стороны всѣхъ благомыслящихъ Русскихъ людей:

«Державною волей Государя Императора я призванъ «на особо важную нынѣ должность министра Народнаго Просвѣщенія». Я приложу всѣ силы моего разумѣнія, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха и исполнить Высочайше возложенное на меня порученіе. Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня въ 25-й день марта сего года, указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей мнѣ дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устройство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія. Точное и неуклонное исполненіе этой Высочайше предначертанной программы должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій, при чемъ первая, важнѣйшая часть программы, реформа учебнаго строя,—къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно,—во всякомъ случаѣ потребуетъ, для полнаго ея осуществленія, извѣстнаго времени. Вторая, не менѣе важная ея часть—внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачей учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность.

«Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по ввѣренному мнѣ нынѣ Министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной

программы. Я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, способствовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія. Я приглашаю родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь ввѣренному мнѣ Министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основы воспитанія лежатъ въ семьѣ, и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи. Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ Правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла. Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что, при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи, мы, съ Божьею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха: видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

«*Министръ Народнаго Просвѣщенія генералъ-адъютантъ Ванновскій*».

Какъ и «Циркуляръ» министра, изданный имъ 2 апрѣля, относительно соблюденія обычныхъ нормъ установленныхъ для экзаменовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и настоящій его «Приказъ»—носятъ на себѣ печать того умудреннаго опытомъ, серіознаго государственнаго человѣка, который, свято исполняя свой долгъ, имѣетъ полное право требовать отъ своихъ подчиненныхъ такого же исполненія своихъ обязанностей.

Мы уже указывали на то великое значеніе, которое имѣетъ въ дѣлѣ воспитанія сердечное попеченіе о юношествѣ. Такое же значеніе придаетъ ему и генералъ Ванновскій. «Внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія» онъ ставитъ отнынѣ учебному персоналу «въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность». Онъ приглашаетъ его «войти въ общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, способствовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія». А для этого, какъ мы неоднократно доказывали, преподавательскій персоналъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣлъ полную возможность, которою онъ, къ сожалѣнію, доселѣ не всегда пользовался.

Имѣетъ ли этотъ призывъ къ сердечному общенію съ молодежью то значеніе, что министръ совѣтуетъ наставникамъ потакать молодежи въ небрежномъ отношеніи ко своимъ обязанностямъ? Нисколько. Вотъ подлинныя слова «Приказа»:

«Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ Правительства, вѣрить въ его неустанныя о ней попеченія, *помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ*, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла».

Эти простыя и ясныя слова вполнѣ опредѣляютъ то, чего министръ требуетъ отъ учащагося юношества. Тутъ уже недопустимы никакія лжетолкованія, которыми организаторы студенческихъ волненій такъ любятъ смущать

нашу молодежь. Отнынѣ начальники учебныхъ заведеній смѣло могутъ призывать ввѣренное ихъ попеченію юношество къ исполненію своего долга и къ спокойному изученію наукъ, зная, что этотъ призывъ ихъ найдетъ себѣ поддержку въ лицѣ министра. Сердечная любовь къ юношеству укажетъ имъ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ они возстановятъ столь благодѣтельный въ дѣлѣ воспитанія порядокъ, нынѣ расшатанный въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и нарушенный въ высшихъ.

Съ особенною радостью и сердечнымъ облегченіемъ всѣ благонамѣренные люди встрѣтятъ тѣ слова генерала Ванновскаго, которыя онъ посвящаетъ родителямъ и семьямъ.

Наша «либеральная» печать, въ овладѣвшемъ ею нынѣ слѣпомъ увлеченіи, придавала, какъ извѣстно, находящемуся въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 25 марта призыву родителей и семей совершенно невѣроятное значеніе.

Такъ, напримѣръ, газета *Право* заявила о «полномъ безсиліи семьи» въ дѣлѣ воспитанія, причемъ увѣряла, что это «безсиліе» будто бы *«нельзя объяснить иначе, какъ невозможностью свободнаго и гласнаго обсужденія происходящихъ событій»* *).

С.-Петербургскія Вѣдомости пошли еще дальше: онѣ потребовали «фактическаго приглашенія семьи и родителей къ обсужденію существующихъ недостатковъ и способовъ обновленія и устроенія русской школы».

«Родители и семьи», говорили онѣ, «*только при такомъ призывѣ могутъ выполнить Высочайшую волю* **) и помочь трудному дѣлу обновленія *не только одной школы.* Какъ можетъ быть осуществленъ этотъ фактическій призывъ? Для этого существуетъ цѣлый рядъ весьма цѣлесообразныхъ способовъ: *созывъ всероссійскихъ, съ самымъ широкимъ участіемъ представителей семьи и родителей, съѣздовъ и совѣщаній*, обсужденія на нихъ первооснованій реформы и проектовъ ея» и т. д...

Весь этотъ вздоръ говорился съ такимъ апломбомъ, что многіе легковѣрные люди серіозно подумали, что слова эти въ такой авторитетной газетѣ говорятся не спроста, и что, дѣйствительно, обращеніе Государя къ родителямъ и семьямъ предвѣщаетъ созывъ и всероссійскаго парламента!...

«Приказъ» генерала Ванновскаго, слава Богу, совершенно разсѣиваетъ эту либеральную фантасмагорію. Вотъ то единственно-вѣрное толкованіе, которымъ онъ поясняетъ Высочайшія слова въ Рескриптѣ 25 марта:

«Я приглашаю родителей и семьи учащихся *путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей* помочь ввѣренному мнѣ Министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ, и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и въ ихъ постоянномъ общеніи».

Это—золотыя слова, и каждый истинный педагогъ, всегда мечтающій о дружномъ объединеніи семьи и школы, несомнѣнно оцѣнитъ ихъ по достоинству.

---

*) Курсивъ подлинника.
**) Курсивъ нашъ.

Конечно, нашихъ «либераловъ» они не удовлетворятъ, такъ какъ эти господа ждутъ отъ Правительства не разумныхъ мѣръ, а непремѣнно «уступокъ».

Газета *Право* даже прямо требуетъ этихъ уступокъ, опираясь на выдуманную ею ad hoc государственную теорію. Вотъ этотъ перлъ либеральной софистики:

«*Только замаскированное безсиліе боится уступокъ: истинной силѣ онѣ не страшны*» *).

Нелѣпость этой теоріи очевидна: по ней выходитъ, что Лудовикъ XVI, шедшій на уступки революціонной партіи, обладалъ «истинною силой», а Александръ III, не дѣлавшій ей уступокъ, страдалъ «замаскированнымъ безсиліемъ»!!

Какъ далекъ отъ этой жалкой лже-либеральной премудрости серіозный и твердый тонъ «Приказа» новаго министра Народнаго Просвѣщенія.

«Приказъ» этотъ несомнѣнно многихъ отрезвитъ и успокоитъ; во всякомъ случаѣ онъ разсѣетъ тревожные призраки и водворитъ благодѣтельный порядокъ въ нашу несчастную школу.

---

*) Курсивъ подлинника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1898 годъ.

1899 годъ.

Стран.

1900 годъ.

Стран.

1901 годъ.

2007044872